

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

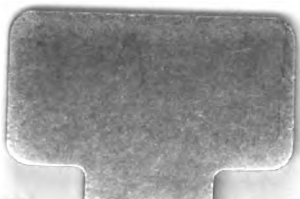
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 51a v 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

АПРѢЛЬ

1881

ДѢЛО

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 4

1881
СОДЕРЖАНІЕ.

- 1. ВАСЮТА. Повѣсть. . . . . **АРДОВА.**
- 2. СПАРТАКЪ. Историческій романъ.
Переводъ съ итальянскаго. (Глава
XIV). . . . . **РАФАЭЛЯ ДЖИОВАННОЛИ.**
- 3. ВЫМИРАЮЩІЯ ОБЩИНЫ ДАЛЬ-
НЯГО ВОСТОКА. . . . . . **П. СУ—ВСКАГО.**
- 4. НОВЫЙ. (Изъ хроники южно-рус-
скаго села). (Окончаніе). . . . . . **Н. Н. ПОТАННКО.**
- 5. КАПИТАНЪ БУРЛЬ. Разсказъ. . . **ЭМИЛІЯ ЗОЛЯ.**
- 6. О НЕРВНЫХЪ ДѢТЯХЪ. . . . . . **В. ЧЕРНОВА.**
- 7. ЗАЖОРА. Разсказъ. . . . . **Н. Н. НАУМОВА.**
- 8. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА. Романъ.
(Часть вторая. Главы I—VIII). . . **УЙДА.**
- 9. РАЗСВѢТЪ. Стихотвореніе. . . **П. Я.**

(См. на оборотѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. НОВЫЕ ТИПЫ „ЗАБИТЫХЪ ЛЮДЕЙ“. (Статья третья). . . . . Ф. Б—А.
„Братья Карамазовы“. Ром. въ 4-хъ частяхъ, съ эпилогомъ, соч. Ф. М. Достоевскаго. С.-Петербургъ. 1881 г.
11. НОВЫЯ КНИГИ.
Ссылка на западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. Н. Я. Фойницкаго. Слб., 1881 г.—Соціальные реформаторы. Г. Д.; Штутгардъ. 1880 г.—Подъ развалинами Помпеи. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Соч. Курти. Съ итальянскаго. Изданіе редакціи газеты „Новости“. Слб., 1881 г.
12. ЖИЗНЬ И ПЕЧАТЬ. (Литературная хроника). . . . . Н. КОЛЬЦОВА.
13. НАШИ СПОСОБЫ ОБЕЗПЕЧЕНІЯ НАРОДНАГО ПРОДОВОЛЬСТВІЯ. . . . . К. Н. В.
14. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . . Н. Ш.
По поводу интеллигенціи и лже-интеллигенціи.
15. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. . . . . Ж—БА.
Англичане въ Южной Африкѣ.
16. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. „Письма знатныхъ иностранцевъ“. . . . . ОТКРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.

Окончаніе романа „ГОРЕ ПОБѢЖДЕННЫМЪ“ будетъ помѣщено въ слѣдующей книжкѣ.

Съ іюльской книжки начнется печатаніе второй части романа Я. П. Полонскаго „КРУТЫЯ ГОРКИ“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1881 г.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

„ДЪЛО“ издается по той-же программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ оно издавалось въ прежнія 14 лѣтъ, при томъ-же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ, подъ общою редакціею Н. В. Шелгунова и при непосредственномъ участіи въ редакціонныхъ работахъ Н. Ф. Важина и Ю. М. Станюковича (Откровеннаго Писателя).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА «ДЪЛО».

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургъ	16 » — »
Съ пересылкою иногороднымъ	17 » — »
Съ пер. за-границу во всѣ государст. и страны .	19 » — »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи журнала «ДЪЛО», по Надеждинской ул., домъ № 39.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтового приема и отвѣтственнаго почтового учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходить по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣло“.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціею просятъ обращаться въ главную контору журнала „Дѣло“ по субботамъ отъ 2—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Е. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881

^Δ
Pslav 236-4 (1881, no. 4)

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.

Гг. подписчики, внесшіе неполную годовую плату, благоволятъ поспѣшить выскою дополнительныхъ денегъ, чтобы не испытать задержки въ полученіи журнала.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно пріобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1871 годъ съ пересылкою	10 р.
„ 1872 „ „	10 „
„ 1876 „ „	8 „
„ 1877 „ „	10 „
„ 1880 „ „	12 „

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 7 апрѣля 1881 года.

ВАСЮТА.

I.

Родилась Васюта въ Крыму, въ маленькой степной деревушкѣ, въ трехъ верстахъ отъ моря. Мамки, няньки за ней не ухаживали, хотя она была помѣщицья дочка. Съ малолѣтства ее предоставляли самой себѣ, не притѣсняли, не бранили, давали полную свободу во всемъ. Расшибется она — ни оханій, ни аханій она не услышитъ. Обижутъ ее, переодѣнутъ, сунуть въ руки деденецъ и — дѣло съ концомъ; послѣ того — реви хоть цѣлый день: никто не запрещалъ, но и вниманія особеннаго на это не обращалось. Васюта, впрочемъ, не была плаксою. Капризничать ей ни съ кѣмъ не приходилось. Приставили къ ней, правда, няньку-старуху, но приставили только для вида. Безпрерывно отрывали эту старуху отъ возложенныхъ на нее формальныхъ обязанностей разными побочными занятіями: то варенье варить, то настойку какую-нибудь дѣлать, то за другими ребятишками присмотрѣть, и Васюта оставалась болѣею частью одна. Не успѣла она научиться стоять и, переваливаясь съ боку на бокъ, передвигать слабенькими ноженками, какъ уже пошла лазить повсюду: то на стулъ вскарабкается, то на столъ, то на окнѣ уместится... „Упадешь, Васюта!“ кричитъ ей изъ сосѣдней комнаты нянька, и часто не успѣетъ это вымолвить, какъ ужъ Васюта летитъ на полъ. „Вишь ты, вострал! ворчитъ старуха, прикладывая мѣдный пятакъ къ ушибленному мѣсту. — Ужо безъ головы останешься!“... Но тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ предостереженіемъ, подчасъ еще съ

влажными отъ слезъ глазенками, Васюта опять карабкается на что-нибудь или кубаремъ скатывается съ крыльца. И все это ей съ рукъ сходило. Сняжки и шишки свидѣтельствовали, правда, о совершаемыхъ ею подвигахъ, но члены оставались цѣлы, и росла она себѣ вольно, привольно, какъ молодое деревцо въ лѣсу. Солнце-ли припечетъ, дождь-ли польетъ—все нипочемъ. Когда-же она научилась бѣгать, то лишь только вскочить съ постели, не успѣетъ нянька умытъ ее, не успѣетъ напоить чаемъ, какъ уже въ домѣ и слѣдъ ея простылъ. Даже зимой, въ ненастную погоду, лишь только небо немного прояснѣетъ, Васюта уже летитъ на улицу плескаться въ лужахъ съ татарчатами. Снявъ башмаки и чулки, поднявъ юбочку выше колѣнъ, пробирается она босоножкой по грязи, и возвращается домой довольная, но мокрая, какъ щенокъ.

Отца эта полная неблаговоспитанность дочки подчасъ смущала.

— Милочка, говорилъ онъ мягко женѣ, — намъ-бы, право, взять кого-нибудь для Васюты. Она у насъ совсѣмъ одичаетъ.

— Пустяки! возражала беззаботно Людмила Павловна, — не одичаетъ! Я такая-же была въ ея годы, а чѣмъ-же я дурная?

Филиппа Антоновича возраженіе это совершенно успокоивало. Въ его глазахъ она не только была не дурная, но безспорно лучшая въ свѣтѣ женщина.

— Вотъ, фрукты продадимъ, и можно будетъ взять гувернантку, прибавляла иногда Людмила Павловна.

Но фрукты продавались, деньги куда-то исчезали, а Васюта продолжала расти, какъ степной жеребенокъ, не зная, не вѣдая стѣсненій.

II.

Жизнь текла мирно въ домѣ Голубинныхъ. Съ зарей поднималась Людмила Павловна, а за ней вся семья. Дѣятельная, энергичная, Людмила Павловна весь день проводила въ движеніи. Всякое дѣло спорилось въ ея маленькихъ ловкихъ рукахъ. Всюду она поспѣвала—и въ поле на работу, и въ лѣсъ на рубку, и къ какой-нибудь татаркѣ на родину, чтобы помѣшать варварскому обычаю качанья и встряхиванья. Не могла она только выносить сидячей жизни. Филиппъ Антоновичъ въ хозяйство не вмѣшивался. Выкуривъ двѣ, три трубки, онъ принимался за газету,

что продолжалось до обѣда, а послѣ обѣда, соснувъ часть, другой, садился либо на крыльцѣ, либо, въ ненастную погоду, располагался поудобнѣе на диванѣ, и газету замѣняла какая-нибудь книга.

Филиппъ Антоновичъ имѣлъ особенное пристрастіе къ сочиненіямъ историческимъ, и преимущественно къ тѣмъ, въ которыхъ подробно излагалась исторія войнъ. Самъ по себѣ человекъ въ высшей степени мирный и незлобивый, онъ весь разгорался и приходилъ въ крайнее волненіе, читая описанія военныхъ дѣйствій. Онъ любилъ потолковать о прочитанномъ и частенько передавалъ женѣ свои соображенія относительно неудачи того или другого плана сраженія, но Людмила Павловна не охотница была до книгъ вообще, а до сочиненій воинственнаго содержанія въ особенности. Въ чтенію Филиппа Антоновича она даже относилась съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, хотя и не препятствовала ему выписывать книги. „Глотаешь книги, какъ галушки, говорила она съ неудовольствіемъ;—а впрочемъ, что ему и дѣлать больше!“

Филиппа Антоновича такое равнодушіе къ его умственнымъ интересамъ иногда огорчало, но онъ приписывалъ его прямо несовершенству женскаго ума вообще и утѣшался въ бесѣдахъ съ отцомъ Сергіемъ, который глубокомысленно и всегда съ одинаковымъ вниманіемъ выслушивалъ его критическіе разборы походовъ и изложеніе новыхъ плановъ сраженій, приговаривая по временамъ: „Да, это точно! Такъ было-бы не въ примѣръ лучше! Удивительно, можно сказать, какъ великіе умы впадаютъ въ такія ошибки! Если-бы повели кампанію такъ, какъ вы изволили изложить—дѣло было-бы выиграно несомнѣнно!“ Въ доказательство своихъ соображеній Филиппъ Антоновичъ приводилъ иногда цѣлыя цитаты изъ книгъ и ссылался на карты военныхъ дѣйствій. И вечерніе часы пролетали въ пріятной бесѣдѣ за стаканомъ чая на крыльцѣ. Людмила Павловна иногда подсаживалась къ нимъ, но она рѣдко принимала участіе въ разговорѣ. Ея вниманіе отвлекалось то тѣми, то другими хозяйственными заботами. Она вставала, уходила, снова садилась, отдавала приказанія, дѣлала свои замѣчанія, прерывая иногда на самой серединѣ разсужденія Филиппа Антоновича. Онъ всегда съ одинаковой готовностью отвѣчалъ ей, не сердясь за перерывъ, и снова съ прежнею горячностью возвращался къ любимому предмету.

Послѣ сытнаго ужина отецъ Сергій садился на своего Ахмет-

ку—косматаго, приземистаго, короткоголоваго иноходчика и шажкомъ, качаясь на сѣдлѣ, какъ въ люлькѣ, отправлялся за три версты домой, увозя въ широкихъ карманахъ расы какое-нибудь объемистое сочиненіе воинственнаго содержанія, съ твердымъ намѣреніемъ прочесть его на досугѣ, а Филиппъ Антоновичъ, разгоряченный предъидущимъ разговоромъ, еще пытался иной разъ потолковать съ Людмилой Павловной, но она большею частью рѣшительно отклоняла эту попытку. Филиппъ Антоновичъ и тутъ не возмущался.

— И въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ,—спать пора! Ты, вѣдь, Милочка, съ пяти часовъ на ногахъ! Одиннадцатый часъ!.. Скажите, пожалуйста! А мы съ отцемъ Сергіемъ и не замѣтили, какъ время пролетѣло. Очень пріятный человѣкъ отецъ Сергій... понимающій человѣкъ!

Въ одиннадцать часовъ все уже спало въ домѣ Голубиныхъ. Однѣ мыши поднимали возню, выдерживая съ перемѣннымъ счастьемъ обычную ночную баталію съ кошками.

III.

— Отчего ты не поздравляешь меня, Лѣвка? спросила однажды Васюта, усаживаясь поудобнѣе на толстомъ сучкѣ абрикосоваго дерева.

Лѣвка, сынъ отца Сергія, девятнадцатилѣтній юноша, осторожно придерживая корзину, на-половину уже наполненную золотистыми абрикосами, карабкался на небольшую лѣстницу, приставленную къ дереву. Добравшись до верхней ступени, онъ помѣстился на ней верхомъ, причемъ длинныя ноги его спустились почти до земли, поставилъ передъ собой корзину, и только тогда обратился къ Васютѣ.

— Съ чѣмъ васъ проздравить прикажете, Василиса Премудрая? промолвилъ онъ сиповатымъ голосомъ.

— Какой сегодня день?

— Середа.

— А какое число?

Лѣвка поднялъ голову, покрытую густыми, коротко-остриженными бѣлокурными волосами и глубокомысленно выпятилъ впередъ крупныя губы.

— Въ воскресенье было 27-е июля... понедельникъ, вторникъ... 30-е июля.

— Ну?

— Ну, ничего.

Васюта зацѣпила рукой длинную вѣтвь и сильно встряхнула ее. Съ десятокъ спѣлыхъ абрикосовъ посыпались на землю. Два, три изъ нихъ не миновали лба Лёвки.

— Къ чему это? Зачѣмъ? бормоталъ сердито Лёвка, потирая рукой лобъ.

Васюта расхохоталась.

— Все-то ты дурачишься, ворчалъ Лёвка.

— А зачѣмъ ты забываешь?

— Что забываешь?

Васюта выпрямилась на своемъ сучьѣ.

— Сегодня, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, начала она, отчеканивая каждое слово, — въ пять часовъ утра, Васса Филипповна Голубина изволила появиться на свѣтъ Божій.

— Великое событіе! Россія возликовала!

Еще нѣсколько абрикосовъ посыпались на землю, но на этотъ разъ Лёвка успѣлъ уклониться въ сторону.

— Есть съ чѣмъ поздравлять, равнодушно продолжалъ онъ, подхватывая на-лету сыпавшіеся абрикосы и опуская ихъ въ корзину.

— Вишь ты какой спѣлый, даже треснулъ, замѣтилъ онъ, кусая большой краснобокій абрикосъ. — А сладкій какой! Погоди, не трясись! Дай съѣсть.

Васюта перестала трясти дерево.

— Вотъ теперь, если-бы я захотѣла, я могла-бы выйти замужъ, безопасно заговорила она, по-дѣтски болтая ногами.

— Очень нужно.

— Конечно, нужно. Не теперь, а года черезъ три, четыре непременно выйду.

— И глупо сдѣлаешь, философски произнесъ Лёвка, выплевывая косточку,

— Ничуть не глупо. Всѣ выходятъ.

— Значить, всѣ глупо дѣлають.

— Ну, ты опять за свое, промолвила съ досадой Васюта. — Снова на себя напускаешь.

Лёвка презрительно шевельнул бровями и не возражалъ.

— Мама правду сказала вчера, продолжала она, надувая губы.

Лёвка не любопытствовалъ узнать, что сказала мама, и Васюта, подождаявъ немного, снова заговорила.

— Она сказала отцу Сергію: „Вашъ Лёвка пріѣхалъ изъ Москвы чудаекъ-чудакомъ. Хмурится, дуется, слова путнаго отъ него не добьешься... только хмыкаетъ да мычитъ“.

— Очень ей пужно вмѣшиваться не въ свое дѣло, процѣдилъ сквозь зубы Лёвка. — Изъ-за нее батяка весь вечеръ пилил меня. Знала-бы свою молочную да кухню.

— И въ самомъ дѣлѣ, ты какой-то чудной сталъ! Прежде былъ такой добрый, простой. Няня говоритъ, что тебя испортили.

— Все у тебя мама да няня на языкѣ, а своего ума, вѣрно, нѣтъ.

Васюта не на шутку разсердилась.

— Грубый, противный мальчишка, произнесла она сквозь слезы. — Уходи сейчасъ! Я одна соберу абрикосы.

Лёвка хладнокровно перекинулъ ногу черезъ ступеньку лѣстницы, чтобы спуститься на землю, но, взглянувъ на Васюту, снова принялъ прежнее положеніе. Она на половину отвернула отъ него голову; губы ея вздрагивали, а по загорѣлой щекѣ, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, медленно катились слезы. Дѣвочка, не оборачиваясь, съ досадою смахнула ихъ рукой.

— Зачѣмъ ты такой! заговорила она, задерживая всхлипыванья. — Я такъ радовалась... Думала, вотъ Лёвка пріѣдетъ, мы будемъ опять все вмѣстѣ... и верхомъ кататься вмѣстѣ... и гулять вмѣстѣ... и на море ѣздить... И я для тебя цвѣты сушила, и камни собирала, какіе ты хотѣлъ... Отца Сергія все спрашивала — скоро-ли пріѣдетъ Лёвка... Вотъ и пріѣхалъ! Ну и что-жъ... Только насмѣхаешься, да ругаешься...

Непослушныя слезки, какъ горошенки, покатались изъ глазъ. Васюта не смахивала ихъ больше. Обвинивъ руками толстый сучокъ и прижавъ къ нему лобъ, она заплакала. Лёвка повернулся на перекладинѣ и чуть-было не потерялъ равновѣсія; онъ перебралъ нѣсколько абрикосовъ, хотѣлъ-было одинъ съѣсть, поднесъ его ко рту, но, подумавъ, положилъ назадъ.

— Чего плакать! Не о чемъ плакать, смущенно проговорилъ онъ.

Васюта не унималась. Она крѣпче прижалась къ узловатому сучку, не обращая вниманія, что онъ впивался въ ея нѣжную кожу. Маленькія ноги въ толстыхъ кожаныхъ саножкахъ нервно шевелились, а худенькія, несложившіяся еще плечи вздрагивали отъ судорожныхъ дѣтскихъ рыданій.

Лѣвка почесалъ за ухомъ. Корзина съ абрикосами стѣсняла его. Онъ обхватилъ ее лѣвой рукой, подвинулся осторожно впередъ, а правой дернулъ Васюту за юбку. Васюта сдѣлала слабое движеніе ногой, чтобы оттолкнуть его.

— Не плачь. Перестань! Какая ты, право, говорилъ Лѣвка, продолжая дергать ее за юбку.—И что это тебѣ вздумалось. Я такой-же, какъ прежде.

— Да, такой-же! повторила Васюта, всхлипывая.

— Не могу-же я бѣситься, какъ прежде. Вы тутъ живете какъ устрицы. Спите да ѣдите; вамъ и дѣла нѣтъ ни до чего на свѣтѣ, а для иныхъ блаженство устрицъ не завидно.

Васюта подняла голову, отбросила за уши вспутавшіяся черные волосы и съ негодованіемъ обернулась къ Лѣвкѣ.

— Живемъ какъ устрицы! Это еще что такое?!

— Ну да, какъ устрицы. Извѣстно, какъ живутъ устрицы. А вотъ, если другого смущаютъ вопросы, сомнѣнья, и онъ не увлекается соленьями да вареньями, ему прохода не даютъ: и проповѣди ему читаютъ, и нитьемъ угощаютъ.

Васюта отерла послѣднія слезинки и, отвернувшись, перебирала рукой листья.

— Вотъ умница! одобрительно сказалъ Лѣвка.—Стоить-ли, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за пустяковъ плакать. Примемся-ка лучше снова за работу.

— Будетъ уже, возразила она вяло.

— Какъ-такъ! Наполнимъ по-крайней-мѣрѣ эту корзину. Людмила Павловна похвалитъ насъ.

Васюта отрицательно покачала головой.

— Аль вразравду разгнѣваться изволили? Эхъ, Васюта!

Васюта, не глядя на него, ловко какъ котенокъ, спустилась на нижній сугъ и оттуда спрыгнула на землю. Лѣвка, стѣсняемый корзиной и длинными ногами, неловко слѣзалъ съ лѣстницы.

— Придержи немного корзину, замѣтилъ онъ, вставъ, наво-

нець, на нижнюю ступеньку. Не получивъ отвѣта, онъ оглянулся. Васюта исчезла.

„Разобидѣлась! подумаль Лѣвка.—Бакая она стала недотрога!“

IV.

Жаркій іюльскій день заканчивался тихимъ, яснымъ вечеромъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца разметались пурпурными снопами по безоблачному небу, заливая его на далекомъ пространствѣ алымъ заревомъ; степь—широкая, волнистая, выжженная полдневнымъ зноемъ, горѣла какъ въ огнѣ. Въ густомъ, дымчато-золотистомъ облакѣ пыли возвращалось домой стадо. Покрикиванье чабановъ, блеянье овецъ и лай овчарокъ сливались съ гнусливымъ пѣніемъ муѳцины, призывавшаго съ минарета правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ.

Филиппъ Антоновичъ сидѣлъ, по обыкновенію, въ ожиданіи ужина, на крылечкѣ и съ одобрительной улыбкой слушалъ стоявшаго около него молодого человѣка въ сѣрой полотняной блузѣ. Молодой человѣкъ былъ пріѣхавшій изъ-за-границы художникъ, сосѣдь Голубинныхъ по имѣнію, задумавшій впервые посѣтить ихъ. Лѣвка сидѣлъ тутъ-же, но въ разговоръ не вмѣшивался.

— Да, надоѣло-таки таскаться на чужбинѣ, говорил молодой человѣкъ.—Хочу пожить на родинѣ. Къ стыду своему долженъ признаться, я и не подозрѣвалъ, что эта часть Крыма такъ хороша! У меня осталось самое смутное воспоминаніе о здѣшнихъ мѣстахъ. Столько лѣтъ болтался за-границей, когда подъ рукою нетронутая почва!

— Именно нетронутая, согласился Голубинъ.—Все заимствуемъ у иностранцевъ, а отечественное забываемъ. Вотъ, къ примѣру, даже въ военномъ отношеніи... нельзя не отдать справедливости нашимъ полководцамъ: великій геній выказывали они. Конечно, не обходилось безъ ошибокъ, но даже ошибки проявляли изумительное дарованіе.

Онъ готовъ былъ развивать эту тему, но гость слушалъ разсѣянно, весь поглощенный красотой разстилавшейся передъ нимъ степи въ ея вечернемъ освѣщеніи, и Филиппъ Антоновичъ, рѣшивъ мысленно, что серьезныя матеріи не должны занимать ху-

дожниковъ, замолчалъ. Звонкая пѣсня и стукъ колесъ заставили ихъ всѣхъ повернуться въ одну сторону.

— Это наши дѣвочки возвращаются съ купанья, промолвилъ Филиппъ Антоновичъ. — Ахъ, съумашедшія! Смотрите, какъ летать!

Къ крыльцу катила телѣга. Васюта на передкѣ правила. Подавшись немного впередъ, она высоко, по-ямщицки, держала возжи и, покрикивая, передергивала ими, тогда какъ сзади, перегнувшись черезъ ея плечо, молодая татарочка нахлестывала нагайкой бедра скачущей во весь духъ лохматой лошаденки. Лиза и Рая, меньшія дочки Голубинныхъ, взвизгивая отъ радости, прыгали въ телѣгѣ какъ козлята, а сопровождавшія ихъ горничныя заливались разудалой пѣсней. У всѣхъ на головахъ были накинута—у кого полотенце, у кого простыня, развѣвающіяся складки которыхъ окрашивались вечернимъ закатомъ въ золотисто-розовый цвѣтъ. Съ гиганшемъ, гамомъ и грохотомъ подкатила телѣга къ крыльцу.

— Что папка, хорошо я правлю? вскрикнула Васюта, поворачивая къ отцу раскраснѣвшееся, смѣющееся лицо. Она кинула возжи подошедшему кучеру и вскочила на ноги. При сдѣланномъ ею движеніи, простыня соскользнула съ головы и мокрыя волосы тяжелыми прядями упали на плечи. Ея простой нарядъ, состоящій изъ темносиней юбки и татарской рубашки изъ желтовато-бѣлой шелковой турецкой матеріи съ широкими открытыми рукавами, перетянутой кавказскимъ поясомъ, выгодно обрисовывалъ ея тоненькую, гибкую, какъ тростникъ, фигурку. Три нитки коралловъ на смуглой шеѣ служили единственнымъ ея украшеніемъ.

Молодой художникъ заглядѣлся на эту фигурку, рельефно выдѣлившуюся среди живописной волнуемой маленькой группы. Горничныя спѣшили высадить дѣвочекъ, но тѣ растеряли свои ракушки и упрямылись. Васюта продолжала стоять, вопросительно поглядывая на отца и на гостя. Ея взглядъ при этомъ мелькомъ скользнулъ на Лѣвку. Она сжала губы и тотчасъ-же отвела глаза. Лѣвка сдѣлалъ неопредѣленную гримасу и, закинувъ лѣвую ногу на правую, продолжалъ съ лѣнливо-равнодушнымъ видомъ попыхивать папиросу.

— Позвольте, я вамъ помогу сойти, весело произнесъ художникъ, подходя къ телѣгѣ.

— О, нѣтъ, я сама! И съ этими словами Васюта очутилась на землѣ.

— Вотъ познакомьтесь, промолвилъ Филиппъ Антоновичъ, освобождаясь отъ меньшихъ своихъ, наперерывъ рассказывавшихъ ему о какой-то находкѣ.— Васюта,—Владиміръ Федоровичъ Булатовъ.

Васюта протянула руку.

— Какимъ-же вы молодцомъ правите! замѣтилъ Булатовъ.

Васюта раздурманилась отъ удовольствія и съ торжествующимъ видомъ взглянула на отца; онъ, посмѣиваясь, погладилъ ее по головѣ.

— Только пожалуйста, если тебѣ вздумается въ другой разъ летѣть сломя голову, то не бери съ собой дѣтей, проговорила Людмила Павловна, выходя изъ комнаты.

— Что-жъ такое, мама! Вѣдь ничего не случилось.

— Нѣтъ, ужь сдѣлай милость, ихъ не вози съ собой. Я видѣла съ гумна, какъ вы летѣли, точно съ цѣпи сорвались.

Людмила Павловна присѣла на крылечко.

— Устала, милочка? спросилъ Филиппъ Антоновичъ.

— Нѣтъ, ничего. Поди сюда, я тебѣ волосы заплету, обратилась она къ Васютѣ.

Васюта сѣла у ногъ матери.

— Давно вамъ слѣдовало пріѣхать въ имѣнье. Арендаторъ совсѣмъ-было раззорилъ его, говорила Голубина гостю, высушивая полотенцемъ густые, мягкіе волосы дочки.

— Мнѣ писали, что онъ дѣйствительно распорядился не совсѣмъ удачно. Впрочемъ, я самъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаю... Зачѣмъ вы заплетаете! съ живостью заговорилъ Булатовъ, внимательно слѣдившій за уборкой волосъ Васюты.—Оставьте ихъ распущенными. Такъ она еще больше похожа на Миньону.

— На кого? переспросила Васюта, поднимая на него большіе черные глаза.

— На Миньону. Развѣ вы не читали Гёте, Василиса Филипповна?

Васюта покраснѣла.

— Нѣтъ, не читала. Меня не Василисой зовутъ, а Вассой, прибавила она вполголоса.

— Васса!.. Въ первый разъ слышу это имя.

— Мы называли ее такъ въ честь моей матери, пояснилъ Филиппъ Антоновичъ.

— На долго вы къ намъ пріѣхали? спросила Людмила Павловна, продолжая, несмотря на замѣчаніе гостя, заплетать въ двѣ косы волосы Васюты.

— На все лѣто. Думаю до осени остаться.

— Вы у насъ соскучитесь, замѣтила Васюта, искоса поглядывая на Лёвку.

— Отчего вы такъ думаете? Я полагаю, напротивъ, мнѣ даже будетъ очень весело.

— Что за веселье! Говорять, мы тутъ живемъ какъ устрицы.

— Кто это говоритъ? съ неудовольствіемъ спросила Людмила Павловна, выпуская изъ рукъ заплетенныя косы.

— Да ужъ кто-бы тамъ ни былъ, а говорятъ, задорно сказала Васюта, сбѣгая съ лѣстницы.

— Какъ устрицы! повторилъ Филиппъ Антоновичъ.— Эхъ, Васюта, что значить языкъ безъ костей!

— Не я говорю — другіе... умные люди говорятъ, возразила Васюта, и при этомъ не утерпѣла, чтобы мелькомъ не взглянуть на Лёвку. Онъ продолжалъ неподвижно сидѣть на скамейкѣ, но брови его были сердито сдвинуты.

— Ага! Злится! подумала Васюта — тѣмъ лучше!... Хотите я вамъ садъ покажу, предложила она Булатову. Тотъ охотно послѣдовалъ за ней.

— А ты отчего съ ними не идешь? спросилъ Лёвку Филиппъ Антоновичъ.

— Чего я тамъ не видалъ? процѣдилъ сквозь зубы Лёвка.

Однако, немного погодя, онъ бросилъ недокуренную папиросу и, гнѣвно переставляя ноги, побрелъ въ садъ... Людмила Павловна неодобрительно покачала вслѣдъ ему головой.

V.

— Филиппъ Антоновичъ спрашивалъ вчера, куда ты пропалъ? Съ недѣлю ужъ тебя тамъ не видали, говорилъ отецъ Сергій своему первенцу, лежавшему съ книгой въ рукахъ на спинѣ въ тѣни орѣшника.

Лёвка молча перевернулъ страницу. Отецъ Сергій, въ свѣт-

ломъ лѣтнемъ подрясникѣ, съ туго заплетенной лоснящейся косичкой на затылкѣ, ставилъ подпорки подъ отягощенные плодыми вѣтви яблонь.

— Бѣгаешь людей, словно заразы какой, продолжалъ онъ немного погодя, не безъ усилія подпирая тяжелую вѣтвь.

Лѣвка и на это промолчалъ.

— Нелюдимство твое до добра не доведетъ. Въ одиночествѣ чрезмѣрно высокое мнѣніе о себѣ получишь. Почитай-ка, что объ этомъ философы толкуютъ. Это будетъ полезнѣе водородовъ и кислородовъ.

Отецъ Сергій дѣлалъ удареніе на второмъ слогѣ и имѣлъ вообще о химіи довольно смутное понятіе, философій-же отдавалъ предпочтеніе передъ всѣми науками.

— Они тамъ соскучились по мнѣ, что-ли? спросилъ Лѣвка съ усмѣшкой.

Отецъ Сергій выбиралъ лежавшія на травѣ подпорки и не тотчасъ отвѣчалъ.

— Бому о тебѣ скучать? Веселья съ тобой мало, сказалъ онъ, поднимая наиболѣе длинную палку и примѣривая ее къ дереву.

— Съ какой стати тогда они вѣчно спрашиваютъ обо мнѣ?

— Бто о тебѣ вѣчно спрашиваетъ? Такъ, къ слову пришлось, и спросили.

— А если только къ слову, то значить я имъ такъ-же мало нуженъ, какъ и они мнѣ.

Отецъ Сергій съ прискорбіемъ покачалъ головой.

— Какъ я посмотрю на тебя Лѣвъ, диво мнѣ! И откуда у тебя такое самомнѣніе берется, что кажешься ты себѣ превыше людей! Читай философовъ, говорю тебѣ. Вотъ хоть-бы древнихъ: „познай себя“, сказалъ мудрецъ.

Отецъ Сергій прервалъ свою работу, чтобы отереть платкомъ потъ съ лица. Лѣвка притворно зѣвнулъ.

— Бто у нихъ былъ вчера? спросилъ онъ какъ-бы нехотя.

— Булатовъ былъ.

— Онъ у нихъ, кажется, съ утра до ночи живетъ, не безъ ироніи замѣтилъ Лѣвка.

— Худого въ этомъ нѣтъ. Что ему одному дѣлать на хуторѣ. Въ хозяйству онъ не пристрастенъ.

— Конечно, утѣшительнѣе свое бездѣлье раздѣлять съ другими.

— А ты, вѣрно, теперь дѣло дѣлаешь, лежа на спинѣ, промолвилъ съ неудовольствіемъ отецъ Сергій, опуская засученные рукава подрясника и собираясь уходить.

Лѣвка не отвѣчалъ и снова взялся за положенную во время разговора книгу.

— Идите обѣдать! крикнула имъ мать-попадья, пухленькая женщина въ темной ситцевой блузѣ, съ румяными какъ маковъ цвѣтъ щеками.

За обѣденнымъ столомъ, за которымъ помѣщалась многочисленная семья отца Сергія, всегда было и тѣсно, и шумно. Надо было удивляться, съ какой быстротой мать-попадья одѣляла пшеничными пирогами и кусками жареной баранины своихъ голодныхъ птенцовъ. Ихъ далеко не птичій аппетитъ составлялъ не малую часть заботъ отца Сергія, достатковъ котораго едва хватало на прокормленіе столькихъ желудковъ. Послѣ обѣда домъ священника превращался въ сонное царство. Кто ложился на сѣновалѣ, кто въ комнатѣ, кто въ саду. Лѣвка одинъ не слѣдовалъ общему примѣру. Такъ и теперь, когда, вставъ изъ-за стола, всѣ разбрелись по своимъ угламъ, Лѣвка снялъ съ гвоздя шляпу и заглянулъ въ полуотворенную дверь гостиной, гдѣ отецъ Сергій привыкъ отдыхать послѣ обѣда и откуда онъ въ настоящую минуту съ озабоченнымъ видомъ выгонялъ мухъ.

— Я возьму Ахметку, сказалъ Лѣвка.

— Ты куда? спросилъ отецъ Сергій, не прерывая своего занятія.

— Такъ, прокатиться.

— Что еще выдумалъ! Въ такой жаръ! Къ Голубиннымъ не поѣдешь?

— Нѣтъ.

Однако, выѣхавъ изъ воротъ, онъ безъ колебаній повернулъ лошадь на дорогу къ знакомому хутору.

VI.

Было около трехъ часовъ пополудни, когда Лѣвка подѣхалъ къ дому Голубинныхъ. Солнце, казалось, прожигало насквозь засохшую, треснувшую во многихъ мѣстахъ землю. На жгучей си-

невѣ неба не видѣлось ни одного облачка. Сухой, горячій вѣтеръ привольно разгуливалъ по степи, поднимая цѣлыя столбы мелкой пыли. Ни малѣйшаго пороха не слышалось вокругъ дома; ставни, двери—все было на-глухо заперто; даже куры на дворѣ—и тѣ попрятались. Одни воробы, попрыгивая на крыльцѣ, подбирали неразнесенныя вѣтромъ крошки. Весь мокрый, съ взъерошенной шерстью, Ахметка уныло помахивалъ хвостомъ, сгоняя неотвязчивыхъ слѣпней. Лѣвка привязалъ его на дворѣ подъ акаціей, а самъ, обойдя домъ и никого не встрѣтивъ, пошелъ въ садъ. И тамъ царствовала такая-же тишина какъ и въ домѣ. Неторопливо шелъ онъ по узкой тропинкѣ вдоль привольно разросшихся фупдуковъ, направляясь къ рѣчкѣ, гдѣ, онъ зналъ, Васюта проводила послѣобѣденныя, самыя жаркія часы дня. Онъ уже находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кущи ивъ, между которыми пробиралась рѣчка, когда ему послышались голоса.

— Этотъ Булатовъ опять здѣсь, подумалъ онъ съ досадою.

Онъ свернулъ въ сторону, но вмѣстѣ съ тѣмъ, почти противъ воли, сдѣлалъ это такъ, чтобы видѣть разговаривающихъ.

На объемистомъ пнѣ сидѣлъ Булатовъ; развернутый альбомъ лежалъ у него на колѣнахъ; онъ рисовалъ. Васюта, съ причудливою гирляндой изъ водяныхъ травъ и лилій на распущенныхъ волосахъ, стояла въ полу-оборотъ къ нему, склонившись надъ водою. Всячія вѣтви плакучей ивы служили ей удачною рамкой.

— Еще немножко... только нѣсколько штриховъ, упрашивалъ Булатовъ.

— Устала. Не могу больше стоять, нетерпѣливо промолвила Васюта.

— Ахъ, какая вы, право! Еще-бы минутъ пять, и этюдъ—готовъ.

Васюта отрицательно тряхнула головой, сѣла на траву и обхватила колѣни руками. Булатовъ съ сожалѣніемъ закрылъ альбомъ.

— Отчего вы такая скучная? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Оттого, что скучно.

— Благодарю за комплиментъ.

— Не съ вами скучно, а такъ... вообще...

Булатовъ молчалъ.

— Вы начали читать Гёте? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Какую-же вы книгу читали сегодня и вчера такъ усердно, что васъ даже нельзя было вытащить изъ комнаты.

Васюта покраснѣла.

— Вѣрно что-нибудь запрещенное? допрашивалъ смѣясь Булатовъ.

— Мнѣ никто ничего не запрещаетъ, строптиво возразила Васюта.

— Такъ что-же это такое?

— Прудонъ „Объ искусствѣ“, промолвила не безъ запинки Васюта, краснѣя еще больше.

Булатовъ выразилъ на лицѣ своемъ крайнее изумленіе.

— Прудонъ! повторилъ онъ: — Ну и понравился онъ вамъ?

— Не очень, неохотно отвѣтила она.

— Онъ показался вамъ скучнымъ?

— Да, немножко, нервѣнительно согласилась съ нимъ Васюта.

— Еще-бы. Кто вамъ его предложилъ?

— Лѣвка... Лѣва, поправила Васюта.

— Этотъ угрюмый юноша пользуется большимъ авторитетомъ въ вашихъ глазахъ, не безъ досады замѣтилъ Булатовъ.

— Онъ очень умный, съ увѣренностью сказала Васюта. — Если-бы вы знали, сколько онъ перечиталъ! Столько мнѣ никогда не перечитать, никогда! повторила она съ отчаяніемъ.

— Придетъ время, и вы все перечитаете, если ужъ вамъ этого непременно такъ хочется.

— Нѣтъ, никогда этого не будетъ, уныло произнесла Васюта.

— Отчего-же не будетъ?

— Оттого, что я терпѣть не могу читать.

Булатовъ разсмѣялся. Васюта даже не улыбнулась.

— Какая вы чудная! Кто вамъ велитъ корпѣть надъ книжкой?

— Я не хочу быть глупой... не хочу, чтобы меня называли глупой! съ сердцемъ проговорила Васюта.

— Кто васъ такъ называетъ?

Васюта не отвѣчала. Ея обыкновенно свѣтлое, полное жизни, дѣтское лицо осупулось и словно постарѣло. Булатовъ повторилъ свой вопросъ, но и на этотъ разъ не послѣдовало отвѣта. Тогда онъ всталъ, опустился передъ нею на колѣни и осторожно разжалъ ей руки.

— Васюта, посмотрите на меня, промолвилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Васюта изъ-подлобья взглянула на него и улыбнулась.

— Такъ-то лучше, весело произнесъ онъ. — Теперь скажите мнѣ, кто внушилъ вамъ такія мысли? продолжалъ онъ, поштычаясь на травѣ около нея.

Васюта, съ легкимъ восклицаніемъ, подалась впередъ.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Лёвка! проговорила она поспѣшно. — Смотрите, это онъ?.. Вѣдь онъ?..

Булатовъ отвѣчалъ утвердительно. Трудно было сомнѣваться. Высокая, нѣсколько сутуловатая фигура Лёвки отчетливо выдѣлялась на темномъ фонѣ фундуковъ. Онъ, медленно, тяжело ступая, переходилъ рѣчку шагахъ въ тридцати отъ нихъ.

— Онъ насъ не видѣлъ, сказала съ безпокойствомъ Васюта. — Я его позову. Лёва! крикнула она звонкимъ голосомъ.

Лёвка продолжалъ идти своей дорогой, не оборачиваясь. Васюта вскочила на ноги и вторично крикнула: „Лёва!“ Но и на этотъ разъ онъ не обернулся и, перейдя рѣчку, пошелъ въ противоположную отъ нихъ сторону.

— Не можетъ быть, чтобы онъ не слышалъ, началъ-было Булатовъ, но Васюта уже скакнула съ берега на ближайшій камень, торчавшій изъ воды, и, перепрыгивая съ камня на камень, многомъ очутилась на другой сторонѣ, а тамъ, нырнувъ какъ птица въ кусты, кинулась въ погоню за Лёвкой.

VII.

Лёвка шелъ себѣ впередъ, не оглядываясь. Онъ слышалъ ея призывъ, слышалъ ея ускоренные шаги за собой и продолжалъ идти все той-же мѣрной, тяжелой походкой.

— Лёвка! произнесла Васюта захывшимся голосомъ, хватая его за полы сюртука.

Онъ остановился, равнодушно посмотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся лицо и растрепавшіеся волосы, въ густыхъ прядяхъ которыхъ еще цѣплялись кое-гдѣ листья упавшей по дорогѣ гирлянды, и равнодушно произнесъ:

— А, это ты! Здравствуй.

Онъ снова двинулся впередъ, но Васюта удержала его; она положила руку ему на рукавъ и смотрѣла на него тревожными глазами.

— Ты не слыхалъ, какъ я звала тебя? спросила она.

Лёвка, не отвѣчая, пошевельнулъ локтемъ, чтобы отстранить ее.

— Что я тебѣ сдѣлала? сказала Васюта умоляющимъ голосомъ.

— Ты мнѣ ничего не сдѣлала, промолвилъ онъ сухо и опять попытался освободить свой локоть, на этотъ разъ успѣшно. Васюта отняла руку. Лёвка двинулся впередъ. Когда онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ нея, она вернулась и тихо пошла обратно по прежней дорогѣ.

Булатова подъ ивами уже не было. Стрекозы, сверкая прозрачными какъ стекло крылышками, весело поржали надъ водой; деревья, сплетаясь зелеными вершинами, не пропускали палящихъ лучей солнца, и такъ уютно, такъ прохладно было въ этомъ мирномъ тѣнистомъ уголкѣ, что тревоги и грусти, казалось, не могло быть и мѣста. Но сердце Васюты не знало покоя; въ немъ закинула обида и къ глазамъ подступали слезы.

— Ты одна? произнесъ вдругъ Лёвка сзади нея.

Васюта вздрогнула при его неожиданномъ появленіи, но не обернулась. Лёвка присѣлъ на пенъ.

— Ну, ты довольна? заговорилъ онъ. — Твое желаніе скоро сбудется.

— Какое желаніе? отрывисто спросила Васюта, не глядя на него.

— У тебя, кажется, только одно желаніе—выйти замужъ.

Васюта быстро обернулась къ нему, такъ быстро, что длинная прядь волосъ ударила ей въ лицо.

— Зачѣмъ ты выдумываешь! вскрикнула она, нетерпѣливо откидывая назадъ волосы.

— Какже! Намедни еще говорила, что хочешь выйти замужъ, а тутъ какъ-разъ и женихъ нашелся.

— Я этого не говорила, и никакого жениха у меня нѣтъ, рѣшительно сказала Васюта.

— А Булатовъ? Онъ и ручки жметъ, и на правахъ жениха обнимаетъ.

— Что-жъ такое! Онъ добрый, ласковый...

— Разумѣется! Какъ не похвалить жениха.

— У меня нѣтъ жениха, нѣтъ и не было! съ ожесточеніемъ повторила Васюта.

Лёвка съ угрюмой усмѣшкой глядѣлъ на нее.

— Не было, такъ будетъ. За этимъ добромъ дѣло не станетъ. Чѣмъ ты не невѣста. Выйдешь замужъ... хоть-бы за этого самого Булатова... и пойдетъ у васъ жизнь, какъ по маслу. Рас-толстѣешь, раздобрѣешь...

— А тебѣ что за дѣло? Выйду, такъ выйду, твоего позволенія не спрошу! гнѣвно перебила его Васюта, вскакивая и становясь передъ нимъ.

— Зачѣмъ спрашивать. Я только порадуюсь.

— Не нужно мнѣ твоей радости, а если... если...

Голосъ Васюты задрожалъ; она проглотила слезы и продолжала, задыхаясь:

— Если ты такой гадкій, злой, если такъ не любишь, такъ ненавидишь меня, насъ всѣхъ, то зачѣмъ ты приходишь къ намъ, зачѣмъ, зачѣмъ?.. Ну, мы никуда не годимся... ну, живемъ какъ устрицы... ну, и оставь насъ, продолжала она, задерживая рыданія.

Лёвка съ смущеніемъ отвернулся отъ нея.

— Нѣтъ, отчего ты сталъ такой? жалобно проговорила она, поднимая на него полные слезъ глаза.

Лёвка, кусая губы, глядѣлъ на воду. Васюта приблизилась къ нему и обвила его шею руками.

— Лёва, прошептала она, — милый Лёва!

Лёвка притянулъ ее къ себѣ, поднялъ ей голову, и крѣпко, почти грубо поцѣловалъ ее въ губы, но тотчасъ-же, словно устыдившись своей слабости, отстранилъ ее отъ себя и поспѣшно ушелъ.

VIII.

Дня три спустя, Лёвка объявилъ отцу Сергію, что намѣренъ вернуться въ Москву.

— Вотъ тебѣ на! съ изумленіемъ вскричалъ отецъ Сергій. — Ты имѣешь право остаться еще цѣлый мѣсяцъ.

— Надо приготовиться. Здѣсь я совсѣмъ разлѣнился, отрывисто промолвилъ Лёвка.

— Эго, братъ, все выдумки! Гдѣ я тебѣ сейчасъ денегъ достану на дорогу?

— Нельзя-ли какъ-нибудь? Можетъ у Голубиныхъ... Получите за фрукты, отдадите.

— У нихъ! Эхъ, Левъ, какой ты неразумный, какъ я погляжу! Когда-же у Голубиныхъ была какая ни-на-есть заваливающаяся копѣйка.

Лёвка на это ничего не возразилъ.

— Ахметку можно взять? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Ни, ни; и не думай! живо заговорилъ отецъ Сергій.— Ты намедни совсѣмъ загналъ его...

— Такъ я Ваську возьму.

— Пожалуй, Ваську бери, согласился отецъ Сергій. Онъ вообще не любилъ отказывать.

Васька былъ старый мулъ, исполнявшій всѣ тяжелыя домашнія работы, тогда-какъ Ахметка служилъ отцу Сергію только для короткихъ поѣздокъ.

Запряженный въ телѣгу, Васька, съ присущею ему медленностью, повезъ Лёвку къ Булатову.

Просторныя сѣни раздѣляли небольшой домикъ Булатова на двѣ половины; на одной поселился хозяинъ, а на другой жилъ приказчикъ съ женой и дѣтьми.

Маленькая дѣвочка, въ разодранной на плечахъ рубашенкѣ, указывала на порогъ спеленатаго въ головной платокъ котенка. На вопросъ: дома-ли баринъ? она пальцемъ указала въ сѣни. Лёвка недоумѣвалъ: въ которую дверь войти. Дѣвочка занялась котенкомъ, выразившимъ желаніе освободиться отъ навязанныхъ ему пеленокъ, и не отвѣчала на вторичный вопросъ: гдѣ Юрій Николаевичъ? Но самъ Юрій Николаевичъ, въ одною бѣльѣ— такъ-какъ было еще очень жарко—осторожно пріотворилъ свою дверь.

— А, Левъ Сергѣичъ! Какими судьбами? Милости просимъ, промолвилъ онъ и ввелъ гостя въ большую прохладную комнату съ закрытыми ставнями.

Длинные турецкіе диваны тянулись вдоль стѣнъ комнаты. Одинъ изъ нихъ служилъ постелью хозяину. У окна стоялъ мольбертъ съ начатою картиной, на полу, на стульяхъ валялись краски, кисти въ перемѣшку съ галстуками, сорочками и сапогами. Воздухъ

былъ пропитанъ запахомъ масляныхъ красокъ и табачнымъ дымомъ.

— Садитесь, предложилъ Булатовъ, самъ усаживаясь на свою постель.— Вы сейчасъ попривыкнете къ темнотѣ. Хотите курить?

Лёвка закурилъ предложенную папиросу. Хозяинъ тоже закурилъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, началъ Лёвка.

— Чѣмъ могу служить?

— Не можете-ли вы дать мнѣ немного денегъ взаймы? рѣзко произнесъ онъ.

Полумракъ скрылъ горячую краску, разлившуюся по лицу его до самыхъ корней волосъ. Булатовъ пошевелинулся на постели.

— Сколько вамъ надо? спросилъ онъ нерѣшительно.

— Рублей тридцать.

Булатовъ пріотворилъ ставень, нашелъ среди хаоса жилетъ, а въ немъ бумажникъ. Бумажникъ былъ набитъ не туго, однако три красненькихъ въ немъ нашлись. Онъ вынулъ ихъ и передалъ Лёвкѣ.

— Отецъ дастъ расписку, проговорилъ Лёвка, не поднимая на него глазъ и комкая бумажки въ рукѣ.

Булатовъ заперъ ставень и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Это совершенно лишнее, замѣтилъ онъ небрежно.— Когда-нибудь сочтемся.

— Онъ черезъ мѣсяцъ непремѣнно вернуть.

— Стоить-ли объ этомъ толковать! Не хотите-ли чего-нибудь выпить: кофе или холодной воды съ розовымъ вареньемъ?

Лёвка отказался.

— Снимите сюртукъ, жарко, сказалъ Булатовъ.

— Нѣтъ, ничего; мнѣ не жарко, возразилъ Лёвка, и дѣйствительно, его скорѣй знобило.

— А вамъ, я думаю, пріятно было вырваться сюда на волю. Вы на которомъ курсѣ?

— На второмъ.

— Много работы?

— Порядочно.

Они помолчали.

— Я ѣду послѣ-завтра въ Москву, объявилъ вдругъ Лёвка.

Булатовъ приподнялся на постели.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ вы скоро собрались!

Лѣвка промолчалъ.

— Съ Голубинными вы вѣрно уже простились? неувѣренно спросилъ Булатовъ.

— Нѣтъ еще.

Булатовъ помялся.

— Рано-же вы увѣжаете, заговорилъ онъ снова.— Въ Алсу безъ васъ будутъ скучать. Васъ тамъ любятъ.

Со стороны гостя и на это не послѣдовало никакого возраженія.

— Если я не ошибаюсь, вы еще съ дѣтства знакомы съ Вассой Филипповной?

— Да, мы росли вмѣстѣ. Между нами всего три года разницы.

Считая вѣроятно, что этими словами онъ въ должной мѣрѣ закруглилъ свое посѣщеніе, Лѣвка всталъ и протанулъ на прощанье руку хозяину.

— Вы уже ѣдете? Добрый путь, промолвилъ Булатовъ, радушно пожимая ему руку и провожая его на крыльцо.

IX.

Васька самымъ медленнымъ своимъ шагомъ плелся знакомой дорогой. Порой онъ косился назадъ, какъ-бы удивляясь, что его никто не попускаетъ, но, убѣдившись въ отсутствіи поощреній, заблагоразсудилъ пощипать травку. Недолго думая, онъ свернулъ съ дороги. Толчокъ вѣхавшей на косогоръ телѣги вывелъ Лѣвку изъ задумчивости. Онъ потянулъ возжи и не особенно ласково погладилъ кнutomъ спину Васьки. Васька съ негодованіемъ встряхнулъ длинными ушами, но шагу не прибавилъ. Такъ они мирно тащились себѣ по дорогѣ. Лѣвка разрѣшалъ мысленно вопросъ: вернуться-ли ему теперь домой, или нѣтъ, и все еще не рѣшилъ его, когда, поднявъ случайно голову, увидалъ впереди себя чело-вѣка въ длиннополомъ сюртукѣ съ узелкомъ подъ мышкой. То былъ дьячокъ. Васька опять почувствовалъ непріятное прикосно-веніе кнута въ жирнымъ бокамъ и, подъ впечатлѣніемъ неожиданности, затрусилъ безтолковой рысцой. Услыхавъ стукъ колесъ, дьячокъ остановился.

— Садитесь, Кузьмичъ, я васъ подвезу, сказалъ Лёвка.

— Вотъ за это спасибо, Левъ Сергѣвичъ. Я ужь не чаюль какъ домой добраться, заговорилъ Кузьмичъ, взбираясь на телѣгу.— Совсѣмъ, кажется, того, низко, а печеть, прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на солнце.

— Откуда? спросилъ разсѣянно Лёвка.

— На хуторъ, къ кумѣ ходилъ. Ссудилъ ей деньжонокъ еще прошлой весной. На образъ клялась, какъ брала, что въ Рождеству вернетъ. А вотъ, теперь ужь второе Рождество на носу, а все—сегодня да завтра, сегодня да завтра.

Кузьмичъ съ сердцемъ высморкался въ бумажный клѣтчатый платокъ и, свернувъ его комочкомъ, обтеръ потъ, обильно струившійся съ морщинистаго коричневаго, какъ пряникъ, лица.

Замѣчаніе Кузьмича напомнило Лёвкѣ деньги, взятныя у Булатова. Онъ оцупалъ ихъ въ карманѣ и насупилъ брови. Васька свернулъ-было направо, но Лёвка вдругъ остановилъ его, переложилъ возжи въ руки Кузьмича, а самъ выскочилъ изъ телѣги.

— Поѣзжайте домой, сказалъ онъ.—Я пойду въ Алсу.

— Я васъ подвезу... началъ-было Кузьмичъ.

— Не стоитъ; тутъ не далеко.

— Версты полторы слишкомъ...

Но Лёвка уже шелъ полемъ, не слушая Кузьмича.

— Вольному воля, пробормоталъ Кузьмичъ, очень довольный, что ему не пришлось идти пѣшкомъ.

Васька тоже былъ доволенъ перемѣной правленія. Кузьмичъ только почмокивалъ въ знакъ поощренія, но кнута въ дѣло не пускалъ, можетъ оттого, что, проживъ съ Васькой десять лѣтъ, онъ къ его нраву примѣнился.

Х.

— Останься ночевать, предложила Людмила Павловна Лёвкѣ.

Лёвка, подумавъ немного, согласился. Онъ весь вечеръ просидѣлъ на крыльцѣ въ обществѣ Филиппа Антоновича. Васюту онъ тщательно избѣгалъ и о своемъ отъѣздѣ никому не сообщилъ.

— Приходи на Бобкину могилу, шепнулъ онъ Васютѣ, послѣ ужина.

Могилка эта была вырыта ими обоими для любимой собаки Васюты, Боба, погибшаго въ борьбѣ съ волками. Они собственно ручно, при помощи кучера, положили обглоданные остатки бѣднаго Боба въ яму, закопали его, обложили дерномъ и, поверхъ всего, съ немалымъ трудомъ навалили каменную плиту, на которой нацарапали имя Боба, день его рожденія и кончины. Могилка эта заросла, камень глубоко врѣзался въ землю и время стерло нацарапанныя на немъ буквы, но самъ пригорокъ сохранилъ названіе Бобкиной могилки.

Когда въ домъ все стихло, Лѣвка вышелъ изъ дому и направился къ пригорку. Васюта уже ждала его. Она сидѣла на плиткѣ Бобкиной могилки и молча подвинулась, чтобы дать ему мѣсто около себя. Ночь была теплая, свѣтлая; мѣсяцъ высоко стоялъ на чистомъ, ясномъ небѣ. Синевато-бѣлая степь лежала передъ ними величавая, спокойная. Вдали, въ лощинкѣ, видѣлись, затѣненные деревьями, неясныя очертанія татарскихъ хатокъ. Лунные лучи, скользя по нимъ, захватывали то край черепичной крыши, то загорались лазоревымъ свѣтомъ въ темныхъ маленькихъ оконцахъ, то играли на полумѣсяцѣ минарета. Деревня спала; однѣ собаки бодрствовали, но и тѣ по временамъ умолкали, и тогда одно стрекотанье кузнечика наполняло ночной, увлажненный свѣжими степными испареніями воздухъ.

— Я ѣду завтра, промолвилъ Лѣвка.

— Куда?.. Зачѣмъ? вскрикнула Васюта, озадаченная такимъ вступленіемъ.

— Въ Москву.

Васюта съ испуганнымъ недоумѣніемъ глядѣла на него.

— Я виноватъ передъ тобой, заговорилъ онъ, избѣгая смотрѣть на нее.—На дняхъ въ саду я поступилъ какъ пошлякъ, да... какъ пошлякъ! подтвердилъ онъ, не безъ удовольствія казня себя.—Тутъ воздухъ какой-то растлѣвающій. Волей-неволей втягиваешься.

Васюта отодвинулась отъ него.

— Чего добраго, пожалуй, превратишься въ такой-же паточный леденецъ, какъ... какъ...

Онъ хотѣлъ сказать „какъ Булатовъ“, но воспоминаніе о занятыхъ деньгахъ заставило его проглотить имя, вертѣвшееся у него на языкѣ. Васюта ничего не понимала. Она чувствовала только,

что онъ злится, какъ она выражалась, и въ ея сердцѣ, настроенномъ за минуту передъ тѣмъ такъ мягко и дружелюбно, шевельнулась досада. Лёвка дѣйствительно злился, но только на себя. Онъ совсѣмъ не такъ продолжалъ задуманный разговоръ, какъ предполагалъ, перешелъ на личность, и вышло совсѣмъ не то, что надо.

— Вотъ тоже... что я сказалъ о женихахъ, это тоже... тоже чепуха! произнесъ онъ. — Ты не сердись.

Онъ искоса взглянулъ на нее и протянулъ руку. Васюта неохотно положила въ нее свою.

— Не поминай меня лихою, сказалъ онъ. — Кто знаетъ, можетъ больше и не увидимся.

Васюта встрепенулась; минутная досада разлетѣлась какъ дымъ.

— Отчего? Развѣ ты больше къ намъ не прійдешь? спросила она.

— Мало-ли что можетъ съ кѣмъ случиться.

Васюта нерѣшительно положила ему руку на плечо. Онъ не отстранилъ ее. Ободренная, она придвинулась къ нему.

— Я-бы, пожалуй, тебѣ сказалъ, продолжалъ онъ, — только...

— Что только? заговорила поспѣшно Васюта. — Ты это напрасно, Лёва. Мнѣ все можно сказать. Я не разболтаю.

— Разболтать ты не разболтаешь, но ты еще молода.

— Только на три года моложе тебя.

— Не годами молода, а разсудкомъ.

Строптивное возраженіе готово уже было сорваться съ языка Васюты, но она задержала его и кротко произнесла:

— Говори, Лёва.

— Не знаю, какъ тебѣ это объяснить... Приходило-ли тебѣ въ голову, что нашъ народъ — несчастный, т. е. мужикъ, простой мужикъ — несчастный, что онъ голодаетъ, бѣдствуетъ?..

— Въ Алсу такихъ нѣтъ, возразила не безъ робости Васюта.

— То татары; татары не пуждаются. Нѣтъ, а нашъ русскій мужикъ?

Васюта отрицательно покачала головой.

— То-то и есть. Развѣ я не правъ, говоря, что ты мало думаешь, мало всматриваешься въ жизнь. Знаешь-ли, какъ зовутъ такихъ людей? Трутнями. Я былъ такой-же, какъ вы всѣ тутъ, пока мнѣ не открыли глаза. Еще два года тому назадъ я былъ такой-же... И ты могла-бы измѣнить свою жизнь, если-бы захотѣла.

— Я хочу, Лёва, умоляющимъ голосомъ произнесла Васюта.

Лёвка ласково взглянулъ на нее и взялъ ее за руку.

— Ты вправду хочешь? Но вѣдь для этого тебѣ надо себя совершенно передѣлать. Учиться, читать, и читать не однѣ только побасѣнки.

— Читать Прудона, безнадежно промолвила Васюта.

— Не одного Прудона... Видишь-ли, Васюта, я много о тебѣ думалъ эти дни, очень много. Ты мыслишь еще по-ребячески: жизнь твоя пустая, но у тебя сердца много, и есть у тебя огонекъ, а съ этими задатками ты можешь выйти на другую дорогу. Я помогу тебѣ, и не только я, но другіе, тѣ, съ которыми я-бы хотѣлъ тебя сблизить.

Лёвка остановился.

— Слышала-ли ты, продолжалъ онъ, понижая голосъ и съ напращеніемъ взглядываясь въ синевато-мглистую даль, — слышала-ли ты о тѣхъ, которые всю жизнь свою посвятили на служеніе народу?.. Да, ты слышала... При мнѣ на дняхъ у васъ говорили о нихъ, и называли съумашедшими. Они не подозрѣвали, что за однимъ столомъ съ ними сидитъ одинъ изъ такихъ съумашедшихъ.

— Лёва, ты?! со страхомъ прошептала Васюта.

— Да, я. Тебѣ я скажу... Ты должна это знать, и ты должна знать, что я это съумашество не промѣняю на ихъ тупое самодовольство. Нѣтъ, не промѣняю. И ты это поймешь, когда... когда соединишься съ нами.

Васюта, блѣдная, холодная, съ жаднымъ нетерпѣніемъ ловила каждое слово. Его голосъ, пониженный до полупшопота, производилъ на нее неотразимое дѣйствіе и заставлялъ всю кровь ея приливать къ сердцу.

Волненіе не дало ему продолжать. Рука его до боли сжимала похолодѣвшую руку Васюты, но Васюта не чувствовала боли. Она не вполне понимала смыслъ его тревожныхъ, несвязныхъ словъ, но въ его сдавленномъ дрожащемъ голосѣ, въ его блѣдномъ взволнованномъ лицѣ было что-то такое, что проникало ее и страхомъ, и благоговѣніемъ, и какимъ-то сладостно-тревожнымъ предчувствіемъ намѣченной имъ многострадальной жизни.

Лёвка хотѣлъ продолжать, но голосъ не повиновался ему. Онъ притянулъ ее къ себѣ и обнялъ ее. Никогда еще въ душѣ его не было столько мягкости и нѣжности къ ней, какъ въ эту ми-

нуту. Васюта поняла это безъ словъ и, довѣрчиво прижавшись къ нему, положила голову ему на плечо.

Степь по-прежнему въ ненарушимомъ покоѣ разстилалась передъ ними, и луна озаряла ихъ ровнымъ, тихимъ сіяніемъ. Было нѣчто торжественное въ этой теплой, ясной южной ночи, и въ нихъ самихъ что-то росло, поднималось, расширялось, что-то такое, что не выливалось въ словахъ, но заставляло слезы подступать къ горлу и наполняло ихъ обоимъ еще неиспытаннымъ доселѣ счастьемъ.

— Теперь я не въ состояніи входить въ подробности, промолвилъ Лѣвка, когда они возвращались домой. — Я буду писать тебѣ.

Трепетно-радостное настроеніе не покинуло Васюту и тогда, когда она осталась одна въ своей комнатѣ. Слабый свѣтъ занимающагося дня проникалъ сквозъ открытое окно и свѣжій утренній вѣтерокъ колыхалъ бѣлую занавѣску. Васюта, отдернувъ ее, сѣла на подоконникъ. Звѣзды померкли; небо подернулось блѣдно-розоватыми полосами. Садъ просыпался. Чирикая, выпархивали ласточки изъ своихъ гнѣздъ; ящерицы зашелестѣли въ травѣ; вьющіяся чайныя розы протягивали въ окно блѣдныя, благоуханныя головки, орошенныя крупной росой. Васюта потянула одну изъ нихъ къ себѣ и, не срывая, прижала къ горячимъ губамъ и глазамъ. Прохлада цвѣтка освѣжила ее. Невольный вздохъ, вздохъ облегченія, вырвался изъ ея стѣсненной груди; она выпрямилась и съ счастливой улыбкой на юномъ, поблѣднѣвшемъ отъ волненія лицѣ простерла руки впередъ, точно ей хотѣлось обнять все окружающее.

XI.

Приближеніе зимнихъ мѣсяцевъ и неизбѣжно связанной съ ними непогоды словно изгнало изъ дома Голубиныхъ столь присущіе ему миръ и согласіе. Все, повидимому, шло какъ и прежде. Людмила Павловна хозяйничала, Филиппъ Антоновичъ почитывалъ свои книжки и бесѣдовалъ о прочитанномъ съ отцемъ Сергіемъ; все, казалось, шло по старому, тѣмъ не менѣ посторонняя нотка ворвалась въ свѣтлую гармонию семейнаго счастья, и нотка эта все усиливалась и звучала все рѣзче и рѣзче. Васюта съ каждымъ днемъ становилась тише, спокойнѣе, съ каждымъ днемъ она

все больше уединялась; рѣже и рѣже находили на нее минуты веселья, когда, вдругъ вырвавшись изъ какихъ-то наложенныхъ ею на себя оковъ, она поднимала весь домъ вверхъ дномъ и рѣзвилась, какъ выпущенный на волю жеребенокъ. Послѣ каждой подобной вспышки немедленно наступала реакція. Еще другіе продолжаютъ начатую ею возню, а она уже относится къ ней безучастно. вмѣсто смѣха, на лицѣ появляется озабоченное выраженіе и она спѣшитъ уйти отъ другихъ. Уединеніе стало для нея такою-же потребностью, какъ въ прежнее, еще недавнее время—общество.

— Васюта наша начинаетъ къ чтенію пристращаться, съ довольномъ видомъ сообщилъ разъ Филиппъ Антоновичъ отцу Сергію.

— Доброе дѣло, замѣтилъ сочувственно отецъ Сергій.

— Богъ знаетъ, доброе-ли это дѣло, виѣшалась въ разговоръ Людмила Павловна,—не всегда отъ книжекъ толкъ бываетъ.

— Что ты, Милочка, какъ можно, чтобы отъ книжекъ толку не было, съ мягкимъ укоромъ возразилъ Филиппъ Антоновичъ.

Людмила Павловна не нашла нужнымъ продолжать разговоръ на эту тему. Она раньше другихъ увидала перемѣну въ дочкѣ, и развивающееся пристрастіе Васюты къ книжкамъ въ значительной степени ее безпокоило. Это безпокойство еще усилилось, когда Васюта заявила желаніе уѣхать изъ Алсу въ Москву, доканчивать свое образованіе. Сначала Людмила Павловна отвѣтила смѣхомъ на это довольно нерѣшительно высказанное желаніе, но когда Васюта повторила его, и повторила не безъ упорства, она разсердилась.

— Это все Лѣвкины выдумки! вскрикнула она съ негодованіемъ.—Сдѣлай одолженіе, выкинь дурь изъ головы. Я еще, слава Богу, съума не сошла, чтобы потакать всякимъ глупостямъ.

Васюта не унималась, и стояла на своемъ тѣмъ болѣе твердо, что въ отцѣ она нашла вѣрнаго и даже горячаго союзника. Впервые, послѣ семнадцатилѣтней совмѣстной жизни, онъ не раздѣлялъ мнѣнія Людмилы Павловны, и хотя, возражая ей, онъ избѣгалъ рѣзкостей, но въ бесѣдахъ съ отцемъ Сергіемъ или Булатовымъ онъ рѣшительно возставалъ противъ отсталыхъ, какъ онъ говорилъ, понятій жены. Со дня объясненія Васюты съ матерью и зазвучала та посторонняя нота, которая нарушила прежнюю семейную безмятежность.

Въ послѣднихъ числахъ ноября Булатовъ тоже, наконецъ, собрался уѣхать. Незадолго передъ отъѣздомъ, онъ завернулъ какъ-то днемъ передъ обѣдомъ къ Голубинымъ. Филиппъ Антоновичъ, заключенный въ кабинетъ ненастной погодой, въ халатѣ и съ погашенъ трубкой въ рукѣ дремалъ надъ „Русскимъ Архивомъ“; Васюта заперлась въ своей комнатѣ, Лиза и Рая исчезли, несмотря на дождь, изъ дома, и Булатову оставалось или скучать одному въ пустой столовой, или отправиться разыскивать Людмилу Павловну. Направляясь по корридору въ кухню, онъ заглянулъ мимоходомъ въ полурастворенную дверь свѣтлой, просторной кладовой, гдѣ хранились разные домашніе припасы — варенья и фрукты. Въ углу, на пустой опрокинутой кадкѣ сидѣла Людмила Павловна безъ всякаго дѣла и погруженная въ такую глубокую задумчивость, что она не слыхала его шаговъ. Только когда онъ обликнулъ ее, она подняла на него глаза, и ихъ враждебный, злой взглядъ заставилъ его опустить руку, протянутую было имъ для обычнаго дружескаго пожатія.

— Что случилось? спросилъ онъ, болѣе встревоженный, чѣмъ обиженный ея непривѣтливой встрѣчей.

— Ничего не случилось, возразила она сухо, и тотчасъ-же прибавила:—вы уже видѣли ученаго дурня?

Въ послѣднее время она часто, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, называла такъ мужа, и въ глаза, и за глаза.

— Филиппъ Антоновичъ, кажется, спитъ, сдержанно отвѣтилъ Булатовъ.

— Ничего ему лучшаго не выдумать, проворчала она сквозь зубы.

Булатовъ, всегда пасуя передъ женской раздражительностью, занялся разсматриваніемъ крупной, желтѣющей на полкахъ, айвы.

— И Васюту не видѣли? спросила она черезъ минуту.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Такъ вы не знаете, что она ѣдетъ? Отецъ везетъ ее самъ въ Москву. Радъ дурень, что дочка пошла въ него и увеличить число никому не нужныхъ людей.

Людмила Павловна отвела злобные глаза отъ непритворно изумленнаго лица Булатова.

— Видите, уломали-таки меня, продолжала она, стараясь говорить сухо, но голосъ ея дрогнулъ.— Не уступи я, она-бы ушла

тайкомъ, и онъ помогъ-бы ей. Вѣдь онъ изъ-за своихъ дурацкихъ книжекъ дальше носа своего не видитъ. Ужъ лучше добровольно!

Она махнула рукой и отвернулась. Булатовъ въ смущеніи стоялъ около нея.

— Вы-то, вы-то что думали! проговорила она съ усиленною рѣзкостью, внезапно поворачиваясь къ нему.

— Я васъ не понимаю, Людмила Павловна.

— Чего не понимаете! Точно я не знаю, что Васюта вамъ нравится.

Булатовъ окончательно растерялся.

— Я васъ положительно не понимаю, пробормоталъ онъ.

— Не понимаете, такъ я вамъ объясню. Не будь вы такая ямля, Васюта не забрала-бы себѣ въ голову такого вздора.

— Вы ошибаетесь, тихо промолвилъ Булатовъ, чуя подъ этой внѣшней грубостью иное глубокое, жгучее чувство, заставлявшее звучать его голосъ, какъ надтреснутое стекло,— между мной и вашей дочерью ничего не могло произойти.

— Потому-что вы не умѣли хотѣть.

— Нѣтъ; потому-что съ самаго начала нашего знакомства стояло между нами, и теперь стоитъ, третье лицо.

— Глупости.

Булатовъ молчалъ.

— Не воображаете-ли вы, что она влюблена въ этого бѣлобрысаго мальчишку?

— Есть-ли между ними любовь—не знаю. Только она ни въ кого такъ не вѣритъ, и ни вы, ни я, ни кто-бы то ни было, не имѣетъ на нее такого вліянія.

Людмила Павловна, въ свою очередь, ничего не возражала. Частый, крупный дождь однообразно стучалъ по желѣзному подоконнику; въ кладовой было и душно, и тускло. Запахъ зрѣющихъ плодовъ, варенья и разныхъ приностей усиливалъ духоту. Булатовъ отошелъ отъ полки, къ которой прислонялся, и, лавируя между кадочками, ящиками и боченками, прошелся съ одного конца кладовой на другой.

— Лучше мнѣ было-бы ее живую въ гробъ положить, прошептала Людмила Павловна.

— Не узнаю я васъ, Людмила Павловна, замѣтилъ Булатовъ, стараясь говорить безопасно.—Вы, такая всегда бодрая, стойкая,

и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, впадаете въ уныніе. Что ужаснаго въ желаніи молодой дѣвушки учиться? Это, напротивъ, даже очень похвально.

— Да, во сто разъ лучше было-бы видѣть ее въ гробу, повторила она, не слушая его.— Кто изъ нихъ вернулся счастливымъ, довольнымъ, неисковерканнымъ въ свою семью? Мало-ли ихъ погибло такъ... ни за грошъ!.. И какъ подумаю, что она, моя маленькая, беззаботная дѣвочка, добровольно кидается въ этотъ омутъ...

Людмила Павловна прикрыла глаза рукой; губы ея начали вздрагивать, и слезы, одна за другой, покатались по щекамъ. Въ это время дверь заскрипѣла, и Васюта, радостная, сіяющая, вбѣжала въ кладовую.

— А я васъ вездѣ ищу! вскрикнула она, обращаясь къ Булатову.— Миѣ сказали, что вы приѣхали. Знаете-ли новость? Мама согласна... Я ѣду.

Она взглянула на мать и замолкла.

— Мама, что-же это такое? съ испугомъ промолвила она.

Людмила Павловна повернула голову къ стѣнѣ. Васюта кинулась къ ней и, опустившись передъ ней на колѣни, пыталась отвести руку, которою мать закрывала глаза.

— Мама, голубушка, что-же это? Вѣдь такъ нельзя, твердила она, осыпая ея руки и лицо поцѣлуями.

Людмила Павловна, припавъ губами къ ея головѣ, тихо плакала. Булатовъ вышелъ, не слышно притворивъ за собой дверь.

XII.

Наканунѣ Новаго Года, въ Маріинскомъ театрѣ шелъ сборный спектакль, состоящій изъ отдѣльныхъ актовъ „Руслана“ и „Жизни за Царя“. Пѣла любимая пѣвица. Театръ былъ полнъ. По окончаніи спектакля, Булатовъ, выходя изъ театра, остановился въ сѣняхъ. Онъ пропускалъ впередъ тѣснившуюся въ дверяхъ толпу и, прижатый къ стѣнѣ, разсѣянно оглядывалъ волнующуюся вокругъ него публику. Среди гула шаговъ, говора и смѣха, до него донесся знакомый женскій голосъ; онъ обернулся. Въ двухъ шагахъ отъ него, спиной къ нему, стояла среди небольшой оживленной группы молодая женщина въ коротенькой шубкѣ, оторо-

ченной сѣрой мерлушкой и въ такой-же шапочкѣ; двѣ толстыя черныя косы спускались на шубку. Живо размахивая маленькой рукой, она горячо о чемъ-то спорила. Булатовъ подался немного впередъ, желая заглянуть ей въ лицо, но въ это время она сама, сторонясь отъ толпы, обернулась къ нему. Съ минуту они нерѣшительно глядѣли другъ на друга; наконецъ, Булатовъ съ радостной улыбкой протѣснился къ ней и схватилъ протанутую ему руку.

— Васюта!.. Васса Филипповна, вы здѣсь!.. Вотъ не ожидалъ!

Васюта, смѣясь, смотрѣла ему въ глаза.

— А вы не сразу узнали меня, замѣтила она.

— По голосу узналъ, но вы такъ измѣнились, такъ выросли..

Я васъ оставилъ почти ребенкомъ, а теперь... Правда, какъ не измѣниться въ три года! Но какъ я радъ!... Я былъ раза два въ Москвѣ, но все проѣздомъ. Я не зналъ вашего адреса... Въ послѣдній разъ, именно въ прошломъ году, я искалъ васъ, и не нашелъ...

— Гдѣ вы встрѣчаете новый годъ? перебила она его, и, не дожидаясь отвѣта, съ прежней дѣтской порывистостью вскрикнула:— Поѣдемъ къ намъ! Маша, обратилась она къ одной изъ своихъ спутницъ, высокой полной блондинкѣ, — это Булатовъ, мой старый знакомый. Я его зову къ тебѣ. Марья Петровна Жадова.

Жадова холодно пожала руку Булатову.

— Я навѣщу васъ завтра, Васса Филипповна, началъ было Булатовъ, но Васюта, схвативъ его подъ-руку, потащила къ двери.

На улицѣ Жадова отвела ее въ сторону.

— Къ чему ты его пригласила, прошептала она, — у насъ только свои будутъ.

— Что за бѣда, возразила Васюта, — онъ хорошій!

— Другимъ это не понравится. Онъ навѣрное будетъ недоволенъ.

— Пускай. Впрочемъ, они знакомы еще съ Крыма. Наконецъ, мнѣ просто хочется. Какая ты, право, Маша! Неужто мнѣ хоть разъ нельзя доставить себѣ удовольствіе.

— Какъ знаешь. Съ этими словами Жадова прошла впередъ вслѣдъ за другими. — Не опоздайте! крикнула она, опережая Васюту и Булатова.

Булатовъ хотѣлъ-было снова отказаться отъ приглашенія, но Васюта, прыгнувъ въ извозничьи санки, настояла, чтобы онъ съ ней ѣхалъ.

— Къ Аларчину мосту, отвѣтила она извозчику на его вопросъ—куда ѣхать.—А вы съ тѣхъ поръ не были въ Алсу? живо заговорила она.—Представьте себѣ, и я уже два года не видала своихъ! Пролетную зиму я почти всю провела въ Петербургѣ; теперь я пріѣхала только на время, на праздники. Мнѣ такъ тутъ нравится, что, пожалуй, я совсѣмъ останусь здѣсь. Москва мнѣ надоѣла. Вы любите „Руслана?“ Я ужасно люблю. Какъ она пѣла, не правда-ли? Намъ вчера чуть не съ боя достали билеты. Поручили одному знакомому, и онъ съ пяти часовъ утра ждалъ у кассы.

Такъ она непрерывно лихорадочно болтала до самого дома.

— Жадовы очень хорошіе люди, промолвила она, взбѣгая на четвертый этажъ лѣстницы.—Онъ докторъ; а она тоже слушаетъ медицинскіе курсы. Я нока у нихъ живу.

Они вошли въ небольшую переднюю, заваленную шубами и платками.

— Тутъ пѣлый раутъ, не безъ тревоги замѣтилъ Булатовъ.

— Все свои, возразила Васюта, скидывая шубку и шапочку и оправляя черный галстучекъ, обвязанный вокругъ стоячаго полотнянаго воротничка. Синее суконное платье ловко обхватывало ее худощавый станъ.

Булатовъ впервые видѣлъ ее одѣтой по модѣ. Онъ не узнавалъ въ ней той дѣвочки, которая всегда рисовалась въ его воображеніи съ коралловымъ ожерельемъ на смуглой шеѣ и въ шелковой татарской рубашкѣ, опоясанной кавказскимъ поясомъ. Лицо утратило дѣтскую округлость; щеки впали и поблѣднѣли; взглядъ былъ непокойный, нервный.

— Какъ вы на меня смотрите! проговорила она съ короткими смѣхомъ.—Я готова, войдемъ.

При ихъ появленіи, въ ярко освѣщенной просторной комнатѣ, гдѣ собралось около тридцати человѣкъ гостей, гулъ голосовъ замолкъ. Маленькій щедущій господинъ, въ форменномъ сюртукѣ военнаго доктора, подошелъ къ Булатову и, протанувъ ему руку, лаконически произнесъ: Жадовъ. Булатовъ назвалъ себя. Марья Петровна уже хлопотала въ сосѣдней комнатѣ за большимъ столомъ, уставленнымъ бутылками и закусками.

— Господа, черезъ пять минутъ старій годъ канетъ въ вѣчность, промолвилъ кто-то изъ гостей.

— Маша, дай я тебѣ помогу, сказала Васюта, подбѣгая къ Жадовой.

Она взяла бутылку съ цыплянскимъ и начала разливать его по стаканамъ.

— Ну-съ, господа, подходите, обратилась Жадова къ гостямъ. Всѣ затѣснились у стола.

— Юрій Николаичъ, я васъ не забыла, промолвила Васюта, и протянула Булатову стаканъ съ цыплянскимъ черезъ плечо длинноволосаго, бородатаго молодого человѣка. Тотъ съ неудовольствіемъ взглянулъ на Булатова и посторонился.

Булатовъ чувствовалъ себя неловко въ этомъ чуждомъ ему обществѣ, состоящемъ большею частью изъ учащейся молодежи, которую онъ, очевидно, стѣснялъ своимъ неожиданнымъ, нераданнымъ появленіемъ.

Пробило двѣнадцать часовъ. Всѣ, чюкаясь, задвигались во кругъ стола. Стаканы зазвенѣли.

— Господа, я прошу слова! крикнула Васюта, поднимая свой стаканъ надъ головой.

— Слушайте! Слушайте! раздалось со всѣхъ концовъ стола.

Васюта подождала когда всѣ затихли.

— Прошлый годъ ничего хорошаго намъ не принесъ, начала она звенящимъ отъ волненія голосомъ:—доброму помянуть его мы не можемъ!

— Конечно, не можемъ! Нѣтъ, не можемъ! послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Пожелаемъ, чтобы этотъ годъ принесъ намъ больше...

Васюта запнулась и опустила стаканъ на столъ.

— Продолжайте! Что-же вы? Такъ нельзя, заговорило нѣсколько человѣкъ.

Васюта, вся вспыхнувъ, взглянула на дверь. Булатовъ поймалъ ея взглядъ и обернулся назадъ. Въ дверяхъ, позади всѣхъ, стоялъ Лѣвка. Онъ мало измѣнился въ эти три года; только подбородокъ обросъ жиденькой бѣлокурой бородкой, которую онъ медленно перебиралъ длинными худыми пальцами. Когда Булатовъ обернулся къ нему, онъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни изумленія, ни недоумѣнія, точно находилъ его присутствіе у Жадовыхъ вполне естественнымъ, издали ему поклонился.

— Начали, такъ продолжайте, приставали, между тѣмъ, къ Васютѣ.

Она снова подняла стаканъ.

— Пожелаемъ, начала она нетвердымъ голосомъ,—чтобы этотъ годъ внесъ больше взаимной терпимости въ нашъ кружокъ...

Неодобрительный шопотъ пронесся вокругъ стола.

— Это смахиваетъ на прописную мораль, замѣтилъ кто-то. Многие засмѣялись.

— Слушайте! Слушайте! закричали другіе.

Васюта кинула неувѣренный взглядъ на дверь и крѣпче сжала стаканъ.

— Кто боится прописной морали? Я ее не боюсь! задорно крикнула она, откидывая голову назадъ. Я пью за свободу товарищескихъ отношеній; пью за то, чтобы никому не мѣшали жить какъ ему хочется!

Одобрительные возгласы съ одной стороны, неодобрительные — съ другой слились въ одинъ невнятный гулъ. Небольшая столовая точно превратилась въ огромный пчелиный улей.

— Я прошу слова!.. Нѣтъ а!.. Нѣтъ а!.. закричало нѣсколько голосовъ.

Маленькій Жадовъ вскарабкался на стулъ и поднялъ обѣ руки надъ головой.

— Господа! прокричалъ онъ слабымъ голоскомъ. — Соловья баснями не кормятъ. Предлагаю тосты отложить до конца ужина.

Громкія рукоплесканья заглушили всѣ возраженія.

— Это я для васъ, сказала Васюта Булатову, положивъ на тарелку кусокъ холоднаго жаркого. — Мы съ вами поужинаемъ въ гостинной за отдѣльнымъ столомъ. Погодите, я что-нибудь и для себя захвачу.

Она передала ему тарелку и вернулась къ столу.

— Ты давно пріѣхалъ? спросила она вскользь, на ходу, Лѣвку.

— Какъ-разъ во время, чтобы вкусить твою поучительную рѣчь, возразилъ онъ

Васюта остановилась около него, но онъ отвернулся отъ нея и обратился къ Булатову.

— Надѣюсь, мы съ вами въ расчетѣ? промолвилъ онъ вѣжливо.

— То-есть какъ? съ удивленіемъ спросилъ Булатовъ.

— Три года тому назадъ я у васъ занялъ...

Булатовъ сконфузился.

— Помилуйте, пробормоталъ онъ, — что объ этомъ вспоминать! Отецъ Сергій тогда-же за васъ рассчитался.

— Очень пріятно, сказалъ онъ съ усмѣшкой и, кивнувъ головой Жадовой, которая жестомъ приглашала его занять свободное мѣсто около нея, прошелъ въ столовую.

ХІІІ.

Въ гостинной всѣ столы тоже были уже заняты, поэтому Васюта провела Булатова черезъ переднюю и узкій темный корридоръ въ кабинетъ Жадова. Кабинетъ этотъ находился въ сторонѣ отъ другихъ комнатъ; тѣмъ не менѣе говоръ и смѣхъ доносились до него. Васюта придвинула къ кожаному дивану круглый столикъ, сбросивъ предварительно съ него на окно книги и газеты.

— Здѣсь мы можемъ поужинать и потолковать, проговорила она. — Ахъ, Боже мой, я забыла захватить пива или вина! Чего вы хотите? Я сейчасъ принесу, предложила она, вскакивая съ дивана. Булатовъ удержалъ ее за платье.

— Я ничего не хочу, возразилъ онъ. — Оставьте. Я и ужинать не хочу.

— Не хотите? Ну вотъ! А я и себѣ взяла только для компаніи.

— Въ такомъ случаѣ, все это мы оставимъ, сказалъ Булатовъ, отодвигая столикъ обратно къ окну.

Васюта не препятствовала; она сѣла глубже въ уголъ дивана и прислонилась головой къ спинкѣ. Булатовъ помѣстился въ противоположномъ углу. За минуту передъ тѣмъ оживленное, разгоряченное лицо Васюты поблѣднѣло; углы губъ опустились; глаза потускнѣли.

— Что вы ничего про себя не рассказываете? произнесла она усталымъ голосомъ.

— А что вамъ про меня рассказывать? Живу поменьку. Немножко работаю, много отдыхаю, и жизнь идетъ себѣ да идетъ.

— И вы довольны собой?

— Кто можетъ, положи руку на сердце, сказать, что онъ доволенъ собой! Одни переносятъ свое недовольство терпѣливо, другіе — нетерпѣливо, вотъ и вся разница. Я принадлежу къ первому разряду, а вы къ послѣднему.

Васюта приподняла голову; глаза ея нѣсколько оживились.

— Почему вы думаете, что я недовольна собой?

— Потому что иначе вы были бы веселѣе, вы были-бы такая, какою я васъ увидѣлъ въ первый разъ.

Онъ нагнулся къ ней. Слабая улыбка промелькнула у нея на губахъ.

— Знаете-ли, что ваши глаза мнѣ напомнили? Тотъ день, когда мы сидѣли съ вами у рѣки, и я вамъ жаловалась, что нахожу Прудона скучнымъ. Вы такъ-же ласково смотрѣли на меня.

— А теперь вы болѣе не находите его скучнымъ? шутливо спросилъ Булатовъ.

— Нахожу. Я по-прежнему ненавижу то, что ненавиждаю. Васъ это удивляетъ?

Она нервно разсмѣялась.

— И вы по-прежнему принуждаете себя интересоваться тѣмъ, что вамъ антипатично по самому существу вашей природы. Бѣдный ребенокъ!

Васюта вспыхнула.

— Что за страсть у людей жалѣть! Отчего бѣдный? У меня есть все... есть друзья, товарищи, дѣло...

— Бѣдный ребенокъ потому, что вы наложили на себя чуждья вамъ цѣпи.

— Никакихъ цѣпей я на себя не налажала. Я дѣйствую всегда добровольно. Если-бы мнѣ предложили вернуть прошлое, перенести меня въ Алсу и стереть эти три года навсегда изъ моей памяти, я-бы ни за что, ни за что на это не согласилась! страстно проговорила она.

Булатовъ замолчалъ. Говоръ и смѣхъ въ другихъ комнатахъ не прерывался. Кто-то сталъ наигрывать на роялѣ отрывки изъ Руслана. Перебирая мотивы, играющій остановился на хорѣ „Ложится въ полѣ мракъ ночной“. Нѣсколько голосовъ начали подтягивать.

— Какъ она тамъ шумитъ, проговорила Васюта.

Она встала, чтобы припереть неплотно закрытую дверь, но въ

то-же самое время дверь потянули съ другой стороны. Вошелъ Лёвка.

— Тебя тамъ всѣ спрашиваютъ, сказалъ онъ.

— На что я имъ? рѣзко возразила она.— И безъ меня ихъ много.

— Ты обѣщала имъ пѣть. Впрочемъ, какъ хочешь. Это твое дѣло.

Васюта отошла къ письменному столу. Булатовъ остался на диванѣ.

— Я уѣзжаю завтра съ раннимъ поѣздомъ въ Москву, заговорилъ снова Лёвка.— Ты ѣдешь со мной?

— Можетъ быть.

— Мнѣ не безынтересно это знать навѣрное.

— Навѣрное я сама не знаю. До того еще нѣсколько часовъ. Успѣю подумать.

Лёвка закусилъ губы.

— Ты, можетъ, вообще раздумала возвращаться туда? спросилъ онъ сдержанно.

— Можетъ быть.

Ты это серьезно говоришь или шутишь?

— Мнѣ не до шутокъ.

Лёвка поблѣднѣлъ.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ прощай, но такъ-какъ, вѣроятно, мы никогда болѣе не увидимся, то на прощанье я тебѣ выскажу все, промолвилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.— Я никогда себѣ не прощу, что тогда, въ ту ночь, три года тому назадъ, я довѣрился тебѣ, что я возмечталъ, будто изъ тебя выйдетъ человѣкъ дѣла. Я долженъ былъ знать, что въ тебѣ нѣтъ ничего, кромѣ безсильныхъ, бесплодныхъ стремленій стать выше твоей среды, что въ тебѣ нѣтъ достаточно пониманія дѣла, къ которому тебя призывали, ни любви къ нему, чтобы отказаться отъ своей собственной личности... Твоя сегодняшняя застольная рѣчь доказала мнѣ, что ты хочешь разрыва, хочешь вернуться къ прошлому... Еще не поздно исправить ошибку. Прощай. Желаю тебѣ всѣхъ благъ земныхъ.

Лёвка повернулся и вышелъ. Васюта стояла словно окаменѣлая у стола. Встревоженный ея неподвижностью, Булатовъ поднялся съ дивана. Васюта обернулась къ нему.

— Вы здѣсь еще? промолвила она. — Вы слышали, что онъ сказать? Вотъ, вы говорили про цѣпи... Знаете, какія самыя тяжелыя цѣпи въ жизни? Это тѣ, которыя близкіе вамъ люди налагаютъ на васъ своимъ недоувѣріемъ. Вы не знаете, какъ ужасно быть вѣчно подъ гнетомъ недоувѣрія. Но вѣдь онъ правъ... Изъ меня ничего путнаго не выйдетъ! Онъ говорилъ не разъ: развѣ можетъ выйти что-нибудь путное изъ семейства Голубиныхъ! Ну, вотъ видите, онъ правъ. И говорить больше нечего. Пойдемте. Они просили меня пѣть... Вы послушайте... Я спою татарскія пѣсни... Алсу вспомните...

Она кинулась къ двери. Булатовъ отыскалъ въ передней свое пальто и калоши и, никѣмъ не замѣченный, ушелъ.

Пока онъ спускался ощупью по темной лѣстницѣ, до него донесся свѣжій молодой голосъ Васюты. Она пѣла „Ложится въ полѣ мракъ ночной“; хоръ дружно вторилъ ей, но ея высокой мелодичный, полный безотчетнаго желанія и страсти голосъ явственно преобладалъ надъ другими.

„Бѣдный ребенокъ! подумалъ Булатовъ съ неподдѣльною болью въ сердцѣ“.

XIV.

Дня черезъ два Булатовъ снова отправился къ Васютѣ. День былъ ясный, морозный, солнце свѣтило не по петербургскому; оживленная толпа гуляющихъ наполняла улицы. Булатовъ шелъ бодро, вдыхая всей грудью холодный воздухъ и беззаботно оглядывая окна магазиновъ.

Самъ Жадовъ отворилъ ему.

— Госпожа Голубина дома? спросилъ Булатовъ съ любопытствомъ взглядываясь въ озабоченное, изжелта-блѣдное лицо Жадова.

— Дома, неуувѣренно отвѣтилъ онъ.

— Можно ее видѣть?

— Не знаю, спрошу жену. Войдите.

Онъ оставилъ его одного въ гостинной. Минуть десять прошло—никто не являлся. Ожиданіе становилось томительнымъ. Башкетъ и громкими шагами старался онъ напомнить о себѣ, но долго всѣ эти попытки ни къ чему не вели. Наконецъ, въ передней

послышался шелест женскаго платья. Вошла Марья Петровна. И она тоже казалась встревоженной; глаза ея были заплаканы.

— Голубина спитъ, промолвила она въ полголоса. — Садитесь. Хорошо, что вы зашли. Мнѣ надо сообщить вамъ нѣчто неприятное.

— Она больна? спросилъ Булатовъ, не на шутку встревоженный.

— Да... она нездорова... Ей хотѣлось видѣть васъ... Вѣроятно, она думала объяснить вамъ... но, мнѣ кажется, лучше мнѣ самой вамъ рассказать... Жадовъ боится, что такой разговоръ будетъ ее слишкомъ волновать.

Марья Петровна дышала тяжело, слова, видимо, стоили ей усилія. Безпокойство Булатова росло.

— Третьяго дня, заговорила она прерывистымъ голосомъ, — устроился пикникъ. Насъ собралось много — троекъ шесть-семь. Васюта была съ нами... Я никогда прежде не видала ее такой веселой. Мы вернулись во-второмъ часу ночи... Легли. Не успѣла я соснуть, какъ слышу крикъ. Я вскочила, разбудила Жадова... Мы кинулись въ комнату Голубиной...

Голосъ Жадовой прервался.

— Ну, и что-жь? нетерпѣливо спросилъ Булатовъ, не въ силахъ долѣе выносить попытку ожиданія.

— Она лежала на полу у кровати въ крови... За ужиномъ одинъ знакомый показывалъ мужу маленькій карманный револьверъ... Онъ всегда носить его заряженнымъ... Вѣроятно, она его спрятала, и вотъ!.. Намъ никому и въ голову не приходило, что она можетъ рѣшиться на это. Къ счастью, выстрѣлъ пришелся въось, пуля прошла подъ кожей.

— Значить, нѣтъ опасности? радостно вкрикнулъ Булатовъ.

— Ничего еще не извѣстно. Нервное потрясеніе таково, что Жадовъ опасается за исходъ. Скажите пожалуйста, продолжала она съ замѣшательствомъ, — при васъ произошло ея объясненіе съ Грызовымъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ Грызовымъ, ... Левъ Сергѣичъ Грызовъ..

— Ахъ, извините. Я не зналъ его фамиліи. Его всѣ называли просто Левой.

— Вы не можете мнѣ сказать, что между ними произошло

въ тотъ вечеръ, наканунѣ новаго года? Грыжовъ на другой день уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Булатовъ въ нѣсколькихъ словахъ передалъ все, что онъ слышалъ.

— Это надо было ожидать, замѣтила Жадова.—Она никогда не могла идти съ нимъ по одной дорогѣ.

— Вы ее за это порицаете? спросилъ Булатовъ.

— Нѣтъ, просто возразила она.—Мы съ Жадовымъ очень ее любимъ, и Грыжова мы любимъ и высоко цѣнимъ. Но онъ сдѣлалъ большую ошибку. Ему не слѣдовало вырывать ее изъ ея среды. Его кругозоръ, его требованіе самоотреченія отъ ея свѣтлой, жаждущей личнаго счастья натуры только заставляли ее напрасно страдать... Но я не думала, что разладъ такъ силенъ въ ней... Нѣтъ, не думала. Она, правда, находилась въ очень возбужденномъ состояніи, но если-бы можно было предвидѣть такой результатъ...

Жадова поднесла платокъ къ глазамъ.

— Мнѣ кажется, мы все виноваты передъ ней, прошептала она едва внятно.

Жадовъ просунулъ голову въ дверь.

— Проснулась? спросила она мужа.

Онъ кивнулъ ей утвердительно головой и скрылся. Марья Петровна поспѣшно вышла.

— Она ждетъ васъ, промолвила она, возвращаясь нѣсколько минутъ спустя въ гостинную.

Булатовъ послѣдовалъ за ней.

— Мы перенесли ее въ кабинетъ Жадова, сказала Марья Петровна, отворяя дверь.

Въ той самой комнатѣ, гдѣ они сидѣли за два дня передъ тѣмъ, лежала Васюта на кровати, поставленной на мѣсто дивана. Глаза ея съ тревожной пытливостью остановились на Булатовѣ, когда онъ приблизился къ ней.

— Видите, что я надѣяла, проговорила она нетвердымъ голосомъ. Горячій румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ.

— Мнѣ хотѣлось васъ видѣть, продолжала она.—Маша вамъ сказала? Бѣдная Маша! Сколько безпокойства я причинила!

Она съ застѣнчивой улыбкой украдкой взглянула на Жадову.

— Не забывай, что тебѣ вредно много говорить, ласково оставила ее Марья Петровна.

— Я не буду много говорить. Садитесь; отчего вы стоите? сказала она Булатову.— Знаете, я скоро уѣду въ Крымъ. Маиѣ уже телеграфировали. Вы приѣдете лѣтомъ въ Алсу? Приѣзжайте. Я ихъ всѣхъ зову туда. Съ той минуты, какъ это случилось, я все думаю о Крымѣ. Такъ-бы вотъ сейчасъ туда улетѣла!.. Я тамъ скоро, скоро поправлюсь... Жадовъ говоритъ, что опасности нѣтъ... Миѣ-бы не хотѣлось умереть. Нѣтъ, нѣтъ! Смерть ужасна... Я считала себя одинокой, покинутой... и вотъ почему въ минуту безумія... Но вѣдь я еще молода... Я такъ мало жила... Я жить хочу...

— Довольно, довольно, съ испугомъ перебила ее Марья Петровна.— Уходите, пожалуйста. Такое волненіе и всѣ эти разговоры могутъ только повредить.

Булатовъ ушелъ. Недѣли двѣ-три его совсѣмъ къ ней не пускали. Васюта поправлялась медленно, и только мѣсяца два спустя Людмилѣ Павловнѣ удалось привезти ее, наконецъ, въ Алсу.

ХV.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ одинъ апрѣльскій вечеръ, въ тотъ часъ, когда солнце, заливая малиновымъ свѣтомъ бѣлыя стѣны Голубинскаго хутора, клонилось къ закату, Филиппъ Антоновичъ, освѣженный продолжительнымъ послѣобѣденнымъ сномъ, расположился на крылечкѣ, поставивъ предварительно около себя съ одной стороны стаканъ чая, а съ другой—трубку. Время мало изменило его; только сѣдина замѣтнѣе пробилась въ темной, густой бородѣ, да морщинки мелкой, частой сѣткой окружили добродушные глаза. Положивъ руки на колѣни, онъ безмятежно поглядывалъ по сторонамъ. Степь, еще не выжженная солнцемъ, зеленая, сочная, цвѣтущая, насыщала прозрачный воздухъ запахомъ полыни, мяты и тмина.

— Еще не видать его? спросила молодая женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, выходя изъ дома на крыльцо.

— Нѣтъ; я все смотрю, возразилъ онъ, заслоня глаза рукой и всматриваясь въ даль, гдѣ желтой лентой вилась почтовая дорога.

— Какъ долго его нѣтъ, съ досадою промолвила она, поворачивая голову въ ту сторону, въ которую онъ смотрѣлъ.

Только по голосу и по нетерпѣливымъ порывистымъ движеніямъ можно было узнать въ этой статной, полной здоровья и силы женщинѣ прежнюю Васюту. Она выросла, пополнила; свѣжій румянецъ игралъ на щекахъ и губахъ; волосы, заплетенные по-старому въ двѣ косы, казались и гуще, и длиннѣе.

— Вѣрно теперь скоро будетъ, успокоительно замѣтилъ Голубинъ.

— Ему давно пора быть здѣсь. Пожалуй, что-нибудь случилось!

— Ну, ну! Ужъ и случилось! Не бойсь! Приѣдетъ! А покажи-ка мнѣ этого пузанчика.

Крошечное, худенькое существо, завернутое въ бѣлое пикейное одѣяльце, ни въ какомъ случаѣ не заслуживало подобнаго названія. Васюта подошла къ отцу и раскрыла розовое личико.

— А знаешь, мамочка, онъ очень на тебя похожъ, промолвилъ Филиппъ Антоновичъ, любовно кивая младенцу, который безсмысленно тарашилъ круглые глазенки.

— Все нѣтъ. Онъ вылитый портретъ отца; тѣ-же глаза, губы, рѣшительно объявила Васюта, подправляя подъ чепецъ торчащія вверхъ волоса ребенка. — Мама! крикнула она выходящей изъ сада Людмилѣ Павловнѣ. — Поди сюда, пожалуйста. На, поддержи Колю. Папка уронить его. Я пойду на Бобкину могилку. Оттуда вся дорога видна.

Она передала мальчика матери и сбѣжала съ крыльца. Людмила Павловна заняла ея мѣсто.

— Безпокоится, замѣтилъ Филиппъ Антоновичъ.

— Напрасно. Онъ писалъ, что къ ночи будетъ. Чего тутъ безпокоиться.

— Можно-ли было думать, Милочка, что она къ нему такъ привяжется. Сколько времени она и слышать о немъ не хотѣла.

— Гдѣ вамъ, ученикъ людямъ, видѣть то, что для простыхъ смертныхъ ясно, какъ Вожій день, отвѣтила она съ торжествующимъ смѣхомъ.

И Людмилу Павловну время пощадило; годы не только не состарили ее, но, напротивъ, она будто даже помолодѣла и посвѣжѣла.

— Такъ, такъ, Милочка, смиренно произнесъ Филиппъ Антоновичъ, — каюсь! Я тогда оплошалъ. Если-бы все такъ благополучно не кончилось, вѣкъ я-бы себѣ не простилъ, что вздумалъ тебѣ перечить.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, весело возразила она. — Не пищи! прикрикнула она на захныкавашаго-было младенца, бережно качая его. — Ты у меня смотри, плаксою не расти.

Она пригрозила ему пальцемъ; подобіе слабой улыбки промелькнуло на пухленькихъ губкахъ ребенка.

— Отецъ Сергій ѣдетъ, обрадованнымъ голосомъ объявилъ Филиппъ Антоновичъ. — Смотри, Милочка, онъ, кажется, не одинъ.

— Нѣтъ, ихъ двое.

— Кто-бы это могъ быть? Не зять-ли его?

— Можетъ и зять.

Филиппъ Антоновичъ терялся въ догадкахъ.

Небольшая бричка остановилась у крыльца, и отецъ Сергій, сильно посѣдѣвшій и постарѣвшій, вышелъ изъ нее. За нимъ спустился на землю его спутникъ.

— Лѣвка! въ одинъ почти голосъ вскрикнули Голубины.

— Да, онъ! Какъ снѣгъ на голову, промолвилъ отецъ Сергій. — Не писалъ, не нисалъ, и вдругъ, точно съ неба упалъ.

— Какъ я радъ! Какъ я радъ! говорилъ Филиппъ Антоновичъ, обнимая Лѣвку. — Дай-ка, дай-ка на тебя посмотрѣть, продолжалъ онъ, отступая отъ него и оглядывая его сухощавую, высокую фигуру, на которой сѣрое суконное пальто болталось какъ на вѣшалкѣ.

— Чего смотрѣть! съ неудовольствіемъ замѣтилъ отецъ Сергій. — Высохъ, какъ щепка.

— Да, похудѣлъ, съ сожалѣніемъ согласился Филиппъ Антоновичъ.

— Ѣдетъ на Кавказъ лечиться, продолжалъ отецъ Сергій, — къ намъ по пути на денекъ завернуть.

— Всего на одинъ день? спросила Людмила Павловна.

— И за то спасибо, что хоть мимоѣздомъ вспомнилъ, промолвилъ отецъ Сергій.

Лѣвка съ спокойной улыбкой слушалъ пріветственные возгласы Филиппа Антоновича и ворчливыя замѣчанія отца Сергія.

— Садитесь, садитесь, хлопотливо говорилъ Филиппъ Анто-

новичъ.—И мы сегодня ожидаемъ нашего путешественника. Съ часу на часъ ждемъ.

— А онъ не зналъ, что Васюта замужъ вышла, замѣтилъ отецъ Сергій, указывая на сына.—Письмо, въ которое я сообщилъ ему эту новость, не дошло.

— Неужто не зналъ? Вышла, братецъ ты мой, вышла. И какъ еще хорошо вышла. Такой славный человекъ.

— Знаю я его. Я ей давно ужъ предсказывалъ, что быть ей за Булатовымъ, сказалъ Лёвка шутилово.

— А вотъ, рекомендую — сынишка ихъ, прибавилъ Филиппъ Антоновичъ.

Лёвка равнодушно, мелькомъ взглянулъ на младенца. Людмила Павловна съ тайнымъ недружелюбіемъ слѣдила за нимъ.

— Такой же чудакъ какъ и былъ, подумала она.

— Лиза и Рая въ институтъ премудрости обучаются? обратился онъ съ вопросомъ къ Филиппу Антоновичу.

— Да, да, въ институтъ. Совсѣмъ большія барышни стали. Ждемъ ихъ тоже на лѣто къ себѣ.

— Юрій пишетъ, сказала Людмила Павловна отцу Сергію, — что картину свою онъ продалъ.

— Это хорошо-съ. Въ газетахъ прочиталъ очень даже лестный отзывъ.

— Да, ему повезло. А ты что подѣлываешь? спросила она Лёвку.

— Болѣю.

— Это плохо, сочувственно замѣтилъ Филиппъ Антоновичъ.

— Хорошого мало, согласился Лёвка.

— Ты, братецъ, серьезно лечись. При твоихъ занятіяхъ вдвойнѣ нужно здоровье.

— Вотъ, думаю полечиться. Гдѣ-же, Васюта? Въ саду?

— Нѣтъ, пошла на Бобкину могилку; оттуда дорога лучше видна. Ждетъ не дождется мужа, смѣясь пояснилъ Филиппъ Антоновичъ.

— Пойти развѣ къ ней. Мы съ отцемъ не можемъ долго остаться.

— Да-съ, подтвердилъ отецъ Сергій, — дома будутъ къ ужину ждать.

Людмила Павловна долго провожала глазами Лёвку.

— Очень онъ исхудалъ, промолвила она.

— Мы даже его не узнали, когда вчера онъ неожиданно вошелъ въ домъ, заговорилъ отецъ Сергій.—Распрашивали его— что и какъ. Вы знаете какой онъ! Ни съ кѣмъ не подѣлится. Учительствуетъ; школа идетъ хорошо. Что за бѣда что глушь! И тамъ, говорить, люди живутъ. Я, говорить доволенъ, и денегъ на все хватаетъ. Только зимой воспаление нажилъ, вотъ и овернулся.

Лѣвка, между тѣмъ, подходилъ къ знакомому пригорку. Васюта стояла къ нему спиной и смотрѣла на почтовую дорогу, гдѣ цѣлой вереницей тянулись мажары, запряженные волами. Заслышавъ шорохъ въ травѣ, она обернулась. Лѣвка поднимался на пригорокъ. Васюта не двинулась къ нему на встрѣчу. Румянецъ отхлынулъ отъ ея щекъ, и сердце перестало биться; со страхомъ смотрѣла она на него, точно передъ нею предсталъ выходецъ съ того свѣта. Лѣвка взялъ ее за руку.

— Тебѣ неприятно меня видѣть, сказалъ онъ безъ всякаго упрека, голосъ его звучалъ мягко.—А я радъ, что намъ пришлось встрѣтиться. Я только здѣсь узналъ, что судьба исправила всѣ тѣ бѣды, которыя я своимъ легкомысліемъ и юношескимъ недомысліемъ чуть-было не навлекъ на тебя. Я слышалъ, ты счастлива.

Васюта высвободила свою руку изъ его руки.

— Я немного здѣсь присяду, усталъ, сказалъ онъ, опускаясь на траву.—Пусть старики потолкуютъ между собой о моихъ несовершенствахъ, а мы съ тобой здѣсь побесѣдуемъ, прибавилъ онъ улыбаясь.

Въ улыбкѣ этой не было и тѣни той насмѣшки, которая такъ больно, бывало, задѣвала Васюту.

— Не дурно, право, здѣсь у васъ, заговорилъ онъ снова.— Что значить привычка! Вѣдь ее недостаетъ мнѣ тамъ на сѣверѣ! Онъ указалъ на степь.

— И тамъ тоже равнина; да все не то. Главное, воздухъ не тотъ, солнце холодное. А здѣсь—одно слово благодать.

— Какъ ты измѣнился! промолвила, наконецъ, Васюта.

— Постарѣлъ?

Васюта не отвѣчала.

— Болѣзнь не свой братъ, хоть кого сломить. Внутренно, впрочемъ, я все тотъ-же, только... онъ опять улыбнулся,—огрызаться усталъ; не къ чему, да и зубы притупились.

— А своимъ цѣлямъ ты не измѣнилъ? робко спросила Васюта. Тѣмъ промелькнула на спокойномъ лицѣ Лёвки.

— Развѣ можно измѣнить тому, что срослось со всёми организмомъ? Измѣна была-бы равносильна смерти... Вотъ отчего съ годами я и понялъ, что поступалъ жестоко, ставя тебѣ въ вину невозможность отказаться отъ того, что тебѣ дорого, чтобы увѣривать въ то, во что я вѣрю. Повторяю, я радъ, что жизнь исправила мою ошибку.

Кровь то прилиwała къ лицу Васюты, то отливала. Его мягкость будто оскорбляла ее.

— Это очень гуманно, произнесла она съ горечью. — Но въ этой гуманности много самоинѣнія и презрѣнія. Ты снисходителенъ, потому-что считаешь себя сильнымъ, а другихъ слабыми, малодушными.

Лёвка съ удивленіемъ глядѣлъ на нее.

— Я тебя не презираю. Ты пошла по своей дорогѣ; за что же имѣешь тебя презирать. И слово это какое-то, Богъ съ нимъ, ужь очень громкое.

Онъ засмѣялся. Чѣмъ спокойнѣе, чѣмъ мягче онъ говорилъ, тѣмъ болѣе росло раздраженіе Васюты.

— Я тебя знаю, проговорила она запальчиво, — въ прежнее время ты такимъ-же самымъ образомъ говорилъ о тѣхъ, которыхъ ты считалъ не выше устрицъ или улитокъ.

Лёвка отвелъ глаза отъ ея взволнованнаго лица.

— Оставимъ прежнее время, сказалъ онъ серьезно. — Оно прошло. Намъ теперь дѣлать нечего.

Васюта замолчала. Этими словами онъ провелъ рѣзкую черту между прошлымъ и настоящимъ. Имъ дѣйствительно дѣлать было ничего, но не только дѣлать, имъ и говорить было не о чемъ. Однако, они оставались еще нѣкоторое время на пригоркѣ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, они мысленно, безъ словъ и заклинаній, дали другъ другу слово идти рука объ руку, и гдѣ теперь, послѣ конечнаго объясненія, они обмѣнивались пустыми, односложными замѣчаніями.

— Отецъ вѣрно уже ждетъ меня, промолвилъ Лёвка, вставая. — Прощай.

Онъ пожалъ ей руку и спустился съ пригорка.

Давно неиспытанное сознаніе своего безсилія и ничтожества

овладѣло ею, когда Васюта осталась одна. Все то, что терзало ее въ дѣтствѣ, что такъ тѣсно было связано съ образомъ Лѣвки, нахлынуло на нее. Она сѣла на траву, обхватила колѣни руками, какъ дѣлала это когда-то, и, съ чувствомъ близкимъ къ отчаянію, глядѣла на цвѣтущую степь.

Отдаленный звонъ колокольчика вывелъ ее изъ забытья. Она поднялась съ травы. По почтовой дорогѣ, обгоняя татарскія мажары, неся запряженный четверкой тарантасъ. Васюта безучастно посмотрѣла на него и неторопливо пошла домой.

— Ыдетъ, ѣдетъ! крикнулъ ей Филиппъ Антоновичъ.

Онъ и Людмила Павловна стояли на крыльцѣ. Ни отца Сергія, ни Лѣвки не было уже съ ними. Васюта не ускорила шаги; она не чувствовала ни радости, ни нетерпѣнія, но когда она взяла съ рукъ матери ребенка и, прижавъ его къ груди, склонилась надъ нимъ, охватившее ее жгучее сожалѣніе о прошломъ и опасеніе новой непоправимой ошибки исчезли.

— Въ немъ мое настоящее и будущее, подумала она, покрывая маленькое личико поцѣлуями.

— Онъ увидалъ насъ, машетъ платкомъ! сказала Людмила Павловна.

Васюта подняла голову; въ глазахъ ея еще не высохли слезы, но она съ улыбкой на губахъ смотрѣла на приближающійся экипажъ.

Ардовъ.

СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

РАФАЭЛЯ ДЖІОВАНІОЛИ.

(Переводъ съ итальянскаго).

ГЛАВА XIV.

Либторъ Семплиціанъ.

Пославъ въ свой лагерь подъ Ноллою гонца съ извѣстіемъ о новой побѣдѣ, Спартакъ расположился со своими войсками въ лагерь римлянъ. Ночью того-же дня, онъ призвалъ къ себѣ Окномана и потребовалъ отъ него торжественную клятву въ томъ, что ни подъ какимъ видомъ онъ не тронется изъ лагера до его вращенія. Окноманъ поклялся, и Спартакъ, взявъ съ собою триста всадниковъ, въ два часа пополуночи тихо выѣхалъ изъ лагера и ускакалъ неизвѣстно куда.

Между тѣмъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, истекшихъ со дня выступленія Спартака изъ лагера подъ Ноллою, туда ежедневно прибывали толпы рабовъ и гладіаторовъ въ такомъ множествѣ, что Криссъ составилъ изъ нихъ три новыхъ легіона въ пять слишкомъ тысячъ человѣкъ каждый. Начальство надъ ними было поручено Борториксу, Брезовиру и старому кивру атлетическаго тѣлосложенія, въ ранней юности взятому въ плѣнъ Маріемъ въ битвѣ при Сикстійскихъ водахъ. Этотъ кивръ по имени Вильмиръ, несмотря на свой дивнй нравъ и неудержимое пьянство, пользовался

большой популярностью въ средѣ гладіаторовъ, благодаря своей геркулесовской силѣ и рѣдкому прямодушію.

Новые легионы, соотвѣтственно инструкціи Спартака, ежедневно обучались фехтованію и всѣмъ тонкостямъ римскаго военнаго строя. Молодые новобранцы учились съ величайшимъ усердіемъ и охотой. Надежда завоевать свободу и вернуться въ свои семьи одушевляла всѣхъ этихъ несчастныхъ, оторванныхъ отъ родины и друзей. Сознаніе, что они свободные воины великаго и святаго дѣла, наполняло энтузіазмомъ сердца этихъ рабовъ, возвышало ихъ въ собственныхъ глазахъ и дѣлало непобѣдимыми. Всѣ горѣли желаніемъ помѣряться въ открытомъ полѣ со своими утѣшителями и доказать имъ съ мечомъ въ рукѣ свое человѣческое достоинство. Сила, храбрость, непобѣдимость этого молодого войска еще болѣе увеличились безграничной вѣрой въ своего даровитаго вождя.

Когда извѣстіе о блестящей побѣдѣ Спартака надъ преторомъ Вариніемъ достигло лагеря гладіаторовъ, радость ихъ была безпредѣльна. Все поле огласилось восторженными криками, пѣснями и шумнымъ говоромъ.

Услыхавъ неожиданный шумъ, Мирца вышла изъ палатки.

— Что случилось? спросила она бѣжавшаго мимо солдата.

— Спартакъ еще разъ разбилъ римлянъ!

— Гдѣ, когда?

— Подъ Аввиномъ, три дня тому назадъ. Взялъ римскій лагерь, отнялъ у претора его коня, знамя и ликторовъ!

Въ эту минуту къ палаткѣ подошелъ Борториксъ. Онъ воспользовался случаемъ, явиться подъ весьма благовиднымъ предлогомъ увѣдомить Мирцу о подробностяхъ новой побѣды брата. Но, подойдя къ ней и поздоровавшись, онъ покраснѣлъ какъ дѣвушка, и не зналъ, съ чего начать.

— Вотъ видишь-ли... Здравствуй Мирца, бормotalъ юноша, смотря въ землю и теребя перевязь своего меча.—Ты уже знаешь, конечно... дѣло было подъ Аввиномъ... Какъ поживаешь, Мирца?

Послѣ новой мучительной паузы онъ проговорилъ:

— Ну, такъ вотъ... видишь ли... Спартакъ снова побѣдилъ.

Чѣмъ болѣе Борториксъ старался быть развязнымъ, тѣмъ болѣе запутывался. Онъ понималъ самъ, до какой степени онъ смѣшонъ

и предпочель-бы стоять лицомъ-къ-лицу съ непріятелемъ втрое сильнѣйшимъ, чѣмъ передъ этой голубоглазой дѣвушкой.

Дѣло въ томъ, что Борториксъ, юноша нѣжный и чистый, обожавшій Спартака, съ нѣкотораго времени почувствовалъ въ сердцѣ нѣчто совершенно новое и незнакомое. При видѣ Мирцы, онъ испытывалъ какое-то смущеніе. Голосъ ея возбуждалъ въ немъ непонятный трепетъ; разговоръ казался небесной музыкой, уносящей его въ невѣдомый, очаровательный міръ.

Въ первое время онъ весь отдавался этимъ сладкимъ ощущеніямъ, вовсе не думая объ ихъ значеніи.

Съ того дня, какъ Спартакъ ушелъ въ Самніумъ, молодой глadiatorъ, самъ не зная какъ, весьма часто являлся въ палаткѣ Спартака, около Мирцы. Случалось также нерѣдко, что онъ точно лунатикъ, шелъ куда глаза глядятъ и, встрепенувшись, замѣчалъ, что очутился, невѣдомо какъ и для чего, въ какой-нибудь роцѣ или виноградникѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ лагеря.

Однако, мѣсяцъ тому назадъ случилось нѣчто, заставившее молодого галла удержаться немного на опасной покатоности, по которой онъ скользилъ.

Мирца въ первое время совершенно не замѣчала постоянства посѣщеній Борторикса и всегда разговаривала съ нимъ дружески, любезно и непринужденно. Но мало-по-малу и она начала внезапно краснѣть, блѣднѣть и смущаться въ присутствіи Борторикса.

Тогда молодой человекъ сталъ задумываться объ ихъ отношеніяхъ и прислушиваться къ біенію своего сердца. Къ ужасу своему онъ замѣтилъ, что безумно влюбленъ въ сестру Спартака.

Ея странное поведеніе онъ сталъ объяснять негодованіемъ на его дерзкое чувство. Ему и въ голову не приходило, что въ душѣ дѣвушки могло происходить совершенно то-же, что въ его собственной. Мысль о взаимности казалась ему святотатствомъ.

Такимъ образомъ молодые люди вѣчно мучились и страдали, скрывая свои чувства, стараясь убѣжать другъ отъ друга и сгорая желаніемъ поскорѣй свидѣться. При встрѣчахъ они хотѣли такъ много сказать другъ другу и молчали; хотѣли разстаться и немогли пошевелиться. Они оставались неподвижны, какъ статуи, лишь украдкой посматривая другъ на друга, точно каждый взглядъ ихъ былъ преступленіемъ.

Вотъ почему Борториксъ съ такой радостью воспользовался из-

вѣстіемъ о побѣдѣ Спартака, какъ самымъ приличнымъ предлогомъ для того, чтобъ повидаться съ его сестрой. Онъ самъ силился увѣрить себя, что не сдѣлать этого было-бы съ его стороны не только ребячествомъ, но по-просту непристойностью, потому-что какъ не успѣшить сообщить сестрѣ о новомъ подвигѣ брата.

И онъ слѣшилъ, бѣжалъ, не чуя земли подъ ногами, трепеща при мысли о томъ, какъ встрѣтитъ его, что скажетъ ему дѣвушка. По дорогѣ онъ строилъ тысячу плановъ о томъ, какъ онъ преодолѣетъ свою смѣшную застѣнчивость и откроетъ, наконецъ, ей свою душу. Онъ твердо рѣшился объясниться, потому-что ему необходимо было такъ или иначе покончить свои невыносимыя мученія.

Но когда онъ подошелъ къ палаткѣ и увидѣлъ Мирцу, все его благоразумные проекты разлетѣлись какъ дымъ. Онъ стоялъ передъ дѣвушкой смущенный, взволнованный, какъ школьникъ, застигнутый учителемъ на какой-нибудь шалости. Потoki красно-рѣчія, которые должны были политься изъ его усть, внезапно пересохла и онъ могъ только пробормотать восемь или десять словъ безъ связи и смысла.

Мирца вспыхнула, какъ утренная заря. Но, стараясь подавить волненіе, она проговорила слегка дрожащимъ голосомъ:

— Послушай, Борториксъ, развѣ такъ рассказываютъ сестрѣ о геройскихъ подвигахъ брата?

Юноша покраснѣлъ при этомъ упрекѣ и, поборовъ подъ влияніемъ стыда свою застѣнчивость, рассказалъ Мирцѣ во всѣхъ подробностяхъ все, что гонцы передали относительно аквинской битвы.

— А Спартакъ не раненъ? спросила дѣвушка, съ замираніемъ сердца слѣдившая за каждымъ словомъ Борторикса.

— Нѣтъ, онъ не раненъ, сказалъ юноша.—Какъ и всегда, онъ вышелъ цѣлымъ и невредимымъ изъ тысячи опасностей.

— О, я боюсь за него, потому-что знаю его безумную храбрость, отвѣчала печальнымъ голосомъ Мирца.

— Не бойся, благородная дѣвушка; пока у Спартака въ рукѣ мечъ, нѣтъ на землѣ человѣка, который могъ-бы оцарапать его грудь.

— О, я знаю, что онъ непобѣдимъ какъ Аяксъ, со вздохомъ сказала дѣвушка, но знаю также, что онъ не неуязвимъ подобно Ахиллесу.

— Великіе боги, явно покровительствующіе нашему святому дѣлу, охраняютъ драгоценную жизнь нашего вождя!

Оба замолчали.

Борториксъ устремилъ влюбленные глаза на дѣвушку и съ восторгомъ любовался ею. Мирца смотрѣла въ землю, потому-что чувствовала на себѣ взглядъ молодого галла, причинявшій ей въ одно и то-же время и наслажденіе, и муку.

Молчаніе длилось съ минуту, показавшуря Мирцѣ цѣлымъ вѣкомъ. Не будучи въ состояніи выносить его далѣе, она рѣшительно подняла глаза на Борторикса и спросила:

— Ты не выведешь сегодня свой легионъ за лагерный валъ для обученія?

— О, Мирца, вскричалъ опечаленный этимъ вопросомъ юноша, — неужели тебѣ такъ невыносимо мое присутствіе?

— О, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Мирца съ необдуманной горячностью. Но тотчасъ-же, остановившись и покраснѣвъ до корня волосъ, она пролепетала:

— Я сказала это потому, что ты всегда такъ усердно исполняешь свои обязанности.

— Въ честь побѣды Спартака Криссъ далъ легионамъ цѣлый день отдыха.

Разговоръ ихъ снова прекратился.

Наконецъ, Мирца сдѣлала рѣшительный шагъ по направленію къ палаткѣ и, несмотря на молодого гладиатора, проговорила торопливо:

— Прощай Борториксъ.

— О, не уходи, не уходи... дай мнѣ высказаться... я уже столько дней собираюсь открыть тебѣ свою душу... вскричалъ Борториксъ, испуганный движеніемъ дѣвушки, и понявъ, что онъ долженъ сказать ей все теперь или никогда.

— Что-же ты хочешь сказать мнѣ? О чемъ тебѣ нужно со мной говорить? спросила скорѣе огорченная, чѣмъ обрадованная сестра Спартака, продолжая держаться рукою за пологъ палатки и обернувъ на половину лицо къ Борториксу.

— Послушай... прости меня... вотъ уже два мѣсяца, какъ я страдаю и не могу выносить долѣе... но только не обидься моими словами... потому-что это случилось само собой... я совѣмъ не виноватъ...

Пробормотавъ еще нѣсколько безсвязныхъ словъ, онъ снова остановился. Потомъ вдругъ слова полились изъ его усть торопливо, нагоняя и какъ-бы тѣсня другъ друга, точно волны горнаго ручья.

— Зачѣмъ мнѣ притворяться? Зачѣмъ силиться скрыть чувство, котораго скрыть я не въ силахъ, потому-что оно сквозить въ каждомъ моемъ словѣ, въ каждомъ вздохѣ. До сихъ поръ я не открывалъ тебѣ своего сердца, потому-что боялся оскорбить тебя, сдѣлаться противнымъ тебѣ. Но теперь я не въ силахъ долге выносить этой муки! Я люблю тебя, Мирца! Люблю, какъ наше знамя, какъ Спартака, гораздо больше, чѣмъ самого себя. Если моя любовь для тебя оскорбленіе, если я тебѣ противенъ, то прости меня. Какая-то тайная сила влекла меня къ тебѣ помимо моей воли, даже безъ моего вѣдома и не одинъ человѣкъ не устоялъ-бы противъ нея!

Борториксъ остановился и, опустивъ голову, ждалъ рѣшенія своей участи.

По мѣрѣ того, какъ юноша говорилъ съ постепенно возрастающей силой, какая дается только глубокому чувству, Мирца волновалась все больше и больше. Глаза ея мало по малу наполнились слезами и ей стоило величайшихъ усилій, чтобъ не развиться рыданіями. Грудь ея то поднималась, то опускалась; лицо покрылось мертвенной блѣдностью.

Когда юноша кончилъ, она устремила на него свои полные слезъ глаза и нѣсколько мгновений они съ невыразимой нѣжностью покоились на его склоненной бѣлокурой головѣ. Наконецъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ она проговорила:

— О, Борториксъ! Хорошо было-бы, если-бъ ты никогда не подумалъ обо мнѣ, и еще лучше было-бы, если-бъ ты никогда не признался мнѣ въ своей любви...

— Такъ, стало-быть, я до такой степени противенъ тебѣ? спросилъ глубоко огорченный гладиаторъ, поднимая свое блѣдное лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не противенъ мнѣ Борториксъ! Самая знатная изъ дѣвушекъ, самая гордая изъ женщинъ были-бы счастливы твоей любовью... Но меня любить ты не можешь и ты долженъ... потушить свое чувство... и притомъ... на-вѣки!

— Но почему? Почему? съ мучительной тоской спрашивалъ Борториксъ, съ мольбой протягивая къ ней руки.

— Потому-что, отвѣчала Мирца сквозь слезы,—потому-что... любовь между нами... невозможна!

— Какъ? Что ты сказала? прервалъ ее несчастный гладиаторъ, блѣднѣя какъ смерть и бросаясь впередъ какъ-будто съ нагнѣреніемъ схватить, остановить ее, такъ-какъ Мирца сдѣлала шагъ по направленію въ палаткѣ.

Но молодая дѣвушка, поднявъ палецъ кверху, остановилась и задыхающимся голосомъ сказала:

— Именемъ гостепримства требую, именемъ Спартака приказываю тебѣ никогда не переступать черезъ порогъ этой палатки.

При имени своего обожаемаго вождя, Борториксъ опустил голову и остался какъ вкопанный, подавленный ужаснымъ несчастіемъ, обрушившимся на его голову.

Мирца, блѣдная какъ смерть, съ трудомъ подавляя душившія ее рыданія, ушла въ палатку.

Молодой галлъ нѣсколько времени стоялъ все на томъ-же мѣстѣ, устремивъ неподвижный взоръ на пологъ палатки, куда только-что исчезла дѣвушка, повторяя про себя въ полголоса:

— Невозможна!.. Невозможна!..

Изъ этого оцѣпенѣнія его вывелъ громкій звукъ трубъ: это трубили въ лагерѣ, въ честь побѣды Спартака. Очнувшись, онъ вскричалъ бѣшенымъ голосомъ, поднявъ кулакъ къ небу:

— Проклятіе! Пусть испепелитъ меня своими молніями Тана *) прежде чѣмъ я совсѣмъ сойду съума!

Схватившись обѣими руками за голову и шатаясь какъ пьяный, онъ отошелъ отъ палатки.

Въ то время, какъ въ гладиаторскомъ лагерѣ все было полно ликованія по поводу новой побѣды, Спартакъ, во главѣ своихъ трехсотъ всадниковъ, скакалъ во весь опоръ по большой римской дорогѣ.

Хотя послѣдняя его побѣда надъ Вариніемъ наполнила ужасомъ всѣ окрестные города, однако Спартакъ не рѣшался ѣхать днемъ по большой Аппіевой дорогѣ съ отрядомъ всего въ триста человекъ. Онъ пускался въ путь съ наступленіемъ ночи, днемъ-же скрывался въ какомъ-нибудь лѣсу или уединенной патриціанской виллѣ, расположенной всторонѣ отъ большой до-

*) Тана—богъ грома и молніи у галловъ.

роги, принимая всѣ предосторожности, чтобъ не быть застигнутымъ въ расплохъ.

На третью ночь послѣ выѣзда изъ Аввинскаго лагеря, отрядъ достигъ Лабикума, города, расположеннаго неподалеку отъ Тускулума. Здѣсь, приказавъ своимъ спутникамъ расположиться лагерь на закрытой прогалинкѣ лѣса, Спартакъ призвалъ къ себѣ самнита Мамилія, командовавшаго отрядомъ и наказалъ ему ожидать его возвращенія въ теченіи двадцати-четырехъ часовъ. Если-же къ ночи слѣдующаго дня его не будетъ, то возвращаться назадъ въ лагерь, не дожидаясь его далѣе.

Вскочивъ на коня, онъ одинъ-одинешенекъ понесся по дорогѣ въ Тускулумъ.

На скатахъ живописныхъ холмовъ, окружающихъ этотъ старинный городъ, разсыпаны были многочисленныя виллы римскихъ патриціевъ, любившихъ проводить здѣсь лѣтніе мѣсяцы и остававшихся иногда до поздней осени.

Спартакъ спросилъ у повстрѣчавшагося ему крестьянина, гдѣ находится вила вдовы Суллы, Валеріи Месаллы. Получивъ нужныя ему указанія, онъ прищпорилъ своего вороного коня и вскорѣ прискакалъ къ желѣзной оградѣ виллы. Спрыгнувъ съ сѣдла, онъ дернулъ за ручку колокольчика.

Еще было очень рано и привратникъ долго не отворялъ. Когда-же онъ, наконецъ, показался у калитки, то не хотѣлъ ни за что докладывать о немъ своей госпожѣ, хотя Спартакъ и увѣрялъ его, что онъ десятникъ изъ кагорты Марка Валерія Месаллы, присланный имъ по весьма важному дѣлу и долженъ немедленно видѣть Валерію.

Послѣ долгихъ колебаній привратникъ впустилъ его въ калитку и пошелъ доложить о немъ дворецкому. Но тутъ затрудненія увеличились. Старикъ дворецкій оказался еще упрямѣе привратника и наотрѣвъ отказался будить госпожу въ такую раннюю пору.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Спартакъ, прибѣгая къ хитрости,—скажи мнѣ, не умѣешь-ли ты читать по-гречески?

— Не умѣю, любезный, по той простой причинѣ, что и полатыни читаю плохо.

— Но неужели во всей виллѣ нѣтъ человѣка, который сьумѣлъ-бы прочесть записку трибуна Месаллы къ Валерію?

Ожидая не безъ нѣкотораго волненія отвѣта дворецкаго, Спартакъ сталъ рыться у себя за пазухой, дѣлая видъ, что ищетъ пергаментъ.

Какъ и предвидѣлъ Спартакъ, въ виллѣ не оказалось ни одного раба, который умѣлъ-бы читать по-гречески и старикъ дворецкій печально покачалъ головою и сказалъ:

— Всѣ рабы убѣжали изъ этой виллы... всѣ, греки и не греки...

Затѣмъ, понизивъ голосъ, онъ съ негодованіемъ прошепталъ:

— Убѣжали въ лагерь злодѣя Спартака! Пусть боги поразятъ его своими молніями!

Гладиаторъ усмѣхнулся.

— Но что-же дурного тебѣ сдѣлалъ Спартакъ, что ты его такъ ненавидишь?

— Что онъ мнѣ сдѣлалъ! Что онъ мнѣ сдѣлалъ!..

— Спрашиваю тебя потому, что, насколько я слышала, этотъ злодѣй провозглашаетъ свободу рабовъ. А такъ-какъ ты тоже рабъ, то мнѣ кажется, что тебѣ слѣдовало-бы скорѣе чувствовать симпатію къ этому негодяю.

Затѣмъ, не давъ дворецкому времени отвѣтить, онъ прибавилъ:

— Но, можетъ быть, ты притворяешься?..

— Притворяюсь! Я притворяюсь... нусть Минонъ простить тебѣ эту обиду въ день суда!.. Почему-же-бы мнѣ притворяться? Своимъ безумнымъ предпріятіемъ этотъ гладиаторъ сдѣлалъ меня несчастнѣйшимъ изъ людей. Безъ него, живя у моей доброй госпожи со своими двумя дѣтьми, я былъ совершенно счастливъ... Ахъ, что это были за прекрасные юноши! Если-бъ ты ихъ видѣлъ! Они родились близнецами и походили другъ на друга какъ Касторъ и Полуксъ.

— Ну, такъ что-же съ ними случилось?

— Ушли въ лагерь гладиатора и вотъ уже три мѣсяца какъ я не имѣю о нихъ вѣстей. Кто знаетъ, живы они, или убиты... О, великій Сатурнъ, покровитель Самніума, защити моихъ милыхъ дорогихъ дѣтей!

Старикъ горько зарыдалъ; Спартакъ былъ тронутъ. Послѣ минутной паузы онъ сказалъ:

— Такъ ты думаешь, что Спартакъ поступилъ дурно, затѣявъ эту войну и твои сыновья не должны были приставать къ нему?

— Да, думаю, и никогда не перестану такъ думать. О какой свободѣ толкуетъ этотъ сѣмашедшій гладіаторъ?.. Я родился свободнымъ пастухомъ въ горахъ Самніума. Началась социальная война. Наши предводители стали кричать: „хотимъ и мы завоевать себѣ право римскаго гражданства какъ и латиняне“. И мы возстали, дрались, рисковали жизнью... и что-же вышло? Вышло то, что я, свободный горецъ Самніума, сталъ рабомъ семейства Мессалы. И счастье еще, что попалъ къ такимъ хорошимъ господамъ... И жена свободнаго самнита сдѣлалась рабыней и дѣти наши родились рабами...

Тутъ старикъ остановился на минуту и послѣ нѣкоторой паузы прибавилъ:

— Мечты, бредни!.. Мірѣ всегда былъ и всегда будетъ раздѣленъ на господъ и рабовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, патриціевъ и плебеевъ. Такъ было, такъ и будетъ... Бредни... изъ-за которыхъ льется драгоценная кровь нашихъ дѣтей. А ради чего? Что мнѣ за радость, если-бы даже—что совершенно невозможно—эта война и удалась, но убили-бы моихъ сыновей? Что мнѣ тогда дѣлать со своей свободой? Плакать сколько есть охоты! Но пусть даже мои дѣти останутся живы, пусть все пойдетъ какъ нельзя лучше и завтра я и они — свободны. Ну, такъ что-жъ? Какая намъ польза въ нашей свободѣ, если у насъ нѣтъ ничего за душою? Теперь отъ нашей доброй госпожи мы получаемъ все необходимое и хотя мы и рабы, но живемъ въ довольствѣ и даже имѣемъ иногда кое-что лишнее. На другой-же день послѣ нашего освобожденія намъ придется наниматься на чужое поле за ничтожную плату, на которую намъ не пріобрѣсти даже необходимого... О, какое счастье умирать съ голоду на свободѣ!..

Старикъ замолчалъ. Рѣчь его, сперва безсвязная и отрывочная, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, становилась ясной, послѣдовательной и краснорѣчивой. Она произвела глубокое впечатлѣніе на Спартака, никогда еще не смотрѣвшаго на вопросы съ этой стороны. Погруженный въ тяжелыя думы, онъ опустилъ голову и съ минуту оставался неподвижнымъ. Наконецъ, встрепенувшись, онъ спросилъ:

— Такъ у васъ нѣтъ никого, кто умѣлъ-бы читать по-гречески?

— Никого.

— Въ такомъ случаѣ принеси мнѣ стиль и табличку.

Когда то и другое было ему подано, Спартакъ написалъ по-гречески два стиха изъ Гомера:

Къ тебѣ, о царица, я, странникъ гонимый судьбой, прибѣгаю
И твои обнимаю колѣни... *)

Затѣмъ, подавая дворецкому дощечку, онъ сказалъ:

— Отнеси это сію минуту горничной и скажи ей, чтобы она немедленно разбудила свою госпожу, не то худо будетъ вамъ обоямъ!

Старикъ ушелъ, внимательно разсматривая непонятные для него греческія буквы, а Спартакъ сталъ ходить взадъ и впередъ по дворцовой площадкѣ. Слова стараго раба глубоко запаали ему въ душу.

— Онъ правъ, твердилъ гладіаторъ въ тажеомъ раздумьи.— Что ему въ свободѣ, если будутъ убиты его сыновья? Что ему въ нашей побѣдѣ, если свобода, которую онъ купитъ такой дорогой цѣною, авится къ нему рука объ руку съ изсохшей, костлявой фигурой голода?.. Да, онъ правъ!.. Но въ такомъ случаѣ изъ-за чего-же мы бьемся, изъ-за чего проливаемъ рѣки крови?..

Онъ внезапно остановился, испуганный, подавленный своей мыслью.

Но черезъ минуто лицо его просвѣтлѣло: онъ поднялъ голову; походка его приняла прежнюю увѣренность.

— Но гдѣ-же написано, произнесъ онъ почти громко, — гдѣ написано, что свобода должна идти рука объ руку съ голодомъ? Отчего человѣческое достоинство непремѣнно должно одѣваться въ рубища нищеты? Кто установилъ это? Кто предписалъ?

Онъ остановился, какъ-бы ожидая отвѣта, затѣмъ съ удвоенною силою проговорилъ:

— Развѣ боги установили неравенство между людьми? Развѣ мы не рождаемся съ одинаковыми потребностями, одинаково безсильными, беспомощными? Развѣ не одинаково носить во чревѣ и царица и послѣдняя рабыня? Развѣ боги избавляютъ патриціанку отъ мукъ рожденія? Развѣ тѣла знатныхъ не гниютъ такъ-же, какъ и тѣла бѣдныхъ? Развѣ ихъ кости и пепель отличаются чѣмъ-нибудь другъ отъ друга?.. Кто-же это установилъ неравенство между людьми? Кто первый сказалъ: „это твое, это мое“, нару-

*) Одисея VIII, 390—391.

ная права брата?.. Разумѣется, какой-нибудь узурпаторъ, воспользовавшійся своей силой, чтобъ наступить на горло слабому и беззащитному!.. А если грубая сила послужила основаніемъ для установленія первой несправедливости, узурпаціи, рабства, то отчего же не употребить и намъ той-же силы для восстановленія равенства, справедливости, свободы? Если мы орошаемъ своимъ потомъ землю не намъ принадлежащую, чтобы вскормить и вспоить нашихъ дѣтей, то отчего не оросить намъ ее своею кровью, чтобы вернуть имъ отнятыя у нихъ права?..

Въ эту минуту вернулся дворецкій и сказалъ Спартаку, что Валерія тотчасъ-же встала съ постели и ждетъ его въ своемъ конклавѣ.

Внѣ себя отъ волненія вошелъ Спартакъ вслѣдъ за старикомъ въ домъ. Еще мгновение и онъ былъ у ногъ своей возлюбленной Валеріи.

Она бросилась ему на шею безъ слова, безъ звука и уста ихъ слились. Долго оставались они неподвижны въ одномъ страстномъ объятіи. Потомъ вдругъ, точно по данному знаку, оба откинулись назадъ, устремивъ другъ на друга взглядъ, полный неизъяснимаго восторга. Оба были блѣдны, взволнованы. Валерія, вся закутанная въ бѣлую какъ снѣгъ столу, съ распущенными по плечамъ густыми черными волосами, съ подернутыми слезами счастлиа очами, прошептала чуть слышно:

— О, милый, какъ я счастлива!

Они снова кинулись въ объятія другъ друга и молодая женщина, цѣлуя и лаская бѣлокурую голову своего возлюбленнаго, нѣжно шептала:

— Ненаглядный мой, какъ я боялась, какъ мучилась изъ-за тебя! Сколько я провела безсонныхъ ночей, думая объ опасностяхъ, которыми ты окруженъ!.. Ни о чемъ не могла я думать, кромя тебя, мой первый, послѣдній, единственный возлюбленный!..

Затѣмъ, черезъ минуту она спрашивала:

— Но какъ ты пронишь сюда? Отъ кого узналъ, что я здѣсь? Знаю! Отъ нашей милой Мирцы... Скажи, тебѣ не грозитъ-ли здѣсь какая-нибудь опасность? Гдѣ твое войско? Съ тобой? Расскажи мнѣ про свои подвиги! Скажи, когда окончится эта ужасная война и ты вернешься въ свою Фракію? Будешь свободенъ и мнѣ можно будетъ не разлучаться съ тобой?

Гладиаторъ печально улынулся, слушая эти мечты, которыми убаюкивала себя любимая имъ женщина. Поцѣловавъ ее въ лобъ и прижимая ее къ своей груди, онъ тихо сказалъ:

— Продолжительна и жестока будетъ война, но удастся-ли мнѣ привести подъ родныя кровли этихъ несчастныхъ рабовъ... про то знаютъ одни боги!..

Въ послѣднихъ словахъ гладиатора звучало столько грусти, что было ясно, какъ хорошо онъ понинаетъ всѣ трудности осуществления своего великаго дѣла.

Ласками и поцѣлуями старалась Валерія разогнать тучу, омрачившую чело ея возлюбленнаго.

Счастіе влюбленныхъ еще болѣе увеличилось присутствіемъ прелестной Постуміи, дочери Валеріи.

Быстро промчался день. Когда мракъ началъ спускаться на землю, печаль мало-по-малу стала омрачать счастье, посѣтившее на мгновеніе уединенный конклавъ бѣдной женщины. Казалось, что вѣстѣ съ солнечнымъ свѣтомъ потухаетъ и радость!

Спартакъ рассказалъ Валеріи, какимъ способомъ онъ попалъ къ ней и до какой степени опасно было для него оставаться у нея долѣе. Въ ту-же ночь онъ непремѣнно долженъ былъ вернуться къ отряду, ждавшему его въ лѣсу.

При такой печальной вѣсти Валерія не могла удержаться отъ слезъ. Среди рыданій, прерываемыхъ поцѣлуями, она говорила своему другу, что какое-то тайное предчувствіе говоритъ ей, что если онъ уѣдетъ, она уже никогда больше не увидитъ его.

Спартакъ старался успокоить бѣдную женщину и осушить ея слезы. Но противъ воли онъ самъ поддадалъ вліянію ея тяжелыхъ предчувствій. Улыбка его выходила принужденной, холодной. Слова надежды звучали погребально, отъ нихъ вѣяло мракомъ отчаянія.

Такъ шло время, пока на стеклянной клетидрѣ, стоявшей на полуколоннѣ, вода не поднялась до черты, обозначавшей шестой часъ ночи. Тогда Спартакъ освободился отъ объятій Валеріи и сталъ надѣвать кольчугу и мечъ.

Испуганно вскочила и Валерія.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, останься! лепетала она сквозь слезы, поднимая на него умоляющій взоръ.— Останься! Заклинаю тебя именемъ твоей матери и твоихъ боговъ... Дѣло гладиаторовъ по-

ставилъ ты на хорошую дорогу... у нихъ отличные вожди... Бриссъ... Граникъ... Окноманъ... Пусть они окончатъ войну!.. Останься со мной!.. я буду ласкать, любить тебя безгранично... Малѣйшее твое желаніе будетъ для меня закономъ!.. Останься, умоляю тебя!

— О, Валерія, милая, не требуй отъ меня низости, предательства, говорилъ въ то-же время Спартакъ, съ нѣжностью стараясь освободиться изъ ея рукъ.—Я не могу, не могу бросить тѣхъ, кого призвалъ къ оружію! О, Валерія, неужели ты хочешь, чтобъ я сдѣлался измѣнникомъ! Оставь, оставь меня!

Эта мучительная борьба длилась нѣсколько минутъ. Валерія все крѣпче и крѣпче обвивала Спартака своими нѣжными руками, которыми отчаяніе придавало необыкновенную силу. Въ комнатѣ слышно было только порывистое дыханіе, конвульсивныя поцѣлуи, вздохи, коленія и стоны.

Наконецъ, Спартакъ, призвавъ на помощь все свое мужество, поднялъ на руки Валерію и какъ ребенка положилъ ее на софу; нѣсколько секундъ она лежала въ изнеможеніи и, закрывъ лицо руками, тихо рыдала.

Гладиаторъ произнесъ безсвязныя слова надежды и утѣшенія, поспѣшно надѣлъ шлемъ, опоясался мечомъ и уже собирался въ послѣдній разъ поцѣловать дорогую женщину. Но она вдругъ всочилась и, упавъ на колѣни на порогѣ комнаты, схватила его за край туники.

— О, не покидай, не покидай меня, молю тебя всѣмъ, что есть святого! Я чувю вотъ здѣсь—при этомъ она указывала на сердце—чувю, что никогда, никогда тебѣ не суждено воротиться... Я это знаю, о, знаю!

— Я долженъ, долженъ ѣхать.

— Спартакъ... Спартакъ, шептала она чуть слышно,—заклинаю тебя... именемъ нашей дочери, именемъ Постуміи...

Спартакъ поднялъ ее на руки и приложился своими горячими губами къ ея похолодѣлымъ устамъ.

Нѣсколько мгновеній они стояли, сжимая другъ друга въ объятіяхъ.

— О, милая, обожаемая Валерія, шептала Спартакъ,—тебѣ воздвигъ я храмъ въ моемъ сердцѣ и твоему образу поклонялся я какъ единственному моему божеству; мысль о тебѣ вдохновляла

меня на всё высокіе и великодушныя подвиги, и неужели ты потребуешь отъ меня, чтобы я сдѣлалъ подлость и сталъ предметомъ презрѣнія современниковъ и проклятій потомства?

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу, чтобъ ты былъ великъ, славенъ и могучъ!.. Но я люблю тебя, я не могу жить безъ тебя... пожалѣй меня... Останься со мной хоть до завтра... Уѣдешь утромъ... Поцѣлуешь еще разъ твою Постумію... Я надѣну тебѣ на шею этотъ медальонъ...

При этомъ она указала на золотой медальонъ (bulula), усыпанный дорогими каменьями, висѣвшій на ея груди на тонкой золотой цѣпочкѣ.

-- Знаешь-ли, милый, что въ этомъ медальонѣ спрятанъ драгоценный талисманъ, который предохранитъ тебя отъ всѣхъ опасностей. Отгадай, что это такое?

Спартакъ ничего не отвѣчалъ и только съ любовью смотрѣлъ на очаровательную женщину, улыбаясь ей сквозь слезы.

— Какъ, съ нѣжными упрекомъ сказала Валерія, ты не догадываешься?

Затѣмъ, снявъ съ шеи медальонъ, она раскрыла его и показала Спартаку: въ немъ оказались двѣ пряди волосъ,—одна черная, другая бѣлокурая.

— Память отъ матери и дочери! прошептала Валерія.

Глубоко взволнованный Спартакъ приложилъ медальонъ къ устамъ.

Валерія взяла его изъ рукъ своего друга, сама поцѣловала и, надѣвъ медальонъ на шею гладиатора, сказала:

— Носи его подъ кольчугой, подъ туникой, на самой груди.

У бѣднаго фракійца сердце разрывалось на части. Не будучи въ состояніи промолвить слова, онъ прижималъ къ груди своей любимую женщину и слезы крупными каплями катились по его щекамъ.

Вдругъ на дворѣ раздались крики, звонъ оружія и смѣшанный гулъ человѣческихъ голосовъ.

Спартакъ и Валерія, блѣдныя, притаивъ дыханіе, стали прислушиваться.

— Отопри, старый песъ, не то выломаемъ ворота, кричалъ чей-то грубый голосъ.

— Не отопру безъ приказанія моея госпожи, отвѣчалъ другой голосъ, въ которомъ Спартакъ узналъ голосъ привратника.

— Огня! огня! топоровъ! закричало разомъ нѣсколько человѣкъ.

— Что это? спросила шепотомъ Валерія, устремивъ на Спартака глаза, исполненные невыразимаго ужаса.

— Вѣроятно открыли мое убѣжище, отвѣчалъ гладіаторъ, стараясь освободиться отъ Валеріи, которая крѣпко къ нему прижалась при первомъ шумѣ.

— Не уходи... не шевелись... молю тебя... Спартакъ... милый... шептала она прерывающимся голосомъ, обращая къ нему помертвѣлое отъ ужаса лицо.

— Такъ ты хочешь, чтобъ я попался живымъ въ руки враговъ? сказалъ тихимъ, но ужаснымъ голосомъ гладіаторъ. — Хочешь видѣть меня распятымъ на крестѣ?

— О, боги!.. отчаянно вскрикнула Валерія, отступая въ страшномъ испугѣ. Спасайся! И если тебѣ суждено погибнуть, то умирись мечомъ въ рукѣ, пораженный въ грудь!

Съ этими словами она смѣло схватила за ручку мечъ, висѣвшій у бедра Спартака, и сама дала ему въ руки.

— Благодарю, благодарю тебя, божественная Валерія! воскликнулъ Спартакъ, сверкнувъ очами. — Теперь я непобѣдимъ!

Онъ направился къ выходу.

— Прощай, милый, вскричала несчастная Валерія, въ послѣдній разъ прижимая его къ сердцу.

— Прощай, отвѣчалъ онъ, нѣжно цѣлуя ее.

Но вдругъ губы Валеріи похолодѣли и она, какъ бездушный трупъ, повисла у него на рукахъ.

— Валерія, Валерія! вскричалъ фракіецъ въ ужасѣ, всматриваясь въ помертвѣлое лицо своей возлюбленной, — что съ тобой?.. Валерія!..

Бросивъ на землю мечъ, онъ осторожно положилъ ее на софу и, ставъ на колѣни у ея изголовья, началъ покрывать лицо и руки поцѣлуями, точно надѣялся оживить ее ими.

Но Валерія оставалась неподвижной и походила скорѣе на жертву, чѣмъ на упавшую въ обморокъ. Ужасное опасеніе мелькнуло въ головѣ Спартака. Широко раскрывъ глаза и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ сталъ всматриваться въ ея губы, но она не дышала. Тогда онъ приложилъ руку къ ея сердцу и почувствовалъ,

что оно чуть замѣтно бьется. У него отлегло отъ сердца. Подбѣжавъ къ двери, онъ крикнулъ:

— Софронія! Софронія! скорѣй, скорѣй!

Въ ту-же минуту въ корридорѣ слышались мужскіе шаги.

Съ быстротою молніи Спартакъ схватилъ мечъ и выскочилъ въ дверь.

Передъ нимъ стоялъ дворецкій.

— Что тебѣ надо? спросилъ Спартакъ грознымъ голосомъ.

— Толпа всадниковъ... подбѣжала къ воротамъ, пробормоталъ старикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.— Они шумятъ и требуютъ, чтобы имъ выдали ихъ вождя и... говорятъ, что ты... Спартакъ!

— Ступай, скажи, что я сейчасъ выйду.

Онъ захлопнулъ дверь предъ лицомъ дворецкаго, точно окаменѣвшаго отъ удивленія, недоумѣнія и ужаса.

Въ то самое мгновеніе, какъ Спартакъ возвращался въ конклавъ Валеріи, съ противоположной стороны туда-же входила рабыня.

— Скорѣй позови другихъ рабынь, возьмите спирта и духовъ и помогите госпожѣ: она упала въ обморокъ.

— О, моя бѣдная, о, моя добрая госпожа! начала причитать Софронія.

— Скорѣй за дѣло! крикнулъ Спартакъ.

Софронія вышла и вскорѣй вернулась съ двумя другими рабынями, несшими въ рукахъ флаконы съ душистыми притираниями и спиртами. Всѣ трое стали усердно хлопотать около Валеріи и вскорѣй ея мертвенно-блѣдное лицо озарилось легкимъ румянцемъ жизни.

Спартакъ, стоявшій все время у ея изголовья, поднялъ глаза къ небу, какъ-бы благодаря его за спасеніе любимой женщины, потомъ подошелъ къ софѣ и, опустившись на колѣни, поцѣловалъ бѣлую руку Валеріи, безсильно опустившуюся внизъ, и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Выйдя на крыльцо, онъ увидѣлъ полсотни всадниковъ, выстроившихся въ рядъ, держа коней подъ уздцы.

— Ну?... спросилъ онъ строгимъ голосомъ:— что вамъ нужно!

— По приказанію Мамилія, отвѣчалъ декуріонъ, командовавшій полусотней,—мы слѣдили за тобою издали и боялись, что...

— Садись! скомандовалъ Спартакъ.

Въ одно мгновеніе всѣ пятьдесятъ всадниковъ, схватившись

лѣвой рукой за гриву лошадей и опершись правой объ ихъ спину, вскочили на лошадей, покрытыхъ простыми синими чепраками *).

Обратившись къ немногимъ рабамъ, по старости оставшимся въ виллѣ и теперь робко тѣснившимся у крыльца, Спартакъ крикнулъ:

— Коня!

Нѣсколько человекъ бросилось въ конюшню и вывели оттуда вороного скакуна Спартака. Вскочивъ на него, онъ обратился къ старому дворецкому:

— Какъ зовутъ твоихъ сыновей?

— О, великій Спартакъ, отвѣчалъ всхлипывая старикъ, не вѣяи имъ въ вину моихъ вчерашнихъ необдуманыхъ словъ!..

— Низкопоклонный рабъ! въ негодованіи вскричалъ гладиаторъ.—Какъ смѣешь ты подозрѣвать меня въ такой низости?

— Прости меня, благородный Спартакъ... Ихъ зовутъ Аввиліемъ и Ациліемъ. Будь ихъ покровителемъ, о, великій вождь, и пусть боги помогутъ тебѣ!..

Спартакъ не слушалъ его болѣе. Пришпоривъ коня, онъ уже неся по гладкой дорогѣ впереди своего отряда.

Старые рабы семейства Месаллы нѣсколько минутъ смотрѣли вслѣдъ удалявшемуся отряду, не будучи въ состояніи придти въ себя отъ страха и удивленія и успокоились только тогда, когда совершенно смолкъ топотъ коней.

Невозможно описать слезъ, мученій и отчаянія Валеріи, когда, очнувшись, она узнала о внезапномъ отъѣздѣ Спартака.

Самъ онъ, подавленный горемъ, все гналъ и гналъ своего коня, какъ-будто надѣясь убѣжать отъ терзавшихъ его мукъ. Но адъ клокоталъ въ его груди и напрасно силился онъ бѣшеной скачкой спастись отъ него. Образъ Валеріи, измученной, страдающей, протягивающей къ нему руки съ мольбой и надеждой, неотступно преслѣдовалъ его..

— А что если Валеріа, не совсѣмъ еще оправившись, узнала о его внезапномъ отъѣздѣ? Что если она заболѣла серьезно?.. Что если—о, боги—она умираетъ?..

При этой ужасной мысли онъ изо всѣхъ силъ дернулъ за узду

*) Въ то время не употребляли ни сѣделъ, ни стремянъ.

и на всемъ скаку остановилъ своего коня. Спутники его тоже остановились.

— Мнѣ нужно вернуться въ виллу вдовы Суллы, сказалъ онъ мрачнымъ голосомъ.— А вы поѣзжайте дальше одни.

— Нѣтъ!

— Ни за что! отвѣчали почти въ одинъ голосъ всѣ гладиаторы.

— Но кто-же посмѣетъ меня удержать?

— Мы!.. сказала нѣсколько человѣкъ.

— Твоя честь! воскликнули другіе.

— Твои влѣтвы! проговорили третьи.

— Наше дѣло, которое безъ тебя погибнетъ!

— Долгъ!.. Долгъ!..

Тутъ всѣ голоса слились въ одинъ протяжный ропотъ, въ которомъ слышались и недовольство, и упреки, и мольба.

— Позволь мнѣ сказать тебѣ два слова, благородный Спартакъ, промолвилъ одинъ изъ всадниковъ, выѣзжая впередъ.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати - трехъ, съ выразительнымъ смуглымъ лицомъ, окаймленнымъ первымъ пушкомъ.

Когда они отъѣхали немного всторону, молодой человѣкъ сказалъ:

— Прости мнѣ мое непрошенное вмѣшательство. Но твоя жизнь такъ дорога мнѣ и намъ всѣмъ, что я готовъ лучше показаться нескромнымъ въ твоихъ глазахъ, чѣмъ позволить тебѣ рисковать своей головою. Я знаю, что влечетъ тебя въ виллу благородной патриціанки. Позволь-же мнѣ предложить тебѣ свои услуги. Если прикажешь, я проникну въ виллу благородной вдовы, передамъ отъ твоего имени все, что пожелаешь и принесу тебѣ самыя вѣрныя извѣстія о ней.

— Такъ, стало-быть, ты хочешь, чтобъ я, оставаясь самъ внѣ всякой опасности, послалъ на вѣрную смерть другого? Нѣтъ! Никогда Спартакъ не сдѣлаетъ такой низости.

— Я пройду въ виллу и вернусь оттуда безъ малѣйшей опасности, отвѣчалъ, улыбаясь, всадникъ.

— Но кто ты? Какъ ты это можешь сдѣлать?

— Я одинъ изъ твоихъ старыхъ товарищей по заговору и горячихъ поклонниковъ и готовъ отдать за тебя жизнь! Но въ этомъ дѣлѣ, прибавилъ онъ,—я рѣшительно ничѣмъ не рискую, потому - что я родомъ латинъ и отлично знакомъ съ нравами и

языкомъ этой провинціи. Въ первомъ крестьянскомъ домикѣ, который намъ встрѣтится, я переодѣнусь въ крестьянское платье, пройду въ виллу Валеріи Месаллы и проберусь назадъ въ нашъ лагерь горными тропинками гораздо раньше тебя, такъ-что ты застанешь уже тамъ извѣстія о Валеріи.

— Но ты... если не ошибаюсь, сказалъ Спартакъ,—кажется, охотникъ *) Рутилій.

— Да, отвѣчалъ юноша, —я Рутилій и счастливъ, что ты, Спартакъ, несмотря на столько лѣтъ разлуки, помнишь меня.

Рутилій былъ храбрый и надежный человѣкъ, на котораго можно было положиться. Спартакъ, послѣ нѣкотораго колебанія, принялъ его предложеніе и вмѣстѣ со своимъ отрядомъ поѣхалъ дальше. Вскорѣ имъ встрѣтилась крестьянская ферма, гдѣ гладіаторы нашли все нужное, чтобы нарядить Рутилія мѣстнымъ жителемъ.

Пока молодой человѣкъ переодѣвался, Спартакъ написалъ на воощеной дощечкѣ письмо Валеріи на греческомъ языкѣ и, отдавъ его Рутилію, двинулся далѣе во главѣ своего маленькаго отряда, значительно успокоенный.

Въ восходу солнца отрядъ прискакалъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ лагерь Мамилій со своими всадниками. Онъ разсказалъ Спартаку, какое волненіе распространилось по всей окрестности при извѣстіи объ ихъ наѣздѣ на Тускулумъ и совѣтовалъ немедленно двинуться назадъ къ Аквину.

Спартакъ послушался благоразумнаго совѣта и вскорѣ долженъ былъ убѣдиться во всей его основательности: прибывъ въ Алатри, онъ узналъ, что Вариній, увѣдомленный жителями о движеніи отряда гладіаторовъ человѣкъ въ триста по дорогѣ въ Тускулумъ, раздѣлилъ свою кавалерію на два эскадрона по пятисотъ человѣкъ каждый и послалъ одинъ изъ нихъ въ погоню за гладіаторами, другой въ Ферентинумъ, съ цѣлью отрѣзать имъ отступленіе къ аквинскому лагерю.

Давъ своимъ конямъ самый короткій отдыхъ, Спартакъ долженъ былъ спѣшить далѣе, чтобы прибыть въ Ферентинумъ раньше враговъ. Цѣлую ночь и весь слѣдующій день ѣхали гладіаторы, останавливаясь только на нѣсколько часовъ покормить лошадей и

---

*) Охотниками назывались граждане сами продавшіе себя ланістамъ въ качествѣ гладіаторовъ.

подкрѣпиться пищею. Только достигнувъ Фрегелиса, Спартакъ позволилъ сдѣлать привалъ и, оставивъ назади пикеть въ двадцать человѣкъ слѣдить за дорогой изъ Ферентинума, гладіаторы провели здѣсь цѣлую ночь. На другой день около полудня они были уже въ Аквинскомъ лагерѣ внѣ всякой опасности.

Здѣсь Спартакъ засталъ Рутилія съ письмомъ отъ Валеріи.

Въ тотъ-же вечеръ онъ созвалъ въ свою палатку начальниковъ легионовъ и, посовѣтовавшись съ ними, приказалъ на другой-же день сниматься съ лагеря.

Послѣ пятидневнаго перехода Спартакъ, во главѣ своихъ двадцати тысячъ воиновъ, вернулся въ свой старый лагерь подъ Ноллю.

Трудно описать, съ какой радостью гладіаторы встрѣтили своихъ товарищей, вернувшихся изъ Самніума послѣ столькихъ побѣдъ.

Цѣлыхъ три дня продолжались пѣсни, пляски и веселье въ лагерь, гдѣ Спартакъ рѣшилъ перезимовать. Онъ понималъ, что Вариній ничего не посмѣетъ предпринять противъ него въ суровое и дождливое время года, если-бъ даже войска его и не были такъ деморализированы цѣлымъ рядомъ поражений. Съ другой стороны, было-бы верхомъ безумія идти на Римъ, противъ котораго не рѣшился двинуться даже величайшій изъ полководцевъ древности, Ганнибалъ, послѣ того какъ разбилъ на голову послѣднюю римскую армію подъ Каннами.

Покинувъ свой старый лагерь, оказавшійся теперь черезчуръ тѣснымъ, гладіаторы устроили другой, несравненно большій, окруживъ его глубокимъ ровомъ и высокимъ частоволомъ.

Лишь только войско расположилось на новомъ мѣстѣ, Спартакъ рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный имъ планъ реорганизациі своихъ легионовъ. До сихъ поръ гладіаторы раздѣлялись на легионы по времени своего присоединенія къ возстанію и теперь Спартакъ задумалъ раздѣлить ихъ по національностямъ. Несмотря на нѣкоторыя неудобства такого раздѣленія, Спартакъ рассчитывалъ, что оно дастъ самые благотворные результаты, увеличивъ взаимную связь между солдатами одного легиона. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду и другую цѣль, въ высшей степени важную: возможность раздѣлить свое войско на отдѣльные корпуса, подъ начальствомъ одноплеменныхъ имъ начальниковъ, къ которымъ солдаты могли-бы питать полное довѣріе.

Нѣсколько дней спустя послѣ перехода войска въ новый лагерь, Спартакъ раздѣлилъ свою армію, достигшую въ это время пятидесяти-трехъ тысячъ, на десять легионовъ, по пяти тысячъ человѣкъ каждый. Первые два легиона германцевъ, которыми командовали Вильмирій и Мероведъ, составляли первый корпусъ подъ начальствомъ Окномана. Четыре слѣдующія состояли изъ галловъ и составляли второй корпусъ, которымъ командовалъ Криссъ. Седьмой легионъ состоялъ изъ грековъ; восьмой и девятый — изъ фракійцевъ, а десятый — изъ самнитовъ и прочихъ народовъ, имѣвшихъ своихъ представителей въ средѣ возставшихъ рабовъ. Четыре послѣдніе легиона составляли третій корпусъ. Имъ командовалъ Граникъ, уроженецъ Иллиріи, человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, очень высокій и гибкій, съ черными кудрявыми волосами и смуглымъ цвѣтомъ лица. Онъ былъ всегда серьезенъ, молчаливъ и спокоенъ и считался первымъ и страшнѣйшимъ клинкомъ среди десяти тысячъ гладіаторовъ равенской школы.

Конницей, возросшей къ этому времени до трехъ тысячъ, командовалъ Мамилій.

Верховнымъ вождемъ былъ снова провозглашенъ, при всеобщемъ энтузіазмѣ, Спартакъ.

Восемь дней спустя, назначенъ былъ смотръ вновь переустроенному войску.

Когда Спартакъ показался передъ стройными рядами гладіаторовъ, выстроенныхъ по корпусно въ три линіи, одѣтый въ свой скромный нарядъ простого воина, его привѣтствовалъ громкій, перекатывающійся какъ громъ, крикъ, вырвавшійся изъ груди этихъ пятидесяти-трехъ тысячъ рабовъ, превращенныхъ, благодаря его энергіи, въ непобѣдимое войско.

— Слава, слава великому Спартаку!

Когда этотъ крикъ, на минуту смолкавшій и потомъ снова подхватываемый ликующими голосами, сколкъ и трубачи проиграли гимнъ свободѣ, ставшій военной пѣсней гладіаторовъ, Окноманъ, сидѣвшій на большомъ гнѣдомъ конѣ впереди первой линіи, крикнулъ на все поле:

— Товарищи, послушайте, что я вамъ скажу!..

Наступила глубокая тишина и германецъ, послѣ нѣкоторой паузы, продолжалъ:

— Если наше войско устроено во всемъ, даже въ послѣдней мелочи, по-римски, то отчего одинъ только верховный нашъ вождь не имѣетъ знаковъ и почестей римскаго консула?..

— Императорскіе знаки Спартаку!.. крикнулъ Криссъ.

— Императорскіе знаки Спартаку! закричали, какъ одинъ человѣкъ, всѣ пятьдесятъ-три тысячи гладиаторовъ.

Когда шумъ нѣсколько утилъ, Спартакъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить.

— Благодарю васъ отъ всей души, товарищи и братья по несчастью. Но я не желаю никакихъ почестей, никакихъ отличій. Не для возвышенія самихъ себя взяли мы за оружіе, а для завоеванія себѣ свободы и равенства.

— Ты нашъ императоръ *), громко сказалъ Рутилій. — Императоромъ сдѣлали тебя твои побѣды, твоя мудрость, твоя храбрость и всѣ твои великія доблести. Если твоя скромность имѣшаетъ тебѣ принять заслуженныя тобою почести, то ты долженъ сдѣлать это для славы и величія нашего войска и нашего знамени. Пурпурную мантию, ликторовъ Спартаку! крикнулъ онъ въ заключеніе.

— Мантию и ликторовъ! Мантию и ликторовъ Спартаку! кричали легіоны.

— Римскихъ ликторовъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ въ Аввинской битвѣ! закричалъ громкимъ голосомъ Криссъ.

Цѣлая буря рукоплесканій, криковъ одобренія, сливавшихся въ одинъ оглушительный ревъ, отъ котораго, казалось, дрожала сама земля, были отвѣтомъ на это предложеніе.

Дѣйствительно, мысль Крисса, внезапно явившаяся ему, была такъ проста и многознаменательна, что не могла не вызвать всеобщаго энтузіазма. Заставить римскихъ ликторовъ, предшествовавшихъ знаменитѣйшимъ изъ римскихъ полководцевъ, Марію, Суллѣ, Помпею, — заставить ихъ идти впереди вождя гладиаторовъ! Развѣ можно было придумать большее униженіе римской гордости, болѣе блистательное свидѣтельство побѣды надъ ними?

Несмотря на сопротивленіе Спартака, остававшагося столь-же скромнымъ какъ и во времена своей безвѣстности, онъ долженъ

*) Императорами назывались во времена римской республики полководцы, за побѣду надъ врагами удостоившіеся отъ сената триумфа. Только впоследствии слово это стало означать верховнаго главу государства.

былъ уступить волѣ своего войска и надѣть драгоцѣнную серебрянную кольчугу, нарочно сдѣланную по заказу Крисса въ Помпеѣ, такой-же шлемъ, съ великолѣпной рѣзьбой и опоясаться широкимъ испанскимъ мечомъ, золотая ручка котораго была усыпана драгоцѣнными каменьями, и надѣть на плечи пурпурную мантию, обшитую золотымъ позументомъ *).

Когда Спартакъ показался предъ своими легіонами въ одеждѣ императора, сидя на своемъ ворономъ конѣ, простая кожаная сбруя котораго была замѣнена богатой уздой съ золотой насѣвкой и великолѣпнымъ чепракомъ съ золотой бахромой, по всей долинѣ раздалось:

— Слава Спартаку, императору!

Двѣ женщины со слезами на глазахъ смотрѣли на это зрѣлище, хотя не одни женщины, но и многія сотни и тысячи грубыхъ гладіаторовъ плакали въ этотъ день слезами радости. Эти женщины были Мирца и Эвтибида.

Но въ голубыхъ очахъ сестры гладіатора сіяло только безпредѣльное счастье удовлетворенной братской любви, тогда-какъ гречанка слѣдила за нимъ пылающимъ, хищнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась вся сила сожигавшей ее страсти.

Вдругъ одинъ изъ десятниковъ вывелъ изъ палатки которую охраняли часовые, ликторовъ претора Публия Варинія, взятыхъ въ плѣнъ въ Аквинской битвѣ. Имъ приказано было отнынѣ и впредь всегда предшествовать верховному вождю гладіаторовъ, какъ они предшествовали консуламъ и преторамъ **).

Это были шесть человекъ высокаго роста съ длинными волосами, вида воинственнаго и гордаго. На нихъ были плащи изъ темной шерсти, спускавшіеся до колѣнъ какъ у жрецовъ; на плечѣ они держали пучки палокъ съ воткнутымъ въ нихъ топоромъ, который вынимался въ мирное время. Въ другой рукѣ ихъ были палочки (*virgo*) дополнявшія знаки ихъ достоинства.

---

*.) Поразительная простота и скромность этого истинно-великаго человека признается даже его врагами. Несмотря на свои побѣды, Спартакъ, по словамъ Плутарха (Жизнь Красса): „никогда не превозносился мыслью и былъ умеренъ и благоразуменъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ“. Изъ всѣхъ бойцевъ за свободу, поднявшихся изъ полной неизвѣстности на неизмѣримую высоту, только одинъ походилъ въ этомъ отношеніи на Спартака—это Джузеппе Гарibaldi.

**.) Луцій Флоръ. III, 20.

Громкій, неистовый крикъ восторга пронесся по равнинѣ при ихъ появленіи.

Когда водворилась тишина, Спартакъ слѣзъ съ коня и, предшествуемый ликторами, сталъ обходить ряды германскихъ легионовъ, стоявшихъ въ первой линіи. Криссъ, Граникъ и Окноманъ шли позади своего вождя, который, сдѣлавъ смотръ войску, похвалилъ его за хорошее состояніе оружія, вѣрность строя и воинственный видъ.

Ликторы шли впереди униженные, опустивъ головы, иные блѣдные отъ подавленнаго бѣшенства, другіе красные отъ стыда.

— Какой позоръ, какой позоръ! бормоталъ чуть слышно одинъ изъ нихъ.

— Лучше было-бы погибнуть подъ Аввиномъ, чѣмъ дожить до такого униженія! отвѣчалъ другой.

Первый изъ этихъ ликторовъ былъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, высокій, худой съ сѣдыми волосами и строгимъ лбомъ, перерѣзаннымъ широкимъ рубцомъ отъ раны. Въ его сѣрыхъ, быстрыхъ глазахъ и тонкихъ, крѣпко-сжатыхъ губахъ читалось мужество и энергія. Его звали Семплиціаномъ. Другой былъ челоувѣкъ лѣтъ подъ сорокъ. Лицо его обыкновенно спокойное и мужественное было искажено горемъ и стыдомъ. Его звали Отацліемъ.

Вынужденные предшествовать гладіатору шесть ликторовъ шли, опустивъ глаза въ землю, и когда осмѣливались время отъ времени поднимать взоръ, видѣли на всѣхъ лицахъ злобную радость враговъ, наслаждавшихся униженіемъ побѣжденнаго.

. Цѣлыхъ три часа продолжалось шествіе Спартака по рядамъ своихъ легионовъ. Онъ останавливался, заговаривая съ лично знакомыми ему гладіаторами, хваля достойныхъ, побуждая всѣхъ къ строгому соблюденію дисциплины и вѣрности товарищамъ, составляющимъ основу всякаго военного устройства и единственный залогъ побѣды.

Окончивъ смотръ, Спартакъ вскочилъ на своего коня и, вынувъ изъ ноженъ мечъ, командовалъ нѣсколько движеній, которыя и были исполнены съ безукоризненной точностью. Затѣмъ, всѣ три корпуса одинъ за другимъ были двинуты въ миную атаку противъ ближайшихъ высотъ, послѣ чего они прошли мимо своего вождя снова привѣтствуя его императоромъ.

Спартакъ послѣднимъ ушелъ съ поля, сопровождаемый Овноманомъ, Криссомъ, Граникомъ и десятью командирами легионовъ.

При постройкѣ новаго лагеря, гладиаторы выстроили для Спартака, безъ его вѣдома, палатку достойную вождя. Въ ней и былъ приготовленъ въ этотъ торжественный, для всѣхъ возставшихъ, день скромный пиръ для десяти начальниковъ легионовъ и трехъ ближайшихъ друзей Спартака. Въ угоду фракійцу пиръ былъ въ высшей степени скромнень, потому-что Спартакъ не изъ суетной жажды легкой популярности, а по привычкѣ, усвоенной съ самой ранней молодости, всегда отличался чрезвычайной простотой и умѣренностью въ пищѣ и питьѣ.

Поэтому пили и ѣли мало, въ противность тайному желанію большинства гостей. Тѣмъ не менѣе самое искреннее веселье царствовало за этимъ дружескимъ столомъ. Въ концѣ обѣда Рутилій, поднимая вверхъ свою чашу, вскричалъ:

— Пью за свободу всѣхъ рабовъ, за торжество всѣхъ угнетенныхъ, за здоровье доблестнаго и непобѣдимаго Спартака, нашего императора!

Когда смолели восторженные крики присутствующихъ, Спартакъ, въ свою очередь, провозгласилъ:

— Пью въ честь Юпитера-Освободителя и честной и непорочной богини свободы! Пусть она умолитъ всѣхъ боговъ Олимпа быть нашими покровителями!

Всѣ радостно выпили, хотя галлы и германцы не вѣрили ни въ Юпитера, ни въ прочихъ обитателей Олимпа. Поэтому Овноманъ, въ свою очередь, предложилъ заздравную чашу, призывая на войско покровительство Одина, а Криссъ—благосклонность Гезу. Наконецъ, начальникъ греческаго легиона Салоникъ, эпикуреецъ, не вѣровавшій ни въ греческихъ, ни въ варварскихъ боговъ, воскликнулъ:

— Не призывайте вашихъ боговъ; ихъ не существуетъ. Все зиждется матеріей, какъ научилъ насъ божественный Эпикуръ! Боги созданы страхомъ толпы и не услышатъ вашего зова. Выпьемъ-же лучше за нашъ неразрывный союзъ, за наше мужество, за крѣпость нашихъ мечей!

Гладиаторы не стали вступать въ философскіе споры и весело выпили вмѣстѣ съ эпикурейцемъ.

Закутавшись въ изящный пеплумъ изъ синей шерстяной мате-

ринъ съ серебрянными блестящими, Мирца сидѣла въ сторонѣ и почти все время не сводила глазъ съ брата. На лицѣ молодой дѣвушки, съ котораго въ послѣднее время почти не сходило выраженіе печали, свидѣтельствовавшей о какихъ-то глубокихъ внутреннихъ страданіяхъ, сіяла сегодня самая чистая и свѣтлая радость. Казалось, что одинъ изъ лучей того ореола славы, которымъ окружено было чело ея дорогого брата, упалъ на ея скорбную грудь и согрѣлъ ея наболѣвшее сердце.

Ворториксъ тоже присутствовалъ на этомъ дружескомъ пирѣ. Но не пиръ, не веселые разговоры гостей занимали его, весь сосредоточенный въ своемъ чувствѣ, онъ радъ былъ случаю находиться недалеко отъ Мирцы, любоваться ею, наслаждаться тѣми немногими мгновеніями, которыя, не нарушая ея запрещенія, позволяли ему быть подъ одной съ ней кровлей. И несчастный юноша, какъ скупой, старался не потерять ни одного изъ этихъ мгновеній. По временамъ Мирца невольно взглядывала на него, точно повинуюсь какой-то притягательной силѣ этихъ постоянно устремленныхъ на нее очей. Тогда облако печали скользило по ея лицу и слеза сверкала на опущенныхъ рѣсницахъ, потому-что она не могла не замѣтить, какъ похудѣлъ бѣдный юноша и какія глубокія борозды провела отвергнутая любовь на этомъ недавно столь свѣжемъ лицѣ.

Нѣсколько часовъ продолжалось веселое пиrowаніе въ палаткѣ вождя гладіаторовъ. Когда друзья разстались, солнце склонилось уже къ западу.

Проводивъ своихъ гостей и оставшись одинъ, Спартакъ, подъ вліяніемъ всѣхъ событій этого необыкновеннаго дня, задумался. Предъ его глазами невольно встало все его прошлое. Давно-ли, безвѣстный гладіаторъ, онъ вынужденъ былъ служить забавою праздной и бездушной толпы! Теперь онъ грозный вождь могучаго войска... Свобода! Великое, всемогущее слово. Оно-то собрало сюда меньше чѣмъ въ одинъ годъ пятьдесятъ тысячъ несчастныхъ, лишенныхъ всѣхъ правъ, всякой надежды въ будущемъ, униженныхъ, развращенныхъ своимъ безправіемъ, доведенныхъ до состоянія животныхъ. Оно-то сдѣлало его великимъ, дало ему силу устроить эту грозную армію, побѣдить всѣ препятствія и преграды и, мало того, побѣдить даже свое собственное благородное чувство къ Валеріи, къ этой божественной женщинѣ, пренебрег-

шей всѣмъ, что только дорого человѣку, чтобы цѣликомъ отдать свое сердце ему...

При мысли о Валеріи невыразимая тоска сжала его грудь... Ему вспомнилось ихъ послѣднее свиданіе, ея отчаяніе, слезы, мрачныя предчувствія... Увидить-ли онъ ее еще когда-нибудь? А Постумія?... Бѣдное, невинное созданіе! Что суждено ей вынести въ жизни отъ безсердечныхъ родныхъ, знающихъ тайну ея рожденія! На беззащитномъ ребенкѣ пожелають они выместить вину отца... Бѣдная, бѣдная дѣвочка!

Этотъ могучій, несокрушимый человѣкъ готовъ былъ расплакаться какъ ребенокъ. Поднеся руку къ глазамъ, чтобы удержать слезы, онъ почувствовалъ, что они уже текутъ по его лицу.

Устыдившись своей слабости, Спартакъ встрепенулся и быстро вышелъ изъ палатки. Передъ нимъ открывался огромный лагерь, покрытый бесчисленными палатками, бѣлѣвшими въ ночной темнотѣ. Безъ всякой опредѣленной цѣли онъ пошелъ впередъ, стараясь избѣгать людныхъ мѣстъ, гдѣ могли съ нимъ заговорить. Незамѣтно онъ дошелъ до конца лагера, до такъ-называемаго „форума“, мѣста, отведеннаго для палатокъ союзниковъ въ римскомъ лагерѣ. Здѣсь помѣщались недавно прибывшіе рабы, пока они не были еще вписаны въ одинъ изъ легионовъ. Тутъ-же находилась палатка Эвтибиды и шести римскихъ дикторовъ.

Долго шелъ Спартакъ, весь погруженный въ свои думы, и уже глубокая тишина царила на огромномъ полѣ, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ пятьдесятъ тысячъ гладіаторовъ, полныхъ силы, жизни и здоровья, оглашали роздыхъ шумомъ и пѣснями.

Но по мѣрѣ того, какъ наступала тишина, до слуха фракіяца все яснѣе и яснѣе доходили невнятные голоса въ одной изъ палатокъ.

Разговоръ этотъ, становившійся все яснѣе и яснѣе, привлекъ, наконецъ, вниманіе Спартака. Остановившись у палатки, онъ услышалъ сильный мужской голосъ, говорившій на прекрасномъ латинскомъ языкѣ:

— Конечно, ты правъ Семплиціанъ: великъ нашъ позоръ. Но развѣ мы въ немъ виноваты? Развѣ мы не исполнили своего долга? Развѣ мы не рисковали своей жизнью, храбро сражаясь для спасенія нашего претора отъ бѣшенаго напеденія Спартака? Меня повалили на землю, тебя ранили въ голову. Что-же мы

могли сдѣлать еще? Если великіе боги покинули римлянъ, если по ихъ волѣ славные наши орлы обратились въ бѣгство передъ презрѣнной гладіаторской кошкой, то что можемъ мы, слабые смертные, противъ ихъ приговора?

— Придержи языкъ, Отацилій, сказалъ шепотомъ чей-то робкій голосъ.— Часовые могутъ насъ услышать и тогда намъ не сдобровать.

— О, замолчи Мемій! воскликнулъ строгій и суровый голосъ, очевидно принадлежавшій не тому человѣку, который говорилъ въ началѣ.— Стыдись своего позорнаго страха!

— Къ тому-же, презрительно замѣтилъ тотъ, кого называли Отациліемъ,— нашъ часовой не понимаетъ ни одного слова изъ того, что мы говоримъ. Это скотоподобный галль, не умѣющій, вѣроятно, говорить и на собственномъ языкѣ.

— Ну, а если-бы онъ насъ и понималъ? прервалъ суровый голосъ.— Развѣ это должно было-бы помѣшать намъ говорить, какъ слѣдуетъ римскимъ гражданамъ? Развѣ тебѣ не пріятнѣе было-бы умереть, чѣмъ подвергаться позору, который выпалъ на нашу долю?

Тутъ голосъ умолкъ. Спартакъ понялъ, что это палатка, въ которой караулили шестерыхъ ликторовъ претора Публия Варинія. Онъ подошелъ ближе.

— О, боги великіе! воскликнулъ послѣ нѣкоторой паузы ликторъ Семплиціанъ:— думалъ-ли я когда-нибудь, что доживу до шестидесяти-двухъ лѣтъ для того, чтобъ подвергнуться такому униженію!.. Шестнадцать лѣтъ я сражался въ арміи консула Луція Метелла, покорителя Далмаціи; потомъ—подъ начальствомъ великаго Марія во всѣхъ его походахъ; шелъ за его триумфальной колесницей и видѣлъ какъ за нимъ вели закованныхъ въ цѣпи царей Югурту и Тевтобоха. За свои восемь ранъ и двѣ гражданскія короны, былъ записанъ въ ликторы; двадцать-семь лѣтъ служу я въ этомъ почетномъ званіи. Всѣмъ консуламъ, начиная отъ Кая Марія и до Луція Лукулла я предшествовалъ, и теперь—о, всемогущіе боги—долженъ идти впереди презрѣннаго гладіатора, котораго самъ, своими глазами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ видѣлъ на аренѣ цирка! Нѣтъ, нѣтъ это ужъ слишкомъ, это слишкомъ!..

Голосъ старика звучалъ таковой глубокой печалью, что Спартакъ невольно былъ тронутъ.

— Но что-же ты дѣлаешь противъ приговора боговъ? спросилъ послѣ небольшой паузы Отацилій.—Тебѣ, какъ и намъ, придется покориться незаслуженному униженію и несчастью!..

— Нѣтъ, нѣтъ, кланусь всеми богами неба и ада! Я не покорюсь такому безпримѣрному позору и, какъ истинный римлянинъ, смертью спасу себя отъ дѣлъ недостойныхъ того, кто получилъ отъ боговъ счастье родиться на берегахъ Тибра!..

Въ ту-же минуту Спартакъ услышалъ внутри палатки громкій крикъ ужаса и жалости, вырвавшійся разомъ изъ пяти грудей.

— О, что ты сдѣлалъ!..

— Вѣдннй Семплиціанъ!..

— Вѣчная слава, тебѣ, доблестный римлянинъ!..

— Помогите ему!..

— Положите его вотъ сюда.

— Осторожнѣе, осторожнѣе!..

Въ одно мгновеніе Спартакъ былъ въ палаткѣ. Тамъ уже находился привлеченный криками сторожевой отрядъ гладіаторовъ.

— Дайте дорогу! крикнулъ фракіецъ.

Гладіаторы почтительно разступились, узнавъ голосъ своего вожда, и глазамъ Спартака представилось ужасное зрѣлище: на кучкѣ соломы лежалъ старикъ Семплиціанъ, окруженный пятью товарищами! Бѣлая туника его была залита кровью отъ раны, виднѣвшейся подъ лѣвнымъ соскомъ. Одинъ изъ ликторовъ держалъ поднятый съ земли тонкій и острый кинжалъ, который гордый старикъ твердою рукою вонзилъ себѣ въ грудь по самую рукоятку.

Кровь лилась изъ раны; тѣнь приближающейся смерти быстро покрывала загорѣлое и строгое лицо старика, но ни одинъ мускулъ на немъ не обнаруживалъ боли или сожалѣнія.

— Что ты сдѣлалъ, доблестный старикъ! воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ Спартакъ, обращаясь къ умирающему.—Отчего ты не обратился ко мнѣ? Сильный понимаетъ сильнаго. Я-бы понялъ тебя и освободилъ!..

— Рабы не могутъ понять свободнаго!.. сказалъ слабѣющимъ, но торжественнымъ голосомъ раненый.

Спартакъ горько улыбнулся.

— Но кто установилъ раздѣленіе людей на свободныхъ и рабовъ? спросилъ онъ.—Развѣ до покоренія Фракіи я не былъ также свободенъ какъ и ты, а развѣ ты не сталъ рабомъ послѣ Авинской битвы?..

— Варваръ! Ты не знаешь, что безсмертные боги... предопредѣлили Риму... быть владыкою всего міра... оставь меня... не тревожь моихъ послѣднихъ минутъ... своимъ ненавистнымъ присутствіемъ...

Затѣмъ, отстраняя обѣими руками товарищей, которые старались перевязать ему рану кусками полотна, оторваннаго отъ своихъ туникъ, старикъ прерывающимся предсмертнымъ хрипѣніемъ голосомъ проговорилъ:

— Не нужно... ударъ былъ вѣрный... а если-бъ я промахнулся... то повторилъ-бы... его завтра... Римскій ликторъ... предшествовавшій... Марію и Суллѣ не осквернитъ себя... службой презрѣнному... гладіатору... не нужно... не ну...

Откинувъ назадъ голову, онъ испустилъ духъ.

— О, сьумасшедшій старикъ! воскликнулъ въ полголоса одинъ изъ гладіаторовъ.

— Великій старикъ! строго прервалъ его Спартакъ.—Такимото гражданамъ обязанъ Римъ своей побѣдой надъ всѣми народами!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЫМИРАЮЩІЯ ОБЩИНЫ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

I.

За послѣднее время вопросъ объ общинномъ землевладѣніи снова выступилъ въ нашей литературѣ,—выступилъ вдругъ и занялъ въ ней видное мѣсто, послѣ того, какъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ писать объ общинѣ считалось предосудительнымъ, и разсуждать о ней можно было—и то съ оглядкою—лишь въ самыхъ ученыхъ сочиненіяхъ, недоступныхъ массѣ читателей. Цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій о поземельной общинѣ появляется одинъ за другимъ, и въ высшей степени знаменательно, что общиною занялись теперь не только изслѣдователи, издавна посвятившіе себя изученію крестьянскаго быта, но и ученые общества, прежде пробавлявшіяся больше славянскою мифологіею и желѣзными дорогами, и даже сферы правительственныя, или, во всякомъ случаѣ, близко стоящія къ симъ послѣднимъ. Признаюсь, даже какъ-то жутко становится при видѣ столькихъ радѣтелей объ общинѣ. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ будутъ приняты какія-нибудь энергическія мѣры для покровительства и опеканія ея, и страшно становится, такъ-какъ извѣстно, какіе результаты даетъ опека, когда она простираетъ свое родительское око на явленія народной жизни, развивавшіяся дослѣдъ внѣ ея благотворнаго вліянія. Вотъ, напримеръ, проектъ г. Кошелева, насчетъ выдачи ссудъ крестьянамъ на покупку земель. Чего-бы, кажется, лучше? Кто-же не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что надѣлы малы, что во многихъ мѣстахъ крестьяне сильно обижены выгонами, и что лишняя земелька очень-бы пригодилась крестьянскимъ обществамъ? А на дѣлѣ выходитъ, что весь проектъ направленъ къ вящему поощренію и развитію въ селахъ кулачества, которое, очевидно, при-

ведетъ въ скоромъ времени къ тому, что не только теленка, но и курицу некуда будетъ выгнать. Такъ и съ общиною можетъ выйти. Но замѣчательнѣе всего, что и у тѣхъ, которые заправду радѣютъ объ общинѣ, проглядываетъ какое-то безпокойство за нее: во всемъ, что они пишутъ, видна забота, доказать кому-то, что общинное землевладѣніе лучше личнаго, смилостивить кого-то, убѣдивъ его, что община—вовсе не тормазъ развитію и т. д.; словомъ, проглядываетъ полемическій тонъ, точно они спорятъ съ какимъ-то невидимымъ оппонентомъ, который вѣчно твердитъ имъ, что эту устарѣлую и зловредную форму землевладѣнія пора сокрушить.

Что-жь? надо правду сказать: этотъ оппонентъ дѣйствительно существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованія объ общинѣ вызваны не простымъ любопытствомъ: они являются отвѣтомъ на рядъ нарѣканій, высказываемыхъ противъ нея, отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, кто втихомолку точить на нее зубы. А таковыхъ, какъ извѣстно, не мало. Точить зубы противъ общины помѣщикъ-сосѣдъ, сокрушающійся о томъ, что нынче хозяйничать нельзя: не идетъ мужикъ-лѣнтяй работать въ страдную пору за полтинникъ въ день; точить зубы сосѣдъ-купецъ, который давно скупилъ-бы «въ вѣчность» надѣлы захудалыхъ мужиковъ, если-бы не община; точить зубы и мужикъ-мировѣдъ, нарвующій стать помѣщикомъ; точить зубы и англизированный ландъ-лордъ, мечтающій завести на своей землѣ коттеджи и предпочитающій имѣть дѣло съ чистоплотнымъ фермеромъ и фермершею, чѣмъ съ «сиволапымъ обществомъ»; точить зубы и ученый, затвердившій изъ книгъ, что раньше чѣмъ капиталистическое производство не достигнетъ своего апогея, какъ въ Англии, нечего и думать о коренныхъ преобразованіяхъ; при этомъ, конечно, всѣ тѣ, кто умѣетъ подыскивать quasi-научные аргументы для оправданія своихъ пополазновеній, въ одинъ голосъ твердятъ, что община—отжившая форма, вымирающая естественною смертію, въ силу развитія самой общественной жизни, и что поддерживать ее значить только становиться поперегъ исторической логики событій. Ссылка на западную Европу обыкновенно считается самымъ лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли.

Къ сожалѣнію, этотъ аргументъ слишкомъ часто находитъ отголосокъ даже у тѣхъ, кто готовъ былъ-бы отнести къ общинному землевладѣнію объективно, безъ предвзятой мысли; но благодаря тому, что и на Западѣ исторія распада общинъ и вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ это распаденіе, крайне мало разработаны, немногія-же сочиненія, посвященные этому предмету (какъ, напр., Маурера), недостаточно извѣстны,—выхо

дѣтъ, что спорить противъ подобнаго утвержденія рѣшаются не многіе. Между тѣмъ, предметъ этотъ въ высшей степени важенъ, такъ-какъ тѣмъ, кто имѣлъ случай ознакомиться съ вопросомъ о распаденіи общинъ на Западѣ, постоянно приходится замѣчать, что распались онѣ, главнымъ образомъ, не вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, т. е. имущественнаго неравенства, появившагося среди самихъ общинниковъ, а вслѣдствіе причинъ чисто-внѣшнихъ, отъ общины не зависѣвшихъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ либо неурядицѣ смутнаго времени, либо всепоглощающему вліянію и силѣ государства, особенно въ XVII и XVIII вѣкѣ. Если-же принять въ расчетъ эти причины, то постоянно приходится удивляться, не тому, что общины распадаются, а наоборотъ—ихъ необыкновенной живучести, доказывающей, какъ глубоко лежатъ корни общиннаго землевладѣнія, если донинѣ еще, послѣ всѣхъ насилій, совершенныхъ надъ общиной, она все еще продолжаетъ существовать.

Въ самой рѣзкой формѣ, вліяніе государства на общину, его роль въ исторіи ея разложенія и послѣдствія его вмѣшательства, проявляются, впрочемъ, не въ исторіи западно-европейскихъ общинъ, — здѣсь явленіе осложняется множествомъ факторовъ, — а въ роли западно-европейскихъ государствъ по отношенію къ ихъ колоніямъ. Въ этой области не только факты болѣе извѣстны, такъ-какъ они относятся къ болѣе позднему періоду, но и самый процессъ очевиднѣе; онъ, такъ-сказать, грубѣе, такъ-какъ дѣло идетъ съ презираемыми «туземцами», и болѣе сконцентрированъ, такъ-какъ совершается въ меньшій промежутокъ времени, потому-что общины сталкиваются здѣсь не съ средневѣковымъ государствомъ, которое и само-то еще не окрѣпло, а съ государствомъ могучимъ, являющимся во всеоружіи своей власти. Конечно, можетъ быть замѣчено, что иное дѣло колоніи и иное дѣло своя страна; но это замѣчаніе было-бы не совсѣмъ вѣрно. Процессъ совершенно однороденъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, только формы давленія и вмѣшательства нѣсколько рѣзче; и если мы взглянемся пристальнѣе въ то, что представляетъ намъ государственная власть по отношенію къ своимъ подданнымъ во всѣхъ вообще государствахъ (я говорю о западной Европѣ), то не трудно замѣтить, что она, въ большинствѣ случаевъ, точно также чужда народу, какъ чужда власть метрополии по отношенію къ народу завоеванной имъ колоніи: правящіе классы стоятъ также вдали отъ своего народа, также чужды ему, какъ англичане индусу, также мало знаютъ его, также мало понимаютъ его нужды и также мало внимаютъ имъ.

Поэтому, мы думаемъ, что г. Ковалевскій, занявшись, въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о ходѣ и причинахъ разложени общиннаго землевладѣнія, изученіемъ ломки его въ колоніяхъ, поступилъ совершенно правильно. Его выводы, можетъ быть, нѣсколько теряютъ, вслѣдствіе этого, въ убѣдительности, но они выигрываютъ въ наглядности. И въ силу тѣхъ-же соображеній, мы займемся въ этомъ очеркѣ разсмотрѣніемъ того, какъ распорядились англичане въ Индіи съ мѣстными формами землевладѣнія, и къ какимъ результатамъ привело ихъ вмѣшательство: эти результаты тѣмъ болѣе интересны, что англичане, въ сущности, и не стали прямо ломать общины, а взялись за это дѣло окольнымъ путемъ. Мы увидимъ, такимъ образомъ, какъ законодательство, не уничтожая непосредственно общиннаго землевладѣнія, можетъ тѣмъ не менѣе нанести ему смертельный ударъ, взявшись только съ другого конца. Этотъ примѣръ намъ особенно не мѣшаетъ имѣть передъ глазами, по отношенію къ нашимъ русскимъ дѣламъ.

Не мѣшаетъ намъ также подумать и о такихъ собственныхъ колоніяхъ, гдѣ мы, точно также какъ англичане, сталкиваемся съ формами землевладѣнія, не подходящими подъ западно-европейскія понятія, и гдѣ мы, не хуже «эгоистовъ-островитянь», ломаемъ вѣковыя формы пользованія землею, подготавливая, такимъ образомъ, въ близкомъ будущемъ цѣлый рядъ осложненій въ поземельномъ вопросѣ. Два-три примѣра пояснятъ мою мысль. Известно, что мусульманское право не признаетъ землевладѣнія неограниченнаго, свойственнаго римскому праву. Имѣть, на примѣръ, землю и не обрабатывать ея, не допускается по мусульманскому закону: такая земля отбирается у владѣльца и передается тѣмъ, кто возьмется растить на ней хлѣбъ. Кромѣ того, земли орошенныя, т. е. самыя плодородныя, не считаются достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, а достояніемъ всего народа. Вслѣдствіе этого, «до завоеванія русскими Туркестанскаго края, частной поземельной собственности не было, или, вѣрнѣе, она не признавалась», говоритъ г. Терентьевъ (Записки Географ. Общ., по отд. статистики, т. IV). Исключенія хотя и встрѣчались, но они лишь терпѣлись, какъ существующій фактъ. Между тѣмъ, едва явилось русское начальство, его стали осаждать всякіе проходимцы, требуя утвержденія за ними правъ на вѣчное и безпошлинное владѣніе землею и ссылаясь на древнія права и хартіи (*Хорошхинъ*, Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края, оффиціальное изданіе). Наше начальство утверждало эти права, и «съ этихъ поръ стали появляться болѣе или менѣе крупныя землевладѣльцы, преимущественно изъ людей,

поставленныхъ нами—говорить г. Терентьевъ—на должности старшинъ, сборщиковъ податей, народныхъ судей и т. п., а также и купцовъ. Одни пользовались вліяніемъ, другіе богатствомъ, и либо захватывали самовольно, либо скупали за безцѣнокъ у мнимыхъ владѣльцевъ земли общественныя и государственныя. Состоянія въ 100, 300 и даже 1,000 танановъ теперь не рѣдкость». «Представить, напримѣръ, какой-нибудь *ходжа* (такъ-сказать, дворянинъ—потомокъ пророка) пожелтѣлый листокъ съ сомнительными печатями... и вотъ цѣлая деревня сгоняется съ насиженнаго мѣста, гдѣ работали отцы и дѣды... Русскіе предприниматели пользуются этимъ обстоятельствомъ, поощряютъ его и скупаютъ сады и земли въ окрестностяхъ городовъ. Это и дало главный толчокъ новому направленію въ понятіи о правѣ собственности» (Зап. Геогр. Общ., по отд. статистики, т. IV). Большая часть благопріобрѣтенныхъ такимъ образомъ земель лежитъ втунѣ, а оросительныя каналы высыхаютъ и засоряются, уничтожая въ нѣсколько лѣтъ вѣковыя труды нѣсколькихъ поколѣній. Между тѣмъ, простое приложеніе общиннаго землевладѣнія, зачатки котораго уже существуютъ, очевидно, избавило-бы насъ отъ бессмысленнаго раззоренія народа, которое уже разъ отозвалось голодомъ, а впоследствии, вѣроятно, отзовется и чѣмъ-нибудь похуже.

Про Кавказъ и говорить нечего. Если уже оффиціальныя изданія, какъ «Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ», вопіютъ противъ хозяйничанія относительно городскихъ общинъ, то легко представить себѣ, что тамъ творилось, все въ силу того-же принципа: расположить къ себѣ сильныхъ людей, хотя-бы для этого приходилось вооружить весь народъ. Не говоря уже о томъ, какъ происходило «освобожденіе рабовъ», въ большинствѣ случаевъ оказавшееся закрѣпощеніемъ; не говоря о томъ, какъ раззорялись, совершенно бесполезно, горскія станицы, чтобы очистить мѣсто казакамъ; какъ создавалась, даже среди русскихъ переселенцевъ, «поземельная буржуазія» и раздаривались общественныя земли и т. д., и т. д., достаточно будетъ вспомнить, какъ безразсудно ломали мы вѣками установившіяся поземельныя отношенія у горцевъ, чтобы понять всю злобу, посѣянную такимъ образомъ среди нихъ, и какую богатую почву мы подготовили для будущихъ потрясеній. Дѣйствительно, горцы не знали личной собственности и, если имѣли владыкъ, то, по крайній мѣръ, не знали помѣщичьяго права. Но явившись на Кавказъ, наши власти первымъ дѣломъ распорядились утвердить въ вѣчность цѣлыя области за всевозможными князьками. Потомъ, правда, Ермоловъ училъ въ 1822 году кабардинцевъ и

дагестанцевъ, не повиноваться своимъ князьямъ (Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ, томъ II), но такое направленіе царило недолго, и въ эпоху развитія въ Россіи крѣпостничества въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, тѣ-же возрѣвія, стали царить и на Кавказѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, создается классъ поземельныхъ собственниковъ въ Кабардѣ и Дагестанѣ, изъ князей, не имѣвшихъ прежде абсолютно никакого права на землю, но оказавшихъ услуги правительству и имѣвшихъ яко-бы влияніе на народъ. Это закрѣпленіе земель за ловками князьями доходитъ до того, что создаются владѣльцы, имѣющіе по 20,000, по 100,000 десятинъ, и что потомъ, правительство у нихъ - же должно покупать землю для поселенія казачьихъ станицъ. Позже, подъ влияніемъ идей шестидесятихъ годовъ, и на Кавказѣ заговорили объ общинѣ,—больше, правда, въ видахъ обезпеченія правильнаго поступленія податей;—стали говорить о необходимости возсоздать общину, которую прежде ломали, стали отнимать землю у князьковъ, созывая для этого «черную раду» (рада въ Нальгигѣ, въ 1863 году) и т. д.; но и тутъ принципъ принадлежности всей земли всему народу, очевидно, не проводится до конца: рядомъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, искусственно создается мелкое личное землевладѣніе, и для раздачи мелкихъ вотчинъ, отрѣзается даже нарочно 60,000 десятинъ (въ Кабардѣ), да въ запасъ оставляется 24,000. То-же самое и въ другихъ частяхъ Кавказа: вездѣ проводится болѣе или менѣе принципъ общиннаго землевладѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, искусственно создается и мелкій помѣщичій классъ.

Приглядываясь ко всей этой ломкѣ общиннаго землевладѣнія и къ возсозданію ея потомъ, въ изуродованномъ видѣ, вида, какъ приходилось торговаться съ владѣльцами, чтобы вырвать у нихъ — конечно, не даромъ — хоть часть земель для нищенствующаго народа, и зная, наконецъ, какъ привязанъ горецъ именно къ своей общинѣ, легко понять, какую массу неудовольствія породило враждебное отношеніе «къ коммунѣ», какую страшную, вредную и бесполезную ломку оно производило, и какъ трудно было-бы теперь вернуться къ старымъ порядкамъ.

Въ виду всего этого, намъ казалось полезнымъ, именно теперь, затронуть вопросъ о поземельной общинѣ въ колоніяхъ и показать, пользуясь трудами англійскихъ писателей, г. Ковалевскаго и недавно вышедшею книгою сэра Джона Фэра (The Aryan Village) отношенія англійчанъ къ общинѣ въ Индіи. Поземельная политика въ колоніяхъ, повторяемъ мы,—не болѣе какъ проявленіе, въ болѣе грубой формѣ, тѣхъ самыхъ приемовъ, ко-

которыя примѣняются къ поземельнымъ отношеніямъ и въ метрополіяхъ.

II.

Когда англичане завоевали Индію, то они застали въ ней общинное землевладѣніе въ полной силѣ. Правда, оно уже нѣсколько пострадало во время мусульманскаго и монгольскаго завоеванія, предшествовавшихъ англійскому, но пострадало оно въ отдѣльныхъ областяхъ, преимущественно прибрежныхъ, и въ отдѣльныхъ общинахъ, и притомъ не столько отъ общихъ законодательныхъ мѣръ, сколько отъ безправія, отъ самовольныхъ захватовъ, сдѣланныхъ сильными людьми въ смутное время. Въ массѣ-же оно продолжало существовать и служило даже крестьянамъ наилучшимъ оплотомъ противъ чиновничьяго произвола смутной эпохи. Мусульмане, какъ извѣстно, вообще не трогаютъ сущности поземельныхъ отношеній въ завоеванныхъ ими странахъ,—это засвидѣтельствовано и русскими изслѣдователями Средней Азій; монголы-же, хотя и истребляли народъ въ случаѣ сопротивленія, избивая его десятками и даже, если вѣрить преданію, сотнями тысячъ, но поземельныхъ отношеній они также не трогали, какъ не трогали ихъ и монгольскіе завоеватели Россіи.

Конечно, мусульманскіе правители, подобно всѣмъ средне-вѣковымъ владыкамъ, раздавали помѣстья военной аристократіи, т. е. предоставляли военнымъ начальникамъ право сбора податей съ извѣстныхъ участковъ, требуя отъ нихъ, взаменъ, исполненія военной службы; и очевидно, что система раздачи помѣстій, давшая въ западной Европѣ начало феодализму, а у насъ—положившая основаніе классу помѣщиковъ, должна была также и въ Индіи положить начало образованію поземельной аристократіи. Создавался классъ феодаловъ, стремившихся обратить временное и условное пользованіе доходами съ извѣстныхъ участковъ, въ наследственное, вотчинное владѣніе этими участками: обязанность нести военную службу мало-по-малу забывалась, и владѣльцы вступили въ ожесточенную борьбу съ султанами, чтобы избавиться отъ исполненія своихъ первоначальныхъ обязанностей; помѣстьями-же владѣльцы начинали распоряжаться какъ вотчинами, передавая ихъ по своему произволу. вмѣстѣ съ тѣмъ, приближенные султановъ, ихъ правители и всевозможные прихлебатели этихъ правителей, пользуясь силою, пріобрѣтаемою ими на мѣстахъ и при дворѣ, постоянно захватывали себѣ участки земли и стремились обратить ихъ въ

неограниченное и безповоротное владѣніе, въ *милькэ*. Съ своей стороны, мечети съ ихъ школами, монастыри и благотворительныя учрежденія, содержимыя духовенствомъ, также успѣвали понемногу добиваться права полной собственности на завѣщанныя имъ земли и на нѣкоторыя части общественныхъ земель. Возникалъ также и классъ мелкихъ собственниковъ, тѣмъ или инымъ способомъ ухитрившихся захватить на свою долю кусочекъ земли, или право на сборъ податей съ небольшого участка, и утвердившихъ свои права на нее, отдаваясь подъ покровительство, конечно не безкорыстное, какой-нибудь высокопоставленной особы. Словомъ, всякій тянулъ, гдѣ могъ, кусочекъ земли, всякій старался обратиться въ наследственнаго владѣльца, присвоивъ себѣ право на доходъ съ извѣстнаго участка. Наконецъ, въ сѣверной и сѣверо-восточной Индіи существовалъ классъ такъ-называемыхъ *земиндаровъ*, возникшій, частію, изъ до-средневѣковыхъ правителей Индіи (раджей), частію-же изъ мусульманскихъ чиновниковъ, которымъ отдавался на откупъ сборъ податей съ нѣсколькихъ деревень, или даже съ цѣлыхъ округовъ. И этотъ классъ, пользуясь властію, пріобрѣтенною имъ, также успѣлъ обратитъ свои права въ наследственныя.

Но всматриваясь внимательнѣе во всю эту чрезвычайно-сложную систему правъ, въ высшей степени разнообразныхъ, не трудно замѣтить, что,—за исключеніемъ *мильковыхъ* земель чиновной аристократіи и духовенства, да еще вотчинъ, которыя *земиндары* успѣли пріобрѣсти себѣ помимо участковъ, предоставленныхъ имъ «въ кормленіе»,—вся громадная масса воздѣланныхъ земель оставалась собственностью всего народа, собственностью общинъ, обработывавшихъ ее. Разнообразныя владѣльцы, возникшіе въ Индіи, не считались, да и сами себя не считали владѣльцами *земли*. Они считали себя скорѣе *управителями*, имѣющими право, болѣе или менѣе наследственное, на сборъ доходовъ съ крестьянъ, но отнюдь не на распоряженіе землею. Земля, и въ ихъ понятіяхъ, и въ понятіяхъ правительства, считалась принадлежащею народу, общинѣ, и во внутреннее распоряженіе ею, ни правительство, ни нарождающійся помѣщичій классъ не входили. Какъ-бы разнообразны ни были всѣ нарождавшіяся права, все-таки всѣ они (кромѣ упомянутыхъ сейчасъ исключеній) подходили подъ типъ помѣстнаго права, а отнюдь не вотчиннаго, не хозяйскаго; это были, собственно говоря, участки, предоставленные «въ кормленіе», но отнюдь не въ полное владѣніе, и они строго отличались отъ такихъ участковъ, которые попали тѣмъ или инымъ способомъ въ полное владѣніе,—отъ *нанкаровъ*, расчищенныхъ и заселен-

ныхъ самимъ земиндаромъ, или отъ земель, обращенныхъ въ милость, т. е. въ такую собственность, какая нынѣ повсемѣстно существуетъ въ Европѣ.

Каковы были-бы результаты подобной системы, если-бы въ концѣ XVIII-го вѣка въ дѣло не вмѣшался новый элементъ, англійское владычество,—трудно угадать. Г. Ковалевскій, въ своемъ изслѣдованіи о причинахъ и ходѣ разложенія общиннаго землевладѣнія, полагаетъ, что результаты феодализации, совершавшейся въ Индіи, оказались-бы тѣми-же, что и въ западной Европѣ, и мысль эта совершенно справедлива. Но я замѣчу только, что и въ западной Европѣ разложеніе общиннаго землевладѣнія и созиданіе права полной личной собственности на землю произошло не безъ насилія со стороны государства, которое явилось оплотомъ и проводникомъ индивидуализма, проповѣдуемаго правящими классами. Чтобы оно совершилось, нужно было, чтобы военная бенефиція обратилась въ наследственное владѣніе; чтобы земледѣльцы, изъ простыхъ подданныхъ, или, вѣрнѣе, данниковъ, обратились въ крѣпостныхъ, и чтобы впослѣдствіи, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, владѣльцы были признаны имѣющими право не только на извѣстную долю труда самихъ крѣпостныхъ, но и на самое поприще ихъ труда, т. е. на землю; нужно было, наконецъ, чтобы правительство, опираясь на юридическую фикцію, обязало ихъ выкупать землю у людей, не имѣвшихъ прежде абсолютно никакого права на эту землю. И вездѣ, во всѣхъ этихъ стадіяхъ развитія поземельной собственности, государства, основанная большею частію на правѣ завоеванія, играли первостепенную роль, обращая во всеобщій законъ то, что на дѣлѣ было только исключеніемъ или продуктомъ самовольнаго захвата, обращая въ право то, что было мѣстнымъ и часто исключительнымъ продуктомъ безправія. Такъ и въ Индіи. Безспорно, въ XVIII-мъ вѣкѣ, здѣсь были всѣ элементы нараждающагося землевладѣльческаго класса; но не вмѣшайся къ пользу этого класса могучее центральное правительство, трудно еще сказать, какія формы приняли-бы поземельныя отношенія. Въ иныхъ случаяхъ, самое сохраненіе *statu quo*, до той поры, когда и въ западной Европѣ, задающей тонъ въ Азіи, измѣнились-бы ходячія воззрѣнія на землевладѣніе,—могло дать совершенно иное направленіе развитію поземельныхъ отношеній.

Какъ бы то ни было, но въ XVIII-мъ вѣкѣ въ поземельныя отношенія Индіи вмѣшивается новый элементъ, внесенный англійскимъ завоеваніемъ. Встрѣтившись съ народомъ, въ которомъ, при всемъ своемъ желаніи, они не могли открыть (за

рѣдкими исключеніями) ничего подобнаго англійскому ландлорду и фермеру, англичане сперва-было встали втупикъ. Но они скоро оправились. Съ заносчивостью, свойственною полу-знанію, съ кичливостью по отношенію къ народу, которая вырабатывается всею нашею книжною цивилизаціею и городскою культурою, они скоро рѣшили, что все это вздоръ: «Отсутствіе ландлордовъ есть только результатъ наростовъ, накопившихся въ безправное время», говорили они («Sir John Phear», Aryan Village). Но если-бы и не такъ, то во всякомъ случаѣ, надо прежде всего расположить въ свою пользу людей сильныхъ, которые составятъ лучший оплотъ для англійскаго владычества въ странѣ («Colbrook», цитируемый г. Ковалевскимъ). Наконецъ, надо создать классъ богатыхъ людей, которые разовьютъ благосостояніе въ странѣ, увеличатъ торговые обороты и обезпечатъ сбытъ англійскаго товара, а если народъ и пострадаетъ, то вѣдь на это есть «железный законъ Адама Смита, на который, при случаѣ, можно сослаться («Bertolacci», View of the Agricultural, Commercial, and Financial Interests of Ceylon, 1817). Эти и подобныя имъ соображенія окончательно убѣдили англичанъ, что надо покончить съ «отжившими формами», «продуктами безправія», т. е. съ общиною, и прежде всего задаться созиданіемъ класса землевладѣльцевъ-помѣщиковъ. Ни съ чѣмъ не сообразный принципъ принадлежности земли всему народу—рѣшили они—надо искоренить; а то эти общины будутъ вѣчно представлять собою готовые, сплоченные элементы на случай возстанія противъ завоевателей.

Въ силу этихъ соображеній, англичане распорядились слѣдующимъ образомъ: въ Бенгалѣ они нашли, какъ мы видѣли, сборщиковъ податей, земиндаровъ, которые стремились безповоротно закрѣпить за собою полное и безграничное владѣніе ввѣренными имъ участками: англичане, актомъ 1793 года, обратили ихъ въ собственниковъ, и мы увидимъ ниже, какими послѣдствіями отозвался этотъ актъ на массѣ народа и на всѣхъ поземельныхъ отношеніяхъ вообще. Въ Мадрасѣ не было земиндаровъ и пожаловать въ помѣщичій чинъ было некого, за исключеніемъ нѣкотораго числа владѣльцевъ, имѣвшихъ свои участки. Крестьяне-же владѣли землею на общинномъ правѣ съ незапамятныхъ временъ. Но англійскіе чиновники и тутъ не задумались: они рѣшили разорвать общинные союзы, приложивъ къ Мадрасу систему, процвѣтающую понынѣ—извѣстно, съ какими послѣдствіями—въ Ирландіи, съ тою только разницею, что здѣсь ландлордомъ явилось правительство, т. е., въ сущности—чиновникъ. Не община, а каждый участокъ, обрабатываемый зем-

ледѣльцемъ (райатомъ), долженъ былъ нести порознь извѣстную денежную повинность, и участокъ долженъ былъ оставаться во владѣніи крестьянина до тѣхъ поръ, пока онъ не окажется несостоятельнымъ. Словомъ, правительство стало помѣщикомъ, а крестьянинъ—безсрочнымъ фермеромъ, но фермеромъ изолированнымъ, не находящимъ болѣе поддержки въ общинѣ въ случаѣ несчастія, или временного обѣднѣнія. Та-же система была приложена и въ Бомбей; но здѣсь, кромѣ того, права недвижимой собственности были признаны также и за всѣми лицами, которыя раньше были посредниками между правительствомъ и крестьянами для сбора податей. Всякій разъ, какъ только они могли доказать свои права на землю ссылками на какіе-нибудь титулы или показанія, эти права признавались и утверждались. Въ Ориссѣ, Бегарѣ и въ сѣверныхъ провинціяхъ, дѣйствовали также какъ и въ Бенгалѣ; а «гдѣ англійскіе администраторы не находили земиндаровъ, они признавали собственниками сельскихъ старѣйшинъ. Права общинъ нигдѣ не были не только признаны, но даже приняты въ расчетъ», говоритъ г. Ковалевскій.

Въ однихъ только сѣверо-западныхъ провинціяхъ и Пенджабѣ англичане признали возможнымъ удержать общинное землевладѣніе; но и тутъ, какъ это прекрасно показалъ г. Ковалевскій, они своими мѣропріятіями искусственно вызывали распаденіе общинъ. Исходя все изъ того-же мнѣнія, что личное землевладѣніе есть главный источникъ благоденствія страны и лучший оплотъ противъ возможныхъ бунтовъ, они вездѣ, гдѣ могли, укрѣпляли права отдѣльныхъ лицъ на землю, то пользуясь тѣмъ, что община не можетъ доказать своихъ правъ никакими актами, то опираясь на свидѣтельство заинтересованныхъ въ дѣлѣ чиновниковъ и т. д. Только съ 1822 года начинается въ англійской администраціи робко высказываться мысль, что общины также могутъ обезпечивать взносы платежей. Но эта мысль большею частью остается безъ приложенія, и вмѣсто того, правительство, хотя болѣе уже не ищетъ собственниковъ, дабы подчинить имъ сельскія общества, но и не рѣшается вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣло признать общество юридическимъ лицомъ: оно опять-таки предпочитаетъ вступать въ договоръ о взносахъ податей, не съ цѣлою общиною, а съ подраздѣленіями общины — остатками прежнихъ неподѣлившихся семей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно облегчаетъ всячески отчужденіе общинныхъ земель и, при первой недоимкѣ, секвеструетъ прежде всего землю, — недвижимую собственность прежде движимой (Ковалевскій).

Такимъ образомъ, англичане во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ упорно проводятъ одну мысль: разорвать общину и создать

классъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ, или, по крайней мѣрѣ, фермеровъ. Посмотримъ-же, къ какимъ результатамъ привела эта система.

Во время послѣдняго голода, много писалось о раззореніи индусовъ англійскимъ правительствомъ, вслѣдствіе непомерныхъ поборовъ за землю и налоговъ; но въ этихъ жалобахъ, очевидно, высказывается лишь одна доля истины. Что поземельные сборы слишкомъ высоки, что налоги, особенно сояной, отяготительны, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но ни то, ни другое все-таки еще не указываетъ истинной причины страшныхъ голодовокъ послѣдняго времени, какъ не указываютъ ихъ и глубоко-мысленныя соображенія нѣкоторыхъ англійскихъ ученыхъ, искавшихъ объясненія голодовокъ въ количествѣ пятенъ на солнцѣ. Что большее или меньшее количество пятенъ на солнцѣ, или какія-нибудь теллурическія явленія, могутъ быть причиною засухъ, это возможно; но вопросъ-то вовсе не въ этомъ, а въ томъ, почему такъ страшно отозвались на населеніи послѣднія засухи. Отвѣтъ очень простъ, и въ безчисленномъ рядѣ статей, печатавшихъ четыре года тому назадъ, во время голода, онъ проглядывалъ вездѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе толковыхъ статьяхъ. Орошеніе находится въ упадкѣ, — вотъ главная причина того, что засухи окончательно губятъ урожаи, и что голодовки доходятъ до такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ послѣдняя голодовка въ Мадрасѣ. Громадныя сооруженія, разносившія воду на сотню и болѣе верстъ, запасныя пруды въ двадцать и тридцать верстъ въ окружности, да и самыя второстепенныя арыки приходятъ въ упадокъ. Почему? Потому что поддерживать ихъ отдѣльнымъ людямъ не подъ силу, а при розни, внесенной въ деревни, при неравенствѣ имуществъ, а слѣдовательно и вліянія, порожденной личнымъ землевладѣніемъ, при раздробленіи общины, — сельское общество болѣе не можетъ коллективно поддерживать орошеніе; союзы-же общинъ нынѣ исчезли и некому болѣе предпринимать новыхъ сооруженій значительныхъ размѣровъ. Нужно познакомиться, въ самомъ дѣлѣ, съ этою сложною системою орошенія полей, хоть по отчетамъ русскихъ путешественниковъ въ Средней Азіи, чтобы понять, что все орошеніе держится на тѣсной связи общинниковъ и на отсутствіи среди нихъ «сильныхъ людей». Пусть заведется одинъ такой собственникъ, способный подкупить надзорщиковъ за водою, или способный, на-перекорь всей общинѣ, задержать у себя воду на полъ лишній день; пусть только одинъ кто-нибудь задумаетъ вести обработку полей не въ очередное время и брать для этого воду, — онъ оголодитъ все село. Пусть распадется

связь села, когда приходится иногда ходить всему селу въ 500 душъ, за сто верстъ, расчищать выходъ оросительной канавы, — и канава въ три-четыре года засорится такъ, что потомъ не расчистить ея и за десятки тысячъ. Орошеніе было въ Индіи оплотомъ общины, а община — основою орошенія. Неудивительно, что съ распаденіемъ общины и съ размноженіемъ кулаковъ, приходитъ въ упадокъ и орошеніе. Правда, казенные англійскіе инженеры нарыли каналовъ, но удачи отъ этихъ каналовъ вышло также мало, какъ и у насъ на Кавказѣ, хоть-бы съ Эристовскою канавою. «Дорого и непрактично», слѣдовало-бы написать этихъ каналовъ на столбахъ, расписывающихъ нынѣ доблести рывшихъ ихъ инженеровъ. Нужно быть самому земледѣльцемъ, вырости въ селѣ и знать вдоль и поперекъ всякій лобчикъ и рытвинку, чтобы хорошо провести оросительную канаву, а этого знанія не приобрѣтешь ни въ какихъ школахъ. Не даромъ-же наши путешественники дивятся замѣчательному искусству съ какимъ проведены арыки въ Средней Азіи и превосходнымъ горнымъ дорогамъ въ Швейцаріи: эти канавы и эти дороги — плодъ знанія мѣстности, накопленнаго вѣками, и коллективнаго ума сотенъ людей.

Конечно, не мало есть англійскихъ писателей (особенно изъ тѣхъ, что сами мѣтять на теплое мѣстечко), которые не нахвалятся мѣропріятіями правительства. Они съ восторгомъ говорятъ о классѣ собственниковъ, созданномъ усиліями англичанъ, о томъ, что «доходы увеличились вдвое и что налоги, поземельный и подоходный, собираются съ такою легкостью», что «многіе изъ мѣстныхъ купцовъ приобрѣли громадныя состоянія, и когда ихъ обширныя виллы въ Калькуттѣ и окрестностяхъ отрываются европейцамъ для баловъ, то блестятъ невообразимою роскошью» („Montgomery Martin“, *Progress and present State of British India*); другіе восторгаются тѣмъ, что Бенгалъ вывозитъ до 500,000 тоннъ рису и до 4.000,000 центнеровъ пшеницы („Cotton“, *Has India Food for its People?*). Но тѣ-же самые пѣнопѣвцы признаются, что «большинство народа живетъ со дня на день», не имѣя ни малѣйшихъ запасовъ (Martin) и мрутъ какъ мухи при первой засухѣ.

Но если отъ этихъ общихъ результатовъ перейти къ разсмотрѣнію результатовъ англійской поземельной политики въ частностяхъ, то мы еще лучше увидимъ, какъ внесеніе новаго элемента индивидуальной собственности повліяло на всѣ поземельныя отношенія вообще, и на массу народа. Для этого намъ лучше всего будетъ остановиться на Бенгалѣ, такъ-какъ для этой части Индіи имѣются очень хорошія данныя, а еще болѣе

потому, что здѣсь можно прослѣдить вліяніе англійской поземельной политики съ нѣкоторыми подробностями, чрезвычайно интересными для исторіи земевладѣнія вообще.

Мы видѣли выше, что передъ англійскимъ завоеваніемъ, въ этой части Индіи, надъ классомъ земледѣльцевъ (райатовъ) стояли сборщики податей, земиндары, которые приобрѣли уже значительную независимость по отношенію къ центральному правительству и добились, такимъ образомъ, наследственнаго права на вѣренныя имъ участки. Но можно сказать положительно (Campbell, Laveleye, J. Phear, Ковалевскій), что до акта 1793 года, земиндаръ никогда не былъ, по отношенію къ райату, въ положеніи англійскаго поземельнаго собственника по отношенію къ его фермерамъ. Онъ былъ скорѣе правителемъ, а райаты—его подданными, но правителемъ ограниченнымъ, не имѣвшимъ права входить во внутреннюю жизнь общины, и не имѣвшимъ права продавать свои владѣнія. Законъ 1793 года, какъ извѣстно, призналъ его *собственникомъ земли*, какъ той, которая воздѣлывается райатами, такъ и той, которая осталась пустопорожнею въ населенныхъ округахъ, и предоставилъ ему право продавать свой участокъ цѣликомъ, или въ розницу. Такимъ образомъ, въ принципѣ, земиндаръ, изъ прежняго сборщика податей, сразу обратился въ собственника, а налогъ—въ ренту. Размѣры налога, платимаго райатами земиндару, остались неопредѣленными: законъ предоставилъ установленіе ихъ обычаю; но онъ удержалъ въ пользу правительства девять-десятыхъ налоговъ, собираемыхъ земиндарами.

Казалось-бы, что это измѣненіе было только формальное; все, повидимому, оставалось по-прежнему: измѣнились только названія. Но, на дѣлѣ вышло иначе, и вотъ тутъ-то всего интереснѣе посмотрѣть, какъ простое измѣненіе одного принципа повело къ цѣлому ряду неисчисленныхъ послѣдствій, повліявшихъ на всю совокупность поземельныхъ отношеній.

Такъ-какъ земиндарства обнимаютъ обыкновенно нѣсколько деревень, или даже цѣлые округа, то очевидно, что у каждаго земиндара должна была создаться администрація для сбора платежей, тѣмъ болѣе, что исчисленіе этихъ платежей—очень сложная процедура: земля подраздѣляется на разряды (не менѣе восьми), смотря по качеству, орошенію и посѣву, и по каждому разряду платится особая плата, измѣняющаяся отъ 20 копѣекъ до 4 рублей за бигу, т. е. одну-восьмую десятины. Для этого въ каждой *маузъ* или общинѣ, земиндаръ имѣетъ особое управленіе, состоящее изъ трехъ лицъ, и обязанное зорко слѣдить за каждымъ райатомъ, тщательно записывая, подъ какой посѣвъ

идеть у него малѣйшій клочокъ земли; а надъ каждымъ пятью или шестью селами опять стоитъ управленіе *тесильдара*, обязанное контролировать сельскія управленія и отбирать отъ нихъ сборы, для передачи земиндару.

Очевидно, что всѣ эти промежуточные инстанціи постоянно стремятся стать независимыми и не упускаютъ случая оттянуть у райата клочокъ земли въ свою пользу. Тесильдаръ вступаетъ въ сдѣлку съ неисправнымъ плательщикомъ и становится собственникомъ его земли, такъ-какъ актъ 1793 года болѣе не знаетъ общины, а предоставляетъ сборщикамъ вѣдаться прямо съ отдѣльными лицами. Съ другой стороны, если земиндаръ не вноситъ во-время слѣдующаго съ него сбора, то правительство, минуя его, обращается въ тесильдару и съ нимъ вступаетъ въ сдѣлку, признавая его, такимъ образомъ, собственникомъ,—земиндаромъ. Самъ земиндаръ также нерѣдко передаетъ свои права своимъ подчиненнымъ подземиндарамъ, довольствуясь простымъ взносомъ въ свою пользу и мало-по-малу эти подземиндары обращаются въ собственниковъ земли. Даже самъ староста сельскаго схода, *мандалъ*, нерѣдко вступаетъ въ прямыя сношенія съ правительствомъ и мало-по-малу тоже обращается въ собственника, подъ условіемъ взноса небольшой дани прежнему владѣльцу.

Очевидно, говоритъ сэръ Джонъ Фэръ (Argun Village), что, едва только правительство объявило земиндаровъ собственниками, немедленно всѣ второстепенныя лица точно также приобрѣли въ большей или меньшей степени права собственности на землю и начали, въ свою очередь, дробить свои права. «Какъ только земиндаръ приобрѣлъ абсолютное право на землю, съ полнымъ правомъ продажи, немедленно выступили истекающія изъ него, подчиненныя права, и опредѣленіе, разграниченіе и утверженіе этихъ правъ немедленно явилось передъ судами»; актъ 1793 года «роковымъ образомъ привелъ къ разростанію со всѣхъ сторонъ инстинкта индивидуальнаго права», говоритъ Мэнъ. Если земиндаръ хочетъ наградить своего сына или родственника, или нуждается въ деньгахъ, то онъ передаетъ имъ, или продаетъ постороннему покупщику, часть своихъ правъ на сборъ, т. е. право на сборъ съ одного села, или съ части села, или на часть сборовъ съ одного села, или и то и другое вмѣстѣ. Такимъ образомъ, является новое лицо, вмѣшивающееся въ жизнь сельскаго общества; создаются новыя права и образуется новый классъ людей, признающихъ за собою уже не только право на сборъ, но и право на землю. Самое село раздроблено, и такое раздробленіе ведетъ необходимо къ раздробленію самой земли.

Кромѣ того, весьма многіе земиндары, тотчасъ-же послѣ акта 1793 года, заключили съ райатами контракты, по которымъ закрѣпляли за ними вѣчное пользованіе ихъ участками земли, за нѣкоторую плату, внесенную впередъ. Но эти контракты заключались не съ общинами, а съ отдѣльными лицами, и такимъ образомъ, общинная связь разрывалась. Между тѣмъ, райаты, ставшіи въ силу этого контракта наследственнымъ фермеромъ, вовсе не могъ считать себя обеспеченнымъ на своей землѣ. Такъ-какъ размѣръ оброка не установленъ, а опредѣляется обычаемъ, и при этомъ постоянно возрастаетъ, соразмѣрно съ доходностью земли, то райаты всегда находятся въ опасности быть согнаннымъ, несмотря на контрактъ и, чтобы избѣжать этого, онъ отдается подъ покровительство сильнаго лица, становясь его данникомъ, т. е., въ сущности, уступая ему свои права на землю. Наконецъ, всякій мелкій под-земиндаръ и владѣлецъ дѣлаютъ тоже, оставляя за собою право на часть сбора, или же закладываютъ свои права, и т. д. безъ конца. Легко понять, какая безконечная вереница лицъ, заявляющихъ притязаніе на землю, немедленно нарождается, лишь только земиндаръ признанъ собственникомъ и приобретаетъ возможность продавать свои права. Въмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ этихъ людей, наживающихся около райата, постоянно стремится приобрести изъ вновь расчищаемыхъ земель и изъ надѣловъ, покидаемыхъ обѣднѣвшими крестьянами, участки земли въ полную собственность, но не для того, чтобы самому воздѣлывать ихъ, а для того, чтобы сдавать въ аренду и обезпечить себѣ такимъ образомъ легкую наживу путемъ простого сбора платежей. Но этого мало. «Мы находимъ почти повсемѣстно, говоритъ авторъ *Aryan Village*,— что въ Бенгалѣ, всякое право, а въ томъ числѣ, конечно, и право подвладѣнія доходами, принадлежитъ не единичнымъ личностямъ, но болѣе или менѣе многочисленнымъ группамъ лицъ, сообща, причемъ каждый пай нерѣдко подраздѣляется во всевозможныхъ видахъ между другими группами людей, представляющими собою, либо нераздѣленную семью, либо обломки первоначальной, большой нераздѣленной семьи». Такимъ образомъ, права, продаваемые и подраздѣляемые земиндарами, также переходятъ, не одному лицу, а цѣлой группѣ лицъ, изъ которыхъ каждое, въ свою очередь, нерѣдко дробитъ его между нѣсколькими лицами, и каждое изъ этихъ лицъ, получивши тѣмъ или другимъ способомъ какое-нибудь право въ селѣ, заявляетъ притязанія на собственническія отношенія къ влочкамъ земли.

Если вообразить себѣ, до какого безконечнаго разнообразія можетъ доходить это дробленіе правъ, то становится понятнымъ,

какой громадный переворотъ произвело англійское законодательство, признавъ владѣльческія права за земиндарами. Въ настоящее время Бенгальскія села опутаны дѣлою сѣтью, сплетенною изъ безчисленнаго числа такихъ собственниковъ, оспаривающихъ другъ у друга, продающихъ, перепродающихъ свои права на самыя мелкія доли общины и надѣловъ райата. Община еще борется кое-какъ, такъ-что похвальба англичанъ, что они скоро съ корнемъ вырвутъ это наслѣдіе старины, еще не осуществилось; но ее терзаютъ, рвутъ на куски, раздробляютъ; ею торгуетъ оптомъ и въ мелочъ дѣлая стая хищниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ землею, никогда не прикладывающихъ къ ней рукъ. Исправить это зло при обычномъ теченіи дѣлъ, нѣтъ никакой возможности, и любопытно, что г. Кемпбелль, который прежде такъ горячо боролся противъ земиндарства и всегда такъ яростно порицалъ англійскую поземельную политику, теперь съ грустью признается, что поправить дѣло законодательнымъ путемъ невозможно. «Если-бы, говорить онъ,—я обладалъ всемогуществомъ, быть можетъ я и вернулся-бы къ прежней системѣ, но, чтобы сдѣлать это теперь, надо было-бы произвести дѣлою революцію, и если какія-нибудь могучія силы этого не сдѣлаютъ, то намъ придется помириться съ системою 1793 года («Campbell», The Finances of India, въ *Fortnightly Review*, 1878, vol. XIX). Мелкія сѣти, протянутыя во всѣхъ направленіяхъ маленькими людьми Гумшвера, опутали великана, и онъ задыхается подъ ними.

Но любопытиѣе всего то, что англійскому правительству во все не удалось даже создать, въ лицѣ земиндаровъ, поземельную аристократію,—отцовъ и просвѣтителей неуча-райата,—какъ это предполагалось въ литературныхъ произведеніяхъ, пояснявшихъ и восхвалявшихъ законъ 1793 года. Реформа, вся дѣликомъ, пошла на пользу людей, совершенно чуждыхъ селу, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго,—ростовщиковъ. Земиндаръ остался тѣмъ-же, чѣмъ онъ былъ, проживающимъ наслѣдникомъ феодализма, а разбогатѣлъ пришлый человекъ, ростовщикъ. Эти, дѣйствительно, настроили себѣ около Калькутты такихъ виллъ, какія и не снились прежде индусу, пока онъ не зналъ благотворительной ферулы англичанъ. Послушаемъ на этотъ счетъ Дж. Фэра, который такъ близко знаетъ жизнь индусскаго села. «Въ сторонѣ отъ этой системы, установленной для сбора податей, говорить онъ,—безъ опредѣленнаго мѣста въ ней, но тѣмъ не менѣе, составляя силу, которая приводитъ въ движеніе весь этотъ механизмъ, стоитъ *магаджанъ* или сельскій капиталистъ. Бенгальскій райатъ не имѣетъ запасовъ, но онъ ведетъ дѣло,

требующее по временамъ денежныхъ затратъ. Нужно поправить домъ, купить соху, или пару буйволовъ, заплатить подать, достать на сѣмена,—и онъ обращается къ махаджану», который охотно ссужаетъ нужное, по два, по три процента, а не то и по пяти въ мѣсяцъ («Hyndman, Bankruptcy of India, въ Nineteenth Century, октябрь, 1878). Въ обезпеченіе, онъ выговариваетъ себѣ право взять изъ жатвы, до уборки хлѣба, то, что ему приходится, и конечно, грабить крестьянина, а потомъ закабаляетъ его. «Результатъ этого очень интересно наблюдать европейцу, говоритъ Дж. Фэръ.—Земиндаръ, который съ перваго взгляда можетъ быть принятъ за нашего ландлорда, на дѣлѣ не болѣе какъ собиратель ренты; райатъ, который кажется привязаннымъ къ землѣ,—не болѣе какъ наемный рабочій, живущій изо-дня въ день; а махаджанъ, который въ дѣйствительности доставляетъ капиталъ, нужный для обработки, оплачиваетъ трудъ и собираетъ всѣ доходы, есть лицо чуждое селу, не имѣющее никакихъ прямыхъ землевладѣльческихъ интересовъ. Онъ—только кредиторъ, ищущій какъ-бы выгоднѣе помѣстить свой капиталъ. Отложивши въ амбары столько хлѣба, сколько ему нужно на ссудныя операціи въ будущемъ году, онъ торгуетъ остальнымъ, отсылая его на выгодный рынокъ, въ то время, когда населеніе голодаетъ. Дѣятельный махаджанъ становится, такимъ образомъ, хозяиномъ цѣлой маузы или нѣсколькихъ маузъ и, вѣсть съ тѣмъ, онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго положенія въ селѣ, тогда-какъ люди, занимающіе въ селѣ опредѣленное мѣсто, т. е. земиндаръ и райатъ, совершенно безсильны передъ нимъ». Какой силы достигло ростовщичество въ Индіи, видно даже изъ отчетовъ правительственныхъ комиссаровъ, выписки изъ которыхъ приведены г. Ковалевскимъ. «Мелкій ростовщикъ, пишетъ одинъ изъ слѣдователей, — начинаетъ играть роль гиганта въ индѣйской поземельной системѣ, и я право не знаю, какія мѣры можно было-бы принять противъ этого зла». «Исходъ подобныхъ ссудъ, пишетъ другой,—вездѣ одинъ и тотъ-же: рано или поздно, земля переходитъ изъ рукъ должника въ руки ростовщика», и т. д., вездѣ все тотъ-же припѣвъ. Мало того, достаточно одному изъ сельчанъ задолжать махаджану и одному участку перейти въ руки этой півяицы, чтобы въ скоромъ времени все село перешло въ его руки. Поддерживая вражду между членами села, вовлекая ихъ въ процессы, втягивая ихъ въ роскошь и въ непосильныя покупки скота, махаджанъ кончаетъ тѣмъ, что отбираетъ участки за участкомъ и становится, наконецъ, полнымъ хозяиномъ села.

Нечего и говорить, какую громадную поддержку находятъ ра-

стовщикъ въ расторженіи общиннаго землевладѣнія. Право выдѣленія изъ общины и продажи своего участка, допущенная англійскимъ правительствомъ, становится главнымъ пособникомъ ростовщику. Если цѣлыя общины должны ростовщикамъ, то во сколько разъ легче оттягать землю у отдѣльныхъ крестьянъ, не находящихся поддержки въ общинѣ, и если даже во Франціи крестьянинъ обращается въ наемнаго рабочаго, а ростовщикъ въ собственника, если даже въ Ваатландскомъ кантонѣ, самомъ зажиточномъ въ Швейцаріи, ростовщики, — какъ это обнаружилъ одинъ скандалёзный процессъ, судившійся въ прошломъ году, — окончательно закабалили крестьянъ, то на сколько это удобнѣе по отношенію къ нищему бенгальскому крестьянину! Неудивительно поэтому, что ростовничество въ Бенгалѣ развилось съ непомерною быстротою, именно съ тѣхъ поръ, какъ англійское законодательство признало личное владѣніе и облегчило его, давши земиндару право и возможность расточать общину. Наши русскіе спекуляторы отлично поняли, какое богатѣйшее поприще для наживы откроется имъ среди об'ѣднѣвшаго сельскаго населенія, едва только тоже совершится у насъ, и недаромъ они съ такою хищническою жадностью ждутъ - не дождутся минуты, когда имъ удастся провести въ законодательствѣ свои планы расторженія общиннаго землевладѣнія.

III.

Чтобы ближе ознакомиться съ жизнью бенгальскаго крестьянина подъ англійскимъ владычествомъ, заглянемъ теперь въ село и убогія хаты, и для этого возьмемъ въ путеводители Джона Фэра, который, во время своего пребыванія въ Индіи, менѣе увлекался «высшими соображеніями», а болѣе интересовался обыденною, внутреннею жизнью села.

Бенгальская провинція занимаетъ, какъ извѣстно, обширную дельту Ганга, и на этой равнинѣ, изсѣченной во всѣхъ направленіяхъ безчисленными протоками большой рѣки, скучивается сорока-милліонное населеніе, живущее чрезвычайно густо, гораздо гуще чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, т. е. по 200, по 250 и даже по 290 душъ на квадратную версту, не считая, конечно, городовъ. Впрочемъ, городское населеніе хотя и многочисленно (Калькутта имѣетъ болѣе 800,000 жителей), но вообще ничтожно по сравненію съ сельскимъ: въ городахъ живетъ едва одинъ человекъ изъ двадцати («Vidal Lablache», Population de l'Inde). Отъ берега моря, вплоть до горъ, начинающихся въ пяти-стахъ

верстахъ сѣвернѣе, глазъ видитъ здѣсь низкую равнину, на половину заливаемую водою во время юго-западнаго муссона, а въ остальное время бьющую въ глаза яркою зеленью рисовыхъ полей. Только кое-гдѣ однообразіе ландшафта нарушается группами деревъ, съ ихъ высокими коронами, и букетами бамбуковыхъ кустовъ, изъ-за которыхъ выглядываетъ село, расположенное всегда на рѣвкѣ, нѣсколько возвышающейся надъ уровнемъ воды. Дорогъ въ этой странѣ не полагается, за исключеніемъ одной желѣзной, да двухъ-трехъ казенныхъ «трактовъ», да изрытыхъ проселковъ, плущихъ вдоль межъ. Мѣсто дорогъ заступаютъ каналы, или протоки Ганга, по которымъ легкія лодки красивой формы тянутся бечевникомъ, свозя къ Калькуттѣ, на вывозъ за море, сотни-тысячъ тоннъ риса, такъ нужнаго дома, для населенія, питающагося впроголодь.

Бенгальское село не строится улицей; хаты разбросаны, и чужой челоувѣкъ проблудитъ въ селѣ нѣсколько часовъ, среди сложныхъ избушекъ и высокихъ колодцевъ - журавлей, среди пустырей (майдановъ) и грязныхъ прудовъ, поросшихъ камышомъ, если вздумаетъ, безъ проводника, отыскивать чье-нибудь жильѣ. Дворъ бенгальца очень напоминаетъ русскій дворъ. Четыре хаты, — камышевыя мазанки, крытыя камышемъ, съ высокими, закругленными и свѣсившимися крышами, — стоятъ по четыремъ сторонамъ двора, имѣя выходы во внутрь и крылечко на проулокъ, убранный смотря по достаткамъ хозяина. Изба не блеститъ убранствомъ, но за то хозяйки щеголяютъ другъ передъ другомъ безупречною чистотою битаго глинянаго пола; мебели-же не полагается, такъ - какъ спать всѣ на полу, подстилая циновку, и только глава семьи иногда имѣетъ грубый деревянный срубъ, покрытый грубою тканью, — совершенное подобіе малоросійскаго топчана. Въ каждомъ домѣ имѣется, конечно, врытая въ землю, въ углу чрезвычайно грязнаго двора, громадная деревянная ступа съ подвязанною толчеею, которою разбиваютъ рисъ; но вообще утварь чрезвычайно бѣдна. У зажиточнаго райата вы найдете мѣдный котелъ, двѣ - три мѣдныхъ-же чашки, мѣдный горшокъ и одну или двѣ желѣзныя сковороды, всего цѣнностью на 23 рупія, т. е. около шести рублей. У самаго зажиточнаго водится еще *сандукъ* (сундукъ), или ящикъ попроче, для склада своего «имѣнія», и двѣ-три плетенныя корзинки. Вотъ все имущество въ избѣ богатаго райата, обрабатывающаго 15 *биъ* (около двухъ десятинъ), но такихъ *очень* мало. Средній-же райатъ имѣетъ мѣдной посуды всего на 10—15 рупій, а всей утвари на 12 — 17 рупій, т. е. рубля на три, или на четыре, а у бѣдняковъ, число которыхъ очень велико, и того нѣтъ. Сунду-

ковъ у тѣхъ и у другихъ, конечно, не полагается, да и что хранить имъ въ сундукахъ, когда у зажиточнаго райата, всего платья имѣется лишь нѣсколько кусковъ бумажной ткани, цѣною, на каждаго человѣка, на двѣ рупіи (полтинникъ), а на всю семью, всего на 15 или 16 рупій, такъ-какъ нѣкоторая часть одежды служитъ для всей семьи. Женскій полъ, понятно, не довольствуется одними кусками бумажной матеріи, а носить украшенія; но даже и въ самомъ зажиточной семьѣ райата, если онъ не торгуетъ, стоимость всѣхъ украшеній не превышаетъ 10—12 рублей, — богатство очень небольшое, если замѣтитъ, какъ страшно дороги въ Бенгальскихъ селахъ всѣ мануфактурные товары, по сравненію съ цѣною риса, или скота.

Всѣ дома чрезвычайно схожи другъ съ другомъ, и по наружному виду и по внутреннему убранству, и разнятся они другъ отъ друга только затѣйливостью убранства крылечка, да количествомъ посуды. Даже домъ махаджана и богатаго купца мало отличаются отъ другихъ; хотя они и построены изъ кирпича, но ихъ полуразрушенный видъ подравниваетъ ихъ по наружности съ остальными. Различіе узнается только внутри, по сундукамъ, по точеному шкафу, по платьямъ и украшеніямъ жены, да по пиршествамъ, задаваемымъ купцомъ въ большіе праздники, во время которыхъ браманъ-разсказчикъ по нѣсколькимъ днямъ тѣшитъ слушателей своими повѣствованіями.

Сельская лавка, по бѣдности, — подъ стать хатамъ. Пряности, горчичное и другія растительныя масла, рисъ во всѣхъ стадіяхъ приготовленія, вотъ чѣмъ заваленъ прилавокъ; а надъ нимъ красуются бумажные змѣи, до которыхъ такъ охочъ бенгалецъ, старый и малый, бичевки, веревки, да нѣсколько картинъ. Но, чтобы дать понятіе о томъ, какъ велики обороты сельскаго торговца, достаточно сказать, что *пайс*, которыхъ въ рупіи (полъ-шиллинга) считаютъ сорочъ восемь — слишкомъ крупная монета для бенгальца, такъ-что въ общежитіи считаютъ на ракушки, которыхъ въ рупіи полагается 5,120! Такой дробный счетъ только и можетъ объясниться страшно низкимъ уровнемъ потребностей райата, который сплошь да рядомъ прокармливается буквально горстью риса въ день. Необходимую принадлежностью каждаго села, конечно, является базаръ, обороты котораго легко себѣ представить, зная бѣдность крестьянъ. Но эти несчастные базары являются доходною статьею для земиндаровъ, которые наравятъ, каждый, устроить свой базаръ и заставляютъ «своихъ» райатовъ покупать все на своемъ базарѣ, запрещая ходить на чужіе.

Проходя по селу, вы, конечно, натолкнетесь на группу въ

десятокъ или два совершенно голыхъ ребятишекъ, сидящихъ въ тѣни дерева, или на крылечкѣ, которые выводятъ свои крючковатыя буквы на платановомъ или пальмовомъ листѣ, или подводятъ итоги на забредшемъ съ запада обломкѣ аспидной доски, а не то и запросто на пескѣ. Это—сельская школа, почти единственный проводникъ образованія среди сорока-милліоннаго населенія, потому-что европеизированныя школы предназначаются, очевидно, лишь для самаго ничтожнаго меньшинства. Обученіе здѣсь даровое, такъ-какъ социальныя и религіозныя представленія востока, въ противность «просвѣщенному» западу, не допускаютъ, чтобы ученье, даръ небесъ, могло-бы оплачиваться. Учитель, большею частью пожилой браминъ, живетъ добровольными приношеніями рисомъ, и сельчане, конечно, не забываютъ его въ дни семейныхъ праздниковъ, а особенно когда ребенокъ благополучно одолѣетъ одну изъ ступеней ученія: азбуку, односложные склады, сложеніе и т. д. Въ нѣкоторыхъ селахъ вы встрѣтите также *толь*, т. е. высшую школу, гдѣ юноши посвящаются въ премудрости санскритской грамматики и нераздѣльной съ нею философіи. Учитель, пандитъ, часто очень ученый человекъ—по своему,—но всегда очень бѣдный, самъ содержитъ своихъ учениковъ на подаванія, которыя ему даются во время праздниковъ; лѣтомъ-же, едва наступятъ вакаціи, онъ обходитъ громадныя пространства, переходя изъ дома въ домъ, изъ села въ село, ничего не прося, но принимая то, что ему даютъ, будетъ-ли это двадцать рутій, или одна рутія и горсть рису на обѣдъ. Пандитъ, впрочемъ—не забытый средневѣковой схоластикъ; онъ очень охотно и легко воспринимаетъ естественно-научныя знанія, когда его захотятъ научить имъ, и мы видѣли какъ недавно, начальникъ индійской триангуляціи, Монгомери, воспользовался пандитами, чтобы изслѣдовать невѣдомыя и недоступныя пустыни Тибета и Памира, отдѣляющія русскія среднеазіатскія владѣнія отъ англійскихъ.

Въ каждомъ селѣ вы найдете также сельское управленіе, гдѣ три-четыре человекъ ведутъ такую бухгалтерію, которой позавидовали-бы наши волостныя канцеляріи (бенгальцы вообще сильны стали въ этой отрасли). На длинныхъ свиткахъ, изъ сшитыхъ листовъ, длиною въ нѣсколько сажень, здѣсь записывается съ мельчайшими подробностями, сколько квадратныхъ сажень земли разнаго качества держитъ каждый райатъ, чѣмъ онъ за сѣваетъ каждый годъ самый малѣйшій клочокъ земли и сколько съ него придется оброка за каждый такой клочокъ. Легко представить себѣ, какая невообразимая масса времени тратится на это записываніе, къ какимъ безконечнымъ злоупотребленіямъ оно

ведетъ, и какая безчисленная масса споровъ возникаетъ изъ-за неправильностей счетоводства.

Ремесль въ селахъ почти не существуетъ, если не считать кузнеца, выдѣлывающаго гвозди и всякую мелочь изъ полосъ англійскаго желѣза, накладываемыхъ для стягиванія тюковъ привознаго товара; брадобрѣя, получающаго даровой надѣлъ за то, что онъ брѣетъ земиндара; изрѣдка—ткача, плотника, горшечника, да еще живописца, который малюетъ яркими красками большія картины и преподноситъ ихъ въ праздники богатому купцу, получая въ вознагражденіе подарки, цѣнность котораго опредѣляется искусствомъ живописца и расположеніемъ духа богача. Зато вездѣ вы найдете коровника, который держитъ нѣсколько коровъ и каждый день разноситъ по хатамъ молоко и сливки—любимое лакомство райата, питающагося однимъ рисомъ. Но скоро онъ и отъ этого лакомства долженъ будетъ отказаться и стать совсѣмъ постникомъ, такъ-какъ рента за пастбища постоянно растетъ, и коровникъ скоро долженъ будетъ довольствоваться продажей молока однимъ богатымъ людямъ. Къ счастью, бенгальцы не умѣютъ выдѣлывать сыра, а то-бы и послѣдняя приправа къ рису, молоко, была-бы уже отнята у ребятишекъ.

Наконецъ, прибавьте еще хатку, самую убогую съ виду, въ которой живутъ двѣ-три вдовы, исхудалыя, измученныя, добывающія себѣ пропитаніе плетеніемъ циновокъ и услугами, оказываемыми сосѣдкамъ; прибавьте нищенствующаго монаха, съ его подругою, тоже монахиней, оба—жалкіе остатки благороднаго ученія, возвѣщавшаго міровое равенство, нынѣ—проповѣдники аскетизма, погрязшіе въ самой животной чувственности; вообразите доктора, важно разносящаго больнымъ цѣлебныя травы; предсказателя-астролога, угадывающаго судьбу людей по звѣздамъ и предсказывающаго славу и богатство богатѣющему ростовщику и счастье—бѣднякамъ, въ утѣшеніе отъ давящей, горькой дѣйствительности; рассказчика, воспѣвающаго то славное время, когда не было еще ни мусульманъ, ни англичанъ, и когда законы Мену могли предписывать каждому индусу имѣть въ амбарѣ запасъ хлѣба на три года,—прибавьте эти немногія черты, и вы получите полное понятіе о составѣ бенгальскаго села.

Въ мусульманскихъ селахъ вы, конечно, встрѣтите мечеть, съ ея неизбѣжнымъ штатомъ муллъ и учениковъ; но тамъ, гдѣ жители остались вѣрными браманской вѣрѣ, общественныхъ молель не полагается: молятся дома, въ каждой семьѣ порознь, приглашая на помощь брамина, если позволяютъ достатки. Но

громадное большинство райатовъ такъ бѣдны, что не только приглашать брамина не въ состояніи, но даже и идола, или иконы, не могутъ себѣ завести: они довольствуются тѣмъ, что, вставая, повторяютъ нѣсколько разъ молитву про себя, да сходятъ иногда на моленья, устраиваемыя въ богатыхъ домахъ, или на общественное моленье, отправляемое всѣмъ селомъ, разъ въ году, на сельскомъ выгонѣ. Объ увеселеніяхъ трудно даже и говорить при подобной обстановкѣ: «мало отводится на ихъ долю», замѣчаетъ Дж. Фэръ. «И то сказать, говоритъ онъ,—въ теченіи цѣлыхъ поколѣній эти люди были нищими, не доѣдали, и нѣтъ у нихъ бодрости и избытка жизни, которыя выражаются, напр., въ Бирмѣ веселыми играми и атлетическими упражненіями. Веселой, живой, шумной игры вы почти никогда, вѣрнѣе—никогда не видите у бенгальскихъ дѣтей». Пьянства немного, но за послѣднее время, по мѣрѣ обѣднѣнія народа, оно стало болѣе распространяться.

Какъ вездѣ, село, конечно, окружено выгономъ, который принадлежитъ всѣмъ общинникамъ, а за нимъ начинаются поля, двоякаго рода: одни изъ нихъ принадлежатъ земиндару на началахъ полной собственности, и онъ, либо самъ обрабатываетъ ихъ, либо—что гораздо чаще—сдаетъ ихъ въ аренду; другія находятся въ пользованіи райатовъ. Это владѣніе сначала не было обезпечено никакимъ закономъ, и только въ новѣйшее время правительство постановило, что райатъ, владѣвшій землею въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, имѣетъ право владѣть ею навсегда, съ условіемъ выплачивать земиндару ренту, размѣры которой, однако, не опредѣлены; а двадцати-лѣтнее владѣніе по одной и той-же цѣнѣ въ продолженіи всѣхъ 20-ти лѣтъ даетъ право вѣчно (т. е. до новаго указа) владѣть землею за ту же ренту. Вообще-же права райатовъ на ихъ земли ничѣмъ не обезпечены, кромѣ обычая; обычаемъ-же, а также и цѣнами на рисъ, опредѣляется и рента, которую они платятъ земиндару; вслѣдствіе этого, рента постоянно растетъ, но идетъ она не на пользу правительства, а на пользу земиндара, отъ котораго она переходитъ, какъ сказано выше, къ ростовщику. Конечно, поземельный сборъ правительства тоже постоянно растетъ, и въ настоящее время онъ достигаетъ уже до 21 милліона фунтовъ (по курсу, болѣе 200 милліоновъ рублей). Но доля земиндаровъ при этомъ растетъ совершенно несоразмѣрно. Въ концѣ прошлаго вѣка, имъ была предоставлена только одна десятая всего дохода, а девять десятыхъ шли правительству; въ послѣдствіи правительство брало только двѣ трети ренты, собираемой земиндарами, а теперь оно довольствуется уже только половиною, пре-

доставляя имъ другую половину, приче́мъ «эта половина, говоритъ Кэмпбелль,—гораздо больше, чѣмъ прежнія двѣ трети» (Finances of India). Легко представить поэтому, какъ возрастаетъ рента, платимая райатами, и какъ страшно раззоряетъ ихъ такая система.

Поля, принадлежащія крестьянамъ, тоже двойного рода: орошенныя и неорошенныя, приче́мъ, конечно, первыя составляютъ главное богатство и главную основу хозяйства. Они обыкновенно имѣютъ форму груши, прикрѣпленной къ оконечности оросительнаго канала, отъ котораго расходятся во всѣ стороны болѣе мелкія канавы, ведущія воду на поля. Пущенная сперва на ближайшее поле, вода спускается потомъ на слѣдующую террасу, потомъ на третью и т. д., пока не достигнетъ самыхъ дальнихъ полей. Все поле раздѣлено на части, межами, перпендикулярными къ оросительной канавѣ. Въ большей части Бенгала надѣлы райатовъ обратились уже въ наследственные и перестали принадлежать общинѣ; многіе земиндары вступили въ отдѣльные контракты съ отдѣльными райатами и предоставили имъ вѣчное пользованіе участкомъ, которымъ они пользовались во время контракта; кромѣ того, законъ тоже призналъ наследственное владѣніе за тѣми, кто владѣлъ постоянно участкомъ 12 или 20 лѣтъ. Эти участки дѣлятся между членами семей, и дробленіе, какъ упомянуто выше, доходитъ въ полномъ смыслѣ слова до абсурда. Но, несмотря на это, принципъ владѣнія сообща все-таки сохранился до нѣкоторой степени. Община считаетъ всѣ поля райатовъ совершенно особенными отъ полей, которыя они покупаютъ, или снимаютъ въ аренду у земиндара изъ его собственныхъ земель, и для обозначенія права всей *маузы* (общины) на поля, бывшія нѣкогда общинными, имѣется особое слово, *джатъ*. Если райатъ даже под-сдастъ свой участокъ кому-нибудь другому, то съемщикъ теряетъ всякое право на аренду, если онъ удалится изъ общины. Въ такихъ случаяхъ участокъ переходитъ въ общину, хотя, конечно, земиндаръ постоянно стремится стать полнымъ хозяиномъ этого участка и постоянно, пользуясь англійскимъ закономъ, стремится закрѣпить за тѣмъ или другимъ райатомъ право владѣнія на вѣчныя времена. Передѣлы встрѣчаются уже рѣдко, но, по временамъ, говоритъ г. Ковалевскій, является требованіе чорнаго передѣла, и такой передѣлъ распространяется иногда не только на всю общинную землю, но и на землю цѣлой группы смежныхъ селеній; передѣлъ-же дворовъ сталъ совершенно исчезать послѣ 1847 года. Если-же, по недостатку воды въ сухой годъ, можно оросить лишь часть всего джатоваго поля, тогда эта часть, кому-бы она

ни принадлежала, поступаетъ въ раздѣлъ, на одно лѣто, между всѣми членами села; но и этотъ обычай мало-по-малу выводится.

Въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ общинное землевладѣніе лучше сохранилось и реальная сила англійскаго законодательства несравненно меньше, расчистка новыхъ полей изъ-подъ заросли сплошь да рядомъ производится всѣми общинниками сообща, и новое поле дѣлится между ними, или-же обрабатывается ими сообща, причѣмъ только продукты дѣлятся по семьямъ. Но въ другихъ областяхъ этотъ обычай выводится; такъ-какъ земиндаръ считается собственникомъ пустопорожнихъ земель, то онъ предпочитаетъ давать право на расчистку отдѣльнымъ хозяевамъ. Самый-же принципъ общественной расчистки и общиннаго владѣнія новыми полями такъ живучъ, что новыя поселенія бенгальскихъ эмигрантовъ, которые массами уходятъ на западъ и сѣверо-западъ, складываются по общинному типу; а въ западномъ Бенгалѣ, гдѣ англійское вліяніе менѣе сильно, сдачи земли въ аренду вовсе не существуетъ, а продажу земель, введенную-было англійскимъ законодательствомъ, пришлось даже запретить, такъ-какъ она столь противна обычному праву, что ея нельзя было провести въ дѣйствительность (La Touche, Settlement Report; Aryan Village). Впрочемъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ личное землевладѣніе вытѣсняетъ общинное, связь общинниковъ продолжаетъ выражаться, какъ въ западной Европѣ, существованіемъ общиннаго выгона и отправленіемъ сообща тѣхъ работъ, которыя имѣютъ общественное значеніе. Только и тутъ, съ выдѣленіемъ изъ общины особыхъ хозяйствъ, исполненіе общественныхъ работъ всѣмъ селомъ постоянно наталкивается на затрудненія. Но права полной поземельной собственности, въ смыслѣ римскаго права, все-таки не существуетъ, такъ-какъ обработка полей подчинена нѣкоторымъ правиламъ, обязательнымъ для всѣхъ членовъ маузы; эти правила вытекаютъ изъ самаго рода культуры, такъ-какъ орошеніе полей не можетъ происходить иначе такъ разновременно, а вслѣдствіе этого и время пахоты и посѣва на каждомъ полѣ должно быть установлено съ общаго согласія общины.

Послѣднее убѣжище, принципа общиннаго землевладѣнія, наконецъ, въ *нераздѣльной семьѣ*, (неподѣленной семьѣ, joint family у англичанъ), и объ этомъ учрежденіи, которое составляетъ типичную особенность Бенгальской жизни, мы должны сказать нѣсколько словъ.

Исчезнувши уже въ западной Европѣ, гдѣ нѣкогда она была

повсемѣстною формою общежитія,—столь распространенною, что во Франціи ее встрѣчали почти всюду въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ и даже встрѣчаютъ понынѣ (Bonnemère Histoire des paysans),—она сохранилась во всей силѣ въ Бенгалѣ, такъ-что обычай, жить нераздѣльною семьею почти повсемѣстенъ въ этой странѣ и встрѣчается во всѣхъ слояхъ общества. Такъ, напримеръ, по смерти райата, его сыновья продолжаютъ владѣть сообща его надѣломъ и жить однимъ дворомъ, выстраивая себѣ только, если позволяютъ средства, каждый особую хату въ томъ-же дворѣ, но владѣя землею и обрабатывая ее сообща. Раздѣлъ совершается только тогда, когда вынудятъ къ этому семейныя несогласія, а потому это положеніе дѣлъ, выгодное для всѣхъ членовъ семьи, продолжается иногда нѣсколько поколѣній; прежде оно длилось сотни лѣтъ. Къ сожалѣнію, вмѣшательство земиндара, бѣдность, порождающая несогласія, невозможность увеличивать обрабатываемую землю пропорціонально возрастанію семьи и развитіе духа индивидуализма, вызванное новыми порядками, не даютъ возможности нераздѣльнымъ семьямъ долго продержаться у бѣдныхъ райатовъ. Продержавшись одно или два поколѣнія, онѣ приступаютъ къ раздѣлу. Въ такихъ случаяхъ полевой надѣлъ дѣлится между членами семьи и обрабатывается ими порознь, и тутъ начинается дробленіе надѣла на такія мелкія клочья, что никакой путной обработки быть не можетъ. Но если семья зажиточная, то она подолгу не дѣлится и, совмѣстно владѣя всѣмъ, производитъ обработку сообща, подъ управленіемъ старшаго въ родѣ, который отвѣтственъ передъ всѣми членами семьи и ведетъ для этого строгую отчетность, открытую во всякое время для провѣрки; этимъ правомъ пользуются, впрочемъ, очень рѣдко, такъ-какъ настоящій, дѣйствительный контроль существуетъ во всякое время, вслѣдствіе знакомства каждаго члена съ дѣлами семьи и вслѣдствіе того, что всякое крупное предпріятіе обсуждается сообща.

Такая семья часто представляетъ очень сложный агрегатъ братьевъ, племянниковъ, троюродныхъ братьевъ, женъ, оставшихся безъ потомства и т. д., такъ-что среди богатыхъ торговцевъ въ Калькуттѣ и даже въ деревняхъ существуютъ семьи въ триста и четыреста человѣкъ, живущихъ подъ однимъ кровомъ и ведущихъ общее хозяйство; семьи-же въ пятьдесятъ и сто человѣкъ—дѣло обыкновенное. Домъ бенгальца, со своими хатками, вообще приспособленъ для большихъ нераздѣльныхъ семей; но въ городахъ дома очень большихъ семейныхъ общинъ имѣютъ свою архитектуру. Они строятся обыкновенно изъ кир-

пича, въ два этажа, съ большимъ навѣсомъ вдоль всего фасада. Входныя ворота ведутъ на внутренній дворъ, куда выходятъ окна всѣхъ четырехъ корпусовъ, окружающихъ дворъ, а вокругъ тянется широкая веранда, съ расширеніемъ на одномъ фасѣ, для сбора всей семьи и посѣтителей во время семейныхъ праздниковъ; холщевой навѣсъ, накидываемый въ такихъ случаяхъ на дворъ, дѣлаетъ импровизованное помѣщеніе, закрытое отъ тропическаго солнца. Если семья очень велика, то за первымъ дворомъ слѣдуетъ второй и третій, причемъ отдѣльныя подраздѣленія семьи живутъ въ отдѣльныхъ корпусахъ зданія. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь коммунистическую общину не у бѣдныхъ пахарей, а у людей очень зажиточныхъ, въ которыхъ ни богатство, ни даже нажива чужимъ трудомъ не убили пониманія выгодъ коллективной собственности и артельного хозяйства. Такія семьи очень распространены, и встрѣчаются онѣ повсемѣстно отъ Бенгала до Цейлона, принимая самыя разнообразныя формы и примѣняясь къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ производства: хлѣбопашество, разведеніе плодовыхъ деревьевъ, рыбная ловля, торговля и т. д.

Что-же удерживаетъ вмѣстѣ такіе сложные агрегаты, какъ калькутская нераздѣльная семья въ нѣсколько сотъ человѣкъ? Очевидно, взаимный интересъ, сознаніе каждаго изъ членовъ этой большой производительной и потребительной общины, что выдѣлившись изъ семьи и ведя дѣла одинъ, онъ не будетъ имѣть той степени благосостоянія и той обезпеченности, которые онъ находитъ, пока остается членомъ нераздѣльной семьи. Одною силою привычки подобнаго явленія нельзя объяснить, такъ-какъ Калькутта, съ ея милліоннымъ населеніемъ, ввозомъ и вывозомъ въ 400 милліоновъ рублей, живою торговлей и т. д., не какое-нибудь село, заброшенное среди лѣсовъ, гдѣ привычки сохраняются цѣлыя вѣка не тронутыми; здѣсь каждый день представляются условія для ломки привычекъ и обыденной жизни, и одною косностью людскою нельзя объяснить существованія большихъ нераздѣльныхъ семей: та-же привычка не въ состояніи-же поддерживать этихъ семей въ деревнѣ, среди бѣднѣющихъ райатовъ. Ясно, что причины такого прочнаго развитія семейныхъ общинъ среди богатыхъ людей надо искать, съ одной стороны, въ выгодахъ, представляемыхъ ими, а съ другой—въ равенствѣ условій развитія, умственнаго и нравственнаго, всѣхъ членовъ семьи. Очевидно, что если-бы этого равенства и не существовало, если-бы, напримѣръ, представлялись условія къ тому, чтобы нѣсколько членовъ семьи, полу-

чивши болѣе высокое развитіе чѣмъ остальные, могли разстаться съ религіозными вѣрованіями остальныхъ, или если-бы отдѣльные члены семьи могли проникнуться нравственными воззрѣніями, далеко превосходящими ходячія воззрѣнія, то это неравенство развитія повело-бы къ разложенію семейныхъ общинъ, такъ-какъ при нашей нынѣшней культурѣ, выдѣлившіеся члены не нашли-бы возможности вступитъ сейчасъ-же въ другую, подобную общину, основанную уже не на узахъ родства, а на согласіи въ принципахъ и вѣрованіяхъ. Но покуда равенство развитія существуетъ, эта внутренняя причина разложенія общины отсутствуетъ, и нераздѣльная семья продолжаетъ существовать.

Такимъ образомъ мы находимъ въ Индіи всѣ три стадіи развитія общины, пройденныя арійскими племенами: общину-волость (а въ другихъ мѣстахъ—родовую общину), сельскую общину и нераздѣльную семью. Всѣ эти три фазиса, какъ извѣстно, были пережиты и въ другихъ странахъ, населенныхъ арійцами, причѣмъ, хотя они и могутъ показаться при первомъ взглядѣ тремя переходами отъ сложнаго къ простому, но на самомъ дѣлѣ они суть несомнѣнные переходы отъ простого къ сложному, какъ это, впрочемъ, доказалъ уже г. Щербина относительно первыхъ двухъ формъ. Дѣйствительно, волостная община, слагавшаяся изъ нѣсколькихъ маленькихъ деревушекъ, владѣвшихъ достаточными запасами свободной земли и рѣдко имѣвшихъ случаи примѣнять на дѣлѣ общинныя начала ко всему союзу, несомнѣнно менѣе сложная форма общины, чѣмъ сельская община, съ ея передѣлами и развертками угодій и несравненно болѣе полною и разнообразною жизнью ея членовъ. Что-же касается до нераздѣльной семьи въ нѣсколько сотъ человѣкъ и притомъ купеческой, живущей въ многолюдномъ городѣ, то очевидно, что жизнь и взаимныя отношенія членовъ въ этомъ случаѣ несравненно сложнѣе, чѣмъ въ сельской общинѣ, вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія занятій въ трудѣ и въ увеличеніи средствъ семьи, не говоря уже о томъ осложненіи, которое вносится коллективнымъ потребленіемъ; объ силѣ-же семейныхъ узъ, очевидно, и не можетъ быть рѣчи, когда подъ однимъ кровомъ живетъ нѣсколько поколѣній. Между тѣмъ, эта болѣе сложная форма общины, болѣе подвергающаяся внѣшнимъ разлагающимъ вліяніямъ и такимъ образомъ поставленная, по видимому, во всѣхъ отношеніяхъ въ менѣе выгодныя условія,—эта община, говорю я, выживаетъ и даже развивается, подлаживаясь подъ внѣшнюю среду, тогда какъ сельская община

вымираетъ. Этотъ фактъ, если взвѣсить его въ ряду всѣхъ остальныхъ, разсмотрѣнныхъ нами, служить такимъ образомъ новымъ подтвержденіемъ той мысли, что разложеніе общины происходитъ не столько вслѣдствіе внутреннихъ причинъ (понимая подъ внутренними: стремленіе къ личной независимости, имущественное неравенство, возникающее вслѣдствіе неравенства въ личныхъ качествахъ общинниковъ и т. п.), сколько вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ, въ ряду которыхъ главное мѣсто занимаетъ об'ѣднѣніе общины отъ непосильныхъ налоговъ, вмѣшательство людей чуждыхъ ей, но занявшихъ въ государственной жизни такое положеніе, которое даетъ имъ особую силу и, наконецъ, законодательство, вторгающееся во внутреннюю жизнь общины, вносящее правовыя понятія ей чуждыя, и создающее классъ собственниковъ, которые находятъ выгоднымъ расторгненіе общиннаго землевладѣнія. Всѣ эти причины, какъ мы видѣли, существуютъ относительно сельской общины, но онѣ отсутствуютъ по отношенію къ нераздѣльной семьѣ капиталистовъ, ведущихъ промышленныя, или торговыя предпріятія; имъ современный государственный строй только покровительствуетъ наравнѣ съ прочими, единичными промышленниками и торговцами. Этимъ только и объясняется, что общины, подобныя богатымъ нераздѣльнымъ семьямъ, не только не гибнутъ подъ вліяніемъ современнаго строя жизни, но еще развиваются. Конечно, очень вѣроятно, что индивидуалистическое начало, лежащее въ основѣ нашего современнаго производства и обмѣна, наконецъ-таки возьметъ верхъ надъ началомъ артельнымъ соединенной семьи, но самая способность этой последней подлаживаться къ новымъ, болѣе сложнымъ формамъ экономической жизни, не есть ли достаточное доказательство того, что *само по себѣ* общинное начало нисколько не противорѣчитъ усиленному производству и дѣятельному обмѣну, и что съ измѣненіемъ условій, враждебныхъ общинному началу, община можетъ принять новыя формы, сообразныя съ болѣе высокою культурою, сохраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, принципы коллективнаго труда и коллективнаго потребленія?

Эту живучесть и приспособляемость общины намъ, конечно, хотѣлось бы подтвердить большимъ количествомъ фактовъ, но къ сожалѣнію, именно этотъ предметъ сравнительно мало разработанъ. Мы только еще начинаемъ знакомиться съ общиною и, какъ слѣдуетъ, начинаемъ съ описанія существующихъ формъ и съ изученія ихъ развитія; но нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдователи, занявшіеся съ такою любовью изслѣдованіемъ этого явлені-

нія, обратятъ вниманіе на возможно полное изученіе причинъ, мѣшавшихъ развитію общины и губившихъ ее, равно какъ и задатковъ, имѣющихся въ ней для дальнѣйшаго развитія. Во всякомъ случаѣ, пожелаемъ этого, такъ-какъ — повторяю — мы подходимъ къ такому моменту, когда общинѣ придется выдержать рѣшительный бой со своими явными и тайными врагами, и нужно знать, чѣмъ ей можетъ быть нанесенъ смертельный ударъ.

П. Су—вскій.

НОВЫЙ.

(Изъ хроники южно-русскаго села).

(Окончаніе.)

IV.

Когда на другой день взошло солнце и заглянуло въ церковный домъ № 1, оно нашло тамъ со вкусомъ убранныя комнаты, красивую новую мебель, полы, устланныя коврами, — словомъ — нашло то, чего никогда не находило ни у о. Евстафія, ни у его предшественниковъ. Все это о. Семень взялъ у тестя за Варенькой и все это было новое, „прямо изъ мастерской“. Стулья и кресла были выписаны изъ большого города верстъ за 200, а рояль, изящный модный рояль самаго лучшаго тона, — пріѣхалъ въ Шарокую-Балку прямо изъ Москвы. Заглянувъ въ комнаты церковнаго дома № 1, трудно было подумать, что тамъ обитаетъ сельскій священникъ, и тѣмъ болѣе — начинающій; не было никакого сомнѣнія, что это — гнѣздо зажиточнаго помѣщика, который помѣстилъ въ углу залы маленькую иконку для того, чтобы ее никто не замѣтилъ, а въ случаѣ, если кому-нибудь нужно будетъ замѣтить, чтобы можно было указать на нее.

Если-бы балчанскій мужикъ, желая пригласить батюшку на какую-нибудь потребу, случайно наверху въ эти покои, онъ немедленно повернулъ-бы назадъ, сильно почесалъ бы себѣ затылокъ и промолвилъ бы съ крайнимъ недоумѣніемъ: „Э, да тутъ что-то не ладно! Куда-же это я попалъ?“ И затымъ пошелъ-бы онъ къ своему сосѣду и наразсказалъ бы ему такихъ чудесъ, что у того изъ рукъ вывалился-бы топоръ, которымъ онъ починалъ возъ.

Разсказаль-бы онъ, что съ нимъ случилось что-то въ родѣ дьявольскаго навожденія, что онъ хотѣлъ попасть въ церковный домъ къ попу, а на мѣсто того попалъ чортъ знаетъ куда, въ какой-то султанскій дворецъ или и того хуже. А если-бъ ему, еще вчера видѣвшему здѣсь Арину Петровну, на глаза попалась Варенька съ своимъ дѣтскимъ бѣлоснѣжнымъ личикомъ, въ своемъ изящномъ голубомъ капотѣ, сшитомъ по послѣдней модѣ, то онъ окончательно отказался - бы дать этому обстоятельству какое-нибудь объясненіе.

Впрочемъ, несмотря на то, что Варенька еще не успѣла привести въ порядокъ всю обстановку, деревня уже кое-что узнала о чудесахъ церковнаго дома № 1. Дѣло въ томъ, что часу въ двѣнадцатомъ, когда Варенька только-что покончила съ „дѣтской“, пристроивъ самый главный атрибутъ ея — люльку, подаренную ей бабушкой въ день бракосочетанія „на случай“, какъ изъ передней послышался осторожный скрипъ двери и затѣмъ какъ будто шуршанье босыхъ ногъ.

— Кто тамъ? спросила Варенька. Она никого не ждала.

— Эго я! послышался женскій голосъ. Эго былъ еще здоровый, звонкій пѣвучій голосъ.

Отвѣтъ показался Варенькѣ неопредѣленнымъ.

— Кто-же вы? спросила она нетерпѣливо. Варенька была ужасно нетерпѣлива, что произошло, вѣроятно, оттого, что дома, въ продолженіи полугода, ее баловали въ качествѣ только-что кончившей курсъ „монастырки“, хорошенькой, а потому выгодной невѣсты, т. е. такой, которая выйдетъ замужъ „навѣрняка“. Это было извѣстно и о. Семену, не потому, чтобы онъ очень долго наблюдалъ ее, а просто потому, что когда въ одно изъ воскресеній онъ, тогда еще Семенъ Ивановичъ, облачившись въ черный „пальмерстонъ“, явился къ Варенькѣ и въ очень короткой рѣчи объяснилъ ей, что она ему нравится и что, если это ее не разсердитъ, онъ предложилъ-бы ей раздѣлить съ нимъ печали и радости земного странствованія (такъ онъ выразился), то Варенька выразила свое полное удовольствіе, но предупредила, что она капризна и нетерпѣлива и что это надо имѣть въ виду.

— Да я здѣшняя... Пелагея! послышалъ голосъ изъ передней. Варенька вышла въ переднюю.

Оказалось, что Пелагея была женщина съ виду дѣтъ пяти-

десяти, высокаго роста, съ овальнымъ, когда - то красивымъ лицомъ и быстрыми хитрыми глазами. Костюмъ ея состоялъ изъ бѣлой сорочки, съ безчисленнымъ множествомъ складокъ и очевидно — совершенно непредназначеннымъ полудекольте, которыми она не имѣла причины кокетничать — и цвѣтной юбки. На головѣ темный платочекъ, а ноги совсѣмъ босыя, но настолько грязныя и заскорузлыя, что производили впечатлѣніе обутыхъ въ балетныя чулки. Пелагея отвѣсила низкій поклонъ и, схвативъ руку Вареньки, совершенно неожиданно для нея, смачно поцѣловала. Затѣмъ, вернувшись къ порогу, она приложила руку къ подбородку и впиалась глазами въ Вареньку.

— Боже ты мой, Господи! Какія вы еще молоденькія! произнесла она такимъ сердечнымъ голосомъ и такъ печально качая головой, точно молодость должна была составлять для Вареньки величайшее несчастіе. — Такія молоденькія и уже матушка!

Варенька никакъ не могла понять, въ чемъ дѣло. Ей показалось, что Пелагея пришла просить подаванія, но она не была увѣрена въ этомъ. Пелагея, повидимому, тоже находилась въ затруднительномъ положеніи. Она какъ-будто чего-то ждала со стороны Вареньки.

— Вы по какому-нибудь дѣлу? спросила Варенька.

— Я? Нѣтъ! Такъ, чтобы дѣло... дѣла у меня никакого нѣтъ!

Вопросъ Вареньки какъ-будто даже удивилъ Пелагею.

— Такъ, пришла поглядѣть на васъ. Какая вы есть такая — паша матушка! У насъ уже сколько лѣтъ не бывало матушки! И забыли уже, какая она такая бываетъ! У о. Евстафія супруга ихъ покойница — лѣтъ уже съ 15 будетъ, какъ померла, такъ ужъ мы такъ безъ матушки и были. Скучно безъ матушки! А вотъ теперь васъ намъ Богъ послалъ! Пелагея съ перваго-же раза обнаружила свой ораторскій талантъ. Дѣйствительно, по селу было извѣстно, что она не только охотница, но и мастерица „почесать языкомъ“. Такъ и говорили прямо: „Гляди вонъ, Пелагея Ивановна языкомъ какъ чешетъ! Скоро-ли она его весь изговоритъ? И какъ это онъ у нея весь не истерся по сіе время?“

— Нашему брату-бабѣ скучно безъ матушки! продолжала „чесать“ Пелагея Ивановна. — Конечно, Арина Петровна была хорошая женщина, да все-жъ не то, все-же она простая была, не настоящая. Бывало, бабы разговариваютъ: нѣтъ у насъ матуш-

жи, и поильновать некому, и, когда родины бываютъ, не къ кому придти съ курочкой, а какъ послѣ вѣчанья „варену“ принесешь, никто тебя не угоститъ, не попочтуетъ, какъ слѣдуетъ. Такъ-то мы и просиротствовали 15 годковъ!

Все это Пелагея Ивановна только что сочинила и сдѣлала она это совсѣмъ не по злобѣ на Арину Петровну, а такъ - себѣ, чтобы сказать новой матушкѣ что-нибудь „угодливое“ и посмотреть, какъ на нее это подѣйствуетъ. Съ Ариной Петровной она, напротивъ, была первая пріятельница и частенько говаривала ей: „А ей-Богу, Арина Петровна, съ вами не нужно намъ и матушки, вы все одно, какъ настоящая матушка!“ И знала она очень хорошо, что Арина Петровна не хуже всякой матушки умѣла дѣлать употребленіе изъ „курочек“, приносимыхъ по поводу „родинъ“, а ужъ почтывать, такъ этого ни одна матушка не умѣла дѣлать такъ хорошо, какъ Арина Петровна. А говорила все это Пелагея Ивановна съ чисто - дипломатическою цѣлю. Да и самый визитъ ея Варенькѣ далеко не былъ такъ наивно простъ и безцѣленъ, какъ можно было подумать. Пелагея Ивановна принадлежала къ особой кастѣ „бабок“, которыхъ въ каждомъ селѣ непременно водятся три-четыре и которыя пользуются особеннымъ, нѣсколько привилегированнымъ положеніемъ. Онѣ строго содержатъ въ секретѣ тайны своего несложнаго искусства и вѣчно сохраняютъ какой-то сосредоточенный таинственный видъ, какъ бы говоря всѣмъ и каждому, что имъ извѣстно нѣчто такое, что больше никому на свѣтѣ не извѣстно. Въ обычное время каждая изъ нихъ считаетъ за собой извѣстныя мужицкія семейства, въ которыхъ и „принимаетъ“ изъ года въ годъ. Бабки живутъ тогда между собою мирно, такъ-какъ корысть распредѣляется между ними приблизительно поровну. Это удается имъ тѣмъ легче, что корысть отъ этого ремесла не велика, — какой-нибудь четвертаковый платочекъ, да три аршина ситцу на фартукъ. Но какъ только появляется въ селѣ зажиточное семейство, у котораго, по всѣмъ видимостямъ, предвидатся „родины“, между бабками начинается конкуренція, доводящая ихъ иногда до непріятныхъ столкновеній. Онѣ подъ разными предлогами начинаютъ поочередно являться въ семейство и шепотомъ взводить всевозможныя клеветы на своихъ товарокъ, пока, наконецъ, одна не побѣждаетъ и не утверждается. Пелагея Ивановна была изъ молодыхъ „бабок“. Она практиковала еще

очень недавно, получивъ всѣ свои познанія отъ старухи матери, которая, умирая, ей одной только открыла тайны повивальнаго искусства. Тѣмъ не менѣе, Пелагея Ивановна усвоила его какъ нельзя лучше и, не смотря на свою сравнительную молодость, — въ проницливости не уступала старымъ „бабкамъ“.

Варенька не могла не замѣтить, что въ продолженіи своей рѣчи Пелагея Ивановна чрезвычайно внимательно осматривала ее. Въ это-же время гостья успѣвала урывками заглядывать въ залъ и столовую, куда вели боковыя двери. Варенькѣ показалось, что деревенская гостья поражена великолѣпіемъ ея капота, считаго по послѣдней модѣ, и самолюбіе подсказало ей — показать гостѣ всю свою обстановку.

— Пелагея?.. Такъ вы зайдите сюда, Пелагея, будьте гостьей... произнесла она тономъ чрезвычайно любезной хозяйки, указывая на дверь, ведущую въ залъ.

— И-и! Зачѣмъ намъ туда? Мы и здѣсь стоимъ! отвѣчивалась Пелагея Ивановна и въ то-же время на ципочкахъ пошла за Варенькой въ залъ. — Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, и чудесно-же какъ! Мати Божія, какъ чудесно!

Пелагея Ивановна подходила къ каждой вещи и внимательно осматривала. Подойдя къ роялю, она улыбнулась, покачала головой въ знакъ своего полного восхищенія, тронула пальцемъ клавишъ и, когда получился звукъ, быстро отскочила и произнесла: „О!“

— Это изъ Москвы! поясняла Варенька, совершенно довольная впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея обстановкой на гостью.

— Ай, какъ должно быть это далеко! удивлялась Пелагея Ивановна и этихъ еще больше радовала хозяйку.

Когда-же перешли въ „дѣтскую“, то восхищенію Пелагеи Ивановны не было границъ. Она такъ и замерла передъ хорошенькой люлькой, подаренной Варенькѣ старой бабушкой. Лицо ея выражало полное умиленіе.

— Кому только выпадетъ счастье первой положить вашего ангельчика въ эту люльку?! со вздохомъ произнесла она, глядя прямо въ глаза хозяйкѣ. Варенька зардѣлась.

— А коли милости вашей угодно будетъ, я всегда готова и могу, какъ слѣдуетъ, ужъ повѣрьте — лучше всякой другой! вкрадчиво продолжала Пелагея Ивановна. — Хоть я и недавно начала,

молода еще, говорятъ, а повѣрьте—съумѣю получше всякой старой. Что старая? У старой руки дрожать, старая обронить можетъ, а у меня руки здоровыя, вонъ какія!..

При этомъ Пелагея Ивановна засучила рукава сорочки и указала на вѣрпкіе выпуклыя мускулы. Руки дѣйствительно были здоровыя, только Варенька никакъ не могла понять, въ чемъ дѣло и къ чему это гостья вздумала знакомить ее съ своими мускулами.

— Вы это о чемъ-же? спросила она.

— А о томъ, что ежели Богъ пошлетъ вамъ сына или дочку, такъ безъ „бабки“-же невозможно, а я и есть эта самая „бабка“... Есть у насъ и другія „бабки“. Вотъ и Безштанькина-старуха и Терешкина-мать—тоже бабуютъ, да куда-жъ имъ! Безштанькина, та, кромѣ какъ у простыхъ мужиковъ, нигдѣ сроду не бабовала, такъ, чтобы у благородныхъ—понятія не имѣеть, а Терешкина-мать, такъ эта ужъ такъ стара, такъ стара, что дрожить вся. Третьяго года она, какъ бабовала у о. Игнатія, здѣшняго діакона, такъ чуть до смерти не убила его сыночка Яшу—такъ и вывалила изъ рукъ на землю,—слаба въ рукахъ, совсѣмъ слаба. Теперь этотъ Яша живъ и такой все задумчивый, да хилый,—должно-быть отъ этого самаго. А я не разъ у благородныхъ бабовала, полковница здѣсь была—акцизнаго жена... онъ старый совсѣмъ, а она молоденькая, всѣ говорили еще, что это отъ кучера... Только это неправда, ей-Богу неправда, я-же у нея бабовала и знаю,—дочка у нея была, и совсѣмъ-же на кучера не похожа... Теперь такая веселая дѣвочка, въ городѣ живутъ. Такъ вотъ. А руки у меня вонъ какія здоровыя! Не дрогнуть!..

При этомъ Пелагея Ивановна засучила опять рукава сорочки и показала свои дѣйствительно образцовыя мускулы.

— Такъ вѣдь это-жъ еще Богъ знаетъ когда будетъ, да и будетъ-ли еще? совершенно основательно возразила Варенька.

— Ну, а все-же!.. настаивала Пелагея Ивановна.—Спросъ не бѣда; на всякій случай...

— При томъ-же здѣсь городъ близко, всегда можно достать хорошую акушерку! добавила Варенька.

— Н-ну-у! протянула Пелагея Ивановна съ такой миной, точно она только-что раскусила что-то неприятное.—Я вамъ скажу, эти акушерки только народъ морочатъ. И что онѣ могутъ знать? И

куда имъ? Видала я ихъ! И у насъ тоже есть, — уѣздная прозывается. Такъ грѣхъ сказать! Я какъ увидѣла, такъ и всплеснула руками! Ахъ, ты, говорю, Господи! И такую можно допустить до такого дѣла! Что она можетъ знать? 20 лѣтъ ей, совсѣмъ еще невинный ребенокъ!.. Ты прежде выноси на своемъ вѣку штукъ 10 ребятъ, а тогда и бабуй; вотъ это дѣло будетъ вѣрное. А мы выносили. У меня и по сію пору 4 сына, да такіе здоровенные всѣ... Вотъ какъ! Не совѣтую, ей-ей не совѣтую!..

Варенька окончательно заявила, что объ этомъ разсуждать еще рано.

— Ну, и такъ, ежели помощь въ чемъ нужна будетъ, клините только Пелагею Галайдыху, — всякій мальчишка знаетъ; всегда готова. Ежели хату подмазать или на кухнѣ что подсобить — всегда могу.

Пелагея Ивановна опять поцѣловала у Вареньки руку и ушла. Она направилась прямо къ своей пріятельницѣ Безштанькиной, которую только-что злословила и, заставъ у нея Терешкину-мать и еще двухъ матерей, разсказала имъ всѣ подробности своего визита къ попадѣ, прибавивъ нѣкоторыя украшенія, достойныя ея таланта. Нужно замѣтить, что съ той минуты, какъ Варенька объявила о своемъ намѣреніи обратиться къ акушеркѣ, Пелагея Ивановна сдѣлалась врагомъ ея. Поэтому къ вечеру того-же дня по селу ходили довольно странные слухи насчетъ обстановки новаго батюшки. Такъ утверждали, что у о. Семена на столахъ скатерти изъ церковныхъ подризниковъ, а сама матушка ходитъ въ чемъ-то въ родѣ стихаря, „и на груди у нея ленты накрестъ, въ родѣ какъ у о. Игнатія передъ причастіемъ“; насчетъ люльки ходила цѣлая исторія съ разными романическими подробностями. „Зачѣмъ ей люлька?“ глубокомысленно восклицала Пелагея Ивановна. „Двѣ недѣли, какъ замужемъ, а ужъ люльку завела. Ясное дѣло, что у нихъ не такъ-то, не очень ладно. Да я таки и замѣтила, что у нея это самое... съ прибыткомъ! Нѣтъ, голубка моя, ты это напрасно стихарь нацѣпила, стихаремъ не приерошь“...

Впрочемъ, надо сказать, что солидные люди, узнавъ, что всѣ эти небылицы исходятъ отъ Пелагеи Ивановны, ничему этому не вѣрили. Было рѣшено, что Галайдыха „языкомъ чешетъ“. Вече-

ромъ того-же дня о. Семень вышелъ изъ своего кабинета, гдѣ онъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду занимался сочиненіемъ „слова въ день моего вступленія въ приходъ Широкой-Балки“, и попросилъ Вареньку, чтобы она помадила ему голову. Варенька всегда помадила голову о. Семену и исполняла это съ удивительной ловкостью. Она достала баночку, на которой было написано: „для ращенія волосъ“,ковырнула въ ней большимъ пальцемъ правой руки и затѣмъ, положивъ добытое на ладонь, растерла его другой ладонью, и тогда только о. Семень пригнулся и получилъ помазаніе. Она же его расчесала, вспрыснула розовой водой, той самой водой, которой такъ любятъ освѣжаться архіереи, и когда все было готово, промолвила: „Ну, теперь ступай!“

— А коляска готова? освѣдомился о. Семень:

— Уже съ часъ, какъ ждешь! отвѣчала Варенька, которая всегда за часъ предвидѣла, въ чемъ будетъ нуждаться о. Семень, и дѣлала распоряженія, чтобы все было готово, чтобы о. Семень не дождался. О. Семень развалился въ коляскѣ и помчался по направленію къ помѣщичьему дому.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которымъ суждено напоминать о многомъ до тѣхъ поръ, пока они не развалятся окончательно и не будутъ замѣнены новыми, новой архитектуры, съ новыми пристройками, съ новыми удобствами. Онъ стоялъ неподалеку отъ рѣки, окруженный съ одной стороны сиреневымъ палисадникомъ, изъ за котораго едва выглядывала маленькая деревянная мансарда, пристроенная помѣщикомъ-художникомъ уже въ послѣднее время. Изъ этой мансарды онъ наблюдалъ различныя небесныя явленія, преимущественно-же восходъ и заходъ солнца, такъ-какъ другія, болѣе исключительныя, почти не появлялись на Балчанскомъ горизонтѣ. Самый домъ былъ построенъ въ одинъ этажъ, на манеръ обыкновенной четырехугольной шкатулки, безъ всякихъ украшеній. Правда, въ былое время, при входѣ, у самага порога красовалась пара мраморныхъ львовъ, которые своимъ кровожаднымъ видомъ пугали всякаго новаго посѣтителя и тѣмъ не менѣе означали гостепримство, но теперь отъ нихъ остались только пьедесталы, да и тѣ давно ужъ поступили въ распоряженіе садовника и съ удобствомъ были пригнаны имъ въ качествѣ скамеекъ. Съ другой стороны разстился громадный дворъ съ

конюшнями, каретнымъ сараемъ и садомъ, безконечнымъ садомъ. Въ этихъ конюшняхъ нѣкогда помѣщались дюжины отборныхъ кровныхъ рысаковъ, которые и держались собственно для того, чтобы можно было при всякомъ случаѣ констатировать ихъ присутствіе; эта конюшня служила мѣстомъ казни для провинившейся дворни. Когда, много лѣтъ тому назадъ, раздавался грозный крикъ: „на конюшню“, то взоры подсудимыхъ обращались именно сюда. Поэтому ни въ чемъ неповинная барская конюшня сдѣлалась для балчанъ самымъ ненавистнымъ мѣстомъ, и даже теперь еще находились старики, которые, проходя мимо нея, отплевывались. А нынче стояла въ ней только одна тройка. Огромный каретный сарай заключалъ въ себѣ всего на всего одну коляску, да легкую пролетку, — весь остальной хламъ давно оказался ненужнымъ. А тамъ, надъ самой рѣчкой, и до сихъ поръ, правда, нѣсколько склонившись уже на бокъ, стоитъ „людская“, въ которой нѣкогда помѣщалась огромная дворня, а нынче проживаютъ лакей—Семень, кухарка—Настасья, да кучеръ—Иванъ Захарычъ. Стоитъ еще и флигелекъ (теперь онъ уже никуда не годенъ), построенный съ нѣкоторой претензіей на изящество, въ которомъ нѣкогда на помѣщичьихъ пуховикахъ обитали случайно наѣзжавшіе „дорогіе гости“. Обо всемъ этомъ остались одни только воспоминанія, и по всему видно было, что „прошли времена и настали новыя“. Но развалины все-же еще живо напоминали о старыхъ временахъ. О. Семень выскочилъ изъ коляски съ подвижностью, не идущею къ его длинной одеждѣ, и первое, что ему послышалось, это страшный лай помѣщичьей собаки, выскочившей изъ воротъ.

— Пошла, Леда! Не смѣй, пошла! послышались голоса, и Леда дѣйствительно отошла прочь, но при этомъ такъ враждебно ворчала въ сторону о. Семена, что о. Семень не рѣшался отойти отъ своей коляски. Она, очевидно, не признавала его рясы. Изъ воротъ вышли два господина въ осеннихъ пальто: одинъ съ длинной рыжеватой бородой и громадными сѣрыми глазами, другой—совершенно бритый. За ними слѣдовала дама чрезвычайно плотнаго сложенія, высокая, совершенно рыжая съ огненно-красными щеками. Она куталась въ пледъ и отбивалась отъ кидавшейся къ ней на плечи Леды.

— Презлая у васъ собака! Должно-быть, прекрасный сторожъ!

проломилъ сконфуженный о. Семень, не зная съ чего начать. Онъ держалъ въ рукахъ приподнятыя обѣ фалды своей расы, инстинктивно защищая ихъ отъ зубовъ Леды.

— Вновь назначенный къ здѣшнему приходу священникъ о. Семень Маккавеевъ! отрекомендовался онъ, поправляя воротничекъ, причеъ рукавъ расы его откатился и произвелъ подходящій эффектъ.

Хозяева сказали, что имъ очень пріятно, и любезно пригласили о. Семена въ комнату. Здѣсь были роскошные цвѣты, соломенные кушетки, картины, изображавшія разные виды балчанской природы, рисованныя помѣщикомъ-художникомъ. Между ними преобладали, разумѣется, все тѣ-же восходы и заходы солнца. Сѣли. Оказалось, что господинъ съ бородой былъ младшій братъ, который и управлялъ имѣніемъ и держалъ въ своихъ рукахъ все дѣла; бритый господинъ—это и былъ художникъ, старшій братъ, который получалъ свою часть доходовъ съ имѣнія и проживалъ ее зимой по разнымъ заграницамъ, куда отправлялся съ художественною цѣлю. Лѣто же проводилъ въ Широкой-Балгѣ. Точно также поступала и дѣвица, кутавшаяся въ пледъ (она приходилась родной сестрой обимъ), съ тою только разницей, что она не была художницей и ѣздила за-границу безъ всякихъ цѣлей. Въ этому надо еще прибавить, что, такъ-какъ она была очень благочестива и богомольна, то для спасенія души тратила изъ своихъ трехъ тысячъ годового дохода ровно 12 рублей на бѣдныхъ балчанскаго прихода, дѣлая каждому изъ нихъ ежегодно подарокъ, преимущественно въ видѣ одного фунта сахару на важдаго. Бѣдные балчанскаго прихода обыкновенно съ благодарностію принимали приношеніе и называли помѣщицу „доброю барышней“ и „спасенной душой“, сахаръ-же поѣдали съ хлѣбомъ или отдавали, въ качествѣ гостинцевъ, малымъ дѣтямъ, такъ-какъ барышня забывала преподнести имъ чаю.

— Вчера только я переселился съ женой на здѣшній приходъ и почелъ первымъ своимъ долгомъ познакомиться съ вашимъ семействомъ, почтительно заговорилъ о. Семень. — Можетъ, это замъ и не очень пріятно, но, знаете-ли, образованный человекъ, заброшенный судьбой въ зачолустье, по-неволю ищетъ случая познакомиться съ образованными людьми!..

— Помилуйте! Намъ очень пріятно! Что за церемоніи! разомъ

заговорили хозяева. Они были, въ самомъ дѣлѣ, если и не рады, то очень заинтересованы новымъ пастыремъ, имѣющимъ, какъ они выражались потомъ, „европейскій видъ“.

О. Семена стали распрашивать, давно-ли онъ кончилъ семинарію, давно-ли женился и т. д. На все это онъ давалъ обстоятельные отвѣты.

— Вамъ, вѣроятно, трудно свыкнуться съ новымъ положеніемъ? спросилъ художникъ.

— Да, положеніе подчасъ весьма стѣснительное.

— Бостюмъ несовременный, устарѣлый, можно сказать, анахроническій костюмъ! продолжалъ о. Семень.— Помилуйте, я не могу показаться ни въ какомъ общественномъ мѣстѣ. Всѣ такъ сейчасъ на тебя и засмотрятся, точно на диковинку какою, и пальцемъ показываютъ: „вотъ, дескать, священникъ!“ Да притомъ и неудобный... Да и многое другое... Все это стѣсненіе правъ человѣческихъ...

— Но, вы, конечно, по убѣжденію?..

— Какъ вамъ сказать?! Да, конечно... Я, однако-жъ... безъ предразсудковъ.

О. Семень замаялся и сконфузился. Ему вдругъ показалось, что онъ выразился чрезвычайно неловко. Очень ужъ мало у него словъ вышло. Можно было сказать и круглѣе, и пространнѣе, и непонятнѣе, такъ, чтобъ вышло темновато. Можно было, напри- мѣръ, такъ сказать: „я, какъ послѣдователь Христа, блюду основные принципы Его ученія, по, извѣстно, что въ это ученіе позднѣйшимъ временемъ привнесено множество чуждыхъ прибавленій“. Такого рода рѣчь въ одно мгновеніе сложилась въ головѣ о. Семена, когда онъ уже не могъ произнести ее.

— Т. е., какъ-же это — безъ предразсудковъ? спросила богомольная помѣщица.

— Т. е. опять-таки это трудно опредѣлить путемъ теоріи! то- ропливо заговорилъ о. Семень. Онъ ясно сознавалъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше запутывается.— Развѣ примѣромъ: ну, вотъ хотя-бы постъ.

Художникъ, видя, что о. Семень находится въ сильномъ затрудненіи, почелъ своимъ долгомъ спасти его.

— Вы съ нею берегитесь, батюшка: она у насъ въ монашенки собирается... шутливо произнесъ онъ и разсмѣялся.

— Что-жь? Это дѣло хорошее, спокойное, замѣтилъ о. Семенъ,—хотя, конечно, и дома можно молиться съ удобствомъ; притомъ, монашеская жизнь—скучная жизнь, особенно для человѣка образованнаго...

— О, да вѣдь она здѣсь не хочетъ, она въ заграничный монастырь... Вблизи Неаполя... тамъ, знаете, есть этакое поэтическое мѣстечко, очень удобное для возвышенныхъ пареній... Тамъ она тамъ хочетъ...

— Тамъ и постовъ меньше полагается!.. вставилъ старшій братъ.

Братья любили подшутить надъ своей богомольной сестрой. Оба они ее не долюбливали за ея ханжество, ханжество старой дѣвы, проводящей зиму среди удовольствій Парижа, а на лѣто прѣзжающей „говѣть“ въ деревню. Тѣмъ не менѣе жили они все мирно, помогая другъ другу убивать пустое и ни на что имъ не нужное время. Изрѣдка сюда наѣзжала городская интеллигенція въ видѣ двухъ-трехъ „судейскихъ“, иногда появлялся какой-нибудь артистъ или артистка, большую-же часть времени проводили они въ троємъ... Лежавшее подъ бокомъ село для нихъ точно не существовало. Они были извѣстны подъ именемъ „добрыхъ баръ“, „безобидныхъ баръ“ или просто „никому ничего“. И дѣйствительно, представитель семейства, младшій братъ, „честно“ расплачивался съ рабочими, которые поставлялись, главнымъ образомъ, пришлымъ населеніемъ изъ сѣверныхъ губерній, не мироѣдничалъ, не грабилъ, при встрѣчѣ съ мужиками—любезно отвѣчалъ на ихъ поклонны, и получалъ изрядные доходы съ своихъ черноземныхъ полей. Дѣтство свое провели они среди крѣпостническихъ отношеній, и глубоко засѣвшее въ нихъ чувство гадливости къ сѣрому мужику, смягченное потомъ европейскимъ просвѣщеніемъ, выразилось въ формѣ какого-то безразличія, полнѣйшаго равнодушія ко всему, что касается этого сѣраго мужика. Убѣжденіе, что мужика „обижать не слѣдуетъ, потому-что онъ тоже человѣкъ“—это убѣжденіе было единственной уступкой времени, и затѣмъ, все, что дальше этого, до нихъ не касалось. Одинъ разъ въ годъ, по старой памяти, послѣ уборки хлѣба, дѣвки съ пѣснями являлись „во дворъ“ съ вѣнкомъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ, и помѣщики ограничивались тѣмъ, что высылали имъ по двугривенному и приказывали лакею благодарить.

Однимъ словомъ—это были европейцы, проживавшіе на доходы съ російскихъ черноземныхъ полей. Въ Россіи они скучали, ихъ вѣчно тянуло за-границу, и они, кажется, не мало гордились тѣмъ, что стоятъ неизмѣримо выше этой бѣдной, сѣрой, невзрачной, малотребовательной среды.

О. Семень вынулъ свои массивные золотые часы, открылъ ихъ и, повертѣвъ въ рукахъ, поднялся съ мѣста и выразилъ желаніе больше не беспокоить хозяевъ своимъ присутствіемъ. Хозяева, разумѣется, сказали, что, напротивъ, имъ очень пріятно и они жалѣютъ, что о. Семень не привезъ съ собою „матушки“. Между прочимъ, просили его являться къ нимъ запросто и, если угодно, принимать участіе въ преферансѣ.

— Вы, конечно, играете?

— По маленькой! чрезвычайно пріятно улыбаясь, отвѣчалъ о. Семень. — Хотя въ семинаріи это развлеченіе и воспрещалось, однако, я научился-таки и очень люблю-таки, признаться. Только большимъ не рискую, а по маленькой и не грѣхъ!..

Взявшись уже за ручку двери, о. Семень вдругъ какъ-будто что-то вспомнилъ, сконфуженно обернулся къ хозяйкамъ и, обращаясь къ младшему помѣщику, скромно проговорилъ:

— Я вотъ хотѣлъ просить васъ... думаю завести коровокъ и овецекъ, сколько по силамъ окажется; сѣнцомъ-то я еще не за-пасаю, такъ зимовать имъ негдѣ. А у васъ при гуртѣ и не замѣтно будетъ...

Помѣщикъ выразилъ по этому поводу удовольствіе и полную готовность служить. О. Семень, еще разъ поклонившись, вышелъ и сѣлъ въ коляску. Помѣщики проводили его, похвалили его коляску, найдя ее очень изящной; Леда опять поворчала на гостя, но уже въ болѣе примирительномъ тонѣ; о. Семень сказалъ ей: „глупая“, а хозяйкамъ отвѣсилъ низкій поклонъ и уѣхалъ. Заключивъ выгодный союзъ, онъ чувствовалъ себя прекрасно и очень весело промечталъ цѣлый вечеръ виѣстѣ съ Варенькой. Ночь была хорошая, теплая. Звѣздное небо прельстило о. Семена: онъ открылъ окно и любовался новой для него картиной. Въ далекой синевѣ неба звѣзды кокетливо мерцали и, казалось, не то поздравляли его съ успѣхомъ, не то дѣлали ему глазки. Свѣжій осенній вѣтеръ мягко и любовно подувалъ ему прямо въ лицо и какъ-будто заискивалъ у столь важнаго его благословенія. А вор-

кующія волны Днѣпра, безъ сомнѣнія, предсказывали ему „наперстный крестъ“ и камилавку. Варенька сѣла за рояль, и серебряныя звуки веселаго вальса понеслись надъ Днѣпромъ и облетали все село. Упоенный этими звуками, увлеченный поэзіей звѣзднаго неба, отраженнаго въ колеблющемся зеркалѣ Днѣпра, о Семень забылъ о своемъ санѣ и сопряженной съ нимъ солидности. Онъ сталъ въ чувствительную позу и пропѣлъ, съ аккомпаниментомъ Вареньки, своимъ дребезжащимъ баритончикомъ мандолинару: „Взгляни, какъ ночь прекрасна!“ О. Семень былъ чувствительный человѣкъ и пѣлъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ, даже слишкомъ, такъ-что Варенька замѣтила, что это даже некрасиво выходить. Потомъ опять звуки вальса.

— Что это значить, дѣдъ? спрашивалъ Бурьяна, сидѣвшаго на заваленкѣ у своей хаты, бѣлобрысый вертлявый мальчуганъ.

— Молись Богу, внукъ! То послѣднія времена настаютъ! пророчески проговорилъ Бурьянъ. Онъ любилъ своего внука и всегда поучалъ его житейской мудрости. — Слышишь вонъ, чуть не въ самоъ храмъ Божіемъ музыку завели! А завтра пятница. Такъ это подъ пятницу! Виданное-ли дѣло! Молись, внукъ, молись! То послѣднія времена! Антихристъ родился.

И дѣдъ и внукъ набожно крестились. Проходила мимо церкви старуха, и та, заслышавъ звуки веселаго вальса близъ церкви и подъ пятницу, вздохнула и перекрестилась. Вышли и о. Игнатій съ Григоріемъ Остаповичемъ послушать музыку.

— А музыка хорошая! Что и говорить! замѣтилъ о. Игнатій, двусмысленно улыбаясь Григорію Остаповичу.

— А поглядите, о. Игнатій, вотъ штука-то! воскликнулъ Григорій Остаповичъ, всплеснувъ руками отъ удивленія. — Та-та-та! Слышите, слышите? Пѣсенки распѣваетъ! Вотъ такъ птица! Вотъ такъ настоятель!

О. Игнатій только качалъ головой и улыбался.

— Вотъ оно что значить новый! продолжалъ злорадствовать Григорій Остаповичъ. — Ученый, въ семинаріи обучался, курсъ кончилъ, студентъ!.. А мы съ вами, о. Игнатій, изъ низшаго отдѣленія уѣзднаго училища, а развѣ мы такую штуку могли-бы продѣлать? Вѣдь это неприличіе, вѣдь такъ, о. Игнатій? Вотъ это оно самое и есть святотатство, сирѣчь оскорбленіе святыни. А о. Евстафія за что отрѣшили? И это справедливость? Этого

распѣваетъ почти что на паперти церковной, а тотъ былъ настоящій пастырь, какъ есть пастырь, величественный! Что-то онъ теперь подѣлываетъ, голубчикъ нашъ? А еще говорить—Дорофеевъ нехорошій человекъ. Какъ-же-съ, ужь получше васъ, ваше благословеніе!

Григорій Остаповичъ рѣшительно не хотѣлъ простить о. Семену оскорбленіе Дорофеева.

V.

Въ субботу вечеромъ о. Семень съ вечерней отслужилъ и утреню. Это, повидимому, ничтожное обстоятельство не на шутку изумило Григорія Остаповича, который, многозначительно перемигнувшись съ о. Игнатіемъ, скрѣпя сердце принялся читать „шестипсалмія“. Въ свою очередь, и о. Семень высказалъ удивленіе по поводу того, что на утрени почти никого изъ прихожанъ не было—двѣ бабы, да двое-трое завсегдаевъ-стариковъ.

— У насъ утрени всегда бываетъ утромъ, потому въ субботу мужики при дѣлахъ состоятъ! разъяснилъ о. Игнатій.

— Коли хотятъ, пусть приходятъ слушать съ вечера, возразилъ о. Семень, — а нѣтъ, безъ утрени останутся. Въ городѣ вонъ архіерей и тотъ съ вечера служитъ.

— А о. Евстафій всегда вставалъ въ три часа, робко замѣтилъ Григорій Остаповичъ.

— О. Евстафій мнѣ не указъ! Я здѣсь настоятель; вѣдь настоятель здѣсь я? грубо, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественно спросилъ о. Семень. Григорій Остаповичъ съежился и какъ-будто даже сталъ меньше отъ страха и чуть слышно отвѣчалъ:

— Конечно-съ, ваше благословеніе здѣсь настоятель.

— Такъ я прошу слушать и исполнять мои приказанія и не указывать мнѣ.

— Да мы и не указываемъ вашему благословенію, а только говоримъ, что было и какъ лучше! спокойно пояснилъ о. Игнатій.—А что такъ лучше и такъ слѣдуетъ, такъ это вы помянете мое слово.

О. Семень съ презрѣніемъ отвернулся, а Григорій Остаповичъ шепнулъ о. Игнатію: „началось!“

— Что это вы такъ робѣете, Григорій Остаповичъ? Даже смотрѣть противно! Никакой у васъ гордости нѣтъ! внушительно замѣтилъ ему о. Игнатій.

— Что-жь, о. Игнатій, когда натура у меня такая подлая; человѣкъ я маленькій, забытый!... Какъ-то совсѣмъ, знаете, противъ воли, анъ и струшу и потеряю это самое присутствіе духа. А у васъ множество его, этого присутствія; вы совсѣмъ другой человѣкъ, о. Игнатій! Я вамъ и въ подметки не гожусь!

— Ну, вотъ и повесли дичь... и къ чему это все? На кой чортъ вы все это болтаете? Эхъ, учить васъ надо, Григорій Остаповичъ; а еще жениться собираетесь!

Григорій Остаповичъ только вздохнулъ по этому поводу. Опять пришла ему на мысль Евфросинья Романовна, и онъ горестно подумалъ: „куда тутъ нашему брату жениться? Этотъ поганый молокососъ скрутить тебя въ бараній рогъ и женись тогда! Какже!“

Наступило воскресенье. Съ 4-хъ часовъ утра мужики приходили къ церкви и очень удивлялись, находя ее запертой. „Какъ же это обѣдня будетъ безъ утрени?“ съ недоумѣніемъ спрашивали они другъ-друга и затѣмъ тотчасъ-же обращались къ Григорію Остаповичу или о. Игнатію за разъясненіями. Тѣ объяснили, что новый настоятель приказалъ къ утрени собираться съ вечера.

— Этому не бывать! Никогда у насъ не было еще этого, сколько на свѣтѣ живемъ! Не одного попа пережили, а этого еще не было! говорили недовольные мужики.

Къ обѣднѣ церковь была биткомъ набита народомъ. Всѣ собрались посмотрѣть новаго батюшку. О. Семень употребилъ все свое искусство, чтобы на первый разъ произвести сильное впечатлѣніе на прихожанъ. Онъ читалъ медленно, съ разстановкой, съ большимъ чувствомъ, ходилъ плавно — совсѣмъ по-архіерейски; евангеліе прочиталъ такъ печально, что двѣ-три бабы начали громко всхлипывать; во время кажденія обошелъ всѣ иконы, какія только были въ церкви, и при этомъ въ полголоса, но внятно читалъ положенныя молитвы. Когда-же наступило время проповѣди, о. Семень вышелъ къ народу и, среди водворившейся тишины, блестящимъ образомъ продекламировалъ свое „слово въ день вступленія въ приходъ Широкой-Балки“, которое онъ составилъ по всѣмъ правиламъ „гѣмилетики“, въ совершенствѣ пройденной имъ въ семинаріи. Не даромъ-же онъ имѣлъ изъ нея 5. Онъ го-

ворилъ долго о всевозможныхъ обязанностяхъ добродѣтельнаго прихожанина, цитировалъ блаженнаго Августина, Григорія Бого- слова, прихватилъ даже Платона и Аристотеля и закончилъ такъ: „Итакъ, православные, изъ всего вышензложеннаго мы можемъ вывести заключеніе, что цѣль стремленій добродѣтельнаго человѣка должна заключаться въ нравственномъ единеніи съ Богомъ; іерей- же, — тотъ, такъ-сказать, намѣстникъ апостоловъ на землѣ, — служить посредникомъ, такъ-сказать, связующимъ звеномъ или, еще лучше, является адвокатомъ передъ Небеснымъ Судіей за согрѣшающую паству. Поэтому для васъ должны быть священны всѣ его совѣты и увѣщанія; поэтому вы должны относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ, ибо его слова суть слова Божіи, его устами говоритъ самъ Богъ!.. При семъ присовокупляю, что, дабы между нами не происходило недоразумѣній и дабы избѣгать постыдныхъ торговъ при совершеніи требъ, я составилъ таксу, въ которой обозначено, сколько какая треба стоитъ. Сія такса находится у причетниковъ, и всякій желающій можетъ ее видѣть. Аминь.“

Послѣ этой рѣчи, о. Семенъ еще съ большей торжественностью дослужилъ обѣдню, и народъ вывалилъ изъ церкви. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ рѣчи, и это впечатлѣніе было нѣсколько странное. Вся суть его заключалась въ томъ, что изъ рѣчи почти никто ничего не понялъ и всѣ слушатели какъ-бы стали въ тупикъ. Въ головахъ носились только обрывки фразъ, которыя и воспроизвести-то въ цѣлости никому не удавалось.

— Ну, и ученый-же должно-быть! въ одинъ голосъ восклицали прихожане, съ недоумѣніемъ качая головами. — Только-что онъ такое наговорилъ, Богъ его знаетъ! Чудно какъ-то все, и ничего разобрать невозможно! И говоритъ-то онъ какъ-то не по нашему, не по-простому. Глаза все закатывалъ Богъ вѣсть куда и рукой размахивалъ въ разныя стороны! А только ученый! Ухъ, какой, должно-быть, ученый! И насчетъ адвокатовъ помянулъ, и какъ они сюда, и что имъ здѣсь — не понятно! Такса тоже, говоритъ, — сколько какая треба стоитъ! Совсѣмъ по-новому. А посмотрѣть, сколько онъ тамъ накаталъ въ этой самой таксѣ!

Стали осаждать Григорія Остаповича, чтобы онъ прочиталъ вслухъ таксу.

— За погребеніе взрослого мужика или бабы 3 р.! зычно возглашалъ Григорій Остаповичъ.

— О-го-го! слышались голоса. — И бабу въ мужику прировняли! Вотъ грѣхъ!

— За погребеніе младенца—2 р. За молебствіе 3 р. Съ акафистошъ 5 р.; за молебствіе на дому 7 р. и мѣшекъ пшеницы. За вѣнчанье 15 р. и два мѣшка пшеницы.

— О-го-го-го-го-о! 15 рублей да еще два мѣшка пшеницы!? Вотъ оно какъ!

— Не нужно намъ такого! Не хотимъ мы его! Вѣнчаться не станемъ! Къ штундѣ пойдемъ, а этакое намъ не надо!

— Не надо! Не надо! Не хотимъ!

Близъ церкви поднялся страшный крикъ. Даже бабы пищали во все горло. Кто-то принялся-было умирять, указывая на то, что здѣсь храмъ Божій, но ему отвѣчали, что „это дѣло правое, законное, грѣха тутъ никакого нѣтъ“. Въ это время изъ церкви вышелъ о. Семень въ своемъ обычномъ изящномъ костюмѣ, съ тростью въ рукахъ. Онъ остановился, медленно перекрестился три раза по направленію къ церкви и затѣмъ, обернувшись къ шумѣвшей толпѣ, промолвилъ тихо, внятно и благородно:

— О чемъ шумите, православные?

Мужики при его появленіи замолчали и сняли шапки. Никто не отвѣчалъ о. Семену, а всѣ, какъ-будто даже сконфуженные, переминались съ ноги на ногу и чесали затылки. О. Семень былъ блѣденъ. Онъ еще въ церкви прислушался къ крикамъ толпы и узналъ, въ чемъ дѣло.

— О чемъ же вы шумите, я васъ спрашиваю! повторилъ о. Семень спокойно и торжественно. Молчаніе толпы онъ успѣшилъ объяснить вліяніемъ своего обаятельнаго вида.

— Не сходно намъ по этакой цѣнѣ! сказалъ кто-то изъ глубины толпы. — Это намъ раззорительно, хоть бросай Богу молиться!..

— Хоть не умирай! съострилъ кто-то, и въ толпѣ послышался хохотъ. Это покорило о. Семена.

— Смѣхъ и пустословіе не приличествуетъ сему священному мѣсту! Пусть кто-нибудь одинъ говорить! Ничего понять невозможно! промолвилъ о. Семень. Быть можетъ, онъ вспомнилъ на этотъ разъ, что въ семинаріи, когда въ столовой поднимался „бунтъ“ по поводу прогнившаго мяса, инспекторъ всякій разъ точно также приглашалъ говорить по одиночкѣ и такимъ образомъ открывалъ „зачинщиковъ“.

Въ толпѣ послышались возгласы: „Голову! Голову! Голова долженъ говорить, на то онъ голова!“ Но голова, только-что часавшій здѣсь свой затылокъ, вдругъ точно сквозь-землю провалился. Не любилъ Петро Терентьевичъ „запутываться въ исторіи“, да и говорить былъ не мастеръ.

— Куда-жъ голова исчезъ? Вотъ оказія! Бѣда съ такимъ головой! шутили говорили мужики.

— Да куда ему—головѣ—разговаривать! Онъ двухъ словъ не умѣетъ сказать! рѣшилъ кто-то.—И Богъ вѣдаетъ, за что только головой его выбрали! Пускай Скороходъ говорить! Онъ мужикъ понимающій, ему головой быть!

— Говори Скороходъ! рѣшило большинство. Дѣло, конечно, шло о младшемъ Скороходѣ, такъ-какъ старшій ничѣмъ никогда не выдавался и никому не пришелъ-бы на-мысль. Скороходъ выступилъ изъ толпы. Онъ вертѣлъ шапку въ рукахъ и смотрѣлъ въ сторону.

— Коли станете насъ слушать, будемъ говорить! началъ онъ, не глядя на о. Семена.—Никогда этого у насъ не было, чтобы впередъ назначать за требы, ни одинъ батюшка этого не дѣлалъ. У насъ отъ отцовъ идетъ, что даемъ—сколько кому по силамъ. Кто съ достаткомъ, даетъ больше, а который бѣднякъ, такъ тотъ и совѣмъ ничего не даетъ. Что дать, когда нѣтъ ничего? А коли назначать напередъ, такъ по крайности хоть по-божески, чтобъ не было обидно. Виданное-ли дѣло, чтобъ за вѣнчанье брали 15 цѣлковыхъ, да еще два жѣшка пшеницы? А какъ бѣдный человѣкъ да всю свадьбу справляетъ на три рубля, такъ откуда ему взять такія деньжищи? Нѣтъ, мы такъ не можемъ, батюшка, это говоримъ прямо, что никогда этого не было и не будетъ...

— Ну, это мы еще увидимъ! промолвилъ о. Семень и быстро направился къ своему дому.

— Какъ вашей милости будетъ угодно, только этому раззоренію не бывать! продолжалъ Скороходъ, переходя во враждебный тонъ.—А не то, станемъ просить архіерея, чтобъ прислалъ намъ другого, лучшаго, чтобъ по-божески...

— Да я съ тобой и разговаривать не стану. Какъ ты смѣешь мнѣ этакія вещи говорить?

О. Семень окончательно вышелъ изъ себя.

— Я вамъ покажу, какъ возставать противъ священника!

Тебѣ покажу, тебѣ въ особенности, — ты зачинщикъ!.. обратился онъ къ Скороходу и затѣмъ, какъ-бы сообразивъ что-то, онъ прибавилъ: — Какъ прозываютъ тебя?

— А прозываютъ меня Михайломъ Скороходомъ! Скрываться не стану, потому дѣло правое! спокойно отвѣтилъ Скороходъ.

— Господа причетники! Вы свидѣтелями будете! И я васъ прошу сейчасъ къ себѣ! обратился о. Семенъ къ о. Игнатію и Григорію Остаповичу. Господа причетники повиновались и молча пошли за нимъ, въ его квартиру. Здѣсь о. Семенъ пригласилъ ихъ подождать въ передней, самъ же заперся въ кабинетъ и принялся строчить „доношеніе“. Затѣмъ онъ позвалъ обоихъ причетниковъ въ кабинетъ.

— Вы должны подписаться въ качествѣ свидѣтелей, господа причетники. Вотъ что я написалъ: „Его высокородію, господину уѣздному исправнику NN... Честь имѣю довести до вашего свѣденія, что крестьяне моего прихода — Широкой-Балки — дозволили себѣ возмущеніе и посягательство на мои священныя пастырскія права; огромная толпа мужиковъ, въ виду храма Божія, выбѣжала изъ церкви и осквернила церковную ограду неприличнымъ поведеніемъ. Крестьянинъ же сего села, называющій себя Михайломъ Скороходомъ, въ моемъ присутствіи, безъ зазрѣнія совѣсти и безъ всякаго уваженія къ моему сану, говорилъ слова и выраженія, заключающія въ себѣ намекъ на непризнаніе священническаго сана. Къ этому считаю долгомъ прибавить, что во всемъ этомъ несомнѣнно есть вліяніе моего предмѣстника, отрѣшеннаго отъ служенія священника Евстафія Троицкаго, о которомъ и прежде, какъ вашему высокородію не безъизвѣстно, ходила худая молва. Посему прошу: крестьянъ Широкой-Балки усмирить и заставить исполнять свой долгъ относительно ихъ пастыря, т. е. меня, а крестьянина Михайла Скорохода подвергнуть особому строгому наказанію, какому будетъ угодно вашему высокородію. Свидѣтелями при семъ были: діаконъ здѣшней церкви Игнатій Вержбицкій и пономарь Григорій Заповѣдовъ“...

— Не были! Никогда не были! съ ужасомъ произнесъ о. Игнатій и даже сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Какъ не были? Вы смѣете утверждать?.. И вы также? О. Семенъ откинулся на спинку кресла и взглянулъ на Григорія Остаповича.

— Я... Какъ о. Игнатій, такъ и я... нерѣшительно отвѣчалъ Григорій Остаповичъ.

— Такъ вы, значить, не подпишете?

— Какъ-же можно подписать, когда этого не было? настаивалъ о. Игнатій.

— Такъ значить—я лгу? Значить—я по вашему лжецъ? Такъ, что-ли?

— Мы этого не говорили, а подписать—тоже не подпишемъ, потому этого не было.

— Такъ вы поплатитесь, вы потеряете мѣста! Слышите? Э. да у васъ тутъ вольный духъ, господа! Я васъ прикручу!

О. Семенъ любилъ пристращать такими сильными приговорами, которымъ самъ не вѣрилъ. Въ данномъ случаѣ онъ ясно сознавалъ свое безсиліе; его положеніе становилось комическимъ, и это его окончательно разбѣсило.

— Ступайте! проговорилъ онъ.—Я вижу, что вы тоже къ этой шайкѣ принадлежите, я вижу, что и васъ надо приписать въ эту бумажку!

Причетники вышли и вытерли потъ на лбахъ.

— Ну, какая я гадина, прости Господи! возопилъ Григорій Остаповичъ на улицѣ.—Вотъ теперь все вижу, какъ на ладони, а тогда, ну, повѣрите-ли, о. Игнатій, если-бъ не вы, позови онъ меня одного, ей-Богу, подписалъ-бы! Соображать не могу, теряюсь совсѣмъ! Ахъ, ты доля горькая! И подвель-бы о. Евстафія, отца родного подвель-бы! Подлая натура! Подлая, забитая, овечья! И отчего это у меня трусость такая? До забвенія, совсѣмъ до забвенія! Это, должно-быть, оттого, что всегда я былъ маленькимъ человѣкомъ, и душа у меня маленькая, а можетъ... а можетъ и вовсе ея нѣтъ у меня... Подлость да и только!.. Прямая подлость! Что-жъ вы молчите, о. Игнатій? Или вы уже со мной и разговаривать не хотите? Стою, ей-ей, стою! А ужъ какъ вы повели дѣло, такъ это лучше и не надо! Умно, благородно, величественно, съ честью! И какъ это вы такъ умѣете, о. Игнатій? Завидую вамъ, хоть и грѣхъ завидовать, знаю, что грѣхъ, а завидую.

Произнеся эту рѣчь, Григорій Остаповичъ едва не прослезился. Но о. Игнатій совсѣмъ не слушалъ его; онъ былъ человѣкъ положительный и рассчитывалъ, что изъ этого можетъ выйти и

слѣдуетъ-ли придавать значеніе напугиванью о. Семена. Наконецъ, онъ рѣшилъ и успокоился.

— Ничего намъ не будетъ и нечего намъ бояться, успокоительно обратился онъ къ Григорію Остаповичу:—на слово ему не повѣрять, а за насъ постоитъ все село. Только вотъ что, Григорій Остаповичъ,—намъ нужно подальше отъ мужиковъ; потому могутъ сказать, что мы подстрекателями были. Мужики и сами знаютъ, что дѣлать, они не глупѣе насъ съ вами. А вы вотъ что. Завтра поѣзжайте къ о. Евстафію и расскажите ему обо всемъ. Только сьумѣете-ли вы? Ужь вы извините меня, а только вы напутаете, все у васъ выйдетъ шиворотъ на выворотъ...

— Да такъ оно и есть, о. Игнатій,—непремѣнно напутаю! скромно согласился Григорій Остаповичъ.—Ужь лучше вы сами поѣзжайте! Вы человекъ толковый и степенный... А Скорохода то какъ онъ задѣлъ, а! Этакого мужика!..

Причетники, качая головами, разбрелись по своимъ квартирамъ. Было рѣшено, что къ о. Евстафію поѣдетъ о. Игнатій.

Странно отнеслась деревня къ этому происшествію. Послѣ ухода о. Семена, мужики надѣли шапки и молча разбрелись по домамъ. Всѣ находились подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ происшедшаго и каждый по одиночѣ обдумывалъ одну и ту же думу. Относительно о. Семена всѣ чувствовали себя одинаково. Онъ произвелъ довольно опредѣленное впечатлѣніе на прихожанъ, и именно такое, что никто, если-бъ не было крайней необходимости, не рѣшился-бы пригласить его на потребу. Энергичнѣе-же всѣхъ возстали противъ него бабы. „Да если-бъ мнѣ пришлось быть у него на духу, я ни одного грѣха ему не сказала-бы!“ говорили бабы, а другія рѣшались умереть безъ покаянія, только-бы не имѣть съ нимъ никакого дѣла, „потому это только грѣхъ одинъ“. Общее же настроеніе было таково, что Пелагея Галайдыха имѣла полную возможность плодотворно пропагандировать свои небылицы, и всѣ теперь ее слушали, и даже самые закоренѣлые скептики утвердительно качали головами и произносили: „А можетъ быть“ или: „А чего добраго!“

— Ну, развѣ я не говорила, развѣ не говорила? безъ умолку повторяла Галайдыха.—Вотъ оно и сбывается. Ужь ежели онъ столы подрезниками наврываетъ, да попадью въ стихарь наря-

жаеть, такъ тутъ добра нечего ждать! Вотъ оно и выходитъ, что Галайдыха и не даромъ языкомъ чешеть!

Но никто такъ глубоко не чувствовалъ обиду, какъ самъ Скороходъ. Это былъ мужикъ, давно снискавшій себѣ въ селѣ репутацію умнаго, толковаго, понимающаго мужика. Все село относилось къ нему съ уваженіемъ; его слово на сходѣ почти всегда имѣло рѣшающее значеніе, потому что это было строго взвѣшенное, вѣское слово. У него всегда были серьезный вдумчивый взглядъ, ровная, плавная и всѣмъ понятная рѣчь, и даже самая походка его была какая-то твердая, широкая. 45 лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ и никогда еще ни отъ кого не слышалъ обиднаго слова. Развѣ какой-нибудь шальной мужикъ изъ чужого села, случайно попавшійся на базарѣ въ городѣ, когда въ базарной суматохѣ возъ Скорохода столкнется съ его возомъ, — крикнетъ ему: — „Эй ты оглашенный! Держи цобѣ!“ или городская торговка „изъ русскихъ“, оскорбленная тѣмъ, что Скороходъ купилъ связку бубликовъ не у нея, а у сосѣдки, обзоветъ его „мазепой“; но это единственно потому, что они его не знаютъ, не знаютъ, что онъ Скороходъ и какой это степенный и уважаемый мужикъ. Скороходъ даже ничего не отвѣтитъ ни мужику, ни торговкѣ, но за то, если услышитъ это какой-нибудь балчанскій мужикъ, то восо посмотреть на оскорбителя и непременно пошлетъ ему „чорта“, а торговку „изъ русскихъ“ обзоветъ „кацапной“ или „кислой капустой“.

Старые мужики и самъ о. Евстафій называли Скорохода не иначе, какъ Михайло Ивановичъ, и никто не сомнѣвался, что давно-бы ему быть головой, если бъ онъ самъ этого захотѣлъ. Помнилъ Скороходъ и другія времена, когда было такъ трудно, почти невозможно уберечься отъ затрещины, но и тогда онъ умѣлъ вести себя такъ, что ни разу не подвергся наказанію. И вдругъ этотъ свѣжеиспеченный попъ всенародно, передъ цѣлымъ селомъ обзываетъ его „негодяемъ“! Вся гордость, воспитанная тридцатилѣтнимъ всеобщимъ уваженіемъ, заговорила въ немъ, и онъ прибрелъ домой разбитый съ понуренной головой, „просто самъ не свой“. И когда Марфа Егоровна, его „старуха“, поставила передъ нимъ миску съ борщемъ, онъ даже не взглянулъ ни на нее, ни на миску и потомъ цѣлый день не могъ ничего ѣсть. Въ продолженіи цѣлаго дня и на другой день, и послѣ еще, онъ уходилъ

вонъ изъ дому и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. „Не хочу я мѣшаться; коли уважають, то сами заступятся“, такъ мотивировалъ свое молчаніе Скороходъ, когда Марфа Егоровна удивлялась, что Михайло Ивановичъ не идетъ на сходъ. За то Марфа Егоровна не могла отказать себѣ въ удовольствіи побѣгать по селу и послушать, что говорятъ. Она обладала совершенно противоположнымъ темпераментомъ. Это была живая, пронзливая баба съ маленькимъ, сухощавымъ, рано постарѣвшимъ лицомъ и быстрою, словно неудержимою, рѣчью. Говорливость ея не имѣла границъ и подчасъ до того надоѣдала Махаилу Ивановичу, что онъ, безнадежно махнувъ рукой, произносилъ: „Ну, и языкъ-же, чистое наказанье!“ и уходилъ изъ дому. На сторонѣ онъ не иначе называлъ свою супругу, какъ „моя старая мельница“, и когда его спрашивали о здоровьи Марфы Егоровны, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „Ничего, слава Богу, исправно мелеть всякій вздоръ!“ Однако, это не мѣшало ему относиться къ Марфѣ Егоровнѣ съ величайшимъ уваженіемъ, и это, главнымъ образомъ, потому, что она была „огонь, а не хозяйка!“ И дѣйствительно, надо было удивляться, какъ у этого маленькаго, сухопараго существа все удивительно спорилось въ рукахъ, какъ она сводила концы съ концами въ сравнительно изрядномъ хозяйствѣ Скорохода, управляя овцами, скотомъ и птицей и неся всѣ хозяйскія повинности на своихъ плечахъ. Она успѣвала самолично (дѣти у нихъ всѣ перемерли отъ дифтерита) наносить воды изъ Днѣпра, приготовить обѣдъ — да такъ, что часу въ 10-мъ Скороходъ ужъ за столъ садился, — пригнать „изъ череды“ коровъ, выдоить и опять отогнать ихъ, а лѣтомъ помогать мужу на полѣ. И при этомъ рѣшительно никогда не покидала ее живость и веселость, вѣчно она обо всемъ спрашивала, обо всемъ узнавала и обо всемъ судила. На этотъ разъ она знала все, что говорилось въ деревнѣ по поводу столкновения Скорохода съ о. Семеномъ, и нѣсколько разъ пыталась поговорить объ этомъ съ мужемъ. „Была у Галайдыхи, такъ начала она свою рѣчь, — сказывала, что былъ сходъ; хотять къ архіерею послать, да никакъ не выберутъ, не знаютъ кого“... Или: „Сейчасъ, какъ по-воду шла, Терехинъ-сынъ встрѣтился; прямо отъ головы, — говоритъ, стараго батюшку дожидаютъ, безъ него начинать не хотять“... Но ей не удалось ни разу кончить. Скороходъ закрывалъ уши: „Ничего не хочу я знать! Что сдѣ-

лаютъ, то увижу; а раньше мнѣ не надо этого знать!.. Эка важность, что тамъ Галайдыха взболтнула или Терехинъ-сынъ навралъ... а ты всему готова вѣрить, своего разуму у тебя нѣтъ!.." И Марфа Егоровна, не желая огорчать и безъ того огорченного Михайла Ивановича, больше не продолжала.

Между тѣмъ, въ селѣ только и разговоры было, что про о. Семена, да про Скорохода. Сначала разговаривалъ сосѣдъ съ сосѣдомъ, а тамъ дошло и до общаго схода. На сходѣ не было и рѣчи о томъ, что предпринять: какъ-то само собою рѣшилось, что съ о. Семеномъ сладить невозможно, что надо просить другого. Вопросъ состоялъ только въ томъ, какъ это сдѣлать, кого выбрать, чтобы послать въ архіерею. „Эхъ, Скорохода-бы, никого больше! Да нельзя его теперь тревожить! И говорить не станетъ! А ужъ онъ-бы это какъ нельзя лучше обдѣлалъ!“ вздыхали мужики. О. Игнатій и Григорій Остаповичъ затворниками сидѣли въ своихъ квартирахъ и, повидимому, не имѣли никакихъ сношеній съ селомъ. Однако, вскорѣ послѣ того, какъ о. Игнатій благополучно съѣздилъ къ о. Евстафію, на сходѣ было оповѣщено, что старый батюшка пріѣдетъ въ среду и чтобы безъ него ничего не начинали. Такъ и порѣшили.

VI.

Наступила среда. О. Семень сидѣлъ съ Варенькой за обѣденнымъ столомъ—оба въ мрачной думѣ. О. Семень, послѣ памятнаго происшествія, самъ скоро понялъ, что поступилъ по крайней мѣрѣ не тактично. „Круто, самъ знаю, что круто! говорилъ онъ Варенькѣ.—Не выдержалъ, прорвался. Нужно было дѣйствовать убѣжденіемъ, а я всплилъ. Народъ то здѣсь упорный, гордый народъ"... Какъ бы то ни было, а результаты оказывались нежелательные. Вотъ уже третій день, какъ къ нимъ не показывается ни одна человѣческая душа, и они чувствуютъ себя точно въ пустынѣ. Если-бъ это положеніе продлилось еще съ недѣлю, то они рѣшительно рисковали надоесть другъ другу. Даже коварная Галайдыха, которая заходила раза два послѣ перваго визита, вдругъ оборвала и перестала заглядывать и любоваться на Варенькину люльку. Если о. Семену приходилось идти по улицѣ,

то его поражало то обстоятельство, что на встрѣчу ему не подалось ни души. Мужики, завидя его издали, сворачивали въ сторону по другой дорогѣ. О. Семень объяснялъ это довольно правдоподобно, именно тѣмъ, что передъ нимъ не хотятъ снимать шапки, а встрѣтившись, было-бы не ловко не снять. Такъ оно и было. При встрѣчѣ съ священникомъ, мужикъ, какія-бы чувства къ нему ни питалъ, рѣшительно не можетъ не снять шапки. Если даже онъ этого не хочетъ, то сама рука его поднимется и обнажитъ голову. Когда-же о. Семену на улицѣ попадались мальчуганы, то они, нисколько не стѣсняясь, во всю мочь пищали: „Попъ идетъ!“ и съ крикомъ бросались прочь, точно отъ какого-нибудь чудовища. Съ причетниками онъ не видался съ воскресенья: оба они объявились больными и не выходили изъ своихъ квартиръ. Нѣсколько разъ принимался о. Семень за писанье чего-то, чего — этого онъ и самъ не зналъ, — и совсѣмъ безуспѣшно. Онъ садился за письменный столъ въ своемъ кабинетѣ, клалъ передъ собою листъ бумаги, кусалъ перо въ продолженіи получаса и затѣмъ, разозленный, вставалъ и начиналъ бѣшено ходить по комнатѣ. Писать-ли архіерею или приставу, тутъ одинъ способъ — наврать; но у него ни одного свидѣтеля, вся деревня отъ него сторонится. На этотъ счетъ даже посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Варенькѣ вѣдь этого нельзя говорить, какъ можно? Она въ практической жизни ничего не понимаетъ, куда ей?! О. Семень помнить, что однажды, когда онъ сказалъ ей, что если онъ дастъ секретарю консисторіи сотенную, то можетъ легко огбить мѣсто у своего товарища по семинаріи, страшнаго бѣдняка, у котораго навѣрное не найдется такой суммы, — то Варенька даже испугалась. „Какъ можно, Семень Ивановичъ? Ты его обидишь; вѣдь это нечестно!“ О. Семень тогда прямо заключилъ, что Варенька ничего не понимаетъ въ практической жизни. Поэтому, въ настоящемъ случаѣ онъ ни слова не сказалъ ей ни о своемъ неудавшемся „доношеніи“, ни объ исторіи съ причетниками. „Понать-то она ничего не пойметъ; а авторитетъ потерять можно!“ Такъ-что о. Семень оказался совсѣмъ одинокимъ. Объ одномъ только онъ настоятельно бесѣдовалъ съ Варенькой — это о своей таксѣ. Таксу эту онъ носилъ и лелѣялъ въ своемъ сердцѣ, еще когда былъ въ семинаріи. „Помилуй, убѣдительно говорилъ онъ Варенькѣ, — да безъ этого намъ существовать будетъ не на что! Тогда придется

собирать по грошамъ! Это ужасно; я на это не способенъ! Не могу-же я въ самомъ дѣлѣ, какъ это дѣлается, выпрашивать у мужиковъ по мѣркѣ хлѣба или послать тебя съ повозкой и съ штофомъ подъ мышкой—по хатамъ ильновать. Это униженіе! Я такъ не могу, рѣшительно не могу! Таксы я не уступаю... во что-бы то ни стало!“

Варенька тоже не могла свыкнуться съ мыслью, что ей придется ильновать со штофомъ подъ мышкой, но ей въ то-же время ужасно хотѣлось „существовать“, поэтому, что касается таксы, она была совершенно согласна съ о. Семеномъ, что можетъ быть объясняется еще тѣмъ, что о. Семень убѣждалъ ее чрезвычайно краснорѣчиво.

Итакъ, въ среду, угрюмо повѣсивъ головы, они сидѣли за обѣденнымъ столомъ. Это былъ обѣдъ, изготовленный Варенькой при совершенно особенныхъ условіяхъ. Самая обыкновенная индѣйка, которую Варенька живьемъ купила у Галайдыхи еще до разрыва, была казнена рукой самой Вареньки, и казнь эта была обставлена глубокой таинственностью. Удалившись въ кухню глазъ-на-глазъ съ индѣйкой, Варенька заперлась кругомъ, закрыла окна кисейными занавѣсками и только тогда совершила закланіе. Когда-же индѣйка была лишена перьевъ и положена на сковороду, Варенька прислушивалась къ малѣйшему шороху въ сѣняхъ и всякій разъ, какъ ей казалось, что кто-то стучится въ дверь, она быстро снимала со сковороды индѣйку и прятала ее въ духовую печь. Тревога проходила, и индѣйка опять укладывалась на сковороду и продолжала жариться. А одинъ разъ, когда слышались настоящіе шаги, у Вареньки даже кровь ударила въ голову. „Кто тамъ?“ спросила она, забывъ даже спрятать индѣйку. „Это я!“ отвѣчалъ о. Семень. „Ахъ, какъ ты испугалъ меня! У меня до сихъ поръ сердце бьется!“ съ неподдѣльнымъ волненіемъ воскликнула Варенька. И все это происходило отъ того, что въ этотъ день была среда, и слѣдовательно, индѣйку можно было жарить только контрабанднымъ способомъ.

Когда эта историческая индѣйка была подана на столъ и о. Семень положилъ уже себѣ на тарелку свой любимый кусочекъ, тотъ самый кусочекъ, который, неизвѣстно почему, называютъ архіерейскимъ, хотя извѣстно, что ни одинъ кусочекъ индѣйки никакимъ образомъ не можетъ быть архіерейскимъ, — въ этотъ самый моментъ

дверь въ столовую изъ сѣней заскрипѣла и стала медленно растворяться. Здѣсь произошло нѣчто ужасное. Супруги, пораженные неожиданностью этого обстоятельства, сначала было растерялись и не знали, что дѣлать,—очевидно было, что пришелъ кто-то посторонній и что этотъ кто-то сейчасъ войдетъ въ столовую.

— Кто тамъ? спросилъ о. Семень, стараясь придать своему голосу полнѣйшее спокойствіе. Дверь отворилась и вошелъ мужикъ. Это былъ, совсѣмъ ободранный мужикъ съ какой то безконечной спиралью грязныхъ тряпокъ на ногахъ и до дикости всклокоченной головой. Лицо его было худощаво, блѣдно и угрюмо, глаза были красны отъ слезъ. Непривѣтливо глядѣлъ онъ въ окно, переминаясь съ ноги на ногу и точно позабывъ, зачѣмъ пришелъ. Варенька въ первый разъ видѣла такого страшнаго мужика и вздрогнула съ непривычки.

— Что тебѣ нужно, любезный? чрезвычайно нелюбезно спросилъ его о. Семень.

— Сыннокъ у меня скончался, такъ похоронить надо! угрюмо заявилъ мужикъ.

— Я-же объявилъ всѣмъ въ церкви, что по поводу требъ обращаться къ причетникамъ. У нихъ такса, я ничего не знаю...

— А сколько это будетъ по таксѣ-то? продолжалъ мужикъ по прежнему безучастно.

— Я ничего не знаю; говорю вамъ разъ навсегда, что это не мое дѣло, это дѣло причетниковъ, у нихъ такса! заявилъ о. Семень такимъ невиннымъ тономъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ ничего не знаетъ.

— Такъ значить къ пономарю? задумчиво спросилъ мужикъ.

— Какъ-же ты глупъ, братецъ ты мой! окончательно потерялъ терпѣніе о. Семень.—Разумѣется, къ пономарю, къ діакону, только не ко мнѣ; я-же ничего не знаю... повторилъ онъ тѣмъ-же невиннымъ тономъ.

Мужикъ повернулся и медленно вышелъ. О. Семень помолчалъ, давъ ему время выбраться изъ сѣней.

— О, это невыносимая жизнь! въ изступленіи закричалъ онъ, такъ-что Варенька даже испугалась. — Поѣсть спокойно нельзя! Врываются прямо въ столовую! На что это похоже! Такъ рѣшительно не можетъ продолжаться! Такъ жить нельзя!

И много еще такого рода восклицаній было пущено въ ходъ

о. Семеновъ для собственнаго утѣшенья. Злобу усиливало еще то обстоятельство, что индѣйка была совершенно потеряна.

Ободраннй мужикъ между тѣмъ успѣлъ сходить къ Григорію Остаповичу и вернуться обратно. „Опять!“ нисколько не любезнѣе прежняго встрѣтилъ его о. Семень.

— Пономарь сказываетъ — два цѣлковыхъ, а у меня и всего-то на всего шесть гривенъ въ мешени! такъ - же спокойно и, повидимому, равнодушно заявилъ прихожанинъ.

— Но послушай, любезный, я твоихъ денегъ не считалъ и мнѣ нѣтъ дѣла до того, сколько у тебя въ мешени — шесть гривенъ или шестьсотъ рублей. Пономарь объявилъ тебѣ — два рубля, значить такъ и слѣдуетъ, и я, если - бѣ даже хотѣлъ, ничего не могу подѣлать... При этомъ о. Семень развелъ руками, чтобы еще рельефнѣе показать, что онъ самъ поставленъ въ безвыходное положеніе и ничего не можетъ подѣлать, если - бѣ даже и хотѣлъ.

— А когда ихъ нѣтъ, такъ гдѣ же я возьму? резонно спросилъ прихожанинъ.

— Когда нѣтъ?.. переспросилъ о. Семень, очевидно поставленный въ затрудненіе такимъ вопросомъ. Впрочемъ, онъ сейчасъ же съ удивительною легкостью разрѣшилъ его.

— А когда нѣтъ, такъ ты достань у сосѣда, а когда-нибудь сосѣду понадобится — онъ у тебя возьметъ... а я не могу, потому — такса. Противъ таксы никакъ нельзя идти. Ты знаешь, что такое — такса? поучительно спросилъ о. Семень и сейчасъ же поспѣшилъ объяснить. — Такса это — правило, это законъ, а противъ закона поступать, самъ знаешь, никакъ нельзя... Ну, такъ какъ же я могу? Самъ посуди!

О. Семень старался говорить мягко, отечески, вразумительно. Тѣмъ не менѣе, на мужика его увѣщанія, повидимому, совсѣмъ не дѣйствовали. Онъ по прежнему глядѣлъ безучастно въ окно и хлопалъ заплаканными глазами.

— Ну, чего-жъ еще ждешь? Кажется, все ясно? спросилъ о. Семень, поднимаясь съ мѣста. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что его убѣдительные доводы подѣйствовали.

— Такъ, значить, сбавки не будетъ? Шестъ гривенъ не возьмете? спросилъ мужикъ, словно и не слыхалъ убѣдительной рѣчи о. Семена.

— Фу-ты, какой-же ты, братецъ ты мой, непонятливый! воскликнулъ о. Семень. — Вѣдь это - же не въ моей власти, вѣдь такса — законъ, пойми ты это!..

О. Семень хотѣлъ еще разъ, еще краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе развить тему, что такса — законъ, а противъ закона идти невозможно. Но мужикъ, не говоря ни слова, повернулся и вышелъ. За дверью онъ испустилъ тяжелый вздохъ, который долетѣлъ до ушей Вареньки. У Вареньки было предоброе сердце. Она страдала въ продолженіи всей этой сцены и умоляющимъ взоромъ смотрѣла на о. Семена, но о. Семень, замѣтивъ это, старался не смотрѣть на нее вовсе, якобы не замѣчая ея взгляда.

— Послушай, Семень Ивановичъ, неужели-же ты?.. начала было она.

— Ахъ, милая, ты ничего не понимаешь! раздраженно возразилъ ей о. Семень. — Вы, женщины, всегда лѣзете съ вашимъ мягкимъ сердцемъ туда, гдѣ нуженъ холодный разсудокъ. Какъ ты не можешь понять, что здѣсь дѣло идетъ не о рублѣ, а о принципѣ, что, если я уступлю одному, то отъ этого пострадаетъ принципъ. Варенька ничего не понимала въ принципахъ и поэтому настаивала на своемъ:—Но вѣдь онъ очень бѣденъ, развѣ ты не видишь?

— Ахъ, бѣденъ, бѣденъ! Что-жъ изъ этого, что бѣденъ? А мы съ тобой миллионеры, что-ли? Вѣдь намъ нужно-же жить на что -нибудь! При томъ - же, почему ты знаешь, что онъ бѣденъ? Почему ты знаешь, что въ этихъ тряпкахъ, которыми завернуты его ноги, онъ не припряталъ сотню рублей? Народъ это скрытный, ему на грошъ повѣрить нельзя...

При этомъ, для доказательства своего положенія, о. Семень привелъ два достовѣрныхъ анекдота. Первый повѣствовалъ о томъ, какъ одинъ мужикъ, найдя тысячу червонцевъ, спряталъ ихъ подъ землей и продолжалъ жить по-мужичьи; второй — о томъ, какъ одинъ нищій, выдавая замужъ свою дочь, объявилъ за ней двадцать тысячъ приданого. „Вотъ и вѣрь имъ послѣ этого!“ прибавилъ онъ въ видѣ нравоученія. Но Варенька, несмотря на убѣдительность анекдотовъ, продолжала грустить и настаивать на своемъ.

— Ты-бы лучше дала мнѣ что-нибудь поѣсть, объ этомъ позаботилась - бы, а то Богъ знаетъ чѣмъ занимаешься, заключилъ

о. Семень, и Варенька съ понуренной головой отправилась на кухню.

Въ расправѣ между тѣмъ ждали о. Евстафія. Голова съ воскресенья въ первый разъ появился на сходѣ, оправдываясь тѣмъ, что все это время у него болѣла поясница, въ свидѣтели чего онъ приводилъ свою супругу. Старики на него напали.

— Ну, какъ-же вамъ не стыдно, Петро Терентьевичъ?! укоризненно говорили ему. — Мы-жъ васъ выбирали головой за что-нибудь, а вы...

— А что такое? спросилъ голова такимъ тономъ, точно за нимъ никакого грѣха не водилось.

— Да какъ-же, что такое? Стыдъ и срамъ! Тогда въ церковной оградѣ куда вы дѣвались? Да еще такъ, вдругъ, словно головы и не бывало! Конфузь одинъ да и только!

— А ей-Богу-же, я былъ тамъ и никуда я не дѣвался! Вотъ выдумали! И съ чего это мнѣ уходить было? Что я, малое дитя, что-ли?

Голова лгалъ. Въ дѣйствительности онъ, несмотря на свою неповоротливость, такъ ловко прошмыгнулъ въ церковную сторожку, что почти никто этого не замѣтилъ. Впрочемъ всѣ ужъ это знали, но прямо ему не говорили, а только улыбались. Вообще къ нему относились всѣ какъ-то иронически и выбрали его головой собственно для украшения. Онъ имѣлъ степенный, довольный видъ, всегда на немъ была хорошая сѣрая свитка, сапоги его издали лоснились, обнаруживая на себѣ слѣды хорошаго смальца, иногда-же онъ позволялъ себѣ появляться даже въ европейскомъ костюмѣ, т. е. въ панталонахъ на выпускъ, синемъ галстухѣ и черномъ пиджакѣ на ватѣ. Власти онъ, собственно говоря, не проявлялъ почти никакой, предписанія выполнялъ аккуратно и былъ очень доволенъ, когда его называли головой. А случалось какое-нибудь общее дѣло, у него непремѣнно начинала болѣть поясница, и мужики обходились безъ него. Словомъ — Петро Терентьевичъ былъ голова „спокойный, никому ничего“, т. е. именно такой голова, какой требуется для того, чтобы исполнять предписанія начальства. Поясница-же у него болѣла собственно потому, что онъ твердо помнилъ наказъ исправника, который тотъ даль ему при вступленіи Петра Терентьевича въ должность головы: „Смотри, чтобъ у меня все было тихо! Чтобъ ни-ни!“ И Петро

Торентьевичъ, по слабости характера, прятался всякій разъ въ свою хату, когда ему казалось, что тутъ что-то будетъ „не тихо“. На этотъ разъ онъ явился собственно для того, чтобы какъ подобаетъ встрѣтить о. Евстафія. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ онъ считалъ свое присутствіе необходимымъ.

Пришелъ въ расправу ободранный мужикъ и рассказалъ старикамъ, что у него сынишка лежитъ непохороненный.

— Давалъ я ему шесть гривенъ, всего-то только и есть! говорилъ мужикъ, вынувъ изъ-за пояса нѣчто изодранное, засаленное и совсѣмъ безформенное, что онъ называлъ „кесетомъ“, и для доказательства вытаскивая оттуда свои шесть гривенъ мѣдяками. Но это было совершенно напрасно, такъ-какъ ему и безъ того всѣ повѣрили. Всѣ хорошо знали его достатки. Карпъ Моргуля былъ бѣднѣйшій изъ балчанскихъ мужиковъ. Судьба этого человѣка для знавшихъ его близко представлялась какой-то фатально-трагической, точно всѣ силы неба, управляющія человѣческимъ благополучіемъ, составили заговоръ противъ этого согбеннаго существа съ впалой грудью и костлявымъ блѣднымъ лицомъ. Онъ былъ не настоящій балчанинъ. Пришелъ онъ неизвѣстно изъ какихъ мѣстъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, сюда на заработки, да проживши года два облюбовалъ себѣ мѣстечко на крестьянской землѣ и построилъ хату. Спустя годъ, онъ приписался къ Балчанской волости и сталъ обзаводиться маленькимъ хозяйствомъ. Паспортъ у него оказался какъ слѣдуетъ, и въ немъ довольно ясно значилось — „холость“. Какъ водится, для хозяйства потребовалась жена, и Моргуля женился на хорошей дѣвкѣ - хозяйкѣ. Всѣ видѣли, что Моргуля спокойный человѣкъ и полюбили его. Одно несчастье — земли у него своей не было, приходилось брать „за скопщину“, а тутъ подошли плохіе годы, и нашъ Моргуля выбивался изъ силъ, получая на чужой землѣ неурожай за неурожаемъ. Завелись у него, было, дѣтки, да подошелъ дифтеритъ и передалъ всѣхъ поочереды, а тамъ Богъ прибралъ и жену, и остался Моргуля безъ хозяйства и безъ семьи. Но эти испытанія не кончились. Откуда ни возьмись предписаніе въ волость, чтобъ Моргулю схватить и доставить по этапу въ уѣздный городъ. Оказалось, что гдѣ-то въ Подольской губерніи у Моргули осталась жена, которая, разузнавъ о его мѣстожителствѣ, подала жалобу. „Какъ - же это ты такъ, Карпъ!“

спрашивали его удивленные мужики. — „А такъ, что она вѣдьма была, а не жена; вотъ я и ушелъ отъ нея, куда глаза глядятъ!“ объяснилъ Моргуля, и всѣ почему-то повѣрили ему, оказались на его сторонѣ и пожалѣли Моргулю. Что-же касается до того, что по виду Моргуля значился холостымъ, то этому никто не удивлялся, такъ-какъ подобныя недоразумѣнія встрѣчаются не рѣдко. Его судили за двоеженство, отсидѣвъ онъ свое время въ тюрьмѣ и вернулся опять въ Широкую Балку. Никто не посматрѣлъ на него, какъ на клейменого, а напротивъ, всѣ видѣли въ немъ пострадавшаго и вновь приняли его въ свое общество. Тѣмъ временемъ „вѣдьма“ умерла, Моргуля опять женился, опять сталъ перебиваться, да не везло ему и теперь. Такъ онъ и остался на положеніи нищаго.

— Какъ-же теперь съ мертвецомъ быть? спрашивалъ Моргуля сходя, разсѣянно глядя во всѣ стороны.

Мужики оживленно поднялись съ мѣстъ.

— Господи ты, Боже мой! Да что это онъ съ нами дѣлаетъ? Да неужто-же намъ съ нимъ вѣкъ прожить?

Это говорилось съ глубокою горечью.

Мужики были оскорблены до глубины души: настолько священнымъ представлялся имъ обрядъ погребенія. Это было, на ихъ взглядъ, оскорбленіемъ души умершаго, и оскорбленіемъ вдобавокъ небывалымъ. Прежніе попы, правда, иной разъ торговались, спрашивали, но никогда еще не было случая, чтобъ священникъ оставилъ мертваго непогребеннымъ; эта новость поразила всѣхъ стариковъ. Сердитые посылали проклятія, а набожные крестились. Въ это время къ расправѣ подѣхала таратайка о. Евстафія. Мужики такъ и бросились къ ней.

— Отецъ нашъ! Вотъ кто заступится за насъ! вырвалось почти у всѣхъ разомъ. О. Евстафій самъ несказанно обрадовался встрѣчѣ. Онъ то благословлялъ, то цѣловалъ всѣхъ поочередно.

— Ну, что у васъ тутъ, раздоры завелись? Ахъ, дѣти, дѣти! Въ такомъ святомъ дѣлѣ и раздоры! а? Не хорошо это, не хорошо! отечески говорилъ о. Евстафій, качая головой.

— Такое пошло, что и сказать грѣшно и срамно! отвѣчали мужики. — Сироты мы безъ васъ, какъ есть сироты! Словно-бы и не въ своемъ селѣ живемъ, словно какіе нехристи или клейменные! Вонъ и теперь мертвецъ у насъ лежитъ сердешный, а по-

хоронить некому! Требуется съ Карпа Моргули 2 цѣлковыхъ за погребеніе, а гдѣ ему ихъ взять? Сами знаете, каковъ онъ у насъ богачъ—Моргуля... Доля наша тяжкая! И что его дѣлать и куда кинуться? Просто не знаемъ да и только! Голову потеряли! Бѣ архіерею пойти, такъ допустятъ-ли насъ, мужиковъ? Скорохода, этакого мужика отиѣннаго, негоднымъ объявить!.. И хотя-бы что-будь видное, а то Богъ его знаетъ, что онъ такое! И одежда-то у него какъ-будто и не православная.

Жалуясь такимъ образомъ, мужики рассказали о Евстафію все, какъ было. Угрюмый видъ мужиковъ показалъ о. Евстафію, что они не на шутку приняли все это къ сердцу. Онъ самъ нахмурился и, сказавъ мужикамъ, чтобы они не слѣшили ничего предпринимать, поѣхалъ къ о. Семену. Безъ всякихъ докладовъ ввалился онъ къ о. Семену прямо въ кабинетъ, что привело хозяина, повидимому, въ сильное недоумѣніе. О. Семень не могъ даже сообразить, какъ ему отнестись къ этому неожиданному визиту. Съ одной стороны онъ догадывался о цѣли этого визита, и не жѣлало-бы сразу ошетиниться и не подпускать непрошеннаго заступника слишкомъ близко къ своей особѣ, съ другой—нужно было показать, что онъ ни о чемъ не догадывается, что и должно было служить признакомъ его полнѣйшей невинности.

— Вы меня извините, что я такъ прямо, безъ приглашенія къ вамъ ввалился! началъ о. Евстафій. — Можетъ вамъ неизвѣстно, что я имѣю честь быть вашимъ предшественникомъ, отцемъ Евстафіемъ Троицкимъ?..

О. Евстафій говорилъ съ видимымъ раздраженіемъ въ голосѣ, чего онъ никогда не умѣлъ скрывать. О. Семень принялъ видъ хозяина обрадовавшагося гостю и пригласилъ его садиться.

— Я тотъ самый о. Евстафій Троицкій, на котораго вы изволили писать исправнику „доношеніе“...

— Позвольте съ! Но откуда вамъ могло-бы быть извѣстнымъ подобное обстоятельство? чрезвычайно подавленнымъ тономъ выговорилъ о. Семень. Слова о. Евстафія заставили его покраснѣть до ушей; онъ чувствовалъ, что кровь у него отлила отъ сердца и бросилась въ голову. Конечно, онъ и не ожидалъ отъ о. Евстафія пріятныхъ разговоровъ, но не ждалъ онъ и такого прямого приступа, такого „отсутствія всякой деликатности“, какъ называлъ онъ это уже послѣ. Онъ не былъ подготовленъ къ этому. Когда

въ жизни ему предвидѣлся какой-нибудь затруднительный случай, онъ имѣлъ обыкновеніе по-долгу обдумывать каждую мелочь своего поведенія, „на случай“ напередъ сочинялъ цѣлыя фразы въ нѣсколькихъ вариантахъ, которыя потомъ пускалъ въ оборотъ въ качествахъ экспромтовъ, и такимъ образомъ выходило все ладно, онъ почти всегда выкручивался. Теперь же, какъ-то вдругъ, онъ увидалъ себя совершенно неподготовленнымъ. Единственное, что онъ успѣлъ сообразить въ эту минуту, это—что причетники, значить, успѣли обо всемъ оповѣстить о. Евстафія и что, слѣдовательно, здѣсь у нихъ цѣлый заговоръ и это надо имѣть въ виду.

— Откуда-бы ни было—это все равно, но только извѣстно! отрѣзалъ о. Евстафій.—Но я объ этомъ говорить не стану. Это я такъ, между прочимъ, чтобы показать, что вы съ моей особой нѣкоторымъ образомъ знакомы. Хоть заглазно и, можно сказать, безъ моего вѣдома, но знакомы. Повторяю, я говорить пріѣхалъ о вещахъ болѣе важныхъ.

О. Евстафій говорилъ съ какимъ-то особеннымъ задоромъ. Нужно замѣтить, что онъ, по своему обыкновенію, успѣлъ пропустить въ этотъ день не одну рюмку рому, а въ такихъ случаяхъ для него не существовало никакихъ законовъ тактичности. Онъ говорилъ тогда прямо все, что думалъ и чувствовалъ. О. Семень краснѣлъ, хмурился, дѣлалъ мину удивленія, пожималъ плечами, но упорно молчалъ. Онъ боялся, что голосъ его дрогнетъ и выдастъ его.

— Что это вы дѣлаете, скажите мнѣ на милость Божію! приступилъ къ нему о. Евстафій.

— Какъ что я дѣлаю? Извините, я не понимаю, о чемъ вы говорите! обиженно заявилъ о. Семень. Нужно сознаться, что онъ держалъ себя и говорилъ, какъ мальчишка, пойманный на мѣстѣ преступленія, и который желаетъ оправдаться, дѣлая видъ, что онъ и не думаетъ оправдываться.

— Знаете-ли что?! Я вамъ прямо скажу, что я старый воробей и довольно пожилъ на свѣтѣ, чтобы научиться видѣть людей насквозь. По лицу вашему вижу, что вы отлично понимаете, о чемъ я рѣчь веду, а только для отвода глазъ корчите невинность. Вы не обижайтесь, повторяю, потому-что я прямой человекъ. Повторяю, что это вы дѣлаете съ мужиками? Молодой вы

еще человѣкъ, очень молодой еще, а потому послушайте старика. Вы вотъ что дѣлаете: вы губите свое вліяніе, вы роняете авторитетъ церкви, роняете свой санъ, свое сословіе. Конечно, молодости можно многое простить, но жаль, очень жаль, что молодость проявляетъ такіа некрасивыя наклонности...

— Позвольте... но кто вамъ далъ право...

— Не пѣтушитесь! Сидите спокойно, выслушайте до конца. Кто далъ право? Вы дали право! Позвольте спросить, съ какими цѣлями вы надѣли расу, приняли іерейскій санъ? Съ цѣлью нажить капиталъ? Такъ, что-ли? Такъ для этого удобнѣе было-бы заяться коммерческимъ дѣломъ, торговлей, только торговлей масломъ, кожей, желѣзомъ, а не священными обязанностями пастыря. Вы пріѣхали въ село безъ всякой подготовки, безъ всякаго знакомства съ условіями его жизни. Положимъ, вы въ этомъ не виноваты, васъ „назначили“. Но вы-то, вмѣсто того, чтобы прислушаться, приглядѣться къ этому селу, начали не съ того. Первый актъ вашей дѣятельности — такса, второй — оскорбленіе всѣми уважаемаго мужика. Вотъ что вы надѣлали. А между тѣмъ село живетъ по своему, у него свои, унаслѣдованные отъ отцовъ, взгляды, обычаи, требованія, которые для него священны и которые вы обошли. Какое-жъ послѣ этого вы можете имѣть вліяніе на паству? Вотъ онѣ, горькія истины, которыя вамъ не мѣшаетъ знать и которыя вамъ позабыли сказать въ семинаріи. А къ этому еще прибавлю: не водится, чтобы въ домъ священника, близъ церкви, подъ пятницу была музыка; да и самый этотъ костюмъ вашъ — эта короткая ряска, эти воротнички, этотъ шикъ, — все это можетъ только оттолкнуть отъ васъ прихожанъ, все это можетъ только размножить сектантовъ, что, я думаю, не входитъ въ ваши цѣли... Вотъ все, чего я не могъ не сказать вамъ, какъ честный человѣкъ и, хоть разжалованный, но все-таки дорожащій честью своего сана и сословія. Молоды вы очень, вотъ что-съ!

О. Семена всего ударило въ потъ. Онъ чувствовалъ себя невыразимо гадеко. И это вовсе не потому, чтобы горькія истины о. Евстафія открыли ему глаза и онъ почувствовалъ угрызения совѣсти. Нѣтъ, онъ и самъ прекрасно умѣлъ различать добро и зло. Это были угрызения не совѣсти, а самолюбія. Передъ нимъ сидитъ человѣкъ, который видитъ его насъвозь и безъ всякаго смягченія говоритъ ему прямо то, что видитъ. А онъ сидитъ

неподвижно, краснѣть, блѣднѣть и не можетъ вымолвить ни слова. Въ продолженіи всего разговора, главное вниманіе о. Семена было сосредоточено не на томъ, что говорилъ о. Евстафій, а на себѣ, на своихъ ощущеніяхъ и проявленіяхъ этихъ ощущеній. Вотъ онъ чувствуетъ, что лицо его красно, что онъ не можетъ смотрѣть прямо въ глаза о. Евстафію, что онъ держитъ себя, какъ мальчишка, что эти самые воротнички, о которыхъ говоритъ о. Евстафій, начинаютъ давить ему шею, ему кажется, что въ глазахъ этого строгаго патріарха онъ невыразимо смѣшонъ въ своихъ воротничкахъ и штиблетахъ. Что сказать ему? „Подите вонъ?“ Но вѣдь онъ не пойдетъ: развѣ не очевидно, что для этого человѣка не существуетъ никакихъ правилъ приличія? Остается одно: сдѣлать видъ, что во всемъ съ нимъ согласенъ, что его увѣщанія подѣйствовали.

— Я вамъ чувствительно благодаренъ за ваши совѣты! промолвилъ о. Семень, не глядя на собесѣдника.—Вы сами видите, что здѣсь виновата, главнымъ образомъ, моя неопытность... Онъ проговорилъ это такимъ кроткимъ и подавленнымъ голосомъ, что трудно было сомнѣваться въ его искренности.

— Такъ вотъ-же—исправьте ваши ошибки! И поскорѣе! Сейчасъ-же похороните младенца! Сейчасъ-же... Иначе вы знаете, что можетъ быть? Это такая отвѣтственность, это уголовное дѣло!.. Да-съ! А вы этого не знаете? Такъ знайте и не шутите съ этимъ. И таксу вашу уничтожьте, и музыку эту по пятницамъ бросьте, и расу надѣньте поблагообразнѣе, а главное—извинитесь передъ мужиками за Скорохода. Всенародно извинитесь!

О. Семень неизмѣнно благодарилъ за совѣты. Когда-же о. Евстафій вышелъ и укатилъ на таратайкѣ, онъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ и въ полномъ изнеможеніи отъ злости бросился въ кресло. Варенька было любопытствовала, въ чемъ дѣло, кто пріѣзжалъ и что онъ говорилъ, но о. Семень сказалъ ей, что она ничего не понимаетъ и потому пусть оставитъ его въ покоѣ. Однако, когда прошелъ первый порывъ злости, о. Семень вспомнилъ слова о. Евстафія насчетъ уголовного дѣла, немедленно позвалъ Григорія Остаповича и приказалъ ему приготовиться къ погребенію. Похоронивъ сына Моргули, онъ наскоро одѣлся и отправился къ помѣщикамъ.

Здѣсь его встрѣтили чрезвычайно радушно. Оказалось, что у нихъ какъ-разъ не хватало одного партнера въ преферансъ и за

о. Семеномъ даже послать собирались. Четвертымъ партнеромъ оказался господинъ въ мундирѣ исправника, средняго роста, съ изряднымъ брюшкомъ, толстымъ, гладко выбритымъ лицомъ и, какъ казалось, совсѣмъ безъ глазъ. Глаза у него оказывались только тогда, когда онъ изумлялся или, съ увлеченіемъ играя въ преферансъ, кричалъ: „Ого, батенька, да вы безъ трехъ угодили! Вотъ это я одобряю!“ Или радостно восклицалъ: „При своихъ! А ей-Богу, долженъ былъ остаться безъ двухъ! А, какво?“ Въ остальное-же, менѣе экстренное время, эти глаза покоились въ глубинѣ орбитъ, надежно защищаемые отъ свѣта божьяго плотной жировой тканью. О. Семень сейчасъ-же сообразилъ, что исправнику надо проиграть что-нибудь и согласился на этотъ разъ играть даже не по маленькой. Когда-же исправникъ дѣйствительно оказался въ выигрышѣ, о. Семень расплатился съ нимъ съ чрезвычайно пріятной улыбкой, которая означала, что господину исправнику даже проиграть пріятно и затѣмъ, отведя его въ сторону, конфиденціально сказала ему:

— Я долженъ сообщить вамъ по обязанности пастыря, что въ здѣшнемъ приходѣ нашель страшныя и, можно сказать, небезопасныя запущенія. Преній священникъ, о. Евстафій Троицкій, до того распустилъ прихожанъ, что они открыто выражаютъ сочувствіе къ штундистамъ и неуваженіе къ православной церкви. Когда-же я принялся-было увѣщевать ихъ, они стали угрожать мнѣ криками и насмѣшками, объявили, что пойдуть къ архіерею просить другого... Я говорю вамъ это, какъ честный іерей, по долгу совѣсти; вы понимаете, что это очень плохимъ пахнетъ, что это имѣетъ общегосударственное значеніе и можетъ послужить легко воспламеняющимся матеріаломъ для... вы понимаете!.. Священникъ-же о. Евстафій Троицкій ѣздитъ къ крестьянамъ и возбуждаетъ ихъ къ неповиновенію...

— Не-у-же-ли? восклицнула исправникъ, и у него появились при этомъ глаза.—Я вамъ очень обязанъ, чувствительно благодарю за сообщеніе: я приму мѣры, сейчасъ-же, немедленно! Благодарю, благодарю васъ!

И онъ чувствительно пожалъ руку о. Семену.

— Только, разумѣется, моя личность останется въ сторонѣ! Я надѣюсь! прибавилъ о. Семень.

— Ну, еще-бы! Разумѣется! успокоительно отвѣчалъ исправникъ.

О. Семень поспѣшилъ домой совершенно довольный собой и своимъ подвигомъ. Немедленно приказалъ онъ заложить коляску и уѣхалъ въ городъ.

VII.

На сходѣ ждали о. Евстафія, который засидѣлся у Скорохода. Въ это время мужики увидѣли похоронную процессію, направлявшуюся отъ Моргулиной хаты въ кладбишу. Процессія состояла изъ двухъ мужиковъ, несшихъ небольшой гробъ, о. Семена въ черной ризѣ, съ кадиломъ въ правой рукѣ, причетниковъ, поющихъ „Святый Боже“, и нѣсколькихъ мужиковъ и бабъ позади гроба. Самъ Моргуля безучастно шествовалъ въ толпѣ, глядя по сторонамъ, какъ-будто ему не было никакого дѣла до того, что совершается, какъ-будто это горе было не его горе. Быть можетъ, въ эту минуту онъ философствовалъ на тему: „всѣ мы люди и всѣ мы помремъ“, можетъ просто разсчитывалъ, что теперь ему легче будетъ, „потому однимъ ртомъ меньше“, а вѣроятно всего — онъ ничего особеннаго не думалъ, безучастно совершая одну изъ своихъ горькихъ обязанностей и памятуя, что ими усянятъ весь его жизненный путь. За-то о. Семень былъ печаленъ. Черная риза придавала лицу его какой-то особенный оттѣнокъ меланхоліи; онъ держалъ голову слегка набокъ, точно застылъ на минѣ сожалѣнія; глаза глубокомысленно смотрѣли въ землю, губы то шептали что-то, то громко читали эктенію, протяжно-плачевно, съ какими-то дрожаніемъ въ голосѣ. О. Семень былъ того мнѣнія, что внѣшній видъ всегда долженъ соответствовать случаю, и сообразно съ этимъ считалъ своимъ долгомъ быть степеннымъ на обыкновенномъ молебствіи, печальнымъ на похоронахъ и юркимъ и развязнымъ на вѣнчаньи. Похороны Моргулинаго сына были для него въ нѣкоторомъ родѣ дебютомъ, поэтому онъ слѣдилъ за своими движеніями съ особеннымъ прилежаніемъ. Когда процессія проходила мимо волости, мужики сняли шапки и перекрестились. При этомъ Григорій Остаповичъ успѣлъ моргнуть имъ, указывая на шедшаго впереди о. Семена и какъ-бы говоря: „Струсилъ голубчикъ! Вотъ она синица то: шуму надѣлала, а моря не зажгла!“ Мужики очень удивились такому повороту дѣла.

— Смирился! говорили одни, указывая въ сторону о. Семена.

— Какже—смирился! замѣчали скептики.—Знаешь, что безъ погребенія оставить нельзя, потому отвѣчать будетъ, вотъ онъ и смирился! Всѣ оживленно заговорили; одинъ только голова сидѣлъ въ сторонкѣ и мрачно смотрѣлъ въ даль. У него являлось уже сильное желаніе объявить свою поясницу болящей, ибо становилось очевидно, что въ его владѣніяхъ далеко „не тихо“. Наконецъ, о. Евстафій пріѣхалъ. Это было уже совсѣмъ при сумеркахъ. Онъ ужасно спѣшилъ, чтобъ къ ночи поспѣть домой. Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи.

— Ну, видѣли? Видѣли? спрашивалъ онъ мужиковъ, намекая на похороны.—Я былъ у него, говорилъ съ нимъ, сказалъ ему всю правду—только, безъ всякихъ обиняковъ. Онъ согласился, самъ видитъ, что виноватъ,—неопытность, говорить; да и правда, дѣтки, молодъ вѣдь онъ, совсѣмъ молодъ; надо простить ему на первый разъ. Надо примириться. Къ чему раздоры?.. Что въ нихъ хорошаго?..

О. Евстафій говорилъ все это съ неподдѣльною радостью. Онъ наввно вѣрилъ, что все кончилось отлично. Но мужики почему то ~~идутъ~~ угрюмо.

— А съ Скореходомъ какъ же будетъ? спрашивали они.

— И съ Скореходомъ уладится: онъ будетъ извиняться передъ всѣми! утѣшалъ о. Евстафій.

— Ну, коли онъ взаправду смирился, такъ и слава Богу! Намъ только и надо, чтобы было мирно да не обидно!

Мужики начинали успокаиваться. Въ это время съ большой деревянной улицы послышался звонъ, который приближался къ волости.

— Почта ѣдетъ! Бого-бы это Богъ принесъ? гадали мужики.

— А можетъ, и не Богъ принесъ?! усомнился кто-то.—Ну, такъ и есть! Исправникъ летитъ!

Этого было достаточно, чтобъ голова окончательно потерялъ голову. Онъ, какъ угорѣлый, схватился съ заваленки и бросился отворять ворота, хотя извѣстно было, что исправникъ, пріѣзжавшій всегда на три минуты, никогда не заѣзжалъ во дворъ.

— Ну и голова у насъ! добродушно смѣялись мужики.—То и дня у него поясница болѣла, а то вдругъ запрыгалъ, какъ

нальнй ребенокъ. Ишь, какой бравнй паренъ сталъ! И шапку потерялъ съ переполоху!

— Разсказывай! Не тебѣ отвѣтъ держать! успѣлъ огрызнуться голова, у котораго дѣйствительно „съ переполоху“ шапка очутилась на „току“ (гумно).

— И объ чемъ отвѣтъ держать? удивлялись мужики.—Что мы, украли что или зарѣзали кого?

Почтовая тройка подкатила къ волости, и г. исправникъ, еще не успѣвъ слѣзть съ брички, кричалъ уже:

— А! Всѣ въ сборѣ! Уже куютъ, козни строить! Вотъ я вамъ покажу, какъ...

Въ это время исправникъ замѣтилъ о. Евстафія.

— А вы, батюшка, кажись, не въ свой приходъ попали! зло-насмѣшливо обратился онъ къ нему.—Вамъ-то не къ лицу заниматься такимъ дѣломъ! Не къ сѣдинамъ и не къ расѣ!

— А вотъ что, господинъ исправникъ! Если вы хотите, чтобы я не избилъ васъ вотъ этою самою палкой, которой я бью моихъ собакъ, такъ попридержите языкъ!.. А то вы заговариваетесь. Я васъ заставлю уважать мои сѣдины!..

О. Евстафій говорилъ, повидимому, холодно, спокойно; но въ груди его кипѣла страшная злоба. Онъ былъ взбѣшенъ до крайности. Взбѣшенъ былъ и исправникъ, но тотчасъ-же закусилъ губу: онъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и понялъ, что забрался не въ свою область.

— Это мы увидимъ! глухо произнесъ онъ и тотчасъ-же обратился къ головѣ:—А ты у меня будешь отвѣтъ держать. Что вы тутъ дѣлаете? Что у васъ тутъ затѣвается? Неповиновеніе? Богохульство? Къ архіерею собираетесь? А? Ты чего же смотришь? Развѣ я не приказалъ тебѣ, чтобы все было тихо? А? Сейчас по домамъ разойтись, и чтобы у меня никто пикнуть не смѣлъ... Ни-ни! А не то всѣхъ велю пере...

Исправникъ не договорилъ. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, что грозило населенію Широкой-Балки. Глаза у него на этотъ разъ совсѣмъ открылись и, казалось, что ихъ у него было не двое, а цѣлхъ двѣ дюжины. И такъ все они бѣгали, такъ все чего-то искали... А бѣдный голова стоялъ, опустивъ руки, и ничего, какъ есть, ни слова не слышалъ, чувствовалъ онъ только, что „виновать“ и даже чуть слышно шепталъ это слово. Чувствовалъ онъ

также, что поясница уже взаправду начинала болѣть, а больше онъ ничего не чувствовалъ.

— Я вамъ! Я вамъ! нѣсколько разъ еще повторилъ исправникъ и уѣхалъ обратно къ помѣщику.

Мужики долго стояли молча, какъ ошеломленные. А голова съѣлъ на заваленкѣ и тщетно старался прійти въ себя. Онъ ровно ничего не могъ сообразить. Очевидно было, что его ожидала какая-то кара, какое то праведное возмездіе, — какое — неизвѣстно, за что — тоже неизвѣстно.

— Такъ вотъ оно что выходитъ! промолвилъ, наконецъ, кто-то, какъ-бы очнувшись.

— Что же теперь будетъ? спросилъ другой.

— А то будетъ, что надо, братцы, по домамъ! Не губите вы мою голову, братцы! умоляющимъ голосомъ заговорилъ голова. — Вѣдь говорилъ-же я, то бишь — не говорилъ, а думалъ, зналъ, что будетъ недоброе, вотъ оно и вышло...

Всѣ ждали отъ о. Евстафія, что-то онъ скажетъ. Болѣло у него оскорбленное сердце, и не хотѣлось ему оставить это дѣло такъ. Однако, онъ смирился и сказалъ:

— По домамъ, дѣти!

Мужики угрюмо разбрелись по домамъ, а о. Евстафій не въ духѣ вернулся домой. Между тѣмъ о. Семень быстро свершалъ путь къ городу. Самодовольно развалился онъ въ своей коляскѣ и думалъ на разныя пріятныя темы, еще болѣе способствовавшія его самодовольству. На немъ не было воротничка, не было ни короткой рясы, ни штіблетъ; онъ былъ одѣтъ просто, какъ обыкновенный священникъ. Это и понятно, такъ-какъ онъ имѣлъ въ виду явиться къ начальству. Достигнувъ города, онъ прямо покотилъ къ о. благочинному, гдѣ отрекомендовался какъ зять своего тестя, который былъ пріятелемъ о. благочиннаго.

— Я знаю его, знаю! говорилъ о. благочинный по поводу о. Евстафія. У него былъ такой умильный, можно сказать, ангельскій голосъ, что нельзя было и сомнѣваться въ его безгрѣшности.

— Всегда онъ былъ безпокойный человекъ! Помилуйте, да вѣдь онъ архіереевъ задѣвалъ, да еще какъ! Да-съ. Но только, знаете — его-то самого опасно и трогать. Да-съ, и вы ужь будьте покойны, мы это дѣло обдѣлаемъ...

И о. Семень, слѣдуя совѣту о. благочиннаго, былъ покоенъ.

Подеръзвившись чайкомъ, о. благочинный предоставилъ въ распоряженіе о. Семена диванъ, самъ-же отправился къ архіерею „обдѣлывать дѣло“. Это былъ очень удобный, мягкій диванъ, и о. Семень, приспособившись на немъ, почувствовалъ себя еще покойнѣе. Онъ очень любилъ мягкіе и удобные диваны.

Неизвѣстно, какой разговоръ произошелъ между архіереемъ и о. благочиннымъ. Извѣстно только, что, когда послѣдній напомнилъ объ о. Евстафіѣ, его преосвященство вспомнилъ о шестнадцатирублевомъ чаѣ и о сопряженныхъ съ нимъ обстоятельствахъ. О результатахъ-же этого разговора можно судить по тому, что поздно вечеромъ о. Семень весело понукалъ своего кучера, чтобъ тотъ какъ можно больше ускори́лъ ѣзду. А когда пріѣхалъ домой, то облобызалъ Вареньку и сказалъ: „Ну, по здравь-же меня, Варенокъ!“ (Уже этотъ эпитетъ свидѣтельствуетъ о прекрасномъ настроеніи о. Семена; впрочемъ, о. Семень бывалъ иногда и въ еще лучшемъ настроеніи, и тогда онъ обращался къ Варенькѣ прямо такъ: „Ахъ, ты, мое Вареніе!“ производя послѣднее слово все отъ того-же корня).

На другой день къ вечеру получила въ Широкой-Валкѣ бумага такого содержанія, что Григорій Остаповичъ, прочитавъ ее, зашатался, а потомъ залился горькими, неудержимыми слезами. „За что?“ вырвалось у него изъ самой груди, а отвѣта никакого не получилось. А въ бумагѣ той значилось: „Понеже стало извѣстно, что причетники села Широкой-Валки, діаконъ Игнатій Вержбицкій и пономарь Григорій Заповѣдовъ, оказали неповиновеніе своему прямому начальнику — настоятелю; что они, причетники, находились въ злостномъ заговорѣ съ отрѣшеннымъ отъ должности священникомъ Евстафіемъ Троицкимъ, и многое другое; то, того ради и по постановленію его преосвященства, сямъ объявляется: діакону Игнатию Вержбицкому, снисходя къ его семейному положенію и прежнимъ заслугамъ, объявить строжайшій выговоръ; а пономаря Григорія Заповѣдова сослать въ монастырь на покаяніе — срокомъ на шесть мѣсяцевъ — каковое постановленіе...“ и т. д.

Непритворно рыдалъ Григорій Остаповичъ, мысленно представляя образъ Евфросиньи Романовны со всѣми ея достоинствами, ея добротой, ея любовью. „Опять не удалось!“ шепталъ онъ сухими дрожащими губами. „И никогда мнѣ ничего не удастся,

потому—человѣкъ я маленькій!“ А о. Семенъ торжествовалъ неподдѣльно. Пошли въ ходъ и его такса, и всякія затѣи. И несли ему разныя Моргуля немущіе столько, сколько полагалось по таксѣ... И откуда они только брали? Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, у каждаго изъ нихъ въ тряпкахъ было припрятано по тысячи червонцевъ... Что за дѣло до того, что церковь Широкой-Валки по праздникамъ бываетъ пуста, что мужики сторонятся о. Семена и не хотятъ имѣть съ нимъ никакого дѣла, кромѣ неизбѣжныхъ требъ?

И. Потапенко.

КАПИТАНЪ БУРЛЬ.

РАЗСКАЗЪ

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

I:

Было девять часовъ. Маленькій городокъ Вошанъ засыпалъ, темный и нѣмой, подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ. Въ улицѣ Реколле, одной изъ самыхъ узкихъ и пустынныхъ квартала Сенъ-Жанъ, въ третьемъ этажѣ одного стараго дома, растрескавшіяся водосточныя трубы котораго лили потоки дождя, одно окно оставалось освѣщеннымъ. Это г-жа Бурль сидитъ предъ слабымъ каминнымъ огнемъ, а внизу ея, Шарль, готовитъ уроки при блѣдномъ свѣтѣ лампы.

Квартира, нанимаемая за сто шестьдесятъ франковъ въ годъ, состояла изъ четырехъ огромныхъ комнатъ, которыя невозможно было натопить зимою. Въ самой большой спала г-жа Бурль; сынъ ея, капитанъ-казначей Бурль, занималъ ту, которая выходила на улицу, около столовой, а маленькій Шарль, съ своей желѣзной кроваткой, терялся въ громадной гостиной съ заплѣсневѣлыми обоями.

Немногочисленная мебель краснаго дерева, во вкусъ первой имперіи, весьма потерпѣла отъ передвиженій за полкомъ, получила много шишекъ, во многихъ мѣстахъ лишилась своихъ мѣдныхъ украшеній и теперь совершенно терялась въ темныхъ углахъ высокихъ комнатъ. Полъ, окрашенный въ красный цвѣтъ, былъ холоденъ, какъ ледъ; только передъ сидѣньями ле-

жали маленькіе коврики величиною съ ладонь и говорили о дрожащей отъ холода бѣдности въ этой пустынѣ, гдѣ вѣтеръ свободно разгуливалъ и дулъ сквозь плохо затворяющіяся двери и окна.

Передъ каминомъ г-жа Бурль сидѣла, облокотившись, въ своемъ желтомъ бархатномъ креслѣ и смотрѣла на догорающій огонь тѣмъ пристальнымъ и безжизненнымъ взглядомъ, которымъ смотрятъ старые люди, живущіе прошедшимъ. Она сидѣла такъ по цѣлымъ днямъ, высокая, съ длиннымъ серьезнымъ лицомъ, тонкія губы котораго никогда не улыбались. Будучи вдовой полковника, умершаго наканунѣ производства въ генералы, и матерью капитана, котораго она сопровождала въ походахъ, она всегда сохраняла какую-то военную сухость; она составила себѣ понятія о долгѣ, чести, патріотизмѣ, которыя какъ-бы изсушили ее подъ строгостью военной дисциплины. Она рѣдко жаловалась.

Когда сынъ ея овдовѣлъ послѣ пяти лѣтъ брака, она приняла на себя воспитаніе Шарля и держала его съ строгостью унтеръ-офицера, обучающаго рекрутъ. Она наблюдала за ребенкомъ, не позволяя ему ни малѣйшаго отступленія отъ положеннаго правила, не терпя ни малѣйшаго каприза; заставляя его за полночь сидѣть надъ уроками, она сама сидѣла около него.

Ребенокъ, сложенія иѣжнаго, росъ подъ этой строгой ферулой блѣдный, иѣмой и покорный, съ лицомъ, освѣщеннымъ прекрасными, но слишкомъ большими и слишкомъ свѣтлыми глазами.

Одна мысль всегда занимала г-жу Бурль среди ея вѣчнаго молчанія: сынъ обманулъ ея надежды. Съ этой мыслью она изо дня въ день припоминала всю свою жизнь, начиная съ рожденія ребенка, для котораго она мечтала о самыхъ высшихъ чинахъ, о громкой славѣ, и кончая этимъ узкимъ гарнизоннымъ житьемъ, этими мрачными, однообразными днями, этимъ паденіемъ на мѣсто капитана-казначея, мѣсто, изъ котораго онъ никогда не выберется и гдѣ ужъ онъ начинаетъ опускаться. А между тѣмъ, прежде она гордилась имъ; она уже думала, что мечта ея начнетъ исполняться. Бурль, едва вышедшій изъ Сень-Сирской школы, прославился въ битвѣ при Сольферино, взявъ съ кучкой солдатъ цѣлую непріятельскую батарею; его наградили орденомъ, журналы заговорили о его героизмѣ, и онъ сталъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ солдатъ въ арміи. И вотъ, мало-

по-малу, герой сталь жирѣть, расплываться отъ счастья и лѣ-ни. Въ 1870 году онъ былъ еще только капитаномъ; попавъ въ плѣнъ при первой стычкѣ, онъ вернулся изъ Германіи озлобленный и повялся, что уже никогда больше не заставятъ его драться, потому-что это слишкомъ глупо. Но такъ-какъ онъ не былъ способенъ ни къ чему другому и не могъ оставить служ-бу, то и добился мѣста казначея или, какъ онъ выражался, ко-нуры, въ которой ему по-крайней-мѣрѣ дадутъ околѣть спокойно. Съ этого дня г-жа Бурль почувствовала, что всё ея надежды рушились; въ ней какъ-будто что порвалось, и съ этихъ поръ она застыла въ своей неподвижности и въ своемъ молчаніи.

Между тѣмъ, вѣтеръ сильнѣе завылъ въ улицѣ Реколле, пото-екъ дожда сильнѣе ринулся на стекла. Старуха подняла глаза отъ потухшаго камина, чтобы посмотрѣть, не заснулъ-ли Шарль надъ латинскимъ переводомъ. Этотъ двѣнадцатилѣтній ребенокъ дѣлался ея послѣдней надеждой; на немъ основывалась теперь ея упрямая мечта о славѣ. Сначала она возненавидѣла его всей силой той ненависти, которую она питала къ его матери, хоро-шенькой, нѣжной, молодой кружевницѣ, на которой капитанъ имѣлъ глупость жениться, такъ-какъ не могъ иначе удовлетворить своей страсти. Потомъ мать умерла, отецъ все болѣе сталъ погружать-ся въ свои животныя инстинкты, а г-жа Бурль опять принялась мечтать надъ бѣднымъ болѣзненнымъ, маленькимъ существомъ, ко-торое она растила съ такимъ трудомъ. Она хотѣла, чтобы онъ былъ силенъ, чтобы онъ сдѣлался тѣмъ героемъ, какимъ дол-женъ былъ быть отецъ, и съ строгой холодностью слѣдила за его ростомъ, щупая его члены, влагая въ него храбрость. Мало-по-малу, ослѣпленная своей страстью, она убѣдила себя, что онъ осуществитъ ея надежды. Ребенокъ-же, по природѣ нѣжный и мечтательный, питалъ какое-то физическое отвращеніе къ военному ремеслу, но такъ-какъ онъ страшно боялся своей ба-бушки, то кротко и послушно повторялъ ея слова и, казалось, свялся съ мыслью быть солдатомъ.

Однако, г-жа Бурль замѣтила, что латинскій переводъ плохо подвигается. Шарль, оглушенный шумомъ бури, спалъ съ перомъ въ рукѣ, съ открытыми глазами, уставленными на тетрадь. Тогда она застучала пальцами о край стола, не говоря ни сло-ва; онъ встрепенулся, схватилъ словарь и поспѣшно сталъ его

перелистывать. Она помѣшала хворостъ въ каминѣ, тщетно стараясь зажечь его опять.

Еще въ то время, когда она вѣрила въ своего сына, она отдала ему все, что имѣла; онъ прожилъ ея маленькое состояніе на удовольствія, о которыхъ она не смѣла спрашивать. И теперь онъ тащилъ все изъ дома, оставляя въ немъ нищету, голыя стѣны и холодную печь. Никогда она не говорила съ нимъ объ этихъ вещахъ; онъ оставался все-таки хозяиномъ, по ея привычѣ къ дисциплинѣ. Только иногда на нее находилъ ужасъ при мысли, что Бурль можетъ сдѣлать какую-нибудь глупость, которая помѣшаетъ Шарлю поступить въ полкъ.

Она было встала, чтобы принести хворосту изъ кухни, какъ вдругъ страшный порывъ вѣтра налетѣлъ на домъ; двери захлопали, одна ставня оторвалась, вода изъ сломанныхъ водосточныхъ трубъ полилась на стекла. И среди всего этого шума, къ изумленію ея, вдругъ раздался звонокъ. Кто-бы могъ придти въ такое время и по такой погодѣ? Бурль возвращался лишь въ полночь, когда онъ вообще возвращался. Она отперла. Показался офицеръ весь мокрый, ругаясь.

— Чортъ возьми! Вотъ такъ погода!

Это былъ маіоръ Лагитъ, старый, храбрый солдатъ, служившей еще подъ начальствомъ полковника Бурль, въ счастливое время г-жи Бурль.

Начавъ съ нижнихъ чиновъ, онъ добился, болѣе благодаря своей храбрости нежели уму, чина начальника баталіона; но вскорѣ болѣзнь—сокращенія бедренныхъ мускуловъ влѣдствіе раны—заставила его принять должность маіора, завѣдующаго хозяйственной частью. Онъ даже прихрамывалъ, но этого ему нельзя было говорить въ лицо, такъ-какъ онъ въ томъ никогда не сознавался.

— Это вы, маіоръ? воскликнула изумленная г-жа Бурль.

— Я, какъ видите! проворчалъ Лагитъ.—И надо имѣть къ вамъ сильную привязанность, чтобы бѣгать по улицамъ по такому дождю... Порядочный хозяинъ собаки не выгонитъ!

Онъ отряхнулся, и цѣпля лужи стебли съ него на полъ. Потому онъ посмотрѣлъ кругомъ.

— Мнѣ необходимо видѣть Бурля... Неужели этотъ лѣнтяй уже спитъ?

— Нѣтъ, онъ еще не приходилъ, отвѣчала старуха своимъ суровымъ голосомъ.

Маюръ, казалось, былъ въ отчаяніи. Онъ вышелъ изъ себя и закричалъ:

— Какъ не возвращался? Такъ они, значитъ, насмѣхались надо мной въ его трактирѣ, у этой Мелани,— знаете? Вхожу, служанка говоритъ, смѣясь мнѣ подъ носъ, что капитанъ пошелъ спать. Ахъ, чортъ побери! Я это чувствовалъ, и мнѣ хотѣлось надрать ей уши!

Гнѣвъ его утихъ; онъ топтался на мѣстѣ въ нерѣшимости и волненіи. Г-жа Бурль пристально смотрѣла на него.

— Вы должны говорить съ самимъ капитаномъ? спросила она, наконецъ.

— Да, отвѣчалъ онъ.

— И я не могу ему передать ваши слова?

— Нѣтъ.

Она не настаивала, но продолжала стоять, пристально смотря на маюра, который, казалось, не могъ рѣшиться уйти. Наконецъ, онъ снова разозлился.

— Ну да все равно, чортъ съ нимъ! Коли пришелъ, такъ ужъ скажу вамъ... Можетъ быть, это и лучше.

И онъ усѣлся передъ каминомъ, какъ-будто-бы въ немъ горѣлъ огонь, и протянулъ свои ноги въ грязныхъ сапогахъ. Г-жа Бурль опять было усѣлась въ свое кресло, но замѣтила, что Шарль, побѣжденный усталостью, спалъ, положивъ голову на открытый словарь. Приходъ маюра заставилъ его сначала встрепенуться; потомъ, видя, что никто не обращаетъ на него вниманія, онъ заснулъ. Г-жа Бурль уже направилась къ нему, чтобы ударить по этимъ худенькимъ рукамъ, блѣднѣющимъ подъ свѣтомъ лампы, когда Лагитъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте бѣднаго ребенка—пусть спитъ. Это невеселыя вещи, нечего ему ихъ слушать.

Старуха сѣла. Оба молчали, смотря другъ на друга.

— Ну вотъ, дождались! сказалъ, наконецъ, маюръ, сопровождая свои слова сердитымъ движеніемъ головы.—Этотъ свинья Бурль хорошую штуку сдѣлалъ!

Г-жа Бурль не вздрогнула. Она блѣднѣла, застывши въ своемъ креслѣ. Тотъ продолжалъ.

— Я всегда этого боялся. Все собирался поговорить съ вами объ этомъ. Бурль тратилъ слишкомъ много; потому у него была такая идиотская фізіономія, которая мнѣ вовсе не нравилась. Но я-бы все-таки никогда не подумалъ. Ахъ, чортъ его дери! Надо же быть дуракомъ, чтобъ надѣлать подобныхъ пакостей!

И онъ неистово колотилъ себя кулакомъ по колѣну, задыхаясь отъ негодованія. Старуха сама поставила ему прямой вопросъ.

— Онъ укралъ?

— Вы не можете себѣ представить?.. Не такъ-ли? А я никогда не провѣрялъ кассу! Я просматривалъ счета, подписывалъ. Знаете, какъ дѣлается въ совѣтѣ. Только во время ревизіи, такъ-какъ полковникъ маньякъ какой-то, я говорилъ ему: „Знаешь, дружище, смотри за кассой, вѣдь я отвѣчаю“. И былъ совершенно спокоенъ... Однако, въ послѣднее время, такъ-какъ у него была такая глупая рожа и мнѣ передавали про него не совсѣмъ-то чистыя вещи, я чаще засматривалъ въ записи, перебиралъ бумаги. Все казалось въ прекрасномъ порядкѣ, все отлично ведено...

Онъ остановился подъ приливомъ страшной ярости, потому снова разразился.

— Ахъ, чортъ возьми! Чортъ возьми!.. Вѣдь меня не мошенничество его бѣситъ, а его мерзкое поведеніе относительно меня. Онъ насмѣялся надо мной, слышите вы, м-ше Бурль! Чортъ возьми! Что онъ меня дуракомъ, что-ли, считаетъ?

— Такъ онъ укралъ? опять спросила мать.

— Сегодня вечеромъ, продолжалъ маіоръ, нѣсколько успокоившись, — я вставалъ изъ-за стола, когда пришелъ Ганье... Вы знаете Ганье, мясника на углу площади Ербъ... Тоже мерзавецъ порядочный, которому дали поставку мяса и который кормитъ нашихъ солдатъ всѣми дохлыми коровами департамента. Ну, и встрѣчаю я его какъ собаку, а онъ мнѣ и откряпываетъ всѣ эти прелести. Ну ужъ хорошо! Бурль, какъ видно, никогда не платилъ сполна; чепуха страшная, такой хаосъ цифръ, что самъ чортъ не разберетъ; однимъ словомъ, Бурль долженъ ему двѣ тысячи франковъ, и мясникъ грозитъ пойти къ полковнику, если ему не заплатятъ... Хуже всего то, что этотъ свинья Бурль, чтобы обмануть меня, каждую недѣлю подавалъ мнѣ фальшивую росписку, подписанную имъ самимъ именемъ Ганье. И это меня, меня, его стараго друга, такъ одурачить! Ахъ ты, чортъ возьми! Чортъ возьми!

Маіоръ всталъ съ мѣста и поднялъ кулаки въ потолоку, потомъ опять опустился на стулъ. Г-жа Вурль опять повторила:

— Онъ укралъ, это такъ должно было быть.

Потомъ безъ одного слова осужденія противъ сына, она просто сказала:

— Двѣ тысячи франковъ! Но у насъ ихъ нѣтъ... тридцать франковъ, можетъ быть, найдется.

— Я такъ и думалъ, сказалъ Лагитъ. — И знаете-ли, куда все это уходитъ? Къ Меланіи, — порядочная дрянъ, которая сдѣлала изъ Вурля совершеннаго ідиота. О, женщины! Говорилъ я ему, что онѣ его допекутъ. Чортъ знаетъ, какъ онъ сотворенъ, эта скотина! Онъ только пятью годами моложе меня, а все еще бѣсится. Эдакій дьявольскій темпераментъ!

Послѣдовало молчаніе. На дворѣ дождь усиливался, и слышенъ былъ по маленькому городку, темному и спящему, грохотъ трубъ и черепицъ, которыя вѣтеръ срывалъ съ крышъ и бросалъ на мостовую.

— Однако, сказалъ маіоръ вставая, — это нисколько не подвигаетъ дѣла впередъ, что я тутъ сижу... Я васъ предупредилъ и маршъ.

— Что дѣлать? Къ кому обратиться? бормотала старуха.

— Не отчаявайтесь; мы посмотримъ... Кабы у меня были эти двѣ тысячи франковъ... но вы знаете — я не богатъ.

Онъ замолчалъ въ смущеніи. Старый холостякъ, безъ жены и дѣтей, онъ каждый мѣсяцъ аккуратно пропивалъ свое жалованье и проигрывалъ въ экарте то, что оставалось отъ коньяка и водки. Виѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ очень честенъ.

— Все равно, продолжалъ онъ уже на порогѣ, — я все-таки пойду и накрою моего негодяя у его прелестницы. Какъ! Вурль! Сынъ Вурля будетъ осужденъ за воровство! Да развѣ это возможно? Да это было-бы свѣтопредставленіе! Я-бы скорѣе взорвалъ весь городъ... И разрази меня Богъ! А вы не безпокойтесь. Все это еще обиднѣе для меня!

И онъ съ силой сжалъ ея руку и исчезъ въ темнотѣ лѣстницы, пока она свѣтила ему лампой. Когда она поставила эту лампу на столъ, среди тишины и пустоты комнаты, она остановилась въ размышленіи передъ Шарлемъ, который все еще спалъ на своемъ словарѣ. Съ своими длинными, свѣтлыми волосами, онъ скорѣе

былъ похожъ на дѣвочку. И она замечталась, и на лицѣ ея жесткомъ и сухомъ показалось нѣчто вродѣ умиленія; но это было лишь мимолетное явленіе, маска опять приняла свое выраженіе упрямой и холодной воли. Она рѣзко ударила по рукѣ мальчика и сказала:

— Шарль, твой переводъ.

Ребенокъ проснулся какъ встрепанный, дрожая отъ холода и снова началъ перелистывать свой лексиконъ. Въ эту минуту майоръ Лагитъ, который со всего размаха захлопнулъ дверь на улицу, получилъ на голову такой ливень изъ лопнувшихъ водосточныхъ трубъ, что ругательства его раздались среди грохота непогоды. Потомъ, сквозь шумъ дождя, слышался только скрипъ пера Шарля по бумагѣ. Г-жа Бурль опять заняла свое мѣсто передъ каминомъ, неподвижно устремивъ глаза на потухшій огонь, въ своей обыкновенной мечтѣ и въ своей ежедневной позѣ.

II.

„Парижскій Кафе“, который держала вдова Меланія Картье, находился на площади дю-Пале, большой, неправильной площади, усаженной маленькими запыленными вязами. Въ Вошанѣ обыкновенно говорили: „пойдемъ къ Меланіи“. Изъ первой, довольно обширной комнаты, дверь вела въ другую: „диванную“, узкую, уставленную по стѣнамъ мягкими диванчиками, съ четырьмя мраморными столами по угламъ. Здѣсь-то Меланія, покидая свою конторку на попеченіе служанки Фрозинны, проводила вечера съ нѣсколькими завсегдатаями, съ тѣми, которыхъ въ городѣ звали: „кавалеры диванной“. Это заставляло замѣчать челоуѣва; его имя произносили съ улыбками, въ которыхъ проглядывало и пренебреженіе, и скрытая зависть.

Г-жа Картье овдовѣла на двадцать-пятьмъ году. Мужъ ея, колесникъ, удивилъ весь Вошанъ, взявъ „Парижскій Кафе“ послѣ смерти дяди и возвратившись въ одно прекрасное утро съ Меланіей изъ Монпелье, куда онъ ѣздилъ два раза въ годъ за своими ликерами. Онъ поставилъ свое заведеніе на болѣе широкую ногу, и вмѣстѣ съ товарами взялъ себѣ такую жену, которая-бы возбуждала къ истребленію ихъ. Никто не зналъ, откуда онъ ее взялъ, онъ

и женился-то на ней лишь спустя шесть мѣсяцевъ, испробовавъ сначала ея пригодность за прилавкомъ. Впрочемъ, мнѣнія насчетъ ея въ Вошанѣ были различны: одни говорили, что она великолѣпна; другіе-же называли ее жандармомъ. Это была большая женщина, съ крупными чертами лица, съ жесткими курчавыми волосами, падавшими ей на глаза. Но всѣ единогласно признавали ея умѣнье „опутывать мужчинъ“. У нея были прекрасные глаза и она злоупотребляла ими, пристально взглядывая на кавалеровъ диванной, которые блѣднѣли и покорялись. Затѣмъ, носились слухи, что у нея прекрасное тѣло, а на югѣ это любятъ. Картье умеръ страннымъ образомъ. Поговаривали о ссорѣ между супругами, о нарывѣ, образовавшемся вслѣдствіе удара ногой въ животъ. Однако, Меланія оставалась въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ-какъ дѣла кафе вовсе не шли. Картье пропилъ дядюшкины деньги на свои собственные водки и проигралъ на своемъ-же биліардѣ. Думали даже, что она принуждена будетъ продать заведеніе. Но жизнь эта ей нравилась и какъ женщина, она нашла возможность устроиться. Ей нужны были лишь немногіе потребители, большая комната могла оставаться пустой. Итакъ, она только оклеила диванную бѣлыми съ золотомъ обоями и перемѣнила обивку диванчиковъ. Сначала она тамъ возсѣдала съ аптекаремъ, потомъ съ фабрикантомъ вермишели, со страпчимъ, съ отставнымъ судьей. Такимъ образомъ кафе оставалось открытымъ, хотя въ немъ не подавалось и двадцати порцій въ день. Городскія власти смотрѣли сквозь пальцы на заведеніе, такъ-какъ внѣшнія приличія были соблюдены, и такъ-какъ иначе многія почтенныя личности были-бы скомпрометированы.

Вечеромъ, въ большей комнатѣ, четыре или пять мелкихъ капиталистовъ продолжали приходить играть въ домино. Картье умеръ, „Парижскій Кафе“ принималъ странныя манеры; они-же ничего не видѣли и сохраняли свои привычки. Такъ-какъ гарсонъ сталъ болѣе ненуженъ, то Меланія его отпустила. Фрозина зажгала лишь одинъ газовый рожокъ въ углу для игроковъ въ домино. Иногда, однако, кучка молодыхъ людей, привлеченныхъ ходящими по городу разсказами и возбуждавшихъ другъ друга идти къ Меланіи, врывалась въ кафе съ громкимъ и нѣсколько сконфуженнымъ смѣхомъ. Но ихъ встрѣчали съ такимъ ледянымъ достоинствомъ! Хозяйки они не видѣли или, если она была тамъ,

то уничтожала ихъ презрѣніемъ красивой женщины и они окончательно конфузились. Меланія была слишкомъ умна, чтобы позволить себѣ глупость. Въ то время, какъ въ большой, темной комнатѣ, съ однимъ освѣщеннымъ угломъ, игроки механически передвигали свои домино, она сама прислуживала кавалерамъ диванной, любезная безъ вольности, позволяя себѣ лишь изрѣдко опереться на плечо одного изъ нихъ, чтобы прослѣдить ловкій ходъ въ экарте. Однажды вечеромъ, господа эти, стерпѣвшіеся уже другъ съ другомъ, къ изумленію своему увидѣли капитана Бурля въ диванной. Утромъ онъ зашелъ выпить рюмочку полынной настойки и наединѣ съ Меланіей разговаривался. Вечеромъ, когда онъ пришелъ опять, Фрозина провела его прямо въ диванную.

Два дня спустя, Бурль царствовалъ тамъ, но не прогналъ ни аптекаря, ни фабриканта вермишели, ни страпчаго, ни судьи. Капитанъ, маленькій и очень толстый, обожалъ большихъ женщинъ. Въ полку его прозвали „юбочникъ“, за его постоянную жажду женщинъ, за его ненасытный аппетитъ, удовлетворявшійся чѣмъ и какъ попало и тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ кусокъ былъ жирнѣе. Каждый разъ, какъ офицеры или даже простые солдаты встрѣчали какое-нибудь чудовище толщины, какую-нибудь великаншу, напитанную жиромъ, будь она въ отрепьяхъ или въ шелку, они восклицали: „вотъ еще лакомый кусочекъ для „юбочника!“ Онъ не пропускалъ ни одной; и вечеромъ, собравшіеся товарищи предсказывали, что онъ когда-нибудь околѣетъ отъ этого. А потому Меланія, это прекрасное женское тѣло, забрала его всего, съ неотразимою силой. Онъ утонулъ, уничтожился въ ней.

Черезъ шесть мѣсяцевъ, онъ впалъ въ одуреніе жирнаго чело-вѣка, который тратилъ себя, не худѣя. Глаза въ его раздутомъ лицѣ мигали и постоянно глядѣли въ глаза молодой женщины, подобно послушной и боязливой собагѣ. Онъ забывался въ непрерывномъ обожаніи передъ ея жесткими вьющимися волосами, ея широкимъ мужскимъ лицомъ съ большими глазами; и, изъ боязни, чтобы она не отрѣзала ему провіантъ, какъ онъ говорилъ, онъ принималъ все и давалъ все. Одинъ сержантъ выразилъ такимъ образомъ положеніе: „юбочникъ нашелъ свою яму—въ ней онъ и останется. Пропашій челоувѣкъ!“

Было около десяти часовъ, когда маіоръ Лагитъ съ яростью отворилъ опять дверь „Парижскаго Кафе“. Въ широкораспахнув-

шейся двери на минуту мелькнула темная, обращенная ливнемъ въ грязное болото площадь Пала. Маіоръ, промокшій до костей, и оставляя за собой потоки воды, прямо направился къ конторкѣ, гдѣ Фрозина читала романъ.

— Мерзавка! закричалъ онъ, — ты вздумала надъ военными потѣшаться? Тебя-бы стояло...

И онъ занесъ руку, изображая въ воздухѣ ударъ, который могъ-бы повалить быка. Служанка въ ужасѣ отшатнулась, а посьтители, разинувъ рты, смотрѣли, ничего не понимая. Но маіоръ летѣлъ уже дальше; онъ толкнулъ дверь диванной и прямо наскочилъ на Бурля и Меланію, какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда она изъ любезности пошла съ ложечки громомъ капитана, подобно тому, какъ кормятъ любимаго чижики. Въ этотъ вечеръ приходили только отставной судейскій да аптекарь и оба ушли рано, опечаленные. А Меланія, которой необходимо было достать двѣсти франковъ на завтра, пользовалась случаемъ, чтобы быть очень ласковой.

— Ну, ну, миленокъ... дай свой ротикъ... Вкусно? а? поросенокъ ты эдакій!

Капитанъ красный, осовѣлый, съ тусклыми глазами, сосалъ ложечку съ видомъ невыразимаго наслажденія.

— Чортъ тебя деря! заоралъ маіоръ съ порога, — тебя ужъ бабы сторожатъ теперя! А мнѣ говорятъ, что ты не приходишь, спроваживаютъ меня, а ты преспокойно тутъ нѣжиться изводишь!

Бурль, оттолкнувъ отъ себя грогъ, задрожалъ. Меланія, сердитымъ порывомъ, выступила впередъ, какъ-бы желая защитить его своимъ тѣломъ. Но Лагитъ посмотрѣлъ ей въ лицо съ тѣмъ спокойнымъ и рѣшительнымъ видомъ, который хорошо знакомъ женщинамъ, когда имъ грозитъ оплеуха.

— Оставьте насъ, сказалъ онъ просто.

Съ минуту она колебалась. Потомъ почувствовала вліяніе оплеухи и, блѣднѣя отъ злости, рѣшилась уйдти къ Фрозинѣ за конторку.

Когда они остались, наконецъ, одни, маіоръ Лагитъ всталъ передъ капитаномъ; потомъ, скрестивъ руки на груди и нагнувшись къ нему, закричалъ во весь голосъ:

— Свинья!

Тотъ, ошеломленный, хотѣлъ было разсердиться. Но майоръ не далъ ему времени.

— Молчи!.. Ты мерзко поступилъ съ пріятелемъ. Ты подсу-
нулъ мнѣ фальшивыя квитанціи, которыя-бы насъ повели на ка-
торгу. Хорошо это? Развѣ такія вещи дѣлають, когда люди
тридцать лѣтъ знаютъ другъ друга?

Бурль, упавшій на стулъ, позеленѣлъ. Лихорадочная дрожь
пробѣгала по его членамъ. Маіоръ продолжалъ, ходя вокругъ
него и колота кулакомъ по столамъ.

— Такъ ты укралъ для этого верблюда!.. Если-бы ты укралъ
для матери, это еще было бы уважительно. А то, Господи Боже
мой! жрать почти нечего, а онъ тащитъ деньги въ этотъ ка-
бакъ—вѣдь вотъ что меня обьситъ!—Ну, скажи, что у тебя въ
головѣ, чтобы въ твои лѣта связываться съ этимъ жандармомъ?
Не лги, я сейчасъ васъ засталъ за вашими пакостями.

— Вѣдь ты-же играешь, зайнулся-было капитанъ.

— Да, играю, чортъ меня побори! возразилъ маіоръ еще бо-
лѣе взбѣшенный этимъ замѣчаніемъ;—и я порядочная свинья за
то, потому-что я проигрываю все свое жалованье и что я этимъ
несколько не дѣлаю чести французской арміи. Но, чортъ тебя
дери! Если я и играю, то не краду!.. Околѣвай, коли хочешь,
пускай и мать и птенецъ околѣвають, только уважай кассу и не
запутывай друзей!

Онъ замолчалъ. Бурль оставался съ неподвижными глазами,
одурѣвшій. Въ продолженіи минуты слышенъ былъ только стукъ са-
поговъ маіора.

— И ни копѣйки! началъ онъ опять съ сердцемъ.— Можешь
ты себя представить между двумя жандармами? Ахъ, ты свинья!
Онъ успокоился, взялъ его за руку и заставилъ встать.

— Ну, пойдешь! Надо сейчасъ что-нибудь попытать, я не
хочу лечь спать съ такой тяжестью на желудкѣ... Я кое-что
придумалъ.

Въ большой комнатѣ Меланія и служанка Фрозина живо раз-
говаривали вполголоса. Когда Меланія увидѣла выходящихъ муж-
чинъ, она осмѣлилась подойти къ Бурлю и сказала тоненькимъ
голоскомъ:

— Какъ? капитанъ, вы уже уходите?

— Да, онъ уходитъ, грубо отвѣчалъ Лагитъ, — и надѣюсь, что его нога не будетъ больше въ вашей грязной ямѣ.

Испуганная служанка дергала свою госпожу за платье, бормоча слово „пьяница“. На этотъ разъ, маіоръ пустилъ оплеуху, которая жгла ему руку уже нѣсколько минутъ.

Бъ счастію, обѣ женщины нагнулись и онъ задѣлъ только шиньонъ Фрозины, приплюснулъ ея чепецъ и сломалъ гребенку.

Мелкіе капиталистики вознегодовали.

— Чортъ-бы ихъ взялъ! пойдемъ скорѣе, сказалъ Лагитъ, выталкивая Бурля на улицу.—Если я еще останусь, такъ я ихъ тамъ всѣхъ переколочу.

Когда они проходили черезъ площадь, вода доходила имъ до щиколодки. Дождь, подгоняемый вѣтромъ, ручьями лился по ихъ лицамъ. Между тѣмъ какъ капитанъ молча шелъ въ темнотѣ, маіоръ опять принялся ругаться и упрекать за его „мерзости“ еще съ большимъ ожесточеніемъ.

Не правда-ли, хорошая погода, чтобы бѣгать по улицамъ? Если-бы онъ не надѣлалъ глупостей, оба они были-бы теперь въ теплой постели, вмѣсто того, чтобы бродить по лужамъ. Потому онъ заговорилъ о Ганье. Мошенникъ, который три раза своимъ испорченнымъ мясомъ произвелъ колики въ цѣломъ полку! Черезъ восемь дней кончался съ нимъ контрактъ. Ужъ въ слѣдующій разъ ни за что-бы не приняли его предложеній!

— Это ужъ мое дѣло, я дѣлаю, что хочу, ворчалъ маіоръ.— Я-бы скорѣй согласился руку себѣ отрубить, нежели дать нажать копѣйку этому отравителю!

Онъ поскользнулся, по колѣно ушелъ въ лужу и, прерывающимся отъ злости голосомъ, прибавилъ:

— Ну, я пойду къ нему... Я взойду, а ты меня подожди... Посмотрю, есть-ли совѣсть у этого ерзавца, и посмѣетъ-ли онъ идти завтра къ полковнику, какъ онъ грозилъ... Съ мясникомъ! чортъ возьми! Скомпрометироваться съ мясникомъ! Да, ты не гордъ;—вотъ этого я тебѣ никогда не прощу.

Они пришли на площадь. Домъ Ганье былъ совершенно темный; но Лагитъ громко постучалъ и ему отворили. Оставшись одинъ среди темной ночи, капитанъ Бурль даже и не подумалъ поискать пріюта. Онъ остался на углу рынка подъ проливнымъ дождемъ, съ головой, наполненной страшнымъ шумомъ, который

и́шалъ ему думать. Ему не было скучно, онъ не замѣчалъ времени. Домъ, съ своими запертыми окнами и дверьми, казался мертвымъ и онъ смотрѣлъ на него. Когда маіоръ вышелъ отсюда, черезъ часъ, капитану показалось, что онъ только-что туда взошелъ.

Лагитъ не говорилъ ни слова, Бурль не осмѣливался спрашивать. Съ минуту они поискали, угадывая другъ-друга въ темнотѣ. Потомъ они опять пошли по темнымъ улицамъ, по которымъ вода лилась рѣвкой. Они шли рядомъ, молча; маіоръ, погруженный въ молчаніе, даже не ругался. Однако, когда они проходили по площади Палэ и Парижскій кафе былъ еще освѣщенъ, онъ ударилъ Вурля по плечу и сказалъ:

— Если ты когда-нибудь вернешься въ эту яму...

— Не бойся, отвѣчалъ капитанъ, не давь ему докончить.

И онъ протянулъ ему руку; но Лагитъ возражалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! я тебя провожу до дому. Такимъ образомъ я буду по крайней мѣрѣ увѣренъ, что ты не вернешься туда сегодня.

Они продолжали идти. Когда они пошли по улицѣ Реколлэ, оба стали идти тише. Потомъ, передъ своей дверью, капитанъ вынулъ изъ кармана ключъ и рѣшился.

— Ну, что? спросилъ онъ.

— Что? отвѣчалъ маіоръ, — то, что я такая-же свинья, какъ и ты! Да, я сдѣлалъ гадость... Чтобъ тебя черти взяли! Наши солдаты будутъ три мѣсяца дохлятину есть.

И онъ объяснилъ, что Ганье, этотъ отвратительный Ганье, мало-по-малу заставилъ его согласиться на разныя условія; онъ соглашался не ходить къ полковнику, онъ даже подарить эти двѣ тысячи франковъ, замѣнивъ фальшивыя росписки настоящими, подписанными имъ самимъ; но за то онъ требовалъ, чтобы маіоръ, на слѣдующихъ торгахъ, оставилъ за нимъ поставку мяса.

На томъ и порѣшили.

— Каково? сказалъ Лагитъ, — порядочно онъ, должно-быть, надуваетъ, если бросаетъ намъ такъ двѣ тысячи франковъ!

Бурль, задыхаясь отъ волненія, схватилъ руки своего стараго друга и съ силой жалъ ихъ. Онъ могъ только пробормотать неясныя слова благодарности. Гадость, которую сдѣлалъ Лагитъ, чтобы спасти его, трогала его до слезъ.

— Въ первый разъ въ жизни, бормоталъ тотъ. — Надо было... Боже мой! не имѣть двухъ тысячъ франковъ! Это одно можетъ отвратить отъ картъ навсегда... По дѣломъ имѣ!.. Только, послушай, не начинай опять, а я ужь ни за что!

Капитанъ обнялъ его. Когда онъ вошелъ въ домъ, маіоръ остался еще съ минуту передъ запертой дверью, чтобы увѣриться, что тотъ идетъ ложиться. Потомъ пробило полночь, дождь все еще продолжалъ лить на сонный городъ и маіоръ съ трудомъ добрался до своего жилья. Мысль о солдатахъ мучила его. Онъ остановился и измѣнившимся, полнымъ состраданія голосомъ, проговорилъ:

— Бѣдняги! Сколько имъ придется съѣсть коровьяго мяса на двѣ тысячи франковъ!

III.

Въ полку всѣ удивлялись. Юбочникъ порвалъ съ Меланіей. Черезъ недѣлю это было неопровержимо доказано: капитанъ ногой не ступалъ въ Парижскій кафе; рассказывали, что аптекаръ завладѣлъ еще теплымъ мѣстомъ въ большему огорченію отставного судьи. И еще болѣе удивительный фактъ: капитанъ Бурль жилъ дома взаперти. Онъ положительно исправлялся; проводилъ вечера у камина и репетировалъ уроки Шарля. Мать его, не сказавшая ему ни слова объ его штукахъ съ Ганье, сохраняла свой строгій видъ; но взглядъ ея говорилъ, что она вѣрила въ его исправленіе. Двѣ недѣли спустя, маіоръ Лагитъ пришелъ къ нимъ обѣдать. Ему было немного совѣстно встрѣтиться съ Бурлемъ, не за себя, а за капитана, которому онъ боялся напомнить непріятныя вещи. Однако, такъ-какъ капитанъ переродился, онъ хотѣлъ пожать ему руку и раздѣлить съ нимъ хлѣбъ-соль.

Бурль былъ въ своей комнатѣ, когда Лагитъ явился. Его встрѣтила г-жа Бурль. Сказавъ, что онъ пришелъ обѣдать, онъ прибавилъ, понизивъ голосъ:

— Ну, что? Какъ?

— Все идетъ прекрасно, отвѣчала старушка.

— Ничего подозрительнаго?

— Ровно ничего. Ложится въ девять часовъ, никуда не выходитъ и, кажется, очень счастливъ.

— Ну вотъ это мило! воскликнулъ маіоръ. Я зналъ, что его надо только встряхнуть. У него, у скотинны, вѣдь еще сердце есть. Когда пришелъ Бурль, онъ чуть не раздавилъ ему руки. И до обѣда, всѣ, усѣвшись передъ каминомъ, занялись разговоромъ, восхваляли прелести семейной жизни. Капитанъ объявилъ, что лучше дома ничего нѣтъ; когда онъ сниметъ подтяжки, надѣнетъ туфли и растянется передъ каминомъ—ему и чортъ не братъ. Маіоръ соглашался, разсматривая его. Хорошее поведение его не изнурило: онъ еще болѣе раздулся, глаза и носъ опухли, губы сдѣлались толще. Онъ почти дремалъ, опустившись въ своею жиру.

— Ахъ! Семейная жизнь! Семейная жизнь! повторялъ онъ,—ничего нѣтъ лучше.

— Это все прекрасно, сказалъ маіоръ, озабоченный его разжирѣлымъ видомъ, но преувеличивать ничего не надо... Дѣлай моціонъ, приходи иногда въ кафе.

— Въ кафе? Зачѣмъ это?.. У меня здѣсь все, что мнѣ нужно. Нѣтъ, нѣтъ, я остаюсь дома.

Шарль убиралъ свои книги и тетради, а Лагитъ удивился, увидѣвъ горничную, которая пришла накрывать на столъ.

— Вы наняли прислугу? обратился онъ къ г-жѣ Бурль.

— Надо было, отвѣчала, вздохнувъ, г-жа Бурль. Ноги мои плохи стали, все хозяйство пошло въ разбродъ. Къ счастью, старикъ Каброль далъ мнѣ свою дочь. Вы знаете Каброя? Это старикъ, который мететъ рынокъ... Онъ не зналъ, куда дѣвать Розу. Я пріучаю ее стряпать.

Горничная вышла.

— Который-же ей годъ? спросилъ маіоръ.

— Семьнадцать только. Глупа, неопрятна; но я ей плачу только десять франковъ въ мѣсяцъ, и она ѣсть одинъ супъ.

Когда Роза вошла опять съ грудой тарелокъ, Лагитъ, который мало интересовался женщинами, смотрѣлъ на нее, удивляясь, что она такъ дурна. Она была маленькаго роста, черная, слегка сгорбленная, лицо какъ у обезьяны, съ плоскимъ носомъ, ртомъ до ушей и маленькими зеленоватыми глазами. Съ широкими боками и длинными руками, она казалась очень сильною.

— Чортъ возьми, вотъ такъ рожа! со смѣхомъ сказалъ Лагитъ, когда она вышла за солью и перцомъ.

— Ба! пробормотала небрежно Бурль, она очень услужлива, дѣлаетъ все, что ей велятъ; во всякомъ случаѣ для судомойки годится.

Обѣдъ былъ прекрасный. Былъ супъ съ капустой и рагу изъ баранины. Шарля заставили рассказывать школьныя исторіи. Г-жа Бурль, чтобы показать, какъ онъ милъ, нѣсколько разъ спрашивала: „не правда-ли, ты хочешь быть военнымъ?“ И слабая улыбка появлялась на ея блѣдныхъ губахъ, когда ребенокъ отвѣчалъ съ боязливой покорностью ученой собаченки: „да, бабушка“. Капитанъ Бурль, положивъ локти на столъ, глубокомысленно жевалъ. Въ комнатѣ было очень жарко; единственная лампа, освѣщающая столъ, оставляла углы комнаты во мракѣ. Чувствовалось тяжелое благосостояніе кружка людей бѣдныхъ, которые не мѣняютъ тарелки для каждаго кушанья, и у которыхъ блюдо битыхъ сливокъ въ концѣ обѣда возбуждаетъ шумную веселость.

Роза, которая своими тяжелыми шагами потрясала столъ, когда она проходила сзади сидящихъ, не открывала еще рта. Она встала около капитана и хриплымъ голосомъ спросила:

— Вамъ угодно сыру?

— А? Что? сказалъ Бурль, вздрогнувъ.— Да, сыру и держи хорошенько тарелку.

Онъ отрѣзалъ себѣ кусокъ сыру, между тѣмъ какъ дѣвушка глядѣла на него своими узкими глазами. Лагитъ смѣялся. Съ самаго начала обѣда, Роза забавляла его. И онъ шепталъ на ухо капитану:

— Нѣтъ, знаешь, она поразительна! Что за носъ, что за ротъ! Пошли ее когда-нибудь къ полковнику, чтобы показать ее. Это его позабавитъ.

Это безобразіе приводило его въ восторгъ.

— Послушайка-ка, голубушка, а мнѣ? Мнѣ тоже хочется сыру.

Она подошла съ тарелкой, а онъ, воткнувъ ножикъ въ сыръ, забывался смотря на нее, смѣясь отъ удовольствія, забавляясь тѣмъ, что у нея одна ноздря больше другой. Роза, очень серьезная, позволяла себя разсматривать, ожидая, когда господинъ кончитъ смѣяться.

Она убрала со стола и исчезла. Бурль тотчасъ-же заснулъ у камина, между тѣмъ какъ маіоръ и г-жа Бурль разговаривали

вполголоса. Шарль опять засѣлъ за уроки. Въ комнатѣ было мирно; это былъ миръ иѣщанскихъ семей, которыхъ доброе согла- сіе соединяетъ въ одной комнатѣ. Въ девять часовъ Бурль всталъ, зѣвая, и объявилъ, что пойдетъ спать. Когда, полчаса спустя, маіоръ ушелъ, г-жа Бурль тщетно искала Розу, чтобы посвѣтить; она, должно-быть, ушла въ свою каморку; настоящая курица, эта дѣвченка, спитъ по двѣнадцати часовъ безъ просыпу.

— Не безпокойте никого, сказалъ Лагитъ, который отворилъ дверь.—Хоть ноги у меня и не лучше вашихъ, но, держась за перила, я ничего себѣ не сломаю... Итакъ, сударыня, я очень радъ. Ваши горести кончились. Я изучилъ Бурля и, клянусь вамъ, что онъ не скрываетъ никакой штуки. Чортъ возьми! Пора было ему перестать бѣгать за юбками. А то было скверно!

Маіоръ ушелъ успокоенный. Хорошіе люди и домъ какъ стек- лянный, невозможно спрятать въ немъ никакихъ гадостей.

Что его особенно восхищало въ этомъ исправленіи—это было то, что ему не надо больше провѣрять книги капитана. Ничто не надоѣдало ему такъ, какъ эти бумаги. Такъ-какъ Бурль ис- правился, то онъ могъ спокойно курить трубку и дѣлать подписи съ закрытыми глазами. Однако, онъ все-таки смотрѣлъ однимъ гла- зомъ. Росписки были настоящія, итоги—вѣрны; никакой фальши. Черезъ мѣсяць маіоръ только перелистывалъ росписки и провѣ- рялъ итоги, какъ онъ это дѣлалъ и прежде. Но, однако-же, ма- шинально, закуривая трубку, онъ провѣрилъ сложеніе и замѣтилъ ошибку въ тринадцать франковъ; въ итогѣ оказалось тринадцать франковъ лишнихъ, поставленныхъ для того, чтобы уравнивать сче- та, между тѣмъ какъ не было ошибки въ слагаемыхъ, которыя онъ провѣрилъ по роспискамъ. Это показалось ему подозритель- нымъ; онъ ничего не сказалъ объ этомъ Бурлю и далъ себѣ слово провѣрить всѣ итоги. На слѣдующей недѣлѣ опять ошибка около девятнадцати франковъ. Тогда, мучимый безпокойствомъ, онъ за- перся съ счетными книгами, провелъ ужасное утро въ пересмот- рахъ, въ сложеніяхъ, потѣя, ругаясь, съ головой, трещащей отъ цифръ. И при каждомъ итогѣ онъ замѣчалъ обманъ въ нѣсколь- ко франковъ; и по какинь мелочамъ: десять франковъ, девять франковъ, одиннадцать; въ послѣднихъ счетахъ даже четыре и три франка, былъ даже одинъ, на которомъ Бурль взялъ только полтора франка. Около двухъ мѣсяцевъ уже капитанъ обкрады-

валь такимъ образомъ свою кассу. Сравнивая числа, маіоръ увидѣлъ, наконецъ, что послѣ того знаменитаго урока, Бурль ровно недѣлю держалъ себя хорошо. Открытіе это повергло его въ совершенное отчаяніе.

— Господи, Боже мой! оралъ онъ, колотя кулаками по книгамъ, это ужъ еще хуже. По-крайней-мѣрѣ, фальшивыя росписки Ганье—это было смѣло... А это! Чортъ возьми! Вѣдь это все равно, что вухарка, которая учитываетъ копѣйки на провизіи... Подводить фальшивыя итоги! Класть полтора франка въ карманъ! Чортъ возьми! чортъ возьми! да будь-же болѣе гордъ, свинья! Утащи всю кассу, да и прокути ее съ аетрисами!

Постыдная мелочность этихъ кражъ его возмущала; кромѣ того, онъ бѣсился, что его надули опять, посредствомъ этихъ фальшивыхъ итоговъ, такъ просто и такъ глупо. Онъ всталъ и два часа ходилъ по своему кабинету внѣ себя, не зная, что дѣлать, громко разсуждая:

— Рѣшительно это пропащій человѣкъ. Надо дѣйствовать... Если я ему каждое утро буду задавать головоломку, то это все-таки не помѣшаетъ ему власть каждый день три франка въ карманъ. Однако, чортъ его дери! Куда онъ это дѣваетъ? Онъ больше не выходитъ, ложится въ девять часовъ, и все, кажется, такъ честно и такъ мило у нихъ!.. Неужели эта свинья имѣетъ еще пороки, о которыхъ никто не знаетъ?

Онъ опять сѣлъ за столъ и сложилъ украденныя суммы; оказалось, что недоставало пяти-сотъ сорока-пяти франковъ. Гдѣ взять эти деньги? Ревизія приближалась, стоило только полковнику-маньяку вздумать провѣрить одинъ итогъ и вся исторія открыта. На этотъ разъ Бурль погибъ.

Мысль эта успокоила маіора. Онъ уже больше не ругался, онъ весь похолодѣлъ: образъ г-жи Бурль, прямой и отчаянный, стоялъ передъ нимъ. Въ то-же время сердце его сжималось и отъ собственного чувства такъ, что, казалось, грудь была готова разорваться.

— Надо, прежде всего, бормоталъ онъ,—узнать истину въ штукахъ этой скотины. Дѣйствовать будетъ еще время и послѣ.

Онъ отправился въ канцелярію Бурля. Подходя, онъ увидѣлъ конецъ юбки, исчезающей за дверь. Думая напасть на слѣдъ, онъ прокрался сзади нея и сталъ слушать. Это была Меланія: онъ

узналъ ее по ея топенькому голосу полной женщины. Она жаловалась на кавалеровъ диванной, говорила о роспискѣ въ двѣсти франковъ, которую она не знала какъ заплатить. Имущество ея описываютъ, все будетъ продано. Потомъ, такъ-какъ капитанъ едва отвѣчалъ, говоря, что у него нѣтъ ни гроша, она разразилась слезами. Она стала говорить ему „ты“, называла его „миленокъ“. Но какъ она ни старалась, оболещенія ея, должно-быть, не имѣли никакого успѣха, глухой голосъ Вурля повторялъ: „невозможно! никакъ невозможно!“ Черезъ часъ, когда Меланія вышла, она казалась взбѣшенной. Маіоръ, удивленный этимъ оборотомъ вещей, подождалъ немного, потомъ вошелъ въ комнату, гдѣ капитанъ оставался одинъ. Онъ нашелъ его очень спокойнымъ и, несмотря на сильное желаніе обругать его свиньей, не сказалъ ему ничего, рѣшившись узнать прежде всего правду.

— Не правда-ли, это вѣдь—эта дрянъ Меланія, которая только-что вышла отсюда? спросилъ Лагитъ.

Вурль пожалъ плечами, проворчавъ:

— Да... Она опять приходила, чтобы выманить у меня двѣсти франковъ... Ни десяти франковъ! ни десяти су!

— А! возразилъ тотъ, чтобы испытать его,—миѣ говорили, что ты съ ней видишься.

— Я?... Вотъ ужъ нѣтъ! Будетъ съ меня этихъ верблюдовъ-то.

Лагитъ ушелъ озадаченный. На что-же пошли пять сотъ сорокъ пять франковъ? Развѣ разбойникъ этотъ послѣ женщины вздумалъ требовать вино и карты? Онъ далъ себѣ слово пойти въ тотъ-же вечеръ къ Вурлю; можетъ быть, заставивъ его разговариваться, разспросивъ мать, онъ узнаетъ истину. Но цѣлый день у него проболѣла нога; съ нѣкоторыхъ поръ ему стало очень плохо и онъ долженъ былъ рѣшиться ходить съ палкой, чтобы не хромать слишкомъ замѣтно. Палка эта приводила его въ отчаяніе. Какъ онъ говорилъ съ огорченнымъ озлобленіемъ, теперь онъ считался инвалидомъ. Однако, вечеромъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ поднялся съ кресла и, опираясь на палку въ темнотѣ, дотащился до улицы Реколле. Было девять часовъ, когда онъ пришелъ туда. Внизу дверь на улицу была полуоткрыта. Остановившись отдохнуть на площадкѣ третьяго этажа, онъ услышалъ голоса въ верхнемъ этажѣ: это удивило его. Ему послышался голосъ Вурля. Изъ любопытства онъ поднялся выше. Въ

конецъ корридора, налѣво, изъ притворенной двери виднѣлась полоса свѣта; но при скрипѣ его сапоговъ, дверь затворилась и онъ остался въ совершенной темнотѣ.

— Какая глупость! подумалъ онъ. — Какая-нибудь кухарка ложится спать. Однако, онъ какъ можно тише подошелъ къ двери и приложилъ ухо. Два голоса разговаривали. Онъ разинулъ ротъ отъ изумленія. Это были: этотъ свинья Бурль и этотъ уродъ Роза.

— Ты мнѣ обѣщала три франка, грубо говорила служанка. — Дай мнѣ три франка.

— Милочка моя, я принесу ихъ тебѣ завтра, умолялъ капитанъ. Сегодня я не могъ... Ты знаешь, я всегда держу свои обѣщанія.

— Нѣтъ, дай мнѣ три франка или уходи вонъ.

Она, должно-быть, была уже раздѣта и сидѣла на краю постели, которая скрипѣла при каждомъ движеніи. Капитанъ, стоя, переминался на мѣстѣ. Онъ подошелъ къ ней.

— Будь милая. Дай мнѣ мѣсто.

— Отстань, кричала Роза своимъ гадкимъ голосомъ. — Не то я позову, я все скажу старухѣ... Когда ты мнѣ дашь три франка...

И она твердила о своихъ трехъ франкахъ, какъ упрямая скотина, которая не хочетъ идти съ мѣста.

Бурль сердился, плакалъ; потомъ, чтобы разжалобить ее, вынулъ изъ кармана банку варенья, которую взялъ у матери изъ шкафа. Роза взяла банку и тотчасъ начала ѣсть, безъ хлѣба ручкой вилки, которая валялась въ комнатѣ. Очень было вкусно. Но, когда капитанъ уже думалъ, что тронулъ ее, она оттолкнула его съ прежнимъ упрямствомъ.

— Очень мнѣ нужно твое варенье!.. Мнѣ три франка надо!

При этомъ требованіи, маіоръ поднялъ палку, чтобы проломать дверь. Онъ задыхался. Чортъ возьми! Эдакая гадина! И капитанъ французской арміи можетъ сносить это! Онъ забывалъ всю мерзость Бурля, ему хотѣлось задушить эту противную женщину за ея манеры. Можно-ли торговаться съ такой рожей! Она-бы еще должна была платить! Но онъ удержался, чтобы услышать, что будетъ дальше.

— Ты меня очень огорчаешь, повторялъ капитанъ. — Я вѣдь

былъ такъ добръ къ тебѣ. Я тебѣ подарилъ платье, потомъ сережки, потомъ часики... Ты никогда не носишь мои подарки.

— Вотъ еще! чтобы испортить! Отецъ для меня ихъ сохраняетъ.

— А денегъ-то я тебѣ далъ сколько!

— Отецъ мнѣ ихъ помѣщаетъ на проценты.

Настало молчаніе. Роза размышляла.

— Слушай, если ты поклянешься, что принесешь мнѣ шесть франковъ завтра вечеромъ, тогда хорошо. Стань на колѣни и клянись, что ты принесешь мнѣ шесть франковъ... Нѣтъ, нѣтъ, на колѣни.

Маіоръ Лагитъ дрожа, отошелъ отъ двери и остановился на площадкѣ, прислонившись къ стѣнѣ, потрясая палкой, какъ саблей, въ темнотѣ лѣстницы. Ахъ, ты чортъ! Теперь онъ понималъ, отчего этотъ свинья Бурль не выходилъ больше изъ дома! Хорошо исправленіе, нечего сказать! Да еще съ эдакой гадостью, которой послѣдній рядовой не тронуть-бы!

— Но чортъ его деря! Зачѣмъ онъ не остался съ Меланіей? проговорилъ маіоръ вслухъ.

Что дѣлать теперь? Войти и отколотить ихъ палкой? Это была его первая мысль; потомъ онъ подумалъ о бѣдной старухѣ. Лучше всего оставить ихъ съ ихъ мерзостью. Изъ капитана ничего уже не сдѣлаешь порядочнаго. Когда человѣкъ падаетъ такъ низко, его можно закопать какъ падалъ, заражающую воздухъ. И сколько его ни тычь носомъ въ его гадость, завтра онъ будетъ дѣлать то-же самое и кончить тѣмъ, что будетъ воровать копѣйки, чтобы покупать леденцы вшивымъ нищенкамъ. Господи! деньги французской арміи! и честь знамени! и имя Бурля, это уважаемое имя, которое падаетъ въ грязь! Чортъ возьми! это не можетъ такъ кончиться.

На минуту маіоръ растрогался. Если-бы еще у него были эти пять сотъ сорокъ пять франковъ; но ни копѣйки! Наванутъ онъ такъ напился коньяку, что расхворался. И подѣломъ ему, если онъ теперь едва тащится, стоило-бы околотъ за это!

Оставивъ обоихъ въ покоѣ, онъ сошелъ и позвонилъ у г-жи Бурль. Черезъ цѣлыя пять минутъ, сама старушка отворила дверь.

— Извините, сказала она. — Я думала, что этотъ сурокъ Роза еще здѣсь... Надо пойти растолкать ее.

Маіоръ остановилъ ее.

— А Бурль? спросилъ онъ.

— О, тотъ храпитъ съ девяти часовъ... Хотите постучаться къ нему?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я хочу только немножко поболтать съ вами.

Въ столовой, — Шарль, передъ столомъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, только-что кончилъ свои уроки. Но у него былъ перепуганный видъ и его блѣдныя блѣдныя руки дрожали. Бабушка, передъ тѣмъ какъ послать его спать, читала ему рассказы о сраженіяхъ, чтобы развить въ немъ семейный героизмъ. Въ этотъ вечеръ, рассказъ „Мститель“, корабль съ умирающими, который погружается въ море, довелъ ребенка почти до нервнаго припадка и наполнилъ его голову страшнымъ кошмаромъ.

Г-жа Бурль попросила у маіора позволеніе докончить чтеніе. Потомъ она торжественно закрыла книгу, когда послѣдній матросъ прокричалъ: „да здравствуетъ республика!“ Шарль былъ блѣденъ какъ полотно.

— Ты слышалъ? сказала старушка. — Долгъ всякаго французскаго солдата умирать за родину.

— Да, бабушка.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и ушелъ, дрожа отъ страха въ свою огромную комнату, гдѣ онъ при каждомъ скрипѣ половицъ обливался холоднымъ потомъ.

Маіоръ слушалъ съ серьезнымъ видомъ. Да, чортъ возьми! честь есть честь и никогда онъ не допуститъ, чтобы этотъ мошенникъ Бурль обезчестилъ старушку и птенца. Если мальчугану такъ нравится военное ремесло, онъ долженъ поступить въ Сень-Сирскую школу, держа голову высоко. Однако, онъ все еще колебался при одной недоброй мысли, пришедшей ему въ голову со времени исторіи шести франковъ. Г-жа Бурль взяла лампу, чтобы проводить его. Проходя мимо комнаты капитана, она удивилась, увидѣвъ ключъ въ замкѣ, чего никогда не бывало.

— Взойдите, сказала она маіору, — ему нехорошо такъ много спать.

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ помѣшкать ей, она отворила дверь и остановилась на порогѣ, пораженная: комната была пуста.

Лагитъ ужасно покраснѣлъ и имѣлъ такой глупый видъ, что она вдругъ поняла все, освѣщенная воспоминаніемъ разныхъ мелкихъ фактовъ.

— Вы знали, вы знали, бормотала она.— Зачѣмъ-же вы меня не предупредили? Господи! въ моемъ домѣ, близъ своего сына, съ этой судомойкой, съ этимъ уродомъ!.. И онъ навѣрное опять украсть, я это чувствую!

Она стояла прямая, блѣдная, застывшая. Потомъ она прибавила суровымъ голосомъ:

— Пусть-бы ужъ онъ лучше умеръ!

Лагитъ взялъ ея обѣ руки и крѣпко сжималъ ихъ въ своихъ рукахъ. Потомъ, онъ убѣждалъ, слезы душили его. Ахъ, ты чортъ возьми! чортъ возьми! Нѣтъ, ужъ на этотъ разъ онъ рѣшился!

IV.

Генеральная ревизія должна была быть въ концѣ мѣсяца. Маіору оставалось еще десять дней. На другой-же день онъ, хромая, потащился въ Парижскій кафе, гдѣ велѣлъ подать себѣ кружку пива.

Меланія вся поблѣднѣла, а Фрозина, дрожа отъ страха, едва рѣшилась подать требуемое пиво. Но маіоръ казался очень спокойнымъ; онъ велѣлъ подать себѣ стулъ, чтобы положить на него больную ногу; затѣмъ, онъ выпилъ свое пиво съ видомъ человѣка, котораго мучить жажда. Онъ уже сидѣлъ тамъ цѣлый часъ, какъ увидѣлъ двухъ офицеровъ, проходившихъ черезъ площадь дю-Пале: то были баталіонный командиръ Морандо и капитанъ Дусэ. Онъ позвалъ ихъ, махая рукой:

— Взойдите - ка выпить кружку пива! закричалъ онъ, когда они подошли ближе.

Офицеры не посмѣли отказаться, когда служанка подала пиво.

— Вы теперъ сюда ходите? спросилъ Морандо маіора.

— Да, здѣсь пиво очень хорошо.

Капитанъ Дусэ подмигнулъ:

— А вы тоже принадлежите къ кавалерамъ диванной, маіоръ? Лагитъ засмѣялся, не отвѣчая. Тогда они стали дразнить его Меланіей, Маіоръ пожималъ добродушно плечами. Вѣдь Меланія

все-таки красивая женщина и тѣ, которые представляются, что плюютъ на нее, въ сущности были-бы очень довольны... Потому, обратясь къ прилавку и стараясь принять самый любезный видъ:

— Сударыня, еще пива! сказалъ онъ.

Меланія такъ была удивлена, что встала и сама принесла пиво. Когда она подошла къ столу, — маіоръ ее удержалъ; онъ даже ударилъ ее слегка нѣсколько разъ по рукѣ, которую она положила на спинку стула. Тогда она, привывши къ ласкамъ и шуткамъ, сама стала любезничать, думая, что это фантазія со стороны этой старой развалины, какъ его называла Фрозина. Дусэ и Морандо преглядывались. Какъ! маіоръ хочетъ замѣнить юбочника! Ахъ, ты чортъ! Вотъ смѣху-то будетъ въ полку.

Вдругъ Лагитъ, который черезъ отверенную дверь смотрѣлъ на площадь, воскликнулъ:

— Ага! Бурль!

— Да, это его часъ, сказала Фрозина. — Капитанъ проходитъ здѣсь каждый день, возвращаясь изъ своей канцеляріи.

Маіоръ, несмотря на свою больную ногу, всталъ, роняя стулъ.

— Эй, Бурль! кричалъ онъ, — иди сюда! Выпей кружку пива!

Капитанъ, ошеломленный, не понимая какъ Лагитъ могъ быть у Меланіи виѣстъ съ Морандо и Дусэ, машинально подошелъ. Онъ былъ до нельзя озадаченъ и въ нерѣшимости остановился на порогѣ.

— Кружку пива! скомандовалъ маіоръ.

Потомъ, повернувшись къ нему:

— Что съ тобой?.. Взойди-же и сядь. Развѣ ты боишься, что тебя съѣдятъ?

Когда капитанъ усѣлся, настало неловкое молчаніе. Меланія принесла кружку дрожащими руками, мучимая страхомъ какой-нибудь сцены, за которую-бы закрыли ея заведеніе.

Теперь любезность маіора ее безпокоила. Она-было попробовала скрыться, когда маіоръ пригласилъ ее выпить что-нибудь съ этими господами. Но онъ, распорядясь какъ хозяинъ, приказалъ Фрозинѣ подать рюмочку сладкой анисовой водки; и Меланія принуждена была сѣсть между нимъ и капитаномъ. Онъ повторялъ рѣзкимъ голосомъ:

— Я хочу, чтобы уважали домъ... Будемъ настоящими французскими рыцарями, чортъ возьми! За здоровье нашей дамы!

Вурль, уставивъ глаза на кружку, сконфуженно улыбался. Оба другіе офицеры, недовольные такимъ тостомъ, старались уйти. Къ счастью, комната была пуста. Одни мелкіе капиталисты, игравшіе по обыкновенію, оборачивались при каждомъ грубомъ словѣ, скандализованные и готовые пригрозить Меланіи пойти въ кафе вокзала желѣзной дороги, если военные стануть вытѣснять ихъ. Цѣлый рой мухъ носился надъ грязью столовъ, которые Фрозина теперь мыла только по субботамъ. Полулежа за конторкой, служанка принялась читать свой романъ.

— Что-же ты не хочешь чокаться съ г-жей Меланіей? грубо сказалъ маіоръ Вурлю. — Будь-же по крайней мѣрѣ вѣжливы. — И такъ-какъ Дусэ и Морандо поднимались, онъ прибавилъ:

— Подождите-же, чортъ возьми! Мы выйдемъ вмѣстѣ... Эта скотина никогда не умѣла вести себя.

Оба офицера стояли, удивленные внезапнымъ гнѣвомъ маіора. Меланія хотѣла помирить ихъ, съ своимъ смѣхомъ угодливой женщины, положивъ руку на руку обоимъ мужчинамъ. Но Лагитъ твердилъ:

— Нѣтъ, вы оставьте... зачѣмъ онъ не чокался? Я не позволю оскорблять васъ, слышите?... Наконецъ, мнѣ эта свинья надоѣла!

Вурль, блѣдный отъ этого оскорбленія, всталъ и сказалъ Морандо:

— Что это съ нимъ? Зоветь меня, чтобы сдѣлать сцену... Развѣ онъ пьянъ?

— Чортъ возьми! чортъ возьми! заоралъ маіоръ.

И вставъ, въ свою очередь, съ подкашивающимися ногами, онъ со всего размаха закатилъ капитану подщечину. Меланія успѣла только пригнуться, чтобы не получить половины ея. Поднялся страшный гвалтъ. Фрозина кричала за конторкой, какъ-будто ее били. Мелкіе капиталисты стали за свой столъ, воображая, что эти военные сейчасъ вытащутъ сабли и перерѣжутъ другъ друга. Между тѣмъ Дусэ и Морандо схватили капитана подъ руки, чтобы помѣшать ему броситься на маіора, и тихонько вели его къ выходу. На улицѣ они нѣсколько успокоили его, обвиняя во всемъ Лагита. Пускай полковникъ рѣшитъ; въ тотъ-же вечеръ они пойдутъ къ нему и изложатъ дѣло, какъ свидѣтели происшествія. Когда имъ удалось удалить Вурля, они возвратились въ

кафе, гдѣ Лагитъ, взволнованный, со слезами подъ рѣсницами, съ видимымъ хладнокровіемъ допивалъ свою кружку.

— Послушайте, маіоръ, сказалъ эскадронный командиръ, — вѣдь это очень скверно. Капитанъ не имѣетъ вашего чина и вы знаете, что ему не дадутъ позволенія драться съ вами.

— О, это мы увидимъ! сказалъ маіоръ.

— Но что-же онъ вамъ сдѣлалъ? Онъ съ вами даже и не говорилъ...

— Два старые товарища! Вѣдь это нелѣпо!

Маіоръ сдѣлалъ неопредѣленный знакъ.

— Все равно! Онъ мнѣ надоѣлъ!

И больше отъ него ничего нельзя было добиться. Больше ничего не узнали. Шуму объ этомъ за то было не мало. Общее мнѣніе въ полку было, что Меланія, взбѣшенная тѣмъ, что капитанъ ее бросилъ, велѣла маіору дать ему пощечину, такъ-какъ маіоръ также попалъ въ ея когти и она ему рассказываетъ отвратительныя исторіи.

Кто-бы подумалъ это объ этомъ старомъ хрычѣ Лагитѣ, послѣ того, какъ онъ такъ ругалъ женщинъ? И онъ, въ свою очередь, попался. Несмотря на негодованіе противъ Меланіи, происшествіе это сдѣлало изъ нея въ Вошанѣ очень видную женщину, которую въ то-же время и боялись, и желали, и дѣла которой съ той поры пошли отлично.

На другой день, полковникъ велѣлъ позвать маіора и капитана. Онъ сдѣлалъ имъ строгое внушеніе, упрекая ихъ въ томъ, что они обезчестили французскую армію въ дурномъ мѣстѣ. Что они теперь будутъ дѣлать, такъ-какъ онъ не можетъ имъ позволить драться? Вотъ вопросъ, который второй день занималъ полкъ. Извиненій, казалось, нельзя было принять, по причинѣ пощечины; однако, такъ-какъ Лагитъ съ своей больной ногой не могъ стоять, то и предполагали примиреніе, если полковникъ будетъ того требовать.

— Послушайте, сказалъ полковникъ, — хотите взять меня третейскимъ судьей.

— Извините полковникъ, перебилъ маіоръ, — я пришелъ просить отставки... Вотъ бумага. Потрудитесь назначить день встрѣчи.

Бурль посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Съ своей стороны полковникъ счелъ нужнымъ представить ему нѣкоторыя возраженія.

— Вѣдь это очень важная вещь, маіоръ, ваше рѣшеніе. Вамъ только два года оставалось до чистой отставки.

Но онъ опять перебилъ его угрожо:

— Это мое дѣло.

— О, да, разумѣется. Хорошо! я завтра-же пошлю вашу отставку и, только-что она будетъ принята, я назначу день встрѣчи.

Развязка эта изумила весь полкъ. Что-же засѣло въ этого сумашедшаго маіора, что онъ непремѣнно хочетъ рѣзаться съ своимъ старымъ товарищемъ Бурлемъ? Опять заговорили о Меланіи и объ ея прекрасномъ тѣлѣ; теперь всѣ офицеры бредили ею, раздраженные мыслью, что оно должно быть дѣйствительно очень хорошо, чтобы опутать такихъ закаленныхъ стариковъ. Начальникъ эскадрона Морандо, встрѣтившись съ Лагитомъ, не скрылъ отъ него своихъ опасеній? Если онъ не будетъ убитъ, то чѣмъ онъ будетъ жить? У него нѣтъ состоянія, а пенсія его офицерскаго креста и денегъ отставки, уменьшенныхъ на половину, ему хватитъ только на хлѣбъ. Пока Морандо говорилъ, Лагитъ пристально глядѣлъ въ пространство съ нѣмымъ упорствомъ своего узкаго черепа. Потомъ, когда тотъ попытался разспросить его о его ненависти къ Бурлю, онъ отвѣчалъ съ тѣмъ-же неопредѣленнымъ жестомъ:

— Онъ мнѣ надоѣлъ—вотъ и все!

Каждое утро въ солдатской артели, въ трактирѣ, въ пансіонѣ офицеровъ первый вопросъ былъ: „Ну что? принята-ли отставка? Ждали дуэли и азартно спорили объ исходѣ ея. Большая часть думала, что Лагитъ будетъ убитъ съ перваго удара, такъ-какъ глупо драться въ его лѣта, съ полупарализованной ногой. Нѣкоторые, однако, покачивали головой. Правда, Лагитъ никогда не блисталъ особеннымъ умомъ; напротивъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ, его ставили какъ пригѣръ тупоумія; но когда-то онъ считался первымъ фехтовальщикомъ въ полку и, начавъ съ нижнихъ чиновъ, онъ заслужилъ свои офицерскія эполеты храбростью сангвиническаго человѣка, который не сознаетъ опасности. Напротивъ, Бурль считался трусомъ и фехтоваль весьма посредственно. Однимъ словомъ, надо посмотреть. И волненіе усиливалось, такъ-какъ это чертовская отставка все не приходила.

Болѣе всѣхъ волновался и беспокоился, конечно, маіоръ Лагитъ. Недѣля уже прошла и черезъ день должна была быть ревизія.

Ничего не приходило. Онъ боялся, что даль другу пощечину,

подалъ въ отставку понапрасну, ни на минуту не отдаливъ скандала. Если онъ будетъ убитъ, то покрайней мѣрѣ, не увидитъ этого; а если онъ убьетъ Бурля, какъ онъ рассчитывалъ, дѣло будетъ тотчасъ-же замято: онъ спасаетъ честь арміи, и мальчикъ можетъ поступить въ Сенъ-Сиръ. Но чортъ возьми! Эти канцелярскія крысы должны поторопиться! Майору не терпѣлось больше на мѣстѣ; онъ бродилъ около почты, сторожилъ приходъ писемъ, спрашивалъ вѣстowego, ходилъ къ полковнику, чтобы узнать не пришло-ли что-нибудь. Онъ больше не спалъ и, не обращая ни на кого вниманія, ковылялъ, опираясь всеѣмъ тѣломъ на палку.

Наканунѣ ревизіи, онъ шелъ еще разъ къ полковнику, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ увидалъ г-жу Бурль, которая провожала Шарля въ школу. Онъ ее не видалъ съ тѣхъ поръ, она тоже нигуда не выходила. Взволнованный, онъ посторонился, чтобы дать пройти на троттуарѣ. Ни тотъ, ни другой не поклонился, что заставило Шарля поднять на нихъ свои большіе удивленные глаза. Г-жа Бурль, высокая и прямая, съ своимъ строгимъ и холоднымъ видомъ прошла мимо майора, не вздрогнувъ. Онъ-же, когда она исчезла, посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ какимъ-то растроганнымъ оцѣпенѣніемъ.

— Чортъ возьми! ужъ я развѣ больше не мужчина? ворчалъ онъ, подавляя слезы.

Когда онъ входилъ къ полковнику, офицеръ, находившійся тамъ, сказалъ ему:

— Ваша бумага только-что пришла.

— А! пробормоталъ онъ, блѣднѣя.

И опять ему представилась старушка съ ребенкомъ, съ своей неизмѣнной неподвижностью. Громы небесны! онъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ отставки всю недѣлю, а теперь этотъ клочекъ бумаги такъ его смущаетъ и жжетъ всѣ внутренности.

Дуэль состоялась на другой день на казарменномъ дворѣ позади небольшой стѣны. Было свѣжо и солнце ярко сіяло. Лагита принуждены были почти принести на мѣсто. Одинъ изъ его секундантовъ велъ его подъ руку, а другою онъ опирался на палку. Бурль, съ лицомъ заплывшимъ желтымъ жиромъ, казалось, стоя спалъ, какъ-будто изнеможенный дурно проведенной ночью. Ни слова не было произнесено. Всеѣмъ хотѣлось скорѣе покончить.

Капитанъ Дуса, одинъ изъ секундантовъ, подалъ сигналъ.

— Начинайте, господа!

Бурль тотчасъ-же началъ нападать, желая испытать маіора, чтобы знать, чего отъ него ожидать; вся эта исторія была для него какииъ-то нелѣпнымъ кошмаромъ, котораго онъ не могъ понять. Правда, приходила ему въ голову одна мысль; но онъ съ ужасомъ отталкивалъ ее, такъ-какъ мысль эта была связана съ смертью; и онъ отказывался вѣрить, чтобы его старшій другъ съигралъ съ нимъ такую штуку, чтобы устроить дѣло. Къ тому же нога Лагита успокаивала его. Онъ ранилъ его въ плечо или руку—тѣмъ все и кончится.

Въ продолженіи двухъ минутъ шпаги скрещивались и раздавался стальной звукъ. Потомъ, капитанъ отбилъ ударъ и хотѣлъ напасть. Но маіоръ, отыскавъ свою прежнюю твердость руки, страшно отпарировалъ; и если-бы капитанъ не отбилъ, то былъ-бы проткнутъ насквозь. Влѣдній, онъ видѣлъ теперь, что находится въ рукахъ этого человѣка; онъ понялъ, что это казнь.

Между тѣмъ Лагитъ, твердо стоя на своихъ больныхъ ногахъ, какъ каменный, ожидалъ. Настало нѣсколько страшно томительныхъ минутъ. Оба противника глядѣли одинъ на другого. Въ помутившихся глазахъ Бурля показалась мольба о прощеніи: онъ зналъ, за что онъ долженъ умереть, и, какъ ребенокъ, клялся больше этого не дѣлать. Но глаза маіора оставались сухи; такъ надо было; онъ душилъ въ себѣ свое волненіе добраго человѣка.

— Пора кончить, пробормоталъ онъ.

Этотъ разъ, онъ напалъ. Шпага его вдругъ сверкнула справа налѣво, вернулась опять и страшнымъ ударомъ прямо вонзилась въ грудь капитана, который упалъ какъ снопъ, безъ малѣйшаго крика.

Лагитъ уронилъ шпагу и глядѣлъ на свою бѣдную скотину Бурля, лежащаго на спинѣ своимъ толстымъ брюхомъ кверху. Въ бѣшенствѣ и изнемогая отъ волненія, онъ повторялъ:

— Ахъ, ты чортъ возьми! чортъ возьми!

Его увели. Обѣ ноги его совсѣмъ отказались, секунданти должны были поддерживать его съ обѣихъ сторонъ; онъ не могъ даже опираться на палку.

Спустя два мѣсяца, когда старшій маіоръ тащился однажды на солнышкѣ по одной изъ пустынныхъ улицъ Вошана, онъ вдругъ очутился опять лицомъ къ лицу съ г-жею Бурль и маленькимъ

Шарлемъ. Оба были въ глубокомъ траурѣ. Онъ хотѣлъ убѣжать, но ноги его не слушались и они шли прямо къ нему ни убавляя, ни прибавляя шагу. Шарль по-прежнему имѣлъ свое испуганное дѣвичье личико. Г-жа Бурль сохранила свое неподвижное, но еще болѣе жесткое и морщинистое, лицо. Когда Лагитъ прижался къ воротамъ, чтобы оставить имъ всю улицу, она вдругъ остановилась противъ него и протянула руку. Онъ колебался, наконецъ, взялъ и пожалъ ее; но онъ такъ дрожалъ, что трясъ всю руку старушки. Настало молчаніе, они обмѣнялись взглядами.

— Шарль, сказала, наконецъ, бабушка, — дай руку маіору.

Ребенокъ повиновался, не понимая. Маіоръ ужасно поблѣднѣлъ. Онъ едва осмѣлился дотронуться до нѣжной ручки мальчика.

Потомъ, сообразивъ, что онъ долженъ сказать что-нибудь, онъ нашелся только спросить:

— Вы все еще хотите отдать его въ Сенъ-Сиръ?

— Разумѣется, когда ему выйдутъ лѣта, отвѣчала г-жа Бурль.

Двѣ недѣли спустя, Шарль умеръ въ тифозной горячкѣ.

Однажды вечеромъ, бабушка снова прочитала ему рассказъ „Мститель“, чтобы приучить его къ битвамъ; и ночью имъ овладѣлъ бредъ. Онъ умеръ отъ страха.

О НЕРВНЫХЪ ДѢТЯХЪ.

Ничто такъ вредно не отзывается на дѣтяхъ, какъ неправильное толкованіе ихъ нервной организаціи и въ зависимости отъ этого направленіе борьбы съ этимъ явленіемъ. Въ настоящее время нервность подрастающаго поколѣнія, особенно нашихъ школьниковъ очевидна для всѣхъ. Эта нервность есть необходимый продуктъ всякаго цивилизованнаго общества, а тѣмъ болѣе нашего, такъ быстро жившаго за послѣднія 20 лѣтъ. Поэтому нервные дѣти среди нашего общества и составляютъ болѣзненное явленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, стало-быть, законное и необходимое. Дѣти эти въ большинствѣ случаевъ очень даровитый народъ, изъ котораго при умѣннн воспитывать можетъ получиться прекрасная интеллектуальная сила общества. Какъ-же ихъ воспитывать? Рѣшить этотъ вопросъ не по силамъ одного человѣка. Въ предлагаемой статьѣ я намѣренъ сдѣлать нѣкоторыя указанія читателю въ этомъ направленіи и предостеречь его отъ вредныхъ совѣтовъ, которые такъ щедро рассыпаются нашими журналами, носящими громкое названіе: воспитаніе, обученіе, семья, школа и т. д.

Прошлымъ лѣтомъ случилось мнѣ встрѣтить на Кавказѣ очень почтеннаго образованнаго отца семейства, который въ разговорѣ сообщилъ мнѣ, что притворства его собственнаго 10-лѣтняго сына другой разъ выводятъ его изъ терпѣнія и онъ еле удерживается отъ того, чтобъ не прибить послѣдняго во время самыхъ припадковъ притворства, которыя иногда случаются и ночью. Изъ распросовъ мнѣ ясно стало, что мальчикъ, унаслѣдовавъ нервность отъ матери, былъ сильно раздражителенъ и упоренъ; а манера воспитанія еще болѣе усовершенствовала его отличительныя черты характера; онъ по временамъ былъ просто нервно-болынымъ человѣкомъ. Какъ я ни старался

доказать ложность взгляда родителей на капризы сына, какъ я ни убѣждалъ ихъ въ томъ, что капризы въ данномъ случаѣ не есть притворство, а болѣзнь, явленіе раздраженной нервной системы, но не имѣлъ, кажется, успѣха. «Помилуйте, такъ-ли еще дѣти могутъ притворяться, прочитайте-ка объ этомъ статью въ журналѣ «Воспитаніе и Обученіе» и вы убѣдитесь, что дѣти могутъ притворяться, да еще какъ хитро, какъ возмутительно». И мать въ это время дѣйствительно возмущалась.

А и въ самомъ дѣлѣ, могутъ-ли дѣти симулировать извѣстные болѣзни? Могутъ-ли они притворяться больными, когда на самомъ дѣлѣ чувствуютъ себя совершенно здоровыми? Вопросъ, предложенный въ такой формѣ, не вызоветъ ничего другого, кромѣ утвердительнаго отвѣта: конечно, могутъ. Для большинства родителей это совсѣмъ не новость. Многимъ изъ нихъ приходилось не разъ слышать отъ дѣтей на просьбу выполнить то или другое порученіе: мама, у меня голова болитъ; мама, у меня животъ болитъ. Боль головы и боль въ животѣ всего знакомѣе дѣтямъ, имъ дѣйствительно приходилось не разъ отъ этого страдать, почему они на эти боли и указываютъ. Ссылка на голову и животъ въ дѣтскомъ возрастѣ настолько часты и просто-обыкновенны, насколько самозащита дѣтей послѣ разбитія ими какой-либо вещи вызываетъ съ ихъ стороны такой-же нехитрый и, очевидно, нелѣпый отвѣтъ: «само разбилось».

Мать, которая постоянно слѣдитъ за своими дѣтьми, которая знаетъ ихъ образъ мыслей, узнаетъ, по виду едва уловимому, что ребенокъ боленъ, и далѣе по разговору отгадываетъ, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ, что на ребенка произвело и производитъ особенныя впечатлѣнія, зачастую укажетъ вамъ и причину, заставившую ребенка сказать больнымъ. Кому, наконецъ, неизвѣстны рассказы школьничковъ, какъ они, подъ видомъ болѣзни, обманывая учителя, надзирателя, избавлялись отъ слушанія уроковъ. Какъ они обманывали самого даже доктора, жалуясь на головную боль, кашель и т. д. Врачамъ при военныхъ и гражданскихъ гимназіяхъ иногда приходится наблюдать рядъ повальнаго заболѣванія какой-либо легкой болѣзненной формой передъ репетиціями, экзаменами. Имъ очень хорошо извѣстны эти болѣзни, онѣ слывуть подъ названіемъ: *Febris examinatoria*, *Febris repetitiae*, *Febris pritoralis*. Не разъ и въ теченіи учебнаго года приходится наблюдать, что нѣкоторые ученики, утомившись занятіями, приходятъ въ лазаретъ и объявляютъ себя больными, остаются въ немъ дня два-три, затѣмъ отдохнувши, выписываются. Одинъ изъ моихъ товарищей, врачъ по профессіи, рассказывалъ мнѣ, что ясно помнить время, какъ

въ одной изъ военныхъ гимназій, въ которой онъ самъ воспитывался, большая часть учениковъ жалобами на неопредѣленную боль головы и кашель привела въ смущеніе доктора и все начальство заведенія. Первый, принимая повальное заболѣваніе кашлемъ за эпидемическое явленіе, формально донесъ объ этомъ. Были приняты мѣры, улучшили гигиеническое положеніе учениковъ и спустя нѣкоторое время, когда школьникамъ надоѣла ихъ затѣя, эпидемія сразу прекратилась. Врачъ и начальство, за усердную дѣятельность при подавленіи эпидеміи, получили благодарность, а ученики радовались, что шалость имъ удалась. Распространяться въ этомъ направленіи и приписывать еще подобные примѣры я нахожу лишнимъ. Они извѣстны чуть-ли не большинству родителей. Слѣдовательно, фактъ, что дѣти могутъ симулировать извѣстныя болѣзни, будемъ считать установленнымъ. Но возможно-ли рассказы школьниковъ, какъ они обманывали учителя, доктора, надзирателя, сказавшись больными и только-что упомянутую шалость воспитанниковъ одной изъ военныхъ гимназій назвать притворствомъ и приравнять къ притворству взрослых? Конечно нѣтъ! Мотивы дѣтей въ подобныхъ симуляціяхъ и мотивы взрослых въ ихъ воспроизведеніи сильно разнятся. Симуляція взрослого носить на себѣ большею частью характеръ злостнаго притворства, между тѣмъ какъ притворство ребенка имѣетъ характеръ временной, случайно возникшей выдумки. Выдумка эта безотчетна. Она только можетъ быть отмѣчена какъ-бы злымъ умысломъ, а по существу въ большинствѣ случаевъ бываетъ ни больше, ни меньше, какъ шалость. Въ первомъ случаѣ притворству предшествуетъ обыкновенно опредѣленная цѣль, въ которой участіе злой воли и предвзятой мысли прежде всего замѣтно. Въ притворствѣ-же дѣтей эти стимулы отсутствуютъ.

Вышеупомянутые возбудители заставляютъ взрослого преодолевать невѣроятныя трудности, лишь-бы достигнуть желаемого. Ребенокъ-же, если притворяется, то просто безъ особенныхъ усилій, что для всякаго очевидно. Въ симуляціи взрослыхъ напряженіе силы, энергіи достигаетъ своего высшаго предѣла для того только, чтобы искуснѣй замаскировать свой обманъ и преступленіе. Въ приведенныхъ-же примѣрахъ притворства дѣтей вы не видите ни особеннаго напряженія силы, ни энергическаго преслѣдованія цѣли. Не говоря уже о единичныхъ случаяхъ, въ которыхъ сама кратковременность притворства отрицаетъ присутствіе названныхъ двухъ элементовъ, но даже и въ симуляціи приведенной эпидеміи мы ничего подобнаго не находимъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ легко увлекаемомъ при-

мѣромъ въ силу своей впечатлительности, это дѣлается очень просто и почти бессознательно. Одинъ казался больнымъ, другой слѣдуетъ за товарищемъ, не отдавая себѣ отчета, для чего онъ это дѣлаетъ, а просто изъ подражанія и объявляетъ себя тоже нездоровымъ. Удача однихъ учениковъ побуждаетъ къ подобной-же выходкѣ другихъ и вы въ весьма короткое время имѣете такимъ образомъ заболѣваніе большинства школьниковъ не существующей въ данный моментъ болѣзнию. Вы имѣете эпидемію, развившуюся въ силу притворства группы дѣтей, сопровождавшуюся бессознательнымъ дѣйствіемъ или только зачаточнымъ сознаниемъ. Весь характеръ вышеупомянутаго явленія въ дѣтяхъ носить на себѣ оттънокъ ребячества, которое при внимательномъ изслѣдованіи сейчасъ-же и обнаруживается. Дѣти обладаютъ слишкомъ малою жизненною опытностью для того, чтобъ ясно себѣ представить ту неизбѣжную связь, которая существуетъ между притворствомъ и послѣдствіемъ его. Еслибъ дѣти могли реально представить ту картину, которая слѣдуетъ за открытіемъ притворства, предположимъ даже, что они ее представляютъ, все-же она пребываетъ въ ихъ сознаниі такъ кратковременно, что это одно не въ состояніи удержать ихъ отъ совершенія преступленія. Воля ихъ совершенно не привыкла еще подчинять желанія установленнымъ законамъ и требованіямъ общества. Степень участія сознаниа и воли въ нашихъ поступкахъ нарастаетъ съ годами, вотъ почему я и назвалъ поведеніе гимназистовъ въ сочиненной ими эпидеміи почти бессознательнымъ. Наконецъ, притворства передъ экзаменами и репетиціями, являющіяся по понятнымъ причинамъ, суть временное только отдаленіе испытанія, но никакъ не твердое рѣшеніе никогда не подвергаться ему. Эта форма употребляется другой разъ, какъ выходъ изъ нужды, съ самымъ благимъ намѣреніемъ, чтобъ подготовиться лучше, чтобъ не подорвать довѣріе учителя, а совсѣмъ не съ злою цѣлью. Такимъ образомъ отсутствіе опредѣленной злостной цѣли, безотчетность дѣйствія и кратковременность притворства суть главнѣйшіе признаки симуляціи дѣтей. Вотъ почему я назвалъ-бы охотнѣй эти притворства шалостью, обманомъ, но только не страшнымъ словомъ—притворство. При произнесеніи послѣдняго слова въ нашемъ представленіи возникаетъ цѣлая масса предположеній, невыгодныхъ для симулирующаго ребенка. Предположенія эти рождаются отъ знакомства съ притворствами взрослыхъ, понятіе о которыхъ мы, не разбирая мотивовъ, всецѣло переносимъ и на дѣтей. Скажите родителямъ, что ихъ ребенокъ притворяется и вы во многихъ вызовете восклицанія: въ родѣ слѣ-

дующихъ «Ахъ, онъ разбойникъ, или... Вотъ не ожидалъ! Подожди-же... я ему покажу, какъ притворяться»; а затѣмъ и дѣйствительное выполненіе того воспитательнаго намѣренія, которое заключалось въ только-что сказанныхъ словахъ. А все потому, что о притворствѣ и о мотивахъ его у дѣтей мы менѣ всего думаемъ.

Слово притворство совмѣщаетъ въ себѣ много понятій, потому-что мы обываемъ имъ такія дѣйствія, которыя совершаются изъ-за весьма различныхъ цѣлей и по различнымъ побужденіямъ. Эти понятія являются или какъ составныя части притворства или-же какъ его атрибуты. Они суть: обманъ, ложь, злая воля, умыселъ съ заранѣе обдуманной цѣлью и т. д. Эта-то сложность понятій, составляющихъ суть и ореолъ притворства и усугубляютъ виновность. Притворство, являющееся въ сопровожденіи всѣхъ своихъ отрибутовъ въ симуляціи взрослыхъ, совсѣмъ инымъ является въ симуляціи дѣтей. То, что нашъ законъ нагузуетъ и преслѣдуетъ въ притворствѣ взрослыхъ, въ симуляціи дѣтей какъ-разъ не существуетъ. Дѣти часто необдуманно обманываютъ, но преступниками бываютъ рѣдко, между тѣмъ огульное опредѣленіе ихъ извѣстныхъ поступковъ словомъ притворства ставитъ ихъ въ рядъ послѣднихъ. Обманъ—явленіе не желательное, притворство-же весьма печальное. Насколько обманъ въ притворствѣ дѣтей кратковременъ, настолько притворство взрослыхъ бываетъ продолжительно и разнообразно по степени своего проявленія. Такъ время, въ теченіи котораго длится симуляція и степень участія въ ней воли, напряженія силы и энергій, служатъ доказательствомъ сознательнаго притворства взрослыхъ. Воля только тамъ и зарождается, когда имѣются мысли и чувства для выполненія, когда, стало-быть, бываетъ намѣчена имъ цѣль. Почему присутствіе опредѣленной цѣли въ притворствѣ взрослыхъ, есть необходимый элементъ, который и ложится въ основу обвиненія вмѣстѣ со средствами, употребляемыми для достиженія желаемаго. Отсутствіе опредѣленной цѣли, безотчетность дѣйствія и кратковременность составляютъ главнѣйшіе признаки симуляціи дѣтей; признаками-же притворства взрослыхъ какъ-разъ наоборотъ служатъ вполне опредѣленная цѣль, продолжительность, если этого требуетъ достиженіе цѣли, строгая отчетность и обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ встрѣтиться по пути выполненія притворства. Какъ только какой-нибудь одинъ изъ перечисленныхъ признаковъ симуляціи взрослыхъ встрѣтится въ притворствѣ дѣтей, оно сейчасъ-же теряетъ характеръ невинности, характеръ поведенія нравственно-безразличнаго и приближается уже къ понятію о

притворствѣ взрослыхъ, а стало-быть, и къ отвѣтственности за него.

Наблюдали-ли кто такого рода притворства въ дѣтскомъ возрастѣ? Да. Въ 1878 году въ журналѣ № 16 «Central-Zeitung für Kinderheilkunde» профессоръ Абелинъ *) сообщалъ нѣсколько случаевъ, о которыхъ онъ самъ выражается, что эти притворства были такъ искусно ведены, что врачъ не только могъ смутиться, но и совсѣмъ обмануться въ ихъ дѣйствительномъ значеніи. Болѣзненные симптомы притомъ были до того очевидны, что заставляли серьезно беспокоиться родителей. Это сообщеніе почтеннаго профессора, обнимающее шесть примѣровъ, насколько мнѣ извѣстно, единственное въ своемъ родѣ. Оно составляетъ новинку, которую необходимо провѣрить болѣе точнымъ изслѣдованіемъ. Будучи убѣжденъ въ противномъ на основаніи своихъ наблюденій, я тѣмъ не менѣе не заговорилъ-бы объ этомъ, если-бъ рефератъ его статьи не появился въ журналѣ «Воспитаніе и Обученіе» и не принесъ-бы какъ-разъ противоположенной пользы, какой отъ него ожидали. Говорю-же послѣднее на основаніи опыта, который меня убѣдилъ въ томъ, что помѣщать для общаго свѣденія публики статьи, трактующія о такихъ предметахъ, о которыхъ еще сами медики не сказали рѣшительнаго слова,—совсѣмъ неумѣстно. По-моему, давать такой сырой матеріалъ въ руки родителей, все равно, что писать въ книжкахъ, предназначенныхъ для чтенія дѣтей объ основаніяхъ эволюціонной теоріи. Предметъ статьи профессора Абелина чисто-спеціальнѣйшій, для точнаго пониманія котораго необходимо имѣть болѣе данныхъ вообще относительно нервной системы притворяющихся дѣтей и въ частности болѣе подробную исторію предварительныхъ свѣденій о прежнемъ здоровьи дѣтей и о здоровьи ихъ родителей. Кромѣ того, необходимо знать еще много другихъ условій, чтобъ съ большей вѣроятностью сказать, что случаи профессора Абелина представляютъ чистое притворство, а не притворство, развившееся на болѣзненной почвѣ. А вѣдь всякому ясно и понятно, что притворство, какъ признакъ какой-либо болѣзни, третируется иначе, чѣмъ притворство здороваго человѣка. Между истеричными субъектами притворство составляетъ обыкновенное явленіе, на которое менѣе всего обращаютъ вниманія; не признакъ принимаютъ за болѣзнь, а гистерію, которую и лечатъ. Притворство-же больного ребенка, тѣмъ болѣе, произведетъ иное впечатлѣніе на родителей, чѣмъ притворство здороваго. Въ первомъ случаѣ вызывается сожалѣніе

*) Стокгольмъ.

и поспѣшность какъ можно скорѣе излечить больного, удалить причины, могущія вызвать раздраженіе, между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ зачастую является озлобленіе противъ ребенка и употребленіе репрессивныхъ мѣръ. И чѣмъ совершеннѣе, чѣмъ искуснѣе бываетъ проведено притворство, тѣмъ предполагается большее участіе въ немъ силы воли ребенка, направленной на обманъ, тѣмъ послѣдовательно возмутительнѣй, безнравственнѣй кажется этотъ поступокъ для родителей. Если-же подобное явленіе, кромѣ того, длится долго, то печальная сторона его кажется еще значительнѣй. Предположеніе, что ребенокъ притворялся сознательно пріобрѣтаетъ въ такихъ случаяхъ, больше основанія, чѣмъ въ тѣхъ, когда притворство также быстро проходитъ, какъ является. Невольно при этомъ думается, что ребенокъ изучалъ, обдумывалъ, былъ занятъ, какъ-бы хитрѣй воспроизвести симуляцію, тратилъ на нее много силы и энергіи, чтобы продолжить во времени и скрыть, такимъ образомъ, дѣйствительность. Словомъ—притворство дѣтей тогда пріобрѣтаетъ характеръ злостной симуляціи взрослыхъ, а потому и отвѣтственность за него дѣлается сама собой понятна. Вотъ почему въ моментъ распознаванія такого несвойственнаго дѣтскому возрасту хитраго явленія, какъ притворство, если оно дѣйствительно существуетъ или предполагается, многіе нервнѣйшіе родители будутъ теряться, что дѣлать, какъ поступить съ подобными дѣтьми; зато родители съ противоположнымъ характеромъ могутъ увлечься и получить совсѣмъ неожиданные, а еще хуже печальные результаты какъ для ребенка, такъ и для самихъ себя.

Для читателя станетъ вполне понятна та сомнительная польза, которая вытекаетъ изъ ознакомленія родителей съ наблюденіями профессора Абелина, если онъ, вооружившись терпѣніемъ, прослѣдитъ со мной разборъ ихъ. Въ случаяхъ профессора Абелина, какъ и въ притворствахъ школьной жизни дѣтей не возможно открыть рѣзко намѣченной симулянтомъ цѣли, въ чемъ сознается и самъ Абелинъ. Разъ мы отрицаемъ цѣль въ наблюдаемыхъ симуляціяхъ, которыя, кромѣ того, отличаются еще характеромъ безотчетности, между тѣмъ фактъ самаго существованія притворства признаемъ точно также, какъ и продолжительность его во времени и отиѣчаемъ притомъ особенно хитро-придуманную форму притворства (что и возмущаетъ собственно родителей), то спрашивается, какъ понять, какимъ образомъ объяснить такое странное явленіе и возможно-ли его извинить? Намъ станетъ все понятно, мы будемъ жалѣть подобныхъ дѣтей, какъ скоро докажемъ, что наблюденія профессора Абелина были сдѣланы не надъ здоровыми, а надъ больными

дѣтьми; что описываемые поступки подъ именемъ притворства дѣтей суть продуктъ раздраженной нервной системы, а не продуктъ злой воли здороваго организма. Абелинъ упускаетъ эту сторону дѣла совсѣмъ изъ виду, а между тѣмъ она сама напрашивается. Прочтите, напр., слѣдующіе три случая. Первые два разсматриваются всѣми врачами, какъ гистерія взрослога, а третій, профессора Абелина, какъ притворство ребенка.

Госпожа К., молодыхъ лѣтъ, страдаетъ гистеріей. Она не ходитъ болѣе года вслѣдствіе развившагося паралича. Общее питаніе ея удовлетворительно. Исхуданіе мускулатуры конечностей незамѣтна. Ее выносятъ на рукахъ въ коляску, когда отправляется гулять. Въ одну изъ такихъ прогулокъ лошади чего-то испугались и понесли коляску съ больной. Налетѣвши на стѣну, лошади, наконецъ, остановились. Эта катастрофа сильно напугала госпожу К. Подоспѣвшій знакомый подалъ ей руку и она при помощи его вышла изъ коляски, какъ-будто никогда не страдавшая параличемъ!

Второй случай. Молодая дѣвушка поражена уже нѣсколько мѣсяцевъ параличемъ нижнихъ конечностей. При помощи хорошаго ухода добились того, что она могла стоять на ногахъ. Разъ какъ-то ее извѣщаютъ, что особа, близкая ей сердцу, пріѣхала въ Парижъ. Больная попросила у доктора позволеніе отлучиться на нѣкоторое время изъ госпиталя, на что послѣдній охотно согласился, думая, что она не въ состояніи будетъ воспользоваться его позволеніемъ. Но докторъ ошибся. Молодая дѣвушка, которая не могла въ госпитальныхъ палатахъ четырехъ шаговъ сдѣлать, дошла пѣшкомъ отъ Шарите до Аустерлицкаго моста. Она гуляла, такимъ образомъ, въ продолженіи восьми дней, какъ вдругъ послѣ непріятнаго извѣстія у нея снова отнялись ноги. Впослѣдствіи она совсѣмъ поправилась.

Теперь прочтите третій случай, отнесенный профессоромъ Абелиномъ къ притворству. Онъ рассказываетъ, что въ 1858 году видѣлъ въ одномъ изъ мѣстъ леченія холодной водой прекрасную 13-ти-лѣтнюю дѣвочку, которую возили на прогулку въ коляскѣ, приспособленной для этого и снабженной удобной постелью. Своимъ очаровательнымъ видомъ эта дѣвочка возбуждала къ себѣ всеобщее участіе. Мать, которая любила своего ребенка и постоянно его сопровождала, рассказывала, что дочь ея больна съ годъ раздраженіемъ спинного мозга, сопровождаемымъ параличемъ обѣихъ конечностей. Врачъ, практиковавшій въ томъ мѣстѣ, пригласилъ на консультацію профессора Абелина и высказалъ ему свое подозрѣніе насчетъ притворства маленькой пациентки. При посѣщеніи докторовъ интересная симу-

лянтка разсказала имъ, что она не можетъ двигать ни ногами, ни ступнями, ни пальцами ногъ, болѣе никакихъ нигдѣ не чувствуетъ и вообще здорова. Все вниманіе консультирующихся врачей было обращено на то обстоятельство, что чувствительность кожи, питаніе и температура пораженныхъ конечностей были нормальны. На основаніи этихъ данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ, они пришли къ заключенію, что несомнѣнно имѣютъ дѣло съ притворствомъ, которое только нужно обнаружить тѣмъ или другимъ путемъ. Согласившись заставить дѣвочку голодать цѣлый день, они просили мать, чтобъ та, уходя спать, оставила на окнѣ что-нибудь съѣстное, какъ можно дальше отъ кровати больной. На слѣдующее утро, мать, войдя въ комнату дочери, нашла, что оставленная на окнѣ пища и молоко были съѣдены. Послѣ этого для врачей не оставалось никакого сомнѣнія, что дѣвочка притворялась. Она вставала съ кровати, значить, могла ходить; утверждая противное, она лгала, она притворялась. Чтобъ не подать повода другимъ больнымъ смѣяться надъ симулянткой и ея матерью, доктора посовѣтовали имъ остаться на водахъ и продолжать начатое леченіе. Спустя два мѣсяца, вышеупомянутая больная возвратилась въ Стокгольмъ совершенно здоровая. Въ самомъ-ли дѣлѣ притворялась дѣвочка, лишая себя удовольствія бѣгать, играть съ дѣтьми или была дѣйствительно больна? Была-ли она въ состояніи изъ одного притворства вынудить себя лежать цѣлый годъ въ постелѣ, насилуя, такимъ образомъ, физиологическіе процессы, которые въ дѣтскомъ возрастѣ въ нѣсколько разъ быстрѣй совершаются, чѣмъ во взросломъ, или это было слѣдствіе болѣзненнаго состоянія организма, противъ котораго она не могла бороться? Притворялась-ли г-жа К. и молодая дѣвушка, которую описываетъ Briquet (случай второй) или они дѣйствительно были больны гистерической формой паралича, отъ котораго такъ невѣроятно быстро и чудесно излечились? Надо быть большимъ скептикомъ, чтобъ не видѣть въ этихъ трехъ случаяхъ нѣкотораго или почти полнаго сходства. Однако, никто не скажетъ, что г-жа К. и молодая дѣвушка вышеупомянутаго автора притворялись.

Каждый докторъ, знакомый съ подобнаго рода заболѣваніями раздражительно нервныхъ людей, не колеблясь, отвѣтитъ, что они были больны такой формой паралича, которая нерѣдко встрѣчается между гистеричными особами. На 400 случаевъ гистеріи вообще, Briquet наблюдалъ 34 случая подобнаго паралича. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что это заболѣваніе въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ душевныхъ волненій также скоро появляется, какъ скоро и

проходить. Тотъ-же авторъ рассказываетъ, что онъ наблюдалъ случай гистеріи съ параличемъ, который появлялся и проходилъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Наступленіе паралича ничто не предвѣщало. Больная, оставаясь сидѣть, не чувствовала ни малѣйшей боли и при попыткѣ встать, замѣчала, къ великому своему удивленію, что ноги подъ ней подкашиваются, не повинуются ея воли, словомъ—она не можетъ ходить. Такое безпомощное состояніе продолжалось иногда полчаса, часъ, иногда-же нѣсколько дней и даже мѣсяцъ, а одинъ разъ длилось цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Во время наступленія описываемыхъ параличей, больная, какъ уже сказано, не ощущала боли; въ ея жизни никакихъ особенныхъ перемѣнъ не происходило, что могло-бы хотя сколько-нибудь объяснять появленіе сказанныхъ расстройствъ. Проф. Абелинъ не указываетъ причинъ, вызвавшихъ притворство въ дѣвочкѣ (13-ти лѣтъ), не указываетъ болѣзней, которыми она страдала ранѣе, словомъ—не упоминаетъ о родителяхъ, между тѣмъ какъ исчисленные данныя чрезвычайно драгоценны для точнаго рѣшенія вопроса, притворялась-ли дѣвочка или это было слѣдствіе болѣзненнаго состоянія, слѣдствіе раздраженной нервной системы. На какомъ-же основаніи Абелинъ дѣлаетъ свое заключеніе насчетъ симуляціи даннаго случая? На томъ, что мускулатура пораженныхъ конечностей, т. е. ногъ, не атрофирована, иначе говоря, не исхудала отъ долгой бездѣятельности. Не нужно, однако, забывать, что гистерическій параличъ, между прочимъ, тѣмъ и отличается отъ другихъ параличей, что исхуданіе мускуловъ, пораженныхъ конечностей при этомъ страданіи наступаетъ чрезвычайно поздно. Совсѣмъ было-бы другое если-бъ проф. Абелинъ изслѣдовалъ сократительность мускуловъ электрическимъ токомъ и показалъ-бы способность или неспособность ихъ сокращаться подъ вліяніемъ этой силы. По тому или другому явленію въ мышечной системѣ мы могли-бы придти къ болѣе опредѣленному рѣшенію, имѣемъ-ли мы дѣло съ гистерическимъ параличемъ или съ симуляціей. Далѣе, что температура пораженныхъ конечностей была нормальна, то на это можно возразить, что вѣдь ни при всякомъ-же параличѣ она повышается или понижается, а тѣмъ болѣе при гистерическомъ. Измѣненіе температуры совсѣмъ не постоянный признакъ паралича, наконецъ, если оно и бываетъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ на ощупь не такъ-то легко замѣтно. Третій признакъ, послужившій основаніемъ для опредѣленія симуляціи — нормальная чувствительность пораженныхъ конечностей. Правда, въ большинствѣ случаевъ гистерическихъ параличей чувствительность больныхъ чле-

новъ бываетъ понижена и только изрѣдка повышена, но опять-таки въ большинствѣ случаевъ, а непостоянно.

Такимъ образомъ, основанія, добытыя путемъ изслѣдованія, на которыхъ Абелинъ опредѣлялъ притворство, совсѣмъ не доказательны; равнымъ образомъ мало убѣдительно и то, что дѣвочка встала съ кровати ночью и уничтожила яства и молоко. Выше читатель видѣлъ, что гистерическіе параличи проходили сами собой безъ всякихъ видимыхъ причинъ или-же, что чаще случается, подѣ влияніемъ какихъ-либо душевныхъ волненій. Въ случаѣ профессора Боткина (первый примѣръ)—подѣ влияніемъ страха, а въ случаѣ Briquet подѣ влияніемъ пріятныхъ вѣстей. Далѣе извѣстно, что подобнаго рода паралитики, употребляя надъ собой нѣкоторое усиліе, достигаютъ иногда того, что начинаютъ ходить и такимъ образомъ выздоравливаютъ отъ страданія, продолжавшагося нерѣдко цѣлые мѣсяца. Что-жъ тутъ удивительнаго, что дѣвочка, пробывъ нѣкоторое время подѣ влияніемъ леченія холодныхъ ваннъ и душъ и голодавшая въ продолженіи цѣлаго дня, встала съ кровати и подобрала все, что было оставлено изъ съѣстнаго вечеромъ на окнѣ матерью. Чувство голода довольно сильный стимулъ, подѣ влияніемъ его одного могъ произойти такой рядъ нервныхъ измѣненій, который при попыткѣ встать, разрѣшился, можетъ быть, даже неожиданно для самой больной возможностью ходить. Словомъ—въ данномъ случаѣ достаточно было душевныхъ волненій вмѣстѣ съ употребленнымъ леченіемъ холодной водой, чтобъ все это въ концѣ-концовъ обусловило выздоровленіе. По изслѣдованіямъ Legou гистерическій параличъ чаще всего встрѣчается у субъектовъ отъ 13, 14 до 22 лѣтъ, а сама гистерія по наблюденіямъ Briquet отъ 12 до 18 лѣтъ. Такимъ образомъ и лѣта предполагаемой симулянтки говорятъ въ пользу моего толкованія этого случая, что дѣвочка представляла изъ себя именно больную гистерическую особу. Ужъ если-бъ она притворялась въ продолженіи цѣлаго года и такъ хитро обдуманно, то позвать мать и спросить себѣ ѣсть было-бы самымъ послѣдовательнымъ, обыкновеннымъ дѣйствіемъ съ ея стороны. Отъ послыши, что съѣвши оставленные яства на окнѣ, придти къ заключенію,—значить я могу ходить чрезвычайно легко. Отгадать придуманную хитрость докторовъ дѣвочки, которая изобрѣла себѣ форму притворства параличъ и проводила его настойчиво цѣлый годъ, было не особенно трудно. Это всякому понятно.

Возьмемъ второй случай притворства. Проф. Абелинъ рассказываетъ, что онъ былъ позванъ однимъ священникомъ въ семейство бѣдныхъ людей, гдѣ былъ нездоровъ 13-тилѣтній маль-

чикъ. Послѣдній страдалъ припадками судорогъ, которые повторялись нѣсколько разъ въ день. Сначала судорги были не сильны и рѣдки, затѣмъ частота и интенсивность ихъ достигла высшаго предѣла, повторяясь разъ 10—12 въ сутки, большею частью при появленіи посторонняго лица или стука ключемъ въ дверь, они длились отъ 10 минутъ до получаса. Родители мальчика объяснили припадки судорогъ тѣмъ безпокойствомъ и страхомъ, который каждый разъ вызывался въ мальчикѣ посѣщеніемъ новаго лица или шумомъ ключа о дверь. Самый приступъ Абелинъ описываетъ такъ: выраженіе лица было подобно тому, какое мы наблюдаемъ при дѣтскомъ тризмѣ *) всего тѣла. Мускулы были напряжены, тверды, вѣки закрыты, но не настолько, чтобъ лучъ свѣта не могъ проходить въ глаза. Челюсти крѣпко стиснуты. Губы и щеки тверды, въ складкахъ, изъ рта вытекала пѣнящаяся жидкость. Мускулатура спины и конечностей также напряжена и тверда; локтевой и колѣнный суставы согнуты почти подъ прямымъ угломъ, пальцы ногъ и рукъ раздвинуты и во всѣхъ суставахъ тоже согнуты. Мальчикъ постоянными стопами и плачемъ давалъ знать о сильныхъ испытываемыхъ имъ боляхъ. Онъ не могъ говорить во время приступа и былъ въ состояніи производить только самыя ограниченныя движенія. При попыткѣ выпрямить сведенный суставъ, оказалось, что сопротивленіе было настолько значительно, показывало такую необыкновенную мускульную силу, мальчикъ при этомъ такъ кричалъ, что я, уступая просьбамъ родителей, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Родители этого мальчика принадлежали къ сектѣ пѣтистовъ. Сектанты часто посѣщали больного, оказывали ему истинное участіе и даже благоговѣли передъ нимъ. Такое отношеніе посѣтителей зиждилось на вѣрѣ, что во время приступа мальчикъ находится въ какомъ-то внутреннемъ общеніи съ Богомъ, дѣлается всевѣдущимъ и можетъ предсказывать будущее. Доказательства были на лицо. Мальчикъ предсказалъ, что товарищъ его по играмъ, дѣвочка сосѣда заболѣетъ тѣмъ-же самымъ, чѣмъ страдаетъ и онъ. Дѣйствительно такъ и случилось. Просили профессора и ее навѣстить. Дѣвочка, видя, что товарищъ ея заваленъ всѣми возможными приношеніями, не устояла отъ соблазна имѣть то-же самое и начала продѣлывать тѣ-же припадки.—Такъ думаетъ Абелинъ. Употребивъ приемъ, который

*) *Столбнякъ.* Сильное болящее сокращеніе мускуловъ, выражающееся преимуществу въ жевателяхъ лица, причемъ зубы бывають такъ стиснуты, что разжать ихъ представляется дѣломъ весьма труднымъ, а иногда совсѣмъ невозможнымъ.

часто практиковался и практикуется и до сихъ поръ для произведенія болѣе сильнаго впечатлѣнiя, чѣмъ то, которое вызываетъ судорги въ дѣтяхъ и у взрослыхъ, онъ объявилъ дѣвочкѣ, что намѣренъ прижечь ей спину раскаленнымъ желѣзомъ, что прижиганiе будетъ не только болѣзненно, но даже опасно для жизни и дѣвочка послѣ этого на второй день имѣла только два приступа, на третiй день одинъ и, наконецъ, совсѣмъ выздоровѣла. На мальчика такая угроза не подѣйствовала. Убѣдившись, почему Абелинъ не говоритъ, что мальчикъ притворяется, онъ рассказалъ все врачамъ, служившимъ при клиникѣ и для доказательства притворства выбралъ слѣдующiй путь. Нѣсколько врачей вмѣстѣ съ профессоромъ отправились къ больному съ заранѣе обдуманнмъ планомъ. Пришедши на мѣсто, Абелинъ началъ читать лекцiю надъ больнымъ мальчикомъ, находящимся въ судоргахъ; говорилъ объ особенностяхъ даннаго заболѣванiя, не упоминая ни слова о настоящемъ характерѣ, какой онъ предполагаетъ. Одинъ изъ его ассистентовъ, не будучи замѣченъ мальчикомъ, постоянно наблюдалъ за послѣднимъ. Когда вниманiе всѣхъ было обращено на читающаго, маленький симулянтъ, убѣдившись, что за нимъ никто не слѣдитъ, самъ началъ съ возрастающимъ вниманiемъ прислушиваться къ рѣчѣ профессора. Лицо его измѣнилось, приняло обыкновенное выраженiе, оханье и жалобы на боль прекратились, онъ повернулъ голову къ Абелину. Врачъ, находившiйся въ засадѣ, подвелъ незамѣтно руку подъ одѣяло и неожиданно пощекоталъ мальчика. Испуганный, онъ кинулся въ сторону и не могъ удержаться отъ смѣха, но сейчасъ-же принялъ прежнее страдальческое выраженiе лица. Такъ было обнаружено притворство. Родители были недовольны, мальчикъ вскорѣ затѣмъ выздоровѣлъ. Неправда ларчикъ просто открывался. Родители поощряли притворство мальчика, потому-что получали отъ благочестивыхъ посьтителей приношенiя не только въ видѣ игрушекъ и сластей, но даже въ и въ видѣ денегъ. Словомъ—тутъ была чуть-ли не цѣлая мошенническая ловушка для довѣрчивыхъ людей. Но вѣдь въ началѣ ничего подобнаго не было, приношенiя явились послѣ, изъ-за чего-же мальчикъ началъ страдать судоргами? Почему онъ умѣренныя въ началѣ стали учащаться, становились сильнѣе и продолжительнѣе, такъ-что каждый приступъ длился отъ 10-ти минутъ до получаса? Пусть испытаетъ на себѣ каждый-то чувство изнеможенiя отъ продѣлыванiя подобнаго приступа, чтобъ усумниться, что 13-ти лѣтнiй мальчикъ совершенно здоровый былъ въ состоянiи притворяться 12 разъ въ день, причеиъ напрягалъ свои мускулы до

состояніи твердости и невозможности разогнуть сведенные суставы. Абелинъ самъ говорить, что сопротивленіе было такъ значительно, мускульная сила настолько была непреодолима, что онъ отказался отъ попытки разогнуть сведенный суставъ, Это у 13-ти лѣтняго мальчика такая сила! Откуда же она? Я говорю, что отъ произвольнаго напряженія мускуловъ наступаетъ сильное изнеможеніе, а отъ продѣлыванія приступовъ судорогъ потеря вѣса, даже и довольно значительная. Первое можетъ каждый провѣрить на себѣ; стоитъ продержатъ мускулы плеча въ сильно напряженномъ состояніи минутъ 10, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, чтобъ убѣдить другихъ, въ развитіи и силѣ своихъ мышцъ и справедливость сказаннаго вполне подтвердится. Съ другой стороны извѣстно, что во время припадковъ гистеріи и падучей болѣзни обнаруживается такая мышечная сила, что слабую женщину, чтобъ предохранить отъ ушибовъ, едва могутъ сдержатъ въ кровати четыре мощныхъ мужчины. Словомъ — ту необыкновенную силу, которая развивалась въ мальчикѣ во время припадка, нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ болѣзненнымъ его состояніемъ. Къ тому-же возьмите положеніе его семья, которая принадлежала къ сектѣ пѣтистовъ, тотъ мистицизмъ, господствующій между этими людьми, скудность достоянія и вы найдете въ каждомъ изъ этихъ данныхъ достаточно причинъ для развитія такого раздраженія, чтобъ вызвать, можетъ быть, разъ видѣнный гдѣ-нибудь случайно припадокъ падучей болѣзни, повторившійся съ нимъ и сдѣлавшійся его страданіемъ. Ненормальная нервная раздражительность и проводимость, посредствомъ которыхъ съ большей или меньшей скоростью передаются къ центральнымъ органамъ впечатлѣнія, воспріятыя органами чувствъ отъ вѣшной среды, достигли въ данномъ случаѣ такой степени, что достаточно было самого незначительнаго раздраженія, какъ-то, появленіе незнакомаго лица или стука въ дверь, чтобъ вызвать несоотвѣтственный стимулу—припадокъ судорогъ. Постоянное усиленіе, замѣчаемое въ учащеніи и продолжительности припадковъ, служить также доказательствомъ того, что судорги были продуктомъ не свободной воли, а болѣзненнаго состоянія нервной системы. Мальчику не было ни какой нужды учащать припадки и интенсивность ихъ. Онъ легко достигалъ-бы своей цѣли при первоначальной ихъ чистотѣ и силѣ. Но дѣло-то въ томъ, что его воля въ этихъ припадкахъ не играла ровно никакой роли. Разъ испугъ или беспокойство началось отъ появленія новаго лица или стука въ дверяхъ, который каждый разъ вызывалъ въ немъ мысль о незнакомомъ лицѣ, оно не могло ограничиться только

однимъ возбужденіемъ при страданіи нервной системы, а какъ камень, брошенный въ грудѣ развалинъ, увлекаетъ иногда за собой паденіе цѣлыхъ стѣнъ, такъ и безпокойство нервнаго больного разрѣшалось приступомъ судорогъ. Такъ-что предположеніе родителей, что припадки начинались у мальчика отъ страха и безпокойства, по моему мнѣнію, есть единственное вѣрное объясненіе.

Я зналъ одного товарища по гимназіи Гр., который одно время страдалъ сильной нервной раздражительностью и каждый разъ плакалъ, когда онъ видѣлъ кого-нибудь не изъ своей семьи; противорѣчіе-же его инертному состоянію въ видѣ просьбы пересѣсть съ одного стула на другой вызывало у него приступъ рыданій. Такое состояніе продолжалось съ мѣсяць, затѣмъ все исчезло безъ слѣда. При возможномъ-же существованіи повышенной чувствительности кожи, что не рѣдко встрѣчается у истерическихъ субъектовъ, особенная отзывчатость къ щекотанію и смѣху, связанная съ этихъ раздраженіемъ, какъ часть съ цѣлымъ тоже понятны. Рефлексы отъ щекотанія въ видѣ скачка въ сторону и смѣха, такъ тѣсно связаны между собой, что за появившимся раздраженіемъ слѣдуетъ, какъ одно явленіе, и желаніе удалиться отъ непріятнаго предмета и смѣхъ. Эта сложность, проявляющаяся въ дѣйствіи различныхъ мускульныхъ системъ, унаслѣдована нами отъ предковъ, совершенствуется въ теченіи жизни и обнаруживается всякій разъ при извѣстномъ раздраженіи точно также, какъ у мухолова, только что вылупившагося изъ яйца, появляются хватательныя движенія при видѣ наѣкомаго. Серьезнымъ быть во время щекотанія значить или совсѣмъ не ощущать его или силою воли подавлять происходящій рефлексъ. Если-же раздраженіе является неожиданно, то ничто не въ состояніи удержать проявленіе его, въ особенности при повышенной кожной чувствительности. Такимъ образомъ въ первый моментъ щекотанія мальчика это раздраженіе было сильнѣе того, которое вызывало судороги, почему оно возбудило смѣхъ и желаніе удалиться, но какъ непривычное для нервовъ сейчасъ-же сдѣлалось нечувствительнымъ, пропало безъ слѣда и перешло въ судороги. Неожиданность-же, какъ начало вообще испуга, привычнаго стимула судорогъ, повлекло за собой то измѣненіе въ нервной системѣ, вслѣдствіе котораго лицо приняло прежній болѣзненный видъ. Разобравъ такимъ образомъ явленія, наблюдавшіяся у мальчика, по мнѣнію проф. Абелина притворяшагося, для меня, по крайней мѣрѣ, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что мальчикъ былъ болѣнъ, что судороги его были слѣдствіемъ гистеріи и что дѣвочка - со-

сѣдка его страдала той-же формою гистеріи, только менѣе длительной. Увлекаться можно, но ужъ не до такой степени, чтобъ подозрѣвать 9-ти лѣтнюю дѣвочку въ умысленно сознательной симуляціи, изъ-за одной только надежды, что приносимые подарки товарищу перепадутъ послѣ этого и на ея долю. Заболѣваніе дѣвочки было, напротивъ, блистательнымъ доказательствомъ того, что видъ судорогъ на нервныхъ дѣтей дѣйствуетъ чрезвычайно опасно. Достаточно было видѣть ихъ, чтобъ захворать тѣмъ-же самымъ.

Каав Воегхааве сообщаетъ, что онъ наблюдалъ цѣлую эпидемію, развившуюся въ одномъ изъ госпиталей Гарлема, гдѣ кормили бѣдныхъ дѣтей. Между дѣтьми, посѣщавшими госпиталь, находились мальчики и дѣвочки. Одна изъ нихъ отъ страха вдругъ сдѣлалась жертвой судорогъ, которыя повторялись затѣмъ въ опредѣленные сроки. Дѣти видѣли этотъ первый приступъ, старались помочь бѣдной больной. На слѣдующій день другая дѣвочка, потрясенная страшной картиной конвульсій, заболѣла тоже этой формою. Потомъ третья, четвертая и, наконецъ, почти всѣ сдѣлались жертвами припадка. Все было испробовано съ цѣлью прекратить эпидемію, но безуспѣшно. Обратились къ Воегхааве. Пріѣхавъ въ Гарлемъ, онъ сейчасъ-же разобралъ характеръ болѣзни и какъ знающій опытный врачъ безъ колебанія пришелъ къ окончательному заключенію, что эпидемія развилась отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на умы дѣтей видомъ первыхъ судорогъ. Поэтому прекратить ее удастся только такимъ средствомъ, которое сильнѣе заняло-бы воображеніе и умы дѣтей, чѣмъ видъ эпилептиподобнаго припадка. Предупредивъ магистратъ о томъ, что онъ намѣренъ принять рѣшительныя мѣры для прекращенія эпидеміи, Воегхааве собралъ всѣхъ дѣтей въ одно помѣщеніе, приказалъ принести горшокъ съ горящими углями и разжечь на нихъ до красна щипцы. Потомъ, обращаясь къ дѣтямъ, сказалъ, что находя всѣ средства безуспѣшными, онъ принужденъ прибѣгнуть къ раскаленнымъ щипцамъ, чтобъ избавить ихъ отъ болѣзни и начнетъ тотчасъ жечь правую руку до кости той первой, которая заболѣетъ припадкомъ судорогъ. Серьезный, рѣшительный тонъ Воегхааве, видъ раскаленныхъ щипцовъ произвели такое глубокое впечатлѣніе на дѣтей, что когда они чувствовали приближеніе судорогъ, то озабоченное настроеніе духа и страхъ подвергнуться пытке раскаленнаго желѣза настолько заставляли работать силу воли и умъ, что волненіе, развивавшееся по всему организму и переходившее прежде въ судороги, теперь повиновалось разуму. Стало-быть, послѣднее представленіе о страданіяхъ отъ раска-

женнаго желѣза взяло перевѣсъ надъ первымъ и эпидемія прекратилась. Не то-ли самое было въ случаѣ Абелина? Дѣвочка видѣла судорожный приступъ товарища, онъ ее сильно поразилъ и она заболѣла. Заразительность гистеріи, проявляющейся въ рѣзкой формѣ, явленіе настолько извѣстное и обыкновенное, что прибѣгать и выдумывать тамъ притворство, гдѣ существуетъ болѣзнь, я рѣшительно не понимаю. А помѣщать подобные случаи въ журналахъ, предназначенныхъ матерямъ въ руководство для воспитанія дѣтей и сбивать ихъ такимъ образомъ съ толку, я нахожу непростительной и серьезной ошибкой.

Докторъ Jolly въ своемъ прекрасномъ трудѣ о подражательности вообще говоритъ, что эта способность исключительно принадлежитъ женщинамъ, особенно гистеричнымъ. Все дѣло сводится, стало-быть къ большей или меньшей впечатлительности. Кому-же незвѣстно, что дѣти самый впечатлительный народъ, что этому качеству они обязаны дальнѣйшимъ умственнымъ своимъ развитіемъ; конечно, когда впечатлительность направлена надлежащимъ путемъ. Достаточно для нервной женщины, продолжаетъ Jolly,—увидѣть жестъ, замѣтить какой-нибудь актъ, который ее поразилъ, чтобъ воспроизвести его во время судорогъ или внѣ его. Дѣти-же все это продѣлываютъ еще съ большимъ искусствомъ, съ большей точностью подражанія.

Кнірегъ даетъ описаніе эпидеміи, бывшей въ 1673 г. въ Голландіи въ домѣ Ноогп, устроенномъ специально для дѣтей. Въ немъ находились дѣти отъ 12-ти лѣтъ. Большая часть изъ-нихъ была поражена послѣдовательно конвульсіями, причемъ во-время приступа судорогъ, дѣти издавали крики, ревъ и лаяніе. Подражаніе было полное. Заболѣваніе распространилось такъ, что здоровые, видя приступы своихъ товарищей, заболѣвали сами тѣмъ-же. Болѣзнь приняла громадныя размѣры, особенно послѣ того, какъ стали собирать всѣхъ на молитву въ общую залу. Подоспѣвшій карнавалъ послужилъ какъ нельзя больше кстати. Дѣти были распущены на десять дней и во все время отпуска судороги не повторялись. Когда-же начались занятія и дѣти вернулись въ пріютъ, эпидемія снова разразилась въ прежней силѣ. Тогда рѣшили распустить дѣтей на болѣе продолжительное время и тѣмъ только прекратили распространеніе болѣзни. Зачѣмъ, впрочемъ, прибѣгать къ примѣрамъ иностранной литературы, когда мы имѣемъ въ своихъ «кликушахъ» блестящее доказательство, насколько нервныя женщины впечатлительны и способны подражать. Въ церкви во время пѣнія «Иже херувиме» въ деревняхъ многимъ, думаю, не разъ приходилось слушать крики, лаяніе, мяуканье, сопровождаемые судорогами. Распро-

страняющійся въ это время по церкви запахъ ладона, торжественный и чувствительный напѣвъ «Иже херувиме», наипѣвшее въ душѣ горе, бываютъ достаточными раздражителями, чтобы вызвать припадокъ. Сельская трудная работа, матеріальный недостатокъ и лишенія разнороднаго характера въ крестьянскомъ быту до того сильно дѣйствуютъ на организмъ крестьянки-женщины, что гистерія въ этой средѣ составляетъ явленіе самое обыденное. Разбирая случаи Абелина, я вовсе не хочу заподозрить профессора въ неумѣнны опредѣлять гистерію, въ незнаніи формъ ея чрезвычайно разнообразныхъ проявленій; нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я думаю, что онъ просто увлекся. Приступая къ разбору больного, онъ руководился ужь предвзятой мыслью; а разъ въ этомъ направленіи у него идеи образовались, онъ занялся только подысканіемъ нужныхъ для того доказательствъ. Если истинные люди науки, какъ, напр., Фарадей, въ такихъ опредѣленіяхъ, какія показываютъ коромыслы химическихъ вѣсовъ, допускалъ увлеченіе и подтягиваніе фактовъ для оправданія своего теоретическаго умозаключенія, то въ опредѣленіи болѣзненныхъ явленій организма, который, смотря по субъективности, относится чрезвычайно разнообразно къ окружающей средѣ, по отношенію котораго, слѣдовательно, трудно дать точные законы, увлеченіе не только возможно, но представляетъ обширный просторъ.

Я знаю образованнаго профессора, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоря о душевномъ вліяніи на произведеніе болѣзней, помѣстилъ, между прочимъ, такого рода сообщеніе, что нѣкоторымъ особамъ достаточно посмотреть на рану, чтобы подобная-же открылась и у нихъ. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ» и ничѣмъ другимъ, конечно, нельзя объяснить этого факта, какъ увлеченіемъ. Разбирать всѣ наблюденія Абелина нахожу лишнимъ; изъ показанныхъ примѣровъ, надѣюсь, читатель понялъ ошибочность мнѣнія почтеннаго профессора и мое стремленіе доказать, что вышеприведенныя притворства дѣтей суть явленія чистой гистеріи, а не здороваго ребенка. Говоря далѣе о гистеріи дѣтей, я тѣмъ не менѣе упомяну и объ остальныхъ случаяхъ Абелина, теперь-же сообщу свои, которыя лично наблюдалъ. По первому взгляду ихъ тоже можно было-бы принять за притворства, но, разбирая подробно причины, вызвавшія подобное явленіе, предшествующія болѣзни дѣтей, родителей и т. д., вы ясно увидите, что тутъ что-то другое, что тутъ больше, чѣмъ симуляція, что тутъ просто болѣзнь.

1) Гимназистъ II-го класса Воронежской гимназіи, 13-ти лѣтъ, родился въ деревнѣ, прожилъ въ ней до 12-ти лѣтъ, средняго

тѣлосложенія, учится хорошо. Три года тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ февраля, задумываетъ своеобразнымъ манеромъ избавиться отъ ученія. Съ цѣлью похудѣть, онъ начинаетъ морить себя голодомъ. Изнуреннымъ, худымъ видомъ онъ надѣялся возбудить къ себѣ сожалѣніе отца и такимъ образомъ навести послѣдняго на мысль, что жизнь въ городѣ, ученіе въ гимназіи пагубно дѣйствуютъ на здоровье мальчика. Послѣдствіемъ такого вывода, мальчику представлялось, будетъ то, что его навсегда возьмутъ жить въ деревню. Съ наступленіемъ великаго поста выполнить задуманную мысль представлялся самый удобный случай. Мальчикъ жилъ въ частномъ пансіонѣ, гдѣ постили только по средамъ и пятницамъ. Съ перваго-же дня великаго поста интересующій насъ субъектъ довольствовался пищей менѣе роскошной, но болѣе разрушающей организмъ, чѣмъ была пища св. Антонія. Онъ приготавливалъ себѣ родъ соуса изъ горчицы и укуса и ѣлъ его съ хлѣбомъ въ завтракъ и обѣдъ, а утромъ и вечеромъ пилъ чай съ небольшимъ количествомъ сухарей и только. Понятно, что при такой оригинальной діетѣ за шесть недѣль онъ сильно исхудалъ. Не жалуясь ни на какія боли, онъ мало обращалъ на себя вниманія другихъ. Учитель пансіона, главнымъ образомъ, объяснялъ это страшное исхуданіе усиленнымъ занятіемъ. Мальчикъ дѣйствительно много работалъ и при переходѣ изъ II-го класса въ III-й получилъ за успѣхи похвальной книгу. Проѣзжая черезъ Воронежъ, я зашелъ въ пансіонъ, гдѣ прежде и самъ воспитывался. Тогда я былъ студентомъ V-го курса. Учитель пансіона обратилъ мое вниманіе на мальчика и передалъ вышесказанное. Я посоветовалъ начать кормить этого больного субъекта, хоть бы насильно, крѣпкимъ бульономъ, хорошимъ мясомъ, молокомъ, давать вина, въ небольшихъ дозахъ хину, а прочее оставить идти своимъ порядкомъ. Во время экзаменовъ, по счастью, въ концѣ ихъ нервное раздраженіе мальчика достигло своего высшаго предѣла. Онъ на пролетъ не спалъ цѣлыя ночи и не отъ усиленныхъ занятій, а отъ нервного возбужденія; онъ страдалъ тогда чистой формой безсонницы. Наступили каникулы, мальчика взяли въ деревню, гдѣ онъ на чистомъ воздухѣ скоро совершенно оправился. Въ четвертомъ и пятомъ классахъ онъ страдалъ частыми и сильными головными болями. Какъ прежде, такъ и теперь, упомянутый гимназистъ учился очень хорошо. Нынѣшнимъ лѣтомъ я встрѣтился съ этимъ уже молодымъ человекомъ и напомнилъ ему о прежней странной его болѣзни, причемъ онъ мнѣ сообщилъ, что чувствовалъ онъ въ то время себя совершенно здоровымъ; постилъ-же для того, чтобъ исхудать, а

исхудавъ, надѣялся, что его возмуть изъ гимназіи домой въ деревню. На вопросъ, что его натолкнуло на подобную мысль? отвѣтилъ: примѣръ бывшего тогда въ V классѣ товарища Пр... Пр... вернувшись съ Рождественскихъ каникулъ началъ скучать по дому, по деревнѣ. Задумался и затосковалъ и мой пациентъ. Этотъ мальчикъ сознательно морилъ себя голодомъ, не ѣлъ, что подавали для другихъ, потому-что преслѣдовалъ вздорную мысль, какъ можно больше похудѣть и достигнуть чрезъ это своей цѣли. Съ переездомъ въ деревню хорошая ѣда, прогулки въ лѣсъ, купанье дѣйствовали самымъ благопріятнымъ образомъ на его физическое здоровье. Въ двѣ-три недѣли онъ такъ поправился, что его узнать было трудно. Мальчикъ вскорѣ затѣмъ отказался отъ своего намѣренія навсегда поселиться въ деревнѣ и оставить гимназію. Въ этомъ случаѣ притворство длилось больше, чѣмъ два мѣсяца и носило, повидимому, на себѣ самый злостный, упорный по преслѣдованію цѣли характеръ. Нужно было тратить много силы, имѣть много терпѣнія, чтобъ учиться хорошо, питаясь при этомъ хлѣбомъ, уксусомъ и горчицей. Несмотря на видимую сознательность, опредѣленность цѣли, я все-таки скажу, что упомянутый гимназистъ былъ боленъ, что симуляція въ немъ развилась на нездоровой, больной почвѣ изъ подражанія товарищу Пр...—Каждому должно броситься въ глаза, что видѣть передъ собой ежедневно вкусныя блюда и не соблазниться ими, должно показаться страннымъ явленіемъ, а довольствоваться кисло-горькимъ соусомъ, совсѣмъ уже болѣзненнымъ,—чѣмъ и страдаютъ очень нерѣдко истерическія особы. Briquet говоритъ, что вкусъ у нихъ часто измѣняется къ обыкновенной пищѣ, особенно къ мясу; онѣ хорошо ѣдятъ кислое, соленое и незрѣлые плоды. По этой причинѣ истеричные больные чаще всего страдаютъ разстройствомъ въ отравленіяхъ желудка, которое и составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ признакъ нервного страданія. Въ томъ обстоятельствѣ, что съ переездомъ въ деревню мальчикъ быстро поправился, отказался отъ вздорной мысли оставить учење, гимназію, мы болѣе и болѣе пріобрѣтаемъ увѣренность, что притворство въ данномъ случаѣ развилось вслѣдствіе раздраженнаго нервного состоянія, что стремленіе выйдти изъ гимназіи и посѣлиться въ деревнѣ было болѣзненнымъ явленіемъ. Въ этомъ послѣднемъ мы еще больше убѣдимся, когда прослѣдимъ прошедшее мальчика. Онъ происходилъ изъ крестьянскаго сословія, до 13-ти лѣтъ жилъ въ деревнѣ и занимался ремесломъ отца, т. е. сѣялъ хлѣбъ и помогалъ ему въ мелкой торговлѣ. Между 9—10 годами страдалъ частыми головными болями и большими схватками въ

животѣ. Послѣднія появлялись вдругъ и безо всякой видимой причины. Часто возвращаясь съ полевыхъ работъ, онъ былъ охватываемъ приступомъ болей въ области желудка и его почти въ безсознательномъ состояніи лошадь привозила домой. Въ то же самое время мальчикъ страдалъ рвотами, которыя продолжались, впрочемъ, недолго,—мѣсяца два слишкомъ. Доходило до того, что не знали чѣмъ его кормить. На всѣ эти страданія обращалось столько вниманія, насколько это было въ силахъ окружающихъ. Обыкновенно говорили: пройдетъ, ничего... И дѣйствительно проходило. Соціальное положеніе и степень образованія семьи было таково, что другого взгляда на это явленіе и нельзя было ожидать. Мать, любившая безконечно своихъ дѣтей, разумнымъ обхожденіемъ дѣйствовала на нихъ самымъ успокоительнымъ и дѣйствительнымъ образомъ. На 13-мъ году мальчикъ лишился матери. Обстоятельства измѣнились, мальчика, едва знавшаго читать и подписать свою фамилію, берутъ въ городъ и начинаютъ готовить во второй классъ гимназіи. Приглашенный для этого учитель, послѣ того какъ услышалъ чтеніе басни Крылова «Лягушка и Волъ», на отрѣзъ отказался подготовить мальчика въ такой короткій срокъ. Мальчикъ чуть-ли не по-складамъ читалъ басню, какъ рассказываетъ его сестра. Что было дѣлать? Отказъ педагога повергъ всю семью мальчика въ сильное затрудненіе. Рѣшили пригласить гимназиста 4-го класса. Послѣдній началъ заниматься съ нашимъ quasi-симулянтomъ съ декабря, а въ май мальчикъ уже выдержалъ экзаменъ во-второй классъ. Работа была страшная и непосильная. Бывало, рассказываетъ гимназистъ,—сонъ клонить, но неприготовленный урокъ и надзоръ сестры заставляли учить и учить, а чтобъ не заснуть, приходилось ходить изъ угла въ уголъ и, что-называется-долбить заданные уроки. Представьте же себѣ, что за сумбуръ долженъ былъ образоваться въ головѣ мальчика, какую страшную непривычную работу выдержала его нервная система. Вѣдь все до единого слова было для него неслыханной новостью. Для насъ менѣе трудной показалась бы китайская граммота, чѣмъ ему непонятно къ чему нужно склоненіе: столъ, стола, mensa, mensae или спряженіе: люблю, любишь, amo, amas и т. д. Въ то-же самое время старшая его сестра, озабоченная тѣмъ, чтобъ какъ можно скорѣй развить брата, знакомила его съ физической и астрономической географіей, въ которой смыслила сама очень не много. Вы поймете, какъ много долженъ былъ работать дикій деревенскій мальчикъ, чтобъ пройти въ пять мѣсяцевъ всѣ предметы перваго класса классической гимназіи. Приходилось изо-дня въ день не

досыпать. Онъ недѣлями просиживалъ, не выходя на чистый воздухъ, въ сырой и темной комнатѣ въ горячечномъ состояніи, какъ-бы приготовить и то и другое, заданное учителемъ. Теперь передъ вами вся картина тѣхъ насильственныхъ и противестественныхъ условій, въ которыхъ приходилось жить и развиваться занимающему насъ субъекту. Но на этомъ дѣятельность мальчика не останавливается, онъ тѣмъ-же лѣтомъ готовится въ третій классъ, выдерживаетъ изъ трехъ предметовъ въ сентябрѣ экзаменъ и заболѣваетъ. Въ маѣ того-же года родные мальчика, съ которыми онъ жилъ, оставляютъ городъ Воронежъ. Мальчикъ, давши слово сестрѣ, что будетъ готовиться лѣтомъ въ третій классъ, работаетъ дѣйствительно самымъ усиленнымъ образомъ уже при болѣе гигиеничной обстановкѣ, но, выбившись изъ силъ, заболѣлъ и не могъ достигнуть своей цѣли. Сначала въ мальчикѣ развилась необыкновенная общая слабость, потомъ появилась гнойная течь изъ ушей и страшныя головныя боли, наконецъ, безсознательное состояніе, длившееся болѣе недѣли и, спустя только мѣсяцъ послѣ этого мальчикъ, видимо, началъ поправляться. Выздоровленіе шло чрезвычайно медленно и сопровождалось сильными и постоянными головными болями. При каждой перемѣнѣ положенія, сидѣлъ-ли онъ или стоялъ—все равно, онъ чувствовалъ головокруженіе, у него темнѣло въ глазахъ. Въ первый моментъ послѣ движенія мальчикъ не могъ различать окружающихъ предметовъ и только по прошествіи нѣкотораго времени они дѣлались для него видимыми. Такъ длилось мѣсяца три. Въ первый разъ въ гимназію онъ пошелъ передъ Рождествомъ. Съ декабря, приблизительно до 15-го февраля мальчикъ чувствовалъ себя здоровымъ, посѣщалъ аккуратно гимназію и учился очень хорошо. Въ концѣ февраля мальчикъ задумываетъ покинуть гимназію, переѣхать въ деревню и навсегда поселиться въ ней; для выполненія явившагося желанія, онъ начинаетъ симулировать вышеописаннымъ образомъ. Такъ-какъ цѣлый рядъ нервныхъ болѣзней передается дѣтямъ отъ родителей, то намъ небезинтересно будетъ знать, что вся семья мальчика, за исключеніемъ матери, страдаетъ мигренями. Одна изъ его сестеръ, послѣ смерти матери, была больна припадками истеріи, другая—въ 14 лѣтъ бредила монашествомъ, увлекалась постами и лишеніями. Вотъ тѣ неполныя свѣденія, которыя мы могли собрать, чтобъ выяснитъ себѣ истинный смыслъ симуляціи мальчика и избѣжать возможности принять ее за развившуюся на совершенно здоровой почвѣ.

Теперь читатель видитъ, почему въ нашемъ случаѣ симуля-

цію, въ которой признался даже самъ больной, все-таки нельзя принять за таковую, а необходимо считать за явленіе, развившееся на болѣзненной почвѣ и служащее указаніемъ на глубокое потрясеніе и нервное расстройство. Начало болѣзни для мальчика прошло незамѣченнымъ и только тогда, когда онъ началъ увлекаться своимъ прихотливымъ вкусомъ, онъ намѣтилъ себѣ цѣль, средства-же къ достиженію ея были на лицо и казались самыми вѣрными. По временамъ онъ замѣчалъ, что ему хочется ѣсть, но онъ удерживалъ себя; желаніе достигнуть цѣли было настолько велико, что воля выходила побѣдительницей надъ насущными потребностями организма. Эта-то особенность данной симуляціи и придаетъ ей до нѣкоторой степени злостный характеръ. Сюда-же можетъ быть отнесенъ и случай Абелина № 2, гдѣ 12-ти-лѣтняя дѣвочка, по словамъ родителей, обладавшая для своихъ лѣтъ необыкновеннымъ умомъ, вдругъ въ кругу братьевъ, матери, сестеръ упала въ припадкѣ судорогъ на полъ. Припадки продолжались около шести мѣсяцевъ. Разъ, находясь вдвоемъ съ отцомъ, дѣвочка съ плачемъ кинулась ему на шею и заявила, что она здорова, что прежде она притворялась. Изъ за чего-же? Отвѣта нѣтъ! Притворялась безо всякой нужды, безо-всякой побуждающей причины, точно также какъ и признаніе сдѣлала непонятно почему. Дѣвочка эта была дочь богатыхъ людей и хорошихъ родителей. Вѣроятно происходилъ какой-то ненормальный недознанный процессъ въ нервной системѣ дѣвочки, который выражался судорогами въ началѣ, а въ концѣ шести мѣсяцевъ разрѣшился признаніемъ и плачемъ. Въ первомъ и во второмъ случаяхъ воля не оказывала ровно никакого вліянія на проявленіе раздражительности въ началѣ, а въ концѣ болѣзни она сама какъ-бы исходила отъ воли и разума. Въ концѣ 6-ти мѣсяцевъ въ нервной системѣ дѣвочки могъ произойти цѣлый рядъ перемѣнъ, которыя благопріятно подѣйствовали на нее; съ этихъ поръ она могла начать владѣть своей волей и когда окрѣпла, обозвала свою болѣзнь притворствомъ, т. е. пришла къ такому-же выводу-заключенію, какъ и нашъ гимназистъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣднемъ. Скука по дому, по привычной деревенской обстановкѣ, сильное потрясеніе, перенесенное всей семьей вслѣдствіе смерти матери, непосильный совершенно непривычный головному мозгу мальчика трудъ и, наконецъ, болѣзнь сдѣлали его и безъ того уже нервнаго, до того раздражительнымъ и впечатлительнымъ, что рассказы Пр., и собственные воспоминанія о деревенской жизни взяли верхъ надъ тѣмъ направленіемъ, что необходимо учиться и хорошо учиться; а случившаяся потеря аппетита и появившійся стран-

ный вкусъ къ горько-соленому и кислому довершили дѣло и довели желаніе уѣхать въ деревню на чистый воздухъ, въ привольное житіе до острой болѣзненности. Какъ-же было выполнить желаніе! Объ этомъ совсѣмъ ненужно было думать. Болѣзнь дала подходящую форму, а раздраженный умъ мальчика нашолъ ее пригодной и симуляція готова. Для всякаго понятно, что сильная раздраженность и измѣненіе въ отправленіяхъ желудка составляютъ болѣзненное явленіе, а потому и форма ея проявленія есть тоже болѣзнь. Слѣдовательно, не притворялся нашъ гимназистъ, а боленъ былъ. Не исправлять его нужно было, а лечить, что блестяще доказали проведенныя имъ недѣли въ деревнѣ, гдѣ онъ поправился, поздоровѣлъ и рѣшилъ снова ѣхать въ гимназію и учиться. Заподозрите такого мальчика въ его преступности, начните вразумлять, наводить на путь истинный, придерживаясь правиламъ строгости и ощутительнаго внушенія и вы получите самые печальные результаты; вы заставите въ такомъ случаѣ работать нервную систему въ направленіи противоположеннаго пути, сдѣлаете изъ мальчика упорнаго чловѣка, а, что всего хуже, тупаго, ко всему окружающему равнодушнаго ученика. Результатъ при такомъ взглядѣ на ненормальные нервные явленія въ дѣтскомъ возрастѣ по-истинѣ можетъ быть печаленъ. Раздражая ребенка, вы подливаете масла въ огонь. Вы видѣли, что какъ только умъ и тѣло мальчика отдохнули въ деревнѣ, все забылось, онъ съ прежней охотой возвратился въ городъ и до сихъ поръ продолжаетъ хорошо работать.

2) Случай, наблюдаемый мною въ михайловской клинической больницѣ въ дѣтскомъ отдѣленіи, завѣдываемомъ профессоромъ Н. И. Быстровымъ. Иванъ Налетовъ 7-ми лѣтъ, слабый малокровный мальчикъ, питанія ниже средняго, съ живыми бойкими блестящими глазами. Выраженіе лица неопредѣленное, растерянное, недоумѣвающее. Заболѣлъ нижеслѣдующей формой послѣ того, какъ его побилъ отецъ; причемъ мальчикъ много кричалъ. Исслѣдованіе ребенка показало, что онъ относительно былъ здоровъ. Никакихъ аномальностей ни въ полостяхъ груди и живота, ни въ чувствительности кожи и тѣла не замѣчалось; только типъ дыханія былъ сильно измѣненъ. Выдыханіе происходило продолжительнѣй обыкновеннаго, съ силой и шумомъ. Картина дыханія производила то впечатлѣніе, которая наблюдается при быстромъ расслабленіи грудобрюшной преграды и послѣдующаго затѣмъ выдыхательнаго спазма брюшныхъ и грудныхъ мышцъ вмѣстѣ. Во время сна ребенокъ дышалъ правильно. Живя при клиникѣ и имѣя возможность посѣщать больныхъ дѣтей во всякое время дня, я зашелъ какъ-то послѣ ихъ обѣда въ рекреа-

ціонную залъ и замѣтилъ, что Налетовъ дышетъ совершенно правильно. На слѣдующій день я попросилъ его дышать какъ слѣдуетъ, какъ дышемъ мы всѣ, и онъ безъ всякаго затрудненія и сопротивленія отвѣчалъ на просьбу нормальнымъ типомъ дыханія и въ одно и то-же время по просьбѣ съ одинаковою готовностью начиналъ дышать неправильно. Дня черезъ три послѣ этого мальчикъ сталъ совершенно здоровъ. Для виду ему давали вмѣсто лекарства сахарную воду. По всему было замѣтно, что онъ не сознавалъ, для чего его заставляютъ дышать такъ или иначе. Все, что ему ни говорилось относительно дыханія, онъ исполнялъ безъ всякаго затрудненія. Нынѣшнимъ лѣтомъ практикующій въ Парижѣ докторъ Mercier рассказывалъ мнѣ про очевидныя какъ-будто-бы симуляціи зрѣнія у дѣтей, а затѣмъ передалъ и объясненіе этихъ симуляцій, данное однимъ профессоромъ физики тоже въ Парижѣ. Есть дѣти, говорилъ Mercier, — которые будучи увѣрены, что они могутъ видѣть предметы только на близкомъ разстояніи, читая книги, держатъ ихъ всегда близко передъ глазами, а на вопросъ, случайно предложенный, который часъ на башнѣ, отвѣчаютъ между тѣмъ вѣрно и какъ-бы неожиданно для самихъ себя. Случайно разубѣждаясь въ своей близорукости, дѣти начинаютъ различать мелкіе предметы также хорошо вдали, какъ и вблизи. Объясненіе этому факту профессоръ далъ слѣдующее: ребенокъ могъ когда-нибудь читать книгу, держа ее очень близко передъ глазами; такая манера чтенія могла ему понравиться, онъ повторялъ ее не разъ и не два и незамѣтно для себя привыкъ къ ней настолько, что иначе читать и различать предметы, какъ только вблизи, онъ считалъ для себя невозможнымъ. Что-жъ удивительнаго, что нашъ Налетовъ худой, малокровный мальчикъ, съ раздраженной нервной системой (а оснований для этого имѣется очень много, судя по соціальному положенію отца) уловилъ и привыкъ къ типу дыханія, который происходитъ во время плача и рыданія, когда за нѣсколькими частыми вздохами и всхлипываніями слѣдуетъ сильное рѣдкое выдыханіе. Если къ этому прибавить, что раздраженіе, вызывавшее этотъ послѣдній типъ дыханія, повторялось часто и бывало настолько сильно, что впоследствии какъ-бы оно не было слабо, эффектъ получался всякій разъ въ той-же формѣ и силѣ, то нѣкоторая длительность этой болѣзни становится намъ понятна. Разстройство инерваціи дыхательнаго аппарата усилилось до такой степени и стало настолько обычнымъ, что и другого рода раздражители вызывали тѣ-же самыя явленія. Такимъ образомъ частое повтореніе известнаго рода движеній при общей нервности обратилось въ привычку, нетиго-

тившую ребенка, потому-что она явилась пассивно, помимо его воли; съ тѣхъ-же поръ, какъ ему было сказано дышать, какъ слѣдуетъ, онъ началъ упражнять свою волю надъ этимъ автоматическимъ движеніемъ выдыханія и черезъ три дня достигъ полного успѣха, успокоившись вообще вдали отъ своей семьи.

3) Случай, наблюдаемый мною въ частной практикѣ. Дѣвочка 5-ти лѣтъ, питанія отличнаго, крѣпкаго тѣлосложенія, страдаетъ по временамъ съ 6-ти мѣсячнаго возраста очень схожей формой болѣзни, какою былъ одержимъ Иванъ Налетовъ. Дыханіе дѣвочки неправильное; выдыханіе иногда бываетъ затруднено; при каждомъ такомъ приступѣ затрудненнаго выдыханія личико ея краснѣетъ, мускулы живота сильно напрягаются, голосовая щель по всему вѣроятію суживается, дѣвочка при этомъ сильно кричитъ. Она предчувствуетъ за нѣсколько часовъ наступленіе припадка и выработала для этого особенный терминъ: «сегодня придетъ дуться». Въ день приступа дѣвочка бываетъ необыкновенно скучна, нелюдима. Приступъ ненормальнаго выдыханія съ крихтеніемъ бываетъ по нѣскольку разъ въ день, болѣзненное состояніе дѣвочки продолжается съ недѣлю и болѣе, затѣмъ исчезаетъ, чтобъ мѣсяца черезъ три, четыре снова появиться. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣвочки объяснили, что крихтѣть и дышать такъ нельзя, нехорошо, она, видимо, начала сдерживать себя и часто, чтобы не быть передъ глазами матери во время приступа, уходитъ въ другую комнату и наединѣ переноситъ свои страданія. Дѣвочка бываетъ очень огорчена, сильно плачетъ, когда мать видитъ ее во время приступа. Убѣдившись, что этого дѣлать нельзя, нехорошо, дѣвочка старается скрыть свои страданія. Разъ какъ-то мать вошла въ комнату дѣтей и нашла дочь свою въ припадкѣ ненормальнаго дыханія и судорожнаго сведенія ногъ и рукъ, что иногда бывало. Чтобы скрыть приступъ, дѣвочка протянула ногу и одну руку по направленію къ матери, обращая ея вниманіе на нихъ, что рука и нога не въ судорожномъ сокращеніи, что она ими можетъ двигать. Въ то-же самое время другая нога и рука были сильно сведены, пальцы судорожной руки такъ крѣпко впились въ ногу, что послѣ себя надолго оставили слѣдъ. Благодаря только разумному отношенію къ дѣлу матери, вышеописанное явленіе не принято за притворство, или еще хуже, для дѣтей за дурную манеру, привычку. Этиологическіе моменты для появленія такого невроза въ данномъ случаѣ очевидны. Въ семьѣ матери этой дѣвочки было нѣсколько случаевъ съумасшествія. Кромѣ того, отецъ этой малютки страдалъ сифилисомъ. Примѣровъ, доказывающихъ нервность дѣтей и симулирующихъ притворство, можно было-бы

подыскать не мало. Подвергая таковыхъ дѣтей вреднымъ вліяніямъ, раздражая ихъ и безъ того уже раздраженную, неспокойную, легко отзывчатую нервную систему, мы безъ всякаго сомнѣнія вызовимъ у нихъ еще больше нервного расстройства, проявленіе котораго чрезвычайно различно.

Это разнообразіе формъ нервныхъ страданій дѣтей заставляетъ насъ обходиться съ ними чрезвычайно осмотрительно и серьезно, какъ въ домашней, такъ и въ школьной жизни. При убѣжденіи, что ребенокъ нервень, раздражителень, вы постараетесь удалить все, что можетъ нарушать его спокойную жизнь и ровное развитіе. При появленіи quasi-притворства у такого ребенка вы можете предупредить развитіе серьезной болѣзни. Нервного ребенка вы будете иначе вести, совсѣмъ иначе воспитывать, чѣмъ здороваго; на различныя выходки нервного ребенка вы будете смотрѣть, какъ на показателя, служащаго опредѣленіемъ большаго или меньшаго нервного расстройства. Вы будете стараться улучшить общее состояніе больного, успокоить его, а не гоняться за признакомъ. Вы избѣжите, такимъ образомъ, ошибокъ, необходимо связанныхъ съ противоположеннымъ взглядомъ на натуру ребенка.

Всѣ вышеприведенныя притворства профессора Абелина я считаю исключительно за явленія развившіяся на болѣзненной, но ни чуть не на здоровой почвѣ. Всѣ онѣ относятся къ истеріи дѣтей, даже наблюденіе профессора подъ № 3 должно быть причислено къ той-же категоріи. Дѣло идетъ о 12-ти-лѣтней дѣвочки, которая страдала около пяти мѣсяцевъ рвотою. Она охотно ѣла конфекты и могла ихъ безъ всякаго видимаго вреда для себя уничтожить заразъ съ полфунта и болѣе. Фактъ, что нѣкоторыя истерическія особы могутъ питаться нѣкоторое время только конфектами и вообще чѣмъ-нибудь сладкимъ, служитъ лишнимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами мнѣнія. Въ обществѣ не мало найдется людей, которые убѣждены, что, коль скоро кто страдаетъ гистеріей, такъ онъ ужъ и притворяется. Но это далеко не такъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ вы можете замѣтить, что гистерія есть такая-же болѣзнь, другой разъ чрезвычайно тяжелая и мучительная, какъ падучая, пляска св. Вита и другія. Стоитъ только вспомнить гистерическія параличи, потерю чувствительности кожи или чрезмѣрное повышеніе ея, разнаго рода экзальтаціи, которыя не позволяютъ человѣку оставаться въ обществѣ и многое другое, чтобъ навсегда отказаться отъ мнѣнія, что это есть болѣзнь, дана въ удѣлъ исключительно женщинамъ-барынямъ. Правда, много попадаетъ и такихъ, которыя злоупотребляютъ возможностью существова-

нія этой болѣзни; также вѣрно и то, что она замѣтно уменьшается подѣ влияніемъ нѣкоторыхъ усилій надъ собой, особенно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ гистерія развилась внезапно, но сомнѣваться въ существованіи ея невозможно. Могутъ-ли дѣти страдать гистеріей? Безъ всякаго сомнѣнія; ее наблюдали въ этомъ возрастѣ Landouzy, Georget, Beau, Briquet и многіе изъ нѣмецкихъ писателей. Во всемъ сказанномъ легко и самому убѣдиться, стоитъ только повнимательнѣе взглянуть на условія, вызывающія развитіе гистеріи, чтобъ разъ навсегда порѣшить съ этимъ вопросомъ.

Причины гистеріи, по мнѣнію упомянутыхъ авторовъ, лежатъ въ особенностяхъ пола, возраста, состоянія здоровья родителей, физической крѣпости и моральной наклонности, климата, соціального положенія, мѣста и образа первоначальнаго воспитанія, профессиональнаго занятія, страсти, воздержанности, въ предшествующихъ болѣзняхъ и нѣкоторыхъ другихъ моментахъ, которые для доказательства нашей мысли непригодны, а потому я объ нихъ и не упоминаю.

Возьмемъ первое условіе, благопріятствующее развитію гистеріи—полъ. Женщина чаще заболѣваетъ гистеріей, чѣмъ мужчина. Цифровыя данныя, показывающія преобладающее заболѣваніе этой болѣзنیю женщинъ надъ мужчинами и полученныя изъ наблюденій надъ взрослыми, какъ 20: 1.

Rovssel высказываетъ такую мысль, что относительная физическая слабость и большая чувствительность женщины способствуютъ развитію не только нѣкоторыхъ спеціально-принадлежащихъ имъ болѣзней, но видоизмѣняютъ и тѣ заболѣванія, которыя общи для обоихъ половъ. Въ рѣзкихъ характерныхъ чертахъ истеріи чаще всего встрѣчается между женщинами, но многія жалобы мужчинъ на неопредѣленные нервныя расстройства, въ настоящее время все чаще и чаще встрѣчающіяся должны быть отнесены тоже къ случаямъ слабо выраженной истеріи. Тогда отношеніе частоты истеріи женщинъ къ случаямъ истеріи у мужчинъ, какъ 20:1 значительно уменьшилось-бы, хотя перевѣсъ навѣрное остался-бы все-таки на сторонѣ первыхъ. Причины этому отчасти заключаются какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ воспитаніи женщинъ. Отмѣтивши особенности женской организаціи въ названныхъ двухъ отношеніяхъ, мы получимъ болѣе точное представленіе о причинахъ, лежащихъ въ ней самой, а стало-быть, и о томъ, чему необходимо держаться при воспитаніи дѣвочекъ. Женщина обладаетъ живымъ воображеніемъ, осязаніе у нея тонко, рѣчь менѣе принужденна и болѣе развязна. Она легко радуется и глубоко

чувствуетъ горе, материнская любовь часто экзальтирована; уже изъ этого короткаго перечня особенностей женщины вы видите, что она легко приходитъ въ возбужденное нервное состояніе, въ большую эмоцію. Женщина больше чувствуетъ, чѣмъ думаетъ. Она оказываетъ самую нужную и постоянную помощь дѣтямъ, ребенку и старцу. Она владѣтельница утѣшенія, которое и вноситъ въ убѣжище несчастныхъ. Все это ставитъ женщину въ рядъ такихъ положеній, при которыхъ оставаться покойной невозможно. Она по своему соціальному положенію болѣе всего упражняетъ чувства. Если обратимъ вниманіе на физическое устройство женщины, то и въ этомъ отношеніи найдемъ большую разницу въ сравненіи съ организацией мужчины. Кости и мускулатура женщинъ сравнительно хуже развиты, а органы чувствъ тоньше; сильный свѣтъ ее болѣе раздражаетъ, непріятный запахъ можетъ обусловить обморкъ, воздухъ, насыщенный влажностью и электричествомъ послѣ грозы, ее душитъ; она менѣе стойко переноситъ холодъ и жарь. Словомъ—только-что переданное мнѣніе Virey о женщинахъ, хотя и преувеличено нѣсколько, но вообще справедливо и говоритъ за то, что данныхъ для развитія истеріи въ женской организаци, какъ нравственной, такъ и физической, имѣется чрезвычайно много. Насколько сказанное относится къ дѣтскому возрасту, станетъ видно послѣ того, какъ я скажу о возрастѣ.

Изъ ученія о гистеріи мы знаемъ, что она представляетъ страданіе спинно-черепнаго мозга или-же только черепнаго, которое, однако, не выражается структурными измѣненіями мозговой ткани названныхъ органовъ; далѣе намъ извѣстно, что въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ нервная система во многомъ отличается отъ нервной системы взрослыхъ, какъ по своему химическому составу, такъ и по анатомическому устройству. Головной мозгъ дѣтей вмѣстѣ со спиннымъ со дня рожденія до періода половой зрѣлости увеличивается въ четыре раза. Въ этотъ-же самый промежутокъ времени онъ усовершенствуется, пріобрѣтаетъ извѣстную опредѣленную форму, съ которой и остается на всю жизнь. У ребенка задерживающіе центры *) только привыкаютъ къ своей спеціальной дѣятельности, а у новорожденныхъ ихъ нѣкоторое время совсѣмъ не бываетъ. Такимъ образомъ то, что у взрослога представляется

---

*) Задерживательнымъ центромъ называютъ локализованную способность головного мозга, при помощи которой раздраженія, получаемыя извнѣ, или только ослабляются, или-же совершенно задерживаются.

весьма развитымъ, что на поступки взрослога кидаетъ тѣнь разумности, что сдерживаетъ взрослога, гдѣ нужно, того именно въ раннемъ возрастѣ ребенка не существуетъ, а въ позднемъ представляется не совершеннымъ. Въ силу того, что задерживающихъ и регулирующихъ центровъ у ребенка нѣтъ или они мало развиты становится понятно, почему ребенокъ больше, т. е. чаще и сильнѣе возбуждается; въ этомъ возрастѣ онъ, если можно такъ сказать, цѣликомъ открытъ вліянію вѣшняго міра; онъ знакомится совсѣмъ, что его окружаетъ, чему учать, что слышать. Во время дѣтства въ сознаніи начинаютъ группироваться впечатлѣнія въ представленія, въ мысли и убѣжденія. Ребенокъ долженъ быть впечатлительнымъ, иначе онъ не разовьется. Нервные дѣти обнаруживаютъ дѣйствительно большія способности, имѣютъ отличную память, не по лѣтамъ умъ и воображеніе, однако, скажу при этомъ, что немного нужно для того, чтобъ такой истый владъ въ ребенкѣ, составляющій гордость и счастье родителей, обратился въ тягость и страданіе для обѣихъ сторонъ. Правда, не развитъ и тупъ тотъ ребенокъ, который безъ времени состарѣлся, его ничто не волнуетъ, ничто не интересуется. Но и слишкомъ большая отзывчивость и легкая раздражительность дѣтей служить тягостью для нихъ и благопріятствуетъ нарушенію того равновѣсія, которое составляетъ гармонію нормальнаго развитія и теченія жизни ребенка. Это нарушение наступаетъ, конечно, въ томъ случаѣ, когда сильно что-либо поражаетъ ребенка или когда онъ находится подъ вліяніемъ долго дѣйствующаго однообразнаго рода воздѣйствій вѣшняго міра. Сюда относятся: климатъ, социальное положеніе, недостатокъ питанія и т. д. При общей нервности организма раздраженіе можетъ быть малымъ, а вызывать послѣдствія чрезвычайно сильныя. Въ нервномъ ребенкѣ одно желаніе можетъ возбудить такую пережну въ нервной системѣ, которая въ одномъ случаѣ кончится плачемъ и судорогами, а въ другомъ страшнымъ упорствомъ. При послѣднемъ оборотѣ дѣла ребенокъ перенесетъ зачастую приличное случаю наказаніе, а задуманное разъ все-таки постарается привести въ исполненіе. Плачь и упорство суть два проявленія, какъ-будто разные между собой, неизмѣющія ничего общаго, а на самомъ-то дѣлѣ они составляютъ послѣдовательный продуктъ разстроенной болѣзненной нервной системы. По Whytt, дѣти обладаютъ большою чувствительностью и подвижностью нервной системы, что находится въ прямой зависимости отъ строенія спинно-мозговаго аппарата. Отъ слабого и малостойкаго строенія того-же аппарата зависитъ и то, что онѣ чаще дѣлаются жертвами кон-

вульсій. Причины, не дѣйствующія на взрослыхъ, у нихъ вызываютъ бурную картину нервныхъ расстройствъ и гистерій. Изъ всего сказаннаго мы можемъ заключить, что дѣти также способны поражаться истерикой, какъ и женщины, что условій для развитія ея въ дѣтскомъ возрастѣ имѣется не только достаточно, но гораздо больше, чѣмъ въ организмѣ женщины. Указаніе Briquet, что самое большее число истеричныхъ приходится на года отъ 12 до 18 лѣтъ, подтверждаетъ только-что высказанное нами мнѣніе, что въ наблюденіяхъ проф. Абелина мы имѣемъ дѣло не съ притворствами, а съ гистеріей, съ болѣзнью чрезвычайно распространенной въ Швеціи, особенно въ бѣдномъ классѣ народонаселенія по увѣренію проф. Magnus. Въ Briquet о причинахъ сильнаго развитія гистеріи въ Швеціи Magnus упоминаетъ, между прочимъ, о суровомъ климатѣ, бѣдности народонаселенія и т. д. Нѣтъ ничего, слѣдовательно, удивительнаго, что Абелину пришлось наблюдать такіа хитрыя quasi-притворства въ своей странѣ, гдѣ гистерія есть обыкновенное и частое явленіе, какъ у насъ въ вологодской и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ.

Частота заболѣванія гистеріей въ дѣтскомъ возрастѣ падаетъ на переходный періодъ, когда развитіе спинно-мозгового аппарата заканчивается и наступаетъ періодъ зрѣлости. Слѣдующіе авторы наблюдали гистерію въ дѣтскомъ возрастѣ и въ такомъ порядкѣ и числѣ:

	Содня рожденія до 10 лѣтъ.	Съ 10 лѣтъ до 15 лѣтъ.
Landouzy	4	48
Georget	1	5
Beau	11	6
Briquet	66	98

Стимулы, непосредственно вызывавшіе появленіе гистеріи, были констатированы Briquet изъ 87 наблюденій только въ 39 случаяхъ. Никто, однако, не станетъ отрицать существованіе гистеріи въ остальныхъ 48 случаяхъ Briquet, для которыхъ причины, благопріятствовавшія развитію гистеріи, остались неизвѣстными, равнымъ образомъ незнаніе причинъ гистеріи, приведенной, какъ случаи притворства, не можетъ служить опроверженіемъ высказаннаго нами взгляда на нихъ. Въ моихъ наблюденіяхъ дурное обращеніе послужило поводомъ къ развитію гистеріи въ одномъ случаѣ, у Briquet въ 18-ти; скука по дому въ наблюденіяхъ упомянутаго автора въ 3-хъ случаяхъ, у меня въ одномъ.

Что гистерія передается по наслѣдству, не подлежитъ ника-

кому сомнѣнію. Блестящее доказательство тому мы видимъ на каждомъ шагѣ. Briquet утверждаетъ, что дѣти, рожденныя отъ истерическихъ родителей, въ 12 разъ скорѣй заболѣваютъ этой формой болѣзни, чѣмъ дѣти, рожденныя отъ совершенно здоровыхъ родителей. То, что для здороваго ребенка пройдетъ безслѣдно незамѣченнымъ, на ребенка, рожденнаго отъ истеричныхъ родителей или отъ родителей, страдающихъ другими нервными болѣзнями, повліяетъ вредно. Зная условія, которыя легче всего вызываютъ нервныя страданія въ предрасположенныхъ къ этому дѣтяхъ, мы будемъ въ состояніи избѣгать хотя нѣкоторыхъ вредно дѣйствующихъ причинъ на развитіе организаціи ихъ, а слѣдовательно, будемъ посылно способствовать и приготавливать здоровыхъ и болѣе полезныхъ членовъ общества. Физически крѣпкій ребенокъ противостоитъ больше всякому вредному вліянію, а въ частности значить и стимуламъ, вызывающимъ гистерію. Мысль воспитывать здороваго и крѣпкаго ребенка должна быть первой задачей родителей вообще и въ особенности родителей нервныхъ, раздражительныхъ и пораженныхъ конституціональными болѣзнями. Пословица «in corpore sano mens sana» для послѣднихъ пріобрѣтаетъ особенную важность и цѣнность въ послѣдующей жизни дѣтей. Кому не извѣстно, что здоровыя дѣти лучше учатся, разумнѣе ведутъ себя и меньше болѣютъ. Подготовить нервнаго ребенка для выполненія этихъ трехъ задачъ, значить сдѣлать его здоровымъ. Съ этой цѣлью воспитаніе должно начаться съ ранняго возраста, но объ этомъ рѣчь будетъ ниже; теперь же продолжимъ разборъ другихъ условій, благопріятствующихъ развитію гистеріи въ дѣтскомъ возрастѣ. Я имѣю въ виду сказать два слова о климатѣ и способѣ вскармливанія дѣтей. Изъ знанія о несовершенномъ физическомъ строеніи ребенка, изъ того факта, что онъ больше отдаетъ тепла въ окружающую среду, чѣмъ взрослый, что физиологическіе процессы — обмѣнъ веществъ въ дѣтскомъ организмѣ совершается быстрѣй во много разъ, слѣдуетъ самъ собою выводъ, что пища ребенка должна пополнить не только трату веществъ, израсходованныхъ организмомъ во время той или другой работы, но также давать послѣднему и излишекъ, который могъ-бы поидти на образованіе новыхъ тканей, на ростъ ребенка. Такимъ образомъ холодный климатъ и не достаточное питаніе дѣйствуютъ гибельно на ребенка, задерживая его ростъ и подрывая общее питаніе. Такого рода лишенія и неудобства дѣлаютъ ребенка не только хилымъ и больнымъ, но создаютъ благопріятную почву для нервныхъ страданій и вообще для всякихъ другихъ болѣзней.

Способъ воспитанія есть также одинъ изъ главныхъ стиму-

ловъ появленія гистеріи въ дѣтскомъ возрастѣ. Говорить вообще о воспитаніи не считаю для себя возможнымъ, во-первыхъ, потому, что это не было моею задачей, а, во-вторыхъ, отчасти и потому, что этотъ вопросъ чрезвычайно обширный, для удовлетворительнаго рѣшенія котораго пока не имѣется достаточно научныхъ данныхъ. Поэтому я ограничусь лишь указаніемъ, какъ по моему мнѣнію и мнѣнію другихъ авторовъ, наблюдавшихъ нервныхъ дѣтей, слѣдуетъ воспитывать послѣднихъ.

Разбирая условія, вызывающія гистерію въ дѣтскомъ возрастѣ, я упомянулъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, другія же опустилъ потому, что они присущи исключительно извѣстному физиологическому состоянію даннаго субъекта, т. е. такому состоянію, которое въ большинствѣ случаевъ стоитъ уже внѣ дѣтскаго возраста, а инныя потому, что кажутся малозначительными. Но и разобранныхъ причинъ думаю достаточно для того, чтобъ предупредить читателя отъ такихъ смѣлыхъ заключеній при видѣ нервнаго ребенка, какія высказалъ въ первыхъ строкахъ статьи «Притворныя дѣтскія болѣзни» референтъ журнала «Воспитаніе и Обученіе». Мы знаемъ, говоритъ онъ,—дѣвочку, съ которой при малѣйшемъ противорѣчій или самомъ легкомъ замѣчаніи дѣлались судорги и истерики; упражненіе въ ней развило такое мастерство въ этомъ отношеніи, что ей могла-бы, «видите-ли», позавидовать самая записная кокетка. Довѣрчивый читатель можетъ, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что сама дѣвочка развила эту способность, а по истинѣ-то въ ней развивали и развили тѣ, кто мыслить вышеприведеннымъ образомъ и рекомендуетъ смотрѣть на таковыя явленія въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ на прихоти записныхъ кокетокъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, не вѣдаютъ, что творять. Дѣвочка виновата въ томъ, что ее, нервную, больную, постоянно раздражали и довели до того, что отъ противорѣчій съ ней дѣлались судорги. Вообразите больного человѣка съ раной, которой касаются безъ всякой нужды по нѣсколько разъ въ день и причиняютъ боль и кровотеченіе. Вообразите, что это длится нѣсколько дней... Спрашиваю, что сдѣлается съ такой раной и съ несчастнымъ больнымъ? Для всякаго понятно, что рана сильно воспалится, можетъ омертвѣть, а больной исхудать и умереть. Каждый въ такомъ случаѣ постарается не дѣлать того, что причиняетъ боль раненому и раздражаетъ рану. Когда-же встрѣчаемъ больную нервную дѣвочку, когда сами ее постоянно раздражаемъ, когда растравляемъ ее больной организмъ и доводимъ до состоянія, въ которомъ она отъ одного противорѣчія падаетъ въ судорогахъ, въ обморокъ, то спокойно говоримъ: «упражненіе развило въ ней такое мастерство, что

ей могла позавидовать... и т. д. Какихъ только поклеповъ не ввели на дѣтей, какихъ только злокозненныхъ натуръ не отыскивали въ нихъ. Въ Англіи, напр., нынѣшнимъ лѣтомъ 8-ми лѣтнаго мальчика приговорили къ тюремному заключенію, а по совершеннолѣтіи къ каторжнымъ работамъ. Да зачѣмъ далеко за примѣрами ходить, когда своихъ много. Давно-ли было время, когда цѣлыми десятками исключали дѣтей изъ школъ, едва выучившихся подносить ложку ко рту, за зловредное направленіе и чуть-ли не за намѣреніе свергнуть существующій государственный порядокъ. И всего замѣчательнѣе, что дѣти бываютъ сами виноваты во всемъ, никто какъ только онѣ! Какое отрадное воспоминаніе оставилъ во мнѣ инспекторъ нашей гимназіи, который въ порывѣ сильнаго гнѣва не находилъ ничего больше какъ выбрать ученика сорокой и сказать при этомъ какой-нибудь стихъ. Сколько-же такихъ, которые въ простой шалости ученика съ тщательнымъ стараніемъ отыскиваютъ доказательства закоснѣлой природы какого-нибудь 12-тилѣтнаго пузыря, часто аттестуютъ его неисправимымъ и передаютъ въ руки родителей. Но я совсѣмъ удалился отъ цѣли. Моя задача по возможности убѣдить всякаго въ томъ, что если кому придется имѣть на рукахъ ребенка нервнаго, раздражительнаго, то необходимо обращаться съ нимъ деликатно, спокойно. Я знаю, напр., 9-тилѣтнюю дѣвочку, которая пріѣхавъ на каникулы въ домъ отца, нашла неособенно нѣжное съ его стороны обращеніе и заболѣла. Все страданіе дѣвочки заключалось въ томъ, что она не могла глотать изъ страха подавиться. Мать этой несчастной малютки находится въ домѣ умалишенныхъ. При незнаніи дѣла и это явленіе можно было-бы принять за притворство, а при извѣстномъ обращеніи съ ребенкомъ не только не избавить его отъ тягостнаго страданія, но еще усилить и ухудшить его. Возвратившись въ пансіонъ, иначе говоря, въ условія болѣе благоприятныя, чѣмъ въ домѣ отца, дѣвочка снова начала чувствовать себя лучше и по настоящее время остается относительно здоровой. Думаю, что достаточно теперь имѣется примѣровъ, чтобъ удержаться при встрѣчѣ хитраго притворства со стороны ребенка отъ поспѣшнаго приговора, что онъ симулянтъ, что онъ притворяется. Необходимо всякій разъ разобрать условія, сопровождающія появленіе притворства, необходимо серьезно вникнуть въ жизнь ребенка, изслѣдовать его нервную систему, пораспросить о предшествующей его жизни и жизни родителей и послѣ всего уже и то не спѣша произнести то или другое заключеніе. Вдумываясь внимательнѣй въ странныя явленія дѣтской жизни, мы будемъ находить ихъ все менѣе и ме-

нѣе странными, а главное, все менѣе и менѣе злыми, злостными.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что такая гистерія и какимъ образомъ представленіемъ объ этой болѣзни мы можемъ объяснить явленія въ жизни нервно-впечатлительныхъ и нервно-упорныхъ дѣтей.

В. Ч.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАЖОРА *).

РАЗСКАЗЪ.

Живя въ деревнѣ во время службы моей въ Сибири, я обыкновенно разъ въ недѣлю получалъ съ почты иногда болѣе сотни пакетовъ: съ донесеніями волостныхъ правленій, предписаніями и подтвержденіями различныхъ начальствъ и вѣдомствъ о скорѣйшемъ окончаніи находившихся въ производствѣ у меня слѣдственныхъ дѣлъ. Въ числѣ этихъ пакетовъ каждый разъ находилось два-три съ надписью: „о происшествіи“, и эти пакеты, конечно, прежде всѣхъ распечатывались и прочитывались мною. Невеселныя думы навѣвало на меня чтеніе донесеній о найденныхъ мертвыхъ тѣлахъ, о повѣсившихся, объ убійствахъ, совершенныхъ въ моемъ участіи. Я смотрѣлъ на эти донесенія какъ на скорбныя листы, вырванные изъ обширной книги народной жизни; и это дѣйствительно были скорбныя листы, которые, помимо желанія, у самихъ черствыхъ людей будили что-то въ родѣ состраданія и раздумья. Нашли, наприимѣръ, мертвое тѣло, повидимому, бѣжавшаго арестанта, такъ-какъ на спинѣ смураго зипуна казеннаго образца вшитъ былъ черный четырехугольникъ; нашлось оно въ погребу, за кадками съ солеными огурцами и капустой, куда забился несчастный бѣглець, гонимый морозомъ, голодомъ и страхомъ. „Уши,

---

*) Зажорой народъ называетъ глубокую рытвину, образующуюся по санной дорогѣ весной, во время таянія снѣга. Подобныя зажоры бывають крайне опасны на пути, пролегающемъ по льду, такъ-какъ имѣють свойство, вслѣдствіе рыхлости льда или снѣга, засасывать въ себя и лошадей, и экипажъ. Нерѣдко бывають случаи, что засосанная зажорою лошадь гибнетъ.

носъ, зубы повреждены, повидимому крысами; въ кулакѣ сжатъ омурецъ, часть котораго откушена“, гласить полицейскій осмотръ, замѣняющій некрологъ для этихъ людей, безслѣдно погибшихъ иногда въ самомъ разцвѣтѣ силъ и жизни. Навѣрно каждый прочелъ-бы между строкъ сухого формального донесенія тяжелую повѣсть пережитыхъ страданій во время жизни этого чловѣка на волѣ, въ бытность въ острогѣ и во время безпріютнаго скитальчества. Въ другой деревнѣ повѣсилса крестьянинъ изъ ссыльно-поселенцевъ, занимавшійся столярнымъ мастерствомъ. По показанію однодеревенцевъ: „въ последнее время онъ тосковалъ о женѣ, оставшейся на родинѣ и вышедшей замужъ“. Немного, кажется, сказано въ этихъ строкахъ донесенія волостного правленія, а вникните въ нихъ, и передъ вами развернется потрясающая драма, надломившая силы чловѣка и сдѣлавшая жизнь для него невыносимымъ страданіемъ.

Послѣ получения подобныхъ пакетовъ, мнѣ всякій разъ приводилось скакать въ ту или другую сторону моего обширнаго участка, скакать безостановочно, несмотря ни на какую погоду, чтобы производить судебныя дознанія и осмотры. За то, во время съ учнаго пути по узкимъ проселочнымъ дорогамъ, было много досуга раздумывать, подъ однообразный звонъ колокольчика и топотъ лошадей, объ участи всѣхъ этихъ Ивановъ, Трофимовъ, Агафоновъ, которыхъ печальная жизнь, начавшаяся, можетъ быть, съ пеленокъ, привела къ не менѣе печальному концу гдѣ-нибудь въ погребу или подъ навѣсомъ...

Часто среди пакетовъ встрѣчались пакеты съ надписью: „секретное“; въ нихъ обыкновенно доставлялись мнѣ фальшивые кредитные билеты съ подробною повѣстью о странствованіи ихъ изъ рукъ въ руки до минуты открытія незаконнаго происхожденія. Получивъ въ ноябрѣ 186... года подобный пакетъ, я былъ вполне увѣренъ, что, распечатавъ его, найду какую-нибудь пятирублевую кредитку; но каково-же было мое удивленіе, когда, вмѣсто кредитки, въ рукахъ моихъ оказалось предписаніе произвести строжайшее разслѣдованіе: „не заключается - ли въ пророчествахъ крестьянина деревни Клушиной, Анисима Матвѣева Королькова, чего-либо возмутительнаго противу властей и существующаго порядка“. Въ подробномъ донесеніи волостного правленія, приложенномъ къ этому предписанію, говорилось, что „Анисимъ Король-

ковъ, во время бывшей въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года сильной грозы, слышалъ гласъ съ неба, обращенный къ нему, и гласъ сей былъ столь зыченъ, что Корольковъ оглохъ отъ онаго и до нынѣ чувствуетъ шумъ въ правомъ ухѣ, и при семъ онъ видѣлъ яко-бы ангела, держащаго въ рукахъ огненную метлу, кою онъ мелъ по воздуху“. Подобный случай, въ то время еще первый въ моей практикѣ, сильно заинтересовалъ меня, и я въ тотъ-же день отправился въ путь. Въ глухую полночь, прозябшій и усталый, въѣхалъ я въ деревню Клушино, заброшенную далеко въ глушь Т. округа. Ямщикъ мой, пожилой человекъ, одѣтый въ шубу мѣхомъ вверхъ, съ половины дороги началъ усердно похлопывать рукавицей о рукавицу и нѣсколько разъ, желая отогрѣть оковчѣнншіе члены, соскакивалъ съ облучка и бѣжалъ рысью, рядомъ съ лошадьми. „О-ой, мо-оро-озъ завернул!“ произносилъ онъ, вскакивая на облучекъ послѣ подобнаго моціона и, оборачивая ко мнѣ свое красное лицо съ густо-заиндевѣвшей бородой и усами, улыбался самой добродушной улыбкой, по всей вѣроятности вызываемой пріятнымъ ощущеніемъ теплоты, разливавшейся по тѣлу его.

— Завезъ - бы тебя къ Максиму Арефьичу: изба - то у него большая, просторная, чистая изба, произнесъ онъ, обратившись ко мнѣ, когда мы въѣхали въ околицу деревни; — да не знаю, покажется-ли тебѣ: тараканъ одолѣлъ его, совсѣмъ, слышь, изъ избы выживаетъ; поѣдешь-ли? спросилъ онъ.

— Вези; чего-же таракана бояться? отвѣтилъ я.

— И я-то говорю, что чего-бы таракана бояться, не съѣстъ; да вишь, новѣ писарь у него останавливался, такъ тараканъ-то, слышь, въ ухо заползъ ему, слыхалъ?..

— Случается...

— Такъ писарь-то это, съ сердцовъ-то, слышь, оплеушинъ съ десятокъ никакъ Максиму-то накидалъ. Вотъ оно!.. Суди, и великъ-бы гнусъ тараканъ, а сколь неприяностей за него стерпишь въ ино время...

— Да какое-же право имѣлъ писарь бить его?

— Ужъ гдѣ тутъ право разбирать, когда бьютъ-то тебя, суди! Ты, говорить, долженъ по закону жить, въ избѣ-то блюсти чистоту, а не плодить гнуса; я, говорить, съ тебя еще за таракана-то убытки возьму!

— Убытки-то какіе - же? прервалъ я, заинтересованный разсказомъ его о походахъ писаря.

— По службѣ убытки - то! Я, говорить, на то, можетъ, и приставленъ теперича, штобы мнѣ все слышать, чего гдѣ говорятъ и дѣють, а ты меня тараканомъ отравилъ. Могу-ль я, говорить, опосля того быть вѣрнымъ слугой начальству, а-а? Вотъ и толкуй, какіе убытки то! Пять рублей ему на мировую Максимъ-то пожертвовалъ, знаешь-ли вотъ это?

— Ну и глупо сдѣлалъ, что пожертвовалъ.

— Глупо, извѣстно испужался! Съ испугу-то и десять отдашь, да нескоро образумишься. А можетъ, оно и въ заболѣ въ законѣ-то писано, штобъ таракана - то не плодить въ избахъ, почемъ знать!

— Законовъ про это не пишутъ.

— А-а... ну, вишь вотъ, темнота-то наша, хе!.. И за таракана бьютъ, да деньги берутъ! произнесъ онъ, покачавъ головой. Такъ Максимъ-то, слышь, только спровадилъ это писаря-то, такъ сейчасъ это, съ сердцовъ-то, распахнулъ окна и двери въ избѣ и ну ихъ морозить, таракановъ-то... Извелъ!.. Да не болѣ, слышь, мѣсяца по закону-то прожилъ. Съ изнова, говорить, набилось ихъ, никакъ болѣ прежняго; вотъ и способись поди съ ними. Я на то и спрашиваю тебя: поѣдешь-ли?

— Вези!..

— Писаря - то я-же, слышь, къ Максиму - то привезъ, такъ Максимъ-то на меня никакъ съ мѣсяцъ серчалъ. Вотъ я и боюсь, милый, кабы съизнова не подвести его подъ грѣхъ, и спросилъ тебя, поѣдешь - ли?.. Ну, да ни кто какъ Богъ! заключилъ онъ и, хлопнувъ рукавицами, крикнулъ: „Эй, вы, соколики“.

Соколики пустились крупною рысью, и не болѣе какъ черезъ четверть часа я сидѣлъ въ просторной и теплой избѣ Максима Арефьича, освѣщенной двумя сальными свѣчами, при тускломъ свѣтѣ которыхъ все-таки можно было разсмотрѣть полчища таракановъ, копошившихся въ пазахъ стѣнъ, въ углахъ и по потолку. На другой день утромъ, вслѣдъ за поданнымъ самоваромъ, ко мнѣ вошелъ и хозяинъ дома, Максимъ Арефьичъ. Войдя въ комнату, онъ, по обычаю, помолился въ передній уголъ и затѣмъ, пожелавъ мнѣ добраго здоровья, остановился у порога. Это былъ широкоплечій, низенькаго роста человекъ, съ легкою просѣдою,

пробывавшеюся въ темно-русыхъ волосахъ на головѣ, подстрижен-ныхъ въ скобку, и въ окладистой бородѣ, придававшей лицу его шарообразный видъ. Въ крупныхъ и даже грубыхъ чертахъ его лица было разлито наивное добродушіе. Глядя на него, такъ и казалось, что любой прохождицъ могъ обобратъ его не только за таракана, но даже за блоху, и ни малѣйшаго протеста не оказалъ-бы на требованія его этотъ приземистый человѣкъ, обладавшій мускульною силой и цвѣтущимъ здоровьемъ.

— Садись-ко, Максимъ Арефъичъ, гость будешь! пригласилъ я.

— Постоймъ, ваша милость; благодаримъ покорно на словѣ; намъ што, мы и постоймъ! отвѣтилъ онъ, кланяясь.

— Садись! повторилъ я.

— Не привычны будто, снова отвѣтилъ онъ;— ну ужъ, коли твоей милости угодно, такъ што - же, пожалуй, и сядемъ, только оно... того, говорилъ онъ, заноса руку къ затылку, — зазорно, слышь, сидѣть-то...

— Отчего зазорно?

— Дѣло-то наше подначальное... Ну, да што-жъ, посидимъ, все будто компанія, отвѣтилъ онъ, слегка присаживаясь на скамью и точно опасаясь, что, при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи его, она рассыплется.— Знать по дѣлу къ намъ заглянулъ, сударь? спросилъ онъ.— Ужъ не Анисимъ-ли Матвѣичъ мучить тебя,—а?

— Какой Анисимъ Матвѣичъ?

— Корольковъ, што-ль, пишется-то онъ... мы-то его, признаться, Зажорой кличемъ болѣ... Зажорой все зовемъ.

— За что-же вы его Зажорой прозвали? полюбопытствовалъ я.

— А Богъ его знаетъ! Какъ тебѣ скажешь, за што какую кличку на мужика міръ повѣсятъ? Теперя меня вотъ взяли: съ измальства почестъ стали Корчагой кливать... Корчага да Корчага, ну и подъ вотъ — доспрашивай, за што прошто въ Корчаги произвели!.. съ добродушной ироніей пояснилъ онъ.— Такъ ужъ съизстари повелось; вотъ и Анисима Матвѣича окрестили Зажорой и зовемъ теперь: Зажора да Зажора!.. Оно, коли въ правду-то сказать, такъ, пожалуй, што кличка-то эта и по шерсти ему: заѣдливый человѣкъ.

— Неуживчивый? прервалъ я.

— Нѣ-ѣтъ!.. Пошто грѣхъ на душу брать, худое-то говорить про него: уживчивый, изъ міру его клиномъ не вышибешь; а такъ

это, кормилецъ, обсказать-бы тебѣ, не натуральной, ровно, чело-
вѣкъ-то онъ...

— Пошѣшанный, што-ль, по-твоему?

— И этого не говори: въ умѣ мужикѣ, какъ есть въ пол-
номъ разумѣ.

— Такъ чѣмъ-же онъ, по-твоему, не натураленъ?..

— А такъ-бы тебѣ, батюшко, обсказать надо, началъ онъ,
закаясь,—што не за свое, ровно, дѣло берется. Теперича возьми
ты мужика, къ примѣру меня возьми,—ну, мало-ли что гдѣ
дѣется, а? Ну и видишь въ ино время, чего таить, што оно и
не такъ-бы слѣдовало, не по порядку будто клинъ въ ино мѣсто
вбить, да вѣдь чего ты доспѣшь? Не съ тебя повелось, не тобой
и кончится. Вѣдь и тесницу теперь возьми, къ слову скажу:
гладкую-то въ рѣдкость ты найдешь, все нѣтъ-нѣтъ да сучекъ
и выглянетъ... Такъ и жизнь-то наша! Вѣрно-ль я говорю?.. А
онъ, сказать тебѣ, Зажора-то, сейчасъ это въ думу вдарится: по-
чему да отчего все это, да гдѣ законъ экой? Ну, мужичье-ль
это дѣло думать-то, суди!

— А развѣ мужику, по-твоему, не слѣдуетъ думать, а?

— Какъ ты, милый, безъ думы-то проживешь? И хотѣлъ-бы,
можетъ, въ ину пору жить безъ думы, да вишь дума-то не спра-
шивается, надоть ее или нѣтъ, а сама тебѣ безъ спросу въ голо-
ву лѣзетъ. Безъ думы жить тоже нельзя, да дума-то думѣ роз-
ная! По-моему, теперича, разуму, одну ты думу свободно въ себѣ
допускай, а другую, блажную-то, и придави. Теперича я такъ
скажу тебѣ, возьми ты вино: чего говорить, вредительно-ти отъ
него много человѣку бываетъ и на міру идетъ, да слѣдъ-ли мнѣ
добираться, отколь оно повелось на свѣтѣ, по какому закону до-
пускаютъ его потребленіе? А Анисимъ сейчасъ тебѣ въ думу
вдастся. „Почему, говорить, коли отъ Бога закона нѣтъ вино
пить, а ты пьешь, вредительность себѣ приносишь?“ Да рази оно
такъ можно, а?..

— Отчего-же не можно, объясни ты мнѣ?!

— Не стать, не мужичье дѣло въ экія думы входить, горячо
отвѣтилъ онъ.—Мужичье дѣло, батюшка, одно знать: паши, сѣи,
блюда хозяйство, соблюдай—чего съ тебя начальство требуетъ, и
не вникайся, ни Боже мой!..

— Ни во что не вникайся, чего-бы ни дѣлалось кругомъ тебя, а?..

— Ни въ малую соринку!

— А Зажора вникалъ?

— Про то и говорю, что заѣдался! Дума-то, батюшка, што калачъ на голодные зубы, приманчива; вдайся только въ нее, и не услышишь какъ облопаешься.

— Думой-то?

— Ну, помысломъ-то про то да про се, чего тебѣ вовсе не слѣдъ знать и вѣдать. Вотъ ты посуди, скажу тебѣ, хоша-бы про того-жъ Анисима Матвѣича: человекъ онъ—окромя хорошаго ничего не скажешь; бѣденъ—чего таять, не богато его дѣло, а все колотился, чего съ него слѣдъ отбывалъ, помочи ни у кого не просилъ; и жилъ-бы да жилъ, тихо, смиренно, въ степенномъ образѣ, а вотъ какъ вдарился въ думу—и пошло оно, круженіе-то! Пошто, вишь, дѣвки да бабы ситцевыя платья носить, да платы шелковые на головѣ, а не самодѣльную пряжу?.. Надо, говорить, не тѣло рядить-то, а душу, а сталь, говорить, ты о тѣлѣ радѣть—и будешь только думать о тѣлесномъ; отъ этого, говорить, и дѣвки, и бабы въ блудъ идутъ.

— Эго онъ проповѣдывалъ, Зажора?

— Ну... ну... онъ! Вино, говорить, теперича тоже послѣднее дѣло, звѣриная услада, потому, говорить, человеку оно звѣринный обликъ даетъ... шатаніе. Отколь, говорить, весь грѣхъ по міру идетъ?.. Отъ вина! Вино-то, говорить, слюна дьявольская, а мы ее пьемъ-емъ! Кабы не вино, говорить, такъ рази Иванъ Афанасьичъ оправдался-бы, говорить, передъ міромъ? Развѣ мы-бы, говорить, заплатили другія денежки, а?

— Какія это денежки? прервалъ я.

— Мірскія, што Иванъ Афанасьичъ съѣлъ да и спасибо не сказалъ.

— А кто-же это Иванъ Афанасьичъ?

— Иванъ-то Афанасьичъ? повторилъ онъ.—Аль ты не знаешь его? удивленно спросилъ онъ, какъ-бы предполагая, что Ивана Афанасьевича всѣ должны знать.

— Нѣтъ, не знаю...

— А-а а!.. Вишь оно, а я полагалъ, ты знаешь его: прежде-то начальство всѣ его знали, да и всегда къ нему приворачива-

ли. Мужикъ онъ, батюшка, нашъ-же братъ, да съ кабака, вишь, жить-то пошелъ. Кабакъ держалъ, грѣха-то этого за нимъ—и-и-и! протянулъ Максимъ Арефьичъ, махнувъ рукой, и отвернулся.—Иванъ-то Афанасьичъ и струну-то эту подъ Анисима подвелъ, што его въ волость-то заперли. Писарь-то нашъ на дочкѣ его женатъ, ну, вмѣстѣ и мухлюють. А Зажора-то Анисимъ Матвѣичъ возьми да и распиши его.

— Бого, писаря-то?

— Нѣ-ѣтъ, Ивана-то Афанасьича, козыря-то нашего!

— Какъ-же онъ его расписывалъ?

— Хе!.. Письма-то тутъ, батюшка, не шибко много; пожалуй, и письмо-то писать не устанешь. Одну ему пѣсенку Зажора-то въ уши дулъ: что ты, говорить, съ зятемъ-то своимъ, писаремъ, ширскія деньги съѣлъ... Иванъ-то Афанасьичъ, скажу тебѣ, годовъ пять тому время, засѣдателемъ по хозяйской части въ волости ходилъ; ну, и собиралъ это деньги по волости на земскую гоньбу, и многонько што-то насобиравъ, а фитки-то кому выдавалъ, а кому все сулил сегодня да завтра выдать,—такъ и шло время. А какъ пришлось, слышь, ему деньги-то сдавать, онъ и отопрился, што не бралъ и въ глаза-то не выдывалъ, какія они, деньги-то. Мало-ли судьбища-то тогда было... Начальство-то, слышь приказало описать Ивана-то Афанасьича, а онъ будь не промахъ, да весь свой скоть,—и коровъ, и лошадей,—и сгони отъ описито къ писарю на дворъ, будто-бы весь этотъ скоть онъ въ приданое за дочерью выдалъ ему... И фитокъ такой подстроили съ писаремъ-то.

— Какой же это фитокъ?

— Фитанцію, сказать-бы тебѣ, што весь скоть онъ далъ писарю въ приданое за дочкой, а у него на дворѣ онъ стоялъ будто-бы для кормежки одной; а народъ-то смутилъ показать, слышь, подъ присягой, што онъ точно скоть-то этотъ въ приданое за дочкой отдалъ.

— И тѣ присягнули?

— Цѣловали крестъ... Вина-то этого выполлъ имъ никакъ безъ счету!.. Вотъ какія дѣла-то!..

— Такъ его и не описали?

— И по-сейчасъ цѣлъ!.. Ну, чего-жъ тутъ дѣлать будешь, а? Подумали мужики-то, видать, што взять тутъ нечего, махнули рукой да и внесли вторигельныя деньги, а его будто-бы простили.

— А много внесли?

— Рублевъ семьсотъ, коли не болѣ. Ну, Зажора-то вотъ при всемъ обществѣ и окрести его мошенникомъ. введи въ сердце, — потому правда-то глаза вѣдь колетъ, — а Иванъ-то Афанасьичъ не стерпи обиды, да и научи писаря: донеси-де на него! Вотъ и пошелъ сыр-боръ горѣть, туши-ко теперь... Что ему будетъ теперь, батюшка, Анисиму Матвѣичу, знашь или нѣтъ? неожиданно спросилъ онъ, пристально посмотрѣвъ на меня.

— За что?

— За тревогу-то, што начальство-то потревожилъ.

— Да чѣмъ-же онъ начальство-то потревожилъ? спросилъ я.

— Ну, что народъ-то мутить будто сталь... Мы-то, признаться, полагаемъ, што за экое дѣло каторги-то, поди, не минуешь. Мало-ль разговору-то было межъ насъ... Онъ вѣдь, Анисимъ-то Матвѣичъ, признаться тебѣ, свойственникъ мнѣ доводится: и не близка родня, а все какъ-бы обидно. Мужики-то теперь, со словъ-то Ивана Афанасьича, на меня, слышь, налегаютъ. Вашъ родъ, говорятъ, такой: смутьянъ на смутьянѣ; тревоги-то, говорятъ, и намъ, и начальству отъ васъ не обобратся. Да я-то, говорю, ширь честной, при чемъ-же тутъ? Ты, говорятъ, коли видишь, што въ мужикѣ круженіе пошло, долженъ-бы унимать его, не допускать до всякой-то думы. Оно точно, чего говорить, я и видѣлъ, что съ нимъ ровно чего-то не ладно дѣется, да полагалъ, што дума-то эта у него съ гора пошла.

— Съ какого-же горя?

— Обида будто маненькая встрѣлась ему: двѣ дѣвки у него дочери и, не потаясь скажу, загульня. Одна-то, Авдотья то, меньшая-то, родила, слышь, въ лонскомъ году. Съ цѣловальникомъ снюхалась и, такъ бы сказать, отъ дому отбилась. Цѣловальникъ-то, вишь, женатый, съ женой-то живетъ несовѣтно, жена-то въ городѣ у него при домѣ, а Авдотья то здѣса, кабы замѣсто супружницы — хозяйство у него при кабакѣ то блюдетъ. Ему-бы, Анисиму-то Матвѣичу, гдѣ бы поучить дочь то, порядку наставить, а у него, вишь, рука не вздымается, а попрекъ-то, вишь, на сердце ложится. Съ этого болѣ, полагаю, и круженіе то у него пошло, а мужики то вотъ на меня несутъ, пошто я не блюлъ. А я, прости ты меня, хоша-бы зналъ и вѣдалъ, чего у него на умѣ! произнесъ онъ, разведя руками. — Диво! Вижу, што скучаетъ

человѣкъ, людей сторонится, особливо какъ Авдотья-то родила, да пошелъ это говоръ да толкъ на деревнѣ. Ну, чего-же, думаю: извѣстно—отець, сердце то болитъ, поди! Ну, такъ это и шло время... Только однава это, лѣтомъ нояѣ, и поднялась гроза—страхъ Божій какава: по небу-то словно сполохъ отъ молоньи-то шолъ. Только, вдругъ это, слышимъ, кричатъ на деревнѣ: „Анисима громомъ убило!“ Почестъ старшій и малшій сбѣжались къ избѣ-то его: видимъ, какъ стоялъ онъ на дворѣ, обтесывалъ это бревно, такъ тутъ и лежитъ у бревна-то замертво... Храни это Богъ, какъ онъ топоромъ-то ишо не повредился. Спужались-было сначала-то, думали—убило его, только нѣтъ, глядимъ—дышетъ ровно. Ну, тутъ кто говорить, што парнымъ молокомъ отпаивать его надо, бабъ то посылають коровъ доить, а то и не въ домѣкъ, што скотъ-то въ поскотинѣ ходитъ. Другіе велятъ парнымъ коровьимъ пометомъ обложить его,—молонью-то будто пометомъ изъ человѣка вытягиваеъ; а кто твердитъ, штобы въ землю Анисимато по шею закопать,—скорѣй-де отойдетъ онъ... Ну, и староста Миронъ Антоничъ на томъ-же стоять сталъ, штобы закопать его въ землю. Принесли это заступы, начали яму рыть, а онъ и сталъ это очунать будто. Притихли, ждемъ чего будетъ. Дочки-то его тутъ-же стоять, воютъ надъ нимъ, ну, уняли ихъ: не пужай, молъ. Ну, видимъ—это глаза открылъ, озирается... „Слава Тебѣ, Господи!“ думаемъ... Водицы ему изъ ковшичка дали холодненькой, поилъ и словно будто въ память вошелъ,—приподнялся это, сѣлъ на бревно-то... Мы и говоримъ ему: „пошелъ-бы ты, Анисимъ Матвѣичъ да прилежъ, скорѣе-бы, можетъ, отдохъ!...

— „Посижу, говорить, не нудте.

— „Ну, сиди, молъ, штожъ; Славу Богу и то, што отдохъ, отпустилъ Богъ душу на покаяніе.

— „О-охъ, говорить, други, отпустилъ Господъ мою душеньку, да никакъ не къ добру: лучше-бы, говорить, помереть мнѣ.

— „Окрестись, говоримъ, Анисимъ Матвѣичъ, въ умъ-ль ты? Сейчасъ только замертво лежалъ, да съизнова смерть навликаешъ на себя! Аль, говоримъ, разумъ - то у тебя отшибло? Што ты, одумайся, говори Слава Богу, што Господъ у тебя вѣку не отнял!

— „Лучче-бы, говорить, глазеньки - то мои закрылись, а не глядѣли-бы болѣ на свѣтъ-то Божій, лучше-бы!.. твердитъ онъ.—

Быть, говорить, большой бѣдѣ надъ нами, многогрѣшными; быть, говорить, други, такой бѣдѣ, што жертвнымъ - то позавидуешь! И началъ это креститься да вздыхать. Народъ - то тутъ, братецъ мой, и поиспужался, особливо бабы-то, и въ плачь было ударились... Ну, уняли ихъ, допытываемъ его, съ чего-бы надъ нами бѣдѣ быть, съ чего онъ непутныя слова говорить, только на думу народъ наводить... И староста это, Миронъ Антонычъ, мужикъ толковый, въ полномъ качествѣ, и говорить ему: подь, говорить, Анисимъ, сосни; никакъ, говорить, тебя сердешнаго встряхнуло небеснымъ-то сполохомъ.

— „Встряхнуло, говорить, точно! Зажора - то отвѣчаетъ ему.

— „То и есть, говорить, што встряхнуло; а ты подь - ка — прилягъ, отдохни; сонъ-то, говорить, въ разумъ человѣка вводить, коли его и встряхнетъ въ ину пору! Иди-ко, говорить.

— „Не пойду! Зажора-то твердить. — Потому, говорить, на меня Ангелъ Божій заповѣдь наложилъ — сказать крещеному люду, што много слезъ прольете вы, што горемъ, што горой, придавить васъ.

— „Гдѣ-ты его видѣлъ-то? спросилъ староста.

— „На небѣ!

— „Мы такъ это, батюшка, какъ сказалъ онъ это слово, ровно ужаснулись и не того, штобы неподобное чего говорилъ онъ, а чудно всемъ стало, што Анисимъ - то, мужикъ умный, степенный, ни въ чемъ незамѣченный и на слово-то не szybko-бы бойкой, вдругъ экую бѣду заговорилъ! А што, мошь, какъ и въ заболъ тряхнуло его Божьей-то милостью? Ну и опаска взяла. Съ одной стороны, и жаль его стало, а съ другой — опасно: какъ ни какъ, а ужъ коли не въ здоровомъ умѣ человѣкъ, стерегись!.. А староста все его допытываетъ: при какомъ онъ, стало быть, случаѣ Ангела-то Божьяго видѣлъ?

— „А тесаль, говорить, я, други, бревно, какъ гроза-то настигла, Анисимъ-то отвѣчаетъ; — мнѣ-бы идти, говорить, надоть въ ту пору въ избу, а я думаю, чтожь, вѣдь не глиняный я, дождемъ не размочить... Шгобъ время - то не терять, взялъ это бревно - то, подтащилъ подъ навѣсъ и тешу... Только, вдругъ, какъ громъ-то ударить, говорить, плехнула молонья-то, я и лба окрестить не успѣлъ, такъ и замеръ, такъ и замеръ, говорить, вижу только искры-то, словно вотъ отъ пожараща, такъ и хо-

дять, такъ это и крутятъ около меня, а Ангель-то Божій, весь кабы въ огнѣ, говорить, мететь это по небу и приговариваетъ: „Смету, говорить, съ земли-то всякую неправду, и судей неправедныхъ, и кабашниковъ!“ И пошелъ это Зажора припѣвать въ ту пору, кабы со словъ-то Ангела, и пошо-о-о-ль: „и горе будетъ вамъ, говорить, неизбывное, и моръ, и гладь, и всякія болѣсти“... плель, пле-е-ель онъ тогда, што и не перескажешь! Съ диву мы только дались, слушая его: кто это охаетъ да крестится, а другіе, што потолковѣй, только головой покачиваютъ...

— „Встрягнуло, братцы, мужика-то! говорить староста.

— „И видать, говоримъ, што встрягнуло!.. Ну, нѣтъ - нѣтъ, его въ тѣ поры спать уложили, думали—отдохнетъ, придетъ въ себя, успокоится. Староста-то хотѣлъ-было въ волость бѣжать съ объявкой, да мы-таки, признаться, уняли его: обожди, моль, обойдется мужикъ-то! И обошлось-бы оно, кабы не наткнулся на Ивана-то Афанасьича“.

— Онъ тогда-же и поспорилъ съ нимъ?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ! Въ долго ужъ время-то послѣ того. Иванъ-то Афанасьичъ, сказать тебѣ къ слову, шибко блудливъ на языкъ-то: все это наровить, кабы кого словцомъ-то щипнуть, ну и подними Зажору-то на смѣшки. Смѣялся, смѣялся, да и досмѣялся. Тотъ это подбери случай, да и вывороти все его нутро: какъ онъ и съ волостными мошенничаетъ... да много онъ напѣлъ ему въ тѣ поры, помянулъ таки и начальство-то легкимъ словцомъ.

— А чѣмъ-же онъ начальство-то помянулъ? прервалъ я.

— Одни, батюшка, на мужичьемъ-то языкѣ поминки про начальство живутъ; не суди ужъ, не мнѣ энтому словцу вторить, ослобони! уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Отчего-же ты не хочешь сказать мнѣ? спросилъ я.—Чего-же боишься?

— Уволь, сдѣлай милость! Ужъ лучше Зажору спрости; мужикъ-то онъ откровенный; его былъ грѣхъ, его и отвѣтъ будетъ, а наше дѣло, батюшка, сторона; вникаться-то во што не слѣдъ— не доводится, отвѣчалъ мнѣ Максимъ Арефѣичъ, несмотря на всѣ мои увѣренія, что слова его останутся между нами.

Не много новаго сообщили о Зажорѣ однообщественники его, спрошенные мною въ тотъ-же день. На мои вопросы они отвѣчали одно: „говорилъ онъ, что вино худо пить, что вино — дьявольская слюна, худо, что бабы и дѣвки любятъ ряздаться... Ну, чего таить, и начальство не одобрялъ!“ Но за что не одобрялъ Зажора начальство и въ какихъ выраженіяхъ высказывалъ это неодобреніе, — они или умалчивали, или давали уклончивые отвѣты, въ родѣ того, что „балагуръ мужикъ, — гдѣ все упомнишь, чего когда благовѣстилъ!“ Для меня не оставалось болѣе сомнѣнія, что Зажора принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, какіе часто встрѣчаются среди сибирскаго населенія и, можетъ быть, только исключительно среди сибирскаго. Говорю „исключительно“ потому что только въ этой печальной „странѣ изгнанія“ до сихъ поръ еще самая ничтожная полицейская власть, если ей напомнить о законѣ, гордо отвѣтитъ вамъ: „здѣсь я законъ!“ Подъ гнетомъ этого произвола Сибирь и вырабатываетъ въ народѣ особенные типы страстныхъ, энергичныхъ людей, смѣло протестующихъ, среди всеобщаго безмолвія и апатіи, противъ золь, развѣдающихъ народную жизнь. Формы протеста, избираемыя подобными личностями, бываютъ разнообразны. Въ Сибири нѣсколько разъ появлялись, напримѣръ, оригинальные разбойники, грабившіе только богатыхъ чиновниковъ, разжившихся взятками, и купцовъ, прославившихся беспощадной эксплуатаціей рабочаго народа. Все отнятое у этихъ купцовъ и чиновниковъ разбойники раздавали немущимъ крестьянамъ. Я зналъ многихъ крестьянъ, отданныхъ подъ надзоръ общества волостныхъ правленій въ качествѣ неисправимыхъ „ябедниковъ“, которые, отрѣшившись отъ хозяйства, толклись съ утра и до ночи въ переднихъ различныхъ начальниковъ и присутственныхъ мѣстъ, держа въ рукахъ просьбы, которыхъ отъ нихъ никто уже не принималъ. Они жаловались не за себя, не за свои личныя обиды и нарушенные интересы, нѣтъ, они являлись ходатаями за общество, задавленное насиліями. Я нерѣдко удивлялся самоотверженію, съ какимъ выносили эти люди обрушивающіяся на нихъ гоненія. Подобныхъ „ябедниковъ“ обыкновенно сбькутъ въ полиціяхъ и отправляютъ изъ городовъ подъ конвоемъ на мѣсто жительства, гдѣ волостные начальники, писаря, кулаки, священники, чины земской полиціи, всегда бичуемые ихъ обличеніями, истаютъ имъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Будь

другой человекъ на мѣстѣ ихъ, онъ давно-бы палъ въ неравной борьбѣ, но эти люди неспособны падать. Заслышать они, что ѣдетъ какойнибудь „генераль“, какойнибудь новый начальникъ края, видятъ они, что земскія и другія власти суетятся, ожидая пріѣзда этого лица и стараясь замести слѣды всевозможныхъ злоупотребленій, — „ябедники“ тайно ликуютъ, въ ожиданіи пріѣзда новой власти, ликуютъ отъ мысли, что власть услышитъ ихъ мольбы, раскроетъ злоупотребленія и воздастъ каждому по дѣламъ его. Но увы, земскія власти тоже не дремятъ: за „ябедниками“, какъ нарочно, усиливаютъ въ это время надзоръ, и ко дню пріѣзда начальствующаго лица, ихъ запираютъ, нерѣдко безъ всякой винны, въ волостныя тюрьмы. Проѣхало лицо, съ трепетомъ ожидаемая буря промчалась благополучно, не вырвавъ не одного подгнивашаго въ корнѣ дерева и не колыхнувъ молодыхъ побѣговъ, высасывающихъ изъ почвы всѣ жизненныя соки, — „ябедниковъ“ безопасно выпускаютъ на свободу и ослабляютъ за ними надзоръ. Стойкій въ достиженіи своихъ цѣлей, хотя наивный какъ дитя, „ябедникъ“ снова начинаетъ поднимать принявшую голову: уловивъ удобное время, онъ тайно скрывается изъ мѣста своего жительства, достигаетъ до того города, гдѣ живетъ благодѣтельный „генераль“; какой-нибудь досужій приказный сочиняетъ ему обличительную просьбу, но сила не въ просьбѣ! „Ябедникъ“ упорно убѣжденъ, что „генераль“ внимательно выслушаетъ безсвязную рѣчь его и его горькія сѣтованія, выкинетъ въ суть ихъ и, разгромивъ лиходѣевъ народа, водворитъ повсюду добро и справедливость. Нерѣдко „ябеднику“ удается добраться до пріемной „генерала“, но... дѣло все-таки кончается тѣмъ, что его вновь высѣкутъ и снова подъ конвоемъ или по этапу препроводятъ въ волость, подъ надзоръ ея и общества, а тамъ онъ ужъ знаетъ, что ждетъ его. „Нѣтъ, это не тотъ генераль! съ сокрушеніемъ сѣтуетъ протестантъ-ябедникъ. — Настоящій генераль выслушалъ-бы меня, а этого ужъ успѣли опутать и обвести наши-то лиходѣи!“ И томится подобный протестантъ-ябедникъ, томится иногда долгіе, долгіе годы, въ ожиданіи пріѣзда такого генерала, который-бы выкинулъ въ положеніе крестьянъ, смель-бы опутавшее ихъ зло и водворилъ справедливость...

Людямъ, бывшимъ въ Сибири, доводилось, я думаю, встрѣчать и въ городахъ, и въ селахъ, особенно стоящихъ на большой трактовой

дорогѣ, крайне своеобразныхъ людей, на которыхъ обыкновенно никто не обращаетъ вниманія: это „дурачки“, или, какъ называетъ ихъ народъ, „Божьи люди“. Чаще всего это — бездомные, перебивающіеся милостыней старики. Припрыгивая на одной ногѣ или выкидывая какія-нибудь дурачества, „Божій человекъ“ вертится около повозки и проѣзжающихъ, забавляя ихъ и получая за подобную забаву иногда щедрое подаваніе. Дурачковъ этихъ всегда отгоняютъ отъ людей имущихъ власть; если же они не идутъ, то ихъ бьютъ и, несмотря на ихъ крикъ и сопротивленіе, уводятъ и запираютъ въ какой нибудь избѣ. На вопросы начальствующихъ, — что это за человекъ? — волостной старшина, писарь или земскій засѣдатель категорически объявляютъ, что это „дурачекъ“, „Божій человекъ!“ Но если-бы хоть одно имущее власть лицо заинтересовалось этимъ „Божимъ человекомъ“ и поговорило-бы съ нимъ, то оно изумилось-бы, какъ много ума и наблюдательности скрывается въ этихъ людяхъ, которые, напуская на себя глупость ради невѣроятности, сплошь и рядомъ высказываютъ горькую, рѣзкую глазу правду. Эти люди — воплощеніе гласности, задушенной въ народѣ бюрократическимъ произволомъ. Однажды подобный дурачекъ, котораго удостоило бесѣдой важное лицо, пересыпая свою рѣчь шутками да прибаутками, раскрылъ передъ нимъ крупное убійство, скрытое лихоимцемъ-слѣдователемъ, и вывелъ массу злоупотребленій мѣстной администраціи, которыхъ безъ этого случая навѣрное остались-бы не раскрытыми.

Дня черезъ два послѣ моего приѣзда въ Клушино, я вытребовалъ Зажору изъ волости, гдѣ содержался онъ все время до моего приѣзда, подъ строгимъ арестомъ, въ камерѣ, почти лишенной свѣта и воздуха. Къ нему не допускали даже дочь, нѣсколько разъ приѣзжавшую для свиданія съ нимъ. Зажору доставили ко мнѣ подъ конвоемъ двухъ сотскихъ, — мѣра, принимаемая только относительно важныхъ уголовныхъ преступниковъ, обнаруживавшихъ попытки къ побѣгу. Злоба къ этому старику доходила до того, что его лишали даже питья и подавали ему затхлую, теплую воду, отъ которой, какъ выражался онъ, его „нутрило“.

Когда его ввели ко мнѣ, онъ молча перекрестился и, покло-

нившись мнѣ, остановился у порога, пристально глядя на меня. Наружность его была оригинальна. Исхудалое, блѣдное лицо было покрыто морщинами, точно мелко-слетеною сѣтью; темно-руссая борода съ густою просѣдью прядями падала на грудь; широкій, низкій лобъ былъ покрытъ, точно шапкой, густыми всклокоченными волосами, къ которымъ гребенка прикасалась, повидимому, весьма рѣдко. Глубокая, прямая морщина, легшая между бровей, придавала лицу его сурово-серьезное выраженіе, которое, вѣроятно, не сглаживалось и улыбкой, если улыбка когда-нибудь озаряла лицо этого старика; выраженіе это смягчалось отчасти голубыми, спокойными и ясными глазами старика. Невозмутимо спокойная фигура его инстинктивно подсказала-бы каждому, что этотъ человекъ знаетъ свою глубокую правоту и далекъ всякого страха какой-бы ни было отвѣтственности.

— Здравствуй, старинушка! сказалъ я.

— Здравствуй, батюшка, отвѣтилъ онъ, снова поклонившись мнѣ;— будь ко здоровъ!..

— Садись-ко, побесѣдуемъ, пригласилъ я.

— Уволь ужъ, батюшка, отъ этой милости, не сяду! рѣшительно отвѣтилъ онъ.

— Отчего-же не сядешь?

— Насидѣлся ужъ въ клѣтушкѣ-то; постоять-то, пожалуй, и радъ теперь. Подросту ишо, можетъ, коли годы-то не ушли, съ насмѣшливымъ отѣнкомъ въ голосѣ добавилъ онъ.

— А давно ужъ ты сидишь въ волости-то?

— Утѣха вѣдь, батюшка, старымъ-то костямъ, коли до мѣста доберутся: сколь ни сидѣль-бы — не ропчу. „Зачѣмъ пошелъ, то и нашель“, на міру-то говорятъ. Кабы путныя рѣчи говорилъ, такъ не посадили-бы; ну, а коли задумалъ подъ старость околесную нести, такъ ужъ, сколько-бы терпѣна ни была путинка-то, оглядываться не слѣдь!

— Какую-же ты околесную-то несъ, а?

— Вѣдь тебѣ ужъ, чай, описали, батюшка; не даромъ-же поди пріѣхалъ; въ гумагѣ-то сказано, поди, такъ чего-жъ ты пытаешь меня? спросилъ онъ.

— Въ бумагѣ не сказано, что ты околесницу несъ.

— А-а!.. Не домогвились вѣрно!.. съ ироніей произнесъ онъ.— Чего-же тебѣ писали-то обо мнѣ? Скажи, коли милость будетъ...

— Писали, что ты народъ смущаешь пророчествами.

— Вишь какое дѣло затѣялъ старшій грѣховодникъ, а! на-смѣшливо произнесъ онъ, точно будто относясь въ какому-нибудь постороннему лицу.—А чѣмъ-же сомущаю я народъ-то,—писали аль нѣтъ? спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Говоришь, наприимѣръ, что скоро міру конецъ...

— Наткось, поди! тѣмъ-же тономъ презинесъ онъ.—А нишуть аль нѣтъ, за што Господь-то у нихъ отвѣта спросить при сокрушенъи-то міра, а?

— Нѣтъ.

— Забыли вишь, а-а?! Ну, коли они запомнили, такъ я потружусь—доложу твоей милости, за што ихъ рано или поздно найдеть Господь.

— За что-же?

— За то, што утопи въ грѣхѣ выше волоса на головѣ, што ни правды, ни совѣсти ни въ комъ нѣтъ, — вотъ за што, батюшка, найдеть ихъ Господь своимъ гнѣвомъ! серьезнымъ и слегка даже дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Ужъ будто ни въ комъ? прервалъ я.

— Ни въ комъ!.. Мужикъ ее пропилъ, чиновникъ-то продалъ, — батюшка, не гнѣвись за это слово мое, — а у купца и съискони ее не водилось!.. Бога-то всѣ забыли, а святое имя его только въ дживую рѣчь безъ пути суютъ. Глянь ты теперь на собаку: тварь, а и та, коли корку хлѣба стащить у тебя, то совѣсть у ней зазритъ,—и хвостомъ-то она виляетъ передъ тобой, и глаза-то отводитъ отъ тебя, словно вотъ стыдно ей въ глаза-то тебѣ глядѣть... А человекъ-то, батюшка, послѣдній кусокъ у тебя урветъ, да тебѣ-же въ глаза смѣется, тебя-же дуракомъ обзоветъ, што въ обманъ дался. Такъ гдѣ-же она совѣсть-то? Уважи!

— Ты это только и говорилъ крестьянамъ?

— Говорилъ, уличалъ ихъ, ну и не понравилось,— правда-то глаза вѣдь колетъ... Вотъ и отписали, што бунтовщикъ!

— А въ чемъ-же уличалъ ты ихъ?

— Въ непорядкахъ, — въ чемъ болѣе-то уличишь нашего брата?... Оглядись только кругомъ, во тьмѣ-то нашей, такъ позабудешь и про Божій свѣтъ, и возлюбишь тьму-то, паче дня и и солнца...

— Ты грамотный? спросилъ я, удивленный складомъ его рѣчи.

— Нѣтъ, не умудрилъ Господь, батюшка, а любилъ вотъ съ измальства любить, родимый, о Божьемъ словѣ рѣчь вести. Не праздно оно, это слово-то!.. Скажи ты мнѣ, коли ты добрый человекъ, не погнушайся: есть Богъ у насъ аль нѣтъ?.. неожиданно спросилъ онъ.

— Конечно, есть! отвѣтилъ я.

— Есть? Стало-быть, если Господь чего заповѣдалъ намъ, должны мы исполнять Его слово аль нѣтъ? пытливо посмотрѣвъ на меня, спросилъ онъ.

— Должны.

— Пошто-жъ мы не исполняемъ этого, а? Пошто мы втунето слово Его покидаемъ, а? Вотъ Богъ-то заповѣдалъ намъ: не воруй, не блуди, не желай другу худа, а чего мы только не дѣлаемъ? Неужь это порядокъ, а?

— Ну, конечно, не порядокъ.

— И всѣ, кого ты ни возьми, презрѣли Его заповѣдь! Ну, по-Божьи-ли мы живемъ, скажи?.. Коли ты видишь, къ примѣру, што слѣпъ человекъ, заблудился, по-Божьи-ли ты сдѣлашь, коли можешь ему на путину выйти, а?

— По-Божьи всякій обязанъ помочь ближнему.

— По-Божьи, стало-быть, сдѣлаешь онъ, коли правый путь ему указать, а? продолжалъ старикъ, все такъ-же пытливо глядя на меня.

— По-Божьи.

— Такъ по што-же, батюшка, экого-то человекъ, што путь слѣпому указываетъ, въ смутьяны-то производять, въ узы-то заточають? Скажи ты мнѣ, коли ты праведный человекъ! Ну, вотъ я повиненъ въ этомъ грѣхѣ,—суди-же меня! и глаза старика засвѣтились при этомъ такимъ теплымъ, мягкимъ свѣтомъ, что мнѣ невольно пришло на мысль въ ту минуту, что, по всей вѣроятности, глаза апостоловъ и первыхъ мучениковъ имѣли именно подобное свѣтлое выраженіе, когда они отстаивали передъ своими гонителями высокіе догматы правды и любви къ ближнему.—Пошто ты, батюшка, крестьянъ-то нашихъ допытывалъ,—чего я говорилъ имъ, скажи ты мнѣ? неожиданно спросилъ онъ.—Неужь ты думалъ—я запираюсь буду да таятся, а? Нѣтъ, родимый, не отопрусь! Мужики-то наши не скажутъ тебѣ правды, а я скажу.

— Отчего-же ты думаешь, что мужики не скажут? спросилъ я.

— Опасливый!.. Всякій свою шкуру бережетъ, а мнѣ ужь беречь ее, батюшка, не приводится, — изношена! насмѣшливо произнесъ онъ. — Не долгой мой вѣкъ; коли и приведетъ Богъ постраждить-то, не возропшу!

— Да за что-же ты постраждить-то собираешься, а?

— За правду, батюшка; за Божью-то правду вѣдь болѣ, чѣмъ за зло, люди-то терпятъ, тихо отвѣтилъ онъ. — Ну, я и положилъ въ умъ: коли доведетъ Богъ крестъ нести, не убоюсь и всякому скажу ее, какимъ хошь судомъ суди, не убоюсь!.. Не смущаю я народъ, родимый, а про Божье слово говорилъ ему; завязъ онъ въ грѣхѣ, што въ тинѣ, Божье слово и крестъ въ винѣ утопилъ! Ну какъ ты его не попрекнешь въ этомъ?

— Какъ въ винѣ утопилъ?

— Утопилъ!.. Пагуба — вино это крещеному міру, пагуба, родимый! За вино онъ тебѣ всякую присягу приметъ, виноватаго оправитъ и невиннаго загубитъ!.. Сѣдой ужь я человекъ, не къ лѣтамъ мнѣ, батюшка, лукавить, не къ лѣтамъ и правду таять! Опиши-ка вотъ въ бумагѣ-то своей, пошто имъ попустили за быка-то фальшивую присягу принять...

— Кто-же попустилъ?

— Начальство!

— Какъ-такъ, расскажи...

— Изволь, пошто не сказать!.. Вишь, родимый, людская-то правда какова: я вотъ бунтовщикъ, народъ смущаю, а пошто они не написали, чѣмъ я смущаю народъ-то, какими дѣлами? Не они-ли больше сомущаютъ его своими неправдами, а?

— Кто-же это они, старикъ, — растолкуй мнѣ.

— Кто они-то? переспросилъ онъ. — Долго, батюшка, сказывать. Послушай лучше, какую я тѣ притчу скажу, уклончиво отвѣтилъ онъ: жизнь-то мужичья што плетнемъ огорожена, — тревожь ты одно только звенышко, качни его, такъ и весь плетень повалится; такъ и это дѣло. Съ мужика, родимый, не великъ-бы спросъ, темень онъ. А большой, батюшка, грѣхъ — кто блюдетъ его, да неправду изъ выгоды попускаетъ, бо-о-ольшой тому отвѣтъ передъ Богомъ! А што правду-ль я говорю, — суди: живеть у насъ здѣсь хрестьянинъ Посылинъ, Федоръ Иванчъ;

голова-то нашъ племянникомъ ему по матери приводится; такъ сынокъ, слышь, у него, у Федора-то Иваныча, есть,—Севастьянъ Федорычъ, такой-то непутевый человекъ, што суди его Богъ, а не я! Ну, вотъ и поѣхалъ онъ снова въ городъ на базаръ, Севастьянъ-то Федорычъ этотъ,—поѣхалъ-то пустымъ порожемъ, а вернулся-то съ прибылью, ни мало ни мене какъ быка въ поводу привелъ. Ну, а въ деревнѣ, чего говорить, и самъ поди знашь, што не только-што живность, а сколь и волосъ-то у каждаго на головѣ, на перечеть знаютъ. Ну, мужики-то и спрашиваютъ его, Севастьяна-то: „гдѣ тѣ Богъ яку животину послалъ?“ — Купилъ, говорятъ, на племя, за семь рублей!.. Ну, купилъ, такъ что-жъ, давай Богъ болѣ. Ладно! Живетъ бычекъ у новаго хозяина да кормъ жуеть. Только деньковъ черезъ пять, тебѣ, время и наѣдъ къ намъ слѣдствіе: мѣщанинъ изъ городу, у котораго Севастьянъ-то, стало-быть, на повѣрку-то вышло, быка угналъ, со свидѣтелями, што быкъ этотъ точно его и съ явкой отъ полиціи, што быкъ этотъ въ заболъ у него угнанъ. Засѣдатель-то нашъ наѣхалъ, и пошолъ спросъ да допросъ. Видитъ Федоръ-то Иванычъ, што сынку-то неминуче дѣло подошло, и давай изъ бѣды выкручивать его! Сколь, слышь, вина-то обществу выпилъ, чтобы доказали подъ крестнымъ цѣлованіемъ, што быкъ-то этотъ его будто, Федора, што онъ велѣлъ сыну въ городу его продать, а тотъ-де не продалъ, да назадъ привелъ... И засѣдателю-то двадцать рублей пожертвовалъ, штобъ сынка-то его отстаивалъ. Ну, общество и показало подъ присягой, что быкъ этотъ Федора, что родился и выросъ на его дворѣ, и крестъ цѣловали и евангеліе.

— И ты цѣловалъ? спросилъ я.

— Ослобонилъ Богъ, не мѣшался я въ это дѣло, батюшка, сторонился отъ нихъ, не кори меня экимъ словомъ, обидчиво отвѣтилъ онъ.

— Отчего-же ты, вида, что крестьяне поступаютъ несправедливо, не остановилъ ихъ тогда-же, а?

— Останови-ка пьянаго-то, испробуй; аль бить не былъ?

— Ну, чиповнику-бы заявилъ.

— Заявлялъ, батюшка, насунулся-было да и не радъ сталъ.

— Отчего?

— Искрованилъ онъ меня, думалъ и скулу-то мнѣ своротить.

Вотъ запиши-ко въ гумагѣ-то своей, чего за правду-то съ нашимъ братомъ дѣють! Я-жъ хотѣлъ отъ грѣха людей ослобонить, да я-же и въ доказатели попалъ! со вздохомъ произнесъ онъ.— О-хъ, кормилецъ, душой и тѣломъ ужъ мы за правду-то ставвали, не навывкать... выдали гоненья-то этого, ви-да-ли!

— Отъ кого-же гоненье ты видѣлъ?

— Отъ кого? повторилъ онъ усмѣхнувшись.— Лихо замараться челоуѣку-то, родимый, а ужъ разъ на немъ есть пятнышко, такъ ужъ кому-бы про чего ты ни говорилъ, ему все кажется, что ты въ его пятно жѣтишь. Ну, и не любь... Молчи, потавай всякому, и всѣмъ ты милъ на свѣтѣ будешь; а скажи только правду, то хуже тебя не будетъ лиходѣя и ворога! За што меня теперь утѣснили, за какія провины въ тюрьмѣ-то хуже разбойника держали,—хоть-ли ты знать это, а?

— Мнѣ даже слѣдуетъ это знать, говори...

— За то, вишь, батюшка, што не въ добрый часъ спросилъ у Ивана Афанасьича, куда онъ дѣвалъ деньги, што собиралъ съ мужиковъ на царскую одежду! Есть-ли у тебя это, въ гумагѣ-то, прописано-ль?

— Нѣтъ.

— А-а, чего ни хвати, вѣрно все нѣтъ да нѣтъ, все не вписано!..

— А какія-же деньги онъ на царскую одежду собиралъ? прервалъ я, заинтересованный подобнымъ открытіемъ, въ то время составлявшимъ для меня еще новость.

— А вотъ и слушай, батюшка, какъ войлоки то съ нашего брата валяютъ! Дѣлу этому ужъ годовъ шесть теперь время будетъ. Объявили намъ однава, што пришелъ будто въ волость указъ изъ царской конторы: собрать по двадцати копѣекъ съ души на царскую одежду, што Царю-де одежду-то черезъ сто годовъ шьютъ, ну такъ, вишь, будто время пришло новую шить изъ самоцѣннаго золота... Ну, и платили...

— И никто изъ васъ не спросилъ, законно-ли это, а?

— Мужикъ-бы тебѣ спросилъ! Э-эхъ, батюшко, видать далеко ишло то времячко, когда мужикъ тебя пытать начнетъ, чего съ него по закону просить, а чего сверхъ закона! Ты погляди теперь, сколь съ насъ этихъ поборовъ идетъ—и не сочтешь: подушной-то съ оброкомъ съ тебя по раскладѣ-то семь аль восемь

рублевъ на душу придется, а ты пятнадцать аль двадцать рублей съ души тяготы-то несешь, и все, чай, болѣ на чужіе карманы... А про плакаты упомянуто, што я плакатами его прекнулъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ и на плакаты тоже сколь мѣръ денегъ передавалъ, стра-асть!

— А что это такое плакаты?

— Богъ его вѣдаетъ, батюшка; мы такъ и не видывали какіе они! Говорили тогда, што плакаты выходятъ; што законы ѳкіе пишуть—плакатомъ зовуть; што у кого-де будетъ плакать въ рукахъ, такъ ужъ того безъ причины не могли шевелить... Ну, и платили! Лестно было всякому законъ-то ѳкой имѣть. Вишь вѣдь, сторонуншка-то у насъ дикая, до закону-то не скоро доберешься въ ней; ну, мужики-то и полагали, што ужъ коли законъ-то будетъ въ рукѣ у тебя, такъ ужъ житье-то особое пойдетъ, не въ примѣръ. Опосля только спохватились, што подвохъ это былъ одинъ! Ну, да чего-жъ... помотали, помотали головой да и плюнули: сколь, моль, собаку ни корми—все голодна! Чего-жъ это, стало-быть, писали-то тебѣ про меня, родимый, скажи мнѣ, коли того ты не знаешь да другого не вѣдаешь?

— Писали, что будто-бы ты ангела видѣлъ...

— А-а, написали-же! Я думалъ, што и этого ужъ нѣтъ у тебя. Видѣлъ, родимый, видѣлъ; было мнѣ ѳнто видѣніе, удостоился, и гласъ былъ! утвердительно качая головой, произнесъ онъ.

— Какой-же гласъ-то былъ тебѣ?

— Ужаси подобный, родимый, не человѣческой гласъ! Вижу, летить это по небу сила-то небесная, гляжу я на нее и не вѣрю глазамъ-то... и вся-то она въ полниѣ была, вся-то блестомъ блестить. „Горе, говорить, будетъ живущимъ на землѣ, кто Бога и правду забылъ!.. Смету, говорить, съ лица земного и судей неправедныхъ, и лиходѣевъ, и блудъ творящихъ!“.. А сама-то это такъ и мететь, такъ и мете-е-еть, кормилецъ.

— А чѣмъ-же мела-то?

— Метлой огневой, метлой, словно какъ-бы снопомъ!

— Какой же изъ себя - то былъ ангель-то, расскажи мнѣ толкомъ...

— Огневой, говорю тебѣ; ужась была глядѣть-то!

— А не померещилось-ли тебѣ, старикъ?

— Не грѣши, родимый; старъ ужъ я экіа шутки шутить, старъ! укоризненно произнесъ онъ, качая головой.—Я вина-то и отъ роду почесть въ ротъ не бралъ,—съ чего-бы мнѣ мерещиться-то стало? Шестьдесятъ-семь годовъ ужъ мнѣ, родной,—стать-ли грѣшить-то на склонѣ лѣтъ, и себя-то и людей морочить? Видѣлъ, батюшка; видѣніе это было мнѣ грѣшному, удостоился! произнесъ онъ глубоко-убѣжденнымъ тономъ, и въ сѣрыхъ серьезныхъ глазахъ его отражалось столько искренности и прямоты, что нечего было и думать разубѣждать его. Онъ вѣрилъ, вѣрилъ искренно въ свою галлюцинацію, такъ могъ-ли кто поколебать въ немъ эту вѣру, составлявшую для него въ скорбной страдальческой жизни, можетъ быть, единственную отраду и единственный источникъ, въ которомъ онъ черпалъ нравственную опору для себя.—Не шелъ я пророчить, родимый,—я свою только душу да совѣсть блюлъ; а коли стали вынуждать меня—не смолчалъ и навливалъ, вишь, бѣду на себя! произнесъ онъ.

— Кто-же вынуждалъ тебя, старикъ?

— Міряне на смѣшки все поднимали, батюшка. Все говорили, вишь, что умъ у меня пошатывало. Ну, я и сталъ имъ говорить, што отъ вашихъ дѣловъ непотребныхъ хошъ какой умъ пошатнетъ! А какъ заговорилъ про дѣла-то ихъ, такъ и не любо стало,—къ попу повели.

— Къ попу-то зачѣмъ-же водили тебя?

— Увѣщать... въ обманѣ уличить хотѣли! Тотъ на меня накинудся... Да мало-ль грѣха-то, родимый, было со-мною, э э-э! протанулъ онъ, махнувъ рукой... Ну тутъ и норѣшили меня въ волость посадить.

— Кто-же порѣшили-то?

— Писарь, голова—Иванъ Афанасьичъ... вѣдь цѣлое слѣдствие, сердешный, о ту пору надо-мною-то было, судили!

— Какъ судили?.. Какое-же имѣли право судить тебя?

— Міромъ судили! Сначала-то присудили-было постегать, да вишь—изъ лѣтъ-то вышелъ... Голова заступился, ну и рѣшили въ волость запереть да отписать начальству, пушшай-де за бунтъ судятъ, потому онъ начальство корилъ.

— А ты точно корилъ начальство?

— Кориль, не таюсь!

— Чѣмъ-же?

— Неправдами ихними, непотребствомъ, чего таять-то, батюшка! Ну, снимай съ меня голову, суди! Похвалишь развѣ, штоль, коли вышняго чина люди, замѣсто того, штобъ мужика научить по закону жить да правду блюсти, въ явѣ торгуютъ ей! Какой ты ни будь мошенникъ, какой ты ни будь воръ, да коли ты денежный человекъ, то за все сухъ изъ воды выйдешь... Чего-же, милый, вѣдь глазъ-то не завяжешь у людей; всѣ это видятъ да только молчатъ... а вѣдь молчатъ, молчатъ, да придетъ пора и взвorchать. А отъ кого теперь на міру блудъ идетъ, скажи-ка? спросилъ онъ, замѣтно все болѣе и болѣе воодушевляясь.

— Ты больше меня знаешь, старикъ,—ты и скажи мнѣ, отъ кого...

— Отъ нихъ, батюшка, отъ вышняго чина людей, знай! Ты гляди, чего у насъ дѣется: сколь этихъ дѣвокъ, честныхъ отцовъ дочерей, на блудную-то дорожку вывели... Развѣ не болитъ сердце-то, а? Мужикъ—мужикъ, батюшко, и темный человекъ, да вѣдь душа-то въ немъ есть, какъ и у всякаго другого человека: тоже о дѣтищѣ-то своемъ болитъ-поди. Гдѣ подарочкомъ да улощеніями, а гдѣ и силкомъ берутъ... Ну, статья-ли это, ты вотъ чего скажи мнѣ, батюшка, осуди—путно аль нѣтъ говорю я. Вотъ въ деревнѣ Куземиной крестьянинъ есть, Пудъ Власычъ Жабинъ; дочка у него была неповинная грѣху, ну и сманили ее къ исправнику, сманили! Ну, извѣстно, дитѣ испо было,—какой у дѣвки разумъ? На перстенецъ, можетъ, позарилась, а грѣхъ-то и не пройди ей даромъ: увидѣла какъ она, што животъ-то пучить стало, спужалась да и сунула голову-то въ петлю.

— Удавилась?

— Захлестнулась сразу!.. Ну, чего-жъ? Отецъ-то поплакалъ, поплакалъ, хотѣлъ-было съ жалобой кинуться да умили его: одно дѣло постращали, а вторительная причина—пятьдесятъ рублей ему исправникъ-то выдалъ... Ну, и взялъ онъ,—чего доспѣшь? Судомъ-то развѣ возьмешь чего? Самого-же мужика-то и обвинили-бы-поди. Што-жъ по пути это дѣють, батюшка, аль нѣтъ? По пути это дѣяли, штоль: какъ паѣдетъ, бывало, исправникъ-то, а притонъ-то онъ за все имѣлъ у Ивана Афанасьича, такъ, первымъ это дѣломъ было, нагонять ему бабъ да дѣвокъ,—утѣшай

его милость плясомъ да пѣснями, да хорородамъ... Виномъ это хошь захлеснись, перепоить всѣхъ и поведуть хоророды-то въ натуральномъ видѣ. Вотъ и гляди-поглядывай честной миръ. Учись у вышняго чина людей уму да разуму, какъ на свѣтѣ жить! А разинуль коли ты ротъ, заикнулся только и — бунтовщикъ вышель, цѣпей-то да каторги насулятъ, што и жизни не радъ станешь. Такъ гдѣ-же, родимый, отколь просвѣту-то ждать намъ?.. Научи! произнесъ онъ и, глубоко вздохнувъ, сложилъ на груди руки, какъ-бы въ ожиданіи моего отвѣта.

Но что-же я могъ сказать стареку въ отвѣтъ на подобный вопросъ его?

Освободивъ Жажору изъ подъ ареста, я вытребовалъ въ Клушино волостного голову, писаря и обязалъ не отлучаться изъ деревни Ивана Афанасьевича Степнаго, обвиняемаго Жажорой въ незаконныхъ поборахъ во время служенія его хозяйственнымъ заседателемъ въ волости. Въ сущности, мнѣ поручено было произвести только дознаніе, — не заключается-ли въ пророчествахъ Жажоры чего-либо противозаконнаго. И такъ-какъ ничего противозаконнаго, по отзыву спрошенныхъ мною крестьянъ, въ словахъ и дѣйствіяхъ его не находилось, и если онъ дозволилъ себѣ укоризненно относиться къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ земскихъ властей, то укоризны эти, ни коимъ родомъ не нарушая чувства справедливости, не могли быть поставлены ему въ вину, потому-что были только слабой иллюстраціей той дѣйствительности, какая существуетъ въ Сибири въ невѣроятно грандіозныхъ размѣрахъ, то я могъ-бы ограничиться только произведеннымъ мною дознаніемъ и тѣмъ покончить это дѣло. Но въ то время я былъ еще молодъ и смотрѣлъ на службу какъ вообще смотрѣли на нее многіе идеалисты шестидесятыхъ годовъ. Эти люди не ограничивались однимъ только формальнымъ исполненіемъ предписаній. Они смотрѣли на службу не какъ на средство существованія. Принявъ на себя служебную миссію, они стремились приносить народу осязательную пользу, изучать его нужды, защищать его интересы, преслѣдовать всѣми зависящими отъ нихъ средствами зло, разбѣдающее жизнь народа, и по возможности указывать на тѣ средства, которыя

вѣрнѣе всего-бы могли уврачевать язвы, скопившіяся вѣками на его организмѣ. Большинство этихъ людей, столкнутыхъ съ неодолимыми препятствіями, потерпѣли полное разочарованіе, и многіе изъ нихъ, обвиненные въ политической неблагонадежности единственно потому, что не брали взятокъ и жѣшали брать ихъ другими, покинули навсегда служебное поприще.

Существованіе темныхъ поборовъ, производимыхъ съ народа различными способами, теперь уже ни для кого не составляетъ секрета. Съ перваго-же дня моего служебнаго поприща, меня поразило это зло, тяготящее надъ народомъ, зло во многомъ неуловимое и съ трудомъ поддающееся самому зоркому контролю. Воспользовавшись показаніемъ Зажоры, я снова спросилъ крестьянъ деревни Блушиной, дѣйствительно-ли собирали съ нихъ деньги на шитье царской одежды и на плакаты. И снова мнѣ пришлось убѣдиться въ той горькой истинѣ, что лицо, облеченное властью, никогда не узнаетъ отъ народа правды. Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: почему это? Почему крестьянинъ, обладающій замѣчательной наблюдательностью, способный сразу увидѣть, что человѣкъ, задающій ему подобные вопросы, руководится добрымъ желаніемъ принести ему-же пользу, оградить на будущее время его интересы, — никогда не откроетъ истины? Одинъ на одинъ, въ пріятельской бесѣдѣ за чайкомъ, онъ расскажетъ вамъ такіе факты, отъ которыхъ буквально волосъ становится дыбомъ, но попробуйте придать этимъ заявленіямъ его не голословный характеръ, и онъ тутъ-же, въ вашихъ глазахъ, беззастѣнчиво отопрется отъ своихъ словъ. Почему?.. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я приведу слова старика Якова Сысолова изъ деревни Кокуй, Торжонской волости, Кузнецкаго округа, Томской губерніи, который, во время производства мною слѣдствія по убійству, видя всѣ мои старанія открыть убійцу тщетными, шепнулъ мнѣ на ухо, когда сидѣлъ со мной одинъ на одинъ: „не ищи лучше, батюшка: ничего ты не найдешь! У насъ всѣ знаютъ, кто убилъ, да никто тебѣ не скажетъ!“

— Да почему-же не скажутъ, — объясни ты мнѣ ради Бога? спросилъ я, пораженный его словами.

— Э-эхъ! Словно ты малое дитя, родимый, погляжу я! улюбувшись, отвѣчалъ старикъ Сысоловъ и покачалъ головой. — Ну, посуди самъ: сегодня ты здѣсь, а завтра уѣхалъ да и былъ та-

ковъ, а вѣдь намъ-то здѣсь жить доводится. Кому-же любо грѣхъ-то на себя навлекать? Вѣдь тѣ-то, кого грѣхъ-то въ этомъ дѣлѣ попуталъ, — богатые, властные люди, чиновники-то съ ними за панибрата живутъ, а мы-то што? Любой изъ нихъ дунеть только — и нѣтъ тебя. Вѣдь кабы, батюшка, вашъ-то братъ, чиновникъ-то, всѣ-бы на одинъ покрой были, такъ оно што-бы правду-то таить, для чего? Резону нѣтъ! А то, вишь, вѣдь на тыщу-то чиновъ развѣ одинъ только добродѣтельный выищется, да и тотъ, родимый, недолговѣшенъ въ нашихъ мѣстахъ. Приѣхалъ сегодня, повернулся, а тамъ, гляди, ужъ и нѣтъ его...

Неужели найдутся скептики, что не увидать въ этихъ словахъ старика Сысолова выстраданной народомъ мудрости?

Какъ и слѣдовало ожидать, на заданные мною вопросы, и волостной голова, дослуживавшій третье трехлѣтiе, и писарь, чуть-ли не выросшій въ этой волости, и Иванъ Афанасьевичъ, почтовый, представительный старичекъ, въ манерѣ обращенiя котораго и въ способѣ выраженiя, проглядывала большая опытность въ сношенiяхъ „съ образованными людьми“, — отвѣчали, что ничего подобнаго съ искони не бывало у нихъ, что Зажора совсѣмъ негодный человѣкъ, который и самъ-то запутался да и другихъ только зря путаетъ. При этомъ, какъ водится у подобныхъ людей, Иванъ Афанасьевичъ тотчасъ-же счумѣлъ къ слову предувѣдомить меня, что его всякое начальство знаетъ даже очень хорошо и „завсегда къ нему было расположено въ самомъ лучшемъ видѣ“...

Болѣе изъ любопытства, чѣмъ для достиженiя своей цѣли, я потребовалъ Зажору, для дачи ему очной ставки съ Иваномъ Афанасьевичемъ, головой и писаремъ, призвавъ при этомъ въ свидѣтели нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Войдя въ избу, старикъ Зажора нисколько не смутился, увидя людей, отъ которыхъ, по выраженiю его, онъ терпѣлъ гоненiя. Помолвившись на икону и поклонившись мнѣ, онъ съ самымъ незлобивымъ видомъ поклонился и Ивану Афанасьевичу, и головѣ, и писарю.

— Ну вотъ, старикъ, началъ я, обратившись къ нему, — я спрашивалъ и крестьянъ вашей деревни, и голову, и писаря, и Степнова, правда-ли, что они собирали деньги на шитье царской одежды и на плакаты, но они говорятъ, что ты лжешь, что ничего подобнаго никогда не было, что если-бы были подобные поборы, то были-бы и мирскiе приговоры, такъ-какъ ни одна ко-

пѣйка не можетъ-быть взята съ крестьянъ безъ мірскаго ихъ приговора!

— А-а-а! протянулъ онъ, и на губахъ его, чуть-ли не въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ его, мелькнула улыбка. — Неужь всё отперлись? спросилъ онъ.

— Всѣ... Я затѣмъ тебя и позвалъ, чтобъ ты уличилъ ихъ, доказалъ имъ, что все, что ты ни говорилъ про нихъ — правда; докажи имъ!

— Это имъ-то доказать? спросилъ онъ, ткнувъ пальцемъ по направленію къ головѣ, писарю и Степнову.

— Ну да, имъ...

— Не докажешь, батюшка! и онъ махнулъ рукой.

— Почему-же?

— Кабы совѣсть у людей была, такъ куда-бы исподу ни шло, можно-бы потрудиться побудить ее, а ужь у нихъ про совѣсть-то, родимый, давно слуху не слыхать; чай и мѣсто-то, гдѣ лежала она, мохомъ заросло. Правду аль нѣтъ говорю я, Иванъ Афанасьевичъ? спросилъ онъ, впившись въ него своими сѣрыми, ясными глазами.

— Говори, говори, послушаемъ!.. Порочь! отвѣтилъ тотъ, не глядя на него.

— Ну, братъ, Иванъ Афанасьевичъ! Одно я тебѣ скажу, сердешный старичекъ, што заплаточки-то изъ пороку тебѣ ужь и нашивать некуда: весь ты ими увѣшанъ съ головы до ногъ, не гнѣ-вись!.. Глянь-ко ты имъ въ глаза-то...

— Нѣшто не видывали тебя?

— Да гля-я-янь, не укушу вѣдь!

— У тебя и зубовъ-то нѣтъ, да кусать-то больно, нечего добро-то говорить про тебя, спасенный человѣкъ! отвѣтилъ Иванъ Афанасьевичъ, искоса, съ презрѣніемъ посмотрѣвъ на него. — Ишь вѣдь, ты самъ людей во всемъ укоряшь, о Божьемъ словѣ да заповѣди языкъ-то чешешь, а путное-ли ты дѣло затѣялъ теперь: взводишь напраслины и на міръ, и на людей, что въ трижды чище тебя?

— Не ты-ль это чище-то меня?

— Не возьму я вниманія урекаться-то съ тобой, знай!

— О-о!.. Ну чего-же подѣлашь... известно, ты вышняго званія человѣкъ, гдѣ-жъ намъ съ тобой ровняться! Ты вонъ въ су-

конномъ халатѣ ходишь, да чиновникамъ бабъ и дѣвокъ подводишь,—исшобъ не почетный человекъ!..

— А ты помолчи лучше, Анисимъ Матвѣичъ, ой, помолчи!.. Не ровень часъ—худое-то слово про начальство сказать.

— Аль, думаешь, отвѣта боюсь?

— Не опасливый, чего говорить, знаемъ!

— Охъ, Господи, Господи! Што этого уреканья-то межъ людьми, и неслухалъ-бы! вздохнувъ, произнесъ голова и провелъ ладонью правой руки по усамъ и бородѣ.

Писарь стоялъ молча, относясь, повидимому, совершенно безучастно къ происходящему. Крестьяне-свидѣтели молча сидѣли на лавкахъ, понутивъ головы и избѣгая, повидимому, глядѣть и на Ивана Афанасьевича, и на Зажору.

— Што-жъ вы, občественники, обратился вдругъ Зажора къ крестьянамъ свидѣтелямъ,—сидите словно васъ морозомъ пришибло?! Въ избѣ-то вѣдь тепло; промолвите словечко, скажите его милости: аль не правду я говорю, што съ насъ собирали доньги на царскую одежду да на плакаты? Аль Иванъ Афанасичъ не спустилъ въ карманъ мѣрскихъ денежекъ, а, какъ опись вышла, не перевелъ всю скотинку къ писарю? Не грѣхъ-ли вамъ, други, глазами-то половицы считать, а-а? Очнитесь, живые вы люди аль нѣтъ?

— Говори, вишь, всё, чего ему хочется... хе... криви совѣстью, а? произнесъ, усмѣхнувшись, Иванъ Афанасьевичъ, посмотрѣвъ и на голову, и на писаря, который улыбнулся при этомъ; а голова покачалъ головой и глубоко вздохнулъ.

— Што-жъ, отвѣтите ему, братцы, чего ни на есть! произнесъ Иванъ Афанасьевичъ, обратившись къ крестьянамъ-свидѣтелямъ.— Я тутъ стою,—обвиняйте!

— Чего ужъ теперь прошлое переворачивать, Иванъ Афанасьичъ! Было время, трясли, трясли его, да ничего не вытрясли! со вздохомъ отвѣтилъ одинъ изъ свидѣтелей, пожилой уже крестьянинъ.— А только надо-бы сказать, что совсѣмъ занапрасно Анисима-то Матвѣича подъ слѣдствіе подвели, да въ волости-то содержали: ничего худого-то не было отъ него... Што болталъ будто, да мало-ли кто чего болтаетъ на міру, и пиши про всѣхъ!

— Значить, по-твоему, на него напрасно донесли? спросилъ я.

— Занапрасно, батюшка, чего ужъ таить теперь...

— Отчего-же вы не вступились за него, если знали, что его напрасно обвиняютъ, а?

— Темные мы люди, кормилицъ; можетъ, и законъ такъ велитъ... какъ ты впуташься-то? отвѣчалъ уже другой свидѣтель.— Наше-ли это дѣло?

— Ты писалъ донесеніе? спросилъ я писаря.

— Я-съ!

— Ты самъ производилъ дознаніе?

— Никакъ нѣтъ... Голова приказалъ, бойко отвѣтилъ онъ.

— Скажи-ко лучше — тестюшка! вмѣшался вдругъ Зажора, обратившись къ писарю.— Всѣ-то вы грибки изъ одного кузова. „Голова“!.. Вотъ онъ голова-то стоитъ... только мѣсто топчетъ да печать копитъ. Скажи на свою голову приложить печать, — сейчасъ приложить. Ты все съ тестюшкою дѣло-то вертишь, знаемъ, а какъ отвѣтъ спросятъ и за спину головы прячешься. Онъ все, твоя милость, писалъ это!.. Доносами-то застращивалъ всѣхъ тутъ, штобъ глаза и обчеству, и начальству отводить, что, вишь, де порядокъ блюду. А вотъ разнялъ-бы ты ихъ съ тестемъ-то, такъ гляди-бы какъ кафтаны, не только по швамъ, а и по цѣлому мѣсту, пороться пошли-бы у нихъ. Сознайся, што фитокъ-то заднимъ числомъ поддѣлалъ, какъ опись-то тестю пришла! Ну-ка, говори, сколь ведеръ вина-то обчеству выпили, што бъ крестнымъ-то цѣлованьемъ закрѣпили рукоблудство ваше, а-а?

Писарь стоялъ красный, какъ ракъ, но мужественно глядѣлъ на меня, стараясь даже не мигнуть.

— Слышишь, чего говорятъ про тебя? спросилъ я.

— Слышу-съ! отвѣтилъ онъ.— Я войду съ особымъ прошеніемъ и потребую формальнаго слѣдствія, ваше благородіе, и провѣрки всѣхъ этихъ выводовъ, какъ касающихся моей чести.

— Не пода-а-ашь! отвѣтилъ Зажора.— Только спихни тебя съ писарей-то, такъ хвостъ-то длиннѣй версты за тобой потянется, не думай!.. Теперь-то всѣ молчатъ, потому говорить-то опасаются, а тогда вѣдь, братъ, ртовъ-то не завяжешь! И прытокъ возель да не на всякую горку вскочить!.. Не пода-а-ашь! Не больно хра-беръ; на пакости-то только мастеръ! Ну што-же, тестюшка, зятенька-то не выручишь? Промолви словечко!.. Ишь онъ, сердешный, поддурманился-то, словно въ банькѣ побывалъ! насмѣшливо произнесъ Зажора, обратившись къ Ивану Афанасьевичу.

— Наговоримся ишо съ тобой, не ушло время-то!..

— А-а! Съ духомъ соберешься... Ну, что-жь, подавай тебѣ Господи подспорья! Теперя колышковъ-то понадергалъ съ міра, есть чѣмъ правду-то свою подпереть!

— Это ты чего-же касательно говоришь?

— Аль не смѣкнулъ, разжевать нада?

— Не смѣкнулъ...

— Изволь, коль сухого не жуешь, размочимъ! Не думай! Иванъ Афанасьевичъ, не всегда правду-то деньгами замажешь! Можетъ, и на насъ, за наши слезы, Господь оглянется, и надъ нашимъ краемъ солнышко взойдетъ да иссушитъ всю плѣсень, што въ потемочкахъ-то выросла! пророческимъ тономъ произнесъ старикъ Зажора среди всеобщаго безмолвія окружающихъ.

Представивъ по принадлежности произведенное мною дознаніе, я обнаружилъ всѣ выводы Зажоры, но такъ-какъ они не были удостовѣрены опрошенными мною крестьянами, то, конечно, имъ не дали и надлежащаго движенія. Когда я увѣжалъ изъ Клушина, то въ избу ко мнѣ неожиданно вошелъ Зажора и, помолвившись по обычаю въ передній уголъ, упалъ мнѣ въ ноги.

— Заступись, заступись за меня, родимый! тихо заговорилъ онъ, когда я поднялъ его, и на глазахъ его сверкнули слезы.— Не отвѣта я боюсь: въ острогъ-то мнѣ можетъ лучче-бы было, спокойнѣй, остаться-то я здѣсь боюсь!

— Чего-же ты боишься, старикъ?

— Боюсь!.. Люди развѣ энто, батюшка, самъ видѣлъ ихъ... О-охъ, Господи, не суди ты ихъ! произнесъ онъ, перекрестившись.— Не увѣчья я боюсь отъ нихъ, дологъ-ли вѣкъ-то мой!.. Все равно ужъ, батюшка, впереди-то могила одна,—днемъ-ли позже аль ранѣ,—не минуешь ее! За душу, родимый, боюсь, душу утоплю среди энтого содома! Отпусти ты меня, не держи!

— Куда-же тебя отпустить?

— Уйду, батюшка, уйду, куда глаза глядятъ; скороню свою душеньку отъ грѣха и соблазна, въ пустынь уйду!

— Въ какую-же пустынь?

— Обрѣту гдѣ ни на есть Божье слово, излечуся имъ и уврѣплюся!

— А хозяйство, домъ-то на кого-же оставишь?

— Што мнѣ домъ и хозяйство! Неужъ они дороже души-то,

милостивецъ? Пусть дѣтки владѣютъ всѣмъ. Не участвовали меня Господь дѣтками, батюшка,—есть у меня двѣ дочки да непутивны! Слова-то мои презрили и Господь съ ими! Не сужу я ихъ; одумаются и сами, слова-то отца попомнать... Отпусти! и онъ снова упалъ въ ноги мнѣ.—Одно у меня сокровище теперь, батюшка, осталось: душа; не попусти растратить его... Сберегу я душу, укрѣплю ее Божьимъ словомъ, и Господь не оттолкнется отъ меня сираго! и старикъ зарыдалъ, зарыдалъ, какъ дитя.

Я приказалъ выдать Зажорѣ увольнительный отъ общества видъ, въ случаѣ требованія его. Общество безпрепятственно уволило Зажору, и онъ ушелъ изъ Клушина, какъ послѣ услышалъ я, но куда,—этого никто не зналъ.

И. Наумовъ.

БЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА.

РОМАНЪ.

Уйда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Вся зима пройдетъ прежде, чѣмъ Кармело снова взглянетъ въ глаза своей невѣстѣ.

Приговоръ былъ произнесенъ; дверь захлопнулась за нимъ и накрѣпко заперлась засовами.

Онъ былъ въ тюрьмѣ на семь мѣсяцевъ.

Очнувшись отъ обморока, онъ лежалъ на жесткомъ ложѣ въ своей тюремной камерѣ и мутными, воспаленными глазами неподвижно смотрѣлъ на потолокъ. Тюрьма эта когда-то была старинный дворецъ, и на потолкѣ, составлявшемъ часть обширнаго свода парадной залы, еще сохранились старыя фрески, изображавшія небольшую группу ангеловъ, летящихъ къ небу съ пальмовыми вѣтками въ рукахъ.

Эти ангелы теперь казались Кармело насмѣшкою; простодушный парень, для котораго до сихъ поръ святые и ангелы были такою-же несомнѣнною дѣйствительностью, какъ его родные, прибрежныя тополи, — теперь ненавидѣлъ ихъ и считалъ ихъ жестокимъ обманомъ, прекрасною, заманчивою ложью.

— Если-бы они дѣйствительно существовали тамъ, за солнцемъ, они не допустили-бы всего того, что случилось, проговорилъ онъ

сквозь зубы, лежа на спинѣ и думая о томъ, что пѣлыхъ семь мѣсяцевъ будетъ арестантомъ, что съ нимъ будутъ обращаться какъ съ негодяемъ, за то, что на причиненную ему возмутительную обиду онъ отвѣтилъ справедливымъ наказаніемъ.

Для него, выросшаго на волѣ, привыкшаго съ ранняго утра работать на свѣжемъ воздухѣ, тюрьма была невыносимой пыткой. Для городского рабочаго, привыкшаго къ смрадному полусвѣту мастерской, тюремное заключеніе перѣдко даже сноснѣе той жизни, которую онъ велъ на свободѣ; для сельскаго жителя оно представляется адомъ.

Кармело лежалъ на своей грубой постели, смотрѣлъ на фигуры ангеловъ, освѣщенныхъ послѣдними лучами заходившаго солнца, и чувствовалъ, что къ слѣдующему утру онъ сойдетъ съ ума и потеряетъ сознание. Ему становилось страшно при этой мысли. Мозгъ горѣлъ и кипѣлъ въ его черепѣ, а сердце билось и прыгало, какъ раненный заяцъ, убѣгающій отъ собакъ.

Когда утромъ заглянулъ къ нему тюремщикъ, онъ лежалъ въ горячкѣ. Послали за городскимъ врачомъ, который объявилъ, что это слѣдствіе прилива крови къ мозгу. Больного отвезли въ госпиталь. Это было мрачное, зловонное, грязное помѣщеніе, въ которомъ докторъ производилъ надъ больными какіе-угодно эксперименты, рѣзалъ тутъ-же, въ сосѣдней комнатѣ, живыхъ собакъ и кошекъ и полагалъ, что занимается наукой.

Врядъ-ли кто-либо когда-нибудь выздоравливалъ въ этой больницѣ и, конечно, ужъ никому отъ нея не было пользы. Съ головы Кармело сбрили каштановыя кудри, выпустили изъ него нѣсколько унцій крови и больше не дѣлали почти ничего; онъ былъ арестантъ и, слѣдовательно, церемониться съ нимъ было нечего. Отецъ его, которому не позволили видѣться съ нимъ, взялъ изъ сберегательной кассы послѣдніе оставшіеся у него франки, чтобы побудить доктора позаботиться о больномъ, и докторъ принялъ деньги, но тайно, такъ-какъ по закону ему воспрещалось принимать какое-бы то ни было вознагражденіе.

— Дорогой сынъ мой, разворилъ ты меня! думалъ старикъ, котораго силы и здоровье были надломлены послѣ припадка передъ зданіемъ суда и который истратилъ почти все, что имѣлъ, чтобы уплатить длинный счетъ адвоката; — разворилъ ты меня; а все-таки-же ты невиненъ, какъ новорожденный младенецъ.

Мельникъ былъ крѣпкій человѣкъ и не легко поддавался горю, но когда онъ отошелъ отъ больничной постели, горячія слезы навернулись на его глазахъ и покатались по морщинистымъ щекамъ. Ему не позволили ни самому остаться при сынѣ, ни прислать къ нему кого-нибудь изъ братьевъ или сестеръ, и когда, наконецъ, онъ сѣлъ въ свою повозку, когда добрая сѣрая лошадь его повернула домой и колеса застучали по изрытой дорогѣ въ сѣрныя сумерки ноябрьскаго вечера, ему показалось, что на сердцѣ у него что-то порвалось.

За что разразилась надъ нимъ вся эта бѣда? Кто далъ officialную власть всѣмъ этимъ ворахъ и тиранамъ?

Онъ полагалъ, что всему виною правительство; правительство для него олицетворялось въ королѣ, и онъ проклиналъ короля. Могъ-ли онъ сказать, что всѣ эти вещи такъ-же мало зависятъ отъ короля, какъ тѣ дни и тыквы, которыя зрѣли подъ лѣтнимъ солнцемъ возлѣ садовой стѣны, близъ мельницы?

Можно-ли ожидать, чтобы народъ понималъ всѣ противорѣчія конституціонализма?

Во всемъ былъ виноватъ король; онъ посадилъ мессера Неллемане на его должностной тронъ. Такъ думалъ Деметріо Пасторини, и такъ думаютъ десятки тысячъ людей. Но эта мысль не утѣшала стараго мельника въ то время какъ онъ ѣхалъ по хорошо извѣстной ему пыльной дорогѣ; напротивъ, она придавала его душевнымъ мукамъ еще больше горечи. Онъ лишился дорогого, любимаго и единственнаго своего брата въ тѣ дни, когда оба они еще были молоды, во время войнъ противъ чужестранцевъ, а ихъ увѣряли тогда, что эти войны принесли имъ свободу.

Старикомъ такъ сильно овладѣли тяжелыя думы, а глаза такъ застилались слезами, что если-бы добрая сѣрая лошадь его не свыклась съ этою дорогою въ теченіи пятнадцати лѣтъ, она сбилась-бы съ нея; хозяинъ и не думалъ управлять ею.

— Тпрр..! крикнулъ старикъ, изумившись, когда сквозь сѣрый сумракъ вырѣзались передъ нимъ очертанія его собственной мельницы. Лошадь остановилась ужъ до его приказанія.

Сквозь туманъ осенней ночи, окутывавшій землю, онъ могъ разглядѣть фигуру своей старшей дочери, бѣжавшей къ нему на встрѣчу. Она рыдала, и звуки ея рыданій доносились до него сквозь холодный, неподвижный, туманный воздухъ.

— Отецъ! воскликнула она прерывающимся голосомъ.— Отецъ! Она подбѣжала къ повозкѣ, вскочила на колесо и схватила его за руку.— О, отецъ, отецъ! воскликнула она еще разъ.

Старикъ задрожалъ.

— Какая еще новая бѣда? сказалъ онъ, и отъ овладѣвшаго имъ страха его голосъ звучалъ почти сурово.

Дѣвушка стояла на оглоблѣ и держала его за руку.

— О, отецъ, не огорчайся слишкомъ... деревья!..

— Деревья!

Онъ не сказалъ болѣе ни слова, вышелъ изъ повозки и кинулъ веревочныя возжи младшему сыну.

— Отведи лошадей въ конюшню, сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ.— Деревья? Что случилось съ деревьями?

Онъ пошелъ въ темнотѣ по направленію къ рѣкѣ, и дочь послѣдовала за нимъ.

— О, отецъ! повторила она еще разъ и опять зарыдала.

Было довольно темно, только по временамъ сквозь скользящія по небу тучи пробивался слабый свѣтъ луны; этого было достаточно, чтобы старикъ увидѣлъ, что здѣсь случилось въ его отсутствіе.

Три тополя были срублены.

— Отецъ, сказала дѣвушка, снова хватая его за руку,— мы дѣлали все, что могли, чтобы остановить ихъ, но они не захотѣли ждать. Ихъ было шестеро, съ топорами, да одинъ надсмотрщикъ. О, отецъ, отецъ!..

Прежде, чѣмъ кончилась недѣля, деревья всѣ были срублены, и отъ мельничной рошцы осталось одно воспоминаніе. Деметрію Пасторини ничего не могъ сдѣлать. Оказалось, что онъ имѣлъ совершенно ложныя представленія о своихъ правахъ и о законахъ.

Когда на другое утро послѣ его пріѣзда опять явились дровосѣки съ надсмотрщикомъ, имъ овладѣло бѣшенство. Онъ снялъ со стѣны свое старое ружье и готовъ былъ застрѣлить перваго, кто осмѣлился-бы приблизиться къ рошцѣ; но когда молодые сыновья и дочери съ плачемъ окружили его, онъ не устоялъ и отказался отъ своего отчаяннаго намѣренія; они взяли у него изъ рукъ ружье и убѣждали его быть терпѣливѣе для нихъ.

— Терпѣливѣе! крикнулъ онъ на нихъ.— Что-же, по-вашему, надо терпѣть и тогда, когда съ насъ заживо сдираютъ кожу,

какъ съ овцы, истекающей кровью? Терпѣливѣ! Вы трусы! Вы готовы пресмыкаться во прахъ! Вы не плоть отъ плоти моей, коли таеъ. Оставьте меня!

Но они не отставали отъ него и убѣждали, что лучше терпѣть, чѣмъ самому дѣлать зло; что это угодно Богу. Долго умоляли они его отказаться отъ своего намѣренія ради Христа и ради нихъ самихъ, и мельникъ, бывшій религіознымъ человѣкомъ и любящимъ отцовъ, наконецъ, уступилъ, опустился на свое деревянное кресло, заплакалъ и рѣшился безропотно слушать звуки топоровъ, трескъ и шелестъ падающихъ деревьевъ и вырываемыхъ съ корнями кустовъ.

— Неужели же королю, владѣющему обширными землями, простирающимися отъ моря до моря по всей странѣ, нужно было изъ зависти отнять все то небольшое, что мнѣ принадлежало! воскликнулъ онъ въ отчаяніи, слушая, какъ топоры стучали по стволамъ деревьевъ.

Прежде, чѣмъ кончилась недѣля, тополи всѣ были срублены, и птицы, свившія въ нихъ свои гнѣзда, полетѣли за рѣку, оглашая воздухъ печальнымъ, пронзительнымъ пискомъ.

Мессеръ Неллемане часто посѣщалъ опустѣвшее мѣсто.

Муниципальный духъ отличается любовью къ разрушенію, и мессеръ Неллемане, обладавшій всѣми особенностями муниципальнаго духа во всемъ его совершенствѣ, былъ теперь вполне счастливъ.

Печальное зрѣлище представляло вырубленное мѣсто для всякаго другого человѣка, за исключеніемъ мессера Неллемане. Зеленый ишистый берегъ, по которому, бывало, бѣгала Топпа, былъ втоптанъ и покрытъ грязью; стройныя деревья были срублены; пожелтѣвшіе листья ихъ втоптаны въ вязкую грязь; вѣтви сложены въ костры для продажи, какъ топливо; толстые стволы, предназначавшіеся для продажи въ видѣ строеваго лѣса, обтесаны и разложены рядами; все мѣсто, еще такъ недавно дышавшее свѣжестью и мирною прелестью лѣснаго ландшафта, теперь представлялось невзрачнымъ, голымъ и жалкимъ.

Бѣлая стѣна мельницы стояла обнаженная, не окрашенная падавшими на нее тѣнями колеблющихся вѣтвей. Сердце мельника было окончательно разбито; онъ едва рѣшался выйти за дверь и избѣгалъ смотрѣть на рѣку.

Съ тѣхъ поръ, какъ вырубилъ деревья, онъ ни съ кѣмъ не говорилъ болѣе объ этомъ.

Однажды третій сынъ его, маленькій Данте, робко спросилъ у него:

— Развѣ это хорошо, отецъ, что они продаютъ нашъ лѣсъ; вѣдь они тебѣ не заплатили за него?

И Деметріо Пасторини отвѣчалъ ему:

— Если-бы они продали твою сестру въ публичный домъ, неужели-же ты сталъ-бы торговаться съ ними и дѣлиться деньгами? Платить! Нѣтъ, они никогда не заплатятъ. Они воры. Воры не платятъ за то, что берутъ.

Слова эти испугали мальчика, и съ тѣхъ поръ онъ уже не рѣшался болѣе заговаривать о рошѣ.

Нѣсколько времени спустя и стволы, и сучья были увезены; никто не зналъ куда они предназначались; полагали, что ихъ отвезли въ главный городъ. Никто не рѣшался объ этомъ спрашивать въ виду того, что самъ Пасторини молчалъ; да и не до разговоровъ теперь было жителямъ Санта-Розалии. Подъ вліяніемъ послѣднихъ событій и въ особенности подъ вліяніемъ слуховъ о новой желѣзной дорогѣ, всѣми овладѣвало тревожное ожиданіе какой-то бѣды; къ тому-же осень стояла холодная, дождливая и предвѣщала необыкновенно суровую зиму.

ГЛАВА II.

И дѣйствительно, зима была холодная и долгая для этой мѣстности. Нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ, послѣ котораго оставалась грязь и слякоть. Въ такое время всюду, прежде и больше всѣхъ, страдаетъ и гибнетъ бѣдное населеніе, но въ особенности въ этой странѣ, гдѣ все рассчитано на солнечный свѣтъ и южный вѣтеръ.

Бурливая Роза выступила изъ береговъ и затопила окрестныя поля; полевая работа прекратилась, а другихъ заработковъ не было; горожане не нуждались въ рабочихъ. Сѣверный вѣтеръ свободно свисталъ сквозъ щели домовъ; въ топливѣ былъ тоже недостатокъ; прошли тѣ времена, когда жители могли собирать его по склонамъ сосѣднихъ холмовъ: почти всѣ ближніе лѣса были

вырублены. Вино было такъ дорого, что ни одинъ бѣдный чело-
вѣкъ не въ состояніи былъ пить его; хлѣбъ страшно вздо-
рожалъ. Бѣдняки дрожали отъ холода, сидя надъ своими малень-
кими, коричневыми горшками, наполненными горячими угольями,
и не жаловались на судьбу. Когда кто-нибудь давалъ имъ грошъ,
они были безконечно благодарны.

Подобнымъ образомъ приходилось имъ бѣдствовать зачастую;
но въ эту зиму бѣдствія достигли небывалыхъ размѣровъ. Нѣко-
торые поговаривали о томъ, что слѣдовало-бы отправиться на за-
работки въ Маремму, гдѣ всѣ работы производились зимою; но это
значило приблизительно то-же, что говорить о заработкахъ на
лунѣ; они не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, какою доро-
гою туда идти, да не имѣли и денегъ на дорогу; къ тому-же
девять десятыхъ изъ нихъ были женщины и дѣти, для которыхъ
въ Мареммѣ не было ни мѣста, ни занятія.

Люди эти, конечно, были крайне безразсудны и неблагодарны:
въ двѣнадцати миляхъ отъ нихъ была желѣзная дорога, въ По-
модоро скоро должны были провести газъ, наконецъ, среди нихъ
находился мессеръ Неллемане; — такимъ образомъ на лицо было
три олицетворенія прогресса.

Но эти глупые люди упорно продолжали думать, что они пред-
почли-бы дешевое вино, дешевый хлѣбъ и возможность наполнять
желудокъ тѣмъ и другимъ — желѣзной дорогѣ, газу и мессеру
Неллемане.

Мельничныя колеса, долго бездѣйствовавшія отъ маловодья, те-
перь бездѣйствовали вслѣдствіе морозовъ, а самъ мельникъ изъ
полнаго, веселаго, сильнаго мужчины, превратился въ худого,
угрюмаго, молчаливаго старика, склонившагося подъ тяжестью
горькихъ думъ и заботъ.

Въ маленькомъ домикѣ Пиппо тоже давно уже не слышно
было смѣха и не видно было огня.

Старикъ сдѣлался молчаливъ и раздражителенъ. Отъ несчастья
ни нравъ, ни хлѣбъ не становятся слаще. По цѣлымъ часамъ си-
дѣлъ онъ неподвижно, забывшись въ уголъ, и въ это время губы
его всегда беззвучно шевелились; онъ считалъ въ умѣ тѣ деньги,
которыя отняли у него эти разбойники; неутомимо повторялъ онъ
эти счеты по сто разъ на дню, по сто разъ въ теченіи ночи.

Заработокъ у нихъ былъ самый ничтожный: зимою никто не

покупать плетеня изъ соломы, а съ тѣхъ поръ, какъ Пиппо не могъ болѣе рѣзать на рѣвѣ камышъ, его работа приносила лишь очень незначительный доходъ.

Когда удавалось имѣть за обѣдомъ блюдо бобовъ съ оливковымъ масломъ, они благодарили Бога; когда-же невозможно было позволить себѣ такую роскошь, они варили въ водѣ немного хлѣба съ чеснокомъ и старались вообразить, что это супъ.

Отъ времени до времени они разрѣшали себѣ глотокъ дурного кофе безъ молока; вмѣсто вина фигурировало такъ-называемое „mezzo vino“, т. е. послѣдній сокъ изъ виноградныхъ выжимокъ, разбавленный водой; это напитокъ, въ сравненіе съ которыми вкусъ покажется сладкимъ.

Лѣтомъ итальянскій крестьянинъ еще живетъ съ грѣхомъ пополамъ; ласковое солнце грѣетъ его, и работы всегда вдоволь; но зимою нужда достигаетъ ужасныхъ размѣровъ и кажется еще ужаснѣе, благодаря тому безропотному смиренію, съ которыми ее выносятъ: народъ мретъ—вотъ и все.

— Терпѣніе! говорятъ они до послѣдняго момента, но терпѣніе не помогаетъ ихъ бѣдѣ.

Въ Санта-Розалии въ эту зиму господствовала большая нужда, и не было никого, кто могъ-бы облегчить ее: дворяне провинціи всѣ были въ главномъ городѣ на карнавалѣ, а управляющіе никогда не заботятся о бѣдныхъ; напротивъ, они спекулируютъ на всеобщей нуждѣ, такъ-какъ она понижаетъ заработную плату.

Въ общинѣ Везаи и Геральды существовало благотворительное общество; оно носило имя „Братства св. Франциска Ассизскаго“ и было учреждено еще въ тринадцатомъ столѣтіи. Но къ сожалѣнію, сохранивъ большинство своихъ обширныхъ владѣній и капиталовъ, оно далеко не сумѣло сохранить прежняго характера дѣятельности. Дворяне и богатые люди по-прежнему охотно принимали участіе въ его комитетахъ, тѣмъ болѣе, что отчеты по большей части были неясны и запутаны; зато бѣдные все менѣе и менѣе охотно обращались въ братство за пособіями, такъ-какъ подъ предлогомъ нежеланія поощрять пауперизмъ, администрація цѣлые мѣсяцы тянуло вопросъ о мажѣйшемъ пособіи и въ концѣ-концовъ отпускало нѣсколько фунтовъ хлѣба.

Старая Нунціатина въ эту холодную зиму заболѣла сильнымъ бронхитомъ; хотя она, по какому-то чуду, и выздоровѣла, но да-

леко уже не была такъ крѣпка и здорова, какъ прежде; въ тому-же комната, которую она занимала съ другими тремя старухами, находилась подъ самой крышей; лѣтомъ въ ней господствовала нестерпимая жара, а зимою стоялъ морозъ и постоянный сквозной вѣтеръ; въ комнатѣ этой не было печи, а въ окнахъ—ни одного стекла; понятно, что такое жилище не особенно способствовало успѣшному ходу выздоровленія. Священникъ, узнавъ о положеніи старухи, вспомнилъ о „Братствѣ св. Франциска“ и далъ ей письмо въ комитетъ; въ письмѣ онъ сообщалъ о ея преклонныхъ лѣтахъ, безупречной репутаціи и недавней болѣзни, какъ о достаточныхъ основаніяхъ, вслѣдствіе которыхъ она имѣла право рассчитывать на благородную благотворительность братства.

Аннунціата благословила священника Домъ-Леліо, взяла письмо и шестьдесятъ сантимовъ, которые онъ далъ ей на дилижансъ, и полная радости и надежды усѣлась въ тряской каретѣ со своей палкой, въ широкой шляпѣ и короткомъ платьѣ. Она чувствовала, что если-бы ей удалось получить маленькую пенсію, хотя-бы одинъ франкъ въ недѣлю, она стала-бы отъ всей души благодарить Бога. Обычныя ея прогулки съ корзинкою къ окрестнымъ фермамъ и вилламъ начинали становиться для нея очень тягостными.

Президентомъ братства въ это время былъ графъ Саверіо, который пользовался репутаціей великаго филантропа и жилъ въ собственной виллѣ, по близости отъ Помодоро.

Номинально графъ не получалъ никакого вознагражденія за свою драгоцѣнную дѣятельность въ братствѣ и любилъ краснорѣчиво распространяться о томъ, что вся жизнь его посвящена служенію Богу и бѣднымъ; а если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сильно игралъ на биржѣ и скупалъ большое количество лотерейныхъ билетовъ, то вѣдь это было его дѣло и ни мало не касалось св. Франциска. Къ тому-же онъ дѣлалъ это при посредствѣ агентовъ, и собственное его имя никогда не произносилось иначе, какъ въ связи съ филантропіей.

Къ этому-то благородному и благочестивому лицу и явилась теперь старая Нунціатина. Она вѣжливо поклонилась ему и пожелала всевозможнаго благополучія своимъ обычнымъ веселымъ, сердечнымъ тономъ, звучащимъ такъ-же пріятно, какъ щебетанье птички. Онъ сидѣлъ, окруженный счетными книгами и фоліантами, въ архивной комнатѣ замкоподобнаго дома древняго брат-

ства и обратился къ ней такъ любезно и вѣжливо, что она почувствовала твердую увѣренность, что ей назначать десять франковъ въ мѣсяцъ.

Долго разсматривалъ онъ ея бумаги и читалъ рекомендацію священника; затѣмъ онъ улыбнулся, принявъ озабоченный видъ, позвонилъ своему секретарю, пошептался съ нимъ, записалъ что-то, положилъ записку въ ящикъ и, наконецъ, взглянувъ на Аннуциату черезъ столъ, ласково сказалъ ей:

— Мы никогда не даемъ денежныхъ вспомоствованій; но придите еще разъ черезъ мѣсяцъ, и мы посмотримъ, нельзя-ли будетъ сдѣлать для васъ исключенія. Я представляю ваше дѣло совѣту; передайте мой поклонъ и мое почтеніе многоуважаемому Домъ-Леліо.

Старуха еще разъ низко поклонилась ему и удалилась, унося въ своемъ старомъ сердцѣ чувство жестокаго разочарованія.

Она не протестовала. Итальянцы рѣдко протестуютъ.

Въ тотъ-же день графъ Саверіо встрѣтилъ мессера Неллемане на одной изъ улицъ Помодоро.

— Ахъ, встать, сказалъ графъ, — священникъ вашего прихода прислалъ сегодня ко мнѣ одну изъ вашихъ сельскихъ жительницъ. Можетъ быть, вы можете мнѣ сообщить что-нибудь относительно нея; я знаю, Домъ-Леліо въ этихъ случаяхъ болѣе слушается своего сердца, нежели разсудка; онъ желаетъ чтобы мы назначили ей постоянное ежемѣсячное пособіе; это старуха, прекуръзная старая карга, по имени Таормина Аннуциата, вдова.

Мессеръ Неллемане выразилъ на своемъ лицѣ непріятное удивленіе.

— Домъ-Леліо поступилъ очень неблагоразумно, сказалъ онъ съ серьезнымъ видомъ. — Личность, про которую вы говорите, принадлежитъ къ числу самыхъ неблагонадежныхъ субъектовъ во всемъ селѣ. Она нищая по ремеслу, завѣдомая нищая. Говорятъ, она вовсе не нуждается; у нея просто какая-то страсть къ нищенству, нѣчто въ родѣ болѣзненной маніи.

— Скажите! воскликнулъ президентъ. — Это ужасно! Мы ни въ какомъ случаѣ не должны поощрять нищенства. Домъ-Леліо не слѣдовало-бы ставить общество въ такое положеніе.

— Чего-же вы хотите отъ него, графъ? съ насмѣшливою улыбкою возразилъ мессеръ Неллемане; — вѣдь онъ священникъ!

Не легко прошелъ для старой Аннунциаты этотъ мѣсяцъ; было очень холодно и ей лишь рѣдко удавалось добираться до тѣхъ отдаленныхъ фермъ, гдѣ ей подавали болѣе всего. Но племянница приносила ей все, что могла собрать дома, а сама она каждый день повторяла себѣ: баринъ обѣщаль подумать о моемъ дѣлѣ; онъ навѣрное сдѣлаетъ что-нибудь для меня, когда я опять приду къ нему. Благодаря своему сангвиническому темпераменту, она, казалось, готова была жить одною надеждою.

Самою блестящею мечтою ея была мысль, что ей назначать полфранка въ день; но мечта эта, она сама сознавала, была слишкомъ несбыточна, чтобы осуществиться; если-бы дали хоть десять франковъ въ мѣсяцъ, то и въ такомъ случаѣ она лучшаго ничего не могла-бы просить у святыхъ на небѣ и у господъ на землѣ.

Въ веселомъ расположеніи духа отправилась она въ Покодоро въ морозное утро назначеннаго дня. Она принарядилась насколько могла, такъ-какъ любила имѣть приличный видъ. На ней была ея черная шляпа, подвязанная подъ подбородкомъ желтымъ платкомъ, синяя шерстяная юбка, которую дала ей фермерша, жившая на одномъ изъ холмовъ, и маленькая красная кофта изъ грубой матеріи, принадлежавшая Віолѣ.

Она дѣйствительно имѣла нарядный видъ, такъ-какъ была очень далека отъ распространенной между профессиональными нищими мысли, будто лохмотья и грязь болѣе способны побудить людей къ благотворительности, чѣмъ чистота и опрятность. Она вовсе не была нищею; никогда не протягивала она руки за подавнѣемъ; она просто была стара и люди были къ ней добры и ласковы, — вотъ и все.

Съ улыбкою счастливаго ожиданія она во второй разъ явилась къ графу Саверію въ архивную комнату.

Но на этотъ разъ президентъ уже не отвѣчалъ улыбкою на ея улыбку. Онъ строго взглянулъ на нее, отрываясь отъ своихъ книгъ и бумагъ, и еще больше нахмурился, когда увидѣлъ, кто была просительница.

— Вы были такъ добры, что велѣли мнѣ прийти сегодня, сенъоръ, сказала старушка, вида, что онъ молчитъ. — Вы были такъ добры, что обѣщали дать мнѣ что-нибудь, и весь этотъ мѣсяцъ я прожила, надѣясь на ваше обѣщаніе; зима-то стоитъ суровая.

Графъ Саверію пользовался репутаціей такого мягкаго, оборо-

жителяго человѣка, что суровое обращеніе было для него крайне непріятно; онъ откашлялся и, наконецъ, сказалъ тономъ отца, дѣлающаго выговоръ ребенку: — Милая моя, мнѣ крайне непріятно огорчать васъ, но мнѣ приходится сказать, что Домъ-Леліо положительно достоинъ порицанія. Наше почтенное, благотворительное братство имѣетъ въ виду и поставило своею цѣлью оказывать пособія, справедливыя пособія, честнымъ, работающимъ и заслуживающимъ помощи бѣднымъ; оно никогда не имѣло намѣренія помогать нищимъ.

— Нѣтъ, сеньоръ! сказала Аннунціата, смущенная и не понимавшая, къ чему онъ все это говоритъ, такъ-какъ себя она никогда не считала нищею.

— Оно никогда не имѣло намѣренія помогать нищимъ, продолжалъ президентъ, принимая все болѣе суровое выраженіе, по мѣрѣ того, какъ увлекался своею темою. — Нищенство есть язва страны, и покровительствовать ему грѣшно. Всѣ наши усилія направлены къ тому, чтобы искоренить его. Первое условіе, необходимое для прѣва обращаться за помощію въ наше общество, состоитъ въ томъ, чтобы обращающійся могъ доказать, что онъ никогда не просилъ милостыни. Что-же касается васъ, то вы завѣдомая нищія и давно уже живете общественнымъ подаяніемъ. Безъ сомнѣнія, какое-нибудь ужасное безразсудство, совершенное въ молодости, привело васъ къ такому положенію въ старости. Но это до насъ не касается; наше дѣло только повиноваться законамъ братства. Вы не достойны пенсіи; вы не достойны даже единовременнаго пособія изъ нашихъ фондовъ. Вы нищія.

Аннунціата уставилась на него, широко раскрывъ отъ изумленія свои маленькіе птичьи глазки.

— Нищія, сударь? Я? воскликнула она. Неправда, никогда я не была нищею. Люди добры ко мнѣ, и я благословляю ихъ за это. А чтобы я была безразсудна въ молодости, сеньоръ, этого тоже за мною не водилось; я овдовѣла въ сорокъ-два года, сеньоръ; мужъ мой упалъ съ крыши дома, и мнѣ пришлось воспитать четверыхъ дѣтей; и я воспитала ихъ, какъ слѣдуетъ, сеньоръ; все красивые выросли парни и дѣвушки, да прибралъ ихъ Господь у меня всѣхъ. А я всегда была бѣдна, сеньоръ, хоть и правда, что во времена моей молодости, страна наше была счаст-

ливѣе да и народъ тоже; людей тогда не жорили голодомъ, не притѣсняли, не выжимали точно лимоны подѣ прессомъ, какъ теперь. А тратить много я не могла, сеньоръ, такъ-какъ всегда имѣла только самое необходимое, чтобы прокормиться самой и прокормить дѣтей; а теперь, когда я состарѣлась, сеньоръ, мнѣ минетъ семьдесятъ-шесть лѣтъ къ Петрову дню,—люди, которые знаютъ меня давно, помогаютъ мнѣ, и да благословятъ ихъ за это святые угодники; много-ли можетъ заработать женщина въ мои года? Впрочемъ, плести я еще могу; настолько-то я еще вижу.

— Довольно! строго прервалъ ее графъ.—Вы можете истолковывать свое положеніе, какъ хотите,—все таки-же вы нищія; вы не имѣете иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ благотворительности другихъ.

— Да, сеньоръ; поэтому-то я и пришла сюда, сказала Аннунціата, которая не была лишена остроумія.

— Нищія не имѣютъ право на вспомошествованіе, сказалъ президентъ строгимъ и уже нетерпѣливымъ тономъ.—Вы нищія. Домъ-Леліо поступилъ совершенно противозаконно, рекомендовавъ васъ попеченію нашего общества. Мы ничего не можемъ сдѣлать для васъ; наши правила запретили-бы намъ это, если-бы мы даже были расположены помочь вамъ. Вамъ незачѣмъ было являться сюда. Я занятъ и долженъ попросить васъ удалиться.

— Позвольте васъ попросить только объ одномъ, сеньоръ: не сердитесь изъ-за меня на Домъ-Леліо; онъ поступилъ такъ по добротѣ сердечной, сказала Аннунціата дрожащимъ голосомъ. Затѣмъ она поклонилась и вышла, перешла черезъ улицу, вошла подѣ холодные, мрачные своды церкви, опустилась на колѣни на каменномъ полу передъ ближайшимъ алтаремъ и горько зарыдала.

ГЛАВА III.

Тѣмъ временемъ въ помодорской тюрьмѣ Бармело, скорѣе благодаря молодости, чѣмъ попеченію врача, выздоравливалъ, несмотря на кровопусканія и каломель, несмотря на діету и на царствовавшія въ больницѣ темноту и зловоніе. По истеченіи шести недѣль, онъ былъ уже въ такомъ состояніи, что скоро могъ возвратиться въ свою тюремную камеру. Но, казалось, это

была только тѣнь прежняго цвѣтущаго парня: онъ исхудалъ, поблѣднѣлъ, ввалившіеся глаза смотрѣли пасмурно; румяное смуглое лицо его стало блѣднымъ и желтымъ.

Рядомъ съ нимъ, на сосѣдней постели, лежалъ молодой нѣмецъ, страдавшій крайнею степенью анемии и другими болѣзнями. Онъ былъ рабочій, механикъ. Онъ хорошо говорилъ по-итальянски. По цѣлымъ часамъ говорилъ онъ съ Кармело въ долгія безсонныя ночи, когда единственными товарищами ихъ были ищерицы, крысы и жуки, бѣгавшіе по ихъ постелямъ.

Кармело не понималъ и десятой части того, что говорилъ ему молодой, умирающій сосѣдь его; но каждое понятое слово встрѣчало благопріятную почву въ его возмущенной, оскорбленной вопіющею несправедливостью душѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли на небѣ Богъ и святые? думалось ему.—Если-бы они могли слышать насъ и заботиться о нашей судьбѣ, они не потерпѣли-бы, чтобы я лежалъ здѣсь, и не дали-бы Биндо Терри королевскую власть. Если-бы они дѣйствительно воссѣдали на небѣ, какъ говорятъ священники, — развѣ они потерпѣли-бы, чтобы бѣдняки страдали, а негодяи обогащались, чтобы у голодающихъ людей вымучивали подати, чтобы паразиты общества пытали, обвиняли и судили людей, честно работающихъ свой хлѣбъ?

Долго тянулись холодныя осеннія ночи; въ больницѣ не полагалось ни топлива, ни освѣщенія; но пламенные рѣчи молодого рабочаго освѣщали и согрѣвали иракъ. Кармело, не имѣвшій почти никакого понятія о томъ, что происходило за предѣлами Санта-Розаліи, съ такимъ-же вниманіемъ, съ какимъ въ дѣтствѣ, бывало, слушалъ чудесныя рассказы священника о св. Урсулѣ, о св. Космѣ и Даміанѣ, теперь прислушивался къ разсказу о тайномъ движеніи, распространявшемся по всей Италіи; о возстаніяхъ въ Санъ-Луцо, въ Гало, въ Калатабіано, о „кружкахъ Барсанти“, и о секціяхъ „Сыновъ Труда“; о памятныхъ словахъ, которыя въ 1873 году произнесъ Гарибальди, сказавшій, что если-бы для борьбы съ деспотизмомъ составилось общество дьяволовъ, онъ применилъ-бы къ нему; о федераціи въ Римини, которая провозгласила, что земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ, машина—тому, кто ею работаетъ, а домъ тому, кто его строитъ; о программѣ, которая была выработана въ

Пьяченца и приходитъ къ тому выводу, что каждый имѣеть право на то, что необходимо, но что на излишнюю роскошь не имѣеть права никто.

Каждую ночь въ тишинѣ больничной палаты раздавалась горячая проповѣдь умирающаго фанатика. Онъ понималъ, что скоро долженъ умереть, и ухватился за Кармело, какъ за послѣдняго своего прозелита, совмѣстивъ въ этой послѣдней, предсмертной пропагандѣ всю энергію, весь огонь своей непоколебимой вѣры. И Кармело жадно слушалъ его мечты о свободѣ, о справедливости, о всеобщемъ счастьи на землѣ.

Въ одну ночь, когда больничная комната была освѣщена лучами мѣсяца, пробивавшимися сквозь рѣшетчатое отверстіе, служившее окномъ, молодой нѣмецъ умеръ.

Кармело былъ слишкомъ слабъ, чтобы встать съ постели; онъ приподнялся и смотрѣлъ на предсмертную агонію, прислушивался къ послѣднему хрипѣнію этого человѣка, который казался ему его единственнымъ другомъ. Онъ хотѣлъ закричать, чтобы призвать кого-нибудь на помощь, но, оцѣмѣвшій отъ ужаса, языкъ не повиновался; когда-же, наконецъ, онъ побѣдиль свой страхъ, дрожащій голосъ его тщетно раздавался въ ночной тишинѣ; никто не услышалъ его.

Въ теченіи этого ужаснаго часа онъ словно постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

Несмотря на свою слабость, онъ всталъ съ постели и попытался держать своего товарища, бившагося въ судорогахъ; но смерть была сильнѣе его и съ неудержимою силою отбросило его назадъ на постель.

Искаженное лицо умирающаго нѣмца освѣщено было луною. Онъ боролся съ смертью, задыхался и обливался кровью. Только разъ онъ съ полнымъ сознаниемъ взглянулъ въ глаза наклонившагося надъ нимъ Кармело.

— Народъ... народъ... страдаетъ! пробормоталъ онъ сквозь стиснутые зубы.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ испустилъ отчаянный крикъ и умеръ.

Всю эту долгую, холодную ночь Кармело провелъ одинъ; возлѣ него лежало тѣло его жертваго товарища.

ГЛАВА IV.

Вскорѣ послѣ своей бесполезной поѣздки въ Помодоро, Аннунціата совершенно была лишена возможности ходить за подаяніями, такъ-какъ выпало много снѣгу и, вслѣдствіе наступившей затымъ оттепели, всѣ дороги превратились въ потоки грязи.

Въ жилахъ у нея было немного крови, а въ шапу очень мало хлѣба. Въ такомъ-же положеніи были и три другія, жившія вмѣстѣ съ нею, старухи. Дрожа отъ холода, онѣ жались вокругъ единственной грѣлки съ горячими угольями, которую пріобрѣли, скопивъ сообща нѣсколько грошей; большую часть времени онѣ старались проводить въ постели, въ надеждѣ предохранить такимъ образомъ свое кровообращеніе отъ окончательнаго застоя. Четыре маленькія, жалкія кровати ихъ стояли по угламъ комнаты; пауки, насѣкомыя и мыши бѣгали по нимъ, и старухи были такъ слабы, что не въ силахъ были отгонять ихъ.

Дождь-Леліо, который самъ получалъ только одинъ франкъ въ день, помогалъ насколько могъ; Віола отказывала себѣ во всемъ, чтобы поддержать Аннунціату; но ни тотъ, ни другая не могли сдѣлать многого.

— Теперь, по-крайней-мѣрѣ, они не могутъ называть ее нищею, съ горечью сказала Віола, стоя возлѣ жесткой постели, гдѣ лежала старуха, у которой отъ ревматизма отнялись ноги.

Сердце дѣвушки сжималось отъ гнетущаго воспоминанія объ обманутыхъ надеждахъ и отъ неопредѣленнаго страха въ ожиданіи чего-то, еще худшаго, того страха, который возникаетъ въ самомъ беззаботномъ человѣкѣ, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда незаслуженныхъ бѣдъ.

Февраль былъ на исходѣ. Рѣка, желтая и грязная, бурлила и шумѣла, какъ-бы негодуя за похищеніе осѣнявшей ее рощи. Сѣверный вѣтеръ, не встрѣчая на пути своихъ деревьевъ, прямо дулъ въ окно дома мельника.

Старикъ Пасторини смотрѣлъ угрюмо, никогда не улыбался и десять разъ на дню повторялъ: — что скажетъ Кармело? Какъ онъ перенесетъ это, когда вернется?

Денежныя дѣла его становились все хуже и хуже. Муниципалитетъ, правда, предложилъ ему извѣстную сумму за прибрежную

рощу, но до сихъ поръ еще ни гроша не заплатилъ; прежде всего нужно было удовлетворить всѣхъ тѣхъ членовъ провинціального совѣта, которые первоначально противились проведенію желѣзной дороги, — мудрено-ли, что для Пасторини у муниципалитета не хватило денегъ.

— Дитя мое, обратился онъ разъ къ Віолѣ, къ которой очень привязался въ этотъ періодъ общаго горя, — мнѣ иногда кажется, что для Кармело лучше было-бы остаться въ тюрьмѣ, чѣмъ вернуться домой и увидѣть то, что произошло здѣсь безъ него.

Віола тяжело вздохнула и не сказала, что несогласна съ старикомъ. Въ ея молодомъ сердцѣ все еще жила та надежда, которая въ молодости, какъ золотистый дрокъ, цвѣтеть всегда, и въ ненастье, и на тощей почвѣ.

— Когда Кармело вернется, думалось ей, — все переѣвится, все опять пойдетъ хорошо.

Она считала каждую недѣлю, каждый день, каждый часъ, приближавшій освобожденіе Кармело. Только два мѣсяца оставалось уже ждать, и хотя она знала, что Кармело, вернувшись, встрѣтитъ горе и нужду, она не въ силахъ была, подобно отцу его, желать, чтобы онъ не возвращался.

А горе все росло да росло, и страницы маленькаго календаря, въ которомъ Віола отмѣчала углемъ несчастные дни, превращались въ сплошныя черныя пятна.

Еще въ началѣ года дѣдъ ея получилъ длинную, формальную, печатную бумагу, которою онъ приглашался приступить къ удаленію препятствія, преграждающаго пути передъ его дверью. Пиппо сжегъ эту бумагу.

Нѣсколько дней спустя, явился инженеръ Піеррино Цаффи, осматривалъ ручеекъ, вымѣрилъ его и удалился.

Черезъ недѣлю опять пришла бумага, и такъ-какъ дѣда ея не было дома, Віола понесла ее читать къ Чекко. На этотъ разъ Филиппо Мазетти приглашался приступить немедленно къ работамъ, необходимымъ для отведенія ручья подъ землю, такъ-какъ всякое иное приспособленіе, съ цѣлью прикрыть его теченіе, не могло не мѣшать проѣзду.

Къ работамъ этимъ ему предписывалось приступить не позднеѣ, какъ черезъ тридцать дней; за каждый день промедленія полагался штрафъ.

Очки затряслись на носу Чекко и волосы его стали дыбомъ, когда онъ читалъ эту бумагу; лицо его искажилось отъ ужаса.

— Это послѣ всѣхъ тѣхъ денегъ, которыя я заплатилъ за Пиппо! проговорилъ онъ, наконецъ;— послѣ той бумаги, которая освобождала его отъ всякой отвѣтственности!

Даже онъ, всегда расположенный почитать законъ и подчиняться ему, остолбенѣлъ и не зналъ, что сказать.

Такъ вотъ какова была справедливость закона! Вотъ какъ онъ исполнялъ данныя имъ обѣщанія!

Чекко потерялъ свою вѣру въ людей и готовъ былъ усомниться въ справедливости неба.

Виола горько плакала.

— Что это значить? вѣ себя воскликнулъ Чекко.— Что это значить? Развѣ дѣдъ твой въ состояніи, какъ герцогъ, оплачивать рабочихъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ.

— Это значить, что мы раззорены! рыдая, проговорила дѣвушка.— У него нѣтъ рѣшительно ничего; какъ-же онъ можетъ отвести ручей подѣ землю? А черезъ мѣсяцъ вернется домой Кармело!

Пришлось увѣдомить Пиппо объ этой новой бѣдѣ. Онъ выслушалъ ихъ спокойно, но въ глазахъ его вспыхнулъ огонь.

Онъ протянулъ руку, взялъ бумагу и сложилъ ее въ три раза; затѣмъ, онъ положилъ ее на ладонь своей руки и плюнулъ на нее; наконецъ, онъ зажегъ спичку и поджегъ бумагу.

Прогорѣвъ нѣсколько мгновеній на каменномъ полу, она съежилась и превратилась въ маленькую кучку черного пепла.

Вида, что Виола и Чекко хотятъ говорить, онъ остановилъ ихъ движеніемъ руки.

— Ни слова болѣе, сказалъ онъ,— ни слова! Если они пришлютъ мнѣ еще сто такихъ бумагъ, я со всѣми поступлю, какъ съ этой. Не высосать имъ крови изъ деревяннаго столба. Пускай дѣлаютъ, что хотятъ...

— Но... началъ-было его пріятель.

— Ни слова! повторилъ Пиппо и еще разъ плюнулъ на пепель. Затѣмъ, онъ принялся за свою работу.

Полчаса спустя, онъ на минуту пересталъ работать и поднялъ голову; дикимъ блескомъ свѣтились его глаза изъ-подъ бѣлыхъ волосъ.

— Дитя мое, сказала онъ, обращаясь къ внучкѣ, — я вспомнилъ объ одномъ вечерѣ, когда тебя еще не было на свѣтѣ. Тогда пришло извѣстіе о великой битвѣ, которую народъ называлъ Санъ-Мартино *). Намъ велѣно было иллюминировать дома, и всѣ послѣдовали этому приказанію. Засвѣтилъ и я лампочку въ маленькомъ окнѣ твоей комнаты. Тогда говорили, будто мы стали свободны; — спаси насъ, Господи, и помилуй, — какіе мы тогда были безумцы!

Онъ снова занялся своимъ плетенъемъ.

Дѣвушка плакала.

ГЛАВА V.

Нѣсколько дней спустя, въ Санта-Розалии разнесся слухъ о появленіи, будто-бы, бѣшеныхъ собакъ. Такіе слухи появлялись очень часто и приносили несомнѣнную выгоду сельскимъ стражникамъ, которые въ такія времена продавали много собачьихъ шкуръ.

Странное дѣло: — если вы пророете туннель, загубивъ при этомъ множество людей, васъ назовутъ благодѣтелемъ человѣчества; если вы содержите фабрику, въ которой, благодаря вреднымъ газамъ и испареніямъ, вдыхаемымъ во время работы, рабочіе не переживаютъ тридцатилѣтняго возраста, — никому не приходитъ въ голову, что человѣческая жизнь слишкомъ драгоцѣнна, чтобы вы могли располагать ею въ своихъ интересахъ, какъ вамъ заблагоразсудится. Но если собака осмѣлится укусить кого-нибудь, тотчасъ считаютъ долгомъ кричать о священности человѣческой жизни и объ ужасной преступности всего, что угрожаетъ ея безопасности.

Во всей общинѣ началась травля на собакъ. Віола, опасаясь за жизнь своей любимицы Раджи, еще старательнѣе держала ее на привязи и никогда не выпускала на улицу, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время опять уже нѣсколько разъ приходили повѣстки съ требованіями штрафовъ за то, что Раджи ходила безъ привязи. Пиппо, не говоря ни слова, каждый разъ бросалъ повѣстку въ огонь. Увидѣвъ, что Віола держитъ собаку на привязи, старикъ началъ было протестовать.

*) Такъ итальянцы называютъ Сольферино.

— Я говорилъ тебѣ, что на зло этимъ дьяволамъ никогда больше не стану привязывать собаку, ворчалъ онъ; но дѣвушка убѣдила его, сказавъ, что она тревожится за жизнь Раджи, а не о томъ, что скажетъ начальство.

Старикъ не противорѣчилъ; онъ становился апатичнымъ, но въ то-же время имъ овладѣвало отчаяніе; хотя онъ и сжегъ бумагу съ распоряженіемъ джиунты насчетъ ручья, но воспоминаніе объ ней и страхъ передъ тѣмъ, что его еще ожидало, преслѣдовали его и днемъ, и ночью. Къ тому-же онъ былъ такъ бѣденъ; онъ не очень печалился о томъ, что приходилось отказывать себѣ въ винѣ и табакѣ, но не могъ безъ горечи смотрѣть, какъ Віола безъ конца чинила свои платья, которыя всѣ состояли изъ заплатъ, и принуждена была ходить всегда на босую ногу. Въ Рождество она продала свое ожерелье изъ мелкаго жемчуга болѣе богатой дѣвушкѣ, дочери мясника, но вырученныя за него деньги давно ушли на уголья, да на хлѣбъ, да на супъ для Аннунціаты.

Однажды утромъ она стояла въ своемъ маленькомъ садикѣ и стирала бѣлье въ небольшомъ бассейнѣ, который наполнялся бившимъ изъ земли ключемъ. Дверь дома была затворена и Раджи безъ привязи бѣгала въ саду. Пиппо не было дома.

Занятая своею работою, Віола не замѣтила, какъ дверь растворилась отъ порыва вѣтра, и только окончивъ свое дѣло, замѣтила, что Раджи уже не было въ саду.

У Раджи былъ маленькій пріятель, младшій сынъ Чекко, хорошенькій хромой четырехлѣтній мальчикъ съ херувимскимъ личикомъ и кудрявыми, золотистыми волосами.

Каждый разъ, какъ на улицѣ раздавался стукъ его костылей, Раджи выбѣгала къ нему, зная, что Лилло, — такъ звали мальчика, — подѣлится съ нею своимъ хлѣбомъ и молокомъ и станетъ кидать свой маленькій деревянный мячъ, чтобы позабавить собаку, которую онъ очень любилъ.

Такъ она выбѣжала къ нему и въ это утро. Лилло, обрадовавшись своему товарищу, бросился ее цѣловать; потомъ онъ побѣжалъ, прихрамывая, въ домъ своего отца, вынесъ кусокъ хлѣба и вмѣстѣ съ собакою отправился къ ивашѣ, окаймлявшимъ берегъ рѣки; здѣсь онъ усѣлся на солнцѣ и сталъ дѣлиться съ Раджи своимъ хлѣбомъ.

Весело играли Лилло и Раджи, забавляясь, чѣмъ попало. Вѣтеръ взбивалъ ихъ золотистыя кудри; собака лаяла, ребенокъ пѣлъ и смѣялся, и оба были безконечно счастливы.

Въ это время по улицѣ проходилъ Биндо; взглядъ его остановился на ребенкѣ, сидѣвшемъ подъ ивами съ собакой; до ушей его донесся лай маленькой собаки и веселый дѣтскій смѣхъ.

Онъ приблизился къ нимъ, вынулъ свой пистолетъ и выстрѣлилъ въ собаку.

Собака упала мертвая, а вмѣстѣ съ нею съ пронзительнымъ крикомъ упалъ навзничъ и ребенокъ.

Изъ всѣхъ дверей выбѣжали люди, а Биндо Терри преспокойно удалился, какъ человѣкъ, исполнившій свой долгъ и добросовѣстно заработавшій свое жалованье.

Въ числѣ другихъ прибѣжала и Віола и бросилась на колѣни возлѣ своей маленькой собачки.

Никогда уже не будетъ болѣе смѣяться маленькій Лилло, сидя подъ ивами и дѣлясь своимъ хлѣбомъ съ Раджи! Болѣзненный мальчикъ, никогда не отличавшійся умственными способностями, съ этой минуты превратился въ слабоумное, вѣчно испуганное, бессознательное существо.

Но что за бѣда! Законъ проявилъ себя во всемъ своемъ величїи и поддержалъ свои права.

Когда старикъ Пиппо выкопалъ въ своемъ садикѣ маленькую могилу подъ цвѣтущими миндальными деревьями и опустилъ въ нее окровавленное тѣло собачки, прикрытое мохомъ и травой, онъ воскликнулъ, ровняя лопатю землю:

— Убійцы и воры правятъ нами по собственному произволу, и никто не противится имъ. Долго-ли, о, Господи, долго-ли это будетъ продолжаться?

Какъ-будто на смѣхъ въ тотъ-же вечеръ Пиппо получилъ изъ помодорскаго суда бумагу, которою утверждались всѣ штрафы, наложенные на него за послѣднее время муниципалитетомъ за то, что Раджи бѣгала безъ привязи; ему опять предстояло заплатить пятьдесятъ-семь франковъ.

Эта бумага, подобно всѣмъ предъидущимъ, отправилась въ огонь.

— Пускай они убьютъ меня, какъ убили собаку, сказалъ старикъ;—они раззорили меня въ конецъ.

ГЛАВА VI.

Холодное время миновало; высохли луга, пашни покрылись молодыми всходами, на лугахъ за фіалками расцвѣли нарциссы, а по склонамъ холмовъ персиковыя и грушевыя деревья покрылись цвѣтами.

Но весна не принесла съ собою радости для семьи мельника. Печально и непривѣтливо смотрѣло изрытое и обнаженное мѣсто, на которомъ недавно еще стояла роща. Къ проведенію желѣзной дороги еще не приступали. Между иностранными-предпринимателями и мѣстными муниципалитетами возникли какія-то несогласія, и все дѣло остановилось.

А между тѣмъ на стараго мельника обрушилась новая бѣда.

На противоположномъ концѣ села жилъ другой мельникъ, у котораго всегда было мало работы, такъ-какъ рѣка въ томъ мѣстѣ была менѣе глубока. Впрочемъ, мельникъ этотъ, котораго звали Ремиджіо Росси, не очень этимъ печалился; онъ былъ зажиточный человекъ, имѣлъ лавку въ Помодоро и торговалъ оливковымъ масломъ. Пасторини никогда не смотрѣлъ на него, какъ на соперника, да и самъ онъ не старался соперничать со старымъ мельникомъ.

Но въ одинъ прекрасный день на берегу рѣки показалась телѣга, запряженная четырьмя быками, тащившими за собою какой-то громадный, черный, безобразный предметъ чрезвычайно странной формы; а нѣсколько дней спустя, Пиппо и Віола, выйдя изъ своего дома, увидали на мельницѣ Ремиджіо, находившейся въ двадцати шагахъ отъ нихъ, высокую черную трубу, изъ которой поднимался столбъ густого дыма.

Пиппо бросился на улицу и изо-всѣхъ силъ сталъ кричать, что на садѣ пожаръ; но стоявшіе на берегу и смотрѣвшіе на мельницу люди остановили его, говоря:

— Чего кричишь, старый дуракъ; это новая мукомольная машина.

Деметріо Пасторини былъ домохозяинъ, никогда не ходилъ по трактирамъ, чтобы поболтать съ сосѣдями, и обыкновенно узнавалъ о новомъ событіи дней черезъ двѣнадцать послѣ того, какъ оно уже было извѣстно всему селу; теперь-же онъ увидалъ вмѣ-

стѣ съ другими черную дымящуюся трубу и тотчасъ-же услышалъ отъ сосѣдей, что Ремиджіо Росси выписалъ изъ главнаго города паровую машину, при помощи которой онъ будетъ въ состояніи молоть муку во всякую погоду, не заботясь о томъ, обмелѣла-ли рѣка или нѣтъ.

Какъ онъ могъ соперничать съ этой машиной, въ особенности теперь, когда сухія колеса его въ теченіи пяти мѣсяцевъ въ году стояли высоко надъ водою, съ тѣхъ поръ какъ по берегамъ рѣки вырубали лѣса?

— Такъ-то, Ремиджіо, ты выписываешь себѣ желѣзныхъ и огненныхъ дьяволовъ, чтобы разоорить своего стараго сосѣда? сказалъ онъ, встрѣтивъ своего конкурента въ воскресенье передъ обѣдней.

Ремиджіо былъ добродушный человѣкъ, но, подобно большинству людей, былъ слишкомъ падокъ на деньги. Онъ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Я никому не желаю дѣлать зла; но, съ тѣхъ поръ какъ Роза стала такая капризная, я находился въ большомъ затрудненіи, а такъ-какъ джіунта взяла на себя половину издержекъ, въ виду того, что дѣло касается интересовъ всей общины...

— Вотъ какъ! Такъ джіунта платитъ половину издержекъ? воскликнулъ Пасторини съ возрастающимъ негодованіемъ. — Значитъ она и половину барыша будетъ получать?

Ремиджіо кивнулъ головой и поспѣшилъ проскользнуть въ церковь.

На слѣдующій день Пасторини, далеко не посвященный въ закулисную сторону дѣла, отправился въ муниципалитетъ и просто-душно заявилъ, что желаетъ видѣть кавалера Дурелаццо. Это былъ какъ-разъ день, назначенный синдикомъ для аудіенцій.

По обыкновенію, самого кавалера Дурелаццо не было на лицо, но секретарь его былъ къ услугамъ просителей. Вскорѣ мельникъ очутился передъ лицомъ мессера Неллемане, который встрѣтилъ его съ привѣтливой улыбкой и, не вставая съ своего кресла, сказалъ:— Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ, мой другъ?

Деметріо Пасторини, который былъ не мастеръ по части рѣчей и говорилъ свободно только подъ вліяніемъ раздраженія, — повторяясь и поправляясь на каждомъ шагу, рассказалъ о цѣли своего прихода и объяснилъ, что предки его были мельниками на рѣкѣ Розѣ по-

крайней мѣрѣ въ продолженіи трехсотъ лѣтъ, а по всей вѣроятности еще долѣе, что онъ такимъ образомъ имѣлъ наслѣдственное право на пользованіе рѣкою и что постройка паровой мельницы по сосѣдству съ нимъ вслѣдствіе этого была вещью въ высшей степени несправедливою, чтобы не сказать противозаконною.

Мессеръ Неллемане терпѣливо слушалъ его, и когда мельникъ, наконецъ, запыхавшись, остановился, онъ ласково сказалъ ему:

— Вы положительно заблуждаетесь, другъ мой. Развѣ вы не знаете, что Ремиджіо Росси въ продолженіи многихъ лѣтъ уже пользуется своей мельницей.

Пасторини согласился съ этимъ.

— И, насколько я слышалъ, вы никогда не протестовали противъ этого.—Его мельница почти никогда не работала, сказалъ мельникъ.

— Извините меня, сказалъ мессеръ Неллемане,—но это совсѣмъ не относится къ дѣлу; если-бы мельница даже не работала, развѣ вы стали-бы оспаривать ея право на это?

— Нѣтъ, никогда, сказалъ Пасторини;—живи и не мѣшай жить другимъ,—вотъ мое правило. Мельница эта была честнымъ предприятиемъ; она работала водою, и притомъ стояла на менѣе выгодномъ мѣстѣ, чѣмъ моя.

Мессеръ Неллемане началъ нѣсколько терять свое терпѣніе; тупость народа всегда раздражала его; но пока онъ сохранялъ еще свою асную улыбку.

— Все это нисколько не относится къ дѣлу. Вы оспариваете законность мельницы, принадлежащей Росси. Стало-быть, совершенно независимо отъ того, паровая-ли это мельница или водяная, она либо имѣетъ право на то мѣсто, на которомъ выстроена, либо нѣтъ. Повидимому, это для васъ не ясно; но если вы немного подумаете, мой милый, то сами убѣдитесь, что способъ работы не имѣетъ никакого отношенія къ сущности вопроса.

— Боже милосердый! воскликнулъ Пасторини, раздраженный до бѣшенства этимъ спойнымъ и логическимъ разсужденіемъ.— Какъ не имѣетъ отношенія? Мельница его имѣетъ тѣ-же права, какъ моя,—ни болѣе, ни менѣе. Пока Росси былъ доволенъ тѣмъ, что Богъ намъ посылалъ, и подчинялся прихотямъ рѣвки,—я не говорилъ ни слова; рѣвка вольная.

— А между тѣмъ вы только-что заявляли, что она состав-

ляетъ собственность вашего семейства, замѣтилъ секретарь все такъ-же ласково; но мельникъ не обратилъ вниманія на эти слова.

— Противъ честной конкуренціи ни я, ни одинъ изъ моихъ сыновей, никогда не стали-бы протестовать, сказалъ онъ, начиная горячиться;—рѣка вольная; всякій можетъ ею пользоваться;—да только пользуйся честно: не ставь возлѣ нея свистающаго котла и не мели зерна, когда въ рѣкѣ, по волѣ Божьей, сбыва вода. Зачѣмъ онъ сталъ заводить на рѣкѣ такіе порядки? Онъ поступаетъ такъ-же, какъ тѣ люди, которые, говорятъ, душатъ рыбу порохоми и такимъ образомъ грабятъ всѣхъ честныхъ рыбаковъ, употребляющихъ только сѣти да удочки.

— Не порохоми, а динамитомъ, поправилъ мессеръ Неллемане; порохъ не дозволенъ нашими законами.

— Такъ зачѣмъ-же вы разрѣшаете паровую мельницу? продолжалъ Пасторини;—она для меня все равно, что порохъ для рыбаковъ. Одинъ человекъ наживется, а всѣ другіе хоть съ голоду помирай. Никогда я не говорилъ, что имѣю исключительное право на пользованіе рѣкою, но я имѣю право молотъ хлѣбъ для Санта Розалии и для всѣхъ окрестныхъ фермъ. А эта мельница не честное, не чистое дѣло; она заѣстъ меня и отниметъ хлѣбъ у дѣтей моихъ, такъ-какъ люди, конечно, пойдутъ туда, гдѣ работа исполняется скорѣе.

— Вы вполнѣ вѣрно опредѣлили значеніе этого изобрѣтенія, сказалъ мессеръ Неллемане съ сладкой улыбкой, вертя въ рукахъ перо.—Въ наши времена, чтобы угодить публикѣ, надо работать быстро и во всякое время. Мнѣ очень жаль, что это нововведеніе непріятно для васъ; но наша обязанность—заботиться объ общественныхъ интересахъ, а не о выгодѣ отдѣльныхъ лицъ. Было-бы положительною нелѣпостью, если-бы въ нашъ вѣкъ великихъ изобрѣтений цѣлая община не могла молотъ своей жатвы, потому-что обмелѣла маленькая рѣка; къ намъ такъ часто обращались съ жалобами, что мы почли своею обязанностью отыскать какое нибудь средство для уничтоженія этого неудобства, а такъ-какъ Ремиджіо Росси извѣстенъ за человека, которому дорога интересы общества, и притомъ обладаетъ нѣкоторымъ капиталомъ, то кавалеръ Дурелаццо съ согласія джюнты рѣшилъ выдать ему субсидію для выполненія этого проекта.

Пасторини стоялъ совершенно уничтоженный и не зналъ, что сказать. Онъ надѣялся смутить этого представителя муниципалитета, упомянувъ о субсидіи на устройство паровой мельницы; и вдругъ этотъ поступокъ превозносили, какъ имѣвшій въ виду общественную пользу и всеобщее благо.

Его простой, не хитрый умъ не въ силахъ былъ состязаться съ умомъ мессера Неллемане.

Онъ стоялъ, вертя въ рукахъ свою соломенную шляпу, и, какъ дуракъ, твердилъ все одно и то-же:— Не чистое это дѣло. Не честно такъ поступать. Чертъ-бы побралъ эту мельницу... Наконецъ, его слушатель любезно напомнилъ ему, что время драгоценно и что, кромѣ него, есть еще много другихъ, ожидающихся аудіенціи.

— Такъ, стало-быть, я ничего не могу сдѣлать? сказалъ мельникъ, съ расстроеннымъ видомъ глядя на него.

— Нѣтъ, въ этомъ дѣлѣ ничего нельзя сдѣлать. Разъ джунта выразила свое одобреніе...

— Будьте вы прокляты вмѣстѣ съ вашей джунтой! съ горечью сказалъ мельникъ.— Вы заключили въ тюрьму моего бѣднаго сына, а теперь хотите отнять у насъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Мессеръ Неллемане позвонилъ въ свой маленькій колокольчикъ; появился Биндо Терри и выпроводилъ мельника за дверь.

— У всего этого семейства что-то неладно здѣсь, сказалъ мессеръ Неллемане съ соболѣзвующей улыбкой, указывая пальцемъ на свой лобъ.

Мельникъ отправился въ Помодоро, къ адвокату, но адвокатъ сказалъ ему, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, и посоветовалъ подать прошеніе префекту.

Пасторини попросилъ его составить это прошеніе, на что адвокатъ изъявилъ свое согласіе, получивъ за трудъ сорокъ франковъ.

Прошеніе было прочитано секретаремъ префекта и передано провинціальному совѣту, а провинціальный совѣтъ, въ свою очередь, передалъ его инженеру общины, нѣкому Піерино Цаффи. Тотъ доложилъ провинціальному совѣту, что мельница необходима, не вредна въ гигиеническомъ отношеніи и чрезвычайно выгодна для общины. Провинціальный совѣтъ передалъ этотъ отзывъ префекту,

и послѣдній въ концѣ-концовъ объявилъ, что онъ не можетъ противиться рѣшенію провинціального совѣта.

Ничего нельзя было сдѣлать больше.

Пасторини зналъ, что изъ-за бѣлой стѣны его сада скоро выгланетъ призракъ раззоренія.

Паровая мельница отниметь у него всю работу, а рѣка послѣ уничтоженія роши по всей вѣроятности обмелѣетъ еще больше и съ каждымъ лѣтомъ будетъ мелѣть все раньше и раньше. Кромѣ того Пасторини начали чувствовать, что число друзей ихъ уменьшается: въ первый разъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, въ праздникъ Тѣла Господня вмѣсто мельника предводителемъ процессіи былъ выбранъ главный мясникъ. Люди, относившіеся къ нему прежде дружески, теперь охладѣли. Санта-Розалія чувствовала, что опасно дружить съ семействомъ, которое такъ очевидно было обречено на преслѣдованіе провидѣніемъ и мессеромъ Неллемане.

— Въ жестяномъ котлѣ молотятъ хлѣбъ, а въ чугунномъ мелютъ муку! Боже мой, какія настали времена! говорилъ старикъ Пиццо, лежа утромъ въ постели, когда сквозь окно доносился къ нему удушливый дымъ отъ новой мельницы.

Мессеръ Неллемане, напротивъ, былъ въ прекрасномъ настроеніи; его дѣла шли какъ нельзя лучше; онъ съумѣлъ угодить, какъ говорится, и нашимъ и вашимъ. Новый депутатъ, помня огромныя услуги, оказанныя ему мессеромъ Неллемане во время выборовъ, обѣщаль хлопотать за него и предсказывалъ ему блестящее будущее. Префектъ, въ свою очередь, благодарилъ его за услуги, оказанныя министерской партіи, и точно также обѣщаль свое покровительство. Карьера мессера Неллемане несомнѣнно была обезпечена.

ГЛАВА VII.

Наконецъ, насталъ и день, въ который Бармело долженъ былъ покинуть тюрьму; это было чудное майское утро, полное той прелести, которая свойственна этому мѣсяцу въ одной Италіи.

Ночью шелъ обильный дождь; зеленое, волнистое море высокой пшеницы, тутовныя и орѣховыя деревья, окаймляющія рѣку ивы, трава, разстилавшаяся шпистымъ ковромъ подъ тополями, — все

было зелено, все сверкало каплями росы. Мѣстами, какъ бѣлые столбы фонтановъ, поднимались залитыя цвѣтами акаціи; мѣстами видѣлись обильные цвѣты кустарника, извѣстнаго подъ именемъ іудина дерева; мягкій западный ветерокъ колебалъ свѣжую листву.

— Сегодня молодой Пасторини выйдетъ изъ тюрьмы, говоритъ въ это утро мессеръ Неллемане, обращаясь къ бригадиру; — слѣдите за нимъ внимательно, — мнѣ кажется, это опасный паренъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ жандармъ.

Пиппо и старикъ Пасторини съ сыновьями отправились въ Помодоро, чтобы встрѣтить Кармело. Віола осталась дома.

Когда всѣ формальности освобожденія были выполнены и родные привѣтствовали Кармело, онъ только пожалъ руку Пиппо и отцу, но не сказалъ ни слова. Нетвердою поступью, какъ слѣпой, вышелъ онъ на вольный воздухъ, подъ яркое солнце; лицо его сохраняло все то-же выраженіе тупого безучастія; когда-то свѣжія и улыбавшіяся губы его теперь были блѣдны и судорожно сжаты. Вся свѣжесть молодости, казалось, покинула его; онъ сильно похудѣлъ и одежда его, ставшая слишкомъ широкою, висѣла на немъ, какъ на скелетѣ.

— Насидѣлся-таки ты у насъ, шутиливо сказалъ ему судебный приставъ. — Впередъ позадумайся прежде чѣмъ тронешь стражника, голубчикъ мой.

Кармело смотрѣлъ въ землю; глаза его вспыхнули гнѣвомъ, но онъ промолчалъ.

— Сына моего жестоко обидѣли, сказалъ старикъ Пасторини, въ голосѣ котораго слышались слезы. — Если-бы въ странѣ было правосудіе, онъ не провелъ-бы ни одного часа въ этомъ проклятомъ мѣстѣ.

— Законъ никогда никого не обижаетъ, сказалъ судебный приставъ, для котораго законъ былъ средствомъ существованія.

— Настоящіе, хорошіе, справедливые законы, можетъ быть, и не обижаютъ, отвѣчалъ Пасторини, но эти мошенники, выдумывающіе изъ своей головы такіе законы, которые наполняли-бы ихъ карманы...

— Молчи! а то они еще засадятъ тебя, шепнулъ ему Пиппо, который, съ тѣхъ поръ какъ заложилъ свой домъ, сдѣлался мрачнымъ, но робкимъ. — Поѣдемъ домой; тамъ ждетъ насъ Віола.

При имени дѣвушки печальные глаза Кармело на мгновение засвѣтились теплымъ свѣтомъ и все лицо его, какъ-будто, просіяло; но не надолго, — скоро опять легла на немъ та мрачная тѣнь, которую оставила за собою тюрьма.

— Пойдешь, сказалъ онъ, съ содроганіемъ оглядываясь еще разъ на тюрьму.

Молча сѣли они въ повозку и молча ѣхали во всю дорогу. Опустивъ голову на грудь, Кармело сидѣлъ неподвижно, погруженный въ тяжелыя думы. Но когда повозка застучала по мосту, пересѣкавшему Розу и вѣхала въ село, онъ схватилъ руку своего брата, правившаго лошадей, и попросилъ его остановиться.

— Дайте мнѣ сойти; позвольте мнѣ пойти къ ней одному.

Сойдя съ повозки, онъ остановился на мгновение, посмотрѣлъ на бѣлое четырехугольное, голое зданіе муниципалитета и сказалъ, поднявши кверху руку:

— Если-бы можно было вернуть прошлое, я опять поступилъ-бы точно такъ-же. Бѣдная моя собака! Ошибаются они, если думаютъ, что тюрьма заставила меня позабыть о тебѣ или простить имъ.

Лицо его было блѣдно и мрачно; въ темныхъ глазахъ, какъ молнія изъ-за грозовой тучи, сверкалъ огонь.

— Онъ не въ своемъ умѣ, испуганнымъ шопотомъ сказалъ Пиппо, обращаясь къ мельнику.

Пасторини покачалъ головой.

— Пускай его идетъ къ Віолѣ; она лучше всѣхъ съумѣетъ вылѣчить его; а мы только больше растравимъ его раны. Нѣсколько времени спустя, ты ихъ обоихъ приведешь къ намъ, когда онъ успокоится. Бѣдный, бѣдный мой парень; круто онъ измѣнился.

Было еще раннее утро и никто не видѣлъ, какъ вернулся Кармело. Онъ переступилъ черезъ порогъ маленькаго домика Пиппо и бросился къ ногамъ Віолы, которая ждала его и молилась за него.

Мельникъ медленно поѣхалъ черезъ село домой, а Пиппо слѣзъ съ повозки, направился къ рѣкѣ и сѣлъ на берегу подъ ивами, близъ камышей.

Было еще рано и врядъ-ли многіе видѣли, какъ ѣхала по улицѣ повозка мельника, а кто и видѣлъ, вѣроятно заблагораз-

судить остаться дома, подумавъ про себя: благоразумно-ли вые-зывать дружбу къ друзьямъ этого парня?

Только Луиджи Кантерелли выбѣжалъ изъ своей лавки, махая шляпою, и закричалъ:—Здравствуйте! добро пожаловать! да робкій Чекко, стоявшій въ дверяхъ своей мастерской, не имѣя работы и увидавъ Пиппо, печально сидѣвшаго на берегу, побѣжалъ къ нему и закричалъ:—Дружище! онъ вернулся домой? Вотъ радость-то! Не думай больше про тюрьму, и не вспоминай объ ней никогда, всякій вѣдь знаетъ, какъ, по правдѣ, было дѣло!

А когда Пиппо, считавшій непристойнымъ оставлять парня на единѣ съ дѣвушкой долѣе десяти минутъ, направился къ дому, Чекко пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, крѣпко пожалъ Кармело руку, расцѣловалъ его въ обѣ щеки и сказалъ:—Ну, теперь ты вернулся, и все опять пойдетъ хорошо! Затѣмъ онъ расцѣловалъ Віолу; потомъ бросился на колѣни передъ распятіемъ и сталъ прославлять Христа; черезъ минуту снова вскочилъ, сталъ смѣяться, плавать, пѣть и плясать, и вообще обнаружилъ безумную радость, которая была такъ комична въ этомъ серьезномъ, шестидесятилѣтнемъ человѣкѣ, что Пиппо невольно также разсмѣялся, а парень и дѣвушка тоже были рады, что онъ такимъ образомъ отвлекъ вниманіе отъ волненія, подѣ впечатлѣніемъ котораго они еще находились.

— Ну, пойдите, сказалъ Пиппо;—отецъ твой я думаю и то ужъ дивится...

Кармело стоялъ и держалъ за руку Віолу; въ лицѣ его было выраженіе, напоминавшее прежнее время; глаза его, въ которыхъ блистали слезы, смотрѣли прежнимъ мягкимъ взглядомъ, а на губахъ показалась старая улыбка. Онъ говорилъ не много; даже для нея у него не было много словъ.

Но когда Пиппо напомнилъ, что имъ пора идти къ мельницѣ и они втроемъ вышли изъ дома на площадь, лицо его опять приняло жесткое, мрачное выраженіе, а глаза смотрѣли злобою, когда онъ шелъ по улицѣ, высоко поднимавъ голову съ вызывающимъ видомъ.

— Я бы способенъ былъ убить ихъ всѣхъ! прошепталъ онъ, и рука его судорожно сжала руку Віолы.

Когда они вышли за дверь, Кармело оглянулся назадъ.

— Гдѣ маленькая Раджи? Она, бывало, всегда прыгала около меня.

Онъ началъ звать ее и свистать, какъ привыкъ это дѣлать прежде.

Виола залилась слезами и схватила его за руку.

— О, Кармело, милый мой, не зови ея! Раджи умерла.

— Умерла! Отъ чего она умерла? Бѣдная, веселая Раджи!

— Она умерла... отъ... отъ старости, сказала Виола, продолжая плакать;—не говори объ ней; пожалуйста, не говори.

— Отъ старости? недовѣрчиво переспросилъ Кармело. — Конечно, она была далеко не щенкомъ, но все-же еще была такъ весела и игрива. Бѣдная, маленькая Раджи! Ты увѣрена, что ее не отравили?

Лицо его снова омрачилось и, разумѣется, не прояснилось, когда они шли по улицѣ и онъ видѣлъ, какъ сосѣди поспѣшно уходили въ свои дома.

— Подумаешь, что я зачумленный, сказалъ онъ злобно.

— Пойдемъ, не обращай на нихъ вниманія. Они теперь боятся, что стражники увидятъ ихъ съ тобой. Подожди, проживешь дома недѣлю, и все опять пойдетъ по-прежнему, торопливо шепталъ ему бочаръ, и они продолжали свой путь по площади.

Въ этотъ часъ все село было уже на ногахъ и за работою; всѣ двери были растворены, ставни въ окнахъ открыты, дѣти спѣшили въ школу, а матери болтали, отправляясь за маленькими покупками къ обѣду. Но теперь, увидавъ Кармело, женщины прятались по угламъ, а мужчины внезапно дѣлали видъ, что совершенно погружены въ свою работу.

Еще выше поднялъ голову Кармело, еще мрачнѣе и злобнѣе смотрѣли его глаза. Онъ отлично понималъ, почему эти люди, всегда любившіе поболтать и посмѣяться, вдругъ становились такими прилежными и сосредоточенными.

Одинъ Луиджи Кантерелли снова выбѣжалъ изъ дверей своей лавки и привѣтствовалъ его, пожимая ему обѣ руки.

— Эти скоты изъ муниципалитета никогда уже не придутъ болѣе ужинать или обѣдать ко мнѣ, подумалъ онъ, — да ужъ нечего дѣлать, пускай они раззоряютъ меня, коли хотятъ; не могу же я дать пройти парню, не поздоровавшись съ нимъ.

Но онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, рѣшившимся привѣт-

ствовать Кармело во все время, пока онъ шелъ по улицѣ села, хотя женщины и мужчины съ участіемъ смотрѣли ему вслѣдъ и говорили другъ-другу: — Вѣднѣй паренъ, онъ былъ правъ; но благо-разумно-ли выказывать ему дружбу? А вѣдъ паренъ-то золотой.

На крыльцѣ муниципальнаго зданія стоялъ Биндо въ мундирѣ стражника, съ короткой саблей на поясъ; изъ кармана его торчала толстая записная книжка; шляпа была надѣта на бокренъ, усы закручены вверху.

Онъ видѣлъ, какъ Кармело со своими спутниками, направляясь къ мельницѣ, приближался къ муниципалитету. — Пойдемъ со мною, сказалъ онъ карабинеру, стоявшему вмѣстѣ съ нимъ у дверей; — вонъ идетъ этотъ негодяй, выпущенный изъ тюрьмы.

Онъ спустился съ крыльца и сталъ по срединѣ дороги, такъ что они принуждены были пройти возлѣ него.

Когда Кармело увидѣлъ отравителя Топцы, лицо его побагровѣло и вслѣдъ за тѣмъ поблѣднѣло.

— Вотъ онъ, каторжникъ-то, громко крикнулъ Биндо карабинеру въ то время, когда они поровнялись съ нимъ. — Небось, теперь два раза поразмыслить, прежде чѣмъ нападетъ на насъ въ другой разъ; но я готовъ побиться объ закладъ, что ему не избѣгнуть каторги. Присматривай за нимъ, бригадиръ; онъ опасный малый.

Если-бы не умоляющій жестъ Віолы, сжимавшей руку своего жениха, если-бы не Пиппо, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, уговаривавшій Кармело, — муниципальный стражникъ еще разъ растянулся-бы во всю длину на пыльной дорогѣ подъ тяжелой рукою взбѣшеннаго парня.

Ради нихъ онъ совладалъ съ пожиравшею его яростью. Они молча прошли мимо.

— Не обращай на него вниманія, мой милый, сказала шедшая возлѣ него дѣвушка. — Будь спокоенъ и твердъ. Это будетъ самою лучшею твоею местию.

Благоразумныя это были слова; но въ жизни невозможно всегда руководствоваться благоразуміемъ.

Старая Аннунціата также вышла къ нимъ на встрѣчу. Съ наступленіемъ теплой погоды она опять начала свои странствованія. Со слезами привѣтствовала она Кармело. — Родимый ты мой, ска-

зала она, — никогда я не забуду, что начало всему горю положила я сама съ этой корзиной яицъ.

— Совсѣмъ не ты, ласково отвѣчалъ Кармело. — Случилась-ли-бы исторія съ яйцами или нѣтъ, — эти мерзавцы все равно что-нибудь выдумали-бы противъ меня.

— Но вѣдь на судѣ тебя попрекали этой исторіей...

— Да, уснастивъ ее выдумками, какъ уснащаютъ бумажками хвостъ змѣя, чтобы онъ поднялся выше, сказалъ бочаръ Чекко. Затѣмъ они всѣ вмѣстѣ продолжали путь.

Всѣ шли молча.

Всякому думалось: — что-то онъ скажетъ, когда увидитъ, что деревья срублены.

Кармело, волнуемый горькими думами и дорогими воспомина-ніями, дѣйствительно съ нетерпѣніемъ поглядывалъ впередъ, выжидая, когда покажется отцовскій домъ.

— Вотъ онъ, воскликнулъ онъ съ живостью, когда на поворотѣ дороги, пролегавшей по берегу рѣки, въ первый разъ выглянуло блестящее бѣлое строеніе съ красною черепичатою крышею; затѣмъ онъ остановился и глубоко вздохнулъ.

— Но тамъ пѣтъ деревьевъ! крикнулъ онъ. Всѣ молчали.

— Развѣ отецъ ихъ срубилъ? спросилъ Кармело, продолжая неподвижно глядѣть впередъ.

Наконецъ, Віола собралась съ духомъ и сказала:

— Они срублены по приказанію муниципалитета, мой милый; кажется хотятъ что-то такое строить; такъ имъ понадобилось это мѣсто...

Слова замерли у нея на губахъ, когда изъ устъ Кармело вырвалось одно изъ тѣхъ ужасныхъ итальянскихъ проклятій, которыя обжигаютъ слышавшаго ихъ, какъ сѣрная кислота; спутники его невольно содрогнулись.

Онъ не произнесъ болѣе ни слова и поспѣшилъ къ мельницѣ, гдѣ отецъ, братья и сестры ждали его у маленькой, низенькой калитки.

Они кинулись къ нему на шею, цѣловали его и плакали; но онъ не отвѣчалъ на ихъ ласки и привѣтствія, ни знакомъ, ни словомъ; даже младшая сестра его, маленькая Изола, прижимавшаяся къ его колѣнямъ, не добила отъ него поцѣлуя. Онъ

смотрѣлъ только на отца, а отъ отца переносилъ свой взглядъ на кучи мусора, покрывавшія то мѣсто, гдѣ стояла роща.

— И ты допустилъ сдѣлать это!

— Сынъ мой, сказалъ мельникъ печальнымъ, смиреннымъ тономъ; — могъ-ли бы ты бороться противъ нихъ? Я былъ не въ силахъ сдѣлать это.

Кармело опустился на деревянную скамью, близъ двери, надъ камнями, подъ которыми зарыта была Топпа, и закрылъ лицо руками. Печальное это было возвращеніе.

День былъ чудный; поля блистали свѣжею зеленью первой поры лѣта; рѣка также зеленѣла отъ ихъ отраженія; воздухъ былъ насыщенъ запахомъ свѣжаго сѣна и винограднаго цвѣта. Сестры Кармело приготовили для него праздничный обѣдъ; черные дрозды и зяблики пѣли въ живой изгороди, состоявшей изъ кустовъ шовки и лавра; старое, знакомое мѣсто смотрѣло весело и при вѣтливо, но ничто не способно было согнать съ лица Кармело темнаго облака, ничто не заставило его улыбнуться.

Бочаръ Чекко, старикъ Пасторини и младшіе сыновья его пытались начать веселый разговоръ; но напрасно лилось старое вино, напрасно собесѣдники старались смѣяться и шутить; надъ всѣми тяготѣла забота и опасеніе за будущее. Лицо Виолы было блѣдно, какъ пахучіе вѣнчики нарцисовъ, которые цвѣли въ небольшомъ садикѣ возлѣ мельницы; а Кармело едва касался пищи и питья. Въ серединѣ обѣда младшая сестра его, Изола, которой было всего семь лѣтъ, вдругъ залилась слезами.

— Кармелино ни разу не поцѣловалъ меня! сказала она, рыдая.

Кармело взглянулъ на нее, губы и вѣки его задрожали. Онъ всталъ изъ-за стола, взялъ ребенка на руки и выбѣжалъ за дверь тамъ, на старой дубовой скамьѣ, надъ камнями, прикрывавшими; тѣло его собаки, онъ прижался лицомъ къ золотистой головкѣ своей маленькой сестры и горько заплакалъ.

Крѣпко ударилъ старикъ Пасторини кулакомъ по деревянному столу.

Во всю свою жизнь онъ былъ миролюбивымъ, безпечнымъ, ласковымъ, веселымъ человѣкомъ, терпѣливымъ по чувству долга и изъ любви къ спокойствію; но теперь въ немъ закипѣла вся кровь отъ гнѣва.

— Мы слѣпы и нѣмы, какъ чурбаны, какъ мулы, и не по-

нимаешь даже, когда насъ бьютъ, сказалъ онъ хриплымъ отъ ярости голосомъ. — Мы тупѣ скота, котораго убиваютъ на бойнѣ, такъ-какъ продолжаемъ жить и подчиняемся своимъ мучителямъ.

Всѣ молчали.

Печально праздновалось это возвращеніе.

— Сынъ мой, сказалъ мельникъ въ тотъ-же вечеръ, обращаясь къ Кармело, — въ тяжелое время вернулся ты домой. Я далеко не увѣренъ, что мельница въ состояніи будетъ по-прежнему прокармливать насъ хоть годъ. Въ тому-же я задолжалъ; не скрою отъ тебя этого. Я весь въ долгу, а все-таки не въ силахъ противиться единственному счастью, которое выпало на твою долю. Завтра ты повѣнчаешься съ Віолой.

На слѣдующее утро, такъ - какъ всѣ формальности были уже выполнены почти годъ тому назадъ, безъ всякаго торжества, отпразднись въ церковь св. Іосифа и были обвѣнчаны передъ алтаремъ священникомъ Домъ-Леліо.

Послѣ церемоніи они точно такъ-же безмолвно и печально отпразднись домой, и каждый тотчасъ принялся за свою работу. Не было никакой попытки ознаменовать это событіе какимъ -нибудь празднествомъ; это было бы неумѣстнымъ, да и Кармело не такъ былъ настроенъ, чтобы это могло быть ему пріятнымъ.

Онъ и Віола отправились вмѣстѣ съ старикомъ Пиппо въ его маленькій домикъ, чтобы еще разъ подѣлиться съ нимъ хлѣбомъ и солью, прежде чѣмъ покинуть домъ его навсегда. Они предполагали было прожить съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ уже переселиться на мельницу; но Пиппо отказался отъ этого предложенія, какъ оно ни было для него заманчиво, подумавъ про себя: — Скоро придутъ и опишутъ все мое нищество; лучше, если Віола не будетъ здѣсь.

Онъ приготовилъ для всего общества маленькую закуску; они сѣли за столъ, но никто не былъ въ состояніи ѣсть. Пиръ этотъ болѣе былъ похожъ на похоронный, чѣмъ на свадебный пиръ. Не слышно было ни одной изъ тѣхъ веселыхъ шутокъ, которыя говорятся при такихъ обстоятельствахъ; подъ тяжестью заботъ не могло обнаружиться беззаботное веселье.

Віола мучилась мыслью, что она покидаетъ старика, что онъ будетъ жить въ полномъ одиночествѣ, дѣлать всѣ хозяйственныя работы, готовить себѣ пищу и убирать свою постель; но Пиппо,

наконецъ рѣзко заявилъ, что онъ этого хочетъ, и что такъ будетъ лучше для него самого, и она должна была подчиниться.

Мельница находилась всего на разстояніи полумили отъ его дома, и Віола дала себѣ обѣщаніе, что разъ двѣнадцать въ день будетъ бѣгать къ нему и дѣлать для него все, въ чемъ онъ нуждался. Въ домѣ тестя у нея работы будетъ не много, такъ-какъ у него было три своихъ дочери, а Кармело также любилъ старика Пиппо.

Пиппо наполнилъ свой стаканъ виномъ и торжественно поднялъ его кверху.

— Дитя мое, сказалъ онъ серьезнымъ голосомъ, — будь такою же доброю женою, какъ для меня ты была доброю внучкою, и ты будешь драгоценнымъ кладомъ для тѣхъ, съ которыми тебѣ теперь суждено жить. У тебя здѣсь были тяжелыя работы. Да избавить тебя Богъ отъ нихъ тамъ, куда идешь теперь. Деметрію, выпей со мною за здоровье своего сына и будущихъ внуковъ; пусть они долго здравствуютъ, послѣ того какъ мы съ тобою уже будемъ лежать въ сырой землѣ.

Въ сумерки молодые отравились въ мельницѣ; ужъ не водились тамъ соловьи въ чащѣ деревьевъ и не огласятъ они своими пѣснями тишину ихъ брачной ночи. А старикъ Пиппо одинъ остался въ своемъ печальномъ, безмолвномъ домикѣ, въ которомъ только слышно было, какъ волны рѣки набѣгали на освѣщенный ивами песчаный берегъ.

Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ сквозь растворенную заднюю дверь на могилу маленькой Раджи.

— Бѣдная моя собака, промолвилъ онъ. — Скоро и я послѣдую за тобою. Пускай эти разбойники приходятъ и описываютъ; не могутъ они высосать крови изъ деревяннаго столба; а мнѣ не велика печаль отъ этого, съ тѣхъ поръ какъ нѣтъ тебя и Віолы!

Онъ сѣлъ къ холодному очагу, сложивъ на колѣнахъ руки и свѣсивъ голову на грудь, и не шевельнулся до самой полночи.

ГЛАВА VIII.

Съ возвращеніемъ теплой погоды Аннунціата освободилась отъ своего ревматизма, покинула постель, надѣла большіе кожаные сапоги, которые прежде составляли собственность какого-то

котельщика, и снова начала свои странствования по окрестным холмамъ и дорогамъ.

Бѣдная старуха все не еще могла успокоиться при мысли о томъ, что исторія съ яйцами была первою причиною постигшей Кармело бѣды и что пьяный кузнецъ изъ-за нея былъ приговоренъ къ шестинедѣльному тюремному заключенію. На судѣ, въ Помодоро, гдѣ разбиралось это дѣло, она плакала, просила судью не вымещать ея обиды на подсудимомъ, увѣряла, что онъ сдѣлалъ это потому, что былъ пьянъ, и заявила, что она давно простила ему и не хочетъ, чтобы его наказывали. Несмотря на строгія внушенія претора, она не унималась, плакала, кричала, твердила одно и то-же и, наконецъ, окончательно вывела изъ терпѣнія молодого судью, почувствовавшаго необыкновенное отвращеніе къ этой дерзкой старухѣ.

— Если-бы у насъ былъ законъ о бродягахъ, я, не задумываясь, подвергъ-бы ее тюремному заключенію, сказалъ онъ, обращаясь къ мессеру Неллемане.

— Сколько мнѣ извѣстно, кавалеръ Дурелаццо намѣренъ представить проектъ подобнаго закона для нашей общины; мы не знаемъ, куда дѣваться отъ нищихъ; но, разумѣется, пока Помодоро, какъ болѣе многолюдная община, не сдѣлаетъ того-же самаго, толку будетъ не много.

— Я поговорю съ нашими синдикомъ, отвѣтилъ преторъ.

Преторъ поговорилъ съ городскимъ синдикомъ, синдикъ поговорилъ съ своимъ братомъ, графомъ Саверіо, президентомъ братства св. Франциска, кавалеръ Дурелаццо переговорилъ съ своимъ секретаремъ, и въ одинъ жаркій лѣтній день джіунта общины Везая и Гиральды услышала проектъ новаго закона противъ бродягъ и нищихъ. Въ комнатѣ, гдѣ засѣдала джіунта, было душно и жарко, у всѣхъ отъ жары пересохло въ горлѣ, всѣмъ хотѣлось спать, а монотонный голосъ синдика, читавшаго длинный докладъ, еще болѣе нагонялъ сонъ. Законъ былъ принятъ безъ протеста, какъ въ той, такъ и въ другой общинѣ, а затѣмъ оставались только формальности. Префектъ провинціи утвердилъ его, не читая; министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависѣло окончательное утвержденіе муниципальныхъ законовъ, былъ въ это время занятъ болѣе важными дѣлами и точно такъ-же, не долго думая, скрѣпилъ его своею подписью. Вскорѣ въ Санта-

Розалии появились печатныя объявленія о новомъ законѣ; но, увы! девять десятыхъ населенія не умѣло читать, и бѣдныя, дряхлыя старухи по-прежнему продолжали обходить окрестныя фермы, и добрые люди по-прежнему продолжали помогать имъ. Простодушныя старухи не видѣли въ этомъ зла; онѣ работали всю свою жизнь, — не умирать же имъ было съ голоду, когда старость и болѣзнь лишила ихъ возможности зарабатывать себѣ хлѣбъ, тѣмъ болѣе, что государство съ своей стороны не дѣлало ничего, что могло-бы избавить ихъ отъ голодной смерти.

Новый законъ вошелъ въ силу въ первыхъ числахъ іюня, ровно черезъ двадцать дней послѣ того, какъ Кармело и Віола обвѣнчались, и въ одинъ прекрасный день послѣ полудня, когда Аннунціата шла по дорогѣ со своею палкою, вполне счастливая, такъ-какъ ревматизмъ ее на время покинулъ и Віола, наконецъ, вышла замужъ и была счастлива, — муниципальный стражникъ Виндо Терри прикоснулся къ ея плечу и арестовалъ ее.

Напрасно она плакала, рыдала, умоляла его, увѣрала, что всегда была честною женщиною. Она была нищая, подходившая подъ новый законъ; у нея не было средствъ къ существованію, а работою она тоже кормиться не могла; ясно, что она была нищая.

Ее отвели въ караульную, куда была представлена въ качествѣ вещественнаго доказательства и найденная при ней корзина, въ которой оказались объѣдки, нѣсколько грошей и всякія лоскутки; затѣмъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ она была отправлена въ Помодоро и тамъ заключена въ тюрьму.

— Это новый законъ, сказалъ ей Виндо, и больше ничего не могла она отъ него добиться; онъ держалъ себя чрезвычайно серьезно и надменно и очень важничалъ вслѣдствіе новаго приращенія къ числу прежнихъ своихъ полномочій.

— Не говори объ этомъ Кармело; ради Бога, не говори ему, а то онъ придетъ и подожжетъ городъ, чтобы освободить меня! умоляла стражника простодушная старуха.

Бѣдная старуха была такъ ошеломлена и уничтожена одною мыслью о тѣхъ непріятностяхъ и безпокойствахъ, которыя она причинить тѣмъ, кого такъ любила, что отъ страшнаго волненія она въ теченіи получаса пришла въ такое физическое и нравственное состояніе, что тюремщикъ тотчасъ-же рѣшилъ въ

своемъ умѣ, что она съумасшедшая и отправилъ ее въ ту самую больницу, гдѣ томился молодой Бармело въ теченіи долгихъ зимнихъ ночей и весеннихъ дней.

Братство Св. Франциска въ сущности было учреждено именно для людей, находящихся въ такомъ положеніи, какъ она; но такъ-какъ современныя нравственныя соображенія этого общества запрещали поощрять нищихъ, то графъ Саверіо, хотя онъ и слышалъ о постигшей ее участи, по принципу не могъ позаботиться о ней и помочь ей.

Впрочемъ, въ ту минуту, какъ онъ узналъ объ этомъ, онъ занятъ былъ дѣловымъ разговоромъ съ своимъ банкиромъ, который интересовалъ его гораздо больше, а потому онъ успѣшилъ отвѣтить писарю, доложившему ему о дѣлѣ Аннунціаты:

— Бродяга, завѣдомая нищая! Нѣтъ, мы не можемъ вступиться; это было-бы дурнымъ примѣромъ для другихъ. Мы обязаны дѣйствовать крайне осторожно и быть чрезвычайно разборчивыми относительно людей, которыхъ помогаемъ.

Тѣмъ временемъ Биндо успѣшилъ домой и сказалъ своему младшему брату, который былъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды:

— Я сегодня утромъ отвезъ въ тюрьму старую Нунціатину; пошли какого-нибудь мальчугана сказать объ этомъ на мельницѣ; лучше не ходи самъ.

Мальчикъ кивнулъ головой и убѣжалъ. Полчаса спустя, когда въ домѣ мельника все семейство сидѣло за скромнымъ обѣдомъ, какой-то мальчишка показался въ дверяхъ и, ухмыляясь, крикнулъ имъ:

— Старуха въ тюрьмѣ, — сегодня вышелъ новый законъ! Ее свезли въ городъ...

Съ этими словами онъ пустился бѣжать, чтобы избѣгнуть заслуженнаго наказанія.

Всѣ вскочили изъ за стола; Віола вся дрожала.

— Не можетъ этого быть, сказала она; — не можетъ быть. Они никогда не рѣшились-бы тронуть Нунціатину. Все село ее знаетъ.

— Я пойду узнаю, сказалъ Бармело, у котораго лицо приняло мрачное выраженіе.

— Нѣтъ, сказалъ Деметріо Пасторини; — ни навлекай на

себя новой бѣды. По всей вѣротности это просто злая штука. Оставайся со своею женою, а ты, Данте, пойди запряти лошадь.

— Нѣтъ, отецъ, это невозможно, сказалъ Кармело. — Дѣло касается бабушки моей жены; съ нею случилось бѣда, она въ опасности; пойдѣмъ вмѣстѣ, если хочешь, но остаться дома я не могу.

— Пусть будетъ такъ, сказалъ мельникъ. — Но помни, — во имя всѣхъ святыхъ, воздерживайся отъ насилія; ты не одинъ теперь.

Кармело посмотрѣлъ черезъ отворенную дверь на грязный берегъ, гдѣ когда-то стояла его зеленая рощица.

— Мы рабы, сказалъ онъ съ горечью; — а рабажъ приходится повораться.

Виола убѣждала ихъ, чтобы они взяли ее съ собою, и такъ-какъ не прошло еще мѣсяца послѣ свадьбы, то ни одинъ изъ нихъ не рѣшился отказать ей въ просьбѣ.

Когда повозки вѣхали въ село и вдали показался домикъ Пиппо, мимо котораго имъ нужно было проѣхать, Виола, которая прежде другихъ увидѣла свой родной любимый домикъ, вдругъ воскликнула:

— Дѣдушка уѣзжаетъ! Дѣдушка уѣзжаетъ, ни сказавъ намъ ни слова.

Кармело остановилъ лошадь и соскочилъ съ повозки; онъ страшно поблѣднѣлъ и стиснулъ зубы: среди стульевъ, столовъ, матрасовъ, кострюлей, чашекъ и горшковъ, сваленныхъ въ кучу передъ дверью дома, онъ замѣтилъ фигуры знакомыхъ ему людей.

Это былъ экзекуторъ со своими помощниками.

— Твой дѣдушка только чиститъ свои вещи, Виола, поспѣшно сказалъ онъ женѣ; — онъ только чиститъ свои вещи; я пойду помогать ему, а ты съ отцомъ отправляйся въ Пемодоро.

Но Виола также уже увидѣла, въ чемъ дѣло.

— Они продаютъ его имущество! пронзительно вскрикнула она и прежде чѣмъ мужъ или тестъ успѣли остановить ее, она соскочила на оглоблю, а съ оглобли на землю и бросилась бѣжать къ дому.

Старикъ Пасторини кинулъ возжи на спину лошади и также вышелъ изъ повозки. Кармело стоялъ уже передъ домомъ.

— О, дѣдушка, дѣдушка, что это значитъ? закричала Виола, вбѣгая въ переднюю комнату, гдѣ одинокій старикъ сидѣлъ на

своемъ плетеномъ стулѣ у холоднаго очага, какъ въ тотъ длинный вечеръ послѣ ихъ свадьбы.

Пиппо приподнялъ голову; выраженіе лица его было мрачное и рѣшительное, но спокойное.

— Они продаютъ мою рухлядь, сказалъ онъ. Я думалъ, что они не съумѣютъ высосать крови изъ деревяннаго столба, но, кажется, я ошибся.

Затѣмъ онъ снова взялъ въ ротъ свою трубку.

Виола бросилась на колѣни возлѣ старика и прижалась лицомъ къ его руцѣ.

— О, дѣдушка, дѣдушка! стонала она, — отчего ты не хотѣлъ, чтобы я осталась съ тобою? Я никогда не покинула-бы тебя, если-бы предвидѣла, что случится.

— Я зналъ это, дитя мое, сказалъ старикъ, и губы его, сжжавшія чубукъ небольшой трубки, задрожали. — Ты всегда нѣжно заботилась обо мнѣ. Но въ этомъ дѣлѣ ты ни крошечки не могла-бы мнѣ помочь и только напрасно-бы огорчалась.

Кармело на порогѣ схватилъ за плечо одного изъ помощниковъ эзекутора, выносившаго изъ дома кровать, принадлежавшую Виолѣ, и крикнулъ ему въ самое ухо:

— Воръ и слуга воровъ, брось это сейчасъ! Если ты осмѣлишься вынести изъ этого дома хоть что-нибудь, то переломлю тебѣ все...

Старикъ Пиппо всталъ со стула и стукнулъ объ полъ своею палкою.

— Кармело, сынъ Деметрію, крикнулъ, онъ громкимъ повелительнымъ голосомъ. — Ты мужъ моей внучки, но не хозяинъ въ моемъ домѣ. Не тебѣ здѣсь распоряжаться; дѣлай то, что я тебѣ прикажу, и больше ничего. Пойди, сядь спокойно возлѣ меня, и пускай они дѣлаютъ свое дѣло.

Послѣ минутнаго колебанія, Кармело снялъ руку съ плеча носильщика и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Пиппо.

— Ты не хочешь сопротивляться? спросилъ онъ.

— Что пользы въ сопротивленіи? Если нельзя сопротивляться съ успѣхомъ, то сопротивленіе глупо и безразсудно. Они сильнѣе насъ. Они берутъ мое имущество; оставь ихъ и иди своею дорогою. Не причиняй новаго горя своей женѣ, не заставляй ее опять оплакивать тебя, если ты попадешь въ тюрьму. Это было-

бы болѣе тяжкимъ несчастіемъ, чѣмъ потеря чашекъ и тарелокъ, кровати и столовъ.

Кармело стоялъ и молчалъ, какъ ребенокъ, которому дѣлаютъ выговоръ.

А за дверью старикъ Пасторини говорилъ съ экзекуторомъ, прося у него отсрочки и умоляя, чтобы онъ позволилъ отнести назадъ въ домъ имущество старика.

— Если вы заплатите мнѣ сейчасъ вотъ эту сумму, сказалъ экзекуторъ, показывая ему бумагу, то я исполню вашу просьбу, хотя и поздно уже.

У мельника зарыбило въ глазахъ и захватило дыханіе.

Цифры, которыя онъ увидѣлъ на бумагѣ, составляли въ сложности около двухсотъ франковъ, а онъ самъ былъ безъ гроша и весь въ долгу.

Онъ стоялъ въ нерѣшимости и раздумывалъ, нельзя-ли какъ-нибудь-нибудь способомъ достать эти деньги, а экзекуторъ и его помощники продолжали свое дѣло и выносили на улицу всякій хламъ, составлявшій имущество Пиппо.

Виола, стоя на колѣняхъ возлѣ старика, продолжала плавать и убиваться.

— А бабушка Аннунціата, а бабушка Аннунціата! воскликнула она, рыдая.

— Что съ нею? спросилъ Пиппо.

— Ее засадили; она въ тюрьмѣ; они говорятъ, что она нищая.

Пиппо, не выпуская изо рта трубки, засмѣялся рѣзкимъ, жесткимъ смѣхомъ.

— Отчего они не возьмутъ ружей, не посадятъ насъ всѣхъ въ рядъ и не разстрѣляютъ? Это было бы и легче и скорѣе.

— Это новый законъ, замѣтилъ экзекуторъ, который въ это время помогалъ выносить старый орѣховый комодъ, гдѣ Виола хранила свое подвѣчное платье, въ которомъ вѣнчалась еще мать ея.

— Законъ, законъ, законъ! бормоталъ Пиппо, и глаза его сверкали подъ бѣлыми бровями, какъ у дикой кошки. На все есть у нихъ законы, на всякую мелочь, такъ-что народъ не знаетъ, куда дѣваться отъ законовъ; но противъ того, чтобы бѣдняки не умирали съ голода, у нихъ нѣтъ закона; противъ того, чтобы они не умирали голые на голомъ полу,—у нихъ

нѣтъ законовъ! Скоро вы назначите налогъ на молоко матери и на пеленки новорожденного ребенка! Васъ на это станеть!

Съ этими словами старикъ выволотилъ на полу свою трубку и всталъ.

— Ступайте вы всѣ къ Аннунціатѣ, сказалъ онъ, насильно поднимая Віолу съ пола.— Ступайте къ ней и оставьте меня одного съ ворами. Надо мною есть еще кровля; я не дѣвушка, чтобы убиваться объ утратѣ зеркала; спать я могу и на полу, а кусокъ сухого хлѣба съѣмъ безъ тарелки. Идите съ Богомъ.

Имъ ничего не оставалось, какъ повиноваться ему. По опущеннымъ, омрачившимся глазамъ Кармело, по блѣднымъ губамъ его, старикъ Пасторини видѣлъ, какихъ усилій стоило его сыну сдерживать свою руку и принудить себя къ молчанію, и въ душѣ онъ благодарилъ Пиппо за то, что тотъ далъ ему возможность увести сына, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать съ врагами своими что-нибудь такое, чего ничто не въ силахъ было-бы загладить.

Они снова сѣли въ повозку и поѣхали вдоль берега рѣки. Віола все еще судорожно рыдала.

— Дѣдушка всегда былъ честнымъ, работающимъ человекомъ и никому не былъ долженъ ни гроша, сказала она сквозь слезы.— И изъ-за чего все это? Долговъ на немъ нѣтъ; и кто имѣеть право поступать съ нимъ такъ?..

Кармело схватилъ ее за руку.

Онъ не въ силахъ былъ говорить.

Въ ухахъ его звучали слова умершаго нѣнца и, подобно Пиппо, онъ говорилъ про себя:

— Долго-ли, о Господи, долго-ли?

А Віола, содрогаясь отъ ужаса и горя, думала про себя:

— Если-бы я согласилась сдѣлаться любовницей сеньора Гаспардо Неллемане, близкіе мнѣ люди не должны были-бы выносить всѣ эти мученія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗСВѢТЪ.

Пробѣли зѣрю. Ранній вѣтерокъ
Гасилъ ужь фонари и занялся востокъ.

Толпа докучныхъ грѣзъ спѣшила къ изголовью
И юношей, и дѣвъ; какъ глазъ, налитый кровью,
Свѣтъ лампы трепеталъ на утреннихъ лучахъ,
И воздухъ наполнялъ — не то какой-то страхъ,
Не то таинственность... Причудливыя тѣни
Скользили по землѣ и по стѣнамъ строеній.
Кой-гдѣ куриться начали дома.
Мужчина утомленъ усилями ума
И женщина любовью, — спите смѣло!

Вставала нищета съ постели охладѣлой,
То на руки дыша, то кучку угольковъ
Стараясь разогрѣть...

— О, нѣтъ! Изъ міра снова

Напрасно вызывалъ васъ Ангелъ пробужденья:
Ужаснѣйшій изъ сновъ — есть жизнь! Въ томъ нѣтъ сомнѣнья.
Тѣ былъ печальный часъ, когда къ странѣ иной
Рвалась душа отъ немоци земной;
Когда мучительно усилились страданья
Несчастныхъ роженіцъ. Какъ громкое рыданье,
Задержанное кровью, раздиралъ
Крикъ пѣтуха весь воздухъ — и всплывалъ,
Волнуясь и клубясь надъ мрачными домами,
Густой туманъ сѣдыми облаками...
И ворчалъ на полу удушливой пивной,
Гуляка умиралъ съ хрипѣньемъ; а другой,
Насытая дракою, бессонницей и водкой,

Спѣшилъ домой неровною походкой.
А дома... плачь, упреки и семья!..

Дрожа отъ холода, нарядная заря
Къ задумчивой рѣкѣ неспѣшно подвигалась;
Какъ мрачный великанъ, столица пробуждалась...
И ждалъ обычный трудъ—безъ жизни, безъ лучей—
Съ проклятіемъ проснувшихся людей!

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОВЫЕ ТИПЫ „ЗАБИТЫХЪ ЛЮДЕЙ“.

(„Братья Карамазовы“. Романъ въ 4-хъ част., соч. Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1881 года).

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ).

Х.

Типы забитыхъ, искалѣченныхъ людей, къ анализу которыхъ мы теперь переходимъ, принадлежать, преимущественно, къ культурной средѣ. Очень можетъ быть, что они иногда попадаютъ и въ средѣ некультурной; очень можетъ быть, что тѣ изъ нашихъ молодыхъ и талантливыхъ беллетристовъ, которые посвятили себя изученію и художественному воспроизведенію нашей народной жизни, когда-нибудь и представятъ намъ забитыхъ некультурныхъ людей этой категоріи. Но Достоевскій ихъ не касается; его Свидригайлы, Карамазовы и т. д. принадлежатъ исключительно къ дворянско-купеческой средѣ,—они вырастаютъ, живутъ и дѣйствуютъ подъ гнетомъ такихъ условій, которыя могли развиться лишь на почвѣ культурныхъ отношеній. И хотя, какъ мы сказали, Карамазовщина, быть можетъ, иногда и встрѣчается на почвѣ некультурныхъ отношеній, однако, въ некультурной средѣ Карамазовы необходимо должны нѣсколько видоизмѣнить свой характеръ, да даже и съ этимъ видоизмѣненнымъ характеромъ они возможны въ ней лишь какъ рѣдкое, болѣе или менѣе исключительное явленіе. Дѣло въ томъ, что, какъ ни тягостны, какъ ни унизительны, какъ ни разрушительны для физическаго здоровья, какъ ни неблагоприятны для умственнаго развитія тѣ жизненныя условія, въ которыхъ, какъ бѣла въ

колесѣ, бьется некультурный человекъ и у насъ и вездѣ,—во всемъ мѣрѣ, тѣмъ не менѣе эти условія въ несравненно меньшей степени искалѣчиваютъ, такъ-сказать, *нравственно-общественную природу* человекъ, чѣмъ условія жизни культурныхъ людей. Это не парадоксъ, это несомнѣнный фактъ, давно уже замѣченный и констатированный всѣми, сколько-нибудь безпристрастными наблюдателями народной жизни не только у насъ, но даже и на «гниломъ Западѣ».

Не только у насъ, благодаря не окончательно еще искаженному строю общинной организаціи *жизни и труда*—большинства нашихъ некультурныхъ людей, но и на гниломъ Западѣ, общія чисто-матеріальныя условія существованія *некультурнаго* человекъ таковы, что необходимо должны, *во-первыхъ*, развивать въ немъ такъ-называемые общественные, соціальныя инстинкты,—чувство солидарности, съ окружающими его некультурными людьми и сознанія своей отъ нихъ тѣсной и неразрывной зависимости; *во-вторыхъ*, противодействовать его индивидуальному *обособленію*, т. е. развитію въ немъ такихъ качествъ, такихъ чувствъ, потребностей и интересовъ, которые, вмѣсто того, чтобы объединять и *сливать* его съ окружающими его людьми, отталкиваютъ его отъ нихъ, разъединяютъ его съ ними. Это противодействіе *обособленію личности*, обусловливаемое общностию и однообразіемъ жизненной обстановки «некультурныхъ людей», на языкѣ людей культурныхъ, на языкѣ ихъ экономистовъ и философовъ, называется, обыкновенно, *обезличеніемъ* человекъ.

Культурные философы и экономисты весьма не одобряютъ такого *обезличенія*, и это весьма понятно, такъ-какъ жизненныя условія той среды, къ которой они принадлежатъ, стремятся именно къ развитію въ людяхъ *индивидуальности*, т. е. къ развитію въ нихъ душевныхъ свойствъ и качествъ, не сливающихся, не объединяющихся, а, напротивъ, рѣзко отличающихся и обособляющихъ ихъ одинъ отъ другого.

Дурно или хорошо это индивидуальное обособленіе личности, мы здѣсь толковать не станемъ, но несомнѣнно одно только, что въ личностяхъ, индивидуально обособленныхъ, чувство взаимной солидарности, чувство взаимной зависимости, сознаніе *общности* ихъ интересовъ, а, слѣдовательно, и вообще всѣ такъ-называемыя *соціальныя чувства* должны быть развиты въ несравненно меньшей степени, чѣмъ въ личностяхъ, индивидуально *не обособленныхъ*, т. е. не отличающихся слишкомъ рѣзко другъ отъ друга, ни по своимъ потребностямъ, ни по своимъ интересамъ, ни по общему складу своего міросозерцанія, ни по своему нравственному и физическому развитію, ни по своимъ

привычкамъ и чувствамъ. Несомнѣнно также и то, что, при данной рознѣ, при данномъ противорѣчїи, существующихъ между различными *экономическими факторами*—рознѣ и противорѣчїи, вполне выясненныхъ и констатированныхъ наукою, экономическіе интересы *культурныхъ* людей должны находиться въ постоянной дисгармонїи съ экономическими интересами людей *некультурныхъ*, т. е. большинства членовъ общества.

Вслѣдствіе этой дисгармонїи условїя культурной жизни, благопрїятствуя развитію *индивидуальности* культурнаго человѣка, тѣмъ самымъ, необходимымъ и неизбѣжнымъ образомъ должны противодѣйствовать развитію въ немъ соціальныхъ чувствъ и инстинктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе индивидуальной обособленности личностей всегда идетъ рука объ руку съ развитіемъ, въ качественномъ и количественномъ отношенїи, человѣческихъ потребностей. А это послѣднее вызываетъ, въ свою очередь, въ культурномъ человѣкѣ непреодолимое стремленіе къ постоянному приумноженію и расширенію своего матеріальнаго благополучія. Но такъ-какъ расширять и приумножать свое матеріальное благополучіе, въ силу данныхъ экономическихъ условій, онъ можетъ единственно лишь насчетъ матеріальнаго благополучія *некультурной среды*, а отчасти и своихъ культурныхъ соперниковъ, то само собою понятно, что, въ интересахъ развитія своей индивидуальности, онъ долженъ стараться не культивировать, а, напротивъ, всяческими способами, забивать, уничтожать и подавлять въ себѣ чувство своей солидарности съ своими культурными и некультурными ближними; иными словами, онъ долженъ стараться *обособиться*, уединиться отъ нихъ, стать къ нимъ въ болѣе или менѣе враждебныя отношенія, замкнуться въ тѣсный кругъ узко-личныхъ интересовъ и сосредоточить на своемъ «я» всѣ свои симпатїи и привязанности... Такимъ образомъ, условїя жизни культурнаго человѣка, въ силу именно того, что они благопрїятствуютъ развитію его *индивидуальности* необходимо должны благопрїятствовать, въ то-же время, развитію въ немъ анти-общественныхъ чувствъ и стремленій, хищническихъ, узко-эгоистическихъ инстинктовъ и похотей. Вотъ почему эти условїя и представляютъ наиболѣе благодарную, наиболѣе удобную почву для развитія и процвѣтанія Карамазовщины.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается главная и наиболѣе характерная черта людей Карамазовскаго типа! Въ ихъ полнѣйшей, индивидуальной обособленности, въ ихъ абсолютной отчужденности отъ всего, что выходитъ изъ круга ихъ чисто-личныхъ интересовъ и потребностей. Они живутъ исклю-

чительно *для себя* и исключительно *собою*; окружающее ихъ чело-вѣчество, даже самые близкіе, повидимому, къ нимъ люди, для нихъ какъ-бы вовсе не существуютъ, они не только совершенно изолировали себя отъ нихъ, они довели эту свою изолированность до какой-то свирѣпой враждебности къ нимъ. Они видятъ въ своихъ ближнихъ не только просто *чужихъ*, но и *враговъ*. Разумѣется, и ихъ ближніе оплачиваютъ имъ тою-же монетою. И странное дѣло: чѣмъ болѣе вы будете вглядываться въ эти нелѣпыя взаимныя отношенія, тѣмъ болѣе вы будете убѣждаться въ ихъ необходимости, въ ихъ *естественности*, въ ихъ роковой неизбѣжности, тѣмъ труднѣе, тѣмъ невозможнѣе будетъ для васъ свалить вину съ нихъ на тѣ или другія отдѣльныя личности, или на тѣ или другіе общераспространенные пороки, значущіеся въ прописяхъ подъ рубриками: «неблагодарность», «жестокосердіе», «безсердечіе», «нравственная загрубѣлость» и т. п. Во многихъ случаяхъ своей жизни братья Карамазовы, напр., какъ мы увидимъ ниже, оказываются людьми далеко не безсердечными и не жестокосердыми, а, напротивъ, очень сердечными и даже нѣжными до сантиментальности. Что касается до ихъ «нравственной загрубѣлости», то въ этомъ отношеніи они ничуть не хуже, если только не лучше окружающихъ ихъ культурныхъ людей. Вообще ни они, ни даже ихъ отцы, никакими особенными, изъ ряда вонъ выходящими, пороками не отличаются и по своимъ нравственнымъ качествамъ стоятъ не ниже и не выше средняго уровня нравственнаго развитія той культурной среды, къ которой принадлежатъ по своему рожденію, воспитанію и своей дѣятельности. И если, несмотря на эту ихъ нравственную заурядность, ихъ *взаимныя* отношенія и ихъ отношенія къ окружающимъ ихъ людямъ представляются, тѣмъ не менѣе, до высочайшей степени нелѣпыми, безобразными, дикими, то объясненіе этой ихъ нелѣпости, дикости и безобразія слѣдуетъ, очевидно, искать совсѣмъ не въ *злодѣйскихъ* качествахъ ихъ природы, а во внѣшнихъ условіяхъ ихъ собственной жизни и жизни той среды, изъ которой они вышли. Вглядитесь попристальнѣе въ эти условія и вы съ осязательною очевидностью убѣдитесь, что лицамъ, поставленнымъ въ положеніе Карамазовыхъ, относиться другъ къ другу иначе, чѣмъ они относились, было-бы совершенно невозможно и, можетъ быть, даже и противоестественно. Припомните только хоть нѣкоторые наиболѣе выдающіеся факты изъ исторіи Карамазовскаго семейства,—исторіи ничуть не необыкновенной и, въ главныхъ своихъ чертахъ, мало чѣмъ отличающейся отъ большинства семейныхъ исторій культурныхъ людей.

Отецъ братьевъ Карамазовыхъ принадлежалъ къ средѣ *захудавшаго* и обнищавшаго дворянства. Помѣщикъ онъ былъ «самый маленькій», настолько маленькій, что не могъ даже прокормиться, какъ слѣдуетъ, насчетъ дарового труда своихъ «рабовъ». А такъ-какъ самъ онъ ни къ какому труду приученъ не былъ, то для удовлетворенія потребностей своего желудка ему ничего болѣе не оставалось, какъ скитаться, подобно голодной собацѣ, по окружнымъ помѣщикамъ и выпрашивать у нихъ себѣ съѣстной подачки. Подачку ему давали, но, конечно, не даромъ: въ благодарность «милостивцамъ», онъ долженъ былъ разыгрывать передъ ними роль шута и дурачка и тѣшить ихъ «словесами». Такимъ образомъ, началъ онъ свою карьеру совершенно такъ-же, какъ ее началъ и кончилъ злополучный Максимовъ. Униженія и оскорбленія, цѣною которыхъ обонимъ имъ приходилось покупать себѣ «хлѣбъ насущный», произвели на нихъ нѣсколько различный эффектъ: Максимова они до такой степени оболванили и пришибли, что онъ, въ концѣ-концовъ, вполне отчетливо сознавъ все свое ничтожество и всю свою ненужность, убѣдилъ себя, да и другихъ старался убѣдить, что въ обращеніи съ нимъ его «милостивцевъ» нѣтъ для него ничего позорнаго или обиднаго и что за ихъ плевки онъ долженъ не роптать на нихъ, а, напротивъ, благодарить и возсылать о нихъ молитвы къ небу. Напротивъ, тѣ-же плевки и заушенія возбудили въ Карамазовѣ хотя и безсильную, но непримиримую злобу и ненависть къ его заушителямъ и оплевывателямъ. Разумѣется, онъ тщательно скрывалъ эту злобу подъ личиною холопскаго угодничества и шутовскаго паясничанія; подобно Максиму, онъ подобострастно цѣловалъ топтавшія его ноги и съ умиленіемъ лизалъ бьющую его руку, но въ темныхъ тайникахъ своей души, наединѣ съ самимъ съ собою, онъ давалъ волю своему озлобленію, онъ разжигалъ свою ненависть и старался убѣдить себя «въ подлости и негодности» всѣхъ окружающихъ его людей.

«Пусть они меня унижаютъ, пусть они надо мною издѣваются, говорилъ онъ,—плевать мнѣ на нихъ, что мнѣ за дѣло до ихъ отношеній ко мнѣ, когда я знаю, что всѣ они до единого подлѣе меня!»

Эта мысль утѣшала его и, до нѣкоторой степени, примиряла его съ его положеніемъ. Потому понятно, онъ долженъ былъ съ любовью останавливаться на ней и подъ ея вліяніемъ въ немъ все болѣе и болѣе культивировалась и развивалась ненависть и презрѣніе къ людямъ. Эта ненависть и презрѣніе глубоко скрытыя въ тайникахъ души и если иногда и проявля-

шіяся наружу, то лишь подъ маскою певиннаго и безобиднаго шутовства, ни для кого не могли быть опасны, и никому не могли причинить существеннаго вреда, но... только до поры до времени,—до той поры, покуда Карамазовъ состоялъ въ полной зависимости отъ своихъ «милостивцевъ», покуда онъ не имѣлъ никакого иного общественнаго значенія, кромѣ значенія «помѣщичьяго прихвостня», не игралъ никакой иной роли, кромѣ роли шута и приживальщика. По всей вѣроятности, онъ никогда-бы и не вышелъ изъ этой роли, если-бы не помогъ глупый и бессмысленный случай. Ему вдругъ предложила свою руку и сердце, съ придачею движимаго и недвижимаго капитала, дочь одного богатаго и знатнаго дворянина, двушка очень красивая, молодая и, сверхъ того, слышавшая за «бойкую умницу». Какъ могла она выйти замужъ за такого ничтожнаго «мозгляка» (какъ его всѣ называли) — этого никто, не исключая и ея самой, ни понять, ни объяснить не могъ. Можетъ быть, говоритъ авторъ, этимъ страннымъ пассажемъ ей просто хотѣлось заявить свою женскую самостоятельность, пойти противъ общественныхъ условій, противъ деспотизма своего родства и семейства... Можетъ быть, ее прельщало то обстоятельство, что бракъ этотъ долженъ состояться при помощи увоза, и что онъ непременно надѣлаетъ скандала и заставитъ говорить о ней...

Какъ-бы то ни было, къ жениху своему она никакого иного чувства, кромѣ презрѣнія и гадливаго пренебреженія, не питала и онъ, съ своей стороны, относился къ ней съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, она не затронула даже его сладострастія. Понятно, что молодые супруги съ первыхъ-же дней супружества зажили, какъ кошка съ собакою, вѣчно другъ на друга злились, другъ друга упрекали, ссорились и дрались, причемъ билъ не мужъ, а жена, «одаренная замѣчательною физическою силою».

Но получая побои и потасовки отъ жены, экъ-шутъ и приживальщикъ съумѣлъ-таки выигранчить и вымолить отъ нея почти весь ея капиталъ движимый и запустилъ-было лапу въ капиталъ недвижимый, да женины родственники удержали. Жена настолько презирала мужа, что бросала ему свои деньги единственно только для того, чтобы еще болѣе унижить его въ своихъ глазахъ. Но это презрѣніе и ненависть не помѣшали ей, однако, сдѣлать ему ребенка, послѣ чего вскорѣ она и сбѣжала отъ мужа съ какимъ-то семинаристомъ-учителемъ.

Нѣтъ ничего, разумѣется, удивительнаго, что почтенный родитель, отъ юности приученный думать и заботиться только о самомъ себѣ, отъ юности привыкшій презирать и ненавидѣть всѣхъ окружающихъ его людей, не могъ питать никакихъ нѣж-

ныхъ чувствъ къ своему первенцу, —случайному плоду безсмысленнаго брака, въ которомъ не только любовь, но даже и простое животное половое чувство не играло никакой роли, — къ первенцу, зачатому и рожденному среди грязныхъ супружескихъ сценъ, взаимныхъ проклятій и попрековъ. Онъ отнесся къ нему, какъ къ совершенно чужому ребенку и вскорѣ даже совсѣмъ забылъ объ его существованіи, сдавъ его на руки вѣрному холопу своему Григорію; и не позаботясь о немъ Григорій, Митѣ (такъ звали ребенка) пришлось -бы, вѣроятно, помереть съ голоду или холоду гораздо раньше, чѣмъ одинъ изъ богатыхъ родственниковъ жены догадался взять мальчика къ себѣ на воспитаніе.

Избавившись отъ сына, который, впрочемъ, не особенно и стѣснялъ его, Федоръ Павловичъ Карамазовъ сталъ пускаться въ оборотъ женины денежки и скоро сколотилъ себѣ на нихъ порядочный капиталаецъ, поставившій его въ болѣе или менѣе независимое матеріальное положеніе. Шутомъ онъ остался по-прежнему, но теперь онъ паясничалъ не ради куска насущнаго хлѣба, а отчасти по привычкѣ, отчасти изъ желанія хоть какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь выразить свое презрѣніе къ окружающимъ его людямъ. Жилъ онъ, какъ и подобало ему жить, какъ жили и всѣ прочіе культурные люди, «въ свое удовольствіе», герметически замкнувшись въ тѣсный кругъ своихъ личныхъ интересовъ и потребностей. Интересы и потребности Федора Павловича вполне соответствовали умственному и нравственному кругозору той «культурной среды», въ которой онъ вращался; это были интересы и потребности исключительно *желудочные* и *половые*. А такъ-какъ удовольствіе ихъ, при дешевизнѣ женскаго «некультурнаго» тѣла и при скупнѣ за полцѣны крестьянскихъ посявовъ, —стоило очень недорого, то Карамазовъ особенно не гнался за наживою и большую часть своего времени проводилъ въ питѣ и сладострастныхъ оргіяхъ съ разными «босоножками» и «мовешками».

Случайно пришлось ему какъ-то встрѣтиться не съ «мовешкою» и не съ продажною женщиною, а съ бѣдною сироткою, «воспитанницею» нѣкой благодѣтельницы, помѣщицы, злой тиранки и нестерпимой самодурки. «Воспитанница» была очень хороша собою, а главное—*невина*. Это послѣднее обстоятельство до такой степени раздражило стараго сладострастника, привыкшаго къ «камеліямъ» изъ бывшихъ крѣпостныхъ «дѣвокъ», что онъ опять-таки, при помощи увоза, обвѣнчался на сироткѣ, не получивъ за нею ни гроша приданнаго. Бракъ этотъ, разумѣется, былъ также глупъ и безсмысленъ, какъ и первый. Къ «сироткѣ», кромѣ мимолетнаго полового влеченія, никакихъ

чувствъ Федоръ Павловичъ не питалъ и даже ея вовсе не зналъ. Она, въ свою очередь, была къ нему тоже совершенно равнодушна, и пошла за него замужъ единственно потому только, что «лучше въ рѣку броситься, чѣмъ оставаться у благодѣтельница». Мужъ церемонился со своей второй женой еще менѣе, чѣмъ съ первой. Запуганная, забитая «сиротка» съ рабскимъ терпѣніемъ переносила его грубое обращеніе и ни въ чемъ, разумѣется, не стѣсняла его образа жизни, — жизни, проходившей по-прежнему въ пьяныхъ оргіяхъ и въ грязномъ развратѣ. Однако, здоровье ея не выдержало и съ ней сдѣлалась нервная болѣзнь, извѣстная въ народѣ подъ именемъ кликушества. Отъ этой болѣзни она повременамъ теряла даже рассудокъ. Но двухъ дѣтей—мальчиковъ она все-таки родила и затѣмъ вскорѣ умерла. Съ дѣтьми второй жены повторилась, конечно, та-же исторія, какъ и съ ребенкомъ первой. Почтенный родитель сдалъ ихъ на руки все тому-же вѣрному холопу Григорію и забылъ объ ихъ существованіи. Напомнила ему о немъ «благодѣтельница сиротки», которая, узнавъ объ ея смерти, явилась, какъ снѣгъ на голову, къ Федору Павловичу и, не говоря дурного слова, задала ему двѣ звонкія пощечины, выдрала за вихры, затѣмъ отправилась въ избу, гдѣ жили дѣти, завернула ихъ въ пледъ и увезла съ собою, не забывъ при этомъ наградить оплеухою и вѣрнаго холопа Григорія.

Послѣ смерти «кликуши» (такъ называлъ Федоръ Павловичъ свою вторую жену) и увоза дѣтей, Карамазовъ, оставшись совершенно одинокимъ, затворился въ своемъ большомъ, но пустомъ домѣ и исключительно предался удовлетворенію всецѣло поглотившей его страсти «къ коньяку» и къ «женскому тѣлу». Съ окружающими его людьми онъ не сходилъ, во-первыхъ, потому, что они сами отъ него сторонились, а во-вторыхъ, потому, что они весьма ясно давали ему замѣтить, что смотрѣли на него по-прежнему, какъ на изолгавшагося шута, паяса, грязнаго развратника и пьяницу. Онъ, съ своей стороны, по-прежнему старался убѣдить себя, что они сами гораздо его хуже, что всѣ они негодяи и подлецы, и что «ему плевать на нихъ». «И не только они, рассуждалъ онъ,—а и вся Россія—свинство... я ненавижу Россію... т. е. не Россію, а всѣ эти пороки... а, пожалуй, что и Россію. *Tout cela c'est de la cochonnerie*» (т. I, стр. 212)...

Эта мысль, вѣроятно, утѣшала его въ его одиночествѣ, когда не могли утѣшить ни коньякъ, ни женское тѣло, но въ то-же время она еще болѣе отталкивала его отъ людей и дѣлала его жизнь еще однообразнѣе и еще печальнѣе. Вѣчное одиночество, пьянство и постоянное сладострастное возбужденіе, разрушитель-

но дѣйствуя на его физическій организмъ, оказывали въ то же время гибельное вліяніе и на его жизнь психическую, на его душевный міръ. Онъ постоянно хандрилъ, становился мнителенъ, раздражителенъ и крайне подозрителенъ; никому не довѣряя, онъ вѣчно дрожалъ за свою жизнь и за свои капиталы; эта боязнь и это недовѣріе сдѣлали его скрюгою и заставили даже совѣмъ отказаться отъ ростовщическихъ оборотовъ, которые прежде все-таки доставляли ему нѣкоторое развлеченіе и давали нѣкоторое занятіе его праздному, скучающему уму. И хотя онъ давно уже примирился съ сознаниемъ своей «срамоты» (какъ онъ выражался), но тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ того *унетеннаго состоянія* духа, въ которое онъ все чаще и чаще начиналъ впадать,—это сознание, пробуждаясь съ новою силою, вызывало въ немъ нерѣдко какое-то чувство *отвращенія* къ самому себѣ. «Ахъ, Алеша, говорилъ онъ своему сыну въ минуты откровенности,—если-бы ты зналъ какой я срамникъ! Мнѣ кажется невѣроятнымъ существованіе крючьевъ, которыми черти должны стащить меня къ себѣ, когда я умру, но если-бы ихъ и не существовало, то ихъ слѣдовало-бы выдумать для меня, нарочно для меня одного!» (ib. стр. 44). И говори это, онъ былъ совершенно искренъ. Скучая, хандря, всѣхъ подозрѣвая и презирая, пребывавая въ вѣчномъ трепетѣ за свою безопасность, будучи не въ состояніи удовлетворить постоянно возростающую нужду и постоянно разжигаемое праздною мыслью сладострастіе, онъ въ то-же время *стыдилъ себя*,—и этотъ стыдъ, это сознание «своей срамоты», отнималъ у него всякую возможность, убивалъ въ немъ даже самую мысль о возможности попытаться выйдти какъ-нибудь изъ того заколдованнаго круга, въ который поставила его жизнь.

Подъ гнетомъ этого стыда онъ все глубже и глубже погружался въ вонючее болото грязнаго сладострастія и одуряющаго пьянства и все болѣе и болѣе терялъ «образъ и подобіе человѣческое». Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что его старшіе сыновья, которые, какъ и ихъ родитель, были людьми самыми заурядными, а ничуть не извергами и злодѣями рода человѣческаго, найдя своего отца въ такомъ скотскомъ состояніи, не могли почувствовать къ нему никакого другого чувства, кромѣ презрѣнія и отвращенія. Хотя они старались, по возможности, скрывать это чувство, но при каждомъ удобномъ случаѣ, оно прорывалось наружу, — и между дѣтьми и отцемъ происходили самыя возмутительныя и отталкивающія сцены (напр., сцена въ кельѣ Зосима, см. т. I, стр. 110—122). Съ каждымъ днемъ ихъ взаимныя отношенія обострялись и превращали ихъ семейную жизнь въ чистый адъ.

На бѣду, старшій сынъ влюбился въ ту самую женщину, которая до такой степени возбудила сладострастіе его отца, что послѣдній не только предлагалъ за одну «ея ночь» дать ей 3,000 р. (а для сиряги это были большія деньги), но готовъ даже былъ жениться на ней. Ни сынъ, ни отецъ не хотѣли уступить другъ другу лакомаго куска. Хотя кусокъ долгое время не давался въ руки ни тому, ни другому, но каждый считалъ его своимъ и готовъ былъ бороться за него на жизнь и смерть. Дмитрій (такъ звали старшаго сына) угрожалъ отцу смертью, если ему удастся приманить къ себѣ «Грушеньку»; отецъ тоже былъ-бы не прочь убійствомъ отдѣлаться отъ ненавистнаго соперника, но онъ былъ для этого слишкомъ слабъ и трусливъ и потому онъ старался подвести подъ него «такія махинаціи», благодаря которымъ его можно было-бы упрятать въ тюрьму. Младшій братъ, Иванъ, смотря на эту ожесточенную борьбу отца съ сыномъ, — борьбу, доходившую даже до рукопашныхъ схватокъ, презрительно пожималъ плечами и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы «одна иадина поскорѣ потла другую».

Злополучный отецъ не могъ ждать отъ него никакой себѣ защиты; онъ догадывался, что сынокъ ждетъ не дождется его смерти и онъ боялся его не меньше, чѣмъ и Дмитрія. Относительно-же Дмитрія, онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что онъ не только способенъ его избить (что, впрочемъ, сынъ ему весьма осязательно и доказалъ), но что онъ замышляетъ его убить. Каждую ночь, запираясь въ своей спальнѣ, онъ дрожалъ за свою жизнь. И страхъ его не былъ напрасенъ—онъ дѣйствительно погибъ отъ руки сына... только не Дмитрія, а другого, незаконнаго, Смердякова. Впрочемъ, Дмитрій такъ открыто и такъ многократно заявлялъ о своемъ намѣреніи убить отца, такъ неистово обнаруживалъ передъ всѣми свою ненависть къ нему, что и судъ, и общественное мнѣніе обвинили и осудили его, а не Смердякова въ отцеубійствѣ.

Послѣдніе дни отца-Карамазова, отравленные мученіями неудовлетворенной страсти, трепетомъ передъ собственными дѣтьми, сознаніемъ своей дряблости, беспомощности и одинокости, и наконецъ, его трагическая смерть являются вполне логическимъ, вполне естественнымъ, роковымъ и неизбѣжнымъ финаломъ его злополучнаго, забитаго, искалѣченнаго существованія. Онъ жилъ и умеръ, какъ самый несчастный человекъ. Но кто-же сдѣлалъ его такимъ несчастнымъ?

Представленный здѣсь анализъ его жизни даетъ намъ вполне удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ былъ одною изъ тысячи, изъ милліона жертвъ тѣхъ жизненныхъ условій

культурной среды, которая, развивая въ людяхъ стремленіе къ индивидуальной обособленности, забывая и парализируя въ нихъ общественныя чувства и инстинкты, разъединяютъ, разобщаютъ ихъ, замыкаютъ ихъ въ тѣсный кругъ узколичныхъ интересовъ и заставляютъ относиться другъ къ другу, какъ волкъ къ волку. Самъ Карамазовъ, хотя и смутно, но довольно вѣрно угадывалъ истинную причину своего злополучія и своего униженія. «Господи, совершенно искренно увѣрялъ онъ отца Зосима, какой-бы я былъ добрый человѣкъ, если-бы когда я къ людямъ вхожу, мнѣ не казалось, что я подлѣе всѣхъ и что всѣ меня за шута принимаютъ» (ib. стр. 73), т. е. если-бы люди относились къ нему по-человѣчески...

Анализъ жизни и характера двухъ его старшихъ сыновей, Дмитрія и Ивана, еще болѣе утвердитъ насъ въ справедливости этой мысли.

XI.

Братья Карамазовы, хотя и унаслѣдовали отъ отца частичку его пристрастія «къ женскому тѣлу» и его стремленія къ «индивидуальной обособленности», но, въ сущности, они, какъ мы замѣтили и выше, были людьми весьма заурядными, по своимъ душевнымъ качествамъ мало или даже нисколько не отличавшимися отъ общаго типа *средняго* культурнаго человѣка. Старшій изъ нихъ, Дмитрій, юность свою провелъ въ средѣ барской, обеспеченной и если не былъ окруженъ особенной родственною любовью и заботливостью, то, во всякомъ случаѣ, въ матеріальномъ отношеніи ни въ чемъ не нуждался и росъ настоящимъ *барченкомъ*. Его воспитатели (родственники его матери) были убѣждены и постарались внушить это свое убѣжденіе и мальчику, что будто, когда онъ выростетъ, онъ будетъ имѣть свое независимое состояніе, оставленное ему матерью. Мальчикъ, рано освоившись съ этою мыслью, былъ совершенно спокоенъ насчетъ своего будущаго. Ему не нужно будетъ думать о кускѣ насущнаго хлѣба: онъ вѣдь богатъ, а слѣдовательно, всегда будетъ имѣть возможность удовлетворять своимъ потребностямъ, безъ малѣйшаго съ своей стороны *труда* и усилія. Чтобы *жить*, ему не нужно быть ни ученымъ, ни спеціалистомъ, ни ремесленникомъ,—зачѣмъ-же утруждать себя долбленіемъ какихъ-то ни къ чему для него не пригодныхъ грамматикъ, арифметикъ, исторій, географій и т. п.? Къ чему набивать свою голову скучными знаніями, изъ которыхъ ему нѣтъ надобности извлекать для себя

какую-бы то ни было выгоду? Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Дмитрій, какъ и большинство вполне обеспеченныхъ (или считающихъ себя обеспеченными) культурныхъ дѣтей дореформеннаго періода, относился къ ученью съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ и не вынесъ изъ школы рѣшительно никакихъ знаій: гимназію онъ бросилъ недоучившись,—поступилъ въ какую-то военную школу,—оттуда тоже, вѣроятно, вышелъ не кончивъ курса,—записался въ какой-то полкъ, очутился потомъ на Кавказѣ, дослужился до чина, затѣмъ, по обычаю тѣхъ временъ, дрался на дуэли, былъ разжалованъ, снова выслужился,—много кутилъ, жупровалъ, побѣждалъ женскія сердца и, вообще, по образцу своей жизни, по своимъ интересамъ, нравамъ и понятіямъ ничѣмъ не разнился отъ окружавшей его среды армейскаго офицерства.

Кутежи, карты, попойки, амурныя походы требовали денегъ, и Дмитрій, привыкшій ни въ чемъ себѣ не отказывать, тратилъ ихъ безъ счета и толка, продолжая пребывать въ сладкой иллюзіи насчетъ своего богатства. Отецъ сначала, въ личныхъ интересахъ, поддерживалъ эту иллюзію, но, когда поддерживать ее значило тратиться на нелюбимаго и почти даже незнакомаго ему сына, изъ собственнаго кармана, то онъ, конечно, поспѣшилъ ее разрушить. Съ цифрами и документами въ рукахъ, онъ доказалъ удивленному и ошеломленному этимъ неожиданнымъ открытіемъ юношѣ, что онъ ровно ничего не имѣетъ, что деньги, которыя ему достались послѣ матери, давнымъ давно перебраны и что не отецъ у него въ долгу, а скорѣе онъ у отца. «Молодой человѣкъ», рассказываетъ авторъ, былъ совершенно пораженъ, заподозрилъ неправду, обманъ, почти вышелъ изъ себя и какъ-бы потерялъ умъ». Разумѣется, и было отчего. Иллюзія, съ которою онъ сжился, иллюзія, въ реальности которой ему никогда и въ голову не приходило сомнѣваться, разлетѣлась въ прахъ. Онъ, считавшій себя человѣкомъ на всю жизнь обеспеченнымъ, оказывается нищимъ и при томъ нищимъ, поставленнымъ почти внѣ всякой возможности когда-нибудь выбиться изъ своего нищенскаго положенія. Вѣдь онъ совершенно неспособенъ собственнымъ производительнымъ трудомъ добывать средства къ удовлетворенію своихъ потребностей. А право добывать ихъ насчетъ труда «некультурнаго человѣка» онъ безвозвратно утратилъ вмѣстѣ съ утратою материнскаго наслѣдства. Если-бы еще онъ былъ какимъ-нибудь *культурнымъ специалистомъ*, въ родѣ техника, адвоката, доктора, ученаго и т. п., то тогда, конечно, онъ могъ-бы снова возвратить себѣ это право, но онъ ничему не учился и ничего

не знаетъ. Положеніе трагическое для всякаго культурнаго чело-
вѣка-не специалиста, но въ особенности оно было трагичнымъ
для Дмитрія. Онъ узналъ, что у него нѣтъ ни копѣйки въ тотъ
именно критическій моментъ своей жизни, когда ему необходимо,
до зарѣзу необходимо было имѣть тысячи. Дѣло шло не только
объ удовлетвореніи его обычныхъ, повседневныхъ потребностей—
отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ, пожалуй, могъ-бы и отка-
заться,—но объ удовлетвореніи потребности экстраординарной,
чрезвычайной, овладѣвшей всѣмъ его существомъ, поработившей
себѣ его разсудокъ и волю. Дмитрій влюбился въ Грушеньку и
ему казалось, что, если онъ не будетъ обладать ею, то ему ни-
чего болѣе не останется, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. А
чтобы обладать Грушенькою для этого,—въ чемъ ни минуты онъ
не сомнѣвался, — прежде всего нужно имѣть деньги. Такъ-что
вопросъ о деньгахъ сталъ для него вопросомъ жизни или смер-
ти. Если въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, Дмитрій
въ качествѣ челоѣка культурнаго, т. е. челоѣка, ставящаго
свое «я» прерывше всего на свѣтѣ, привыкъ никогда не отказы-
вать себѣ въ удовлетвореніи своихъ индивидуальныхъ потреб-
ностей, то могъ-ли онъ отказать себѣ въ этомъ, въ такомъ
чрезвычайномъ, изъ ряда вонъ выходящемъ случаѣ? Это было-
бы совершенно противно тѣмъ привычкамъ, нравамъ и поня-
тіямъ, въ которыхъ воспитала его окружающая его культурная
среда. Отказаться отъ любимой женщины оттого только, что
нѣтъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ тысячъ, навѣрное могущихъ
обезпечить обладаніе ею, о, нѣтъ, никогда! Нужно, во что-бы то
ни стало, найти эти деньги! Но зачѣмъ долго искать? Они у
него подъ рукою: отецъ его богатъ, и онъ нажилъ свое богат-
ство на деньги его матери, мало того — отецъ непременно дол-
женъ былъ у него уворовать часть материнскаго наслѣдства.
Насчетъ этого у него не существовало ни малѣйшихъ сомнѣній
и онъ считалъ отца своимъ должникомъ.

«Можетъ быть, разсуждалъ онъ, съ юридической точки зрѣ-
нія, онъ мнѣ и ничего не долженъ, но *нравственно* онъ мнѣ
долженъ. Вѣдь онъ съ материнныхъ 28-ми тысячъ пошелъ и
сто тысячъ нажилъ,—неужели-же я не имѣю права хоть на три
тысячи изъ двадцати-восьми?» (Т. I. стр. 192). И онъ такъ убѣж-
денъ былъ въ своемъ правѣ, что удержалъ и растратилъ деньги
(которыхъ какъ-разъ и было три тысячи), данныя ему его не-
вѣстою, для отсылки ей родственникамъ. Присвоеніе этихъ, на
честь ввѣренныхъ ему денегъ, легло тяжелымъ камнемъ на его
совѣсть. Воспитанный въ понятіяхъ установившейся официа-
льной морали культурной среды, онъ, все время жившій насчетъ

*присвоения чужого труда и чужого имущества «некультурныхъ людей», и не видѣвшій въ этомъ присвоеніи ничего позорнаго для своей «дворянской» чести—никакъ не могъ примириться съ мыслію, что онъ позволилъ себѣ въ минуту умопомраченія присвоить три тысячи, врученныя ему его ех-невѣстою, «культурной» барышней и при томъ врученныя съ тѣмъ именно расчетомъ (какъ это оказалось впоследствии), чтобы онъ ихъ себѣ присвоилъ. Онъ считалъ себя на-вѣки опозореннымъ и обезчещеннымъ; чтобы смыть свой позоръ и безчестіе, онъ долженъ былъ въ силу тѣхъ нравственныхъ принциповъ, въ которыхъ воспитана его среда, добыть какою-бы то ни было цѣною растроченныя деньги и возратить ихъ сполна своей ех-невѣстѣ. — Но какъ и откуда ихъ добыть? — Отецъ отказалъ на отрѣзъ; и Дмитрій знаетъ, что тѣ самыя три тысячи, которыя, по его мнѣнію, долженъ былъ ему отецъ, старый «сладогострастикъ» предназначилъ для покупки «Грушеньки»... Это его особенно мучило: «какъ! на *мои*-же деньги проклятый старикашка хочетъ купить женщину, которую я люблю, обожаю, для которой я готовъ пожертвовать жизнью! Нѣтъ, не бывать этому!» «Завтра, такъ писалъ онъ своей ех-невѣстѣ, стану доставать деньги у всѣхъ людей, а не достану у людей, то даю тебѣ честное слово, пойду къ отцу и проломлю ему голову и возьму у него подъ подушкою... (онъ зналъ, что три тысячи, предназначенныя для Грушеньки, лежали у отца подъ подушкою). Въ каторгу пойду, а три тысячи отдамъ... Убью вора моего»... (Т. II, стр. 452).*

Онъ не убилъ, однако, отца, да и не могъ его убить, потому-что, повторяемъ опять, это былъ самый заурядный культурный человѣкъ, не только по своимъ нравственнымъ возрѣніямъ, но даже и по своему темпераменту. Сгоряча и особенно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ (только-что цитированное письмо къ его ех-невѣстѣ написано имъ было въ пьяномъ видѣ), онъ готовъ былъ, пожалуй, рѣшиться и на отцеубійство и на какой угодно злодѣйскій или геройскій поступокъ. Но эта рѣшимость мгновенно улетучивалась, чуть только начинало охлаждаться нервное возбужденіе, чуть только онъ начиналъ вытрезвляться. Не доставъ «у людей» денегъ, онъ не пошелъ проламывать голову отцу, но онъ рѣшился растратить на шумную и пьяную оргію послѣднія деньги, оставшіяся у него отъ *присвоенныхъ* невѣстинныхъ трехъ тысячъ и затѣмъ покончить съ собою, пустивъ себѣ пулю въ лобъ. И, по всей вѣроятности, онъ привелъ бы это рѣшеніе въ исполненіе, если-бы не «случай» съ Грушенькою. Оказалось, что Грушенька его любитъ, что для обладанія ею никакихъ денежныхъ затратъ не потребуется и что злопо-

лучныя три тысячи, похищенные Дмитріемъ у его ех-невѣсты, она готова немедленно возвратитъ послѣдней, для восстановленія чести своего возлюбленнаго. Такимъ образомъ, Дмитрію открывалась возможность выйти изъ его трагическаго положенія, безъ особеннаго ущерба для его дворянской чести. Мысль о самоубійствѣ отошла на задній планъ. Онъ былъ любимъ, честь его была спасена; онъ снова могъ жить по-прежнему... «въ свое удовольствіе». Но, увы! на бѣду его, въ то самое время, когда онъ безопасно пировалъ съ Грушенькою, впервые открывшею ему свою любовь къ нему, его отецъ былъ убитъ и подозрѣніе въ этомъ убійствѣ пало на него. Хотя подозрѣніе это было и не основательно, но оно подкрѣпилось, повидимому, такими очевидными уликами (весьма искусно, замѣтимъ въ скобкахъ, сгруппированными авторомъ), что бдительное начальство сочло своею обязанностью немедленно арестовать мнимаго отцеубійцу и предать его на судъ «общественной совѣсти». Общественная совѣсть, въ лицѣ двѣнадцати присяжныхъ, признала его виновнымъ и судъ приговорилъ его къ многолѣтней каторжной работѣ.

ХІІ.

Этою «катастрофою» и заканчивается въ романѣ исторія жизни Дмитрія Карамазова. Конечно, катастрофа эта была чистою случайностью. Въ ней не было ничего неизбѣжнаго, рокового; она вызвана была стеченіемъ совершенно исключительныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Не очутись Дмитрій въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ онъ очутился, по пріѣздѣ въ свой родной городъ, не столкнусь онъ съ отцемъ на поприщѣ амурныхъ похощеній, не вручи ему его невѣста роковыхъ трехъ тысячъ и т. п.—никакой-бы катастрофы не произошло и Дмитрій жилъ-бы себѣ, по-прежнему, какъ живутъ тысячи подобныхъ ему культурныхъ паразитовъ, и, по всей вѣроятности, въ концѣ-концовъ, до такой-бы степени втянулся въ это праздное, безтолковое, бессмысленное существованіе, что совершенно пересталъ-бы замѣчать его бессмысленность и безтолковость, вполне примирился-бы съ нимъ и, вытравивъ изъ своей души всѣ общественныя чувства и инстинкты, превратился-бы въ одного изъ тѣхъ ограниченно-пошлыхъ и загрузбѣлыхъ эгоистовъ, которыми кишитъ культурная среда и къ которымъ мы настолько уже приглядѣлись, что перестаемъ даже ихъ замѣчать. Ихъ жизнь такъ однообразно-пуста, ихъ «души»

кажутся намъ такими *несложными* и *заурядными*, что они не возбуждаютъ въ насъ не только интереса, но даже простого любопытства, мы проходимъ мимо нихъ, не останавливаясь и, пройдя, забываемъ объ ихъ существованіи, хотя ихъ существованіе ежечасно и ежеминутно отправляетъ наше собственное, хотя, незамѣтно для насъ самихъ, оно насъ портитъ, искалчиваетъ, уродуетъ и нерѣдко губитъ безвозвратно. Не случись съ Дмитріемъ «катастрофы», онъ, безъ сомнѣнія, затерся-бы въ толпѣ этихъ заурядностей и премелькнулъ-бы передъ нами, не остановивъ на себѣ ни на минуту нашего вниманія, не возбудивъ въ насъ къ себѣ ни малѣйшаго сочувствія. «Недоучившійся недоросль, распутный кутила, себялюбивый эгоистъ, съ сильно-развитыми животными инстинктами, однимъ словомъ,—душонка совсѣмъ заурядная; для ея опредѣленія не требуется никакихъ тонкихъ анализовъ, она не представляетъ ни для психолога, ни вообще для мыслящаго человѣка никакого существеннаго интереса». Такъ или почти такъ порѣшило-бы насчетъ Дмитрія большинство образованныхъ культурныхъ людей и на томъ-бы успокоилось. «Не стоитъ, молъ, заниматься такою заурядностью!»

Но, вотъ, вдругъ надъ головою этой заурядности разражается какая-нибудь неожиданная катастрофа, вродѣ той, которая разразилась надъ головою Дмитрія Карамазова,—катастрофа, на минуту выбивающая ее изъ колеи заурядной жизни, взбуживающая, верхъ дномъ, перевортывающая весь ея душевный міръ. И этотъ міръ, до сихъ поръ казавшійся такимъ зауряднымъ, такимъ несложнымъ, такимъ одностороннимъ и одноцвѣтнымъ, внезапно обнаруживаетъ передъ вами всѣ свои потаенные уголки, всѣ свои скрытыя богатства, всѣ свои невидимыя силы и вы поражаетесь его разнообразіемъ, поражаетесь сложностью и запутанною противорѣчивостью двигающихъ имъ мотивовъ, волнующихъ его чувствъ и стремленій. Передъ вашими удивленными глазами открываются совершенно новые и неожиданные виды и перспективы; то, что вы принимали за простую одноцвѣтную точку, оказывается въ высшей степени сложной фигурой, окрашенной въ самые разнообразные цвѣта. «Человѣческая душа» «заурядности» раскрывается передъ вами во всей своей, такъ-сказать, *правдѣ* и *наготнѣ*, со всѣми своими болячками, печальями и скорбями, со всѣми своими противорѣчіями, *несообразностями* и *своеобразностями* и вы наглядно убѣждаетесь, что это совсѣмъ не такая «простая и не хитрая штука», какъ вы думали прежде.

Ну, что могло быть для васъ, человѣка мыслящаго и обра-

зованнаго, интереснаго въ этомъ Дмитріи Карамазовѣ, обыкновеннѣйшемъ и зауряднѣйшемъ типѣ армейскаго офицера, сердца и кутилы, недоучившагося «барчука», живущаго исключительно желудочными и половыми потребностями, безопасно и беззаботно срывающаго «цвѣты удовольствія» повсюду, гдѣ представится случай и, повидимому, вполне довольнаго этимъ своимъ бессмысленнымъ и паразитнымъ существованіемъ. Не въ правѣ-ли вы были предполагать въ немъ самую мелкую и дрянную душонку?

Но вотъ надъ нимъ внезапно разражается «катастрофа», которая какъ-бы электрическимъ свѣтомъ озаряетъ эту «мелкую и дрянную душеньку», и что-же оказывается? Оказывается, что вы не имѣли объ ея глубинѣ ни малѣйшаго представленія, что ея бросающаяся въ глаза, съ перваго взгляда, заурядность и дрянность скрываютъ цѣлую бездну пережитыхъ мукъ и страданій, наболѣвшихъ язвъ, гноящихся ранъ... Всматриваясь въ нее пристальнѣе, вы откроете въ ней такія стороны, такія чувства, такіе инстинкты и побужденія, которыхъ прежде вы и подозрѣвать не могли, вы увидите въ этой «дрянной душѣ» *зауряднаго челоювка больную, изуродованную и искалѣченную душу челоювка забитаго, забитаго и исковерканнаго условіями жизни выростившей его культурной среды.*

При обыденномъ, заурядномъ, болѣе или менѣе мирномъ теченіи своей жизни, Дмитрій, какъ и большинство подобныхъ ему «заурядностей», относился къ своему внутреннему «я» съ какою-то тупою бессознательностью: онъ не чувствовалъ особенной потребности зондировать свою душу и еще менѣе чувствовалъ потребность обнаруживать, изливать ее передъ кѣмъ-бы то ни было. Эта потребность пробудилась въ немъ и пробудилась съ непреодолимою силою только *послѣ и подѣ влияніемъ* разразившейся надъ нимъ катастрофы. Она заставила его оглянуться на самого себя, сознательно отнестись къ своему внутреннему міру, породила въ немъ желаніе понять и *оправдать* себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, а, быть-можетъ, и въ глазахъ близкихъ ему людей. Она-же и вызвала его на откровенную *исповѣдь* передъ Алешей,—исповѣдь, въ которой вылилась наружу вся его больная, забитая, искалѣченная душа...

А потому, чтобы нагляднѣе уяснить читателю состояніе этой больной и забитой души, мы должны напомнить ему, хотя въ общихъ чертахъ, содержаніе этой «откровенной исповѣди горячаго сердца», какъ называетъ ее авторъ.

«Я хотѣлъ-бы начать... мою исповѣдь... гимномъ къ радости Шиллера, говоритъ Дмитрій Алешѣ»... но вмѣсто гимна
„Дѣло“, № 4, 1881 г. II.

радости ему приходитъ на умъ печальная пѣсня о Петерѣ; онъ декламируетъ ее цѣликомъ и при послѣднемъ куплетѣ, гдѣ упоминается о кровавыхъ олтарахъ, на которыхъ «дымятся тѣлы остатки» и объ «униженіи глубокомъ», въ которомъ Цетера «всюду человѣка зрять», «рыданія вырвались изъ его груди, и, схвативъ Алешу за руку», онъ продолжалъ: «Другъ, другъ, въ униженіи человѣкъ, въ униженіи и теперь. Страшно много человѣку терпѣть на землѣ, страшно много ему бѣдъ. Не думай, что я всего только хамъ въ офицерскомъ чинѣ, который пьетъ коньякъ и развратничаетъ. Я, братъ, почти только объ этомъ и думаю, объ этомъ униженномъ человѣкѣ... И потому мысли объ этомъ человѣкѣ, что и самъ *такой человекъ*». «Чтобы изъ низости душею могъ подняться человѣкъ, начинаетъ онъ снова говорить стихами... «съ древней матерью-землею онъ вступилъ въ союзъ на-вѣкъ!» «Но только вотъ въ чемъ дѣло—какъ я вступлю въ союзъ съ землею на-вѣкъ! Я не цѣлюю землю, не врѣзаю ей грудь; что-же мнѣ мужикомъ сдѣлаться аль пастушкомъ? Я иду и не знаю: въ вонь-ли я попалъ и позоръ или въ свѣтъ и радость. Вотъ гдѣ бѣда, ибо все на свѣтѣ загадка... Я, братъ, очень необразованъ, но я много объ этомъ думалъ! Страшно много тайнъ! Слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка... Разгадывай, какъ знаешь и выльзай сухъ изъ воды». Но, увы! эта совершенно искренняя скорбь объ «униженномъ человѣкѣ», это даже желаніе «изъ низости души подняться»... внося мучительный разладъ въ его духовный міръ нисколько не дѣлало его лучше, нисколько не обуздывало его грубо-эгоистическихъ вождельній и потребностей. «Любовь къ ближнему», не находя никакой почвы для своего развитія, никакихъ реальныхъ стимуловъ для своего обнаруженія въ общественныхъ условіяхъ выросившей его среды, весьма мирно уживалась въ его сердцѣ съ «любовью къ разврату», съ непреодолимымъ стремленіемъ къ удовлетворенію своихъ чисто-личныхъ, животнo чувственныхъ потребностей. «Я любилъ развратъ, исповѣдуются онъ Алешѣ,—любилъ и срамъ разврата. Любилъ жестокость,—развѣ я не клопъ, не злое насѣкомое? Сказано—Карамазовъ. Разъ пикникъ всѣмъ городомъ былъ, поѣхали на семи тройкахъ, въ темнотѣ, зимой, въ саняхъ, сталъ я жать одну сосѣдскую дѣвичью руку и принудилъ къ поцѣлуямъ эту дѣвочку, дочку чиновника, бѣдную, милую, кроткую, безотвѣтную. Позволила, многое позволила въ темнотѣ. Думала бѣдняжка, что я завтра пріѣду и предложеніе сдѣлаю; а я съ ней послѣ того ни слова, пять мѣсяцевъ ни полслова. Видѣлъ, какъ слѣдили за мною изъ угла залы, когда, бывало, танцуютъ,—ей глазки,

какъ горѣли огонькомъ, огонькомъ вротваго негодованія. Забавляла эта игра только мое сладострастіе насѣкомаго, которое я въ себѣ кормилъ... Черезъ пять мѣсяцевъ она за чиновника вышла и уѣхала»...

Пріѣхала въ городъ, гдѣ стоялъ полкъ Дмитрія, къ его подполковнику, красавица-дочь изъ института. Барышня гордая, и притомъ съ образованіемъ, не удостоила своимъ вниманіемъ грубаго, неотесаннаго бурбона. Бурбонъ жестоко обидѣлся, и захотѣлось мнѣ, рассказываетъ онъ, отомстить ей, отомстить за то, что я такой молодець, а она не чувствуетъ». И какъ-же онъ отомстилъ? Узнавъ изъ письма одного пріятеля, что у подполковника (отца институтки) казенная касса не въ порядкѣ и что высшее начальство имъ недоволено, онъ пустилъ этотъ слухъ въ городѣ, что, конечно, не мало повредило репутаціи отца гордой барышни. Но этого мало: когда подполковника отставили и назначена была ревизія казеннаго сундука, Дмитрій, встрѣтивъ сестру институтки, объявилъ, что отецъ ихъ растратилъ 4,500 казенныхъ денегъ и что если онѣ не хотятъ, чтобы онъ пошелъ подъ судъ и на старости лѣтъ пошелъ въ солдаты, то пусть институтка сама секретно придетъ къ нему, Дмитрію, за деньгами—онъ выручитъ отца изъ бѣды и сохранитъ тайну. На это предложеніе сестра отвѣтила ему только лаконическимъ восклицаніемъ: «Ахъ! какой вы подлець». Но все-таки она передала этотъ разговоръ институткѣ.

Въ день ревизіи проворавшійся отецъ хотѣлъ пустить себѣ пулю въ лобъ; институтка во-время поспѣла, вырвала у него изъ рукъ ружье и побѣжала къ Дмитрію, твердо рѣшившись для спасенія отца пожертвовать даже и своею невинностью. При видѣ гордой красавицы, самоотверженно готовой принести себя въ жертву и великодушно отдающей себя въ его власть, «во власть такого клопа, какъ я», говоритъ Дмитрій, первая его мысль была, воспользоваться своимъ положеніемъ и поступить съ нею безъ всякаго сожалѣнія. Но потомъ явилось другое злое желаніе: захотѣлось поддѣйшую, поросячью, купеческую штучку выкинуть: поглядѣть это на нее съ насмѣшкою и тутъ-же, пока стоитъ передъ тобой и огорошить.» Это четыре-то тысячи! Да я пошутить-съ! Что вы это? Слишкомъ легковѣрно, сударыня, сосчитали; сотенки двѣ я, пожалуй, съ моимъ даже удальствомъ и охотою, а четыре тысячи,—это деньги не такія, барышня, чтобы ихъ на такое легкомысліе бросать. Обезпокоить себя напрасно изволили». Онъ, однако, этого не сказалъ, да и ничего не сказалъ. Что-то удержало его отъ совершенія пакости, «въ которой, говоритъ онъ,—я-бы потомъ всю жизнь

раскаивался». Но именно, быть можетъ, вслѣдствіе того, что пакости онъ не могъ совершить, онъ вдругъ почувствовалъ къ гордой красавицѣ какую-то необъяснимую злобу и ненависть. «Я, рассказываетъ онъ,—глядѣлъ тогда на нее секунды три или пять со страшною ненавистью. Потомъ подошелъ къ окну, приложилъ лобъ къ мерзлему стеклу и помню, что мнѣ лобъ обожгло льдомъ, какъ огнемъ. Долго, однако, ее не задержалъ, подошелъ къ столу, отворилъ ящикъ, досталъ пятитысячный пятипроцентный безъименный билетъ; затѣмъ, молча ей показалъ, сложилъ, отдалъ, самъ отворилъ ей двери въ сѣни и, отступив шагъ, поклонился въ поясъ почтительнѣйшимъ, проникновеннѣйшимъ поклономъ» (Т. I, стр. 178—183).

Хотя онъ поступилъ такимъ образомъ совершенно безотчетно и безсознательно, но едва дѣвушка ушла, самолюбіе разыграло въ немъ. «Вотъ какой я молодецъ, вотъ какой я великодушный и благородный человѣкъ! И эта мысль привела его въ такой неописанный восторгъ, что онъ, съ радости, чуть не убилъ себя (ib. стр. 184). Дѣвушка, однако, за этотъ подвигъ влюбилась въ него и если и не влюбилась, то рѣшилась во что-бы то ни стало спасти его отъ самого себя. Она вскорѣ разбогатѣла и великодушно повергла къ его стопамъ свои капиталы, руку и сердце. Дмитрій сталъ ея женихомъ. Но тутъ вдругъ пробудилась въ немъ непреодолимая страсть къ Грушенькѣ. Онъ отказался и отъ красавицы-невѣсты и отъ ея капиталовъ. Страсть къ Грушенькѣ загорѣлась въ немъ съ того самого момента, когда онъ, узнавъ, что Грушенька хочетъ будто-бы совместно съ отцемъ засадить его въ тюрьму за долги, «двинулся бить ее». «Пошелъ бить... да у ней и остался... А тутъ какъ-разъ у меня, нищого, очутились деньги (тѣ три тысячи, которыя его невѣста вручила ему для отсылки ея роднымъ): но мы съ ней въ Мокрое, цыганъ туда добылъ, цыганокъ, шампанскаго, всѣхъ мужиковъ тамъ шампанскимъ перепоилъ... двинулъ тысячами... Черезъ три дня голъ, какъ соколъ». «Ты... ты, Алеша, невинный мальчикъ, понимаешь-ли, какая тутъ трагедія!... Я могу быть низкимъ человѣкомъ, со страстями низкими и погибшими, но воромъ—карманнымъ воромъ, воришкой по переднимъ Дмитрій Карамазовъ не можетъ быть никогда. Ну, такъ узнай-же теперь, что я воришка, я воръ по карманамъ и переднимъ»...

Его отчаяніе было такъ велико, что невинный мальчикъ Алеша счелъ нужнымъ упрашивать его «не убивать себя отчаяніемъ». «А что ты думаешь, отвѣчаетъ ему на его мольбы Дмитрій,—застрѣлюся я, какъ не достану трехъ тысячъ отдать! Въ томъ-то и дѣло, что не застрѣлюся! Не въ силахъ теперь...

можетъ-быть, потомъ»... (ib. стр. 191). И тутъ черезъ нѣсколько секундъ, онъ, гнушающійся карманнаго воровства, высказываетъ и опять-таки совершенно искренно, свою твердую рѣшимость убить отца, если Грушенька придетъ къ нему ночевать. «Я, говоритъ онъ,—его ненавижу, ненавижу его кадыкъ, его носъ, глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное омерзѣніе чувствую... И не удержуся»... (ib. стр. 195).

Невозможность дѣйствовать благородно «по-человѣчески» въ тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыя поставила его среда, дѣйствовать сообразно съ своимъ нравственнымъ идеаломъ и возрѣніемъ, эта невозможность (обусловливающаяся отчасти и его наслѣдственными предрасположеніями) причиняла ему невыразимыя муки, отравляла все его существованіе. «Именно тѣмъ-то и мучился я всю свою жизнь, — говоритъ онъ въ порывѣ откровенности господамъ чиновникамъ, пріѣхавшимъ производить дознаніе, по обвиненію его въ убійствѣ отца,—что жаждалъ благородства, былъ, такъ-сказать, страдальцемъ благородства и искателемъ его съ фонаремъ, съ Діогеновымъ фонаремъ, а между тѣмъ всю жизнь дѣлалъ однѣ только пакости, какъ и всѣ мы, господа»... (Т. II, стр. 212). Ахъ! какъ-бы ему хотѣлось сдѣлаться лучше благороднѣе, какъ-бы ему хотѣлось, чтобы и всѣ окружающіе его люди были счастливы, но проклятая среда, въ которой нельзя существовать, не грызаясь и не кусаясь, но проклятая Карамазовская природа — съ ними ничего не подѣлаешь!

Разразившаяся надъ нимъ катастрофа съ особенною ясностью дала ему почувствовать весь разладъ, существующій въ его духовномъ мірѣ и его безсиліе выпутаться изъ раздирающихъ его душу противорѣчій, въ то-же время она внезапно пробудила, вызвала наружу тѣ общественныя инстинкты и чувства, которые, повидимому, совершенно забыты были въ немъ его обыденной жизненной обстановкой и которые прежде почти ничѣмъ не заявляли о своемъ существованіи. Заснувъ на допросѣ, онъ увидѣлъ странный сонъ: представилась ему бѣдная русская деревня, съ почернѣвшими, покосившимися, полуобгорѣлыми избами. При въѣздѣ въ нее, выстроились по дорогѣ бабы, много бабъ, — все худыя, испитыя, съ какими-то коричневыми лицами. Особенно бросилась ему въ глаза одна костлявая, худая, высокаго роста, съ ребенкомъ на груди; ребенокъ горько плакалъ. «Чего они плачутъ? спросилъ Дмитрій у ямщика». «Дитѣ, отвѣтилъ ямщикъ,—плачетъ, иззябло, промерзло, одежда не грѣетъ—и хлѣбушки нѣту-ти!» «Почему-же бѣдны люди? продолжаетъ спрашивать Дмитрій, почему бѣдно дитѣ, почему

голая степь, почему онѣ не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему онѣ почернѣли такъ отъ черной бѣды?» Чувствуетъ Дмитрій, что онѣ безумно спрашиваютъ, но ему хочется именно такъ спросить, онѣ чувствуетъ, что въ сердцѣ его поднимается какое-то никогда небывалое умиле- ние, что ему плакать хочется, что онѣ хотятъ всѣмъ сдѣлать что-то такое, чтобы не плакало больше дитя, чтобы не плакала- бы и черная иссохшая мать, чтобы не было вовсе слезъ отъ той минуты ни у кого» (Т. II, стр. 281).

Этотъ сонъ, это бессознательное пробужденіе общественныхъ чувствъ въ человѣкѣ, повидимому, до мозга костей провинну- томъ грубымъ животнымъ эгоизмомъ, бросаетъ яркій свѣтъ на характеръ забитыхъ людей Карамазовскаго типа. Вы видите, что этотъ характеръ совсѣмъ не такъ одностороненъ, не такъ пошлъ и безнадежно *анти-соціаленъ*, какъ это кажется съ перваго взгляда. Поставьте ихъ въ иныя жизненные усло- вія, — въ условія, благоприятствующія развитію обществен- ныхъ чувствъ, и можно почти съ увѣренностью утверждать, что послѣднія, въ концѣ-концовъ, возьмутъ рѣшительный пе- ревъсъ надъ чувствами анти-общественными, надъ эгоистиче- скими вождельніями, надъ стремленіемъ къ индивидуальной обо- собленности. Сонъ Карамазова есть ничто иное, какъ обнаруже- ніе нѣкоторыхъ скрытыхъ, бессознательныхъ и безотчетныхъ по- бужденій его души. По немъ, слѣдовательно, вы можете судить о характерѣ и направленіи этихъ побужденій...

Просыпаяся, онѣ все еще находился подъ ихъ вліяніемъ, «сердце его, говоритъ авторъ, — устремлялось (теперь уже *не во снѣ*, а на *яву*) къ какому-то свѣту, — и ему хотѣлось жить (т. е. жить по-человѣчески) и идти на какой-то новый путь»... И это желаніе приводило его въ радостное, почти восторженное состоя- ніе. «Каждый день, сознается онѣ своимъ слѣдователямъ, я, бія себя въ грудь, обѣщаль исправиться и каждый день тво- рилъ все тѣ-же пакости. Понимаю теперь, что для такихъ, какъ я, нуженъ ударъ, ударъ судьбы, чтобы захватить его, какъ въ арканъ и скрутить внѣшнею силою. Никогда, никогда не под- нялся-бы я самъ собою!» (Т. II, стр. 283). Онѣ вполне готовъ примириться съ этимъ ударомъ судьбы, готовъ примириться съ перспективою многолѣтней каторги. Онѣ даже какъ-будто ра- дуется этой перспективѣ, онѣ не убилъ отца, но онѣ не хочетъ оправдываться: внезапно пробудившіяся «общественныя чувства» требуютъ отъ него какого-нибудь *подвига* на благо страждущаго униженнаго человѣчества. Онѣ чувствуетъ теперь себя какъ-бы «новымъ человѣкомъ», и въ немъ является потребность воскре-

сить этого «новаго человѣка» въ своихъ забытыхъ, задавленныхъ ближнихъ. И ради удовлетворенія этой потребности, онъ съ наслажденіемъ готовъ принять мученическій вѣнецъ. «Въ каторжномъ человѣкѣ, разсуждаетъ онъ, можно возродить и воскресить замершее сердце, можно ухаживать за нимъ годы и выбить, наконецъ, изъ вертепа на свѣтъ уже душу высокую, страдальческое сознаніе, возродить ангела, воскресить героя! А ихъ вѣдь много, ихъ сотни, и всѣ мы за нихъ виноваты! Зачѣмъ мнѣ тогда приснилось «дитѣ» въ такую минуту? Отчего бѣдно дитѣ? Это было пророчество мнѣ въ ту минуту! За «дитѣ» и пойду. Потому-что всѣ за всѣхъ виноваты! За всѣхъ и пойду, потому-что надобно-же кому-нибудь и за всѣхъ пойти... Принимаю!—Вѣдь ихъ тамъ много, ихъ тамъ сотни, подземныхъ то, съ молотками въ рукахъ... О, да, мы будемъ въ цѣпяхъ, и не будетъ воли, но тогда въ великомъ горѣ нашемъ, мы вновь воскреснемъ въ радость, безъ которой жить человѣку невозможно»... (Т. II, стр. 410).

Но, увы, охваченный страстнымъ желаніемъ *подвига* во имя и ради страдающаго человѣчества, Дмитрій забылъ, что онъ—только Карамазовъ, забытый и искалѣченный продуктъ барско-культурной среды. Общественныя чувства, *которыя, вообще, въ каждомъ человѣкѣ пробуждаются въ тюрьмѣ съ особенною силою, на минуту заглушили* его себялюбивые, эгоистическіе инстинкты. Но это было только на минуту. Чуть только онъ узналъ, что каторжныхъ не вѣнчаютъ и что съ Грушенькой, на каторгѣ, ему жить не позволяютъ, чуть только онъ почувствовалъ безцеремонное прикосновеніе грубаго реализма подневольной тюремной жизни, — и мученическій вѣнецъ представился ему совсѣмъ въ иномъ, и совсѣмъ непривлекательномъ видѣ; подвигъ оказался не подъ силу. «Нѣтъ, съ грустью сознавался онъ Алешѣ, послѣ приговора, нѣтъ, не въ силахъ принять креста. Если бить станутъ дорогой, аль тамъ, то я не дамся, я убью и меня разстрѣляютъ. И это двадцать вѣдь лѣтъ! Здѣсь уже ты начинаютъ говорить. Сторожа мнѣ ты говорятъ! Я лежалъ и сегодня всю ночь судилъ себя: не готовъ! Хотѣлъ «гимнъ» запѣть, а сторожевскаго тыканья не могу осилить! За Грушу-бы все перенесъ, все... кромѣ, впрочемъ, побой... Но ее туда не пустятъ!» (Т. II, стр. 679).

Сознавъ непосильность *подвига*, о которомъ онъ мечталъ, Дмитрій ухватился за мысль, поданную ему его братомъ Ивановомъ—*бѣжать*, бѣжать въ Америку... и вмѣстѣ съ Грушей!

Представьте себѣ въ Америкѣ этого несчастнаго, искалѣченнаго, ни къ какой производительной дѣятельности неспособнаго чело-

вѣка! Вѣдь для него это равно самоубійству. Онъ и самъ это понимаетъ. «Я эту Америку, признается онъ Алешъ, — чортъ ее дери, уже и теперь ненавижу. Пусть и Груша будетъ со мною, но посмотри на нее—американка-ли она? Она русская, вся до восточки русская, она по матери родной землѣ затоскуетъ и я буду видѣть каждый часъ, что это она для меня тоскуетъ, для меня такой крестъ взяла!.. А я-то развѣ вынесу тамошнихъ смердовъ, хоть они, быть можетъ, всѣ до единого лучше меня! Ненавижу я эту Америку ужъ и теперь!.. Да я тамъ издохну».

(Т. II, стр. 681).

Но, увы, для несчастнаго, забитаго человѣка нѣтъ другого выхода. Подвига хочется, но на подвигъ нѣтъ силы; зажить по-прежнему, если и было возможно,—претить. Убить въ себѣ внезапно воскресшаго «новаго человѣка»—рука не поднимается! Перенестися въ новыя условія общественной жизни—бѣжать въ Америку—противно: «въ Америкѣ издохнешь!» Задавить себя, пустить себѣ пулю въ любовь... но какъ-же Груша? Нѣтъ, выхода нѣтъ!

Вотъ въ этой-то безвыходности и заключается главный трагизмъ положенія забытыхъ людей Карамазовскаго типа. Искалѣченный, несчастный уродъ такъ и долженъ жить и умереть искалѣченнымъ, несчастнымъ уродомъ. Это ужасно, это тѣмъ болѣе ужасно, что этотъ уродъ одаренъ «человѣческими» чувствами, что онъ способенъ мечтать о *подвигѣ*, во имя страждущаго человечества, что онъ искренно желаетъ «изъ низости душой подняться», что ему очень хочется, чтобы всѣ люди были счастливы и довольны, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни голодающихъ, ни плачущихъ, ни скорбящихъ... Отчего-же такъ бессильны, такъ бесплодны эти его мечты и желанія, отчего такъ забыты его социальныя инстинкты? Отчего онъ не можетъ выбиться изъ проклятаго, точно заколдованнаго круга раздирающихъ его душу противорѣчій, парализующихъ его энергію, нравственно и физически расслабляющихъ и убивающихъ его? Кто виноватъ? Кто?

Мы полагаемъ, что послѣ приведеннаго здѣсь анализа жизни и характера одного изъ экземпляровъ Карамазовскаго типа забытыхъ людей, вопросъ этотъ не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Каждый не только «непроницательный», но даже и «проницательный» читатель не затруднится дать на него вполне точный и удовлетворительный отвѣтъ.

XIII.

Однако, въ разобранномъ нами экземпляръ забытыхъ людей карамазовскаго типа, типъ этотъ далеко еще не исчерпывается. Онъ представляетъ множество самыхъ разнообразныхъ разновидностей, изъ которыхъ каждая заслуживаетъ глубокаго вниманія не только психолога, но и социолога.

Одну изъ этихъ разновидностей воспроизводитъ передъ нами авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ», въ лицѣ братьевъ Дмитрія—Ивана Карамазова и Смердякова (последній былъ братомъ незаконнымъ).

Иванъ Карамазовъ и Смердяковъ, несмотря на различіе ихъ социальныхъ положеній, несмотря на различіе степени ихъ культурности, во многихъ отношеніяхъ представляются натурами, если и не вполне тождественными, то во всякомъ случаѣ, въ высшей степени родственными. Это были «двѣ ягоды одного и того же поля». Стремленіе къ «индивидуальной обособленности» и у того и у другого достигло несравненно болѣе высокой степени развитія, чѣмъ у ихъ отца или у ихъ брата Дмитрія. У Дмитрія и у отца это стремленіе, главнымъ образомъ, проявлялось въ области ихъ половыхъ и желудочныхъ потребностей. Оно требовало лишь безпрепятственнаго удовлетворенія этимъ потребностямъ и ничего больше, повидимому, не имѣло въ виду. Федоръ и Дмитрій Карамазовы хотѣли жить лишь въ свое удовольствіе, т. е. въ удовольствіи своего брюха и своихъ половыхъ функций, и этимъ желаніемъ почти и ограничивались ихъ стремленія къ индивидуальной самобытности и независимости. У Ивана же Карамазова и Смердякова, напротивъ, ни половыя, ни желудочныя потребности не стояли на первомъ планѣ и не играли никакой преобладающей роли въ ихъ повседневной жизни. Ни тотъ, ни другой не былъ ни кутилою, ни пьяницею, ни развратникомъ. Стремленіе къ индивидуальной обособленности выражалось у нихъ не въ стремленіи къ безпрепятственному обжорству, пьянству, «срыванію цвѣтовъ» удовольствія и т. п., а въ стремленіи къ пріобрѣтенію *матеріальной* независимости отъ окружающихъ ихъ людей, и въ то же время къ возможно полнѣйшему изолированію себя отъ нихъ. Это стремленіе къ само-изолированію доходило у нихъ, особенно у Смердякова, до какой-то человѣконенавистности. Они, повидимому, никого не любили и даже неспособны были любить. Страсть Ивана къ Катеринѣ Ивановнѣ, ех-невѣстѣ его брата, запечатлѣна была такимъ грубо-эгоисти-

ческимъ характеромъ, въ ней было столько озлобленія и почти что ненависти къ предмету его страсти, что едва-ли ее можно даже называть любовью. Но мало того, что они относятся къ окружающимъ ихъ людямъ съ какою-то враждебною озлобленностью, они презираютъ или, по-крайней мѣрѣ, стараются презирать ихъ. Для нихъ что ни человѣкъ, то «шельма», «гадина» или «негодяй».

Посмотрите, какъ какой-нибудь злополучный Смердяковъ, выросшій въ грязи и вони барскихъ задворковъ, почти безграмотный, хотя и успѣвшій, однако, нахвататься въ Москвѣ верховъ лакейской цивилизаціи, какъ онъ третируетъ не только «россійскаго мужика» («мужика» онъ ненавидитъ), но цивилизованнаго европейскаго джентльмена! Нѣкая сантиментальная горничная, тоже нахватавшаяся въ Москвѣ верховъ лакейской цивилизаціи, желая сказать ему комплиментъ, сравниваетъ его «съ самымъ благороднымъ иностранцемъ». «Ну уже, если вы желаете знать, внушительно обрываетъ ее нелюбезный кавалеръ,—то по разврату и тамошніе (т. е. цивилизованные иностранцы) и наши всѣ похожи. Всѣ шельмы-съ, но съ тѣмъ, что тамошній въ лакированныхъ сапогахъ ходить, а нашъ подлець въ своей нищѣ смердитъ и ничего въ этомъ дурного не находитъ. Русскій народъ надо пороть-съ, какъ правильно говорилъ вчера Федоръ Павловичъ (отецъ Карамазовъ)», хотя спѣшитъ прибавить Смердяковъ, «и сумасшедшій онъ человѣкъ со всѣми своими дѣтьми-съ». (Т. I., стр. 354).

Нечего и говорить, что къ людямъ, близко къ нему стоящимъ, онъ чувствуетъ болѣе чѣмъ презрѣніе, а какое-то гадливое отвращеніе. Своего незаконнаго отца онъ считаетъ хуже всякой гадины и, при первомъ удобномъ случаѣ, безъ малѣйшихъ колебаній и сомнѣній и съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, съ какою-то идиотскою безчувственностью проламываетъ ему голову. Вѣрнаго холопа Григорія, на попеченіе котораго онъ былъ отданъ со дня рожденія, онъ третируетъ свысока и относится къ нему, какъ къ идиоту. О Дмитріи Карамазовѣ онъ отзывается такъ: «онъ хуже всякаго лакея и поведеніемъ, и умомъ, и нищетою-съ и ничего-то онъ не умѣетъ дѣлать, и ни на что-то онъ не годится». Ивана Карамазова онъ ненавидитъ и смотритъ на него, какъ на отъявленнаго и хитраго негодяя, способнаго на всякую пакость, на всякое злодѣйство... изъ-за денегъ, изъ-за личныхъ, корыстныхъ расчетовъ. Иванъ, съ своей стороны, тоже его терпѣть не можетъ; онъ чувствуетъ къ нему даже какую-то ненависть, смѣшанную съ отвращеніемъ, онъ не можетъ переварить самолюбія «презрѣннаго лакея», и въ особенности его

раздражаетъ та фамиллярность, съ которою относился къ нему Смердяковъ, сразу какъ-бы почувствовавшій, что оба они одного поля ягоды. Отца своего и старшаго брата Дмитрія Иванъ третируетъ съ высокоумнымъ пренебреженіемъ: они были для него не болѣе, какъ «гады». Когда на Дмитрія пало обвиненіе въ отцеубійствѣ, онъ ни мало не усомнился въ его правдоподобности. Дмитрій казался ему способнымъ на всякую мерзость и даже въ своихъ разговорахъ съ младшимъ братомъ, который твердо вѣровалъ въ невинность старшаго, онъ безъ церемоніи отзывался о послѣднемъ, какъ о «негодяѣ», «извергѣ», «убійцѣ». (Т. II, стр. 424). «Онъ никому не вѣритъ, а коль не вѣритъ, то, конечно, презираетъ», такъ характеризуетъ Алеша Ивана. Его, яко-бы любовныя отношенія къ Катеринѣ Ивановнѣ, проникнуты были самымъ грубымъ эгоизмомъ; онъ чувствовалъ, что эта гордая, самостоятельная и черезчуръ увлекающаяся женщина представляетъ нѣкоторую опасность для его собственной самостоятельности и зато онъ почти ненавидѣлъ ее. «Не охотникъ я до такихъ женщинъ», говорилъ онъ Алешѣ. При томъ-же онъ подозрѣвалъ ее иногда и въ любви къ Дмитрію, хотя постоянно и увѣрялъ себя, что она любитъ его только одного. Замѣтивъ, что въ сердцѣ увлекающейся Кати любовь къ Ивану борется съ чувствомъ «долга и чести», налагавшими на нее, по ея мнѣнію, обязанность всецѣло посвятить себя «спасенію и счастью Дмитрія», Иванъ до такой степени на нее озлобился, что рѣшился порвать съ нею всякія сношенія. И хотя это рѣшеніе разбивало, выражаясь высокимъ слогомъ, «сердце предмета его страсти», но это его нисколько не смущало. Онъ даже объ этомъ не думалъ, онъ думалъ только о себѣ, о томъ, что, вотъ, наконецъ-то онъ «развязался», «снялъ съ себя обузу», сталъ снова «свободнымъ человѣкомъ». «И какъ я себя легко чувствую! признавался онъ Алешѣ,—подозрѣвалъ я, что, если захотятъ, то ничего не стоитъ кончить! Мучился я съ нею и она меня мучила, сидѣлъ надъ нею... вдругъ все слетѣло!» (Т. I, стр. 365).

Въ своей повѣсти «Великій Инквизиторъ» Иванъ высказываетъ, хотя и въ другой, болѣе литературной формѣ, почти такое-же неблагоприятное мнѣніе о людяхъ вообще, какъ и Смердяковъ. По мнѣнію Смердякова, всѣ люди шельмы; по мнѣнію Ивана,—люди — «твари подлыя и слабыя, они созданы невольниками»... Рабство и послушаніе — вотъ ихъ удѣлъ, и только рабство и послушаніе могутъ дать имъ счастье и пока они этого не поймутъ, — они вѣчно будутъ несчастны, вѣчно будутъ пожирать, мучить и терзать другъ друга. «Свободный умъ, свобода, наука заведутъ ихъ въ такія дебри и поставятъ передъ такими чудами

и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ, — другіе непокорные, но малосильные—истребятъ другъ друга, а третіе (т. е. большинство)—сами будутъ просить снова заковать ихъ въ цѣпи». (Т. I, стр. 407). «Оарись и суди, говоритъ великій инквизиторъ Христу, сошедшему второй разъ на землю, — озрись и суди, вотъ прошло пятнадцать вѣковъ (дѣйствіе поэмы происходитъ въ XV в.) поди, посмотри на нихъ; кого ты вознесъ до себя. Клянись, человѣкъ слабѣе и ниже созданъ, чѣмъ Ты о немъ думалъ. Она слабъ и подл. Что въ томъ, что онъ теперь повсемѣстно бунтуетъ противъ нашей власти и гордится тѣмъ, что бунтуетъ. Это гордость ребенка и школьника. Это маленькія дѣти, забунтовавшіяся въ классъ и выгнавшія учителя. Но придетъ конецъ восторгу ребятишекъ, онъ будетъ дорого стоить имъ... Глупыя дѣти, наконецъ, догадаются, что хотъ они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственнаго бунта своего невыдерживающія. Обливаясь глупыми слезами своимъ, они сознаются, наконецъ, что создавшій ихъ бунтовщиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ лишь посмѣяться надъ ними» (ib стр. 404).

По этимъ небольшимъ выдержкамъ изъ фантастической поэмы Ивана,—поэмы, въ которой онъ съ такою отчетливостью и откровенностью высказываетъ самъ передъ собою свои задушевные мысли, читатель можетъ составить себѣ достаточно ясное представленіе объ отношеніяхъ его къ окружающимъ его людямъ и о его взглядахъ на человѣческую природу. Сходство этихъ взглядовъ со взглядами Смердякова настолько очевидно, что распространятся объ этомъ долѣ совершенно не стоить.

Уважемъ теперь на другую черту сходства «презрѣннаго лакея» и культурнаго барина. Отецъ Карамазовъ и его первенецъ искали и находили удовлетвореніе своему стремленію къ индивидуальной обособленности, въ безпрепятственномъ удовлетвореніи своихъ чисто-желудочныхъ и половыхъ потребностей. Отецъ, правда, былъ немножко скрягою и ростовщикомъ, — но скряжничество и ростовщичество стояли у него какъ-то, на заднемъ планѣ, и онъ совсѣмъ не смотрѣлъ на нихъ, какъ на главную и существенную цѣль своего существованія. Главною и существенною цѣлью для него всегда было *сладогстрастіе*, а не хищничество и не нажива. Что же касается до Дмитрія, то онъ, какъ мы видѣли, къ вопросу о матеріальной обезпеченности относился съ крайнею безпечностью и его всего менѣе можно упрекнуть въ какихъ бы то ни было хищническихъ или скряжническихъ поползновеніяхъ.

Совсѣмъ другое дѣло — младшіе отпрыски Карамазовскаго

древа. Ихъ эгоизмъ, достигшій въ силу особыхъ условій ихъ воспитанія и жизни (о которыхъ будетъ сказано ниже), болѣе утонченныхъ, а если хотите, болѣе грубыхъ формъ, чѣмъ, напр., эгоизмъ Дмитрія, — эгоизмъ, который, главнымъ образомъ, и обусловливалъ ихъ ненавистно озлобленное, презрительное, жесткое отношеніе къ окружающимъ ихъ людямъ, къ «человѣку» вообще, — естественно необходимо долженъ былъ рано развиться въ нихъ стремленія къ *самоизолированію*, къ индивидуальному обособленію. «Ни въ комъ не нуждаться, никому ничѣмъ не обязываться, жить исключительно *собою и для себя*» — таковъ былъ принципъ ихъ поведенія, принципъ, которому они слѣдовали сознательно или бессознательно съ самой ранней юности. Но его практическое осуществленіе требовало, прежде всего, *матеріальной обезпеченности*. Только одна матеріальная обезпеченность могла гарантировать ихъ *независимость* отъ окружающихъ ихъ людей, только она одна могла создать имъ такое соціальное положеніе, которое давало имъ, дѣйствительно, возможность «ни въ комъ не нуждаться и никому ничѣмъ не обязываться». Вотъ почему вопросъ о матеріальной обезпеченности играетъ въ ихъ жизни несравненно болѣе выдающуюся роль, чѣмъ въ жизни ихъ отца и ихъ старшаго брата. Стремленіе къ этой обезпеченности, — стремленіе, которое, при данныхъ условіяхъ общегитія, неизбежно должно вырождаться въ стремленіе къ хищничеству, наживѣ, ростовщичеству, — развилось въ нихъ очень рано и очень скоро сдѣлалось преобладающимъ мотивомъ ихъ дѣятельности и наложило особый отпечатокъ на ихъ характеръ, на всю ихъ умственную и нравственную физиономію. Они были крайне сдержанны, молчаливы, почти нелюдимы, постоянно сосредоточены въ самихъ себя, никогда не чувствовали особенной необходимости изливать передъ кѣмъ-бы то ни было свою душу и относились ко всѣмъ съ какимъ то надменнымъ презрѣніемъ. Окружающіе ихъ люди считали ихъ за гордецовъ или за безсердечныхъ истукановъ. Вѣчно и всегда они, повидимому, заняты были только *собою*, и эта постоянная забота о *себѣ* давала себя чувствовать даже въ мелочахъ; какой-нибудь *хамъ* Смердяковъ, зачатый, рожденный и выросшій въ воню и грязи, заботился о своей внѣшности и своемъ костюмѣ несравненно больше, чѣмъ его баринъ-отецъ (см. т. I, стр. 201).

Зарывшись, закопавшись въ своемъ «я» и «не ощущая, повидимому, ни малѣйшей надобности ни въ чьемъ обществѣ» (ib.), они естественно должны были развить въ себѣ наклонность къ нѣкоторой созерцательности, и если хотите, даже нѣкоторой мечтательности; у Смердякова, напр., подъ влияніемъ, впрочемъ,

падучей болѣзни, эта склонность къ созерцательности выражалась въ особенно рѣзкихъ формахъ (см. т. I, стр. 202), но не чуждъ ей былъ и Иванъ, какъ это видно, напр., изъ его длинной бесѣды съ Алешей и въ особенности изъ его поэмы «Великій Инквизиторъ» (т. I, стр. 360—417).

Созерцательность эта не только весьма мирно уживалась, но, быть можетъ, даже, въ извѣстной степени, благопріятствовала раннему развитію въ нихъ той практической сноровки, того умѣнія «обдѣлывать свои дѣлишки», той, если хотите, хищнической ловкости, которыхъ не доставало ихъ злополучному брату Дмитрію и которыми они, напротивъ, съ избыткомъ награждены были судьбою, т. е. не судьбою, а данными условіями ихъ жизни. Иванъ, еще сидя на студенческой скамейкѣ, обнаружилъ блистательныя способности по части «зашибанія копѣйки». Деньги (двѣ тысячи), оставленныя на его воспитаніе «самоурной благодѣтельницей» его матери, онъ, въ силу разныхъ формальностей и проволочекъ, долго не могъ получить, такъ-что «въ первые два года въ университетѣ,—разсказываетъ авторъ,—ему пришлось очень солоно, ему пришлось въ одно и то-же время и учиться, и кормить, и содержать себя. Обратиться за помощью къ отцу онъ, разумѣется, даже и попытки не сдѣлалъ, частью изъ гордости, а частью, вѣроятно, и потому, что съ свойственною ему практическою сметливостью, онъ правильно сообразилъ, что отъ отца никакой помощи онъ не получить. Нужно было самому позаботиться о своемъ матеріальномъ обезпеченіи. «Молодой человѣкъ, говоритъ авторъ (т. I, стр. 29, 30), нисколько не потерялся и добился-таки работы, сперва уроками въ двугривенный, а потомъ бѣгая по редакціямъ газетъ и доставляя статейки въ десять строчекъ объ уличныхъ происшествіяхъ за подписью «очевидецъ». Статейки эти пошли въ ходъ и уже въ этомъ одномъ молодой человѣкъ оказалъ все свое практическое и умственное превосходство надъ тою многочисленною, вѣчно нуждающеюся и несчастною частью нашей молодежи обоего пола, которая въ столицахъ, по обыкновенію, съ утра до ночи обиваетъ пороги разныхъ газетъ и журналовъ, не умѣя ничего лучше выдумать, кромѣ вѣчнаго повторенія одной и той-же просьбы о переводахъ съ французскаго или о перепискѣ».

Вообще о практическомъ Иванѣ составилось такое мнѣніе у его знакомыхъ: «Онъ гордъ, но всегда добудетъ себѣ копѣйку» (ib.). Получивъ двѣ тысячи, завѣщанныя «благодѣтельницей», онъ не истратилъ ихъ, какъ-бы сдѣлалъ Дмитрій, на удовлетвореніе своихъ половыхъ и желудочныхъ потребностей, а благо-разумно *припряталъ*, въ томъ расчетѣ, что онѣ могутъ приго-

даться ему въ будущемъ,—на заграничное путешествіе. *Практичность* свою расчетливый Иванъ доводилъ даже до того, что не брезгалъ, ради разныхъ личныхъ соображеній, проводить въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ такія мысли и воззрѣнія, въ истинность которыхъ онъ не вѣрилъ. Такъ, напр., онъ помѣстилъ въ одной большой газетѣ статью о Церковномъ судѣ, статью, надѣлавшую много шума и заставившую «церковниковъ» смотрѣть на ея автора, какъ «на своего» (т. I, стр. 30). По поводу этой статьи, проникательный отецъ Зосимъ сталъ уличать Ивана въ неискренности: «По всей вѣроятности, говорилъ онъ, вы не вѣруете сами въ безсмертіе вашей души, ни даже въ то, что написали о церкви и церковномъ судѣ». «Можетъ быть, вы правы! признался самъ Иванъ,—но я все-же *несовѣстнъ* шутилъ»... (ib. стр. 115).

Теоретически Иванъ признавалъ и открыто проповѣдывалъ преимущественно, впрочемъ, въ *дамскомъ* обществѣ, что «для людей невѣрующихъ—нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность теперешнему и что эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть-ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи» (Т. I, стр. 114).

Поведеніе Ивана по отношенію къ отцу, Дмитрію и Смердякову, какъ во время, предшествующее, такъ и послѣдующее за «катастрофою» не только запечатлѣно грубѣйшимъ эгоизмомъ, но и обнаруживаетъ въ Иванѣ большую «практическую ловкость», хотя, быть можетъ, и безсознательную. Онъ велъ себя такъ, что Смердяковъ вполне былъ убѣжденъ, что онъ изъ корыстныхъ расчетовъ желаетъ скорѣйшей смерти своего отца, что онъ даже былъ-бы очень радъ, если-бъ его кто-нибудь убилъ. На этомъ своемъ убѣжденіи Смердяковъ основалъ весь свой планъ (планъ, сдѣлавшій-бы честь любому дипломату) похищенія у отца Карамазова трехъ тысячъ,—тѣхъ трехъ тысячъ, которыя Карамазовъ предназначалъ Грушенькѣ и которыя были необходимы ему, Смердякову, для осуществленія его давнишней завѣтной мечты — *выйти въ люди*, т. е. приобрести себѣ матеріальную независимость, открыть ресторанчикъ въ Москвѣ или даже попытаться счастья «за-границею». Факты, изъ которыхъ онъ вывелъ свое заключеніе объ отцеубійственныхъ замыслахъ Дмитрія, были такъ непреложны, такъ очевидны и такъ убѣдительны, что, когда Смердяковъ, послѣ уже убійства припомнилъ ихъ, одинъ за другимъ Ивану, послѣдній не могъ въ глубинѣ души своей не сознаться, что въ убійствѣ отца онъ виноватъ не ме-

нѣе Смердякова. Мало того: онъ долженъ былъ сознаться, что его поведеніе передъ катастрофою не совсѣмъ даже было и *безсознательно*. «Да, говорить себѣ, въ отчаяніи ломая руки, Смердяковъ правъ, я дѣйствительно «чего-то» ожидалъ, я именно хотѣлъ убійства! Я былъ солидаренъ тогда съ Смердяковымъ, ибо я подбивалъ его... Подбивалъ-ли я его еще — не знаю! Но во всякомъ случаѣ, если онъ убилъ, то, конечно, убійца и я» (Т. II, стр. 451).

Это сознаніе сводило его съума, причиняло ему невыносимыя нравственныя муки, отравляло его существованіе. И все это надблалъ Смердяковъ, презираемый имъ Смердяковъ, зачѣмъ онъ напомнилъ ему то, о чемъ онъ никогда не хотѣлъ вспоминать, о чемъ онъ давно уже забылъ! Смердяковъ разрушилъ его душевное спокойствіе. Надо убить Смердякова! рѣшилъ онъ, «если я не смѣю убить теперь Смердякова, то стоитъ-ли жить!» (ib. стр. 451). Это была его первая мысль, — мысль въ высшей степени эгоистическая и въ то-же время совершенно нелѣпая. *Холодный* разсудокъ не позволилъ ему оставаться на ней слишкомъ долго. «Что ты выиграешь, говорилъ онъ ему, убивъ Смердякова, развѣ его смерть примиритъ тебя съ сознаніемъ, что все таки *ты отцеубійца*? Нѣтъ, постарайся лучше выкинуть изъ головы самое это сознаніе». И Иванъ, вѣрный своимъ эгоистическимъ инстинктамъ, заботившійся единственно о своемъ личномъ благополучіи и спокойствіи, началъ увѣрять себя, въ противность очевидности, что Смердяковъ больной полуидіотъ, что онъ просто бредитъ, что онъ совершенно неповиненъ въ убійствѣ отца, что отца убилъ негодяй братъ, Дмитрій — тотъ «извергъ и злодѣй» и что слѣдовательно, онъ, Иванъ, ни прямо, ни косвенно, ни матеріально, ни нравственно въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ и участвовать не могъ. Онъ тутъ не при чемъ, онъ чистъ и невиненъ, какъ чистъ и невиненъ и Смердяковъ. Для того, чтобы еще болѣе утвердиться и укрѣпиться въ этомъ утѣшительномъ убѣжденіи, онъ нѣсколько разъ тайкомъ пробирался къ Смердякову и вступалъ съ нимъ въ длинныя бесѣды по воду обстоятельство, предшествовавшихъ катастрофѣ.

Но, увы! бесѣды эти производили на него впечатлѣніе, совершенно обратное тому, котораго онъ отъ нихъ ожидалъ. Смердяковъ каждый разъ, весьма недвусмысленно, намекалъ ему на его участіе вмѣстѣ съ нимъ, Смердяковымъ, въ отцеубійствѣ, Иванъ ни за что не хотѣлъ понять этихъ намековъ, онъ злился, выходилъ изъ себя и разъ даже побилъ своего непрошеннаго обличителя. Смердяковъ былъ убѣжденъ до самой послѣд-

ней минуты, что Иванъ *притворяется*, но, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, какъ ему казалось, умысленнымъ непониманіемъ, онъ не выдержалъ, и въ послѣднее свиданіе, за нѣскольکو часовъ до суда надъ Дмитріевымъ, прямо и безъ обиняковъ сознался въ томъ, что онъ убилъ отца Ивана, заявивъ при этомъ, что онъ считаетъ самого Ивана главнымъ виновникомъ въ этомъ убійствѣ. «Не надоѣсть-же человѣку! съ непритворнымъ удивленіемъ воскликнулъ онъ, обращаясь къ Ивану,—не надоѣсть-же человѣку такую камедь изъ себя представлять! Съ глазу на глазъ сидимъ, чего-бы, кажется, другъ друга морочить, камедь играть? Али все еще свалить на одного меня хотите, мнѣ-же въ глаза? Вы убили, вы главный убивецъ и есть, а я только вашимъ приспѣшникомъ былъ... и по слову вашему дѣло это и совершилъ». Послѣ такого откровеннаго заявленія Иванъ не могъ, повидимому, питать уже никакихъ утѣшительныхъ сомнѣній насчетъ своей невинности. Но онъ все еще хотѣлъ обманывать себя; ему все еще хотѣлось вѣрить, что Смердяковъ (а, слѣдовательно, и онъ) *не убійца*. «Нѣтъ, не можетъ быть, ты не убилъ его!» увѣряетъ онъ Смердякова. Смердяковъ только криво усмѣхнулся ему въ глаза и недовѣрчиво прошепталъ: «Да неужто-же вы и вправду ничего не знали?» Затѣмъ, чтобы окончательно разсѣять сомнѣнія Ивана, онъ предъявилъ ему три тысячи, похищенные имъ у его убитаго отца и съ мельчайшими подробностями разсказалъ ему, *какимъ образомъ* и при *какихъ* обстоятельствахъ онъ убилъ его. Послѣ этого разсказа и, въ особенности, въ виду предъявленныхъ Смердяковымъ *вещественныхъ* доказательствъ, никакія сомнѣнія насчетъ его *невиновности* не могли уже имѣть мѣста.

Иванъ очень хорошо это понималъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ все еще надѣялся какъ-нибудь выгородить себя изъ этого «непріятнаго дѣла». И, какъ утопающій хватается за соломенку, онъ ухватился за нелѣпую мысль о соучастіи своего брата, Дмитрія, съ Смердяковымъ. «Хорошо, убѣждалъ онъ послѣдняго,—положимъ, ты дѣйствительно убилъ. Но развѣ ты убилъ одинъ, развѣ братъ не былъ съ тобою въ союзѣ, развѣ онъ не помогъ тебѣ?» «Не безпокойтесь, цинически обрываетъ его Смердяковъ,—Дмитрій Федоровичъ какъ есть безвинны-съ; это я съ вами вмѣстѣ убилъ-съ» (Т. II, стр. 459—462). Спасительная соломенка оборвалась; никакія иллюзіи и самоутѣшенія были уже невозможны; для Ивана стало очевидно теперь, что онъ сознательно или безсознательно игралъ въ убійствѣ отца роль не только попустителя, соучастника, но даже и подстрекателя. И хотя онъ все еще старается придумать для себя, если и не

„Дѣло“, № 4, 1881 г. II. 3

оправдывающія, то, по-крайней-мѣрѣ, «смягчающія обстоятельство», однако, онъ все-таки чувствуетъ и сознаетъ неотразимую необходимость, такъ или иначе, *искупить* свою вину и спасти своего невинно-обвиненнаго брата. «Завтра-же, на судѣ, я самъ покажу на себя. Я рѣшилъ. Я все скажу, все. Но мы явимся вмѣстѣ съ тобою, обращается онъ къ Смердякову, — и что-бы ты ни говорилъ на меня на судѣ, что-бы ты ни свидѣтельствовалъ,—принимаю и не боюсь тебя, самъ все подтвержу. Но и ты долженъ передъ судомъ сознаться! Долженъ, долженъ, вмѣстѣ пойдемъ! Такъ и будетъ!» (ib. стр. 473).

«Ничего этого не будетъ-съ», безапелляціонно рѣшилъ Смердяковъ, слишкомъ хорошо понимавшій натуру Ивана съ одной стороны,—а съ другой не чувствовавшій ни малѣйшаго желанія торжественно выставлять себя передъ людьми, которыхъ онъ презиралъ и ненавидѣлъ,—убійцею, воровъ, гнуснымъ лицомъ-ромъ и обманщикомъ, «ничего этого не будетъ-съ... Слишкомъ стыдно вамъ будетъ-съ, если на себя во всемъ признаетесь. А пуще того, и бесполезно-съ будетъ совсѣмъ-съ, потому я прямо вѣдь скажу, что ничего такого я вамъ не говорилъ-съ никогда, а что вы али въ болѣзни какой (а на то и похоже-съ), али уже брата такъ своего пожалѣли, что собой пожертвовали, а на меня выдумали, *такъ-какъ все равно меня какъ за мышку считали всю вашу жизнь, а не за человека*. Умны вы очень-съ. Деньги любите—это я знаю-съ, почетъ любите, потому-что очень горды, прелесть женскую любите, *а пуще всего, въ покойномъ довольствѣ жить и чтобы никому не кланяться*,—это пуще всего-съ. Не захотите вы жизнь себѣ на-вѣки испортить, такой стыдъ на судѣ принявъ» (ib., стр. 495).

Смердяковъ былъ правъ, даже и въ ту минуту, когда онъ говорилъ, въ головѣ Ивана уже начинали возникать сомнѣнія насчетъ разумности, осуществимости и практичности только-что принятаго имъ рѣшенія.—А чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, докажу? Покажу деньги, но,—какъ справедливо замѣтилъ Смердяковъ,—деньги-то эти могли быть и его собственныя... Кто повѣритъ, что мнѣ вручилъ ихъ самъ Смердяковъ?.. Да и зачѣмъ Смердяковъ отдастъ мнѣ эти деньги? И онъ съ жадностью ухватился за этотъ вопросъ. Кто знаетъ, можетъ быть, Смердяковъ и въ самомъ дѣлѣ *только* съумасшедшій, а совсѣмъ не убійца! «Почему-же, поспѣшилъ онъ спросить его,—почему-же ты отдаешь мнѣ эти деньги, если изъ-за нихъ ты убилъ?» «Не надо мнѣ ихъ вовсе, отвѣчаетъ ему Смердяковъ, безнадежно махнувъ рукою,—была такая прежняя-съ мысль, что съ такими деньгами жить начну, въ Москвѣ, али, пуще того, за-границею, такая

мечта была-сь, а пуще, все потому, что «*все позволено*». Это вы меня вправду учили-сь... ибо, если нѣтъ Бога, то нѣтъ и никакой добродѣтели, да ее и не нужно... Такъ я и разсудилъ». «Стало-быть, ты теперъ въ Бога увѣровалъ, коли деньги отдаешь?» искушаетъ его Иванъ.—«Нѣтъ-сь, не увѣровалъ-сь!» прошепталъ Смердяковъ.—«Такъ зачѣмъ-же деньги отдаешь?» «Полноте... ничего-сь», махнулъ опять Смердяковъ рукою.—«Вы вотъ сами тогда все говорили, что все позволено, а теперь-то почему такъ встревожены сами-то-сь? Показывать на себя даже хотите идти»... (ib., стр. 474).

XIV.

И, въ самомъ дѣлѣ, почему Иванъ,—этотъ практическій эгоистъ, возведшій эгоизмъ въ принципъ,—такъ встревожился? Жаль стало брата? Нѣтъ, о братѣ онъ и не думалъ,—онъ его презиралъ и ненавидѣлъ. Смерти отца онъ желалъ, желалъ вполне сознательно, онъ догадывался, что «катастрофа» неизбежно должна совершиться и не только не пытался ее отворотить, но, напротивъ, ждалъ ее съ нетерпѣніемъ. Убить отца самъ—этого онъ, конечно, не могъ (какъ сказалъ ему и Смердяковъ)—онъ былъ для этого слишкомъ остороженъ, слишкомъ благоразуменъ и, если хотите, слишкомъ культуренъ; но, чтобы кто-нибудь другой его убилъ—онъ этого хотѣлъ. Почему, когда, наконецъ, осуществилось это его желаніе, онъ такъ мучается и терзается? Почему этотъ Смердяковъ, всѣхъ ненавидящій и презирающій,—Смердяковъ, выросшій среди условій, специально приспособленныхъ къ вытравленію изъ сердца человѣка всякихъ симпатическихъ, общественныхъ чувствъ,—почему этотъ ожесточенный, въ самомъ себѣ замкнувшійся эгоистъ, съумѣвшій съ такою адскою хитростью скомбинировать планъ похищенія денегъ, необходимыхъ ему для осуществленія его завѣтной мечты о «независимой, матеріально-обезпеченной жизни», и не остановившійся даже передъ убійствомъ, для приведенія этого плана въ исполненіе, почему, достигнувъ, наконецъ, своей цѣли, онъ самъ добровольно отказывается отъ нея? Почему возвращаетъ онъ деньги, изъ-за которыхъ убилъ человѣка,—деньги, о приобрѣтеніи которыхъ мечталъ, быть можетъ, всю жизнь? Онъ увѣровалъ въ Бога и хочетъ спасти свою душу?

Нѣтъ, въ Бога онъ не увѣровалъ и о спасеніи души не помышлялъ; помышляй онъ о спасеніи души своей—онъ не поѣсился бы, сейчасъ-же послѣ своего послѣдняго разговора съ Иваномъ; помышляй онъ о спасеніи души, или воспылай онъ,

подобно Ивану, желаніемъ искупить публичнымъ поканіемъ свою вину, или просто даже почувствуя потребность въ *покаяніи*, онъ не отвергъ-бы предложенія Ивана раскрыть передъ судомъ всю правду и спасти отъ тяжкой кары невинно-обвиненнаго. Повѣсившись, унеся съ собою на-вѣки тайну преступленія, онъ причинялъ величайшее зло обоимъ своимъ братьямъ,—онъ губилъ Дмитрія и отнималъ у Ивана возможность доказать суду кто были настоящіе убійцы его отца. Зачѣмъ это новое и совершенно безцѣльное зло? Онъ боялся каторги, онъ боялся стыда? Нѣтъ, онъ самъ осудилъ себя на смертную казнь, а что касается до стыда, то онъ столько вынесъ стыда въ своей жизни и до такой степени презиралъ окружающихъ его людей, что едва-ли страхъ скомпроментировать себя въ ихъ глазахъ могъ имѣть какое-нибудь вліяніе на его отказъ отъ предложенія Ивана. Вѣдь онъ зналъ, что эти люди и безъ того считаютъ его не за *человѣка*, а за какую-то *мошку*. Когда онъ еще былъ маленькимъ мальчикомъ ему пѣли въ уши, что онъ отнюдь не долженъ считать себя за *человѣка*. «Ты развѣ *человѣкъ*? внушалъ ему его воспитатель и вѣрный холопъ Григорій,—ты не *человѣкъ*, ты изъ банной мокроты завелся, вотъ ты кто»... (Т. I, стр. 198).

Онъ не зналъ своего отца,—онъ только догадывался, что отцемъ его былъ тотъ самый развратный, вѣчно-пьяный *баринъ*, на кухнѣ котораго онъ воспитывался и который впоследствии удостоилъ сдѣлать его своимъ поворомъ. Зато мать его хорошо была извѣстна всему городу. Это была несчастная нищенка—юродивая,—съ колтуномъ на головѣ и росту всего двухъ аршинъ,—грязная, утратившая всякій образъ и подобіе женщины, почти потерявшая даже даръ слова... звали ее «Смердящей». Вотъ отъ этой-то «смердящей» и произошелъ Смердяковъ. Съ дѣтства ему тыкали глаза его матерью. Его попрекали за самое его рожденіе. «Но я тутъ развѣ виноватъ,—ахъ,—говорилъ онъ въ минуту откровенности, съ какою радостью я дозволилъ-бы убить себя еще во чревѣ, съ тѣмъ, чтобы лишь на свѣтъ не производить вовсе» (ib. стр. 353).

Вообще, и рожденіе мальчика, и его наследственные предрасположенія, и тѣ жизненные условія, среди которыхъ онъ росъ, и отношенія къ нему окружающихъ лицъ—всѣ, однимъ словомъ, общественные и фізіоло-психическіе факторы, формирующіе и опредѣляющіе характеръ *человѣка*, точно будто, сговорились вытравить въ мальчикѣ всѣ общественные чувства, всѣ *человѣческія* побужденія, ожесточить, озлобить его сердце, сдѣлать изъ него грубаго вгонста, какого-то дикаго звѣря, безчувственнаго истукана... Невозможно себѣ представить обстановки хуже и

ужасѣ той, среди которой развивался и жилъ злополучный плодъ Смердящей. Одно было въ этой обстановкѣ и нѣчто такое, что могло отчасти воспрепятствовать и дѣйствительно воспрепятствовало вырожденію Смердякова въ зауряднаго, отупѣлаго «холопа» или въ столь-же зауряднаго плута-мазурика-Мальчикъ, всѣми презираемый и пренебрегаемый, росъ въ совершеннѣйшемъ загонѣ. На него почти не обращали вниманія и ему почти постоянно приходилось оставаться одному; одиночество рано развило въ немъ ту наклонность къ созерцанію, тупелюдность и сосредоточенность, которыя вскорѣ заслужили ему репутацію «тупаго идіота».

Но этотъ тупой идіотъ, ни съ кѣмъ почти не говорившій, ни передъ кѣмъ никогда не изливавшій своей души, многое и многое передумалъ про себя. Жизненные явленія, угнетавшія, оскорблявшія и унижавшія его на каждомъ шагу, не могли не оставить въ его душѣ тяжелыхъ, мучительныхъ впечатлѣній. Постоянное одиночество и досугъ благопріятствовали переработкѣ этихъ впечатлѣній въ представленія, въ идеи, иными словами—благопріятствовали раннему пробужденію въ мальчикѣ мысли. Мысль эта, никѣмъ не руководимая, предоставленная, такъ-сказать, самой себѣ, развивалась, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ такъ, какъ это требовалось данными условіями общезжитія, установленными правилами и предписаніями ходячей морали, но все-же она развивалась и развивалась въ высшей степени самобытно. Ребенкомъ еще, Смердяковъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда рѣшался разверзвать свои уста, поражалъ окружающихъ оригинальностью и неожиданностью своихъ мыслей. Такъ, напр., когда вѣрный холопъ Григорій вздумалъ-было учить его священной исторіи, мальчикъ на третьемъ-же урокѣ, огорошилъ его вопросомъ: «Свѣтъ создалъ Господь Богъ въ первый день, а солнце, луну и звѣзды на четвертый день. Откуда-же свѣтъ-то сіялъ въ первый день?» Григорій остолбенѣлъ отъ такого любопытства. «А вотъ откуда!» крикнулъ онъ и неистово ударилъ ученика по щекѣ (Т. I, стр. 199).

Понятная вещь, послѣ подобнаго отвѣта мальчикъ не сошелся къ старшимъ со своими неумѣстными вопросами. Онъ еще глубже ушелъ въ себя и собственнымъ своимъ умомъ сталъ разрѣшать всѣ сомнѣнія, возникавшія въ его умѣ, по поводу всего имъ слышаннаго и видѣннаго. И сплошь и рядомъ рѣшенія эти ни чуть не гармонировали съ общепринятыми (см., напр., его разговоръ съ Григоріемъ и Федоръ Павловичемъ Карамазовымъ по поводу солдата, пострадавшаго за вѣру (Т. I, стр. 203—210). Сплошь и рядомъ, онъ додумывался до такихъ

выводовъ, которые находились въ совершенномъ противорѣчїи съ чувствами и понятїями окружающей его среды. «Я всю Россїю ненавижу, откровенно сознавался онъ своей знакомой «горничной изъ Москвы», большой модницѣ и любительницѣ «столичной цивилизаціи». «Когда-бы вы были военнымъ юнкерочкомъ, али гусарикомъ молоденькимъ, заигрывала съ нимъ «модница»,—вы-бы такъ не говорили, а саблю-бы вынули и всю Россїю стали-бы защищать». «Я не только не желаю быть военнымъ гусарикомъ, но желаю, напротивъ, уничтоженїа всѣхъ солдатъ-съ», рѣзко обрѣзалъ ее Смердяковъ. «А когда непрїятель придетъ, кто-же насъ защищать будетъ?» недоумѣвала горничная. «Да и не надо вовсе-съ. Въ двѣнадцатомъ году было на Россїю великое нашествїе императора Наполеона французскаго... и хорошо кабы насъ тогда покорили эти самые французы. Умная нація покорила-бы вовсе глупую-съ и присоединила-бы къ себѣ. Совсѣмъ даже были-бы другїе порядки». (Т. I. стр. 354).

Анализируя по-своему явленїя окружающей жизни, Смердяковъ пришелъ и *необходимо долженъ былъ придти* къ самымъ безотраднымъ выводамъ. Онъ видѣлъ кругомъ себя только грубый развратъ, бессмысленное самодурство, рабское холопство, дикое невѣжество, самодовольное тупоумїе, — со всѣхъ сторонъ его осыпали всевозможными униженїями и обидами, на каждомъ шагу оскорбляли его самолюбїе и его человѣческое достоинство, могъ-ли-же онъ послѣ этого не вознавидѣть... все и всѣхъ. Некультурнаго человѣка, «мужика» онъ зналъ лишь съ чисто-внѣшней стороны и со стороны его отношенїй къ «барину», и эта грубая внѣшность и эти рабскїя холопскїя отношенїя возмущали его... Онъ сталъ относиться къ нему съ высокомернымъ презрѣнїемъ и даже отвращенїемъ. «Поротъ-съ русскїй народъ надо, пороть-съ». Таково было его мнѣнїе о русскомъ народѣ. О русскихъ «господахъ» онъ думалъ еще хуже. «Поведенїемъ и умомъ хуже всякаго лакея, ничего не умѣютъ дѣлать, — а отъ всѣхъ почтенье, а чѣмъ они лучше меня-съ?» (ib. стр. 354, 355).

Смердяковъ, конечно, совершенно понималъ и оцѣнивалъ окружающихъ его людей и ихъ взаимныя отношенїя, но тѣ жизненные условїя, въ которыя онъ былъ поставленъ, дѣлали для него совершенно невозможнымъ понять и выяснить себѣ *причины*, породившія эти отношенїя, сдѣлавшія этихъ людей такими гадкими, злыми и отвратительными... еще менѣе въ силахъ онъ былъ додуматься до тѣхъ средствъ и способовъ, при помощи которыхъ причины эти могутъ быть устранены. Потому его *ненависть*, его *презрѣнїе*, его *отрицанїе*, мучая и терзая его,

отравляя ему его существованіе, уединяя его отъ всякаго «общенія» съ людьми, дѣлая его, однимъ словомъ, глубоко несчастнымъ, не могли указать ему никакого выхода изъ его невыносимаго положенія. Подъ вліяніемъ условій жизни, выросшій его среды,—условіи, благопріятствующихъ развитію въ человѣкѣ хищническихъ инстинктовъ, онъ ухватился-было за мечту о новой жизни, понимая эту жизнь въ смыслѣ жизни «матеріально - обезпеченной». Ему казалось, что имѣи онъ достаточный капиталъ для открытія въ Москвѣ кафе-ресторана,— и всѣми его мукамъ, горестямъ, униженіямъ и страданіямъ наступить конецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно онъ долженъ былъ-бы разочароваться въ этой мечтѣ. Вѣдь отъ гадкихъ, презираемыхъ имъ людей, отъ бессмысленныхъ, ненавидимыхъ имъ человѣческихъ отношеній нигуда не уйдешь. Въ Москвѣ, какъ и въ Скотопригонскѣ, его окружала-бы та-же подлость, тотъ-же развратъ, то-же холопство и самодурство. Да даже и за-границею! Вѣдь онъ самъ-же рѣшилъ, что тамошніе такія-же шельмы, какъ и наши: всѣ похожи. И когда-бы Смердяковъ ни разочаровался въ своей «мечтѣ», для такой природы какъ его, — природы вполне цѣлостной, рѣшительной, упрямо-неподатливой, не могло быть другого выхода, кромѣ самоубійства. Смердяковъ разочаровался въ своей мечтѣ раньше, чѣмъ онъ приступилъ къ ея осуществленію, но въ тотъ именно моментъ, когда ему удалось, преоборвавъ всѣ препятствія, перешагнувъ черезъ трупъ своего отца, заплучить средства, необходимыя для ея осуществленія — ему ничего болѣе и не оставалось, какъ повѣситься.

Онъ повѣсился не отъ раскаянія, не оттого, что его внезапно осѣнила благодать Божія, — не оттого, что онъ «увѣровалъ», не оттого, что въ немъ внезапно пробудились какія-нибудь симпатическія чувства, — онъ умеръ, презирая Ивана, ненавидя все и всѣхъ и нисколько не сожалѣя о невинно-обвиненномъ Дмитріи,—нѣтъ, онъ повѣсился, потому-что роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ пришелъ къ убѣжденію, что «жить не стоитъ!» И, дѣйствительно, жить ему не стоило, потому-что жизнь ничѣмъ инымъ и быть для него не могла, какъ вѣчною нескончаемою пыткой...

Да, смерть — пока единственный возможный исходъ для нашихъ Смердяковыхъ. Мы говоримъ пока... пока жизнь не выведетъ ихъ на свѣтъ Божій, пока она не осмыслитъ ихъ отрицанія, пока она не просвѣтитъ ихъ ненависти, пока не укажетъ имъ разумнаго выхода изъ ихъ невыносимаго душевнаго состоянія... И тогда эти Смердяковы,—забитые, исковерканные люди

«настоящаго», могутъ сдѣлаться въ будущемъ могучею, реформирующею общественною силою!..

Совсѣмъ другое дѣло Иванъ Карамазовъ. Хотя его характеръ и представляетъ много общихъ чертъ съ характеромъ Смердякова, однако-же, многими другими своими чертами онъ существенно отличается отъ послѣдняго. Условія жизни и воспитанія Ивана далеко не были такъ суровы, такъ безотрадны, такъ неблагоприятны для развитія въ немъ симпатическихъ, общественныхъ чувствъ, какъ тѣ условія, среди которыхъ родился и росъ Смердяковъ. Выше мы указали лишь на одну сторону медали его души, но была и другая, обратная сторона. Среда, къ которой онъ принадлежалъ, представляла, безспорно, весьма благодарную почву для развитія хищническихъ инстинктовъ, уваго, себялюбиваго эгоизма, индивидуальнаго обособленія и т. п., но въ условіяхъ его *личнаю* существованія, въ окружающей его, съ дѣтства, обстановкѣ не было ничего такого, что могло-бы ожесточить его сердце до окаменѣлости, забить, вытравить въ зародышѣ присущія каждому человѣку общественно-симпатическія чувства и побужденія. Правда, заботливой ласки, родственной любви и нѣжности со стороны близкихъ ему лицъ онъ никогда не видѣлъ. Онъ выросъ среди «чужихъ» ему людей; но эти чужіе люди относились къ нему, болѣе или менѣе, по-человѣчески; его никто не ненавидѣлъ и не презиралъ, напротивъ, его скорѣе баловали и, можетъ быть, даже чрезчуръ захваливали; въ немъ, когда онъ былъ почти-что еще младенцемъ, усматривали какія-то необыкновенныя и блестящія способности, находили его даже *иниціальнымъ* (т. I, стр. 28, 29). Благодаря своей практичности и изворотливости, въ деньгахъ онъ никогда не нуждался, такъ-что и въ чисто-матеріальномъ отношеніи не могъ жаловаться на свою долю. Товарищи, отъ которыхъ онъ вообще старался держаться въ сторонѣ, были очень высокаго мнѣнія о его умѣ и потому относились къ нему съ уваженіемъ. Его первые опыты на литературномъ поприщѣ оказались весьма удачными и имѣли успѣхъ, что, конечно, очень льстило его самолюбію. Вообще, жизнь улыбалась ему и судьба была ему не злою мачихою, а скорѣе, доброю и снисходительною мамашею.

Благодаря этимъ счастливымъ обстоятельствамъ, Иванъ, несмотря на весь свой эгоизмъ и на всю свою практичность, не могъ дойти до той степени ожесточенности и человѣконенавистности, до какой дошелъ Смердяковъ. Онъ, по отзыву Смердякова, который, какъ мы видѣли выше, относился къ нему далеко не нѣжно, — «не способенъ былъ самъ убить отца». И хотя онъ презиралъ послѣдняго, хотя онъ считалъ его гадомъ, одна-

но, онъ сѣумѣлъ съ нимъ не только довольно мирно ужиться, но даже приобрѣлъ надъ нимъ нѣкоторое вліяніе.

Наконецъ, одинъ тотъ фактъ, что онъ чуть не сошелъ съ ума, при мысли, что былъ полу-сознательнымъ, полу-безсознательнымъ виновникомъ насильственной смерти отца, весьма ясно и убѣдительно доказываетъ, что его «натура» далеко не гармонировала съ его теоріею,—теоріею, возводившею, какъ мы видѣли, грубый животный эгоизмъ въ основной принципъ, въ единственный руководящій мотивъ человѣческой жизни и дѣятельности. Еще убѣдительнѣе доказываютъ это его отношенія къ Дмитрію. Брата онъ не любилъ и считалъ его такимъ-же гадомъ, какъ и отца. Тѣмъ не менѣе, онъ готовъ былъ на всякія матеріальныя пожертванія для того, чтобы спасти его отъ ожидавшей его каторги. Правда, готовность эта обусловливалась отчасти и чисто-эгоистическими мотивами: Смердяковъ какъ-то далъ ему замѣтить, что для него *выгодно* будетъ обвиненіе брата, такъ-какъ часть братниаго наслѣдства перейдетъ къ нему. Этотъ намекъ страшно оскорбилъ его гордость и самолюбіе и онъ тогда-же рѣшился отдать тридцать тысячъ, съ одной своей стороны, чтобы устроить побѣгъ Мити. Опасаясь, или лучше сказать, какъ-бы предчувствуя свою болѣзнь, онъ вручилъ Катеринѣ Ивановнѣ, за нѣсколько дней до суда, запечатанный пакетъ, въ который онъ вложилъ всѣ имѣющіяся у него деньги (около десяти тысячъ) съ подробными инструкціями насчетъ побѣга. Поступокъ этотъ поразилъ даже Катерину Ивановну: «меня поразило, говоритъ она,—что Иванъ Федоровичъ, все еще ревнуя меня и все еще убѣжденный, что я люблю Митю, не побинулъ мысли спасти брата и мнѣ-же, мнѣ самой довѣряетъ это дѣло спасенія! О, это была жертва! Нѣтъ, вы такого самопожертванія не поймете во всей полнотѣ». (Т. II, стр. 672).

Нельзя отвергать также, что была своя доля самопожертванія и въ принятомъ имъ рѣшеніи—публично покаяться суду въ своемъ юридически, впрочемъ, ненаказуемомъ соучастіи въ убійствѣ отца. Хотя опять-таки и тутъ не обошлось дѣло безъ чисто-личныхъ, эгоистическихъ мотивовъ. Вообще, ко всѣмъ самымъ, повидимому, благороднымъ, честнымъ и человѣчнымъ побужденіямъ и поступкамъ Ивана примѣшивалось всегда столько мелкаго себялюбиваго разчета, столько чисто-эгоистическихъ мотивовъ, что почти невозможно составить себѣ вполне точнаго и опредѣленнаго понятія объ ихъ истинномъ характерѣ. «Душа» его, какъ и душа его брата, какъ и душа всѣхъ культурныхъ людей, выросшихъ въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ, пред-

ставляла какой-то беспорядочный хаосъ самыхъ противорѣчивыхъ чувствъ, инстинктовъ и желаній и этотъ хаосъ отражался въ каждомъ его поступкѣ, въ каждомъ проявленіи его психической жизни...

Большинство культурныхъ людей, обыкновенно, весьма легко примиряются съ этими противорѣчіями внутреннихъ мотивовъ своей дѣятельности и мало-по-малу перестаютъ даже замѣчать ихъ. Но поставьте любого человѣка изъ этого большинства въ тѣ-же самыя условія жизни, въ которыя былъ поставленъ Иванъ,—въ условія, въ высшей степени благопріятствующія развитію склонности къ самосозерцанію и къ самоанализированію и раздрающія его душу внутреннія противорѣчія обнаружатся передъ его анализирующимъ умомъ во всей жесткости и наготѣ. Онъ уже будетъ не въ состояніи *незамѣчать* ихъ, и, замѣчая, ему будетъ невозможно примириться съ ними; они вѣчно и постоянно будутъ его терзать и мучить. Такъ именно случилось съ Иваномъ; вполне сознавая и, по привычкѣ, постоянно копаясь въ своемъ внутреннемъ мірѣ, постоянно *самосозерцая себя*, быть можетъ, даже преувеличивая *раздвоенность* своей души, онъ былъ истиннымъ мученикомъ этой раздвоенности. На каждомъ шагу, онъ, такъ-сказать, подъ арауливалъ и ловилъ себя въ противорѣчіяхъ и непоследовательности, вслѣдствіе этого злился и негодовалъ самъ на себя, вѣчно былъ собою недоволенъ,—былъ собою недоволенъ и тогда, когда поступалъ по теоріи «все дозволено», и тогда, когда дѣйствовалъ, повидимому, не только совершенно безкорыстно, но даже и съ самоотверженіемъ. *Въ первомъ случаѣ*, въ душѣ его поднималась цѣлая буря сожалѣній, упрековъ, «угрызений совѣсти», обусловливаемыхъ отчасти не окончательно вымершими въ немъ общественно-симпатическими чувствами, а отчасти и, быть можетъ, главнымъ образомъ, боязней *унизить себя* въ глазахъ окружающихъ его людей.

Дѣло въ томъ, что теорія «все дозволено» требуетъ для своего пракческаго осуществленія такихъ душевныхъ качествъ и такой, если хотите, *силы характера*, которыми большинство нашихъ культурныхъ людей, а въ томъ числѣ и Иванъ, не обладаетъ, да и обладать не можетъ. Поступая сообразно съ нею, на каждомъ шагу приходится сталкиваться и вступать въ борьбу не только съ традиціонными, установившимися понятіями и нравственными предписаніями, не только съ «общественнымъ мнѣніемъ», но и съ *дѣйствующими законами*, иными словами — приходится рисковать не только своею репутаціею, но нерѣдко и своею шкурою, т. е. поступать какъ-разъ въ ущербъ и наперекоръ тѣмъ самымъ хищническимъ и эгоистическимъ инстинктамъ, чувствамъ и побужденіямъ, которыя создали эту теорію.

Во-второмъ случаѣ (т. е., когда, повидимому, онъ поступалъ совершенно безкорыстно), недовольство Ивана самимъ собою обуславливалось, главнымъ образомъ, тѣмъ именно обстоятельствомъ, что едва только онъ начиналъ обдумывать свой поступокъ, какъ сейчасъ-же и оказывалось, что своею мнимою безкорыстностью и великодушiемъ онъ и себя обманывалъ и другихъ. Это его злило и оскорбляло его гордость и самолюбiе...

Вообще, раздвоенность и противорѣчивость чувствъ и побужденiй, лежащихъ въ основѣ дѣятельности и взаимныхъ отношенiй большинства культурныхъ людей, служили для Ивана неизсякаемымъ источникомъ душевныхъ мукъ и скорбей, именно потому, что, въ силу своего умственного развитiя, онъ постоянно чувствовалъ и созерцалъ эту раздвоенность, чувствовалъ и созерцалъ съ такою ясностью и отчетливостью, что, по временамъ, терялъ даже сознание единства своей психической природы и впадалъ въ болѣзненные галлюцинаціи...

Но не въ одной только раздвоенности и противорѣчивости внутреннихъ мотивовъ, руководившихъ дѣятельностью Ивана и опредѣлявшихъ его отношенiя къ окружающимъ его людямъ обнаруживалась исколѣченность его психической природы, не въ ней одной слѣдуетъ искать причину терзавшихъ его душу мукъ и всѣхъ, вообще, преслѣдовавшихъ его злополучiй. Была тутъ и другая причина, родственная, впрочемъ, первой.

Нѣтъ сомнѣнiя, что чѣмъ интеллигентнѣе культурный человѣкъ, тѣмъ болѣе выдающуюся роль въ его жизни играетъ его *миросозерцанiе*. Оно служитъ, обыкновенно, для интеллигентнаго человѣка какъ-бы *компасомъ*, указывающимъ ему путь, по которому онъ долженъ слѣдовать въ своихъ житейскихъ странствованiяхъ,—оно ставитъ ему извѣстныя *цѣли*, къ осуществленiю которыхъ онъ долженъ стремиться, оно опредѣляетъ и выясняетъ ему смыслъ его существованiя. Миросозерцанiе это формируется и развивается, какъ всякій знаетъ, изъ впечатлѣнiй, производимыхъ на человѣка явленiями окружающей его жизни,—впечатлѣнiй, перерабатываемыхъ умомъ въ извѣстныя представленiя и идеи. Переработка эта совершается, въ свою очередь, подъ влiянiемъ тѣхъ чувствъ, инстинктовъ, побужденiй и т. п., которые, въ ихъ общей совокупности, составляютъ *то*, что мы называемъ, обыкновенно, *натурою*, *характеромъ* человѣка.

Такимъ образомъ, *характеръ* человѣка, съ одной стороны,—впечатлѣнiя, производимыя на человѣка явленiями окружающей его дѣйствительности, съ другой,—являются двумя основными

факторами человѣческаго міросозерцанія. Само собою понятно, что выдержанность, стройность и послѣдовательность міросозерцанія опредѣляется, главнымъ образомъ, стройностью, послѣдовательностью, выдержанностью тѣхъ чувствъ, безсознательныхъ влеченій, инстинктовъ и т. п., подъ вліяніемъ которыхъ перерабатываются впечатлѣнія внѣшняго міра. Отсюда вы уже а priori можете заключить, что міросозерцаніе культурныхъ людей Карамазовскаго типа не можетъ отличаться ни стройностью, ни выдержанностью, ни послѣдовательностью: оно должно страдать тою же противорѣчивостью и раздвоенностью, какою страдаетъ ихъ психическая природа вообще. И, дѣйствительно, воспроизведите въ своей памяти, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, міросозерцаніе Ивана,—міросозерцаніе, которое у него, какъ человѣка не только культурнаго, но и интеллигентнаго, должно въ извѣстной степени, опредѣлять его отношенія къ окружающей его дѣйствительности, направлять и руководить его дѣятельностью,—быть, однимъ словомъ, его *жизненнымъ путеводителемъ*. Васъ поразитъ прежде всего хаотичность и безтолковость этого міросозерцанія. Съ одной стороны—«все дозволено», эгоизмъ, доведенный даже до злодѣйства, долженъ быть возведенъ въ нравственный законъ человѣческой дѣятельности; съ другой—«если все будетъ позволено, то люди поѣдятъ другъ друга и зальютъ землю кровью». (Великій Инквизиторъ). Съ одной стороны, признается за человѣкомъ, какъ его нравственное и естественное право «жить въ свое удовольствіе», не стѣсняясь тѣмъ, что это *удовольствіе* можетъ причинять величайшее страданіе ближнимъ, а съ другой—требованіе *немедленнаго возмездія* тѣмъ, которые мучаютъ и заставляютъ страдать своихъ ближнихъ. Съ одной стороны, Иванъ признаетъ, что *гармонія* человѣческихъ отношеній должна быть куплена цѣною человѣческаго порабощенія, онъ признаетъ, что люди могутъ достигнуть мирнаго, спокойнаго, счастливаго существованія лишь въ томъ случаѣ, когда откажутся отъ своей свободы, когда подчинятъ и душу свою и тѣло авторитету духовной власти. А съ другой стороны, онъ находитъ, что, если *гармонія* должна покупаться цѣною человѣческихъ страданій, цѣною утѣсненія слабыхъ, попиранія человѣческихъ правъ, униженія человѣческаго достоинства, то лучше совсѣмъ отказаться отъ такой гармоніи.

Такимъ образомъ, онъ признаетъ гармонію, если она покупается цѣною порабощенія человѣка авторитету власти и рѣшительно отрицаетъ ее, если она покупается цѣною униженія и страданій слабыхъ и безпомощныхъ... въ особенности, стра-

даній *дѣтей*. Страданія дѣтей возмущаютъ его до глубины души: во-первыхъ, потому, что онъ, по его собственному признанію, «очень любить дѣтей, любятъ ихъ даже и взблизн, даже грязныхъ и дурныхъ», и во-вторыхъ, потому, что они страдаютъ безо-всякой съ ихъ стороны вины, тогда-какъ *большіе* сами виноваты въ своихъ страданіяхъ: «имъ былъ данъ рай, они захотѣли свободы, похитили огонь съ небеси, сами зная, что будутъ несчастны, значить, нечего ихъ жалѣть!» (Т. I, стр. 35). За что-же, ради достиженія въ будущемъ *гармоніи*, должны въ настоящемъ страдать неповинныя существа? Нѣтъ, это невозможно, это несправедливо, это отвратительно. «Если ихъ страданія должны пойти для покупки истины, то я утверждаю, говоритъ онъ, что вся истина не стоитъ этой цѣны (ib., стр. 385). Слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему все платить столько за нее» (ib., стр. 386). «Скажи мнѣ прямо, обращается онъ къ своему брату Алешѣ,—скажи, не лги: представь, что ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой, съ цѣлью, въ финалѣ, осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло-бы замучить всего лишь одно только крохотное созданье, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь и на неотомщенныхъ слезахъ его основать это зданіе,—согласился-ли-бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ?» (ib.).

Конечно, Алеша отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, точно также отрицательно отвѣчаетъ на него и Иванъ. На *неотомщенныхъ*, на *неискупленныхъ* страданіяхъ и слезахъ человечества, рассуждаетъ Иванъ,—невозможно, возмутительно, воздвигать зданіе человѣческаго счастья. Человѣческое зданіе не стоитъ этой цѣны, да и не только не стоитъ, но на этомъ фундаментѣ, т. е. на неотомщенныхъ и неискупленныхъ страданіяхъ никогда нельзя и воздвигнуть его, такъ-какъ никто не можетъ никогда простить виновниковъ этихъ страданій, а тамъ, гдѣ нѣтъ прощенія, тамъ адъ, а не гармонія (ib. стр. 385).

Человѣческія слезы и страданія возбуждаютъ, повидимому, въ Иванѣ не только чувство состраданія и симпатіи, но и болѣе жгучее чувство мести. Подъ вліяніемъ этого чувства, онъ проповѣдуетъ необходимость «возмездія». «Что мнѣ за дѣло, что виновныхъ нѣтъ и что я это знаю, мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя» (стр. 383). Какъ вы примирите это желаніе *возмездія относительно невиноватыхъ* съ отвращеніемъ «возводить зданіе» человѣческаго счастья, если для возведенія этого зданія предстоитъ замучить какое-нибудь невиноватое крохотное созданье? Посудите сами, можетъ-ли міросозерцаніе, испол-

ненное подобныхъ противорѣчій, служить нашему культурному человѣку путеводною нитью, можетъ-ли оно указать ему исходъ изъ его положенія? Иванъ понимаетъ, что данныя жизненные условія ненормальны, что они обрекаютъ людей на вѣчную братоубійственную войну, онъ знаетъ, «что слезами человѣческими пропитана вся земля отъ коры и до центра» (ib. стр. 383), онъ совершенно искренно возмущается и мучается при видѣ слезъ и страданій слабыхъ и беспомощныхъ существъ; онъ жаждетъ возмездія ихъ мучителямъ и палачамъ, но когда его братъ замѣчаетъ: «да вѣдь это бунтъ?» онъ спѣшитъ его успокоить: «Бунтъ? Я-бы не хотѣлъ слышать отъ тебя такого слова. *Можно-ли жить бунтомъ? А я хочу жить*» (ib. стр. 386). «Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, пусть я буду убѣжденъ (а онъ именно въ этомъ и убѣжденъ—*теоретически*), что этотъ порядокъ есть ничто иное, какъ беспорядочный, проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, а я все-таки хочу жить, потому-что мнѣ дороги влѣйкіе распускающіеся весною листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, потому-что я хочу *наслаждаться жизнью* и разъ я припалъ къ кубку жизни (т. е. тѣхъ удовольствій, которыя доставляетъ жизнь эгоисту), то я не оторвусь отъ него, пока весь его не осилю. Впрочемъ, къ тридцати годамъ навѣрное брошу кубокъ, хотя и не допью всего и отойду»... (ib. стр. 361, 362).

Иванъ понимаетъ какъ ужасно и бессмысленно, «какъ противно логикѣ» жить среди порядка вещей, который онъ отрицаетъ, который его возмущаетъ, который онъ считаетъ за «проклятый, бѣсовскій хаосъ», но онъ одержимъ «изступленною, неприличною, быть можетъ, жаждою жизни» (ib. 362) и будетъ жить, онъ, не будетъ «бунтовать», но онъ напередъ знаетъ, что протянуть такую жизнь онъ не въ силахъ будетъ долѣе тридцатилѣтняго возраста, т. е. всего еще какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ.

Алеша не можетъ представить себѣ, чтобы даже и до 30-ти лѣтъ можно прожить съ такимъ хаосомъ въ головѣ и сердцѣ, съ такимъ безотрадно-отрицательнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Иванъ только-что рассказалъ ему свою поэму «Великій Инквизиторъ». Въ этой поэмѣ проводится та мысль, что единственнымъ возможнымъ исходомъ изъ даннаго порядка вещей можетъ быть духовное порабощеніе человѣчества авторитету церковной власти; когда люди откажутся отъ своей свободы, отъ своей науки, когда они со смиреніемъ въ сердцѣ припадутъ къ ногамъ отцевъ іезуитовъ и упросятъ ихъ заняться устройствомъ ихъ судьбы и спасти ихъ отъ себя самихъ,—тогда только водво-

рится гармонія въ человѣческихъ отношеніяхъ и созиждется царство всеобщаго счастья, мира и спокойствія. Алеша воображаетъ, что такъ-какъ Иванъ не видитъ другого исхода для спасенія человѣчества, то онъ непремѣнно долженъ ухватиться за него, какъ утопающій хватается за соломенку, что онъ долженъ стать въ ряды католическихъ іезуитовъ и бороться вмѣстѣ съ ними за духовное порабощеніе человѣчества, въ противномъ случаѣ,—разсуждаетъ наивный Алеша, какъ-же можно жить, не имѣя въ головѣ никакого идеала?» Съ такимъ адомъ въ груди и головѣ,—увѣряетъ онъ его, жить невозможно. Нѣтъ, ты именно идешь, чтобы примкнуть къ нимъ (т. е. іезуитамъ), а, если нѣтъ, то ты убьешь самъ себя и не выдержишь».

Но, увы! къ «исходу», отысканному Иваномъ, самъ Иванъ относится, повидимому, совершенно индеферентно. «Это вѣдь вздоръ, Алеша, безтолкован поэма безтолковаго студента. Къ чему ты это въ серьезъ берешь? Какое мнѣ дѣло о спасеніи людей заботиться,—вѣдь я тебѣ сказалъ: мнѣ-бы только до 30-ти лѣтъ дожить,—а тамъ кубокъ—объ полъ!» (ib. стр. 414). «Не выдержишь!» настаиваетъ Алеша... «Есть такая сила, отвѣчаетъ ему на это Иванъ, «которая все выдержитъ!»—«Какая-же это сила?» «*Карамазовская... сила низости карамазовской!*... «Это что-же, недоумѣваетъ Алеша, — «это потонуть въ развратъ, задавить душу въ растлѣніи, да, да?» «Пожалуй, и это»... соглашается съ нимъ Иванъ; «впрочемъ, утѣшаетъ онъ Алешу,—«до 30-ти лѣтъ, можетъ быть и избѣгну»... «Какъ-же избѣгнешь, чѣмъ избѣгнешь?» допытывается «невинный мальчигъ». «Опять-таки по-карамазовски». «То-есть это по теоріи, все позволено?» «Да, пожалуй, все позволено», подтверждаетъ Иванъ. Я отъ этого не отрекаюсь и никогда не отрекюсь». (ib. стр. 414, 415).

Но мы указали уже выше, почему практическое осуществленіе этой теоріи совершенно не подь силу Ивану Карамазову, а потому весьма трудно допустить, чтобы онъ могъ избѣгнуть даже и до тридцатилѣтняго возраста того рокового и неизбѣжнаго финала, на который съ такою откровенностью указываетъ ему Алеша: или убить себя, или задавить душу въ растлѣніи, потонуть въ развратъ! Анализъ жизни и «души» этого забитаго и искалѣченнаго человѣка логически приводитъ насъ къ заключенію, что Алеша правъ и что другого выхода для него нѣтъ и быть не можетъ.

Но вѣдь вы приходите, въ концѣ-концовъ, скажутъ намъ, пожалуй, оптимисты, къ ужасному и совершенно безотрадному выводу: изъ вашего анализа различныхъ разновидностей забитыхъ людей выходитъ, что надъ всѣми ими поставить, такъ сказать,

крестъ, что изъ ихъ положенія нѣтъ другого выхода, кромѣ самоубійства или окончательнаго нравственнаго и умственнаго отупленія, или разврата, или разочарованія—нѣтъ и не можетъ быть другого выхода?

Да, конечно, для Карамозовыхъ, Смердяковыхъ, какъ и для отцевъ Зосимовъ, Снегиревыхъ, Максимовыхъ, нѣтъ другого выхода... Однако, развѣ анализъ ихъ «души» не открываетъ намъ въ ней такія свойства, чувства и стремленія, которыя, при извѣстной выработкѣ и развитіи, могутъ быть съ успѣхомъ утилизированы для болѣе или менѣе осмысленной борьбы съ жизненными условіями, порождающими человѣческую забитость. Но для того, чтобы они могли быть утилизированы самимъ забитымъ человѣкомъ, для этого существенно необходимо, во-первыхъ, чтобы онъ ясно понималъ причины, вытекающія изъ этихъ жизненныхъ условій, а во-вторыхъ, чтобы вполнѣ отчетливо созналъ всю трагическую безвыходность своего положенія, всю невыносимость своего существованія, подъ гнетомъ подобныхъ условій.

Ф. В—ъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Ссылка на западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. И. Я. Фойницкаго. Спб., 1881 г.

Матеріалъ для историческаго изученія и оцѣнки русской ссылки хранится въ архивахъ центральныхъ государственныхъ установленій и недоступенъ для «непосвященныхъ». Только благодаря выгодному въ этомъ отношеніи официальному положенію, г. Фойницкій получилъ возможность воспользоваться этимъ матеріаломъ и разработать его. Часть его трудовъ по изслѣдованію русской ссылки уже была напечатана отдѣльными статьями, а теперь авторъ готовитъ и общій трудъ о ссылкѣ въ Россіи.

Но чтобы придти къ опредѣленному рѣшенію по вопросу о ссылкѣ и ея достоинствѣ въ качествѣ карательнаго института, необходимо также познакомиться и съ практикою другихъ государствъ, примѣнившихъ ее. Г. Фойницкій повтому предварительно взялъ на себя задачу познакомить русское общество съ историческимъ развитіемъ и современнымъ состояніемъ ссылки въ государствахъ Западной Европы, изъ которыхъ многія прибѣгали къ этой простой и, на первый взглядъ, очень удобной мѣрѣ противъ преступниковъ. Авторъ знакомитъ читателей съ формами ссылки, практиковавшимися въ древней Греціи и Римѣ, съ данными англійской и французской ссылки и съ постановкой ея въ Испаніи, Швеціи, Голландіи, Португаліи, Германіи, Италіи и на международныхъ тюремныхъ конгрессахъ въ Лондонѣ и Стокгольмѣ. О ссылкѣ древней и англійской существовало на нѣмецкомъ языкѣ прекрасное изслѣдованіе берлинскаго проф. Гольцендорфа, которымъ авторъ и воспользовался. Но остальная часть его труда является совершенно самостоятельнымъ вкладомъ въ науку. Даже свѣденія о французской ссылкѣ находились

до сихъ поръ въ состояніи сырого матеріала и нуждались въ систематической обработкѣ.

Книга даетъ читателю знакомство, какъ съ фактической стороной вопроса, такъ и съ выводами изъ практики, добытыми и теоретическимъ ея освѣщеніемъ. Высылка и изгнаніе для преступленій, имѣющихъ политическій оттѣнокъ, примѣняется и до сихъ поръ Франціей и Испаніей, хотя среди писателей первой страны въ настоящее время она вовсе не находитъ себѣ защитниковъ. Опытъ каледонской депортаціи разрушилъ всѣ доводы за нее; она стоила страшно дорого, прочное и постоянное водвореніе ссыльныхъ въ странѣ оказалось невыполнимымъ, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры,—«политическіе ссыльные находили возможность совершать изъ мѣста ссылки побѣги, которые, по справедливому замѣчанію Гольдендорфа, «гораздо болѣе дискредитируютъ власть и обращаютъ на себя вниманіе, чѣмъ побѣги изъ тюремъ метрополи». Противъ нее возстановляетъ и ея невѣроятная жестокость. Амнистированные коммунары, вернувшіеся во Францію, предали гласности свои воспоминанія о ссыльной жизни (разсказъ Симона Мейера появился въ переводѣ и въ русскихъ журналахъ). Страданія, которыя пришлось испытать сосланнымъ какъ по пути, такъ и въ самой колоніи, описаны въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, а произволъ надъ ними мѣстной администраціи безчеловѣченъ и ужасенъ. Но если политическая высылка признана негодною, то тѣмъ съ большею энергіей защищается «ссылка за общія преступленія, преимущественно за преступленія привычки, съ обязательностью работъ и съ перспективою окончательнаго водворенія ссыльныхъ въ колоніи». Она защищается со стороны юридической,—какъ мѣра наказанія, гарантирующая преступнику, поставленному въ новыя условія жизни, пути къ исправленію, а государству, отдаленному отъ преступника большимъ разстояніемъ, безопасность. Со стороны социальнo-политической ее отстаиваютъ какъ способъ выгоднаго примѣненія арестантскаго труда и расширенія колониальнаго могущества государства. Самъ г. Фойницкій полагаетъ, что «если разсматривать ссылку только со стороны отвлеченной, то систему ея можно себѣ представить и логически построить въ формахъ, несравненно болѣе совершенныхъ, несравненно стоящихъ ближе къ любому карательному идеалу, чѣмъ насколько къ тому способна даже система тюремнаго заключенія, всегда ограниченная извѣстнымъ пространствомъ». Съ этой точки зрѣнія авторъ старается опровергнуть противниковъ ссылки, хотя, признаться, нерѣдко съ большими натяжками и потому не всегда удачно.

Опытъ вовсе не оправдалъ надеждъ, которыя возлагались на ссылку ея сторонниками. Англійская и французская ссылка построены по двумъ различнымъ типамъ; въ общихъ чертахъ между ними существуетъ такое-же отношеніе, какъ между русской ссылкой на поселеніе и ссылкой въ каторжныя работы, а французская депортація напоминаетъ нашу ссылку на житье. Преобладаніе административной регламентаціи въ французской жизни проявляется въ данномъ случаѣ въ томъ, что въ колонію переносится исполненіе всего наказанія, назначеннаго судомъ, и что тамъ ни на минуту не прекращается ни карательный надзоръ за ссыльнымъ, ни правительственная ему поддержка. Ссылка англійская перевозила наказываемаго черезъ океанъ и обращала его тамъ въ среду свободнаго населенія. Но практическіе результаты въ томъ и другомъ случаѣ оказались противъ ссылки. И въ теоріи оппозиція противъ нея выступаетъ съ извѣстной силой. «Но спускаясь, говоритъ г. Фойницкій,—съ высотъ отвлеченнаго понятія ссылки, гдѣ можно держаться развѣ только при кабинетныхъ о ней спорахъ, могущихъ имѣть въ самомъ лучшемъ случаѣ лишь академическое значеніе, и вступая въ область практической приложимости этой мѣры, необходимой для нея, какъ для всякаго правоваго института, мы встрѣчаемся здѣсь съ такими огромными трудностями, которыя превращаютъ ссылку въ мѣру, совершенно негодную и какъ наказаніе, и какъ способъ колонизаціи».

Обладая извѣстными достоинствами, книга г. Фойницкаго, какъ диссертация на степень доктора права, съ теоретической стороны является не безъ грѣховъ. Напримѣръ, авторъ, трактуя такъ много о ссылкѣ, не даетъ точнаго, полнаго и формулированнаго опредѣленія ссылки, исчерпывающаго все ея содержаніе, какъ юридическаго института и ея юридическую природу. Самый существенный элементъ ссылки, по мнѣнію автора,—удаленіе изъ *отечества*. Предъ такимъ опредѣленіемъ поневолѣ встанешь въ тупикъ. Куда въ такомъ случаѣ отнести хоть русскую ссылку въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи? Читатель, усвоивъ себѣ подобное опредѣленіе, потеряется съ первыхъ-же шаговъ и не будетъ знать, гдѣ трактуется о ссылкѣ и гдѣ трактуется о мѣрѣ наказанія, которая, являясь удаленіемъ не изъ отечества, а только изъ мѣста рожденія или пребыванія, общественныхъ связей и дѣятельности лица до момента совершенія имъ преступленія, исключается опредѣленіемъ автора изъ видовъ ссылки. Со стороны фактической мы тоже находимъ въ книгѣ г. Фойницкаго погрѣшности, какъ, напр., ошибочныя указанія относительно нѣкоторыхъ законовъ и постановленій; невѣрную передачу цитатъ

и характеристикъ взглядовъ нѣкоторыхъ писателей. Курьезные промахи попадаются въ географическихъ очеркахъ, дѣлаемыхъ авторомъ. Положеніе одного и того-же пункта невѣрно указывается то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. На стр. 175 мы узнаемъ, что Гвіану, омываемую «океаномъ съ востока», прорѣзываетъ множество рѣкъ *съ юго-востока на северо-западъ*, а на стр. 125, что островъ Норфолькъ расположенъ въ «*тропическомъ полушаріи*». Чудеса, да и только! По приказанію г. Фойницакаго рѣки обращаются вспять, а земной шаръ обогащается новымъ *полушаріемъ*, доселѣ невѣдомымъ.

Самое изложеніе, къ сожалѣнію, страдаетъ также тяжело-ватостью и отчасти стремленіемъ къ искусственной цвѣтистости...

Впрочемъ, всѣ указанные недостатки и мелкіе промахи не уничтожаютъ интереса книги г. Фойницакаго. Можно поэтому пожелать и скорѣйшаго появленія въ свѣтъ изслѣдованія автора о русской ссылкѣ, представляющаго дѣйствительно насущную потребность нашей литературы.

Соціальные реформаторы. Г. Д.; Штутгардъ. 1880 г.

Книжка г. Г. Д. явилась на свѣтъ, благодаря желанію автора послужить своему отечеству въ трудную минуту. Маленькое предисловіе, въ шесть строкъ, поясняетъ намъ, что авторъ, въ виду появленія на Руси разныхъ соціалистическихъ ученій, «обратился къ исторіи» съ цѣлью разсмотрѣть, насколько осуществимо измѣненіе современныхъ основъ общежитія. «Исторія», разумѣется, даетъ отвѣтъ безусловно отрицательный.

Просмотрѣвши «Соціальныхъ реформаторовъ», нельзя не убѣдиться, что только особливая любовь къ отечеству могла заставить почтеннаго Г. Д. «обратиться къ исторіи», съ которою онъ до тѣхъ поръ, очевидно, не имѣлъ ни малѣйшаго знакомства. Источниками-же «науки» для него, очевидно, послужили книжки, въ родѣ Сюдра. Но въ общей сложности нужно все-таки замѣтить, что если авторъ ровно ничего не понимаетъ въ разбираемыхъ имъ вопросахъ, то онъ не производитъ и впечатлѣнія какой-нибудь преднамѣренной нечестности. По нынѣшнимъ временамъ, право, и это уже въ своемъ родѣ заслуга.

Г. Г. Д. находится, очевидно, въ полной увѣренности, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, «изучаетъ» вопросъ. Съ серьезностію гимназиста онъ критикуетъ Маркса, Лассаля, старается убѣдить соціалистовъ во всей ошибочности ихъ мнѣній. Но какъ онъ убѣждаетъ, какъ критикуетъ! И смѣхъ васъ разбираетъ, и

въ то-же время поднимается на душѣ какое-то пріятное ощущеніе: невольно переносишься мыслью къ золотымъ днямъ юности, когда, бывало, на гимназической скамьѣ, въ своихъ «сочиненіяхъ», мы рѣшали на 3—4 страничкахъ, по Писареву, да по какой-нибудь «Исторіи цивилизаціи», сложнѣйшіе вопросы исторіи... Безъ сомнѣнія, учитель улыбался, читая наши произведенія, но все-же не могъ не похвалить: «слогъ не дуренъ, да видно, что мальчикъ и читаетъ и думаетъ»...

Что касается г. Г. Д., то онъ исчерпываетъ свою тему на нѣсколько большемъ числѣ страницъ, а именно на 139; здѣсь передъ вашимъ умственнымъ взоромъ проносятся тысячелѣтія; читатель находитъ по нѣскольку строкъ о Миносѣ, Ликургѣ, Платонѣ, Пифагорѣ, объ Иессеяхъ, терапевтахъ, христіанахъ, о Кампанеллѣ, Мюнцерѣ, Иоганнѣ Лейденскомъ, о Парагвайскихъ іезуитскихъ колоніяхъ, о теоріяхъ Мора, Морелли, Руссо, Бриссо, Фихте, Бабефа, Сень-Симона, Фуррье, Овена, Луи Блана, Маркса, Лассалья, Шульце Делича, о разныхъ попыткахъ соціальной реформы, о Перфекціонистахъ, и т. д. вплоть даже по Пассананте. Какъ видитъ читатель, въ число соціальныхъ реформаторовъ попалъ даже Пассананте. Нечего и говорить ужъ о томъ, что авторъ валитъ въ одну кучу какой-нибудь памфлетъ Бриссо и «игру ума» Фихте вмѣстѣ съ произведеніями, напримѣръ, Маркса. Все это умѣщается на 139 страничкахъ. Изложивши на 5—6 строкахъ чьи-нибудь «взгляды» или организацію какой-нибудь общины, г. Г. Д. обыкновенно присовокупляетъ отъ себя какую-нибудь глубокомысленную сентенцію, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: «Примѣръ Моравскихъ братьевъ еще разъ доказываетъ намъ, что коммунизмъ противенъ человѣческой природѣ», или: «намъ могутъ возразить, долгое существованіе монастырей доказываетъ, что коммунизмъ сбыточенъ! Правда, но ежели-бы не было личныхъ собственниковъ, которые своими пожертвованіями поддерживали монастыри, то врядъ-ли-бы ихъ много сохранилось» и т. д. Критика почтеннаго изслѣдователя не всегда, однако-же, такъ лаконична. По отношенію къ болѣе опаснымъ противникамъ онъ прибѣгаетъ къ болѣе энергичной аргументаціи. Такъ, напр., онъ поражаетъ Луи Блана. Привожу для образчика наиболѣе сильное мѣсто. «Когда состоятельные лица, говоритъ г. Г. Д.,—выѣдутъ изъ страны, то въ ней останутся только рабочія ассоціаціи, которымъ придется работать только одна для другой, и для чиновниковъ, которымъ придется давать громадное содержаніе. *Производство всѣхъ предметовъ роскоши прекратится и оставитъ миллионы людей безъ хлѣба.* Сохранятся только тѣ ассоціаціи, которыя выдѣлываютъ предметы

потребленія для рабочихъ. *Можно себя представить, сколько рукъ останется безъ занятія!*» (стр. 76).

Такую-же сокрушительную аргументацію направляетъ г. Г. Д. противъ Маркса. Марксъ, говоритъ онъ,—«не издавалъ своего проекта новаго строя, но *стремится только къ тому, чтобы возбудить рабочихъ* противъ существующихъ порядковъ. *Для этого онъ старается доказать, что рабочий можетъ требовать большее вознагражденіе, чѣмъ получаетъ нынѣ, и что капиталъ несправедливо пользуется слишкомъ большими выгодами на томъ основаніи, что только трудъ производитъ богатство.* Это извращеніе истины необходимо, чтобы волновать необразованныхъ рабочихъ. На самомъ дѣлѣ, богатство образуется совокупнымъ дѣйствіемъ капитала и труда, поэтому и прибыль должна дѣлиться. Какая часть слѣдуетъ капиталу и труду, это опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Не понимая этого, Марксъ только вредитъ рабочимъ. Вслѣдствіе закона спроса и предложенія—чѣмъ болѣе въ странѣ капиталовъ, въ сравненіи съ числомъ рабочихъ, тѣмъ болѣе улучшается положеніе послѣднихъ. Между тѣмъ Марксъ, нападая на капиталъ, пугаетъ его и отклоняетъ отъ промышленности, и тѣмъ наноситъ ущербъ благосостоянію рабочихъ» (стр. 83—84).

Я приведу въ заключеніе еще одну выдержку изъ г. Г. Д., наиболее интересную, такъ-какъ она касается уже Россіи.

Мы видѣли, что г. Г. Д. большой патріотъ. Любовь къ отечеству побудила его даже изслѣдовать 5,000 лѣтъ европейской исторіи. Поэтому можно заранѣе ожидать, какую силу логики и краснорѣчія онъ разовьетъ, когда обратится непосредственно къ отечеству. Если г. Г. Д. такъ убѣдительно доказываетъ Марксу и Луи Блану неосновательность и вредоносность ихъ дѣятельности, то тѣмъ большую силу убѣжденія онъ долженъ развернуть, обращаясь къ заблужденіямъ русскихъ социалистовъ. Предположеніе это оправдывается въ дѣйствительности. Нашъ авторъ не считаетъ русскихъ социалистовъ съумасшедшими, какъ это полагаетъ г. Зарубинъ, Суворинъ и многіе другіе, не менѣе проникательные публицисты; онъ не считаетъ ихъ даже передѣтыми агентами «польской sprawy», стремящимися лишь возможно болѣе навредить Россіи, какъ это полагаетъ г. Катковъ. Нѣтъ, г. Г. Д. придерживается мнѣнія, что наши социалисты—люди, хотя и заблуждающіеся, но тѣмъ не менѣе искренне желаютъ пользы Россіи. Поэтому онъ считаетъ возможнымъ *персубднить ихъ, доказать имъ, въ какую бездну они влекутъ свою родину.*

«Постараемся, говоритъ онъ, вообразить, что было-бы съ

Россію, ежели-бы въ ней привели въ исполненіе замыслы соціальныхъ революціонеровъ.

«Революціонеры вызываютъ крестьянскій бунтъ, который приметъ видъ пугачовщины, съ грабежами, пожарами и убійствами. Войска будутъ укрощать бунтарей и раззорять ихъ постояннми... Состоятельные люди со своими драгоценностями и капиталами убѣгутъ въ другія государства... Фабрики закроются по случаю исчезновенія капиталовъ; торговля прекратится, потому-что оставшимся въ государствѣ жителямъ не на что будетъ покупать товары; бумажный рубль утратитъ всякую цѣнность... Кредитъ совершенно уничтожится, потому-что кромѣ политической революціи, какъ во Франціи, наши революціонеры хотятъ произвести коммунистическую, съ уничтоженіемъ правъ собственности; поэтому закладные листы поземельныхъ банковъ и другіе капиталы, выданные подъ залогъ имущества, ничего не будутъ стоить. Ежели мы не будемъ платить проценты по иностраннымъ займамъ, то Европа заступится за своихъ кредиторовъ и въ вознагражденіе постарается отобрать у насъ Финляндію, Остзейскія губ., Польшу, Сѣверозападный и Югозападный край...

«Послѣ бѣгства изъ Россіи зажиточныхъ людей, исчезновенія капиталовъ и кредита, останется у насъ только земля, закрытыя фабрики да обгорѣлые большею частью дома. Какъ будетъ жить народъ?... Дворяне, купцы, офицеры, чиновники, ремесленники и пр. останутся безъ хлѣба и должны будутъ приписаться къ сельскимъ обществамъ. Но крестьяне, пользуясь случаемъ, заберутъ сосѣднія казенныя и частныя земли и между собою подѣлятъ; остальнымъ сословіямъ они, вѣроятно, надѣла дать не захотятъ, такъ-что имъ придется идти въ деревенскіе батраки. Можно себѣ представить положеніе образованныхъ классовъ обоюго пола, когда ихъ подчинятъ сельскимъ сходамъ, считающимъ розги лучшимъ наказаніемъ... Науки и искусства въ Россіи исчезнутъ, и все образованіе ограничится грамотой. Что-же касается самихъ крестьянъ, то ихъ быть не улучшится, а ухудшится... Одно хлѣбопашество нигдѣ нынѣ не можетъ доставить достаточныхъ средствъ для расходовъ крестьянина. Для него необходимъ сторонній заработокъ». Но откуда крестьянинъ можетъ получить этотъ заработокъ? Отъ фабриканта, помѣщика, чиновника, нанимающаго прислугу и пр. Тогда-же всѣ эти лица исчезнутъ. Исчезнетъ, стало-быть, и главный доходъ крестьянина. Вотъ какія послѣдствія ожидаютъ Россію.

«Что если въ послѣдствіи революціонеры, вызвавши народ-

ное бѣдствіе, убѣдятся въ томъ, что они ошиблись? Позднее раскаяніе дѣла не поправитъ». (101—106).

Такую-то мрачную картину рисуетъ намъ г. Г. Д. Здѣсь онъ весь, какъ на ладони, со всѣми своими добрыми побужденіями и дѣтскимъ невѣжествомъ. Будемъ-же надѣяться, что минуетъ насъ горькая чаша, и что г. Г. Д., по болѣе продолжительномъ «обращеніи къ исторіи», дастъ намъ и болѣе основательный анализъ нашихъ бѣдствій и неурядиць.

Подъ развалинами Помпей. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Соч. Курти. Съ итальянскаго. Изданіе редакціи газеты „Новости“. Спб., 1881 г.

Подъ этимъ заглавіемъ выпущенъ отдѣльнымъ изданіемъ романъ Курти, печатавшійся въ газетѣ «Новости» подъ именемъ «Ливія Августа».

Произведеніе Курти не романъ, а нѣчто среднее между исторіей и романомъ. О романѣ напоминаютъ попытки автора создать завязку и драматизмъ въ положеніи между дѣйствующими лицами, характеръ-же исторіи выступаетъ наружу въ нѣсколько суховатомъ изложеніи автора, въ массѣ подробностей, рисующихъ древне-римскую жизнь, и въ ученыхъ примѣчаніяхъ. Сочетаніе романа съ исторіей вышло не особенно удачно, что объясняется положеніемъ Курти въ качествѣ ученаго специалиста, не обладающаго поэтическимъ воображеніемъ. Множество побочныхъ лицъ въ значительной степени вредитъ цѣлостности впечатлѣнія, и читатель больше глядитъ на историческія декорации, чѣмъ на дѣйствія людей! Послѣдніе очень безжизненны и интересны не сами по себѣ, а лишь какъ безличные показатели той общественной температуры, которая душнымъ облакомъ висѣла надъ разлагавшимся Римомъ и была очищена въ послѣдствіи громовыми ударами германскихъ завоеваній. Несомнѣнное достоинство романа Курти заключается, именно, лишь въ изображеніи древне-римской жизни, хотя и тутъ авторъ, рисуя исторически-вѣрно внѣшнія очертанія этой жизни, не проникаетъ въ самую подкладку ея, въ гибельныя для тогдашней цивилизаціи земельныя отношенія, по поводу которыхъ Плиніи произнесъ свой приговоръ: *latifundia Italiam perdidierunt!*

ЖИЗНЬ И ПЕЧАТЬ.

(ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.)

I.

Во всякой странѣ, находящейся при болѣе нормальныхъ условіяхъ, чѣмъ наше отечество, послѣднія недѣли, безъ сомнѣнія, дали-бы журнальному хроникеру богатый матеріалъ для сужденія о ходѣ нашего развитія и направленія общественной мысли. Тяжелые удары судьбы должны-бы разбудить каждого, должны-бы заставить подумать даже самаго немудрящаго человѣка. Что мы такое, что намъ дѣлать, какъ намъ устроиться по-человѣчески, чтобы не было у насъ вѣчнаго мора, глада, труса (въ нравственномъ смыслѣ) и междоусобныя брани? Всѣ эти вопросы гнѣются въ милліонахъ головъ, и должны-бы, казалось, возбудить соответственное оживленіе въ литературѣ. На самомъ дѣлѣ эти ожиданія далеко не оправдываются.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что общественная мысль у насъ очень возбуждена и сильно работаетъ. Но эта работа мало отражается въ журналистикѣ. Благодаря особенному положенію нашей печати, значительная часть ея органовъ хранила все время невольное молчаніе, или выражалась робкими намеками, по которымъ совершенно невозможно составить полное сужденіе о всемъ процессѣ мысли, сказавшемся въ этихъ намекахъ. Поэтому журнальный хроникеръ принужденъ отказаться отъ всякой попытки подвести какіе-нибудь *общіе* итоги нашему печатному слову.

Нѣкоторая часть журналистики имѣла, однако, за это время полную свободу высказаться. Сюда относятся органы ультраконсервативнаго и славянофильскаго направленія. Сюда относят-

ся и разные подонки журналистики, о которыхъ, разумѣется, я говорить не стану. Что касается первыхъ, выражающихъ во всякомъ случаѣ извѣстное теченіе общественной мысли, представляющихъ извѣстное *убѣжденіе*, то подведеніе имъ итоговъ, напротивъ, крайне важно и любопытно. Несомнѣнно, что серьезность момента заставила эти органы собрать всѣ свои силы, предъявить на благо Россіи все, что они только могли предъявить. Предоставленная имъ свобода сужденія дѣлала съ другой стороны эту задачу вполне выполнимой. Такимъ образомъ мы получаемъ возможность, разсмотрѣвши эти органы, ознакомиться, такъ-сказать, съ политической правоспособностью самаго направленія, опредѣлить, насколько оно способно служить Россіи и помогать ей въ разныхъ невзгодахъ.

Наиболѣе типичными и талантливими выразителями этихъ направленій были, безъ сомнѣнія, «Моск. Вѣд.» и «Русь». Къ нимъ можно еще, пожалуй, присоединить «Современныя Извѣстія», заявившія себя также самостоятельно и болѣе или менѣе характерно. Что касается прессы петербургской, то она или молчала, или подтягивала въ унисонъ московской. Повторяю, что о мелкой петербургской прессѣ я совсѣмъ не упоминаю.

Итакъ, «Моск. Вѣд.» и «Русь» — вотъ двѣ газеты, дающіе намъ возможность ознакомиться съ наличною силой крайнихъ консерваторовъ и славянофиловъ. Посмотримъ же, какъ они опредѣляютъ современное положеніе Россіи, и какіе пути указываютъ ей въ будущемъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ихъ, я считаю, однако, необходимымъ отмѣтить одну безусловно общую черту, сказавшуюся въ литературѣ. Всѣ газеты безъ исключенія высказываютъ сожалѣніе по поводу какого-то раскола, раздора въ русской жизни; всѣ, указывая на различныя его проявленія, выражаютъ потребность единенія власти съ народомъ, а также единенія между различными слоями народа. Голоса либераловъ, консерваторовъ, славянофиловъ совершенно сливаются въ этомъ случаѣ. «Для блага Россіи, говоритъ «Голосъ», и для нашего внутренняго мира достаточно будетъ, если во всѣхъ нашихъ дѣлахъ почувствуется твердая рука, ведущая Россію къ тому единенію Царя съ народомъ, въ котораго намъ нѣтъ спасенія». «Вѣдай и вѣруй, восклицаетъ «Русь», обращаясь къ Государю, — что только *въ тѣсныйшемъ искреннемъ единеніи* не съ тою или другою частью русскаго общества, и не мимо, какъ тѣлятся нѣкоторые, но вправду *со встѣмъ своимъ народомъ*... обрѣтешь Ты намъ исцѣленіе отъ нашихъ — отступничествомъ отъ народа порожденныхъ — недуговъ». «Моск. Вѣд.» тоже замѣчаютъ: «Да по-

можетъ Богъ... намъ именующимъ себя образованными людьми... *возвратиться къ своему народу и быть съ нимъ за одно*. Совершенно такія-же пожеланія высказываетъ «Молва», «Порядокъ», «Совр. Изв.», а «С.-Пет. Вѣд.» даже строго набрасываются на то «самоизмѣническое общество», которое нарушило это единеніе. Выписки въ такомъ духѣ можно было-бы умножить до безконечности. Въ той или другой формѣ вездѣ и у всѣхъ одинаково высказалась и потребность духовнаго единенія Русской Земли и жалоба на отсутствіе этого единенія.

Къ несчастью толками объ единеніи и ограничивается наше единогласіе. Непосредственно вслѣдъ за ними начинается самая страшная разногласица. Я уже высказалъ ранѣе причины, по которымъ не берусь подводить общіе итоги журналистикѣ; понятно, что я не могу останавливаться и на разногласицѣ. Отмѣчаю только фактъ, и перехожу къ «Моск. Вѣд.» и «Руси».

II.

Будущій историкъ, пересматривая типы современныхъ газетъ, по всей вѣроятности, придетъ къ очень жесткимъ выводамъ относительно умственныхъ способностей и въ особенности гражданскаго развитія русскаго человѣка. Не упоминаю уже о нашей *Reptilienpresse*, столь многочисленной однако. Но «Моск. Вѣд.», «Русь»—каждая изъ этихъ газетъ имѣетъ за собой цѣлую партію. Ихъ редакторы—корифеи цѣлыхъ направлений. Они даютъ тонъ мысленію и дѣятельности многочисленныхъ группъ. А между тѣмъ...

Напрасно мы стали-бы искать въ «Моск. Вѣд.» хоть сколько-нибудь внимательнаго діагноза нашихъ современныхъ болѣзней. Самые сложные вопросы здѣсь рѣшаются двумя-тремя фразами, чуть-ли не первыми, какія пришли въ голову. Точно также «Моск. Вѣд.» не даютъ никакой опредѣленной программы дѣйствій. Съ начала до конца ихъ статьи—одна прокламація, воззваніе неизвѣстно къ чему и во имя чего. Я не говорю, чтобы прокламація была неумѣстна въ такую минуту, когда публицистъ объявляетъ отечество въ опасности. Прокламація естественна и необходима. Но она должна имѣть содержаніе. Она должна направлять чувство къ цѣлямъ, опредѣляемымъ разумомъ. Этого-то необходимаго элемента и не находитъ въ газетѣ читатель «Моск. Вѣд.», такъ-что, при всемъ желаніи послѣдовать за ними, находится, безъ сомнѣнія, въ большомъ затрудненіи относительно того, какъ это сдѣлать.

Весьма сомнительно однако, чтобы у читателя явилось подобное желаніе. Обвиненія, выставляемыя «Моск. Вѣд.», такъ голословны, гдѣ анализъ нашихъ общественныхъ условій такъ произволенъ, мѣры, ими предлагаемыя, такъ нелогичны и немотивированы, что читатель можетъ только руками развести отъ удивленія. И притомъ—все это такъ старо, такъ избито. 20 лѣтъ «Моск. Вѣд.» «немошно даяли» противъ всякаго развитія, всякаго движенія мысли и общественныхъ силъ; двадцать разъ жизненный опытъ доказывалъ непригодность этихъ Угрюмъ-Бурчеевскихъ идеаловъ, а «Моск. Вѣд.» въ тяжелую для Россіи минуту все-таки не находятъ въ своемъ политическомъ арсеналѣ ничего, кромѣ знаменитой польской интриги или неуваженія къ авторитетамъ, не находятъ другихъ способовъ возраженія, кромѣ принципа «ташшить и не пушшать», да—въ видѣ *ultima ratio*—инквизиторскаго *ad patibulum!*

Міросозерцаніе «Моск. Вѣд.» отличается классической простотой. Я не рѣшаюсь назвать анализомъ тотъ процессъ мысли, который приводитъ почтенную газету къ ея выводамъ. Гораздо точнѣе будетъ сказать, что «Моск. Вѣд.» просто выбрасываютъ публикѣ двѣ фразы, вслѣдствіе чего у насъ оказываются двѣ причины смуты: первая—это наше либеральничанье и потворство либеральничанью, вторая—«польская справа».

Нынче вошелъ у насъ въ большую моду Наполеонъ I. На его примѣръ (по поводу Жоржа Кодудала) ссылаются «С.-Пет. Вѣд.» Его авторитетомъ прикрывается—увы—«Русь», толкуя объ единеніи съ народомъ. Поэтому и я позволю себѣ вспомнить одно изрѣченіе этого великаго человѣка, по поводу политикн возстановленныхъ Бурбоновъ: «Они ничего не забыли, и ни чему не научились», сказалъ Наполеонъ, слушая рассказы о ихъ «мѣропріятіяхъ» противъ тогдашней французской смуты. Точно также ничего не забыли и ничему не научились наши «Моск. Вѣд.»: передъ ними все еще носятся тѣни волосатыхъ нигилистовъ, раздаются пропительные свистки и топотъ свистопляски, издаетъ облитые ядомъ декреты «ржондъ народовой»... Такъ и вспоминается:

Прошлой ночью еще Фейербахъ
Мнѣ являлся: былъ ротъ его въ пѣнѣ...

и т. д.

Обратимся, впрочемъ, къ подлиннымъ словамъ газеты.

Итакъ, обвиненіе, пунктъ первый:

«Не будемъ самообольщаться, не будемъ сваливать всю вину на ничтожную кучку ошалѣлыхъ мальчишекъ... Мы сами еще

болѣе виноваты... Мы вскормили эту среду, среди насъ они выросли, мы ее поддерживали нашей дешевой насмѣшкой, легкомысленнымъ, дѣтскимъ отношеніемъ по всемъ основамъ общественной жизни; мы сами въ ослѣпленіи помогали расшатывать одинъ за другимъ всѣ нравственные и историческіе устои обществитія... Мы оставили нашихъ дѣтей на произволъ всякихъ вѣяній, и нашимъ молчаніемъ давали этимъ вздорнымъ вѣяніямъ укореняться; хуже того: мы часто лицемерно одобряли нецѣпости, гаерствовали за одно съ мальчишками, рукоплескали нравственной разнузданности. Могли-ли мы при такомъ положеніи сохранить свой законный авторитетъ? Естественно нѣтъ. Мы выпустили его изъ рукъ, и онъ перешелъ къ болтунамъ, фразерамъ, яко-бы несущимъ намъ послѣднее слово науки и прогресса, и чѣмъ менѣе смысла и нравственного достоинства имѣло это слово, тѣмъ казалось оно истиннѣе, патентованнѣе. Гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы... мы попали въ самый худшій видъ рабства—духовное рабство... Прежде, чѣмъ высказаться, мы справлялись мысленно, подходили ли то, что мы хотимъ сказать, подъ камертонъ того или другого болтуна... Мы потеряли естественность и самостоятельность... Люди стыдятся лучшихъ чувствъ своихъ»... Все отрицалъ—законы, совѣсть, вѣру!

Не довольно-ли, читатель? Не пора-ли вдуматься въ этотъ страстный *delirium tremens* политики.

Мы пережили четверть вѣка съ той эпохи, когда «Моск. Вѣд.» впервые закричали нашему развитію: «стой!» Люди, вызвавшіе своимъ существованіемъ тревогу охранительнаго лагеря, воспитались въ крѣпостную эпоху, на ея наукѣ, на ея искусствѣ, на ея бытовыхъ особенностяхъ. Люди настоящаго момента—выросли и воспитались при совершенно другой обстановкѣ послѣдняго 25-лѣтія. Я не стану здѣсь ни хвалить, ни порицать этой эпохи. Пусть «Моск. Вѣд.», если имъ угодно, считаютъ ее хуже крѣпостной. Не въ этомъ дѣло. Важно то, что эта эпоха носитъ совершенно особенный характеръ. На мѣсто неуклюжаго, но вполне сложившагося крѣпостнаго строя, здѣсь выступила эпоха «переходная», гдѣ все начато, ничто не кончено, гдѣ всѣ основы хозяйственныя, гражданскія и пр.—пэмънились, гдѣ ни одно сословіе, ни одна форма труда не остались въ прежнемъ положеніи. И вотъ—среди всѣхъ усложненій новой эпохи, среди всѣхъ *новыхъ* надеждъ, опасеній, несчастій, удачъ, среди *новой* мудрости и *новыхъ* заблужденій, «Моск. Вѣд.» оказываются способны только вызывать тѣни прошлаго, и снова бросать перчатку противникамъ своей юности.

Странно даже читать объ этомъ «гаерствѣ съ мальчишками», «лицемѣрномъ одобреніи нечестивостей», «справкахъ съ камертономъ болтуновъ». Кто это нынче справляется съ камертономъ болтуновъ? Кто боится быть самимъ собой? Ужь не «Русь»-ли? Или, можетъ быть, боялся г. Цитовичъ? Или «Новое Время», которое съ полной самоувѣренностью даетъ ходъ такой «оригинальной мысли», гдѣ даже грамота еле-еле соблюдена. Полно-те, нынче у насъ никто ничего не боится, и Поль де-Кассаньякъ сталъ по духу гораздо болѣе русскимъ, чѣмъ французомъ.

Допустимъ, однако, что всѣ наши невзгоды имѣютъ свою причину либеральничанье, гаерство и пр. Все-таки чего хотять «Моск. Вѣд.»? Вѣроятно имъ желательно уничтожить явленіе, которое они признаютъ пагубнымъ. Но тогда нужно было вникнуть въ дѣло поглубже. Почему это охранители «выпустили изъ рукъ авторитетъ, и онъ перешелъ къ болтунамъ, фразерамъ»; почему болтуны и фразеры оказались сильнѣе солидныхъ людей; что нужно дѣлать, чтобы вырвать авторитетъ изъ такихъ недостойныхъ рукъ; гдѣ ручательство, что болтуны и фразеры не успѣютъ побить солидныхъ людей и теперь? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ обязательно для публициста, если онъ не желаетъ, чтобы его рѣчи остались пустой болтовней. Но «Моск. Вѣд.» даже не пытаются ихъ рѣшить, быть можетъ, даже не догадываются о ихъ существованіи. Для «Моск. Вѣд.» все на свѣтѣ такъ просто: солидные люди изволили забавляться, и потому болтуны овладѣли всѣмъ; стоитъ солиднымъ людямъ сдѣлать серьезную мину—и наводеніе исчезнетъ. Ну, съ такой простотой дѣйствительно нельзя не быть побитымъ.

Серьезный общественный дѣятель долженъ знать, что фразы и болтовни въ исторіи нѣтъ и никогда не можетъ быть. Отдѣльный человекъ можетъ быть фразеромъ; но массы людей идутъ не за фразой, а за выразителемъ своихъ дѣйствительныхъ потребностей. Серьезный публицистъ долженъ-бы былъ подумать, каковы были потребности Россіи 25 лѣтъ тому назадъ, потребности различныхъ слоевъ населенія. Этихъ потребностей было очень много: приходилось перестраивать чуть не заново всю общественную жизнь. Нужно было столковаться, сообразиться, примирить интересы, каждому найти кусокъ хлѣба, дать каждому ту обстановку матеріальную и духовную, безъ которой ему нельзя было жить. Трудная это задача. При разрѣшеніи ея нужно много умовъ и голосовъ, и естественно нельзя обойтись, чтобы рядомъ съ дѣльными вещами, не высказывались и глупости. Все это у насъ было. Но пусть вспомнать «Моск. Вѣд.» свою роль въ этомъ жизненномъ процессѣ. Умственное движе-

ніе испугало ихъ. Они первые закричали: «стой!». Они накинулись на ошибки общественной мысли, преувеличивали ихъ, и просто сочиняли. Да развѣ человѣкъ думающій можетъ никогда не ошибаться? Развѣ живое, развивающееся общество можетъ иногда не увлекаться, не дѣлать иногда глупостей? Развѣ лучше загасить совсѣмъ жизнь, лишь-бы не было никакихъ увлеченій?

Переходная эпоха всегда бурлива и беспорядочна. Это законъ природы. Но лучшее средство привести все поскорѣе къ порядку—это не гасить жизнь, не давить мысль, а напротивъ—дать возможность всѣмъ интересамъ выясниться, высказаться и придти къ соглашенію. Серьезный общественный дѣятель понимаетъ, что всѣ бурливыя пренія, теоріи, весь пылъ и жаръ мысли—все это не болѣе, какъ выраженія дѣйствительныхъ интересовъ и потребностей, еще не улегшихся другъ возлѣ друга, еще не приходшихъ къ соглашенію. Можно давить теоріи, слово и мысли, но отъ этого мы ничего не выигрываемъ. Этимъ мы только затягиваемъ и обостряемъ переходный періодъ, такъ-какъ отнимаемъ возможность у различныхъ интересовъ—выясниться и столкнуться. Доводя давленіе мысли до крайности, можно лишь затянуть дѣло до того, что интересы придутъ, наконецъ, къ ничѣмъ несогласному противорѣчію, вражда и страсти разростутся до степени, уже непобѣдимой никакимъ давленіемъ.

«Моск. Вѣд.» могутъ похвалиться, что они болѣе кого другого поработали, чтобы обострить всѣ столкновения переходнаго періода. Съ нетерпимостью фанатика они давили и гасили все, что только не подходило къ ихъ собственнымъ взглядамъ. Они имѣли, къ несчастью, возможность очень широко примѣнить свою систему изподпалочнаго развитія общества, и безпристрастное потомство возложитъ на нихъ серьезную отвѣтственность за всю смуту и неурядица нашихъ печальныхъ дней. Tu l'a voulu, tu l'a voulu.

Возвратимся, однако, къ настоящему.

Второй пунктъ обвиненія еще болѣе типиченъ.

Непосредственная причина нашей смуты—это «польская справа». Наше легкомысліе и либеральничанье подготавливаетъ почву, «польская справа» производитъ посѣвъ. Доказательства этому слѣдующія:

«Что такое наша крамола, спрашиваютъ «Моск. Вѣд.», какія у ней цѣли, чего она домогается?... Катехизисъ нашихъ революціонеровъ, какъ мы знаемъ, никакихъ догматовъ не признаетъ, кромѣ голаго отрицанія. Требуется произвести смуту въ Россіи... Но для чего-же это? Чтобы захватить власть?—Нѣтъ, отвѣчаетъ г. Катковъ,—эта надежда настолько несбыточна, что

ее нельзя предположить даже у такихъ глупыхъ людей. Да, наконецъ, и къ чему власть людямъ, которые не имѣютъ никакихъ догматовъ. «Что-же собственно серьезнаго въ этихъ попыткахъ? Ничего иного, *кромѣ непримиримо-враждебныхъ Россіи побужденій*, направленныхъ къ тому, чтобы поколебать и разстроить ее. Вотъ это такъ серьезная и понятная цѣль!» Но кто-же можетъ преслѣдовать такую цѣль? Ясное дѣло—Польша. «Польская справа, побитая въ открытой борьбѣ, старается теперь отомстить и навредить Россіи хоть сколько-нибудь. «Но она, разумѣется, не можетъ прямо высказываться. Нуженъ прятникъ, нужно прикрытіе, нуженъ грубый радикализмъ, чтобы вербовать недоучившуюся молодежь, нуженъ пошлый либерализмъ, чтобы подкупать пустыхъ людей». И вотъ съ этой цѣлью «польская справа» сочиняетъ разныя либеральныя и радикальныя программы...

Дѣло ясно.

Нѣкоторые секты нашего раскола объясняютъ всѣ несовершенства и всѣ бѣдствія жизни—пришествіемъ змѣи-антихриста, который обвилъ своимъ хвостомъ церковь, а голову держитъ надъ алтаремъ. Совершенно таково-же міросозерцаніе «Моск. Вѣд.». «Польская справа»—это и есть змѣи-антихристъ, опутавшій кольцами всю русскую землю. Напрасно было-бы спрашивать фанатическаго бѣгуна: «Да гдѣ-же этотъ змѣи-дьяволъ? Почему нигдѣ не видно слѣдовъ его реального присутствія? Почему, наконецъ, ты знаешь, что онъ есть, если его невидно?» Напрасно было-бы говорить и «Моск. Вѣд.», что существованіе такой изумительно-сильной «справы» несовмѣстимо съ русскимъ движеніемъ въ Галиціи, несовмѣстимо съ такими явленіями, какъ краковскій процессъ социалистовъ, гдѣ обнаружилось, наоборотъ, сильное вліяніе русскихъ революціонеровъ на польскую молодежь. Напрасно было-бы указывать и на то, что въ десяткахъ политическихъ процессовъ нашего времени мы не увидели ни разу никакихъ слѣдовъ существованія и вліянія «польской справы».

Но наше дѣло и не въ томъ, чтобы переубѣдить «Моск. Вѣд.». Для насъ важно опредѣлить ихъ политическую правоспособность. И я полагаю, что имѣю теперь право констатировать фактъ крайне легкомысленнаго діагноза нашихъ недуговъ, при которомъ «Моск. Вѣд.» позволяютъ себѣ обходиться совершенно безъ всякихъ фактическихъ данныхъ и руководиться исключительно фантазіей. А между тѣмъ, вѣдь на основаніи діагноза должны предприниматься мѣры. Фантастическій діагнозъ приво-

дѣтъ къ тому, что мѣры оказываются недѣйствительными, а иногда даже прямо вредными.

Но «Моск. Вѣд.» идутъ въ своемъ небрежномъ отношеніи къ дѣлу еще гораздо далѣе. Каковъ-бы ни былъ ихъ діагнозъ,— логика обязываетъ во всякомъ случаѣ предлагать лекарства, сообразныя съ нимъ. Мы видѣли, что «Моск. Вѣд.» объясняютъ нашу безурядицу не только внѣшними («польская справа»), но также внутренними (не уваженіе къ авторитетамъ и либеральничанье) причинами. Очевидно, стало-быть, что «Моск. Вѣд.» обязаны по логикѣ смотрѣть на безурядицу какъ на явленіе не исключительно наносное, внѣшнее. «Польская справа»— это внѣшнее вліяніе, но либеральничанье и неуваженіе къ авторитетамъ — чисто-органическое явленіе. Поэтому мѣры, предлагаемыя «Моск. Вѣд.» для искорененія безурядицы, не должны бы быть мѣрами исключительно полицейскими. «Моск. Вѣд.» должны бы указать, отчего происходитъ названный ими органическій порокъ общества, и порекомендовать противъ него такія средства, которыя оказывали-бы вліяніе непосредственно на народный организмъ. Ничего подобнаго «Моск. Вѣд.» опять не указываютъ.

Охранительный органъ рекомендуетъ намъ средства, которыя-бы годились развѣ для устраненія чисто-внѣшняго нападенія. «Отъ враговъ нужно отбиваться», заявляютъ «Моск. Вѣд.» и рекомендуютъ на этомъ основаніи исключительно мѣры борьбы. Сильная власть, между народное преслѣдованіе эмигрантовъ и затѣмъ перенесеніе резиденціи въ Москву. Вотъ и всѣ мѣры.

На послѣдней—едва-ли стоитъ даже останавливаться. Перенесеніе резиденціи имѣетъ еще извѣстный смыслъ у «Руси», которая связываетъ съ этимъ коренное измѣненіе политики. Но у «Моск. Вѣд.» это мѣра чисто-полицейская, вродѣ постройки стѣны, назначенія часовыхъ и т. п. Несостоятельность ея съ этой точки зрѣнія очевидна. Болѣе серьезною мѣрою является уничтоженіе «права убѣжища» для эмигрантовъ. Замѣчу, однако, что и она совершенно не обоснована въ «Моск. Вѣд.». Газета исходитъ здѣсь изъ очень еще спорнаго положенія, будто-бы эмиграція составляетъ центръ всѣхъ заговоровъ. Доказательствъ, по обыкновенію, не приводится ни единого. А объ этомъ стоило бы подумать. Если, напр., эмиграція не составляетъ центра заговоровъ, если большинство эмигрантовъ удаляется просто на покой, то будетъ-ли тогда съ полицейской точки зрѣнія выгодно пресѣкать безпокойнымъ элементамъ этотъ путь отступленія?

Исторія даетъ намъ многочисленныя указанія, позволяющія

усумниться въ цѣлесообразности подобныхъ мѣропріятій. Такъ, напр., запрещеніе пуританамъ выселяться за-границу сыиграю очень важную роль съ англійской революціей. До сихъ поръ еще остается почти несомнѣннымъ, что Оливеръ Кромвелль находился въ числѣ этихъ насильно задержанныхъ эмигрантовъ. Французское-же революціонное правительство безъ сомнѣнія значительно усилилось, давъ возможность въ 1790 году роялистамъ чуть не поголовно удалиться изъ Франціи.

Перейдемъ къ третьей мѣрѣ. «Моск. Вѣд.» очень краснорѣчиво распространяются насчетъ необходимости сильной власти. Едва-ли кто-нибудь въ Россіи сомнѣвается въ этой необходимости. Но совершенно невѣрно, будто-бы сильная власть — это власть безошадная, вѣчно карающая. Сила власти и мѣры строгости—это явленія совершенно различныхъ категорій, и мѣры строгости по большей части бывають нужны не для сильной, а именно для слабой власти. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло. Во всякомъ случаѣ—несомнѣнно, и даже «Моск. Вѣд.» не рѣшаются этого отрицать, что у насъ власть вооружена всѣми средствами, необходимыми для дѣйствія. Это настолько очевидно, что «Моск. Вѣд.» не могутъ придумать, какія-бы еще права предоставить власти. Поэтому они накидываются на правительство будто-бы за бездѣйствіе. «Наша власть крѣпка, но она не вѣрнѣ въ свою силу, а потому бездѣйствуетъ». Трудно придумать что-нибудь болѣе несправедливое. Когда-же это у насъ правительство не вѣрило въ свою силу, когда власть бездѣйствовала? И, наконецъ, въ чемъ состояло это бездѣйствіе? «Моск. Вѣд.» хочется строгости, строгости побольше. Но вѣдь есть разница между газетнымъ писателемъ и властью. Первый можетъ говорить все, что ему на умъ взбредеть. Власть находится въ иномъ положеніи. Если она не останавливается передъ *необходимыми* мѣрами строгости, то имѣетъ за то всѣ основанія не переходить за границу необходимаго. Стало-быть, ей мало однихъ фразъ о «дѣйствіи», ей нужна опредѣленная программа «дѣйствія», которая, очевидно, не можетъ исчерпываться «мѣрами строгости». У власти есть обязанности поважнѣе. Поэтому «Моск. Вѣд.» не слѣдовало-бы ограничиваться бездоказательнымъ обвиненіемъ, а нужно-бы, во-первыхъ, фактически подтвердить его, а во-вторыхъ, и самое главное — сказать, что-же именно слѣдуетъ дѣлать? Безъ этого всѣ вопли газеты о «бездѣйствіи власти» являются мѣрою не усиленія, а, напротивъ, обезсиленія власти, и составляютъ только новое доказательство политической безтактности охранительнаго органа.

Полагаю, что на этомъ я могу и разстаться съ «Моск. Вѣд.».

III.

Посмотримъ теперь, что даетъ намъ «Русь», этотъ органъ партіи, имѣющей, по словамъ покойнаго Э. М. Достоевскаго, переродить и возродить весь міръ.

Начинаетъ, разумѣется, и она съ восклицаній. «Неужели, говоритъ «Русь», и на сей разъ невоспрянетъ русская совѣсть, не страшнетъ съ себя грѣха лѣни, празднаго коснѣнія и недомыслия? Неужели не поймемъ, что намъ нужно обновленіе, всеобщее, всецѣлое возрожденіе духа» и т. д., и т. д. Все это прекрасно, но какія-же дѣйствительныя величины должны быть вставлены въ алгебраическую формулу византійско-кудреватой рѣчи?

Два №№ и два особыхъ прибавленія «Руси» разъясняютъ этотъ вопросъ, но онъ все-таки остается темень, какъ вода во облацѣхъ. Въ одномъ № «Русь» говоритъ: «необходимо полное возрожденіе духа»; въ другомъ поясняетъ: «всецѣлое, всеобщее, всестороннее возрожденіе»; дальнѣйшее поясненіе открываетъ необходимость «многообразнаго, всеохватывающаго, глубокаго, всеобъемлющаго возрожденія», и такъ-какъ русскій языкъ очень богатъ прилагательными, то въ концѣ-концовъ объясненія затягиваются до чрезвычайности, до безпредѣльности, до безконечности, до невозможности, до умопомраченія.

Прямого отвѣта отъ «Руси» не получишь ни на какой вопросъ. Это уже всѣмъ извѣстно. Посмотримъ, однако, не скажетъ-ли она намъ чего-нибудь яснаго хоть обмолвкой.

Отчего происходятъ наши смуты и неурядица? Иванъ Сергѣевичъ объясните. Но, увы! Въ отвѣтъ опять гремитъ мѣдъ звенящая и кимвалъ бряцающій. «То отребье, которое такъ дерзостно, такъ нагло гнететъ преступленіями душу всего русскаго народа, не есть исчадіе самого нашего простаго народа, ни его старины, ни даже новизны истинно просвѣщенной, а порожденіе темныхъ сторонъ петербургскаго періода нашей исторіи, отступничества отъ русской народности, измѣны ея преданіямъ, началамъ и идеаламъ; порожденіе того раболѣпства духовнаго европейскому западу, той розни земли и государства, которая вопреки древнему завѣту, вѣрованіямъ и чаяніямъ народнымъ, виѣдрилась вотъ ужъ почти два вѣка въ нашъ общественный и государственный строй». Если вы, читатель, не устали слушать, то И. С. можетъ на эту тему написать еще 365 печатныхъ листовъ въ годъ. Но вы изъ нихъ поймете не больше, чѣмъ изъ приведеннаго отрывка. Гдѣ измѣна, въ чемъ она состоитъ? Дайте

покаяться. Напрасно. Кладязь византійскаго велерѣчія продолжаетъ журчать: «раболѣзное преклоненіе, фальшь и пошлость вазенщины, единеніе духовное, выпреннее, многожеланное, прелюбезное»... Жажды-же вашей духовной отнюдь не утоляетъ.

Болѣе реальной и, повидимому, удобопонятной, дѣлается «Русь» только тогда, когда переходитъ къ практическимъ мѣропріятіямъ въ духѣ «древлеотеческаго преданія» блаженной памяти Іоанна IV. «Да будетъ, восклицаетъ «Русь», тверда, неукоснительно властна, грозна Твоя десница на всѣхъ враговъ чести и тишины». «Нужно проявленіе твердой, строгой, грозной, энергической, умной власти». Безъ сомнѣнія это очень понятно русскому человѣку, тѣмъ болѣе, что «Русь» тутъ-же прибавляетъ: «Избави Богъ отъ какого-бы то ни было дѣйствія, которое могло-бы быть истолковано въ смыслѣ уступки хотя-бы даже требованіямъ европейскаго либерализма». Васъ, быть можетъ, коробить, читатель, но вы довольны тѣмъ, что хоть по крайней мѣрѣ поняли. Разочаруйтесь: послушайте дальше, и вы убѣдитесь, что ничего не поняли.

«Никакія правосудныя казни, звенить мѣдъ «Руся», не смогли доселе истребить смуты; никакими внѣшними силами и не извести этого семени зла—оно, какъ язва на тѣлѣ нашемъ живетъ, смердитъ и гноится, тайно заражая самую кровь». По этому необходимо измѣнить самыя условія, порождающія неустройство. Оборотъ новый, и неожиданный послѣ предъидущаго воззванія къ тѣни Іоанна. Но мы готовы понять, и слушаемъ дальнѣйшія разъясненія.

«Россіи нужно самодержавіе, а самодержавіе мыслимо и крѣпко только въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ народомъ, на народной почвѣ... Если-бы только русскій царь захотѣлъ быть царемъ по старинѣ, и призвалъ къ себѣ въ опору русскую землю (не бюрократовъ и либераловъ, говоруновъ, а великую, молчащую теперь землю),—какъ воскъ отъ лица огня растаяла-бы крамола, расточились-бы врази, и воскресла-бы Россія съ несокрушимой мощи и славѣ».

Какъ видите, это ужь совсѣмъ новая программа, и программа превосходная. Вы устремляетесь къ ней, хотите ее окончательно понять, но «Русь» начинаетъ еще «поясненіе» и снова ускользаетъ изъ вашихъ рукъ, какъ Протей.

Нужно единство царя съ народомъ. Но, оговаривается «Русь» не съ лже-народомъ, а съ настоящимъ, заправскимъ, исконнымъ, чистымъ, неподдѣльнымъ и т. д. и т. д. народомъ. Эта оговорка сразу затемняетъ дѣло. Что такое настоящій народъ? Какіе признаки даютъ человѣку право принадлежать къ народу? Ка-

кая часть народа должна быть отвергнута, какъ «лже-народъ?» «Русь» не даетъ, однако, никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій и покидаетъ читателя на самомъ интересномъ мѣстѣ. А вѣдь нужно-бы войти въ положеніе читателя. Единеніе съ народомъ: что можетъ быть прекраснѣе, что можетъ быть яснѣе, если только «народъ» есть тѣ 85 милліоновъ человѣкъ, которые населяютъ пространство Россійской имперіи. Но разъ начались исключенія — гармонія исчезаетъ. Не буду-ли я исключенъ изъ народа не будетъ-ли исключенъ Иванъ, Сидоръ, Петръ! Эти вопросы тѣмъ тревожнѣе, что «Русь» исключаетъ изъ народа даже «многія земства, ораторствующія въ тонъ пошлой либеральной прессы». Выборъ, очевидно, очень строгъ. И вотъ среди этихъ недоумѣній «Русь» покидаетъ своего читателя. Поступокъ былъ-бы совершенно непростительный, если-бы не яв-лось смягчающимъ обстоятельствомъ то, что у самой «Руси» нѣтъ никакого опредѣленнаго отвѣта, и что ея фарзерство несколько не интересуется *дѣломъ*, а довольствуется одними разглагольствіями. Понятно, что для такого занятія ничего практически опредѣленнаго и не требуется.

Если «Русь» умудрилась запутать даже математически-ясный вопросъ—что такое народъ?—то можно себя представить, какой сумбуръ получается у ней изъ «единенія». Прежде всего газета категорически заявляетъ, что «всякія, въ смыслѣ западно-европейскаго устройства, политическія у насъ бредни, отъ кого-бы они ни исходили, не выражаютъ мнѣнія русскаго народа, не отъ его духа!» Эту «мысль» газета повторяетъ десятки разъ. Не станемъ, разумѣется, говорить о бредняхъ, готовы умолчать и о европейскомъ устройствѣ. Но что касается до «устройства» вообще—то какъ-же о немъ не говорить. Ну, не европейское, такъ славянское, сербское, болгарское, какое угодно—но какое-нибудь все-таки нужно. Мы знаемъ, напр., что въ хорошія времена крестьянскаго міра—единеніе въ немъ бываетъ дѣйствительно замѣчательное. Но зато крестьянскій міръ имѣетъ и «устройство», твердо опредѣленные обычаи, права, обязанности, отвѣтственность. Тамъ, гдѣ это устройство приходитъ въ упадокъ, единеніе мірское также пропадаетъ, начинаются обиды, притѣсненія, неудовольствія. Вообще—безъ правильнаго и опредѣленнаго устройства человѣческое общество немислимо. Какія-же формы, какія средства единенія представляетъ себѣ «Русь»?

Отвѣта на это въ ней мы не находимъ. Газета отдѣлывается исключительно одними туманными фразами о нравственномъ единеніи. «Вѣра въ свой народъ, въ свое державное право и въ свою власть уже сама въ себѣ заключаетъ залогъ тишины

и спокойствія». Или: «только благодаря органической, таинственной между собою связи царя съ народомъ—еще находило себѣ выраженіе русское народное чувство, русская мысль». Все это прекрасно. Великое значеніе вѣры и нравственной связи не можетъ подлежать сомнѣнію. Но «Русь», какъ органъ партіи, являясь съ упреками 200-лѣтнему императорскому періоду, и съ требованіемъ возстановленія единства между государствомъ и народомъ, не можетъ ограничиваться указаніемъ на одинъ «духъ». Она требуетъ реформы, и потому должна указать опредѣленные пути для нее, т. е. формулировать съ точностью, въ чемъ состоитъ единство съ народомъ, и какими средствами оно осуществляется. Общими фразами о духѣ здѣсь отдѣляться невозможно. При отсутствіи опредѣленнаго мѣрила «Русь» не имѣетъ права утверждать тождество своего духа съ народнымъ. Да оно и дѣйствительно очень сомнительно. Я беру, напр., двухъ человѣкъ: Петра-Великаго и И. С. Аксакова и сравниваю ихъ. Первый былъ человѣкъ несомнѣнно русскій, родился, выросъ и воспитался на чисто-русской почвѣ; съ дѣтскаго возраста былъ въ общеніи со всѣми слоями русскаго народа; кромѣ того, онъ былъ натура несомнѣнно гениальная, а геній политическаго дѣятеля состоитъ именно въ глубокомъ сродствѣ съ даннымъ обществомъ, въ способности выразить въ себѣ духъ народа; наконецъ, Петръ I былъ русскій царь, а «Русь» сама-же говоритъ о «таинственной органической связи» между царемъ и народомъ. Теперь для меня возникаетъ вопросъ: почему-же этотъ русскій человѣкъ, русскій царь и геній—извратилъ народный духъ, а И. С. Аксаковъ, человѣкъ далеко не гениальный, россійскій помѣщикъ и интеллигентъ—понимаетъ русскій духъ вѣрно? Конечно, можетъ быть правъ именно И. С. Аксаковъ, а Петръ I грубо заблуждался. Но нужно это доказать. Нужно опредѣленно выставить мѣрило національнаго духа. За отсутствіемъ этого, я, напр., имѣю полное право остаться при своемъ мнѣніи, т. е., что Петръ I прекрасно понималъ и выражалъ духъ русскаго государства, продолжалъ и развивалъ со всей силой гениальнаго человѣка то, что на Руси было заложено еще Андреемъ Боголюбскимъ, Калитою, Иваномъ IV, Борисомъ и Алексѣемъ Михайловичемъ.

Безсодержательная фразистость «Руси» прекрасно проявляется и въ ея единственномъ конкретномъ средствѣ единенія, т. е.—перенесеніе резиденціи изъ Петербурга въ Москву.

«Въ Москву, въ Москву! восклицаетъ «Русь». Пора домой! Пора покончить съ петербургскимъ періодомъ русской исторіи... Пора, наконецъ, средоточію государственной власти перемѣ-

ститься съ крайней окраины государства въ историческое средоточіе русской земли—то средоточіе, которое создало самую власть, дало ей историческое бытіе, оправданіе и освященіе... Да и до сихъ поръ не въ Москвѣ-ли, не въ Кремлѣ-ли вѣнчаются и помазуются наши цари?.. Здѣсь только, въ Москвѣ, царь и народъ, мыслимые народомъ едино, станутъ и во-истину едино, возобладавъ надо всѣмъ, что не только грубо-насильственно, но и лукаво-искусственно, незамѣтно, но настойчиво клонилось къ ихъ расторженію!... Это именно и дѣлалъ петербургскій періодъ и вся петербургская общественная атмосфера. «Трудно въ ежедневности уклоняться отъ воздѣйствія окружающей умственной среды, особенно-же въ Петербургѣ, гдѣ нѣтъ, какъ въ Москвѣ, нѣмыхъ, но вѣщихъ памятниковъ до-петровской старины, гдѣ не приходится считаться (чего въ Москвѣ нельзя миновать) хотя-бы только съ церковною и народною бытовою стихіею».

Итакъ—перевѣздъ въ Москву у «Руси» имѣетъ не грубо-полицейскій смыслъ, а представляетъ средство къ прекращенію «петербургскаго періода» исторіи. Разумѣется, такая постановка вопроса гораздо приличнѣе для публициста, чѣмъ будочническая точка зрѣнія «Моск. Вѣд.». Но воздавши должную дань «Руси», я все-таки не вижу въ остальной ея аргументаціи ничего, кромѣ самой отчаянной фразы.

«Пора центру государственной власти перенестись въ средоточіе русской земли, то средоточіе, которое создало самую власть». Но, во-первыхъ, невѣрно, будто Москва была всегда и остается средоточіемъ русской земли. Москва играла такую роль всего 300—400 лѣтъ, изъ 1000 лѣтъ Русской Исторіи. Во-вторыхъ, невѣрно, будто бы Москва создала «власть» на Руси. «Власть» возникала богъ-вѣсть съ какихъ поръ въ Кіевѣ, во Владимірѣ, въ Твери. Удобнѣе всего развиться царской власти оказалось въ Москвѣ, и она дѣйствительно развилась тамъ, но именно царская власть. Что касается власти императорской, то есть современной формациі власти, то она создана внѣ Москвы, создана совокупными усиліями разныхъ русскихъ элементовъ, такъ-что ей нѣтъ никакого основанія переноситься въ Москву, если-бы даже и признать значеніе въ мѣстѣ резиденціи. Я не считаю этого вопроса особенно важнымъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если Москва выражаетъ лучше Петербурга духъ 5—6 центральныхъ русскихъ губерній, то духъ всей Россіи, конечно, выражается лучше Петербургомъ, чѣмъ какимъ-либо другимъ русскимъ городомъ. Всѣ наши города—Москва, Кіевъ, Вильна, Казань, Одесса, Харьковъ, Тифлисъ, Саратовъ,

Иркутскъ и проч.—носятъ характеръ провинціализма. Они составляютъ средоточіе завѣстной мѣстности—не больше. Но Россія—включаетъ всѣ эти мѣстности. Общій духъ управленія не имѣетъ права быть исключительно московскимъ или хохлацкимъ, или грузинскимъ. Тѣ времена, когда Россія была Московіей, давно прошли, и не могутъ возвратиться. Россія переросла Московію, какъ переросла Владимірѣ, тоже сыгравшій когда-то роль центра.

Петербургъ не имѣетъ собственной территоріи. Населеніе его сборное. Никакой петербургской области, петербургскаго народа, съ какими-нибудь своими, мѣстными особенностями и интересами не существуетъ. И это качество дѣлаетъ Петербургъ очень удобнымъ въ смыслѣ русской столицы. Москва, Варшава, Тифлисъ могутъ противопоставить свои интересы интересамъ общерусскимъ. Петербургъ этого сдѣлать не въ состояніи. Для резиденціи это очень удобное качество. Напрасно «Русь» указываетъ на разныя смуты XVIII столѣтія. Смуты и гораздо большія бывали на Москвѣ. Пусть «Русь» вспомнить семибоярщину. Иванъ Грозный не могъ сломить боярства ни огнемъ, ни желѣзомъ, и считалъ болѣе безопаснымъ жить не въ Москвѣ, а въ Александровской слободѣ. Во время междоусобствъ Москва возводила и низвергала царей чуть не въ 24 часа, совершенно произвольно и безъ всякаго спроса Россіи. Борисъ Годуновъ, столь любезный «Руси», не былъ убитъ только потому, что отравился самъ. Сынъ его, царь Федоръ, былъ задушенъ. Шуйскій прогнанъ. Съ Алексѣя Михайловича опять начинаются на Москвѣ смуты. Правленіе двухъ царей и царицы Софіи—было временемъ такой анархіи, которую едва-ли знавалъ когда-нибудь Петербургъ. Жизнь Петра I подвергалась неоднократно опасности, онъ принужденъ былъ убѣгать изъ Москвы, и ушелъ, наконецъ, совсѣмъ. Императорскую власть онъ основалъ и укрѣпилъ, только освободившись отъ давленія Москвы...

Не будемъ, стало-быть, говорить о смутахъ. Онѣ бываютъ вездѣ. Для власти онѣ одинаково опасны въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Для Россіи-же—московскія смуты страшнѣе, потому-что Петербургъ не можетъ, безъ Россіи, захватить власти, а Москва, Варшава, Кіевъ—могутъ ее захватить и поработить всю остальную страну своимъ провинціальнымъ интересамъ.

Остальная аргументація «Руси»—ужь просто ниже всякаго возраженія. Конечно, русскіе императоры коронуются въ Москвѣ, точно также, какъ французскіе короли короновались въ Реймсѣ. Но что-же изъ этого? Коронуются тамъ, гдѣ это освящено обычаемъ, а живутъ тамъ, гдѣ нужно. Еще страннѣе увѣренія

«Руси», что только въ Москвѣ «царь и народъ, мыслимые едино, стануть во истину едино». Почему? Что такое въ Москвѣ помогаетъ единенію? Нѣмые, но вѣщія памятники старины, отвѣчать «Русь». Вотъ ужъ дѣйствительно могучее средство! Затѣмъ еще «Русь» называетъ необходимость «считаться въ Москвѣ съ церковною и бытовою стихіями». Но вѣдь съ бытовою стихіею считается тотъ, кто живетъ чисто-народною жизнью. Государь, на обязанностяхъ котораго лежитъ столько дѣлъ, что ихъ не передѣлаешь и въ 48 часовъ въ сутки, всегда окруженъ своею собственной бытовою стихіею, а никакъ не купеческою, или мѣщанскою. Стало-быть, это указаніе «Руси» чистая фраза. Что-же касается стихіи церковной, то она въ Петербургѣ совершенно такая-же, какъ въ Москвѣ, и при дворѣ столь-же вліятельна, сколько и въ другихъ образованныхъ слояхъ населенія.

Болѣе ничего И. С. Аксаковъ не указываетъ. «Пора домой» — остается не лишенною образности, но совершенно бессодержательно фразой.

Но въ концѣ-концовъ все-таки что-же намъ дѣлать? Неужели русская мысль такъ уже вовсе бездѣйствуетъ и не въ силахъ создать ничего опредѣленнаго, практически осуществимаго? Разумеетсяъ, я далекъ отъ такихъ печальныхъ выводовъ. Но—повторяю—эта работа общественной мысли совершенно не отражается въ литературѣ, или—лучше сказать—отражается только въ видѣ какихъ-то блѣдныхъ тѣней, неопредѣленныхъ намековъ или возраженій противъ громогласныхъ реакціонныхъ теорій. Будемъ надѣяться, что измѣнившіяся условія печати дадутъ, наконецъ, возможность сказаться и дѣйствительно національному слову, которое отразитъ въ себѣ настоящія потребности Россіи и уважетъ ясныя и осуществимыя способы ихъ удовлетворенія.

IV.

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что ненормальное положеніе литературы должно прекратиться, и по всей вѣроятности, недолго намъ уже осталось ожидать этихъ счастливыхъ временъ. Какъ въ природѣ не пропадаетъ ни одинъ атомъ вещества, ни одна единица силы, такъ въ человѣческомъ обществѣ не пропадаетъ разъ выработанная мысль или разъ пережитый опытъ. Пусть встають передъ нами привидѣнія прошлаго, пусть Катковы взываютъ къ памяти Шешковскихъ и Скуратовыхъ, пусть Аксаковы воздвигаютъ куміры хоть Перунамъ и Ведесамъ—не

загасить имъ мысли, не задавить общественнаго движенія. Повелительный голосъ исторіи покрываетъ нестройный ревъ и хрипѣніе обскурантовъ, и ясно говоритъ каждому, имѣющему уши: *E pur si muove!* Еще немного, и изгнившая ветошь своекорыстія, невѣжества и недомыслія будетъ сметена на задній дворъ исторіи.

Въ ожиданіи этихъ счастливыхъ временъ, бросимъ взглядъ на тѣ явленія литературы, въ которыхъ все-таки сказывается живой духъ, духъ своего племени и своего историческаго момента. Пусть не посятуетъ на меня читатель за это отождествленіе «живого духа» съ «національнымъ духомъ». У насъ теперь дѣйствительно страшно загрязнены и опошлены святыя слова—народъ, національность. Ими прикрывается и продажная литературная спекуляція, и самый мрачный обскурантизмъ, и бессмысленное кливушество. Но что-же дѣлать? Вѣдь и во имя правды, любви, истины дѣйствовалъ не только Христосъ, но и Торквемада. Я говорю не о той національности, которая знаетъ только «шапками закидаемъ», которая въ русской исторіи любитъ только преображенскимъ приказомъ, или бормочетъ «вѣдай и вѣруй»... Истинная народность, національность, состоитъ, въ той близости съ народомъ, которая дается внимательнымъ изученіемъ народнаго характера, нуждъ, потребностей, и уваженіемъ къ этому характеру и потребностямъ. Истинная національность литературы, науки, политики имѣетъ подъ собою самыя реальныя основы и не допускаетъ въ своемъ выраженіи никакой двусмысленности, такъ-какъ она опирается на точныя историческія факты, точныя цифры, точно формулированныя требованія народа. Публицистъ стоитъ на національной почвѣ не тогда, когда онъ голословно утверждаетъ: «Народный духъ состоитъ въ томъ, чтобы колокола издавали наиболѣе гармоническій звонъ»;—нѣтъ, это фразы и больше ничего. Но когда публицистъ собираетъ точныя статистическія данныя о положеніи населенія, когда онъ приводитъ длинный рядъ крестьянскихъ приговоровъ, содержаніе ихъ просьбъ, результатъ голосованій—и отсюда дѣлаетъ выводъ о требованіяхъ народа,—тогда публицистъ стоитъ на національной почвѣ, и только тогда предлагаемыя имъ мѣры имѣютъ шансы быть своевременными и полезными. Публицистъ, который поднимаетъ вопросъ объ охраненіи русскихъ интересовъ на берегахъ Занзибара или о прекращеніи людоедства на островахъ Фиджи, въ то время, когда въ его собственномъ отечествѣ народъ волнуется какимъ-либо религіознымъ, экономическимъ или политическимъ вопросомъ—такой публицистъ, очевидно, чуждъ національнаго духа, а потому бесполезенъ для отечества. Для

того, чтобы дѣйствовать, нужно знать и понимать страну, гдѣ дѣйствуешь. Въ этомъ и состоитъ національное направленіе и національный духъ. Въ этомъ смыслѣ я и говорю о національности.

Національный духъ, какъ основанный на изученіи родной страны, и ея интересовъ, — всегда идетъ объ руку съ наукой. Онъ есть необходимое условіе развитія. При помощи его создается не только здравая политика, но и наука (я говорю, разумѣется, о наукахъ гуманитарныхъ). Въ отношеніи къ политикѣ это очевидно: она всегда бываетъ удачна лишь настолько, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ нуждамъ народа и условіямъ его существованія. Въ этомъ не можетъ быть спора. Но тотъ-же духъ животворитъ и науку, и искусство. Онъ служитъ для художника источникомъ вдохновенія, сообщаетъ его произведеніямъ оригинальность и дѣлаетъ ихъ понятными и полезными для его соотечественниковъ. Совершенно то-же самое и въ наукѣ. Политическая экономія родилась на чисто-національной почвѣ (физіократы, англійская школа); это дѣлало невѣрными многія ея обобщенія, но это-же послужило источникомъ исправленія ошибокъ. Можно сказать, напр., что англійскія ученія о землевладѣніи и французскія, только дополняя другъ-друга, даютъ для науки уже прочное основаніе. Кэри былъ возможенъ только въ Америкѣ. Мальтуса могла породить только Англія. Мы не имѣемъ еще и до сихъ поръ такой социологіи, которая охватывала-бы и объясняла всѣ явленія общественной жизни. Такая наука еще только создается; до сихъ поръ наибольшіе вклады въ нее дѣлаютъ, наиболѣе цѣнными мыслителями являются тѣ оригинальные умы, которые открываютъ наукѣ новыя области,—въ формахъ труда, въ сословныхъ или національныхъ особенностяхъ, въ неизвѣданныхъ еще комбинаціяхъ разныхъ общественныхъ силъ. Такими людьми были Смитъ, Бентамъ, Руссо, Прудонъ, нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ. Эти новыя области открываются именно благодаря національному духу мыслителя, его глубокому родству съ той или другой оригинальной единицей человѣчества.

Отсутствіе оригинальной мысли, вполне проникнутой русскими современными интересами, способной выдѣлать изъ переплетающихся общественныхъ силъ тѣ, которыя составляютъ самую суть дѣла, — и этимъ дать намъ практическое указаніе, а наукѣ новый фактъ, новый уголъ зрѣнія — отсутствіе этого составляетъ, можетъ быть, самый тревожный признакъ русской жизни. Если въ этомъ выражается бесплодіе ума, неспособность ни на что кромѣ *jugare verba magistri*, то дѣло очень плохо. Когда въ наукѣ мы умѣемъ только цитировать Токвиля, Маркса или

Сая, это означаетъ, что въ политикѣ мы также будемъ способны развѣ обратиться къ какимъ-нибудь варягамъ: «прійдите володѣть и княжить», только дайте хоть какой-нибудь порядокъ. Перспектива весьма грустная. Но не будемъ слишкомъ отчаяваться. Вспомнимъ наши «независящія обстоятельства», при которыхъ гибнетъ дѣйствительно очень много талантливой мысли. Тутъ отсутствіе Монтескье и Руссо еще не доказываетъ бесплодія русскаго ума. Въ обществѣ, въ народѣ онъ все-таки работаетъ, перевариваетъ впечатлѣнія русской жизни, и при первой возможности, будемъ надѣется, заявитъ себя въ социологіи также самобытно, какъ Съченovy и Менделѣвы заявили въ физиологіи и химіи.

Въ настоящее время я желалъ-бы обратить вниманіе читателей на одно литературное явленіе, пріятно поражающее именно этой свѣжестью, оригинальностью и глубокимъ соответствіемъ съ самыми жгучими запросами нашей жизни. Я говорю о статьяхъ г. В. В. *) въ «Отеч. Зап.» и «Русск. Бог.». Онѣ нельзя сказать, чтобы прошли незамѣченными, но заслуживаютъ во всякомъ случаѣ несравненно большаго вниманія со стороны читателей и особенно литературы.

Г. В. В., какъ литераторъ, находится въ очень затруднительномъ положеніи. Онъ является на арену публицистики не съ различными сентенціями изъ Милля, Маркса, Молилари, Спенсера и прочихъ знаменитыхъ и незнаменитыхъ европейскихъ голевъ, а со своею собственною мыслию. Поэтому онъ долженъ не класть читателю въ ротъ давно пережеванныя теоріи, воспринимать которыя столь-же легко, какъ читать таблицу умноженія; нѣтъ, онъ принужденъ *доказывать* свою мысль—именно фактами и цифрами. Это дѣлаетъ его статьи трудночитаемыми, и, вѣроятно, было причиною того, что на нихъ не обратили должнаго вниманія. Но не слѣдуетъ думать, чтобы г. В. В. не умѣлъ писать иногда просто увлекательно. Тамъ, гдѣ онъ имѣетъ возможность сбросить съ себя багажъ безконечныхъ цифръ и цитатъ—онъ пишетъ, какъ немногіе. Къ несчастью, для извѣстности г. В. В., онъ былъ съ развязанными руками только въ одной, чисто-полемической статьѣ («Въ защиту капиталистическаго пессимизма»).

Перейдемъ, однако, къ теоріи г. В. В. Его мысль состоитъ въ слѣдующемъ:

*) „Отч. Зап.“ 1880 г. сентябрь. „Къ вопросу о развитіи капитализма въ Россіи“; „Русск. Богат.“ 1880 г. Октябрь. „Мысли о будущемъ помѣщичьихъ хозяйствъ“; „Отч. Зап.“ 1881 г. Февраль. „Наши владѣльческія хозяйства“; „Русск. Бог.“ 1881 г. Февраль. „Въ защиту капиталистическаго пессимизма“.

Всякая общественная дѣятельность въ Россіи и вся наша внутренняя политика опредѣляется у разныхъ людей двумя исходными точками зрѣнія. Разумѣется, рѣчь идетъ только о людяхъ честныхъ, о дѣятеляхъ, дѣйствительно желающихъ народного блага. Такихъ исходныхъ пунктовъ два. Одни полагаютъ, что Россія въ отношеніи производства должна пойти по пути Западной Европы, другіе полагаютъ, что она можетъ и должна избѣжать того пути. Тѣ и другіе одинаково понимаютъ, что производство должно быть крупнымъ, что мелкое производство не въ силахъ дать достаточнаго для населенія (по современнымъ потребностямъ) количества продуктовъ, но что касается способовъ превратить наше производство въ крупное (обобществленіе труда), то здѣсь уже мнѣнія расходятся. Одни полагаютъ, что единственный способъ—это обыкновенный европейскій капиталистическій строй, т. е. присвоеніе капиталу орудій труда и соединеніе свободныхъ, но немущихъ рабочихъ на хозяйскихъ фабрикахъ, заводахъ, фермахъ. Другіе полагаютъ, что хотя намъ предстоитъ неизбежно пройти черезъ капиталистическій строй, но что это, какъ и на Западѣ, будетъ у насъ только временнымъ явленіемъ; т. е. что когда капиталъ соединитъ нынѣ разбросанныхъ кустарей, ремесленниковъ, земледѣльцевъ въ стройные дисциплинированные, привыкшіе къ совмѣстной работѣ отряды (на фабрикахъ и фермахъ), то вслѣдъ за этимъ наступитъ новый періодъ, когда предприниматель устранился, а фабрика и ферма превратятся въ ассоціацію. Третьи, наконецъ, полагаютъ, что это соединеніе рабочихъ возможно и безъ предварительной стадіи капитализма, а непосредственно на теперешней общинѣ и артели.

Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія обусловливаетъ, разумѣется, извѣстную практическую дѣятельность. Такъ, напр., извѣстно, какія серьезныя мѣры употребляло Правительство для развитія у насъ крупнаго производства. Исключительно при помощи правительства, Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, а отчасти развила и свое пароходство («Русское Общество», напр., до сихъ поръ получаетъ громадныя субсидіи). На правительственные средства развилась наша суконная, горная и пр. промышленность. Во времена крѣпостнаго права къ заводамъ приписывались крестьяне. Обмундировка арміи, заказы для флота, крѣпостей и пр. производились правительствомъ, съ громадными убытками для себя, на нашихъ фабрикахъ и заводахъ: все это въ видахъ поощренія промышленности. Съ этою же цѣлью вводились у насъ запретительные тарифы, при помощи которыхъ мы только и успѣли развить, напр., сахарное и хлоп-

чатобумажное производство. Наша политика, какъ въ Азіи или въ 1810 году по отношенію ко Франціи, опредѣлялась въ значительной степени тѣми-же соображеніями. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, какъ много пожертвованій сдѣлала Россія для развитія земледѣльческаго помѣщичьяго хозяйства. Наши крупные владѣльцы не только сохранили лучшія земли, но получили, при эмансипаціи, еще огромныя суммы наличными деньгами и пр. и пр. Послѣднія три-четыре десятилѣтія особенно ознаменовались стараніями правительства развить національное богатство, посредствомъ поощренія промышленности.

Теперь г. В. В. заявляетъ намъ, что Россія не только не должна пройти неизбѣжно черезъ капиталистическое производство, но даже *не можетъ этого сдѣлать*. Онъ говоритъ: мы опоздали; мы не въ состояніи сдѣлать свое производство капиталистическимъ. Конечно, мы можемъ подчинить рабочаго чело-вѣка неработающему хозяину, можемъ развить у себя какую угодно эксплуатацію, но наше производство не въ состояніи сдѣлаться капиталистическимъ. Подчиняя своего рабочаго хозяину, мы не увеличиваемъ національнаго богатства, потому что у насъ при этомъ трудъ не дѣлается совмѣстнымъ, крупнымъ, а потому болѣе производительнымъ. Трудъ у насъ остается мелкимъ, а хозяинъ только взымаетъ съ него нѣкоторую часть прибыли, такъ-что національное богатство не увеличивается вслѣдствіе этого, а уменьшается.

Постановка вопроса, можно сказать, совершенно неожиданная, и—вѣрна она или нѣтъ—но должна-бы обратить на себя общее вниманіе ужь одною своею оригинальностью.

Но вѣрна-ли она? Правду-ли, во-первыхъ, говоритъ г. В. В.,—будто-бы нашъ капиталъ не объединяетъ труда, а стало-быть, не увеличиваетъ его производительности, не увеличиваетъ и національнаго богатства и средствъ Правительства и т. д.

Г. В. В. приводитъ массу фактическихъ и цифровыхъ доказательствъ. Я ограничусь немногими, только для связности изложенія. Вотъ, на примѣръ, какъ у насъ растетъ число рабочихъ на фабрикахъ:

	Заводовъ и фабрикъ.	Число рабочихъ.
1851 г.	9,256	456,596 чел.
1856 »	10,748	513,898 »
1861 »	14,066	559,533 »
1866 »	15,515	387,096 »
1870 »	18,892	463,093 »

Т. е. въ теченіи 20 лѣтъ, въ то время, когда населеніе Россіи увеличилось болѣе чѣмъ на 20 милліоновъ душъ, число рабочихъ, «объединенныхъ» на фабрикахъ и заводахъ, осталось совершенно безъ движенія. Не лучшее замѣчается и въ земледѣльской промышленности. Г. В. В. приводитъ множество примѣровъ то го, впрочемъ, общеизвѣстнаго факта, что помѣщики *своего хозяйства*, которое соединяло-бы крестьянъ на совмѣстной работѣ, не ведутъ, а просто сдаютъ землю крестьянамъ, по мелочамъ, въ аренду. Затѣмъ г. В. В. указываетъ и на причину такого явленія: мелкій трудъ крестьянина, оказывается, извлекаетъ изъ земли больше выгоды, т. е. болѣе производителенъ, чѣмъ фермерскій трудъ помѣщичьихъ хозяйствъ. На то-же обстоятельство указываетъ какъ повсемѣстная высота арендной платы, такъ и ничтожность заработной платы. Заработная плата повсюду или понижается, или остается безъ движенія *), что, очевидно, доказываетъ ничтожность спроса на трудъ со стороны капитала.

Производительныя силы Россіи возрастаютъ очень слабо. Г. В. В. мало останавливается на этомъ пунктѣ, но онъ достаточно констатированъ всѣми нашими изслѣдователями. Наконецъ, истощеніе платежныхъ силъ страны, обусловливаемое, конечно, въ значительной степени недостатками финансовой системы, во всякомъ случаѣ обнаруживаетъ неспособность Россіи удовлетворять государственнымъ нуждамъ въ той мѣрѣ, какъ это легко удастся Европѣ.

Почему-же капиталистическое производство при всѣхъ поощреніяхъ развивается у насъ такъ слабо. Почему нашъ капиталистъ болѣею частію представляетъ изъ себя не организатора народнаго труда, а только кулака-эксплоататора! Потому, отвѣчаетъ г. В. В., что у насъ капиталистическое производство встрѣчаетъ неодолимыя препятствія для своего успѣшнаго развитія.

Наша крупная промышленность теперь развивается при очень важномъ осложняющемъ условіи, а именно: у насъ нѣтъ внѣшнихъ рынковъ, которые уже всѣ захвачены другими, болѣе насъ развитыми въ промышленномъ отношеніи, народами; конкурировать съ ними, вытѣснить ихъ мы не можемъ, а напротивъ насъ самихъ американцы вытѣснили даже съ хлѣбнаго рынка Европы. Это обстоятельство дѣлаетъ для нашей промышленности до-

---

(*) Г. В. В. приводитъ поразительную массу данныхъ по этому предмету губерніяхъ: симбирской, саратовской, курской, тульской, харьковской, кievской, мниской, московской, казанской, псковской разныхъ уѣздовъ и мѣстностей.

ступнымъ только внутренній рынокъ, только самихъ себя, такъ-сказать. Вслѣдствіе этого положеніе капитала безвыходно. Для того, чтобы имѣть сбытъ, нужно, чтобы потребители были богаты. Но потребители, т. е. тѣ-же самые русскіе люди, могутъ быть богаты только въ томъ случаѣ, если капиталъ не будетъ ихъ эксплуатировать. Но если не эксплуатировать, то зачѣмъ тогда и заводить предпріятіе, изъ-за какой надобности? Въ Англіи, напр., капитализмъ былъ выгоденъ, такъ-какъ при помощи его англійскій народъ, сплоченный на фабрикахъ, наживался насчетъ индійцевъ, турокъ, русскихъ, китайцевъ и пр. Капиталъ давалъ большую прибыль, такъ-что національное богатство возрастало. Для рабочаго было выгоднѣе поступить на фабрику, чѣмъ работать въ одиночку, хотя-бы и самостоятельно. Поэтому въ Англіи развитіе капитализма было дѣйствительно неизбежно и не могло быть задержано какими-нибудь политическими мѣрами. У насъ напротивъ: обирать намъ некого, кромѣ самихъ себя, поэтому наше національное богатство отъ увеличенія прибыли капиталиста не увеличивается ни на волосъ.

Вслѣдствіе такого сліянія у насъ производителя и потребителя капиталистическое *производство* у насъ не представляетъ для предпринимателя никакой особенной привлекательности. Въ главной отрасли народнаго труда и потребленія, т. е. въ земледѣліи—это сказывается особенно ярко. Капиталистъ здѣсь или вовсе ничего не предпринимаетъ, а просто сдаетъ землю крестьянамъ, или-же занимается исключительно хищническими предпріятіями, которыя только и даютъ хорошій барышъ: свести лѣсъ, выпахать самарскую цѣлину и т. п.

Организація труда здѣсь не происходитъ почти никакой. Правда, наши фабрики вводятъ улучшенные способы производства. Но хотя производительность каждаго отдѣльнаго рабочаго такимъ образомъ и повышается, зато общее число ихъ не только остается неподвижно, но относительно даже уменьшается. Это, говоритъ г. В. В., происходитъ вслѣдствіе того, что мы имѣемъ возможность заимствовать изобрѣтенія и техническія усовершенствованія у наиболѣе развитыхъ націй. Между тѣмъ эти изобрѣтенія отличаются именно тѣмъ, что уменьшаютъ надобность въ рабочей силѣ. Гдѣ при старой машинѣ требовалось 100 рабочихъ, теперь нужно лишь 75 и т. д. Такимъ образомъ наша обрабатывающая промышленность организуетъ лишь незначительную горсть рабочихъ, да и она постоянно должна уменьшаться. Что касается до земледѣлія, то здѣсь до сихъ поръ нѣтъ и намека на подобную организацію труда. Гдѣ-же *raison d'être* поощренія у насъ капитала? «Болѣе 20 лѣтъ, восклицаетъ

г. В. В., капиталъ истощаетъ терпѣніе русскаго народа». Не довольно-ли? Самъ капиталъ у насъ развиваться не въ состояніи и живетъ только поощреніями. Къ чему-же поддерживать это экзотическое растеніе, отъ котораго вдобавокъ не предвидится даже и пользы?

Эти вопросы, можетъ быть, не имѣли-бы смысла въ Западной Европѣ, гдѣ капиталистическое производство являлось дѣйствительно наиболѣе выгоднымъ способомъ организациі народнаго труда. Тамъ никакія правительственныя мѣры не могли бы остановить его развитія, да оно, кромѣ того, увеличивая богатство страны, повышало средства самаго фиска. Но у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Правительство тратитъ на поддержаніе крупной промышленности едва-ли не больше, чѣмъ получаетъ отъ нея. Народныя массы промышленность эта раззоряетъ, а между тѣмъ сама по себѣ настолько безсильна, что едва можетъ бороться съ народнымъ трудомъ даже при всѣхъ поощреніяхъ. Дальнѣйшая судьба нашего капитализма находится въ полной зависимости отъ политики правительства. Онъ держится субсидіями, тарифами, подавленіемъ народнаго труда. Онъ рухнетъ, если у него отнять поддержку со стороны власти. Г. В. В. горячо убѣждаетъ насъ, что пора уже прекратить нынѣшнюю «анти-національную» политику. Организациія народныхъ силъ, а стало быть, и возрастаніе національнаго богатства у насъ пойдетъ гораздо быстрѣе при совершенно другой системѣ. «Правительство должно рѣшительно стать на путь покровительства общинному крестьянскому землевладѣнію, интеллигенція должна операціоннымъ базисомъ дѣятельности взять крестьянина... дѣломъ и словомъ способствовать организациі общественной формы труда на народныхъ, артельныхъ началахъ»... «Отъ этого измѣненія нашей несчастной политики выиграютъ и промышленность, и правительство, и помѣщики... а теряютъ только кулакъ».

Таковы въ существенныхъ чертахъ положенія г. В. В. Я не могъ позволить себѣ, къ сожалѣнію, остановиться обстоятельнѣе на тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыми авторъ доказываетъ высказываемыя мнѣнія. Отсылаю читателей непосредственно къ статьямъ г. В. В.; вся цѣль моей замѣтки — обратить на нихъ надлежащее вниманіе читающей публики.

Очень можетъ быть, что многіе найдутъ взгляды г. В. В. значительно противорѣчащими правовѣрной политической экономіи. Я не стану разбирать здѣсь, насколько велико это преступленіе. Но г. В. В. самъ позаботился напомнить (согласно строго-научнымъ положеніямъ), что человѣчество въ теченіи многихъ и многихъ тысячелѣтій жило и питалось, не зная капиталисти-

ческой продукціи, а потому нѣтъ особенныхъ основаній считать ее необходимой для всякаго народа. Я-же съ своей стороны замѣчу, что указанныя г. В. В. препятствія къ развитію у насъ капитализма, т. е. отсутствіе рынковъ, составляютъ дѣйствительно такой факторъ, правильная оцѣнка котораго могла-бы сдѣлать очень цѣнный вкладъ въ науку и объяснить какъ возникновеніе капитализма у нѣкоторыхъ народовъ древняго и новаго міра, такъ и отсутствіе его на большей части земного шара у другихъ.

И. Кольцовъ.

КАШИ СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНІЯ НАРОДНАГО ПРОДОВОЛЬСТВІЯ.

Вопросъ о способахъ обезпечивать народное продовольствіе, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу вопросовъ, самымъ неудачнымъ образомъ поставленныхъ въ практикѣ нашихъ земскихъ учреждений. Всякій разъ, когда приходилось оказывать помощь населенію по случаю болѣе или менѣе значительнаго неурожая, недовольству, обвиненіямъ и нареканіямъ не бывало конца.

Минувшее лѣто выдалось неурожаями по лицу земли русской. Если не вездѣ прямо голодъ, въ смыслѣ положительнаго недостатка хлѣба, то дороговизна хлѣба, скопленіе рабочаго люда по городамъ и вообще промышленнымъ центрамъ въ поискахъ за заработками, но заработковъ не находящаго, пониженіе заработной платы и вмѣстѣ съ тѣмъ полный застой во всѣхъ почти отрасляхъ промышленности повсемѣстно отмѣтили настоящую зиму, какъ одну изъ самыхъ бѣдственныхныхъ для народа.

Какъ водится принимались и понынѣ принимаются и мѣры для борьбы съ бѣдствіемъ. До сихъ поръ каждая почта приносить извѣстія съ различныхъ концовъ Россіи о такихъ мѣрахъ, принимаемыхъ или не принимаемыхъ земскими и городскими общественными учреждениями. Земства многихъ губерній успѣли уже истратить всѣ оставшіяся у нихъ средства мѣстныхъ продовольственныхъ капиталовъ и, вдобавокъ, получить еще болѣе или менѣе значительныя ссуды отъ правительства. По недавно опубликованнымъ свѣдѣніямъ такихъ ссудъ отпущено всего до 9 милліоновъ рублей, такъ-что послѣднее прибѣжище, такъ-называемый центральный продовольственный капиталъ, оказывается совершенно истощеннымъ; его даже не хватило на цѣлыхъ два милліона, которые пришлось позаимствовать изъ средствъ государственнаго казначейства. Слышатся уже и обычныя на-

реванія на неумѣніе вести дѣло или недобросовѣстность различныхъ дѣятелей, было даже одно требованіе объ отдачѣ подѣ судѣ.

Въ такое время вопросъ о народномъ продовольствіи и способахъ его обезпеченія естественно выдвигается изъ числа текущихъ вопросовъ нашей общественной жизни и требуетъ къ себѣ вниманія. Является желаніе критически отнестись къ дѣлу, спросить себя: да точно-ли мы дѣло дѣлаемъ всѣми нашими мѣропріятіями, а не тянемъ лишь одну безконечную канитель, утѣшаясь только мыслію, что по мѣрѣ силъ обезпечивалось продовольствіе народное? А вопросъ такого рода, что, разъ онъ поставленъ на эту почву, то въ отвѣтъ сомнѣваться невозможно: недостатки нашей продовольственной системы слишкомъ хорошо извѣстны, слишкомъ бьютъ въ глаза, чтобы можно было отрицать неотложность преобразованія. Печать успѣла даже намѣтить и направленіе, въ какомъ это преобразованіе желательно. Требуютъ всесловности повинности и устраненія излишняго бюрократизма изъ дѣла. Но почему и насколько необходимо первое, какъ достигнуть второго—на это отвѣта нѣтъ.

Попробуемъ отвѣтить.

Народное продовольствіе у насъ въ настоящее время обезпечивается или должно обезпечиваться: а) запасами хлѣба въ натурѣ въ каждомъ крестьянскомъ обществѣ въ размѣрѣ одной четверти озимаго хлѣба и полчетверти яроваго на каждую ревизскую душу или замѣняющими эти запасы денежными капиталами, извѣстными подѣ названіемъ частныхъ продовольственныхъ капиталовъ; б) губернскими продовольственными капиталами въ вѣденіи земства каждой губерніи, и в) центральнымъ продовольственнымъ капиталомъ въ вѣденіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Зданіе, такимъ образомъ, трехэтажное. Основаніе системы заключается въ нижнемъ этажѣ, т. е. въ средствахъ хлѣбомъ и деньгами самихъ сельскихъ обществъ, до такой степени, что оба верхнія пристройки скорѣе похожи на антресоли, чѣмъ на самостоятельные ярусы зданія. Губернскіе продовольственные капиталы образовались отчисленіемъ въ распоряженіе земства изъ суммъ, собиравшихся (съ податныхъ сословіи) еще во время крѣпостного права, по 48 и. на душу, т. е. такой суммы, на которую при теперешнихъ цѣнахъ нельзя купить и полумѣры ржи. Средства центрального продовольственнаго капитала, образованнаго изъ тѣхъ-же источниковъ, никогда не превышали 7 мил. рублей наличностью (это было прошедшею осенью; въ настоящее-же время на ихъ мѣсто имѣется только 2 милліона долгу). Ясно, что, какъ губернскіе, такъ и центральные продовольственные капиталы могутъ слу-

жить только подспорьемъ средствамъ самихъ обществъ. Замѣнить ими недостатокъ послѣднихъ нельзя.

Способъ засыпанія хлѣба натурою, про запасъ на случай неурожая—старинный способъ. Онъ съ успѣхомъ практиковался еще въ древнемъ Египтѣ, будучи предложенъ, какъ извѣстно, премудрымъ Іосифомъ библейскому фараону, напуганному страшнымъ сномъ о семи тощихъ коровахъ. Намъ онъ достался въ наслѣдство отъ временъ крѣпостного права, вмѣстѣ со всею системою обезпеченія народнаго продовольствія, въ существенныхъ чертахъ мало измѣнявшеюся съ того времени. Въ то время были опредѣлены и теперешнія нормы обязательной засыпки.

Можетъ быть, въ то время и у насъ, какъ во времена библейскія, способъ этотъ былъ хорошъ; во всякомъ случаѣ онъ больше отвѣчалъ условіямъ времени; мы готовы даже допустить, что при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, онъ былъ въ то время единственно возможнымъ способомъ, хотя не мѣшаетъ вспомнить, что и въ то время не разъ были обнаруживаемы недостатки системы. Ревизіи, производившіяся въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, и тогда то и дѣло натывались на недостатокъ хлѣба въ общественныхъ магазинахъ. Что-же касается крестьянъ помѣщичьихъ, то, какъ извѣстно, едвали не большинство помѣщиковъ, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за засыпкою, смотрѣло на эту обязанность, какъ на пустую формальность, и не безъ основанія, такъ-какъ помѣщикамъ-же приходилось кормить крестьянъ въ случаѣ недостатка у нихъ собственныхъ средствъ для того, да и самый хлѣбъ-то ссыпался на барское гумно. Какъ-бы то ни было, но можно сказать, что для того времени система была хороша.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства совершенно измѣнились.

Если помѣщикъ плохо слѣдилъ за засыпкою хлѣба въ запасный магазинъ, то онъ все-таки привлекался къ участию въ повинности въ силу самой обязанности приходиться на помощь своимъ крестьянамъ изъ собственнаго гумна, когда у нихъ средствъ не хватить, и, понятно, что въ его собственномъ интересѣ лежало вести дѣло такъ, чтобы крестьянинъ могъ по веснѣ выѣхать не голодный и на неистощенной лошади на господскую пашню. Съ отмѣной крѣпостного права эта обязанность съ помѣщиковъ спала.

При крѣпостномъ правѣ во владѣніи крестьянъ было нѣсколько больше земли, чѣмъ теперь, нѣсколько выше были и урожаи, а между тѣмъ самихъ крестьянъ было меньше. Слѣдовательно, та-же самая норма поглощала въ то время меньшую

часть свободнаго остатка отъ урожая (за вычетомъ сѣмянъ и количества, потребнаго на прокормленіе), чѣмъ теперь.

Въ то время хозяйство было почти исключительно натуральное. Число покупныхъ предметовъ въ крестьянскомъ обиходѣ было ничтожно. Крестьянинъ, меньше нуждаясь въ деньгахъ, меньше нуждался и въ продажѣ части своего урожая для того, чтобы добыть ихъ. Теперь хозяйство повсемѣстно стало денежнымъ, слѣдовательно, откладывать запасы въ то время было легче, чѣмъ теперь.

Въ то время, при чрезвычайныхъ колебаніяхъ цѣнъ на хлѣбъ въ зависимости отъ урожая, весьма часто у крестьянъ застаивалась часть хлѣба въ скирдахъ вплоть до слѣдующей осени. Теперь даже въ самыхъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ этого не увидишь. Напротивъ, вездѣ все продано съ осени.

Все это не могло не отразиться на состояніи продовольственной части, и дѣйствительно отразилось.

Съ отрицаніемъ крѣпостнаго права, обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы хлѣбъ засыпался въ магазины, была сперва возложена на мировыхъ посредниковъ, и замѣтимъ, между прочимъ, что въ то время дѣйствительной засыпки было всего больше, такъ какъ экономическія условія не успѣли еще значительнымъ образомъ измѣниться, а за дѣломъ на первыхъ порахъ смотрѣли строго. Потомъ явились земскія учрежденія.

Законъ, возлагая на земство попеченіе о народномъ продовольствіи, не призналъ прямо, что и самая повинность должна быть земскою, т. е. всеобщою. Признавалось это лишь косвенно разрѣшеніемъ пополнять переданные въ вѣденіе земства (словные) продовольственные капиталы собственными сборами. Отъ земства зависѣло самому опредѣлить ту роль, какую оно пожелаетъ занять въ отношеніи къ продовольственному дѣлу: быть-ли ему лишь приставникомъ у чужой собственности, лишь надзирателемъ за крестьянами, или, понявъ свою задачу шире, собственнымъ починомъ принять тяжесть повинности на свои плечи.

Земство истолковало себѣ законъ въ этомъ первомъ, узкомъ смыслѣ. Гроши показались дороже дѣла *). Тому же взгляду вторило, повидимому, и министерство внутреннихъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени. Этимъ опредѣлился весь

---

*) Зачатки земскихъ продовольственныхъ капиталовъ, образованные въ послѣднее время изъ различныхъ источниковъ, если не ошибаюсь, всего въ 7—8 уѣздахъ, не могутъ измѣнить такого заключенія.

послѣдующій характеръ земской дѣятельности въ отношеніи къ народному продовольствію, какъ равно и ходъ самого дѣла.

По мѣрѣ того, какъ съ проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ и новымъ устройствомъ крестьянскаго быта, экономическія условія все болѣе и болѣе измѣнялись, натуральное хозяйство обращалось въ денежное, а крестьяне бѣднѣли, отбываніе повинности на прежнихъ основаніяхъ становилось для нихъ все тяжелѣе, число неисправностей росло. Министерство и земство въ запуски придумывали мѣры, какъ пособить горю, пресѣчь злоупотребленія, ввести большій порядокъ. Ничто не помогало. Продовольственные запасы сельскихъ обществъ убавлялись годъ отъ году и продолжаютъ убавляться, а за ними послѣдовали или, конечно, послѣдуютъ и верхнія пристройки зданія—капиталы губернсвій и центральный, такъ-что въ настоящее время намъ, можетъ быть, труднѣе бороться съ посредственнымъ неурожаемъ, чѣмъ лѣтъ десять тому назадъ съ серьезнымъ.

Любопытно взглянуть и на мѣры, принятыя или предполагаемыя законодательствомъ въ дополненіе къ уставу о народномъ продовольствіи со времени введенія земскихъ учреждений, возникшія частью по почину этихъ учреждений, частью съ ихъ вѣдома и одобренія. Всѣ они сводятся къ борьбѣ съ двоякаго рода незаконными дѣйствіями крестьянъ: съ самовольными разборами хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ и съ раздачей этого хлѣба не однимъ только нуждающимся, а всѣмъ, сообразно тому, сколько кто засыпалъ. Исторія ихъ поучительна.

Самыя первыя земскія ревизіи незамедлили обнаружить, что во многихъ запасныхъ магазинахъ хлѣба нѣтъ или нѣтъ въ достаточномъ количествѣ. Примутъ мѣры къ пополненію, но уже черезъ два-три мѣсяца, хлѣбъ оказывается опять разобраннѣмъ. Надо усилить контроль надъ магазинами. И вотъ является законъ, по которому выдача ссудъ изъ магазина поставлена въ зависимость отъ разрѣшенія земскихъ управъ. При этомъ, управамъ уѣзднымъ вполнѣ не довѣряютъ; имъ дозволено разрѣшить ссуду лишь въ размѣрѣ, не превышающемъ первой половины запаса; для того, чтобы воспользоваться второю половиною, надо ждать разрѣшенія губернской управы. Управы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы хлѣбъ брался только для дѣйствительно нуждающихся на точномъ основаніи закона. Всякое позаймствованіе безъ такого разрѣшенія признается затѣмъ преступнымъ дѣйствіемъ, за которое сельскія и волостныя должностныя лица, а иногда и все общество подвергаются отвѣтственности.

Я не буду касаться здѣсь удобовыполнимости этого порядка.

Невыполнимость его для земских управъ, за исключеніемъ статей о наказаніяхъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ, очевидна. Обращаю вниманіе только на то, какія послѣдствія имѣло принятіе его на практикѣ.

Вездѣ, гдѣ земскія управы пробовали дѣйствительно, а не для виду только, примѣнять его, прямымъ послѣдствіемъ было то, что число пустыхъ магазиновъ увеличилось. Понятно, почему: увидѣвъ, что для того, чтобы взять свой-же хлѣбъ, надо еще ждать невѣдомое время управскаго разрѣшенія, а, пожалуй, даже подчиниться такимъ условіямъ, какія тебѣ укажутъ, крестьяне стали разбирать свой хлѣбъ изъ магазиновъ даже и безъ нужды. Пополнять приходилось уже съ большимъ трудомъ.

Увидавъ это, нѣкоторыя губерніи стали ходатайствовать объ усиленіи наказанія сельскихъ должностныхъ лицъ. Но такъ-какъ за пустой магазинъ, когда въ немъ и прежде не было хлѣба, наказанія нѣтъ, то ясно, что этою новою мѣрою можно только еще болѣе увеличить затрудненіе; въ интересахъ упомянутыхъ должностныхъ лицъ, конечно, стараться о томъ, чтобы хлѣбъ даже и не засыпался. Лучшее, что можно достигнуть этимъ, это то, что гдѣ-нибудь какой-нибудь ретивый старшина постарается погнотить хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ вѣренной ему власти въ угоду начальству *).

Подчиненіе выдачи ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ разрѣшеніемъ земскихъ управъ оказалось недостаточнымъ для обереженія продовольственныхъ запасовъ, надо было придумать еще что-нибудь.

На этотъ разъ оба попечителя и министерство, и земство выступаютъ каждый съ своимъ проектомъ. Со стороны министерства является предложеніе объ устройствѣ центральныхъ запасныхъ магазиновъ, со стороны земства—ходатайства о замѣнѣ хлѣбной засыпки денежными капиталами.

Что касается первой изъ этихъ мѣръ,—т. е. устройства, вмѣсто разбросанныхъ по всему уѣзду и потому ускользающихъ отъ контроля мелкихъ магазиновъ отдѣльныхъ обществъ крестьянъ, большихъ магазиновъ въ немногихъ мѣстностяхъ уѣзда, въ которые-бы свозился хлѣбъ всѣхъ окрестныхъ селеній,—то мѣра эта возникла на почвѣ практическаго наблюденія. Такіе магазины существовали въ волостяхъ государственныхъ крестьянъ, когда они находились еще въ вѣденіи министерства государственныхъ имуществъ. Это, можетъ быть, самый удобный способъ для того, чтобы погнотить запасный хлѣбъ, не говоря уже о раз-

*) Примѣры такіе бывали.

личныхъ злоупотребленіяхъ, возможныхъ и вѣроятныхъ со стороны лицъ, которыя будутъ завѣдывать магазинами (изъ завѣдыванія самихъ обществъ они, разумѣется, въ такомъ случаѣ отошли бы). Практическіи невыгоды этого бюрократическаго изобрѣтенія до того бросаются въ глаза, что значительное большинство земскихъ собраній, на разсмотрѣніе которыхъ оно было благоразумно предложено министерствомъ, положительно высказалось противъ него. Нынѣ, кажется, оно оставлено и министерствомъ.

Больше посчастливилось земскому предположенію.

Многое можно сказать въ пользу замѣны продовольственныхъ запасовъ натурою денежными капиталами: деньги не портятся, какъ хлѣбъ, отложить ихъ не значитъ нести непременно безусловную потерю: лежа въ банкѣ, они приращаются процентами; при замѣнѣ ими хлѣбной засыпки, дѣлаются ненужными зданія магазиновъ и т. п. Во всемъ этомъ есть извѣстная доля выгоды. Но главная причина, почему земскія учрежденія особенно заботились о переводѣ натуральной повинности на денежную, заключалась все-таки въ надеждѣ лучше удержать деньги отъ самовольной затраты ихъ крестьянами на свои нужды, чѣмъ хлѣбъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, та ретивость, съ которою земскія учрежденія принялись за примѣненіе сказанной мѣры, когда она была разрѣшена,—ретивость, которая привела, наконецъ, къ тому, что, спустя нѣкоторое время, пришлось издавать правила уже для затрудненія перехода къ денежной повинности.

Если-бы задачей обезпеченія народнаго продовольствія было только храненіе извѣстной суммы въ банкѣ, тогда дѣйствительно лучше этой мѣры трудно чтонибудь придумать; но такъ-какъ кромѣ храненія, надо было изъ этихъ суммъ приходиться еще на помощь голодающему населенію, то результатъ вышелъ совсѣмъ другой. Раздать денежные ссуды нуждающимся, точно также какъ собрать ихъ обратно, оказалось нисколько не легче хлѣбныхъ. Между тѣмъ, покупать хлѣбъ приходилось на эти деньги всегда по высокой цѣнѣ. А въ послѣднее время пришлось убѣдиться, что денежные запасы, при бумажной валютѣ, могутъ и портиться нисколько не хуже хлѣба. Какой убытокъ потерпѣли отъ паденія нашего курса продовольственные капиталы тѣхъ обществъ, которыя успѣли замѣнить свои хлѣбные запасы денежными—не сосчитано. Такимъ образомъ и эта мѣра не годится; надо изобрѣтать еще что-нибудь новенькое.

Но не лучше-ли, чѣмъ тратить время и изобрѣтательность на ремонтъ обветшавшаго зданія, посмотрѣть сперва, въ та-

комъ-ли оно состояніи, что стоитъ ремонта? Предлагаю, напримѣръ, вдуматься въ слѣдующіе факты.

Въ изданномъ въ прошломъ году центральнымъ статистическимъ комитетомъ I мѣ выпускѣ статистики поземельной собственности Европейской Россіи помѣщены свѣденія о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія въ 8 ми губерніяхъ, именно: тамбовской, тульской, пензенской, калужской, воронежской, орловской, курской и рязанской. Всѣмъ извѣстно, что эта группа губерній далеко не послѣдняя по своему плодородію.

Въ этихъ восьми губерніяхъ крестьянамъ различнаго наименованія, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, казеннымъ и удѣльнымъ, принадлежитъ всего 13.726,000 десятинъ надѣльной земли подъ пашней. Самихъ крестьянъ 4.770,613 м. п. душъ ревизскихъ или 5.726,257 наличныхъ.

При трехпольномъ сѣвооборотѣ, повсемѣстно распространенномъ въ этихъ губерніяхъ, въ каждомъ полѣ будетъ 4.565.333¹/₂ десятинъ. Предположимъ, что озимое поле засѣяно рожью, а яровое овсомъ, какъ оно и есть въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

По статистикѣ Янсона (Статистика Россіи, т. II, стр. 434), урожай этихъ хлѣбовъ (средній за 5 лѣтъ, съ 1870—1874 г.) будетъ: для шести изъ перечисленныхъ губерній (кромя калужской и пензенской, а также нечерноземныхъ частей: рязанской, тульской, тамбовской и орловской) ржи 5,5 четвертей валоваго сбора на десятину, овса 8,4 *). Въ остальной части разсматриваемой мѣстности урожай ниже, именно: въ пензенской губерніи рожь даетъ съ десятины 5,2 валоваго сбора, овесъ 6,3; а въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ остальныхъ четырехъ губерній еще меньше: рожь отъ 2,2 до 7-ми четвертей валоваго сбора, овесъ 6,1 четвертей. За средній урожай для всѣхъ 8-ми губерній можно принять 5,5 четвертей валоваго сбора для ржи и 8 четвертей овса.

Если скинуть на сѣмена по одной четверти на десятину для ржи и по двѣ четверти для овса, сообразно тому, какъ дѣйствительно сѣютъ въ этихъ губерніяхъ, то окажется, что чистаго сбора со всего пространства получается 20.588,998 четв. ржи и 27.451,998 четв. овса.

Изъ этого числа четвертей засыпать надо въ запасный магазинъ 4.770,613 четв. ржи и 2.385,307 четв. овса, т. е. около четверти урожая ржи и ¹/₁₁ овса.

На продовольствіе населенія останется затѣмъ ржи 15.818,385 четвертей. Принимая-же количество женскаго населенія равнымъ

*) У Янсона цифры показаны въ гектолитрахъ на гекторъ.

мужскому, найдемъ, что на человѣка въ годъ приходится около 1,3 четвертей. Этимъ не прокормишься.

Чтобы перевести ту-же повинность на деньги, считая стоимость четверти озимаго хлѣба въ 8 р., а яроваго въ 4 р., потребуется капиталъ въ 49.438,444 р. *).

При такомъ положеніи дѣла, какія мѣры не принимай для пополненія продовольственныхъ запасовъ, все-таки-же магазины будутъ стоять безъ хлѣба, а капиталы значиться въ расходѣ. Если-бы съ осени даже и удалось засыпать узаконенное число четвертей, очевидно, къ веснѣ запасъ долженъ быть разобранъ. И, наконецъ, едвали даже желательнo исправное отбываніе подобной повинности. Положимъ, что въ поименованныхъ выше 8 губерніяхъ земству удалось-бы перевести всѣ крестьянскія общества съ натуральной засыпки на обезпеченіе продовольствія деньгами и такимъ образомъ заполучить въ свое веденіе тѣ 49 съ половиною милліона, которые-бы поступили взаменъ хлѣба. Полезно-ли еще отнимать у населенія, и безъ того не богатаго, подобную сумму для приращенія ея процентами? Вѣдь шутка сказать 49 милліоновъ; и это для 8 губерній! А для всей Россіи (кромя Царства Польскаго, гдѣ такой повинности нѣтъ, и Финляндіи), полагая крестьянское населеніе въ 53.630,522 души обоого пола и половину изъ нихъ мужчинами, подлежащими занесенію въ ревизію, потому-же разсчету потребуется 278.152,610 р., если-же принять цѣну немного выше (8 р. за четверть ржи будетъ для всего государства недостаточно); то и всѣ 300 милліоновъ.

Не знаемъ, каково положеніе въ другихъ губерніяхъ. Можетъ быть, взятые нами 8 губерній принадлежатъ къ числу особенно неблагоприятныхъ. Но, насколько извѣстно, эти губерніи слывутъ скорѣе богатыми, такъ-что, если-бы въ нѣкоторыхъ изъ остальныхъ обстоятельства выпали и болѣе вы-

---

*) Если-бы этотъ разсчетъ показался почему-либо невѣрнымъ, то вотъ еще другой подобный-же, составленный для одной изъ упомянутыхъ губерній, рязанской, по свидѣніямъ, собраннымъ губернской управой при оцѣнкѣ предметовъ земскаго обложенія въ губерніи. По этому разсчету казенной земли у крестьянъ 1.270,706 дес., или 423,568 десятинъ въ полѣ. Средній урожай (за два десятилѣтія) 46 мѣръ ржи и 60 мѣръ овса на десятину. Годовой урожай составятъ 2.435.516 четв. ржи и 4.176,760 четв. овса. Крестьянъ въ губерніи 1.377,092 человѣка обоого пола. Такимъ образомъ, на каждого человѣка приходится ржи по 14 мѣръ. Результатъ еще болѣе разительный. Засыпкѣ въ запасный магазинъ подлежатъ по числу душъ мужскаго пола 672,767 четв. ржи и 336, 83 четв. овса,—тоже около четверти урожая. Капиталъ, необходимый для замѣны запаса деньгами по цѣнѣ, опредѣленной земствомъ, долженъ составить 4.527,979 р.

годнымъ образомъ, за то можно ожидать, что въ другихъ они будутъ еще хуже.

Неудивительна должна показаться послѣ сказаннаго и та стойкость, съ которою крестьяне отстаиваютъ свой обычай, въ случаѣ полученія ссуды хлѣбомъ или деньгами, разбирать ее по душамъ, сообразно вносамъ каждаго, вмѣсто того, чтобы надѣлать ею лишь болѣе нуждающихся членовъ общества, какъ требуетъ законъ. Въ этой ссудѣ заключается часть насущнаго существованія каждаго крестьянина; требовать, чтобы онъ ею поступился, значить требовать слишкомъ многого. Таковъ по крайней мѣрѣ долженъ быть взглядъ большинства, который и будетъ служить мѣриломъ дѣйствию схода.

При такомъ положеніи дѣла, можетъ быть, лучше совсѣмъ отмѣнить обязательность особой продовольственной повинности, чѣмъ оставлять ее на теперешнихъ основаніяхъ. Во всякомъ случаѣ это будетъ лучше, нежели придумывать новыя стѣснительныя мѣры для понужденія крестьянъ къ засыпке разобранныхъ запасовъ и изобрѣтать приемы не примѣнимаго на практикѣ административнаго контроля надъ каждымъ шагомъ самостоятельной дѣятельности подлежащихъ обществъ. Не существуетъ же такой повинности въ привислянскихъ губерніяхъ. Да и у насъ самихъ развѣ фактически эта повинность существуетъ въ томъ видѣ, какъ она предполагается закономъ? У насъ нѣтъ подъ руками свѣденій о количествѣ дѣствительно существующихъ хлѣбныхъ запасовъ и частныхъ продовольственныхъ капиталовъ, чтобы судить о томъ, какъ велики средства, которыми располагали общества, но на основаніи личныхъ наблюденій думаемъ, что хорошо, если-бы въ какой губерніи имѣлось въ сборѣ десятая часть того, что по закону слѣдуетъ. Для очищенія совѣсти мы могли-бы въ чрезвычайныхъ случаяхъ приходить въ помощь голодающему населенію и чрезвычайными мѣрами: сборами пожертвованій, отчисленіемъ нѣкоторой части изъ общихъ земскихъ средствъ и тому подобными мѣрами. Право, было-бы не хуже.

Но, если такое дѣйствіе, какъ попеченіе о народномъ продовольствіи нельзя сводить къ простой благотворительности, даже общественной, ежели забота о томъ, чтобы трудящійся соотечественникъ не умеръ съ голоду, должна составлять *обязанность* всякаго русскаго, то надо-же, наконецъ, быть послѣдовательнымъ и осуществить на дѣлѣ то, что уже внутренно сознается всякимъ. Почему зажиточный крестьянинъ въ большей степени призванъ выполнять эту обязанность, чѣмъ всякій другой зажиточный человекъ не крестьянинъ? Лично онъ, можетъ

быть, нисколько не болѣе его нуждается въ продовольственномъ запасѣ. Наконецъ, хорошо тоже и положеніе этихъ лицъ, сами своей обязанности не выполняющихъ, въ роли надзирателей за тѣмъ, чтобы ее выполнили другіе. Уже одного этого, казалось-бы, должно быть достаточнымъ, чтобы сдѣлать повинность все-сословною. Ежели же земскія учрежденія сами этого до сихъ поръ не понимаютъ, то пора правительству сдѣлать это для нихъ обязательнымъ: факты слишкомъ обострились, чтобы отглядывать эту мѣру дальше.

Если-бы продовольственная повинность была признана земскою и лица, не участвующія нынѣ въ ея отбываніи, привлечены къ такому участию на общемъ основаніи земскаго обложенія, т. е. сообразно размѣру и оцѣнкѣ подлежащаго обложенію имущества, то изъ числа 49¹/₂ милліоновъ рублей, считае-мыхъ въ настоящее время достаточнымъ для замѣны деньгами всѣхъ продовольственныхъ запасовъ въ 8-ми приведенныхъ нами губерніяхъ, приблизительно 21 милліонъ (именно: 21.031,290 р.) пали-бы на земли, не входящія въ составъ крестьянскихъ надѣловъ и нынѣ не облагаемыя. (Для краткости расчета мы предположили, что облагаются лишь земли, и что всѣ земли оцѣнены однообразно). Это составило-бы единовременный налогъ съ небольшимъ въ полтора рубля съ десятины, (число десятинъ вѣннадѣльной земли въ рассматриваемыхъ губерніяхъ показано по статистикѣ поземельной собственности въ 13.744,000 дес.) Но уже и половиною этой суммы народное продовольствіе было-бы обезпечено несравненно лучше, чѣмъ теперь, когда въ сборѣ частныхъ продовольственныхъ средствъ нѣтъ, можетъ быть, и ¹/₁₀ ея. А если принять въ расчетъ, что при условіи всесословности повинности и только при этомъ условіи, станетъ возможнымъ дѣйствительно установить такой порядокъ, чтобы ссуды выдавались лишь тѣмъ, кому вслѣдствіе неурожая безъ нихъ обойтись нельзя, то придется заключить, что на практикѣ для удовлетворительной постановки дѣла и такой суммы, по всей вѣроятности, не потребовалось-бы.

Сдѣлать продовольственную повинность всесословною необходимо; но одною всесословностью еще нельзя устранить всѣхъ недостатковъ теперешней системы, даже крупнѣйшихъ. Существеннѣйшимъ изъ нихъ, послѣ сословной повинности, является обиліе бюрократизма въ веденіи дѣла. Это видно уже изъ характера тѣхъ мѣръ, которыя были установлены законами послѣ введенія земскихъ учрежденій (частью вслѣдствіе ходатайствъ этихъ учрежденій) и нами перечисленныхъ выше. Всѣ онѣ бюрократичны до крайности. Но, чтобы выяснитъ читателю этотъ не-

достатокъ нагляднѣе, попрошу его обратить вниманіе на тотъ порядокъ, какимъ, напр., производится выдача ссудъ изъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ, находящихся въ вѣденіи земства.

Обыкновенно въ согласіи съ продовольственнымъ уставомъ примѣняется слѣдующій порядокъ. Сначала составляются общественные приговоры съ просьбою о выдачѣ такой ссуды, съ означеніемъ ея размѣра, а также и лицъ, для которыхъ сельское общество испрашиваетъ пособіе и съ обязательствомъ со стороны общества отвѣчать въ возвратъ ссуды круговою порукою всѣхъ своихъ членовъ. Получивъ такой приговоръ, члену уѣздной управы, куда просьба подается, надо ѣхать на мѣсто для его повѣрки, съ цѣлью удостовѣриться: точно ли крестьяне въ законномъ числѣ рѣшили отвѣчать за своихъ односельцевъ и точно ли пособіе испрашивается нуждающимся, однимъ только нуждающимся и въ размѣрѣ, не превышающемъ степени ихъ нужды. По окончаніи повѣрки, приговоры собираются въ управѣ, сортируются, причемъ подводится итогъ суммы испрашиваемого пособія, и вмѣстѣ съ заключеніемъ уѣздной управы препровождаются въ управу губернскую для представленія ею на окончательное разрѣшеніе губернскаго земскаго собранія. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (во всѣхъ тѣхъ, гдѣ установлена отвѣтственность за ссуду уѣзда передъ губернскимъ земствомъ, и нѣсколько другихъ) прежде, чѣмъ отпривалить ходатайство въ губернскую управу, все дѣло докладывается уѣздному земскому собранію, которое и опредѣляетъ окончательный размѣръ испрашиваемого пособія; въ иныхъ этого не дѣлается. По разрѣшеніи вопроса губернскимъ собраніемъ, слѣдуетъ процедура выдачи денегъ. При этомъ надо сперва опредѣлить, сколько же какому обществу и какому лицу въ этомъ обществѣ выдать (въ полномъ размѣрѣ ссуда почти никогда не разрѣшается); это дѣлается управами, а потомъ распределить деньги по рукамъ просителей, что производится обыкновенно черезъ волостныя правленія. Такова вся процедура. Представьте же себѣ положеніе члена уѣздной управы, отпривалющаго повѣрять общественные приговоры. Въ какіе-нибудь одинъ, много два мѣсяца, ему надо побывать, можетъ быть, въ 300—400 селеніяхъ, которыя приходится объѣхать даже не подрядъ, а болѣе или менѣе, сообразуясь съ тѣмъ порядкомъ, въ какомъ приговоры поступили, т. е. непрерывно метаться изъ одного конца уѣзда въ другой. Въ каждомъ селеніи надо побыть нѣкоторое время, чтобы войти въ разсмотрѣніе экономическаго состоянія населенія, и не только всего общества огульно, но и cadaго изъ поименованныхъ въ приговорѣ лицъ особо. Если при этомъ промедлить, то рискуешь не успѣть съ хода-

тайствомъ во времени созыва губернскаго собранія, и такимъ образомъ, окончательно погубить дѣло. Мудрено-ли, что практика заставила обратиться въ совершенно инымъ способамъ дѣйствія. Тамъ, гдѣ управы особенно дѣятельны, приговоры обществъ повѣряются членомъ только на выдержку, по различнымъ волостямъ, общая-же повѣрка производится волостнымъ старшиною. При повѣркѣ членомъ управы, имѣется исключительно въ виду разрѣшить, точно-ли нѣтъ подлога и точно-ли это общество находится въ хучшемъ состояніи, чѣмъ другія, а объ отдѣльныхъ лицахъ прямо полагаются на приговоръ. Въ узздахъ-же, гдѣ земскія управы особенной дѣятельностью не выдаются, все дѣло вѣдетъ на однихъ старшинахъ, при содѣйствіи развѣ непрѣмьнаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ или даже исправника.

Тотъ-же способъ установленъ и при выдачѣ ссуды. Если любопытствуете узнать, каковъ получается результатъ изъ всѣхъ этихъ дѣйствій, то его можно выразить въ очень немногихъ словахъ. Ссуды изъ губернскаго продовольственнаго капитала разрѣшаютъ какихъ-нибудь 50,000 рублей на узздъ, съ населеніемъ примѣрно въ 120,000 человекъ, такъ-что на каждое нуждающееся семейство придется много, если по 6 руб. въ средней сложности. И это еще хорошо. Деньги привезутъ въ волостное правленіе (когда—не спрашивайте; положимъ, что во время) и здѣсь подвергнуть различнымъ вычетамъ на долги, на податныя недоимки, на расходы по полученію ихъ, не говоря уже о другихъ возможныхъ злоупотребленіяхъ. Сколько изъ нихъ затѣмъ дойдетъ до просителя, и что съ такою суммою просителю дѣлать, предоставляю судить самому читателю. При такомъ положеніи дѣла, пожалуй, лучшимъ употребленіемъ разрѣшенной ссуды, будетъ погашеніе какой-нибудь общественной недоимки, взаимнѣ которой на обществѣ окажутся лишнія платежи къ слѣдующему году въ уплату продовольственной ссуды. Все это факты очень извѣстные.

Таковъ обычный порядокъ оказанія помощи изъ средствъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ. Недостатки ея бросаются въ глаза, а они, какъ видите, такого свойства, что устранивъ ихъ одною всеословностью повинности нельзя.

Пробѣгая страницы журналовъ земскихъ собраній, хотя-бы за послѣднюю сессію, часто приходится наталкиваться на жалобы различныхъ гласныхъ на стѣснительность для земства правилъ продовольственнаго устава и вытекающихъ изъ нихъ безчисленныхъ формальностей, парализующихъ дѣло. По нашему мнѣнію, гг. гласные не правы. Требования устава сами по себѣ

разумны; формальности-же и происходящія при соблюденіи ихъ бюрократическіе приемы вытекаютъ изъ самого положенія, въ какое поставлены земскія учрежденія въ отношеніе къ повинности, какъ ясно видно на описанномъ выше порядкѣ выдавать ссуды изъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ. Земскія управы, даже уѣздныя, слишкомъ далеко стоятъ отъ населенія, чтобы быть въ состояніи входить въ разсмотрѣніе нуждъ каждаго жителя, даже каждаго отдѣльнаго сельскаго общества. Тутъ, какія правила не придумывай, дѣйствія управъ будутъ по необходимости бюрократичны (кромѣ, развѣ, установленія полнѣйшаго произвола, что еще хуже), а слѣдовательно, и мало полезны. Правительство, какъ извѣстно, на практикѣ никогда не стѣсняло дѣйствій земскихъ учрежденій по обеспеченію народнаго продовольствія въ распоряженіи средствами какъ губернскаго, такъ и центрального продовольственныхъ капиталовъ, допуская при случаѣ всякія отступленія отъ установленныхъ правилъ, какія только земству казалось нужными сдѣлать. Бывали также въ распоряженіи этихъ учрежденій суммы пожертвованныя, на которыя дѣйствія продовольственнаго устава не распространялись; наконецъ, въ 7 или 8 уѣздахъ имѣются даже, хоть ничтожныя, но все-таки-же земскіе продовольственные капиталы, на расходованіе которыхъ никто, кромѣ земства, никакихъ правилъ установить и не можетъ. Что-же придумало земство во всѣхъ этихъ случаяхъ?

Вопросъ крайне интересный и, если-бы мы не боялись слишкомъ утомить вниманіе читателя, то стоило-бы подробнѣе остановиться на разсмотрѣніи того, что дѣлалось во время большихъ голодовъ, постигавшихъ нѣкоторыя губерніи со времени введенія положенія о земскихъ учрежденіяхъ и въ свое время обращавшихъ на себя вниманіе дѣлаго государства. Но въ настоящее время будетъ достаточно ограничиться лишь указаніемъ общаго характера принимавшихся въ такихъ случаяхъ мѣръ.

Кромѣ выдачи ссудъ деньгами,—причемъ земству приходилось бороться со всѣми тѣми-же затрудненіями, какія представляются при оказаніи ежегодныхъ пособій изъ средствъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ,—земскими учрежденіями еще практиковались два вида способовъ приходить на помощь голодающему населенію: закупка хлѣба отъ земства для раздачи нуждающимся, и продажа хлѣба для пониженія рыночной цѣны на хлѣбъ въ торговлѣ. Оба эти способа имѣютъ то неудобство, что къ заботамъ о распредѣленіи пособій, они прибавляютъ еще заботы по покупкѣ и развозкѣ хлѣба, причемъ открывается широкое поле для злоупотребленій всякаго рода,

такъ - что къ этимъ способамъ обращались, повидимому, не потому, чтобы они были лучше, а потому, что считались неизбѣжными за положительнымъ недостаткомъ хлѣба на мѣстѣ. Далѣе, если распредѣлять купленный хлѣбъ, раздачей его нуждающимся въ натурѣ, то тутъ встрѣчаются всѣ тѣ-же затрудненія, какъ и при раздачѣ денегъ; почти то-же слѣдуетъ сказать и о продажѣ хлѣба, если эта продажа производится не всѣмъ желающимъ купить, безъ разбору, и не въ томъ количествѣ, въ какомъ кто спрашиваетъ, а съ выборомъ лицъ и въ размѣрѣ нужды покупателя. Въдѣ въ сущности такая продажа есть та-же раздача только маскированная. Если-же продавать закупленный хлѣбъ безъ разбора лицъ и количества, отпускаемого каждому покупателю, а только по пониженной цѣнѣ, то это, конечно, гораздо легче, но зато и польза, приносимая населенію, становится сомнительною.

Для облегченія трудовъ по распредѣленію продовольственныхъ ссудъ прибѣгали къ выборамъ въ помощь управамъ особыхъ комиссій или комитетовъ иногда весьма многолюдныхъ, обыкновенно изъ числа гласныхъ собранія. Съ такими комиссіями было одно горе; да и не могло быть иначе: стоитъ только принять во вниманіе, что всякая подобная комиссія, во-первыхъ, работаетъ безъ жалованья, и, во-вторыхъ, по необходимости, распоряжается чужимъ добромъ безконтрольно: потому-что передъ кѣмъ отчитываться такой комиссіи? Не передъ собраніемъ, конечно, избравшимъ ее изъ своей среды, въ которомъ члены ея составляютъ чуть не большинство и отъ котораго они ни въ чемъ не зависятъ. При такомъ положеніи выходитъ, что комиссія или комитетъ много работаетъ, много выноситъ нарѣканій справедливыхъ и еще больше не справедливыхъ и, кромѣ того, служитъ ширмами управѣ, которая безъ того-бы отчитывалась передъ собраніемъ, а теперь слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность на комиссію.

Замѣчательно, что уѣзды, которымъ когда-нибудь случалось прибѣгать къ учрежденію такихъ комитетовъ, точно также какъ и къ закупкѣ хлѣба насчетъ земства — мѣрамъ обыкновенно совпадающимъ, послѣ того обыкновенно ни подъ какимъ видомъ не соглашались примѣнить тотъ-же порядокъ вторично.

Вотъ что выходило, когда земство, при теперешней своей организаціи, пыталось выйти изъ рутинной колѣи бюрократическихъ мѣропріятій и проявить большую самостоятельную дѣятельность, чѣмъ сколько ему отмежевано существующими узаконеніями.

Я не хочу сказать этимъ, чтобы вовсе не были возможны

или не было случаевъ, когда дѣло ведется иначе. Есть случаи, когда самопомощь просыпается независимо отъ какихъ-бы то ни было учреждений. Они возможны и въ дѣлѣ народнаго продовольствія въ случаѣ, напр., подавляющаго бѣдствія, когда всякій гласный и не гласный берется за дѣло, и всѣ дѣйствуютъ честно и ретиво, потому что бѣда слишкомъ очевидна. Но такіе случаи рѣдки—и они должны быть такими. Ихъ можно сравнить съ тѣми минутами военной исторіи, когда непріятель вторгается въ самое сердце страны, причемъ старъ и младъ, военный и не военный, берутся за оружіе для защиты родного очага. Рассчитывать на такія случаи проявленія самопомощи населенія для установленія какой-нибудь постоянной повинности нельзя.

Для устраненія бюрократизма изъ дѣла народнаго продовольствія, необходимо измѣнить самое отношеніе, въ какое поставлены земскія учрежденія къ этому дѣлу. Если основою всякаго самоуправленія служить начало, чтобы плательщики сами самостоятельно распоряжались средствами, употребляемыми ими на удовлетвореніе ихъ общественныхъ потребностей, то то-же начало должно быть положено и въ основу устройства продовольственной повинности. До сихъ поръ въ такомъ положеніи по отношенію къ этой повинности находились лишь сельскія общества. И они дѣйствовали съ своей точки зрѣнія послѣдовательно. Мы видѣли, какія причины парализовали ихъ дѣятельность. Если теперь необходимо сдѣлать повинность земскою, то и земство должно быть поставлено въ такое-же положеніе. Это ясно, какъ день.

Но для этого земству потребуются и особые органы, какихъ теперь нѣтъ, и которые были-бы въ силахъ выполнить дѣло, т. е. и достаточно близко стояли-бы къ населенію, чтобы судить о нуждѣ каждаго, и достаточно полно оберегали-бы интересы плательщиковъ, будучи подъ ихъ непосредственнымъ контролемъ.

Рѣшить, каковы должны быть эти органы, по нашему мнѣнію, дѣло самого земства. Оно, безъ сомнѣнія, это и сдѣлаетъ, какъ скоро правительство привлечетъ къ повинности карманъ привелегированныхъ плательщиковъ наравнѣ съ прочими.

Въ настоящее-же время народное продовольстіе у насъ обеспечивается не хлѣбными запасами, которыхъ нѣтъ, и не продовольственными капиталами, которыхъ и нѣтъ и которыми, сверхъ того, земскія учрежденія въ настоящемъ ихъ видѣ не въ состояніи распорядиться, какъ слѣдуетъ; а развѣ тѣми кусками хлѣба, которые подаются изъ крестьянскихъ избъ обнищавшимъ односельцамъ.

Е. Н. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По поводу интеллигенціи и лже-интеллигенціи.

I.

Берне говоритъ, что Парижъ—не голова, а шляпа Франціи. Совершенно то-же думаетъ Москва о Петербургѣ. Петербургъ для Москвы есть источникъ всего формальнаго, безжизненнаго, убивающаго силы, искажающаго внѣшній и внутренній образъ Россіи. Петербургъ это творецъ и пѣстунъ казенщины, превратившей пошлость въ историческое явленіе; Петербургъ—начало всякой безличности, уничтожающей нашу народную своеобразность, плодящей либерализмъ, создавшей теперешнюю русскую «цивилизацию», во главѣ которой стоятъ чиновники и такъ-называемые литераторы, или неслужащая профессиональная интеллигенція, чуждая самыхъ основныхъ основъ народнаго духа. Бюрократизмъ и доктринерскій либерализмъ, или либеральничящій бюрократизмъ и бюрократическій либерализмъ налегъ со всѣхъ сторонъ на власть имѣющихъ и давитъ ихъ мнимою силою мнимаго общественнаго мнѣнія. Пошлый либерализмъ разстлѣваетъ умъ и душу русскаго общества, парализуетъ смыслъ и волю, путаетъ нравственныя понятія, обращаетъ человѣка въ своего рода умственнаго и нравственнаго евнуха. Петербургъ, стоящій на окраинѣ государства, кишитъ инородческими элементами; въ немъ свили себѣ гнѣздо и иностранцы, жаждущіе разложенія Россіи, и дѣятели нашихъ окраинъ. Петербургъ настолько обезличилъ всѣхъ въ немъ живущихъ, что въ немъ можно встрѣтить очень много людей, повидимому, и русскихъ, но которые разсуждаютъ, какъ враги своей родины, какъ измѣнники своего народа. Они стыдятся формъ своего историческаго бытія, не сознавая, что эти формы уже по одному тому хороши, что онѣ свои, а не чужія. Оттого-то въ Петербургѣ и возмож-

ны многія неприличія, которыя никогда-бы себѣ не позволилъ истинно-русскій человѣкъ во всякомъ другомъ городѣ, или мѣстѣ; оттого то въ Петербургѣ возможно существованіе такой прессы, которая состоитъ въ наймѣ у враговъ Россіи и которая подъ предлогомъ либерализма стремится разложить и ослабить Россію, торгуя убѣжденіемъ и честью своей родины. Все, что терпитъ Россія, что ей приходилось переиспытать во весь Петровскій періодъ русской исторіи, всѣ несчастія, которыя на нее обрушивались, всѣ задержки, которыя встрѣчала жизнь въ своемъ развитіи, все это создала петербургская цивилизація и та же интеллигенція, которая, какъ язва и чума, распространяетъ свой ядъ изъ петербургскаго гнѣзда по всей Россіи.

Этими, или почти этими словами обвиняетъ московская и нѣкоторая часть петербургской печати всю русскую интеллигенцію и дѣлаетъ ее отвѣтственною за все худое, что Россіи пришлось перенести въ послѣднія двѣсти лѣтъ. Все, что въ русской жизни должно и фальшиво, все, что создаетъ разбродъ вмѣсто объединенія, что порождаетъ внутреннія неурядицы и путаницы, все это было создано петербургской интеллигенціей и именно тою ея частію, которая въ отличіе отъ истинной московской интеллигенціей, представители московскаго начала зовутъ же интеллигенціей.

Я нарочно выписалъ почти цѣликомъ всѣ обвиненія противъ интеллигенціи, чтобы читатель могъ увидѣть въ чемъ они именно заключаются. Оказывается, что интеллигенція есть какой-то сумбуръ мысли, какой-то общій врагъ и причина всѣхъ русскихъ бѣдствій. Если Россія бѣдна, въ этомъ виновата интеллигенція. Нѣтъ въ Россіи школъ—виновата интеллигенція. Нѣтъ правды въ судѣ—виновата интеллигенція. Земство-ли не оправдало общихъ ожиданій—опять виновата интеллигенція. Потерпѣли-ли мы фiasco въ отношеніяхъ къ Западной Европѣ, снова козломъ отпущенія служить интеллигенція. Является-ли внутреннее нестройство, беспорядокъ—вновь виновата интеллигенція.

Въ этомъ опредѣленіи интеллигенціи нѣтъ ни одной положительной черты; создаетъ-ли интеллигенція что-нибудь хорошее—не видно. Намъ говорятъ только о томъ, что она дѣлаетъ дурнаго. Но и въ этомъ дурномъ—опредѣленіе отличается тоже неясностью: пошлость, безличность, формализмъ, казенщина, бездушіе, либерализмъ, собраніе общественныхъ безобразій—вотъ тѣ общія, отрицательныя черты, изъ которыхъ слѣдуетъ составить конкретное представленіе о русскомъ интеллигентномъ человѣкѣ.

Въ подобномъ сваливаніи въ одну кучу всѣхъ недостатковъ

личныхъ и общественныхъ, разобратъся, конечно, не легко; ясно лишь одно, что подъ именемъ «интеллигенціи» и «русской цивилизаціи» понимается какая-то отрицательная вещь. Слово «интеллигенція» въ томъ видѣ какъ оно употребляется, является формулой общаго неудовольствія, общаго исканія лучшаго изъ умственной безвыходности, изъ незнанія, какъ думать и что дѣлать. Насколько трудно подобное безвыходное положеніе мысли, можно видѣть изъ того отрицательнаго образа «интеллигенціи», который создалъ Достоевскій. Всѣ гадости, какія только можно придумать, все что только можетъ унизить нравственный обликъ человѣка, все, это соединилъ Достоевскій въ одно. По его словамъ «русская цивилизація» и «русская интеллигенція» есть стыдъ собственнаго мнѣнія, отрицаніе чести, развратъ неслыханный, подленькій, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жесткую, себялюбивую мразь, отрицающую науки, таланты, образование.

Какое-же это, однако, страшное и болѣзненное самопожираніе, безграничное самообвиненіе и фанатическое озлобленіе! И кто только кого не обвиняетъ; всѣ теперь явились обвинителями, всѣ стали уголовными судьями и всякій сажаетъ на скамью обвиняемыхъ интеллигента и русскую цивилизацію. Они общій врагъ для людей всевозможныхъ лагерей и всевозможныхъ умственныхъ направленій. Противъ цивилизаціи и интеллигента ратуютъ всѣ газеты и журналы, начиная «Московскими Вѣдомостями» и кончая «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и «Минутой». Толстые и тонкіе журналы тоже во имя истинной цивилизаціи отрицаютъ цивилизацію ложную и во имя настоящаго интеллигента—лжеинтеллигента. Люди самыхъ противоположныхъ воззрѣній сошлись на этомъ отрицаніи и даютъ тайному врагу одно и то-же названіе. Катковъ и Бакунинъ сошлись на отрицаніи, хотя каждый изъ нихъ, конечно, отрицаетъ свое; и оба они отрицаютъ во имя истинной цивилизаціи. Достоевскій и славянофилы отрицаютъ Европу, Москва отрицаетъ Петербургъ, а восточники обвиняютъ во всемъ Петра-Великаго. Рядомъ съ Достоевскимъ и Катковымъ является г. Энгельгардтъ, отрицающій тоже цивилизацію и интеллигента. И въ этомъ разногласномъ хорѣ вы не слышите ничего, кромѣ отрицанія, отрицанія и отрицанія, точно «интеллигенція» и «русская цивилизація» есть лозунгъ того, чего не слѣдуетъ дѣлать, а не того, что дѣлать нужно.

II.

Любопытно еще вотъ что: отрицая «интеллигента» и «русскую цивилизацію», никто не въ состояніи опредѣлить этотъ конгломератъ, его химическій составъ, установить формулу, которая бы дала возможность сказать точно, сродствомъ какихъ веществъ нужно пользоваться, чтобы создать новое химическое тѣло; а между тѣмъ каждый предлагаетъ свое средство леченія. «Въ Москву, въ Москву, говорить «Русь», — домой, подальше отъ Петербурга». «Петербургъ слишкомъ далекъ отъ Россіи, говорятъ другіе, — слишкомъ индифферентенъ, международенъ, пустыненъ, вреденъ по своимъ климатическимъ условіямъ, по своимъ историческимъ традиціямъ, и для Россіи естественный центръ есть Москва».

Но что-же можетъ помочь простой переѣздъ изъ одного мѣста въ другое? Нѣтъ, это не будетъ только переѣздъ, говорятъ «Современныя Извѣстія», — это будетъ созданіемъ новаго періода въ исторіи, но по древнимъ преданіямъ Москвы; это будетъ созданіемъ новаго принципа, новаго нравственнаго, политическаго начала. Петербургскій принципъ есть и онъ знаменуетъ собою цѣлый періодъ исторіи, отличающійся отъ періода, который та-же исторія зоветъ московскимъ.

Мы уже не говоримъ о фактической невозможности подобнаго перемѣщенія; если резиденціи будетъ переведена въ Москву, то кто-же останется въ Петербургѣ. Въ Москву потянется все; всякій мало-мальски имѣющій средства уѣдетъ въ Москву; опустѣютъ всѣ дворцы, всѣ присутственные мѣста, всѣ дома занятые служащими, опустѣютъ казармы, исчезнетъ вся лавочная и магазинная торговля, внѣшняя торговля уйдетъ въ Либаву, и Петербургъ превратится въ мертвый городъ великолѣпныхъ каменныхъ зданій безъ одного жителя. Двѣсти лѣтъ жизни и промышленнаго и общественнаго развитія, миллиарды денегъ, положенныхъ на созданіе сѣверной Пальмиры, съ ея храмами, монументами и памятниками искусства, вѣдь это громадные капиталы, созданные потомъ и трудомъ все той-же страны, все того-же народа, за который стоятъ и Достоевскій, и г. Аксаковъ, и г. Катковъ. Въ неудержимомъ фанатическомъ порывѣ мечтательнаго идеализма Москва предлагаетъ средство, въ которомъ искали спасенія англійскіе пуритане, создавшіе «Новый Свѣтъ». Но ручаетесь-ли вы, что Москва создастъ «Новый Свѣтъ» лучше, чѣмъ Петербургъ и что она пригоднѣе для этого?

Предлагаютъ и еще средство—иное воспитаніе людей, созда-

ніе новаго поколѣнія. Борьба поколѣній есть любопытное и при-
скорбное явленіе, которое въ послѣднія двадцать пять лѣтъ намъ
приходится переживать второй разъ. Я говорю о борьбѣ отцовъ
и дѣтей. Борьбою этой начались шестидесятые годы, когда по-
колѣніе отцовъ, сходявшее со сцены, уступило не безъ боя свое
мѣсто дѣтямъ. Но кто были отцы и кто были дѣти? Отцами
были Кирсановы, а дѣтьми Базаровы. Ни тотъ, ни другой типъ
не былъ вѣренъ общей правдѣ жизни, какъ точная формула
явленія. Была вѣрна лишь идея борьбы стараго и новаго; но
старая Россія не была только Кирсановыми, какъ новая Россія
не была только Базаровыми. Тургеневъ видѣлъ только отдѣль-
ныхъ единицъ и извѣстную однопредметность, но не усмотрѣлъ
умственного явленія въ его подробностяхъ, а главное, въ его
причинахъ. Поэтому тургеневская формула отрицанія свела об-
щія явленія къ частностямъ, къ борьбѣ понятій и идей въ
одномъ словѣ, въ томъ, который зовутъ интеллигентнымъ (тогда
онъ звался помѣщичьимъ). А между тѣмъ это явленіе было го-
раздо глубже и гораздо болѣе общимъ, чѣмъ какимъ оно пред-
ставлялось при кружковомъ наблюденіи. За Базаровымъ уже и
тогда стоялъ разночинецъ, готовый потребовать своей доли отъ
жизни, а за разночинцемъ видѣлась вдали деревня.

Борьба поколѣній не есть борьба, свершающаяся только слое-
вымъ образомъ. Это явленіе общерусское. Давольно прожить
даже одно лѣто въ деревнѣ, или видѣть поколѣніе крестьянъ
шестидесятыхъ годовъ и поколѣніе крестьянъ семидесятыхъ и
восьмидесятыхъ годовъ, чтобы увидѣть, насколько борьба по-
колѣній проложила себѣ путь и въ деревню. Ужъ одно освобож-
деніе крестьянъ должно было создать совсѣмъ инныя понятія въ
поколѣніи, выросшемъ послѣ освобожденія, не похожія на поня-
тія поколѣнія крѣпостного. Что-бы ни говорили о теперешней
бѣдности народа, но несомнѣнно, что во многихъ мѣстностяхъ
уровень его благосостоянія поднялся. Этотъ поднявшійся уро-
вень создалъ новыя потребности, а съ новыми потребностями
явилась масса вышнихъ перемѣнъ, создавшихъ иное сознаніе
и иное умственное содержаніе въ понятіяхъ деревни. Я не го-
ворю о женскихъ деревенскихъ модахъ, о томъ, что въ какомъ-
нибудь Череповскомъ уѣздѣ новое поколѣніе женщинъ носить
бурнусы и зонтики, что парни ходятъ въ «пинджакахъ» и обжа-
велись карманными часами. Не эта вышняя перемѣна состав-
ляетъ сущность явленія, о которомъ я говорю; сущность его
въ томъ, что Домострой перестаетъ быть кодексомъ домашней
нравственности, что онъ утрачиваетъ свое значеніе и что даже
въ деревнѣ явился уже «женскій вопросъ». Я могъ-бы привести

нѣсколько поразительныхъ фактовъ этого рода, когда недоумѣвающіе мужья, встрѣтившіе отпоръ въ своихъ женахъ, приходили за совѣтомъ, чтобы узнать, что имъ дѣлать и желали выяснитъ себѣ, что за причина, что съ бабами нѣтъ теперь никакого сладу. Бывало-ли когда-нибудь, чтобы баба уходила отъ своего мужа, не желая подчиняться порядкамъ Домостроя, а нынче это обыкновенное явленіе и вовсе не въ пригородныхъ петербургскихъ деревняхъ. Свободомысліе забралось въ деревню не потому, чтобы бабы и парни читали какія-нибудь книжки, а въ силу фактическихъ условій жизни и новыхъ экономическихъ и юридическихъ отношеній. Деревня тысячу лѣтъ существовала при условіяхъ крѣпостныхъ отношеній: она, повидному, въ нихъ окрѣпла и установилась. Но вотъ является освобожденіе крестьянъ, за нимъ земскія учрежденія, затѣмъ вводится всеобщая воинская повинность. Этотъ рядъ перемѣнъ необходимо долженъ былъ внести массу новыхъ понятій, ибо установилъ новыя, небывалыя прежде отношенія. Какъ-же было дѣтямъ, т. е. цѣлому поколѣнію молодежи, выросшему при новыхъ порядкахъ, думать такъ, какъ думали ихъ отцы, выросшіе въ крѣпостныхъ условіяхъ. Ясно, что между деревенскими отцами и дѣтьми должно было настать такое-же взаимное непониманіе, какое было между отцами и дѣтьми слоя господъ, у которыхъ отцы были помѣщиками, а дѣти ими быть перестали.

Въ народѣ это явленіе обнаружилось поздиѣе, а въ образованномъ словѣ раньше; но, начавшись въ образованномъ словѣ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, явленіе это не прекратилось и до сихъ поръ. Борьба не только не кончилась, но скорѣе усилилась и представляетъ собою, конечно, очень прискорбное и нежелательное явленіе. Тѣмъ не менѣе борьба поколѣній несомнѣнный фактъ, фактъ, продолжающій существовать и на нашихъ глазахъ. Эта борьба отцовъ и дѣтей можетъ быть еще никогда такъ не обострилась, какъ нынче; она явленіе слишкомъ сложное, требующее серьезнаго и всесторонняго изученія, и распутать его во всѣхъ его подробностяхъ—значитъ выяснитъ всѣ наши умственные недоразумѣнія. Я укажу только на одну сторону факта этой борьбы, которую каждый можетъ наблюдать въ печати.

Теперь въ печати дѣйствуютъ отцы, которые въ шестидесятыхъ годахъ были дѣтьми. Въ то время дѣти держали въ своихъ рукахъ передовую идею, они несли ее какъ знамя, они принимали дѣятельное участіе въ освобожденіи крестьянъ, составляли Положеніе и затѣмъ участвовали во всѣхъ послѣдующихъ реформахъ. Были и тогда, такъ-сказать, разнаго

рода фракціи, на которыя дѣлились дѣти. Одни хотѣли много большаго, чѣмъ давалось жизнью, другіе-же видѣли невозможность этого большаго и примирялись съ меньшимъ. Представители однихъ фракцій не сохранили своихъ мѣстъ и должны были уступить дорогу представителямъ другихъ фракцій, которые въ послѣдующіе затѣмъ двадцать-пять лѣтъ создали себѣ общественное положеніе и явились дѣйствующимъ поколѣніемъ. Вотъ это дѣйствующее поколѣніе и держитъ теперь въ своихъ рукахъ печать и имѣетъ общественный, рѣшающій голосъ. Былыя дѣти стали отцами, но ихъ дѣти уже не играютъ такой роли, какую они играли сами, будучи дѣтьми. Но какъ прежніе отцы не сливались съ дѣтьми, такъ и теперь на нашихъ глазахъ повторялась та-же исторія. Конечно, это фактъ прискорбный и ненормальный, но тѣмъ не менѣе онъ существуетъ и взаимнаго пониманія между отцами и дѣтьми нѣтъ. Если-же этого пониманія нѣтъ, то какъ-же обвинять отцовъ въ томъ, что они неумѣютъ воспитывать своихъ дѣтей? Легче бросить укоръ въ отцовъ, чѣмъ сказать имъ толкомъ, въ чемъ они виноваты и въ чемъ они не такъ поступаютъ. Если они творцы ложной цивилизаціи и лже-интеллигенты, то имѣетъ-ли печать право требовать отъ нихъ правильнаго воспитанія? Зачѣмъ-же эти горячія, несправедливыя филиппики и обвиненія ихъ въ томъ, что они вскормили и взростили среди себя никуда негодное поколѣніе, что они поддержали его своей дешевою насмѣшкой, легкомысленнымъ отношеніемъ ко всѣмъ основамъ общественной жизни и ко всѣмъ нравственнымъ и историческимъ устоямъ общежитія? За что это обвиненіе отцовъ, что они не были интеллигентными руководителями своихъ дѣтей, что не счумѣли сохранить своего нравственнаго положенія и своего законнаго родительскаго авторитета, что они развили въ дѣтяхъ трусливость, лицемерную угодливость, безхарактерность и лгавье, что отцы и дѣти дошли до того, что стали стыдиться лучшихъ своихъ чувствъ и если эти чувства проскальзываютъ въ нихъ по неизбежной потребности природы, то они торопятся какъ можно скорѣе задушить это отсталое, несовременное проявленіе? А если всѣ эти недостатки были въ отцахъ, можно-ли винить дѣтей, что воспитанныя въ средѣ такихъ родителей, они носятъ въ себѣ не достоинства, а недостатки, и развѣ это мнѣніе не есть такое-же лицемеріе и такая-же ложь, въ которыхъ печать обвиняетъ отцовъ и дѣтей. Обвинивъ виновныхъ, печать ихъ только оправдала. Вмѣсто того, чтобы отдаваться фразистымъ филиппикамъ, московская печать, хоромъ повторяющая одно и то-же, сдѣлала-бы лучше, если-бы потрудилась выяснить, отчего дѣти не слушаютъ своихъ

отцовъ, отчего отцы не умѣютъ говорить такъ, чтобы ихъ понимали дѣти, откуда явилось взаимное недоразумѣніе и почему исчезъ умственный и нравственный авторитетъ отцовъ. Въ злой-ли волѣ людей лежитъ причина этого или въ обстоятельствахъ? Если-же въ обстоятельствахъ и въ общихъ условіяхъ, то въ чемъ они заключаются. Въмѣсто того, чтобы говорить дѣло, наша печать занималась только стиркою бѣлья, превратилась въ какой-то кагалъ, въ которомъ ничего не разберешь. Въ теперешній, трудный моментъ нашей жизни воинствующая печать не выставила ни одного способнаго человѣка, который-бы безъ фразъ, безъ пафоса, безъ возбужденія страстей, высказалъ-бы простое, разсудительное мнѣніе и сказалъ-бы дѣльное слово. Напротивъ того, газетная печать, съ такимъ озлобленіемъ навинувшаяся на интеллигенцію и обвинившая ее во всемъ, именно и показала, насколько сама эта печать составляетъ цвѣты и ягоды этой интеллигенціи, насколько она сама есть сундуръ понятій, которыми отличается теперешняя русская общественная мысль. Если-бъ не было этой печати, исчезли-бы и всѣ признаки той же-интеллигенціи, въ которой она упрекаетъ русское общество.

Въ той печати, о которой идетъ рѣчь, выражалась еще одна особенность, о которой газетная печать умалчиваетъ, перечисляя недостатки же-интеллигенціи. Наша газетная печать, московская-ли она или петербургская, поднимаетъ-ли она самоувѣренно голову или плетется въ хвостъ за Достоевскимъ, Катковымъ, или Аксаковымъ, обнаруживаетъ необыкновенную склонность къ властительству. Эта интеллигенція, или же-интеллигенція, считаетъ себя настолько непогрѣшимой и безошибочнейшей, что она немедленно устремляетъ свое око на кормило корабля и обнаруживаетъ желаніе непременно стать или у его руля, или, по крайнѣй мѣрѣ, у мачты, чтобы управлять его курсомъ. Интеллигенція, или же-интеллигенція, какъ чисто-головной продуктъ, преимущественно склонна къ юридическому мышленію и къ юридическимъ мѣрамъ; а такъ-какъ она продуктъ городской и живетъ исключительно въ области юридическаго мышленія, то для нея право и область права являются единственнымъ средствомъ и источникомъ, въ которомъ она видитъ средство спасенія. Поэтому-то любой интеллигентъ этого юридическаго, беспочвеннаго пошиба— прежде всего политиканъ, политическій прожекторъ, государственный совѣтникъ, пожалуй даже немножко реформаторъ, но всегда и непременно сторонникъ классическаго идеала власти.

Политиканы изъ интеллигенціи даже такіе скромные, какъ покойный Достоевскій, кабую-бы они ни надѣвали на себя ли-

чину, знаютъ только одно средство: «искоренять» — ихъ политическій принципъ. А искоренять — значить для нихъ уничтожить все новое и возсоздавать все старое, начиная съ Москвы; всякую мысль они непремѣнно съюзятъ, общее сведутъ на частное, государственное — на провинціальное.

Судя по тому, что было высказано печатью, вопросъ объ интеллигенціи принадлежитъ къ нашимъ самымъ «неразрѣшеннымъ вопросамъ» и каждый понимаетъ его по-своему. Разбродъ понятій, противорѣчія, умственные несогласія, хаосъ и анархія мысли и единоличный умственный произволъ, — вотъ пока тѣ общія черты, на которыхъ можно остановиться. Поэтому понятно общее желаніе, высказываемое людьми всевозможныхъ лагерей и направленій, что нужно-бы собраться, да поговорить, да порѣшить и намѣтить общія точки для соглашенія и возможнаго умственнаго примиренія.

III.

Умственная рознь, какъ общій признакъ интеллигенціи, не кончается только въ ея сферѣ. Достоевскій, напримѣръ, обвиняя молодое поколѣніе, говоритъ, что оно не воспиталось на реаль, ной почвѣ, что оно не приготовлено къ скромному, тяжелому труду, что оно также пропитано чиновными воззрѣніями, которыми заражено и общество, что оно витаетъ въ эмпиреяхъ, или, по-просту, ловитъ журавлей въ небѣ и находится подъ впечатлѣніемъ тысячи сбивчивыхъ, отвлеченныхъ, трудноваримыхъ, философскихъ и всякихъ другихъ отвлеченныхъ понятій, которыя породили жизнь и мысль европейскихъ народовъ, и которыя тамъ имѣютъ смыслъ, котораго они здѣсь не имѣютъ. Достоевскій находитъ, что между интеллигенціей и народомъ нѣтъ никакой связи, что интеллигенція отрѣзанный ломоть и никакого мостика соединяющаго ее съ народомъ, не существуетъ.

Писатель совсѣмъ не тѣхъ понятій, какъ Достоевскій, но тоже интеллигентъ, Энгельгардтъ, устанавливаетъ тотъ-же фактъ и объ оторванности народа говоритъ, что интеллигенція, какая у насъ есть, не интеллигенція народа. Подмѣтивъ вѣрно фактъ, г. Энгельгардтъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что если изъ народа выдѣлится какая-нибудь единица, ищущая свѣта и найдетъ этотъ свѣтъ въ наукѣ и образованіи, то подобная просвѣщенная единица уже никогда не возвращается въ народъ, а переселяется цѣликомъ въ общество и становится интеллигенціей.

Достоевскій, стоявшій обыкновенно на отрицательной почвѣ

и произносившій только хулы, не указавъ нигдѣ, какъ устроить тотъ золотой мостъ, который-бы соединилъ общество и интеллигенцію съ народомъ. Г. Энгельгардтъ, живущій въ деревнѣ, конечно, лучше московскихъ интеллигентовъ и Достоевскаго знаетъ бытъ народа и по условіямъ своего экономическаго положенія имѣетъ болѣе твердую почву подъ ногами, чѣмъ отвѣченные мыслители славянофильскаго и народническаго пошиба. Средство, которое предлагаетъ г. Энгельгардтъ, чтобы уничтожить теперешнюю же интеллигенцію, очень простое. Онъ говоритъ, что рознь до тѣхъ поръ не прекратится, пока у народа не явится своя интеллигенція; а свою интеллигенцію устроить по рецепту г. Энгельгардта вовсе не такъ трудно. Онъ говоритъ, что для этого нужно, чтобы мужики устроили *свои* школы, завели *своихъ* учителей, подобно тому, какъ они имѣютъ *своихъ* коноваловъ, *своихъ* повитухъ, *своихъ* лекарей, *своихъ* шведовъ, шерстобитовъ, волночесовъ, трещоточниковъ, живописцевъ, пѣвцовъ и т. п. Школы эти, по словамъ Энгельгардта, будутъ конечно, плохи, учителя будутъ также плохи, — дѣти въ школахъ выучатся плохой грамотѣ, но важно то, что это будутъ свои мужицкія школы, важно то, что школа своя, что учитель свой человѣкъ, не бѣлоручка, не барчукъ, не прихотникъ, ѣсть то-же, что и мужикъ, спитъ какъ и мужикъ; важно то, что учитель живетъ здѣсь въ деревнѣ, подобно тому, какъ для бабъ важно, что есть въ деревнѣ своя повитуха. А чтобы все случилось такъ, какъ нужно для народа, чтобы у него было все свое, нужно, по мнѣнію г. Энгельгардта, прежде всего, чтобы интеллигенція научилась уважать народъ, а для этого она должна сѣсть на землю, работать такъ, какъ работаетъ самъ народъ, она должна давать ему живой примѣръ лучшей работы, лучшихъ способовъ и понятій и отвѣчать только на его запросъ лучшаго, который явится непосредственно вслѣдъ за поднятіемъ экономическаго благосостоянія народа. Задача интеллигентныхъ людей состоитъ лишь въ томъ, чтобы способствовать развитію мужицкихъ учреждений, поддерживать, наставлять мужицкихъ учителей, повитухъ, дѣдовъ. Такой интеллигентный человѣкъ, прежде всего, долженъ быть, человѣкомъ *чуждымъ*, истинно-образованнымъ, дѣльнымъ, знающимъ.

Нельзя сказать, чтобы идеалъ г. Энгельгардта не имѣлъ въ себѣ извѣстнаго рода плѣнительности, но трудная сторона его осуществленія заключается именно въ томъ противорѣчій, которое г. Энгельгардтъ и не примирилъ. Онъ, какъ и всѣ противники общества и интеллигенція, усматриваетъ въ ней недостатки и въ этомъ отношеніи сходится и съ Достоевскимъ,

и съ Русью, и «Московскими вѣдомостями». Съ ними онъ сходится еще и въ томъ, что требуетъ, чтобы интеллигенція дѣйствовала для блага народа. Совершенно вѣрно замѣчаетъ онъ также, какъ и Достоевскій, что каждая единица изъ народа, ищущая свѣта, если она его найдетъ въ образованіи, является затѣмъ отнятой духовно отъ народа и въ народъ не возвращается. Конечно, противъ этого одно только средство, чтобы у народа была своя интеллигенція, свои школы и такъ далѣе. Но предложивъ такое средство, г. Энгельгардтъ не сказалъ въ сущности ничего. Конечно, желательно, чтобы интеллигенція и народъ не изображали-бы изъ себя незнакомцевъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ и потому не понимающихъ другъ друга и аukaющихъ издали. То, что желаетъ г. Энгельгардтъ, желаютъ, пожалуй, и всѣ, но только до сихъ поръ никто еще не придумалъ, какъ это устроить, да и не выяснилъ толкомъ, заключается-ли причина розни въ томъ, что интеллигенція и единицы изъ народа, ищущія свѣта, получаютъ свое образованіе тѣмъ путемъ, какой у насъ существуетъ, что можно-ли создать иные источники и средства образованія, или-же въ томъ, что эти единицы изъ народа по разнымъ физиологическимъ, психическимъ и другимъ причинамъ уже и не могутъ снова осѣсть въ своей первой средѣ и найти въ ней удовлетвореніе.

Ставить разрѣшеніе этихъ вопросовъ отъ моральныхъ причинъ и въ коренную зависимость отъ гуманности, истинной образованности и т. д., какъ это дѣлаетъ г. Энгельгардтъ, значитъ въ сущности вертѣться въ томъ-же колесѣ, въ которомъ вертѣлся Достоевскій, вертится «Русь». Извѣстный Дембинскій, одинъ изъ бывшихъ польскихъ вожаковъ, говорилъ, что разница между идеалами поляковъ и русскихъ заключается въ томъ, что русскіе cadaго барина хотять сдѣлать мужикомъ, а поляки cadaго мужика хотять сдѣлать баринoмъ. Дембинскій былъ идеалистъ не хуже Энгельгардта, и его постановка, какъ кажется, болѣе правильна, да вѣроятно не противорѣчитъ и идеалу г. Энгельгардта, который требуетъ, чтобы интеллигенція давала народу новый примѣръ лучшаго, лучшей работы, лучшаго устройства жизни, лучшихъ понятій, и давала-бы отвѣты на всѣ запросы крестьянина, которые явятся непосредственно за поднятіемъ экономическаго благосостоянія народа. Не въ этой-ли разницѣ благосостояній лежитъ причина розни и не найдетъ-ли она примиренія съ устраненіемъ тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ мужика жить въ курной избѣ. Едва-ли г. Энгельгардтъ уничтожитъ рознь, если людей съ лучшими матеріальными привычками и требованіями, которыя неразлучны съ развитіемъ

мысли и понятій, засадить въ курную избу. Для этого эксперимента можетъ быть и найдутся единицы, какъ они и находились, но вѣдь это будутъ пророки и фанатики, идущіе на жертву. Этимъ способомъ вопросъ о розни не получитъ общественнаго разрѣшенія и не станетъ общимъ явленіемъ. Такія массовыя дѣла не разрѣшаются жертвами единицъ, и каждое частное разрѣшеніе не будетъ разрѣшеніемъ и не создастъ умственнаго примиренія. Нужны общія условія и общія возможности, рассчитанныя на обыкновенныхъ людей.

IV.

Главнымъ виновникомъ петербургскаго періода и, слѣдовательно, родоначальникомъ ложной цивилизаціи и лже-интеллигенціи дѣлають Петра Великаго. Петръ Великій и до сихъ поръ еще одинъ изъ самыхъ спорныхъ нашихъ пунктовъ, когда вопросъ касается интеллигенціи и лже-интеллигенціи, цивилизаціи и лже-цивилизаціи.

Одинъ изъ вожаковъ славянофильства, покойный Хомяковъ, объясняетъ такъ появленіе Петра Великаго: «Когда всѣ обычаи старины, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены въ жертву для составленія плотнаго государственнаго тѣла; когда люди, охраненные вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а, такъ-сказать, другъ подлѣ друга, язва безнравственности общественной распространилась безмѣрно, и всѣ худшія страсти человѣка: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить новый папскій престолъ. Явился Петръ и, по какому-то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное, святое значеніе слова «государство», онъ ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза. Ударъ по сословію судей-воровъ; ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ и забывающимъ родину; ударъ по монахамъ, ищущимъ душеспасенія въ кельяхъ и поборовъ по городамъ, и забывающимъ церковь и человѣчество, и братство христіанское. За кого изъ нихъ заступится исторія?» Петръ Великій явился такимъ образомъ обновителемъ русской жизни и въ европейскихъ порядкахъ и понятіяхъ искалъ спасенія для Россіи. Такъ бывало всегда. Россія послѣ Петра Великаго постоянно колебалась между двумя тяготѣніями: между стремленіемъ уйти внутрь себя и между стремленіемъ обновиться на поня-

тіяхъ Европы. Это были періодическіе отливы и приливы; замыканіе внутрь себя никогда не давало силы Россіи, и первое же столкновеніе съ Европой убѣждало ее въ томъ, что нужно искать освѣженія въ европейскихъ идеяхъ и принципахъ. Всякое такое сближеніе съ Европой давало Россіи новый толчекъ, освѣжало ея силы, и всегда за этимъ слѣдовалъ быстрый ростъ Россіи. Однимъ изъ послѣднихъ фактовъ этого рода является фактъ освобожденія крестьянъ и послѣдовавшія за тѣмъ реформы; не только основная идея, но и подробности ихъ, выразившіяся въ освобожденіи, въ судебныхъ уставахъ, въ общей воинской повинности и другихъ реформахъ—плодъ европейской мысли. Поэтому-то сторонники Европы и имѣли право говорить, что Европа давно уже справилась со многими несогласіями и противорѣчіями, съ которыми мы справиться не въ состояніи.

«Европа-то справилась? восклицаетъ на это Достоевскій. Да кто это могъ только сказать?—Да она наканунѣ паденія, эта ваша Европа, повсемѣстнаго, общаго, ужаснаго. Европа—это муравейникъ съ растлѣннымъ до основанія нравственнымъ началомъ. Грядетъ четвертое сословіе, стучитъ и ломится въ дверь, и если ему не отворять, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякій, доселѣ бывший законъ. На компромиссъ, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданія; наступитъ нѣчто такое, чего никто и не мыслить. Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдываемыя теперь гражданскія теоріи, всѣ накопленные богатства, банки, науки, жида, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно, кромѣ развѣ жидовъ, которые и тогда найдутся, какъ поступить, такъ-что имъ даже въ руку будетъ работа». По убѣжденію Достоевскаго и его сторонниковъ, какихъ-бы они ни были отчѣнковъ, отъ Европы намъ заимствовать нечего, ибо все, что мы отъ нея заимствовали, пошло намъ не въ пользу, а во вредъ.

«Но такъ-ли и то-ли мы отъ нея заимствовали? Нѣтъ не такъ и не то, возражаютъ люди Петровской Россіи. Эти противники говорятъ, что Петръ Великій вводилъ въ Россію иноземщину, чтобы свѣтомъ общественнаго просвѣщенія убить князю, ябеду, волокиту и общественную распущенность. Алексѣй Михайловичъ и ранѣе Іоаннъ III враждовали съ тѣми-же самыми общественными пороками. А съ другой стороны, почему-же Европа не знаетъ у себя того явленія, на которое обрушиваются противники Петровскихъ преобразованій? Ни во Франціи, ни въ Англіи, ни даже въ Германіи нѣтъ той казенщины, на которую обрушивается «Русь». За что-же обвинять Европу въ томъ, что она погубила Россію своимъ вліяніемъ и навязала

намъ канцеляризмъ, казенщину и свой бюрократизмъ? «Не Европа погубила Россію, а она сама, своею неподатливостью, своимъ историческимъ упрямствомъ и исторически-выработавшеюся въ ней хитростью, изуродовала посѣянные въ ней великимъ сѣятелемъ европейскія семена. Мы хитрили всю свою жизнь, и эта хитрость насъ погубила. Но хитрость не доказываетъ ни ума, ни силы воли и не можетъ служить залогомъ нравственнаго развитія. Напротивъ, хитростью охраняетъ себя необразованность, запуганность и непременно соединяющееся съ этимъ игнорированіе понятія о собственной, человѣческой правоспособности, а мы съ искони и до настоящаго времени сохраняемъ въ себѣ всѣ эти свойства: мужикъ старается изъ всѣхъ силъ обхитрить рядомъ-же съ нимъ живущаго помѣщика; провинціальное общество хитритъ передъ столичнымъ, столичное же, въ свою очередь, хитритъ передъ всѣми—и все это дѣлается для того, чтобы сохранить свою коренную субстанцію, чтобы, надѣвши на себя чужой костюмъ, отвести глаза зрителямъ, сохранивъ подъ нимъ свою старую, засаленную одежду. Такъ мы и поступали, когда къ намъ вводили европейскую цивилизацію; мы брали изъ нея только внѣшность, для того, чтобы не досаждалъ старшимъ, которые къ намъ приставали съ нею, а въ сущности—оставались все тѣми-же старыми, какими были и прежде»... Такъ говоритъ «Страна», представительница мнѣнія совершенно противоположнаго «Руси» и Достоевскаго. Мнѣніе это обзываетъ лже-интеллигенціею совѣсьмъ не то, что обзываетъ московская печать. Лже-интеллигенціею оказывается теперь уже все то, что хитрило, что заимствовало не сущность, а форму и что не вліяло дѣйствительнымъ образомъ на европейски-правильное развитіе. Но эти два крайнихъ мнѣнія, ставшія одно противъ другого, являются какъ два борца, въ полномъ всеоружіи, готовые на битву, но ни разрѣшенія, ни примиренія за ними еще не видно, и борцы стоятъ, не желая уступить одинъ другому своего мѣста.

Мы не можемъ оставить этого вопроса, не приведя еще мнѣнія объ насъ иностранцевъ и мнѣнія, высказаннаго «Порядкомъ». Одна изъ нѣмецкихъ газетъ, по поводу послѣднихъ событій, говоритъ, что источникомъ ихъ служитъ появившаяся въ Россіи фанатическая ненависть къ существующему, пессимистическое къ нему отношеніе въ соединеніи съ господствующимъ въ Россіи полуобразованіемъ. Прошлое русскаго человѣка оставило на душѣ его чувство какого-то давленія, поддерживаемаго скудостью свѣтлыхъ образовъ минувшей жизни страны. Въ русскомъ человѣкѣ живетъ какое-то пренебреженіе къ

жизни, какое-то смутное чувство, что жить не стоитъ. Улучшеніе, украшеніе бытовыхъ условій общественной жизни еще не стало для русскаго глубокою потребностью. Богатые и знатные знакомы съ роскошью въ самыхъ утонченныхъ ея формахъ, но настоящій комфортъ, въ житейскомъ и гражданскомъ смыслѣ слова, мало кому доступенъ. Къ этому нужно еще прибавить отрицательное отношеніе къ религіозному чувству, холодность домашняго очага, необыкновенную подвижность русскаго человѣка, его природную склонность къ переселеніямъ, и крайнюю слабость и непривлекательность узъ, связующихъ его съ прежними поколѣніями, выражающуюся въ постоянномъ антагонизмѣ отцовъ и дѣтей.

Съ горькимъ чувствомъ, говоритъ «Порядокъ», читаетъ русскій человѣкъ эти страшные приговоры, которые были-бы смертельны, если-бы имъ была присвоена окончательная, безповоротнорѣшающая сила. Нѣтъ ничего фальшивѣе, обиднѣе и вреднѣе мысли, будто русская земля какая-то особенная, какой-то выродокъ, будто европейскіе законы и порядки не для нея писаны. Ея особенности такія-же, какъ и особенности всякой другой страны. Между русскою національностью и національностями европейскими различіе отнюдь не принципиальное, а только типическое, такое-же, какое бросается въ глаза, напр., между національностями французской и англійской. Но и русская—тоже европейская національность и она призвана не только усвоить себѣ плоды умственной и общественной жизни передовыхъ народовъ, но и переработать ихъ по своему типу, примѣнить ихъ къ своимъ потребностямъ и нуждамъ, и по возможности идти далѣе, ставить современемъ новыя задачи и двигать человѣчество. Для этого нуженъ просторъ, нужно широкое развитіе личности, которая можетъ, конечно, принять свои особенныя, національныя формы. Но въ принципѣ этого должно лежать тоже общее начало. Свобода, какъ и наука, одна. Двухъ свободъ, какъ и двухъ наукъ, не существуетъ. Разнымъ національностямъ свойственны различныя формы общежитія, особенныя формы учреждений, но всѣ они роковымъ образомъ обречены ничтожеству, или гибели, попирая человѣческое право, свободу мысли и изслѣдованія. Русская народность есть народность европейская, и уже вслѣдствіе этого русскому человѣку не пристало высказывать въ отношеніи къ европейскимъ національностямъ ту узость взгляда, которую по отношенію къ намъ обнаруживаютъ, напр., нѣмцы.

V.

Вѣрность этихъ соображеній находитъ себѣ подтвержденіе въ статистическомъ расчетѣ, который мы сдѣлаемъ. Вся та масса людей, которая извѣстна теперь подъ именемъ интеллигенціи, должна была создаться путемъ развитія частью экономическихъ отношеній, въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились, а частью вслѣдствіе простого увеличенія населенія.

То, что сдѣлалъ Петръ Великій, неизбѣжно должно было случиться. Окно, которое онъ прорубилъ въ Европу, было простымъ слѣдствіемъ закона международной солидарности, закона, по которому и Турція предприняла въ нынѣшнемъ столѣтіи реформы, по которому Японія вступила въ международный союзъ и даже Китай снялъ свою великую стѣну. Этотъ историческій законъ не можетъ миновать ни одинъ народъ, ибо это вопросъ національной борьбы за существованіе. Чтобы выдерживать международную борьбу, требуется умственное и матеріальное равенство съ другими народами, а его у до-петровской Россіи не было.

Петръ обратилъ главное вниманіе на развитіе промышленныхъ силъ, онъ завелъ заводы, фабрики, поощрялъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, и положилъ начало тому промышленно-торговому европеизму, который въ настоящее время у насъ уже вполне окрѣпъ и установился. Если сравнить промышленную Россію временъ Петра Великаго съ теперешней, то разница выйдетъ громадная. Весь государственный бюджетъ Петра Великаго составлялъ какіе-нибудь десять милліоновъ, а теперь онъ выросъ до семисотъ милліоновъ. Въ такой-же прогрессіи увеличилась наша фабричная производительность и наша внѣшняя торговля. При Петрѣ Великомъ какой-нибудь одинъ иностранный корабль приводилъ въ умиленіе все петербургское народонаселеніе, а теперь сотни тысячъ кораблей бороздятъ моря, чтобы доставлять въ Россію со всѣхъ концовъ свѣта всевозможные продукты и фабрикаты, а взамѣнъ ихъ увозить продукты русскаго производства.

Этотъ по-истинѣ изумительный ростъ Россіи свершился, однако, внѣ народнаго слоя и совсѣмъ не тѣми людьми, которые составляли деревню. Для фабричныхъ производствъ, для промышленности, для торговли требовался не человѣкъ деревни, стоявшій у сохи, а другой человѣкъ, который выходилъ изъ того же народа, изъ той-же деревни, и затѣмъ уже оставлялъ деревню безповоротно, чтобы стать купцомъ, промышленникомъ и городскимъ жителемъ. Все, что выдѣлялось изъ деревни и уxo-

дѣло въ промышленность и торговлю, вдало начало «интеллигенціи» въ той ея международной европейской формѣ, которой до Петра Великаго не существовало.

Но такъ-какъ кромѣ собственно экономическихъ услугъ требовались для петровскаго государства и еще другія услуги, то создалась масса людей и для этихъ услугъ. Новые люди требовались для школъ, для администраціи, для войска; они составили весьма разнообразный контингентъ людей всевозможныхъ профессій и специальностей, который вслѣдствіе простаго нарощенія населенія долженъ былъ достигнуть весьма почтенной цифры. При Петрѣ Великомъ вся масса этой интеллигенціи составляла какіе-нибудь четыреста пятьсотъ человекъ и удовлетворяла своимъ численнымъ составомъ всѣмъ нуждамъ тогдашняго пяти-милліоннаго населенія; въ настоящее-же время, для удовлетворенія нуждъ девяносто-милліоннаго населенія, долженъ былъ увеличиться соотвѣтственно и запасъ этихъ людей. Если принять, что теперешняя разнохарактерная интеллигенція, украшающая своимъ присутствіемъ города, составляетъ только 5 милліоновъ, то и эта цифра едва-ли будетъ преувеличенной.

По своему составу, или по характеру специальностей, теперешняя интеллигенція весьма сложна и многообразна; она начинается еще въ деревнѣ и постепенно восходитъ до города, кончаясь интеллектуальными верхами столицъ. Интеллигенція начинается съ волостного писаря и старшины; затѣмъ идетъ кулакъ-міроѣдъ, священникъ, сельскій учитель, становой, помѣщикъ, лавочникъ. Въ городахъ представители разныхъ умственныхъ специальностей и умственные работники считаются тысячами, десятками и сотнями тысячъ, смотря по величинѣ города.

Къ интеллигенціи повсюду и вездѣ принадлежатъ у насъ капиталисты, собственники, хозяева, независимые работники, и наша такъ-называемая интеллигенція стоитъ по преимуществу у хлѣбныхъ дѣлъ, у наживы и имѣетъ экономическій характеръ. Она стремится къ лучшимъ удобствамъ жизни, она носитъ европейскій костюмъ, она усваиваетъ европейскія привычки и внѣшній комфортъ; что-же касается до интеллигентнаго внутренняго содержанія и умственнаго комфорта, то духъ реформъ Петра Великаго еще не повліялъ на русскаго человека, и въ Россіи можно найти только отдѣльныя интеллигентныя единицы, а большинство пребываетъ въ московскихъ, до-петровскихъ понятіяхъ.

Нашъ интеллигентъ есть по преимуществу городской и лавочный продуктъ, а не продуктъ земли и не земская сила. Если для характеристики русской интеллигенціи пользоваться европей-

скими опредѣленіями, то ее пришлось-бы обозвать буржуазіей. Выѣшнимъ признакомъ нашей интеллигенціи,—а другихъ она еще не обнаружила,—было всегда стремленіе къ обезпеченію.

Поэтому разбогатѣвшій мужикъ, какой-нибудь кабатчикъ, содержатель постоялаго двора, ломался надъ мужиками, которые были бѣднѣе его, смѣялся надъ ихъ глупостью и считалъ себя интеллигентнымъ. Онъ являлся воротилой въ деревенскихъ дѣлахъ, не потому, что былъ умнѣе, а потому, что былъ богаче и своимъ богатствомъ держалъ бѣдныхъ мужиковъ въ рукахъ.

Не умственное различіе выдѣляло такого кулака и мірѣда изъ міра и отдавало ему въ руки деревню, а исключительно его богатство, и вотъ уже гдѣ начинается глубокая пропасть между народомъ и интеллигенціей, и выдѣленіе людей болѣе обезпеченныхъ изъ людей обезпеченныхъ менѣе; такъ-какъ весь ростъ русской мысли свершался почти исключительно въ сферѣ экономическаго мышленія, то ясно, что дѣленіе на народъ и не народъ установилось тоже на экономической почвѣ. Кабатчикъ и кулакъ такой-же мужикъ, какъ и всякій другой крестьянинъ въ его деревнѣ, а между тѣмъ кабатчикъ, писарь, лавочникъ, уже высокомѣрничаютъ надъ глупымъ мужикомъ и относятся къ нему сверху. Это верховенство деревенской интеллигенціи заставило и деревню подраздѣлить на народъ и лже-народъ; такъ-что у насъ есть интеллигенція и лже-интеллигенція, народъ и лже-народъ. Въ сущности эти дѣленія ничего не объясняютъ, ибо различіе, установившееся у насъ между слоями населенія, есть различіе экономическое. Деревня есть то, что живетъ общиной, міромъ, живетъ бѣдно, стадно, первобытно и существуетъ исключительно мускульнымъ трудомъ. Интеллигенція все то, что вышло изъ деревни, живетъ внѣ ея міра, или эксплуатируетъ его, какъ кулакъ, все, что служитъ представителемъ индивидуализма, личныхъ интересовъ и образуетъ собственно городъ.

Въ томъ, что развитіе наше шло именно этимъ путемъ, что начавъ экономизмомъ, мы формировали исключительно буржуазную интеллигенцію разныхъ оттѣнковъ—меньше всего виновать Петръ Великій. Экономическое развитіе всегда создаетъ городъ, т. е. умственный центръ со школами, университетами, академіями; съ концентрированной промышленностью, торговлею и администраціею. Россія, вступивъ на путь капитализма и экономическаго развитія, и давъ просторъ развитію личныхъ началъ, и не могла сдѣлаться иною, какою мы ее теперь видимъ. И безъ Петра Великаго случилось-бы все то-же. Г. Энгельгардтъ думаетъ, что эта рознь и оторванность исчез-

нетъ, если народъ будетъ имѣть свою интеллигенцію, если у него будетъ свой учитель, свой шерстобитъ, свой купецъ, свой представитель и т. д. Едва-ли этотъ вопросъ разрѣшится такимъ образомъ. Чтобы въ деревни былъ свой учитель, ему все-таки нужно поучиться въ городѣ; чтобы имѣть своего купца, тужно все-таки чтобы у купца былъ свой капиталъ. Какъ только этимъ путемъ появляется въ деревнѣ личное начало, оно является врагомъ «міра», съ которымъ ни кулакъ, ни лавочникъ, ни купецъ никогда не сольются.

Конечно, желательно, чтобы осуществились многія изъ тѣхъ мечтаній, на которыя потратили свои силы наши ученые люди. Нельзя сказать также, чтобы и примѣровъ осуществленія подобныхъ пожеланій исторія не представляла. Въ Америкѣ есть коммуны, въ которыхъ населеніе живетъ близко къ тому идеалу, о которомъ мечтали утописты; въ этихъ коммунахъ все свое: есть и своя интеллигенція, и свои учителя, устроены общественныя прачешныя, общественныя пекарни, общественныя лавки, а работники и работницы, возвратившись съ поля, переодѣваются въ чистыя платья и вечеръ посвящаютъ умственнымъ наслажденіямъ; они танцуютъ, слушаютъ музыку, читаютъ книги, бесѣдуютъ и вообще настолько счастливы, насколько счастье возможно на землѣ. Такими счастливыми путешественники описываютъ, напримѣръ, гармонистовъ.

Мы поступали не такъ. Прорубивъ окно въ Европу, мы въ теченіи двухсотъ-пятидесяти лѣтъ создавали то, что окрестили потомъ названіемъ «интеллигенція» т. е. слой населенія, преимущественно городского, выдѣлявшагося изъ народа и разрывавшаго съ нимъ всякую связь, какъ экономическую, такъ и умственную. Это были представители индивидуализма и личнаго начала, не имѣвшаго ничего общаго съ интересами деревни т. е. съ интересами земли и крестьянскаго міра. Различіе между тѣмъ и другимъ міромъ, различіе непримиримое, лежавшее между ними пропастью, было различіе экономическое. Что-же касается до дѣйствительнаго умственнаго различія, то интеллигентное содержаніе въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ Европѣ, достояніемъ нашей буржуазной интеллигенціи не сдѣлалось. Эта пропасть крѣпко поддерживалась всѣмъ крѣпостнымъ строемъ, и только съ освобожденіемъ крестьянъ положенъ былъ первый камень для возможности перемѣны къ лучшему. Наша интеллигенція, какъ экономическая сила, только и сильна передъ народомъ тѣмъ своимъ экономическимъ содержаніемъ, которое позволяетъ писарю, кабатчику и кулаку держать въ кабалѣ цѣлый міръ. Когда народъ освободится отъ этой зависимости, т. е.

когда онъ станетъ богаче, обезпеченнѣе, когда ему не зачѣмъ будетъ продаваться за грошъ міроѣду, тогда исчезнетъ и экономическая пропасть, раздѣляющая народъ отъ не народа. Тогда же только создастся возможность явиться первымъ зачаткамъ той непосредственно ближайшей народной интеллигенціи, которой самъ народъ уже не позволитъ дѣйствовать во вредъ себѣ. Мы присутствуемъ только при началѣ этого новаго періода, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что во многимъ явленіямъ относимся неправильно.

Самую большую и самую вредную умственную ошибку дѣлаютъ, конечно, наши славянофилы и ихъ послѣдователи. Они все ищутъ какихъ-то нравственныхъ спасеній, витаютъ въ моральной области, и никто изъ нихъ ни разу не предложилъ ни одного дѣйствительно практическаго совѣта. Бары по преимуществу наши славянофилы, по самому существу своего воспитанія, должны были витать въ отвлеченныхъ сферахъ мышленія и вслѣдствіе своей обезпеченности могли понимать «мужика» только головнымъ образомъ. Хотя-бы тотъ-же г. Аксаковъ, выступившій нынче такимъ яркимъ противникомъ русскаго бездушія, никогда правильнымъ образомъ не понималъ народной нужды. Баринъ по воспитанію и происхожденію, знакомый съ народнымъ бытомъ изъ оконъ своихъ хоромахъ и прекраснаго далека, онъ и къ мужику примѣнялъ тотъ-же аршинъ, которымъ мѣрялъ интеллигенцію. Поэтому, витая въ области отвлеченныхъ понятій моральнаго порядка, г. Аксаковъ произносилъ только красивыя рѣчи, а когда ему приходилось опускаться на землю, то онъ являлся сторонникомъ «интенсивнаго» хозяйства и противникомъ мелкаго кредита. Политическая и общественная программа г. Аксакова сводится къ очень простому положенію. Надо перевоспитать всю интеллигенцію, сдѣлать ее такою-же, какъ самъ г. Аксаковъ, и тогда въ Россіи воцарится счастье, довольство и спокойствіе.

VI.

Интеллигенты и даже интеллигенты (кто изъ нихъ же и кто настоящіе—до сихъ поръ еще не опредѣлено) сходятся всѣ на одномъ, что нужно устроить положеніе народа, и «все для народа» стало лозунгомъ людей всѣхъ направленій. Это очень хорошо, справедливо и гуманно. Подобный поворотъ въ мысляхъ, если онъ встрѣтитъ осуществленіе на практикѣ, дѣйствительно создастъ въ Россіи такое умственное и матеріальное развитіе, что мечты Достоевскаго, что мы будемъ первымъ народомъ въ

міръ, конечно, осуществятся. Но, во имя той-же справедливости и гуманности, нельзя-же въ самомъ дѣлѣ, распять «интеллигентъ» на крестѣ и сдѣлать только его одного козломъ отпущенія за петербургскій періодъ, какъ выражаются славянофилы. Если предположимъ, что только «интеллигентъ» — источникъ всякаго зла, то вѣдь не самъ-же собою изъ ничего онъ явился, и его, вѣроятно, породили какія-нибудь причины и обстоятельства. Пускай козель отпущенія виноватъ во всемъ, но вѣдь нужно-же что-нибудь и сдѣлать для этого самаго, хотя и виноватаго, но въ то-же время неповиннаго козла; ну, хотя-бы уничтожить тѣ условія, которыя его создавали.

Составъ нашей интеллигенціи многосложенъ и многообразенъ. Одна часть интеллигенціи, начинающаяся кабатчикомъ и міроѣдомъ, создавалась исключительно на экономической почвѣ; эта интеллигенція очень многочисленна и хотя ее и называютъ у насъ русской буржуазіей и третьимъ сословіемъ, но эти иностранныя прозвища къ Дерунову и къ Антошкѣ Христопродавцу не идутъ. Все, что будетъ сдѣлано для народа, т. е. для экономической самостоятельности крестьянскаго міра и крестьянской общины, все это уменьшить возможность грѣшить Деруновымъ и Антошкамъ. А чтобы отнять у нихъ и совсѣмъ возможность грѣшить, надо, чтобы эти представители капитализма не имѣли-бы возможности управлять міромъ и держать его въ экономической кабалѣ. Въ этомъ смыслѣ г. Энгельгардтъ, конечно, правъ, что у народа должно быть все свое, но это свое создается сильнымъ развитіемъ земскаго элемента, земщины, народнаго самоуправления и земской интеллигенціей. Безъ интеллигенціи ничего не подѣлаешь; нужно только одно, чтобы эта интеллигенція, какъ Антей, касалась ногою земли и черпала изъ нея свою силу.

Затѣмъ, въ интеллигенціи есть еще цѣлая масса людей, которая, кажется, и составляетъ самую душу козла отпущенія, навлекшаго на себя громы и обвиненіе въ бездушіи, казенщинѣ и формализмѣ. Но Москва, обрушившаяся на казенщину, забыла, что за этой внѣшней бездушностью и машиннымъ поведеніемъ кроется такой-же живой человѣкъ, который борется за свое существованіе можетъ быть не съ меньшею энергіей и находится лично въ болѣе безвыходномъ положеніи, чѣмъ мужикъ въ деревнѣ. Эта часть интеллигенціи — чисто-городской продуктъ нарождавшійся изъ поколѣнія въ поколѣніе и достигшій въ настоящее время громадной цифры. Изъ него формируется вес контингентъ работниковъ для всевозможныхъ отраслей управленія, какъ казеннаго, такъ частнаго и общественнаго. Это не

обходимыя руки, безъ которыхъ не могли-бы существовать ни конторы, ни канцеляріи, ни банки, ни желѣзныя дороги, ни торговля, ни телеграфы, ни семинаріи, ни университеты, ни даже литература. Этотъ сортъ интеллигенціи извѣстенъ подъ именемъ умственного пролетаріата, и лѣтъ двадцать тому назадъ объ немъ говорилось въ печати много и настойчиво. Число его съ тѣхъ поръ сдѣлалось еще болѣе. Едва-ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что цифра этой безпомощной интеллигенціи, какъ-бы выдвинутой изъ себя Россіей и въ то-же время навлекающей на себя громы Москвы, составляетъ милліона два-три человѣкъ. Судьба двухъ-трехъ милліоновъ людей, конечно, заслуживаетъ участія, и нельзя, подобно гг. Аксакову, Каткову, Достоевскому и другимъ представителямъ народныхъ интересовъ, обрушивать на этотъ продуктъ системы, царившей въ Россіи, личную ненависть и возбуждать противъ нихъ раздраженное, негодующее чувство. Это и несправедливо, и не хорошо, а въ то-же время мало рекомендуетъ развитіе политическихъ и государственныхъ идей въ людяхъ, разсуждающихъ подобно г. Аксакову. Если за подобнымъ личнымъ обвиненіемъ гг. Аксаковы скрываютъ какую-нибудь заднюю мысль, то они дѣлаютъ двойнѣ нехорошо, потому-что не говорятъ того, что они-бы имѣли возможность высказать. Судьба этого интеллигентнаго слоя заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что рядомъ съ спокойными элементами онъ заключаетъ въ себѣ элементы беспокойные. Обрушившись запальчиво на интеллигенцію и обвинивъ поголовно всѣхъ направо и налево, противники интеллигенціи забыли только одно, что она создавалась изъ народныхъ русскихъ элементовъ, что у насъ, у русскихъ, и недостатки тоже русскіе, а не одни достоинства. Обвинивъ послѣдствія, забыли о причинахъ.

Наконецъ, противники интеллигенціи, поднявъ свой голосъ изъ Москвы, забыли еще, что все лучшее, что пріобрѣла Россія въ своихъ стремленіяхъ къ свободѣ и цивилизаціи, было выполнено только интеллигенціей. Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, общія воинская повинность, изслѣдованіе народнаго быта, изслѣдованіе условій, отъ которыхъ зависятъ задержки въ нашемъ государственномъ и народномъ развитіи, все это было разработано и возведено въ сознаніе интеллигенціей. Народъ, конечно, основная сила, но все бытовое и традиціонно-установившееся только тогда получаетъ общественный и государственный смыслъ, когда оно возведено въ сознаніе; этой-то сознающей силой и явилась интеллигенція, и ее народъ ужъ конечно назоветъ своею. Но вопросъ въ томъ, что такое на-

родное благо и кто дѣйствуетъ въ интересахъ этого блага. И вотъ опять начинается сказка о «Бѣломъ бычкѣ». Г. Достоевскій, Аксаковъ и ихъ послѣдователи будутъ увѣрять, что благо только то, что они предлагаютъ, а интеллигенція то, что слѣдуетъ ихъ мнѣніямъ; представители-же петербургскаго пониманія народнаго блага и солидарности русскихъ интересовъ съ европейскими и общеміровыми скажутъ, что интеллигенція лишь то, что понимаетъ интересы Россіи съ петербургско-европейской точки зрѣнія. Который-же изъ этихъ лагерей интеллигенція,—какая интеллигенція ложная, какая истинная? Вопросъ нерѣшенный. Можно только сказать, что въ этой борьбѣ за ложь и правду встали одна противъ другой двѣ умственные силы, которымъ еще предстоитъ посчитаться очень серьезно и борьба между которыми изъ идейной грозитъ сдѣлаться фактической. Отъ того, которая сторона возьметъ верхъ, будетъ зависеть многое въ судьбахъ Россіи.

Н. Ш.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Англичане въ Южной Африкѣ.

I.

Недавнія событія въ Россіи до такой степени поглотили общественное вниманіе, что всѣ другіе политическіе вопросы представляютъ въ настоящую минуту лишь второстепенный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто станетъ заниматься теперь восточнымъ вопросомъ и переговорами между Портой и великими державами? Публика съ величайшимъ равнодушіемъ относится къ расширенію владѣній короля Георга посредствомъ присоединенія Крита или Фессаліи и если-бъ война была объявлена завтра, Европа съ разсѣяннымъ видомъ стала-бы смотрѣть на рѣзню сыновъ Ахилла и потомковъ Магомета. Даже гомерическая борьба въ Южной Америкѣ и подвиги боэровъ потеряли, повидному, свой интересъ.

Каждому свой чередъ и Трансваальская республика не можетъ пожаловаться на то, что капризное вниманіе европейскаго общественнаго мнѣнія обошло ее. Не болѣе двухъ недѣль тому назадъ имя боэровъ было у всѣхъ на устахъ. Всѣ восхваляли ихъ добродѣтели и перечисляли ихъ бѣдствія. Печать во всѣхъ европейскихъ странахъ единодушно сливалась въ общемъ взрывѣ сочувствія къ нимъ. Въ Португаліи и Голландіи просили правительства о посредничествѣ между воюющими. Такого-же рода предложеніе представлено было въ сѣверо-американскій конгрессъ. Изъ Франціи, Швейцаріи, Бельгіи и даже самой Англійи лѣтели адреса, взывавшіе къ великодушію англійскаго правительства относительно мятежниковъ.

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не объ одномъ сочувствіи или любопытствѣ, а о самомъ существованіи англійскаго колоніальнаго господства. Трансваальское возстаніе есть

только одна изъ сторонъ задачи. Потому-то оно и привлекало къ себѣ вниманіе и вотъ почему мы рѣшились посвятить ему настоящую нашу хронику.

Видя безчисленныя затрудненія, съ которыми приходится считаться британскому правительству, многіе стали спрашивать себя, не было-ли преувеличено высокое понятіе объ англійскомъ политическомъ смыслѣ и колонизаторской способности англичанъ. По моему мнѣнію такое сомнѣніе лишено основанія. Колонизаторскій геній Англій долженъ считаться несомнѣннымъ, но затрудненія, съ которыми приходится бороться, по самому существу своему непреодолимы и разрушаютъ всякія политическія комбинаціи.

Если взглянуть на великобританскія колоніи въ ихъ цѣломъ, которое представляетъ колоссальнѣйшія владѣнія когда-либо существовавшія со временъ римлянъ, то можно замѣтить, что онѣ распадаются на двѣ рѣзко отличающіяся между собою категоріи.

Съ одной стороны мы видимъ колоніи, являвшія первоначально крайнее несоотвѣтствіе между цифрой туземнаго населенія и протяженіемъ территоріи: таковы Австралія, Новая Зеландія, наконецъ, Сѣверная Америка. Завоеваніе являлось здѣсь овладеніемъ пустыни въ пользу цивилизаціи. Въ этомъ заключалось его оправданіе и его *raison d'être*. Въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто жалкихъ шаяекъ кочующихъ австралійцевъ, вмѣсто доблестной горсти пятидесяти тысячъ новозеландскихъ маорійцевъ и трехсотъ тысячъ индѣйцевъ, разсѣянныхъ по территоріи сѣвероамериканскаго союза,—англичане очутились лицомъ къ лицу съ значительнымъ туземнымъ населеніемъ, достигшемъ уже болѣе или менѣе высокой степени цивилизаціи. Это можетъ быть сказано объ Индіи, а также,—хотя въ меньшей степени,—объ Афганистанѣ и Южной Африкѣ.

Въ колоніяхъ первой категоріи развитіе побѣдившей расы совершается съ тѣмъ большею жизненною интенсивностью, что оно не встрѣтило на пути никакого препятствія. Безопасность переселенцевъ была почти полная и требовала для своего огражденія лишь незначительной военной силы. Матеріальное благосостояніе быстро достигаетъ изумительной степени и, что еще болѣе замѣчательно, пропорціонально съ нимъ повышается нравственный уровень и развивается демократическій духъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ явилось все болѣе и болѣе усиливавшееся стремленіе къ самоуправленію и логическимъ образомъ каждая изъ этихъ колоній должна была ранѣе или позже оторваться отъ поглотившей ее общей отчизны. Отъ этой послѣдней зависитъ, однако-же, сознаніе положенія вещей, уступка въ виду

непреодолимыхъ стремленій колониальнаго населенія и поддержаніе дружественныхъ къ нему отношеній. Такимъ образомъ, держа политическое господство надъ этими странами, она могла бы, по крайней мѣрѣ, сохранить неприкосновенными свой нравственный и экономическій авторитетъ. Въ прочихъ колоніяхъ, вслѣдствіе различія первоначальныхъ условій и ходъ развитія оказался совершенно инымъ. Если возьмемъ только Южную Африку, то увидимъ, что англичане встрѣтили тамъ многомилліонное населеніе. Это послѣднее не отступаетъ передъ бѣлыми и не изолируется отъ нихъ, подобно австраійскому туземцу, маорійцу или американскому индѣйцу, вслѣдствіе непобѣдимаго отвращенія или неспособности приспособиться къ чуждымъ нравамъ. Изъ новѣйшихъ статистическихъ свѣденій мы видимъ, что въ Капской колоніи на четыре туземца приходится одинъ бѣлый. Въ Трансваалѣ замѣчается еще болѣе сильное несоотвѣтствіе. Къ тому-же это количественное несоотвѣтствіе является еще болѣе невыгоднымъ для бѣлыхъ, по причинѣ способности туземцевъ, которые при содѣйствіи мѣстныхъ климатическихъ условій устраняютъ европейцевъ отъ большей части работъ въ колоніяхъ.

Все это весьма неблагопріятныя условія. Но есть нѣчто еще менѣе благопріятное по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ, а именно то, что *черные* не единственные туземцы, и англичане не единственные бѣлые пришельцы африканской территоріи. Англичанамъ предшествовали въ Африкѣ другіе европейцы, потомки которыхъ и составляютъ въ настоящее время громадное большинство бѣлаго населенія. Основой для него послужили голландцы; они-же придали этимъ колоніямъ голландскую физиономію. Боэры сохранили и языкъ, и нравы своего стараго отечества. При каждомъ удобномъ случаѣ это происхожденіе обличаетъ себя непобѣдимой ненавистью къ англійскимъ тенденціямъ и къ англійскому господству.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого антагонизма является для британскаго правительства необходимость обезпеченія своей безопасности при помощи присоединенія новыхъ территорій и такимъ образомъ оно каждый разъ присоединяетъ къ себѣ новыхъ бѣлыхъ и черныхъ недруговъ, избавляя себя отъ настоящихъ затрудненій цѣною умноженія этихъ затрудненій въ будущемъ: недавнія событія въ Трансваалѣ еще болѣе усложнили дѣло.

II.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію этихъ событій, скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствующихъ лицахъ, т. е. о боврахъ, столь часто упоминаемыхъ за послѣднее время. Къ тому же едва-ли сбищется въ нынѣшнемъ мірѣ болѣе оригинальное населеніе, чѣмъ эти почтенные люди, доблесть и настойчивость которыхъ только-что причинила такое жестокое униженіе британской гордости. Бовръ (т. е. крестьянинъ-земледѣлецъ) остался тѣмъ, чѣмъ былъ, покидая Голландію. Глядя на него, можно подумать, что видишь предъ собою голландца 1700 года, воскресеннаго и перенесеннаго въ Южную Африку. Если-бъ онъ вернулся на родину, его безъ сомнѣнія приняли-бы тамъ за выходца съ того свѣта. Бовръ скрытенъ, угрюмъ, скупъ и неопрятенъ. Несмотря на это, онъ обладаетъ и другими болѣе привлекательными качествами, раздѣляемыми имъ съ европейскими братьями. Туземецъ ненавидитъ бовра за суровость. Англичанинъ презираетъ его за скупость. Оно и понятно. Любящій комфортъ, трапезующій пять разъ въ день и обильно поливающій яства крѣпкими напитками, британецъ не можетъ не презирать при вычекъ и строгой, доходящей до скарденности бережливости этого крестьянина, старающагося ѣсть и пить какъ можно меньше и изнашивающаго свое платье до лохмотьевъ.

Поэтому для англичанина немислима женитьба на дочери бовра. Если-бы то была дочь президента Крюгера,—такой бракъ назвали-бы послѣднимъ *mésallance*'омъ. Но еще оскорбительнѣе для бѣднаго бовра то презрѣніе, которое питаетъ къ нему голландецъ-переселенецъ новѣйшаго времени. Этотъ послѣдній, привыкшій къ благосостоянію и цивилизаціи, о которыхъ бовръ не имѣлъ понятія въ своихъ трансваальскихъ и оранжскихъ захолустьяхъ, относится къ нему свысока, смѣется надъ нимъ, считая отсталымъ, заплесневѣлымъ и погрязшимъ въ предразсудкахъ. Такое отношеніе нашло себѣ выраженіе и въ колониальномъ жаргонѣ. «*Hollander*'омъ зовутъ только современнаго выходца изъ Голландіи. Бовру же присвоена иная кличка: онъ «*dutchmen*». Для *hollander*'а этотъ послѣдній является образцемъ самыхъ низкихъ пороковъ. Его не считаютъ не только скупымъ, несообщительнымъ и неопрятнымъ, но и гнуснымъ, безчеловѣчнымъ, мошенникомъ, наконецъ, трусомъ. Послѣднее свойство служитъ источникомъ неисчерпаемыхъ остротъ и разсказней. Такъ, на примѣръ, разсказываютъ, что какіе-то бовры поссорились съ кафромъ и наняли другого чернаго, чтобы съ

нимъ драться. Но такъ-какъ ихъ боець потерпѣлъ поражение, то они предпочли обратиться въ бѣгство, вмѣсто того, чтобы поддержать его. Затѣмъ, встрѣтивъ поддержаніе, они снова напали на каэра, причемъ ихъ было двадцать противъ одного. Тогда, въ виду столь превосходныхъ силъ, каэръ прибѣгъ къ героическому средству: онъ схватилъ попавшую ему подъ руку бутылку съ содовой водой и, откупоривъ ее, въ упоръ окатилъ бовровъ, которые на этотъ разъ и обратились въ окончательное бѣгство.

Несмотря на презрѣніе, которымъ его осыпають, боэръ высоко держитъ голову. Онъ гордится своимъ происхожденіемъ. Блистающій ослѣпительнымъ бѣльемъ, голландецъ для него есть новый челоуѣкъ, представитель новаго общественнаго слоя, но англичанина онъ ненавидитъ, видя въ немъ жестокаго и развращеннаго тирана.

Троглопъ со свойственною ему кропотливою наблюдательностью, изучилъ на мѣстѣ этотъ любопытный типъ, а также и заселенную имъ мѣстность. Обладая громадными владѣніями, насчитывающими обыкновенно не менѣе шести тысячъ акровъ, эти люди, основной чертой которыхъ можетъ считаться мрачная угрюмость, болѣе всего въ мѣрѣ ненавидятъ сосѣдство и, не довольствуясь существующими разстояніями, стараются, насколько возможно, ихъ увеличить. Фермы боэровъ подобны станціямъ, встрѣчаемымъ путешественникомъ на этихъ обширныхъ пространствахъ. Эта-то, доведенная до крайнихъ предѣловъ изолированность и объясняетъ, какимъ путемъ первоначальный типъ могъ сохраниться неприкосновеннымъ въ теченіи двухъ вѣковъ. Боэрская ферма есть ничто иное, какъ обширная одноэтажная хижина, раздѣленная на двѣ или на три большія комнаты съ грязнымъ и неровнымъ землянымъ поломъ. Вокругъ этого жилища лежатъ земли, доставляющія содержаніе боэру и его семейству. Изъ шести тысячъ акровъ такой фермеръ обрабатываетъ не болѣе пятидесяти. За хозяйственными постройками находятся запруды для сбереженія дождевой воды, служащей какъ для орошенія полей; такъ и для водопоя.

Внѣшность хозяина соответствуетъ наружному виду его жилища. Въ былыя времена боэръ ходилъ въ звѣриныхъ шкурахъ. Въ наше время онъ принесъ ихъ въ жертву цивилизаціи и облекся въ ткани, имѣющія, впрочемъ, видъ грязной ветоши. Даже платья молодыхъ людей и дѣвушекъ вѣдутся такими древними, какъ-будто они переходили по наслѣдству въ теченіи многихъ поколѣній. При такой, не особенно плѣнительной обстановкѣ, путешественникъ встрѣчаетъ, однако-же, довольно

радушный приёмъ. Боэръ гостепріименъ. Онъ охотно предлагаетъ свой столъ и свою постель, подъ условіемъ уплаты по счету.

Жизнь, которую ведетъ боэръ, также угрюма какъ и онъ самъ. Никакихъ сборищъ по сосѣдству, ни бесѣдъ у комельки, ни посидѣлокъ, ни пѣнія, ни танцевъ. Чтеніе ограничивается старой библіей на голландскомъ языкѣ. Никакого иного чтенія изъ сѣерь литературной или научной боэръ не считаетъ нужнымъ. Умѣть читать библію—вотъ и вся наука, которую боэръ желаетъ преподавать своимъ дѣтямъ. Но и это дается не легко, такъ-какъ центры рѣдки, разстоянія огромны и часто не представляется возможности посѣщать школы. Приходится прибѣгать къ странствующимъ учителямъ.

Боэры женятся рано и никогда не остаются вдовцами. Свадьба происходитъ слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Когда молодой человекъ задумалъ жениться, онъ прежде всего составляетъ списокъ молодыхъ дѣвицъ сосѣднихъ округовъ. Затѣмъ украшаетъ шляпу перомъ, садится на лошадь и предпринимаетъ свое любовное путешествіе. Подъѣхавъ къ дому, который рѣшился посѣтить первымъ, онъ входитъ и не говоря ни слова, вытаскиваетъ изъ кармана коробку съ черносливомъ (любимое лакомство боэровъ) и восковую свѣчу. Этотъ символическій языкъ вполне понятенъ и матери и дочери. Черносливъ предназначается первой и она отъ него никогда не отказывается. Свѣча предлагается второй и бываетъ, что ее и не примутъ; въ послѣднемъ случаѣ женихъ садится немедленно на коня и продолжаетъ ѣздить. Если-же свѣчу принимаютъ, то она тотчасъ-же бываетъ зажжена, а мать дѣвушки уходитъ, воткнувъ булавку въ свѣчку на разстояніи одного или двухъ пальцевъ отъ конца свѣтильни, отиѣчая такимъ образомъ срокъ для бесѣды юной пары. Иногда молодые люди находятъ, что булавку воткнули слишкомъ высоко; въ такомъ случаѣ у нихъ есть средство продлить бесѣду: они бросаютъ въ пламя нѣсколько крупинокъ соли, оно начинаетъ трещать и свѣтильня горитъ съ меньшей быстротой.

Боэры крайне религіозны. Огромныя разстоянія, являющіяся препятствіемъ для собраній ради веселья, или даже матеріальнаго интереса, не мѣшаютъ собираться съ цѣлями религіозными. Въ дни большихъ праздниковъ они стремятся въ Преторію или Потчеэстрѣмъ изъ самыхъ дальнихъ округовъ, загромаждаютъ площади своими повозками и терпѣливо ждутъ очереди, чтобы попасть въ церковь и присутствовать при богослуженіи, которое приходится повторять нѣсколько разъ, чтобы удовлетворить огромному спросу.

Упорные въ своихъ вѣрованіяхъ и религіозные до фанатизма, они сохранили духъ кальвинизма во всей его неприкосновенности. Съ этой стороны боѣры представляютъ также интересъ для изслѣдователя и въ ней-то слѣдуетъ искать отчасти причину ихъ силъ и неукротимаго сопротивленія. Въ настоящую минуту они являются послѣдними представителями доктрины, вышедшей изъ Женевы и распространившейся по всему міру, порождая въ средѣ населенія различныхъ странъ группы людей, столь сходныхъ по идеямъ, правиламъ и нравамъ, что, несмотря на различіе въ языкѣ, ихъ можно принять за представителей одной и той-же расы. Эта раса не отличалась, правда, привлекательностью, она была сурова въ своихъ приемахъ, но энергична, сильна и прекрасно приспособлена къ борьбѣ и тяжелому колонизаторскому труду. Во Франціи этихъ людей звали *гугенотами* и они въ теченіи цѣлаго вѣка заставляли дрожать монархію; въ Голландіи они носили названіе *изововъ* (*les gueux*) и прогнали испанцевъ; въ Англіи они авались *пуританами*, *крулыми головами* и низвергли королевскій престолъ, а послѣ пораженія своего нашли въ себѣ достаточно жизненной силы, чтобы основать на другомъ берегу Атлантическаго Океана величайшую колонію въ мірѣ.

Въ Женевѣ они дали знать о себѣ энергіей въ отпоръ чужеземцу и въ особенности республиканской формой своихъ учрежденій, потому что духъ этой секты во Франціи, какъ и въ Женевѣ, въ Трансваалѣ и въ Англіи былъ глубоко-республиканскимъ и вездѣ, гдѣ она основалась, она оставила по себѣ политическую свободу, «*selfgovernment*».

Кальвинъ, Колинъ, Кромвелль, Вашингтонъ, всѣ эти великіе умы, или, нѣриѣ, великіе характеры, могутъ быть названы братьями по духу и они, по всей вѣроятности, не отреклись-бы отъ скромныхъ представителей своего великаго семейства, каковы президентъ Крюгеръ и генералъ Жуберъ, командующій небольшою, но славной арміей Трансваала, единственной странъ въ цѣломъ мірѣ, гдѣ кальвинизмъ являетъ собою не только религію, но почти и самую конституцію государства.

Презирать подобныхъ людей было-бы крайне несправедливо. Напротивъ, можно-бы пожелать многимъ народамъ нашего континента, чтобы они сохранили хотя въ нѣкоторой степени ту мужественную энергію и ту здоровую простоту, которыя составляютъ основныя черты характера этихъ людей. И еще ихъ-же обвиняютъ въ трусости! Они покажутъ себя въ героической борьбѣ противъ тиранніи англичанъ. Они не задорны, это правда, не таковъ ихъ темпераментъ. Они способны долго и

много терпѣть. Но если опасность грозитъ ихъ свободѣ, послѣдній трусъ изъ нихъ сдѣлается львомъ и повергнетъ въ прахъ британскаго льва. Мы приводимъ здѣсь ихъ національный гимнь. Наивная энергія и патріотическая гордость, его проникающая, скажетъ намъ болѣе, чѣмъ всевозможныя описанія:

«У всякаго народа есть своя земля, мы живемъ на африканской землѣ. Для насъ нѣтъ лучше страны во всемъ обширномъ мірѣ. Съ гордостью зовемъ мы себя свободными сынами южной Африки.

«У всякаго народа свой родной языкъ. И мы владѣемъ имъ и говоримъ на немъ отъ Мыса до Трансваала. Къ чему намъ чуждая рѣчь? Мы говоримъ какъ говорили дѣды и отцы, мы говоримъ на языкѣ южно-африканской земли.

«Всякій народъ имѣетъ свою вѣру, она учитъ добру и запрещаетъ зло. Законъ народа отвѣчаетъ его нравамъ и потребностямъ. Мы хотимъ остаться при этомъ обычаяхъ.

«Для роста и господства каждаго народа положенъ срокъ. Въ рѣшеніе свое Господь всегда влагаетъ благость и премудрость. Нашъ день настанетъ, да мы твердо въ это вѣримъ. Надѣйтесь же на Бога сыны Южной Африки.

«У всякаго народа свои права, какъ-бы слабъ и незначущъ онъ ни былъ. Есть око, видящее все, и десница, ставящая предѣлъ неправдѣ. Пусть взглянетъ Господь на южно-африканскую землю и оградитъ ее отъ притѣснителей.

«Для всѣхъ народовъ одинъ Богъ на небѣ. Онъ вѣдаетъ судьбы ихъ и опредѣляетъ каждому народу его языкъ, границы, его законъ, права и время. Кто не признаетъ того, тотъ будетъ наказанъ. О, Боже! сохрани Южную Африку!»

III.

Чтобы дорисовать этотъ странный типъ африканскаго бовра, этотъ, такъ-сказать, образецъ соціальной палеонтологіи, мы стараемся указать на его исторію, по крайней мѣрѣ, въ ея главныхъ фазисахъ.

Въ 1652 году совѣтъ голландской восточно-индійской компаніи рѣшилъ, что Мысъ Доброй Надежды можетъ быть превосходной морской станціей и обсерваціоннымъ пунктомъ, вслѣдствіе чего и было высажено тамъ нѣсколько сотенъ поселенцевъ. Управление компаніи ни въ какомъ случаѣ не могло быть названо отеческимъ. Напротивъ, несмотря на республиканскія учрежденія, выхвалявшіяся голландской буржуазной оле-

гаркней, это управление отличалось строгостью, доходившей до гнусности. Такъ, напримѣръ, одного волонтера приговорили къ ста ударамъ дуломъ его собственнаго мушкета, за то, что онъ послалъ къ чорту гарнизоннаго эконома, кормившаго вмѣсто свинины мясомъ пиягвиновъ. Другой позволилъ себѣ не довольно уважительный отзывъ о женѣ коменданта и нѣкоторыхъ другихъ дамахъ колоніи, за что его и приговорили къ проколу языка, послѣ чего онъ долженъ былъ попросить на колѣняхъ извиненія у потерпѣвшихъ, а затѣмъ выдержать трехлѣтнее изгнаніе. При этомъ ему было сказано, что если онъ такъ легко отдался, то это произошло единственно въ виду заслуги жены его, подарившей колоніи новаго гражданина. Между проступками и наказаніями не существовало ни малѣйшаго соотвѣтствія. Такъ, два человека были приговорены къ наказанію плетью и къ тремъ годамъ каторги за кражу капусты. И всѣ эти жестокости и несправедливости не вознаграждались никакими благами. Жители колоніи не пользовались свободой торговли; о благосостояніи ихъ не заботились; промышленности не покровительствовали. Иностранцевъ или исключали вовсе изъ колоніи, или же они подвергались тамъ невыносимому полицейскому надзору. Послѣ отмены Нантскаго эдикта, около трехсотъ протестантовъ-французовъ искало убѣжища на Мысѣ Доброй Надежды. Ихъ подчинили суровому режиму и не предоставили даже свободы вѣроисповѣданія.

Железная дисциплина выработала у населенія колоніи и развила до крайности его природныя качества, а именно терпѣніе и выносливость. «Такимъ-то путемъ, говоритъ историкъ Монтегю,—создалась ультра-голландская раса, не заботящаяся о гуманности, предубѣжденная противъ всякихъ нововведеній, признающая равенство только между лицами одинаковаго происхожденія, склонная доводить бережливость до скупости, по непривычѣ къ благосостоянію, которымъ никогда не пользовалась, трудолюбивая, а между тѣмъ бѣдная, по недостатку почина, консервативная и въ то-же время республиканская, вслѣдствіе неодолимаго стремленія къ независимости, религіозная, какъ на другой день послѣ реформации и не вѣдающая никакихъ пріобрѣтеній современнаго прогресса. Однимъ словомъ—болѣе приспособленная къ сопротивленію, чѣмъ къ нападенію и къ оборонительному *statu quo*, чѣмъ къ наступательному движенію».

Однимъ изъ слѣдствій французской революціи 89 го года было паденіе колониальнаго правительства въ Южной Африкѣ. Послѣ завоеванія Голландіи французскими войсками, Капская колонія была уступлена Штатгалтеромъ Великобританіи. Возстановлен-

ная затѣмъ послѣ Амiанскаго мира, она окончательно перешла во владѣнiе англичанъ послѣ возобновленiя наполеоновскихъ войнъ.

Какъ ни были мало довольны своимъ правительствомъ боэры, они никогда не выказывали ни малѣйшаго увлеченiя и новыхъ властителями своими. Впрочемъ, весьма скоро обнаружилась полная дисгармонiя между правительствомъ и населенiемъ, относительно тѣхъ именно пунктовъ, которые касались наиболѣе жизненныхъ интересовъ колонiи. Прежде всего является вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ туземцами. Англiйскiя власти предлагали въ этомъ случаѣ умѣренность, справедливость и добросовѣстность. Онѣ полагали, что сполиацiя туземцевъ должна быть пропорциональна числу поселенцевъ, имѣвшихъ быть надѣленными. Что касается до сполиацiи, имѣвшей цѣлью расширенiе владѣнiй уже надѣленныхъ поселенцевъ, то англiйское правительство считало это безнравственнымъ. Боэры смотрѣли на дѣло иначе. По ихъ мнѣнiю, интересъ поселенцевъ долженъ былъ служить единственною мѣрой справедливости, по отношенiю къ туземцамъ. Если бѣлому хотѣлось наложить лапу на земли, состоявшiя во владѣнiи туземца, онъ имѣлъ право ихъ взять себѣ, безъ всякаго ограниченiя или вознагражденiя владѣльца. Если этотъ послѣднiй возмущался, его слѣдовало убить какъ зловредную тварь. Къ тому-же, все это написано въ Священномъ Писанiи. Откройте Библию, говорили боэры англичанамъ, въ отвѣтъ на ихъ филантропическiя увѣщанiя, — и вы увидите, что въ святой книгѣ приказано уничтожать язычниковъ. Самое имя врага (Kaffires) не означаетъ-ли: невѣрный и не указываетъ-ли на отверженiе? И этимъ-то проклятымъ существамъ англiйское правительство присвоивало права собственности надъ землей, между тѣмъ какъ въ Писанiи сказано, что сынамъ Хамовымъ предоставляется лишь рубка дровъ и ношенiе воды (Иосiа IX, 21).

Какъ видимъ, у боэровъ не было недостатка въ доводахъ и притомъ вѣсскихъ, для доказательства справедливости ихъ требованiй. Обирая туземцевъ и обращая ихъ въ рабство, они считали себя вполне правыми. Рабство согласовалось и съ Библiей, и съ экономическими интересами боэровъ; поэтому оно и было однимъ изъ самыхъ раннихъ учрежденiй ихъ. Каково-же было ихъ негодованiе, когда въ 1811 году англичанамъ вздумалось издать нѣкiе законы, въ видахъ огражденiя и покровительства невольникамъ! Вспыхнулъ мятежъ. Онъ былъ подавленъ съ той утонченной жестокостью, которая на-вѣки запечатлѣвается въ умахъ населенiя, сдѣлавшагося ея жертвой. Пятеро изъ глав-

ныхъ зачинщиковъ было повѣшено, между тѣмъ какъ близкіе ихъ принуждены были присутствовать при казни. Врѣище было ужасающее. Вистѣлица подломилась подъ тяжестью приговоренныхъ ранѣ, чѣмъ началась агонія и несчастныхъ повѣсили во второй разъ. Съ той поры учрежденіе рабства, бывшее и ранѣ священнымъ принципомъ для боэровъ, слилось въ ихъ умѣ съ представленіемъ о самой ихъ независимости.

Распря съ каждымъ годомъ обострялась все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, въ 1834 году Англія декретировала отмѣну невольничества во всѣхъ своихъ колоніяхъ, боэры-же объявили о намѣреніи своемъ всѣми мѣрами сопротивляться законамъ, посягающимъ на самыя дорогія права ихъ. Въ слѣдующемъ году другой фактъ переполнилъ мѣру негодованія боэровъ. Вслѣдствіе новыхъ захватовъ поселенцами земель, владѣльцы этихъ послѣднихъ, кафры, вознаградили себя похищеніемъ боэрскаго скота. Такъ-какъ количество этого похищеннаго скота оказалось значительнымъ, то боэры, какъ то обыкновенно дѣлалось, организовали для его отобранія цѣлую экспедицію. Кафры не уступали и затѣмъ послѣдовала настоящая война. Капское правительство приняло сторону бѣлыхъ и подавило Кафрское возстаніе при помощи крайне энергичныхъ мѣръ. вмѣсто ожидаемой благодарности колониальному правительству, получено было, однако, положительное порицаніе со стороны англійскаго кабинета и оправданіе возстанія туземцевъ. Кафры, писалъ министръ колоній, —имѣли несомнѣнное право вырвать слою то, на возвращеніе чего не могли надѣяться иначе и въ заключеніе предписывалось возвратить мятежникамъ земли, у нихъ отобранныя, причемъ заявлялось, что министръ беретъ на свою отвѣтственность какъ эту мѣру, такъ и всѣ могущія возникнуть послѣдствія.

Это было уже слишкомъ. Боэры нашли, что не могутъ считать болѣе на безопасность при такомъ правительствѣ, которое считало кафровъ самыми дорогими сердцу подданными. Рѣшена была общая эмиграція. Въ концѣ 1836 г. боэры дѣйствительно двинулись, предводимые Герритомъ Моридемъ, Гендрикомъ Поджейтеромъ и Питеромъ Ретіэфомъ. Взявъ съ собою семьи и стада, они выѣхали изъ капской колоніи на своихъ длинныхъ повозкахъ, въ которыя запрягалось отъ шести до семи паръ воловъ и надъ которыми раскидывался шатеръ. Они пробродили такимъ образомъ долгіе годы, останавливаясь въ плодородныхъ и обильныхъ дугами мѣстахъ, засѣвали поля, дожидались жатвы, а затѣмъ отправлялись далѣе по пустынь. Если на нихъ нападали туземцы, они, на подобіе галловъ въ войнѣ

съ Цезаремъ, плотно связывали свои повозки одну съ другой, располагали ихъ кругообразно, ставили въ середину женщинъ и дѣтей, а по ви́шней окружности разставляли скоть. Такъ отбивали они нападенія непріятели. Вслѣдствіе кровопролитной войны съ племенемъ Матабелэ, боэры принуждены были вновь перейти чрезъ Вааль и вступили на территорію Наталя. Не успѣли они тамъ устроиться, какъ въ это дѣло вмѣшалось британское правительство, такъ-какъ по англійскимъ законамъ эмигрирующій англійскій подданный не лишается права подданства. Поэтому эмигранты не имѣютъ права основывать новаго, независимаго государства и, занимая новую территорію, имъ приходится только вступить во владѣніе во имя англійской короны. Въ видѣ подтвержденія только-что указаннаго закона, колониальное правительство отрядило войска противъ эмигрантовъ. Англичане были побиты, но въ концѣ-концовъ одержали верхъ и воспользовались этимъ случаемъ, чтобы провозгласить Наталь британской колоніей. Боэры снова пускаются въ путь и вступаютъ въ территорію Оранжевой республики, гдѣ повторяется та-же исторія. Снова побѣжденные, они уходятъ за Вааль, подъ предводительствомъ Преторіуса и основываютъ тамъ республику. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1852 г., Преторіусъ вступаетъ въ переговоры съ англійскимъ правительствомъ, которое послало къ боэрскому вождю двухъ комиссаровъ для опредѣленія основаній конвенціи и, наконецъ, поселившіеся по ту сторону Вааля боэры признаны были свободнымъ и независимымъ народомъ, что должно было распространяться и на всѣхъ, кто будетъ впослѣдствіи селиться въ Трансвааль.

Просуществовавъ 25 лѣтъ, Трансваальская республика, въ свою очередь, присоединена была къ британской коронѣ. Для оправданія этого присоединенія, англичане ссылались на различныя причины. Говорилось, что боэры нарушали условія договора 1852 г. Далѣе увѣряли, что они оказались неспособными къ самостоятельному управленію и могли сдѣлаться опасными для англійскихъ колоній, вслѣдствіе свойственной ихъ соціальному строю слабости. Наконецъ, говорилось, что они сами желали присоединенія, а возстаніе 1880 г. есть не болѣе какъ преступленіе и мятежъ.

Это послѣднее объясненіе вызываетъ невольную улыбку, такъ-какъ приписываетъ боэрамъ легкомысліе, которымъ они вовсе не грѣшатъ. Не болѣе основательно и указаніе на присущую общественному строю Трансваальской республики слабость. Боэры не въ силахъ защищаться противъ кафровъ, говорили англичане,—и эта-то слабость и представляла опасность

для южно-африканскихъ английскихъ колоній. Но англичане сами блистательно опровергли завѣреніе въ слабости боэровъ, такъ-какъ дали имъ побить себя самымъ основательнымъ образомъ.

Посмотримъ, не имѣтъ-ли болѣе основанія первое изъ этихъ обвиненій, а именно въ нарушеніи договора 1852 г. По условіямъ этого договора боэры обязывались не допускать въ своихъ предѣлахъ невольничества. Дѣйствительно, по трансваальской конституціи оно запрещается подъ страхомъ денежной пени въ 500 ф. стерл. Но очевидно, что боэры оставили себѣ маленькую лазейку и можно предположить, что они имѣютъ склонность къ восстановленію невольничества въ болѣе или менѣе острой формѣ.

Великій вождь боэровъ Андрей Преторіусъ, основатель Трансваальской республики, допускалъ рабство какъ естественное право человѣка бѣлой расы надъ чернымъ, а также какъ исполненіе воли и опредѣленія самого Бога, относительно черной расы. Официально у трансваальскихъ боэровъ не было невольниковъ, но вѣрные своимъ собственнымъ принципамъ и ученію своего вождя они обошли затрудненіе.

По мѣстному узаконенію глава семейства имѣлъ право брать подъ свое попечительство кафрскихъ сиротъ, для воспитанія и заставлять ихъ прислуживать у себя въ домѣ. Эти малолѣтки были занесены въ официальные списки и назывались зачисленными. Самъ-по-себѣ этотъ законъ былъ гуманенъ. Онъ дѣлалъ ферму убѣжищемъ для дѣтей черныхъ, покинутыхъ своими или даже обреченныхъ на смерть самими родителями, вслѣдствіе слабости здоровья. А что случилось-бы съ дѣтьми, осиротѣвшими вслѣдствіе войнъ между племенами, если-бы они не имѣли такого убѣжища? Но дѣло въ томъ, что подъ предлогомъ покровительства и попеченія ферма превращалась въ очагъ крѣпостничества. Плеть боэрской матроны постепенно воспитывала раба изъ ребенка-кафра. Нерѣдко даже оказавшіе важныя услуги своимъ господамъ, получали свободу лишь по достиженіи совершеннолѣтія. Случалось также, что такъ-называемые «зачисленные» переходили изъ рукъ въ руки за денежное вознагражденіе и при посредничествѣ не стѣснявшихся закономъ английскихъ или нѣмецкихъ агентовъ. Такимъ образомъ рабство и торговля невольниками незамѣтно восстанавливались въ этомъ замаскированномъ видѣ. Факты этого рода въ свое время надѣлали много шума и достовѣрность ихъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Съ своей стороны и британское правительство можетъ-ли считать себя безупречнымъ, по отношенію къ выполненію договора 1852 года? Въ силу этого договора англичане должны

были воздержаться от сношеній съ кафрскими племенами, живущими къ сѣверу отъ Вааля. Торговля должна быть свободной; но обѣ стороны обязывались не доставлять туземцамъ ни оружія, ни боевыхъ снарядовъ. А между тѣмъ, и несмотря на неоднократные протесты трансваальцевъ, британское правительство не переставало терпѣть и даже поощрять доставку пороха и оружія туземцамъ, вооружая ихъ такимъ образомъ для борьбы съ бозрами. Сверхъ того, оно заключало договоры съ кафрскими племенами, живущими къ сѣверу отъ Вааля, парализуя тѣмъ Трансваальскую республику. Въ этихъ краяхъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, политика Англіи всегда отличалась коварствомъ и нелойальностью. Но особенно сильно проявились эти свойства по поводу присоединенія Трансвааля, которое было слѣдствіемъ настоящаго заговора, подготовленнаго втайнѣ и при помощи средствъ сомнительной чистоты. Въ настоящую минуту всѣ нити этого заговора обнаружены.

IV.

Преторіусъ младшій окончилъ свое президентское поприще въ 1872 году. Тогда бозры обратились къ Бранду, президенту Оранжевой республики, которой Англія возвратила независимость. Вслѣдствіе назначенія Бранда обѣ республики образовали-бы нѣчто въ родѣ федеративнаго государства съ однимъ президентомъ во главѣ. Но Брандъ отказался въ послѣднюю минуту и тогда выставлена была кандидатура нѣкоего Бюргерса. Ганноверецъ по происхожденію, порвавшій къ тому-же всякую связь съ кальвинистской доктриной, онъ не внушалъ большаго довѣрія патріотамъ-бозрамъ, но они были застигнуты врасплохъ и Бюргерса выбрали въ президенты незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Онъ немедленно выставилъ блестящую программу, способную ослѣпить всякаго. Въ этой программѣ онъ обѣщалъ возстановить разстроенные предшествующимъ управленіемъ финансы, подчинить кафровъ, расширить торговлю, разработать естественныя богатства страны и освободить республику отъ вліянія Наталя, при помощи сооруженія желѣзной дороги, которая поднимаетъ значеніе Преторіи въ Лагоской бухтѣ, на португальской территоріи.

Вскорѣ, однако, обнаружилось, что новый президентъ систематически устранялъ всѣхъ испытанныхъ патріотовъ, что даже голосъ друга народа, Павла Крюгера, не принимался въ соображеніе, что общественныя должности раздавались иностранцамъ,

наконецъ, и это было наиболее тяжкимъ обвиненіемъ—намѣревались изгнать изъ школъ преподаваніе Священнаго Писанія.

Бюргерсъ отправился въ Европу хлопотать о займахъ для сооруженія обѣщанной желѣзной дороги. Попытка, предпринятая имъ въ Голландіи, оказалась неудачной. На возвратномъ пути, въ бытность свою въ Англіи, онъ велъ тайные переговоры по поводу возможной перемѣны правительства.

Если Англія допустила свободное основаніе Трансваальской республики, то это было сдѣлано безъ сомнѣнія съ задней мыслью наложить на нее руку при первомъ удобномъ случаѣ. То-же можно сказать и объ Оранжевой республикѣ: ей возвращена была Англіей независимость лишь съ цѣлью избѣжать ей самой неудобствъ и затрудненій войны съ базутосами. Когда-же эти послѣдніе были усмирены, когда искусное управленіе Бранда освободило страну отъ чудовищнаго для нея средствъ долга, когда кредитные билеты были изъяты изъ обращенія, а кредитъ и благосостояніе возстановлены, — тогда англійское правительство сочло моментъ удобнымъ для возвращенія себѣ этого края. Въ то-же время лондонскій кабинетъ не безъ тревоги относился къ проекту воссоединенія Трансваала и Оранжевой республики, проекту, едва не сдѣлавшемуся совершившимся фактомъ, вслѣдствіе предполагавшагося президентства Бранда. Проектъ этотъ могъ снова всплыть на поверхность въ удобный моментъ, а именно при возобновленіи президента въ Трансваалѣ. Этимъ путемъ безопасность колониальнаго правительства подверглась-бы серьезной опасности.

Условлено было съ Бюргерсомъ, что если его вновь выберутъ президентомъ, присоединеніе будетъ отложено, но что всякое иное назначеніе будетъ сигналомъ къ присоединенію. По возвращеніи въ страну, Бюргерсъ очутился лицомъ къ лицу съ опаснымъ соперникомъ, а именно Павломъ Крюгеромъ, или «дядей Павломъ», какъ принято называть его тамъ.

Эта кандидатура была особенно неприятна для Англіи. Крюгеръ испытанный патріотъ, типъ истаго бозра, гордящагося своей независимостью и съ величайшимъ недоумѣніемъ относящагося къ Англіи. Невѣжда относительно всего, кромѣ Библии, которую изучилъ основательно, преданный вѣрѣ отцевъ, онъ, несмотря на то, что не принадлежитъ къ духовному званію, любитъ собирать вѣрующіхъ для поученія. Онъ признаетъ пользу промышленности, а также желѣзныхъ дорогъ и народнаго просвѣщенія, но не желаетъ, чтобы дѣло прогресса отождествлялось съ безвѣріемъ. Вліяніе его на народъ весьма значительно. Онъ ораторъ, по-своему. Конечно, это не трескучее велерѣчіе и г. Гам-

бетта, по всей вѣроятности, не позавидоваль-бы Крюгеру. Тѣмъ не менѣе отсутствіе шумихи и риторическихъ украшеній не мѣшаетъ впечатлѣнію. Когда появляется на народномъ собраніи кроткая и доброжелательная фізіономія П. Крюгера, произносящаго рѣчи свои, стоя на облучкѣ телѣги, все немедленно смолкаетъ, каждый внимательно прислушивается къ словамъ мудреца и даже люди противоположныхъ мнѣній преклоняются предъ его благоразумнымъ совѣтомъ. Съ самой ранней молодости Крюгеръ находился на службѣ республики въ качествѣ военнаго и долгое время занималъ постъ главнокомандующаго трансваальской національной гвардіей. Въ качествѣ главнокомандующаго онъ былъ въ числѣ членовъ исполнительной власти. Обстоятельства сдѣлали изъ него дипломата. Когда дѣло идетъ о защитѣ интересовъ его народа, онъ можетъ съ успѣхомъ помѣряться силами съ Гладстономъ или Биконсильдомъ, такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ его соотечественники. Единственный поступокъ, заслужившій ему порицаніе въ странѣ — это его долговременный отказъ отъ поста президента республики, что онъ сдѣлалъ изъ скромности. Только въ 1877 году удалось уговорить, наконецъ, «дядю Павла» принять кандидатуру. Его убѣдили тѣмъ, что новый отказъ съ его стороны можетъ пагубно отозваться на дѣлахъ родины и что боэрская республика можетъ существовать лишь подъ управленіемъ чистокровнаго боэра. Эти доводы показались ему достаточно убѣдительными — и его выбрали. Видя все это, англичане рѣшились пустить въ ходъ свои проекты присоединенія.

Для достиженія этой цѣли у нихъ имѣлся подходящій персональ. Назовемъ прежде всего Теофиля Шиптоуна-сына, миссіонера, англичанина по происхожденію, воспитаннаго среди кафровъ, близко знакомаго съ бытомъ и правами боэровъ, а также и съ языкомъ ихъ. Начавъ службу съ низшихъ чиновъ, этотъ человекъ возвысился до поста секретаря министра, завѣдующаго дѣлами, касающимися натальскихъ туземцевъ. Шиптоунъ пользуется большимъ авторитетомъ у кафровъ и зулусовъ. Подъ видомъ добродушнаго простяка онъ скрываетъ весьма значительную дозу коварства и, подлаживаясь подъ понятія и мнѣнія боэровъ, всегда остается преданнымъ слугою Англій и ея интересовъ. Бюргерсъ, (бывшій президентъ) долженъ былъ играть нѣмую роль въ этой драмѣ, въ которой должна была рѣшиться судьба Трансваальской республики. Сообщничество этого человека было вполнѣ неизвѣстно въ странѣ, но въ Англій ни для кого не составляло тайны. Въ какомъ-то сатирическомъ листкѣ Бюргерсъ изображенъ былъ осушающимъ бутылку портвейна съ лордомъ Кэрнар-

вономъ и получающимъ отъ него мѣшокъ съ 500 фун. ст. взаимнѣ бумаги, на которой значилось: «Присоединеніе Трансваали. Нѣсколько второстепенныхъ лицъ, которымъ были розданы Бюргеромъ различныя общественныя должности, дополнили собою персоналъ заговорщиковъ. Послѣ выбора въ президенты его конкуррента, Бюргерсъ, которому приходилось оставлять свой постъ, употребилъ послѣдніе оставшіеся ему дни власти, для обезпеченія успѣха плана, выработаннаго имъ вмѣстѣ съ Шиптоуномъ. Онъ изобразилъ законодательному корпусу положеніе республики въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и заключилъ рѣчь свою слѣдующими словами: «Финансы наши подорваны, народъ слишкомъ слабъ, чтобы защищаться отъ кафровъ, страна не можетъ избѣжать раззоренія иначе какъ цѣною своей независимости». Эти слова Бюргерса, покрытые рукоплесканіями его сторонниковъ и напечатанныя затѣмъ въ газетахъ, должны были послужить текстомъ для аннекціонистскаго воззванія. Съ своей стороны и англичане, проживающіе въ Трансваалѣ присоединили свои голоса и хоромъ затянули всевозможныя жалобы, утверждая, что нуждаются въ покровительствѣ, причемъ не было недостатка въ адресахъ и петиціяхъ, имѣвшихъ цѣлю оказаніе поддержки британскому комиссару, по возвращеніи его въ страну.

Послѣ принятія всѣхъ этихъ мѣръ, Шиптоунъ написалъ оффиціальное письмо выходящему президенту, предупреждая, что англійское правительство уполномочило его произвести слѣдствіе для уясненія положенія трансваальскихъ дѣлъ, которое, повидимому, способно затронуть англійскіе интересы; сверхъ того, онъ заявилъ, что ему поручено примирить несогласія и принять мѣры къ предотвращенію всякаго рода смутъ. Далѣе сообщалось, что комиссара будетъ сопровождать штабъ, состоящій изъ семи чловѣкъ и конный разъѣздъ изъ двадцати-пяти.

«Я убѣжденъ, писалъ онъ,—что вы найдете присутствіе конвой совершенно естественнымъ, и не ожидая вашего отвѣта, я отправлюсь въ Преторію».

Когда Павелъ Крюгеръ узналъ содержаніе этого письма, онъ попросилъ Бюргерса послать его на натаальскую границу съ ротой солдатъ для принятія англійскаго уполномоченнаго и требованія разоруженія его конвой. Бюргерсъ отказался отъ выполненія этой просьбы. Конвой изъ 25 полицейскихъ входилъ въ программу, выработанную имъ вмѣстѣ съ Шиптоуномъ. Такимъ образомъ этотъ послѣдній перешелъ трансваальскую границу и направился къ Преторіи—столицѣ республики. По пути боеры спрашивали его о цѣли пріѣзда. Сторонники Англій подносили ему адреса. Онъ давалъ уклончивые отвѣты, стараясь

удовлетворить всѣхъ. Прибывъ въ Преторію, онъ далъ нѣсколько обѣдовъ съ приличнымъ количествомъ шампанскаго и передалъ правительству часть своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Официальное совѣщаніе между нимъ и членами правительства не привело ни къ какимъ результатамъ, но въ то-же время шли тайные переговоры и дѣло улаживалось съ посвященными. На этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ рѣшено было, что всѣ благопріятные для Англій должностныя лица сохранять свои мѣста и даже съ повышеніемъ окладовъ. Бюргерсъ, которому неудобно было бы принять подчиненное положеніе, долженъ былъ выѣхать изъ страны и получить въ вознагражденіе за измѣну ежегодную пенсію въ 12,500 франковъ. Было условлено, сверхъ того, что до присоединенія Бюргерсъ будетъ протестовать противъ всякаго проекта, сюда относящагося, и обратиться къ населенію, прося его оставаться спокойнымъ, такъ-какъ будетъ послана депутація въ Англію. Во главѣ депутаціи долженъ былъ стоять Крюгеръ, котораго единогласно избирало на этотъ постъ всеобщее довѣріе, и котораго съ другой стороны желали, такимъ образомъ, удалить изъ Трансваала, такъ-какъ присутствіе его тамъ находили неудобнымъ. Затѣмъ, принявъ всѣ эти предосторожности, 12-го апрѣля 1877 г. республиканскій флагъ былъ снятъ и замѣненъ британскимъ. Въ то-же время двѣ прокламаціи Шиптоуна объявляли населенію о переходѣ его въ подданство всемогущей властительницы британской имперіи. Въ прокламаціяхъ обезпечивалось право сохраненія національнаго языка и обѣщали слѣдующія блага, доставляемые переворотомъ: уменьшеніе налоговъ и отмену военной повинности, такъ-какъ англійскія войска отнынѣ должны будутъ держать кафровъ въ повиновеніи. Къ этимъ обѣщаніямъ прибавлялась и угроза поступать, какъ съ бунтовщикомъ, съ каждымъ, кто станетъ противиться новому порядку вещей. Извѣстіе объ этомъ событіи поразило населеніе какъ громомъ и чрезъ нѣсколько дней появился протестъ съ 7,000 подписей, между тѣмъ какъ сторонники присоединенія могли собрать только 527 подписей. Сперва все было тихо и спокойно. Населеніе было застигнуто врасплохъ, къ тому-же разстоянія въ Трансваалѣ громадныя и ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ для облегченія сообщеній не имѣется. Бюргерсу вѣрили и считали его искреннимъ, когда еще наканунѣ онъ протестовалъ противъ присоединенія. Продолжали вѣрить ему и тогда, когда послѣ присоединенія онъ объявилъ, что Крюгеръ отправится съ депутаціей въ Лондонъ въ видахъ защиты автономіи Трансваала и что всякое волненіе можетъ повредить успѣху его миссіи.

Крюгеръ отправился въ Англію, гдѣ лордъ Кэрнарвонъ показалъ ему официальные отчеты, констатирующіе, что боэры примирились съ фактомъ присоединенія. Крюгеръ съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ этимъ отчетамъ и удовольствовался установленіемъ возможно болѣе выгодныхъ условій присоединенія. Но когда онъ вернулся на родину и простодушные соотечественники узнали, что «ему не отдали родной земли», тогда населеніе начало выходить изъ обычнаго спокойнаго состоянія. Повсюду стали созывать народныя собранія, на которыхъ читали и перечитывали текстъ полномочій, врученныхъ королевой Шяптоуну. Оказывалось, что этотъ послѣдній превысилъ данную ему власть. Въ вѣрительной грамотѣ говорилось, что присоединеніе можетъ быть совершено не иначе, какъ по желанію большинства населенія. Рѣшили послать вновь депутацію въ Лондонъ, чтобы объяснить королевѣ, что присоединенія не только не желаетъ большинство, но что напротивъ оно вызываетъ всеобщее неудовольствіе. Крюгеръ во второй разъ поѣхалъ въ Лондонъ, но на этотъ разъ уже въ сопровожденіи Жубера. Между тѣмъ населеніе оставалось все еще спокойнымъ. Для боэровъ Трансваальская республика не перестала существовать. Они продолжали платить налоги, исполняли приказы и распоряженія правительства, но оказывали пассивное сопротивленіе, «жили подъ протестомъ», какъ они выражаются сами и ожидали лучшихъ дней. Болѣе трехъ лѣтъ тянулось такое положеніе вещей. Въ этотъ промежутокъ времени боэры не переставали заявлять, что не желаютъ подчиняться и намѣрены отстаивать свою независимость, предпочитая смерть уtratѣ свободы.

Между тѣмъ въ Трансваалѣ все было спокойно и англійское правительство пользовалось этимъ спокойствіемъ, простиравшимъ единственно изъ уваженія боэровъ къ легальности, и увѣряло, что все обстоитъ благополучно. Съ другой стороны боэровъ упрекали въ малодушіи и трусости, видя, какъ они медлятъ взяться за оружіе. Подобное положеніе вещей не могло продолжаться. Вожаки еще колебались, но, наконецъ, народъ поднялся.

V.

Долго сдерживаемый гнѣвъ населенія, какъ извѣстно, прорывается при малѣйшемъ толчкѣ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Одинъ изъ боэровъ, нѣкій Безунденгодъ отказалъ въ платежѣ, который показался ему слишкомъ высокимъ. Его посадили въ тюрьму. Англійскій прокуроръ наложилъ запрещеніе на имуще-

ство заключеннаго. Друзья предложили 27 фунтовъ стерлинговъ, чтобъ освободить его отъ запрещенія. Но несмотря на то, что долгъ не превышалъ 14 фун. стер. имъ отвѣчали отказомъ, а имуществу назначенъ былъ аукціонъ 11-го ноября 1880 г. Около сотни бовровъ прискакало верхомъ на площадь въ Потчефстремъ, съ намѣреніемъ не допустить публичнаго торга. Продавались дрова. Одинъ изъ вожаковъ, крестьянинъ Петръ Кроніэ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «Мы не допустимъ такого позорнаго поступка противъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ и горячаго республиканца. Мы принесли деньги и требуемъ, чтобы ихъ взяли и сняли запрещеніе. Начальство-же отказывается намъ въ этомъ».

Эти слова были встрѣчены рукоплесканіями. Тѣмъ не менѣе къ аукціону все-таки приступили. Но когда покупатель захотѣлъ вступить во владѣніе своей собственностью, бовры бросились къ повозкамъ съ дровами, окружили ихъ и отвезли дрова къ ихъ первоначальному владѣльцу.

Англійское правительство немедленно шлетъ въ Потчефстремъ отрядъ полиціи и 400 человекъ солдатъ съ двумя пушками.

Бовры съ своей стороны отправили депутацію къ своему президенту Павлу Крюгеру, чтобы извѣстить его о происходившемъ. Крюгеръ колеблется и не желаетъ еще поднимать оружія. Въ это время англичане ставятъ слѣдующій ультиматумъ: оба главные зачинщика должны быть выданы властямъ въ теченіи часоваго срока, въ противномъ-же случаѣ, по истеченіи указанного срока немедленно начнутся враждебныя дѣйствія. Крюгеръ совѣтуетъ выдать зачинщиковъ (Боссона и Краніэ), убѣжденный, что во всей странѣ не окажется ни одного судьи и ни одного состава присяжныхъ, могущихъ произнести обвинительный приговоръ надъ указанными лицами. Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было обратиться по этому поводу къ чрезвычайному общему боврскому собранію, которое и было созвано на 8 декабря въ Паорденкраалъ. Трансваальскій секретарь колоніальныхъ дѣлъ сэръ Гудсонъ, съ своей стороны, обѣщаль удерживать англичанъ отъ перехода въ наступленіе.

А между тѣмъ негодованіе росло съ каждымъ днемъ. Въ прогрессивномъ органѣ трансваальцевъ Volkstem'ъ появлялись длинныя списки лицъ, заявившихъ, что не желаютъ платить ни единого гроша англійскому правительству, которое не считаютъ отнынѣ его законною властью. Патриотъ Жуберъ напечаталъ въ той-же газетѣ письмо, въ которомъ заявлялъ о неизбѣжности провозглашенія республики. Такъ называемый *Народный комитетъ* на первомъ-же собраніи постановилъ обратиться къ народу съ

призываютъ къ молитвѣ. «Удрученные скорбью сердца, говорю-люсь въ воззваніи, — всецѣло обращаются къ Господу въ надеждѣ на полное избавленіе». Въ слѣдующее-же воскресенье собрались пастыри и паства на торжественное молитвенное собраніе, которое должно было служить подготовкою къ большому политическому собранію 8-го декабря.

Въ этотъ день Крюгеръ поставилъ предъ лицомъ собравшагося народа вопросъ о томъ слѣдуетъ-ли выдать зачинщиковъ английскому правительству. Народъ энергично отвѣчалъ: «Нѣтъ».

«Эти люди не бунтовщики, говорилъ народъ. «Вся ихъ провинность заключается лишь въ томъ, что они хотѣли оградить отъ несправедливаго нападенія одного изъ нашихъ согражданъ». Послѣ такихъ демонстрацій очевидно было, что трансваальцы перейдутъ отъ пассивнаго протеста къ возстановленію національнаго правительства. Три дня спустя, новое собраніе рѣшило, что назначенное въ 1877 г. правительство должно собраться въ возможно-скоромъ времени.

13-го декабря Крюгеръ явился въ фольксраадъ, собравшійся въ Пардемкраалъ и произнесъ слѣдующую рѣчь: «Благородные и почтенные президенты и члены фольксраада, я явился сюда къ вамъ, по призыву собранія. Въ голосъ собранія я услышалъ гласъ Господа властителя народовъ и повиновался ему.

«Въ послѣднюю сессію свою въ 1877 г. фольксраадъ избралъ меня. Я никогда не думалъ о собственномъ удобствѣ и выгодѣ, но выполнялъ то, что рука моя находила дѣлать.

«Такъ-какъ собраніе рѣшило, что избранное имъ правительство должно собраться и принять управленіе въ свои руки, то комитетъ, который въ теченіи трехъ лѣтъ оказалъ столько услугъ народному дѣлу, по желанію собранія немедленно призвалъ меня вмѣстѣ съ другими членами исполнительной власти, здѣсь находящимися. Я принялъ уже необходимыя мѣры для собранія фольксраада. По предложенію упомянутаго комитета секретарь его г. Бокъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ и водворенъ мною какъ таковой, что, какъ я надѣюсь, будетъ вами одобрено. Длинные рѣчи бесполезны. Ваше содѣйствіе необходимо для того, чтобы доставить правительству возможность оградить страну, согласно закону и выполнить желанія, высказанныя народнымъ собраніемъ.

«Во время предстоящей сессіи я буду имѣть случай предложить на ваше разсмотрѣніе рядъ необходимыхъ и безотлагательныхъ мѣръ, касающихся военныхъ и гражданскихъ должностей, сбора податей и проч.

«Я держался такъ далеко, какъ позволялъ мнѣ то законъ, но

въ настоящее время наступила минута, когда почтенные и благородные члены фольксраада должны озаботиться о нуждах національнаго правительства. Имѣю честь предложить вамъ передать правленіе въ руки триумвирата.

«Я считаю полезнымъ напомнить вамъ, что хотя положеніе дѣлъ нашихъ затруднительно, но исполнѣ легально. Собраніе никогда не покидало пути законности; послѣ протеста, по поводу присоединенія, оно подчинилось пассивнымъ образомъ и безъ сомнѣнія предпочло - бы и долѣ миролюбивый путь, если - бы дѣйстви англіискихъ властей не сдѣлали этотъ путь невозможнымъ.

«Мы имѣемъ за себя общее всѣмъ народамъ право. Какъ-бы ни были ограничены наши силы, нашъ Богъ, Богъ правый!

«Милостивые государи, да благословитъ Господь дѣла ваши и да защититъ Онъ родину нашу!»

Триумвиратъ, на котораго возложена была исполнительная власть состоялъ изъ президента Крюгера, Преторіуса и командующаго войсками генерала Жубера.

Первымъ дѣломъ триумвирата было послать делегата къ англіискому администратору сэру Оуэну Лоусону, находившемуся въ Преторіи, — для извѣщенія его о возстановленіи республики въ Южной Африкѣ. Въ письмѣ триумвиры прибавляли: «Мы торжественно заявляемъ, что не желаемъ пролитія крови и не начнемъ сами войны. Итакъ, если, чего Боже оборони, мы возьмемъ за оружіе для своей защиты, то сдѣлаемъ это съ величайшимъ уваженіемъ къ е. в. королевѣ англіиской и ея знамени; мы это сдѣлаемъ съ сознаниемъ того, что обнажаемъ мечъ за честь королевы, такъ - какъ дѣло идетъ о полученіи санкціи договоровъ, соблюденіе которыхъ скрѣплено было клятвой королевы, но нарушено ея слугами».

Въ то - же время триумвиры издали прокламацію къ народу, въ которой объявлялось о возстановленіи независимости, а равно и объ организаціи правительства, наконецъ, заявлялось, что республика готова образовать вмѣстѣ съ колоніями и странами Южной Африки одно федеративное государство и, что со дня объявленія прокламаціи Трансвааль будетъ считаться на военномъ положеніи.

Эта прокламація была отправлена для напечатанія въ Потчестремъ, гдѣ типографчикъ, только - что приговоренный къ двухлѣтнему тюремному заключенію и 200 ф. ст. денежной пени за газетную статью, немедленно принялся за выполненіе приказа національнаго правительства. Это приводитъ въ бѣшенство командира англіискихъ войскъ маіора Кларка, который выра-

жаютъ самыя серьезныя угрозы противъ типографика и рабочихъ, если они будутъ продолжать свое дѣло. Маіоръ прибавилъ, что въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія, онъ будетъ согласно полученной инструкціи, стрѣлять не только по вооруженнымъ жителямъ, но и по беззащитнымъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. 400 вооруженныхъ гражданъ вошли въ городъ 15-го декабря для защиты типографіи. Они были снабжены провіантомъ на четыре дня. На слѣдующій день боэры праздновали годовщину славной побѣды своей, одержанной въ 1838 г. надъ зулусами. Въ память этой побѣды учрежденъ національный праздникъ, справляемый съ большею торжественностью какъ въ церковной, такъ и въ гражданской сферѣ. На другой день, 16-го, въ 9 ч. утра боэрскій патруль, подъ командой поручика Робертсена обходилъ городъ, какъ вдругъ на главной потчестрѣмской улицѣ увидѣлъ предъ собой двадцать-пять человекъ англійскихъ солдатъ, которые открыли по немъ огонь. Робертсену оторвало руку и нѣсколько человекъ солдатъ легло на мѣстѣ. Такимъ-то образомъ начались военныя дѣйствія.

Патруль отступилъ и сообщилъ извѣстіе командиру Кропізъ, который, раздѣливъ свои войска на четыре отряда, организовалъ развѣдки.

Едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ во главѣ одного изъ отрядовъ, какъ послышался залпъ ружейныхъ выстрѣловъ изъ сосѣдняго дома, гдѣ засѣло до пятидесяти англійскихъ солдатъ и волонтеровъ подъ командой капитана Руэта. Съ своей стороны и маіоръ Кларкъ, занявшій ратушу и городское укрѣпленіе, стрѣлялъ изъ своихъ пушекъ по городу. Боэры дрались какъ львы. Борьба продолжалась два дня. Наконецъ, маіоръ Кларкъ вынужденъ былъ поднять парламентарскій флагъ и сдаться военноплѣннымъ.

Побѣдители немедленно принимаютъ мѣры къ извѣщенію англичанъ о сдачѣ ихъ маіора, но англичане продолжаютъ бомбардировать городъ, дѣлая видъ, что ничего не понимаютъ.

22-го военный совѣтъ, собравшійся подъ предсѣдательствомъ Крюгера, рѣшилъ окружить фортъ и взять его голодомъ.

На другой день триумвиратъ издалъ прокламацію, въ которой, между прочимъ, говорилось: «Мы обвиняемъ британское правительство предъ цѣлымъ міромъ въ томъ, что 1) оно начало войну, безъ предварительнаго ея объявленія; 2) оно вело войну съ полнымъ нарушеніемъ законовъ и обычаевъ, принятыхъ у всѣхъ цивилизованныхъ націй; 3) въ особенности-же обвиняемъ въ преступной бомбардировкѣ Потчестрема, города открытаго и неукрѣпленнаго».

Узнавъ, что колонна англійскихъ войскъ идетъ по направлению къ Преторіи, Жубертъ выступилъ къ ней навстрѣчу и послалъ къ англійскому командиру парламентаря. Приводимъ здѣсь протоколъ этого свиданія, напечатанный въ боерской официальной газетѣ:

Гейдельбергъ, 29 декабря 1880 г.

«Я, нижеподписавшійся, Павелъ Бееръ, смѣлъ объявляю, что въ понедѣльникъ, 20 декабря, я былъ назначенъ командующимъ войсками, Францискомъ Жуберомъ, переводчикомъ и парламентаремъ между бюргерсами южно-африканской республики и представителями британскаго правительства, находившимися на ея территоріи.

«Я получилъ отъ вышеуказаннаго командира запечатанное письмо, содержаніе котораго мнѣ не было извѣстно и которое долженъ былъ доставить полковнику англійскихъ войскъ. Мнѣ было дано также и словесное порученіе, а именно я долженъ былъ сказать ему, что бюргеры явились, чтобы помѣшать ему идти на Преторію и заставить остаться тамъ, гдѣ былъ.

«Я несъ въ рукѣ бѣлое знамя. Я подошелъ на разстояніе ста шаговъ. Войска были выстроены и имѣли оружіе въ рукахъ. Былъ барабанъ и играла музыка. Я остановился и простоялъ минуты двѣ, три раза прокричавъ по-англійски, не желаетъ-ли кто-нибудь выйти, чтобы объясниться со мною. Тогда появился унтеръ-офицеръ, который подошелъ ко мнѣ. Я спросилъ его, можно-ли видѣть командира, онъ отвѣчалъ утвердительно и сказалъ, чтобы я шелъ для этого къ строю. Я не согласился, такъ-какъ это было противно полученнымъ мною приказаніямъ, о чемъ я и сказалъ ему. Тогда онъ ушелъ и вернулся съ полковникомъ и двумя другими офицерами. Всѣ они были пѣшіе, и я подошелъ на разстояніе пятидесяти шаговъ. Тогда я сказалъ полковнику, что имѣю для него запечатанный конвертъ. Въ эту-же минуту онъ взялъ его у меня изъ рукъ и спросилъ о содержаніи письма. Я отвѣчалъ, что ему стоитъ только вскрыть конвертъ и прочесть письмо; что касается меня, то я не могу ничего болѣе сообщить. Мы говорили по-англійски. Онъ распечаталъ письмо и отвѣчалъ: «Я иду на Преторію». Я сказалъ ему: «Генералъ дастъ вамъ пять минутъ на размышленіе». На это онъ еще разъ подтвердилъ: «Я иду на Преторію. Дѣлайте какъ знаете»... Онъ казался раздраженнымъ, судя по тому, что не отвѣчалъ на мой поклонъ. Я сказалъ: «Желаете-ли вы войны или мира»? Онъ отвѣчалъ опять: «Я иду на Преторію, дѣлайте какъ знаете». Во все время этой бесѣды хоръ музыкантовъ исполнялъ британскій національный гимнь. Наконецъ, полковникъ ушелъ, послѣ

того, какъ я спросилъ у него въ третій разъ: «Война или миръ?» Онъ ничего уже не отвѣчалъ, и только дойдя до своего строя, прокричалъ мнѣ: «Передайте мой отвѣтъ». Я вернулся къ нашему генералу и въ точности передалъ ему отвѣтъ англійскаго полковника».

По полученіи этого отвѣта, Жуберъ отдалъ приказъ своимъ войскамъ двинуться впередъ. Въ эту минуту они находились въ трехъ-стахъ шагахъ отъ непріятеля. Они подвинулись до полу-пути, и начался бой, ожесточенный и суровый; этотъ бой стоилъ много крови англичанамъ, а между тѣмъ имъ все-таки не удалось заставить отступить непріятеля.

Тотъ-же офицеръ продолжаетъ свой отчетъ и передаетъ разговоръ между генераломъ Жуберомъ и англійскимъ полковникомъ Ооттеромъ, послѣ сраженія. «Полковникъ пришелъ раненый», повѣствуетъ Бееръ. Я представилъ его генералу Жуберу, говоря: «Вотъ полковникъ», затѣмъ, обращаясь къ англійскому полковнику, я сказалъ: «Вотъ мой генералъ». Тогда генералъ поклонился и поручилъ мнѣ передать ему, что онъ не долженъ сердиться на насъ, такъ-какъ не мы, а ихъ командиръ долженъ считаться виновнымъ. Полковникъ, въ свою очередь, сказалъ: «Передайте вашему генералу, что онъ поступалъ со мною вполне лояльно». И прибавилъ: «Ведите подобрать вашихъ раненыхъ, чтобы врачъ могъ сдѣлать имъ перевязку. Ваши бюргеры храбро дрались и они хорошіе стрѣлки». И, кромѣ того, сказалъ: «Да будетъ съ вами Господь». Затѣмъ я отправился для врученія генералу отчета о сраженіи. Все это вполне согласно съ истиной и засвидѣтельствовано моимъ честнымъ словомъ».

Подписано: Поль фонъ-Бееръ. Засвидѣтельствовано въ моемъ присутствіи. Статсъ-секретарь В. Эдвортъ Бокъ.

VI.

Военныя силы, которыми могли располагать боэры доходили приблизительно до 8,000, безъ артиллеріи, но съ превосходными кавалеристами и неподражаемыми стрѣлками. Жуберъ раздѣлил свои войска на три главные группы: первая должна была наблюдать за безопасностью натальской границы. Главная квартира ея была въ Меекѣ, небольшомъ городкѣ, лежащемъ въ 50 километрахъ къ сѣверу отъ Ньюкестля, т. е. первой станціи на территоріи Натали. Второй группѣ поручена была защита рѣки Уэтерфелля, притока Вааля съ правой стороны.

Главная квартира ея расположена была въ Гейдельбергѣ, на разстояніи 50-ти километровъ къ югу отъ Преторіи. Третья группа имѣла свое мѣстопробываніе въ Потчестромѣ.

Англичане занимали преторійскую крѣпость, находящуюся въ 320 километрахъ отъ Ньюкестля и защищаемую 300 солдатами, подъ начальствомъ Ланіона. Далѣе въ потчестромской крѣпости въ 240 километрахъ отъ Ньюкестля имѣлось 190 человекъ, подъ начальствомъ полковника Беллэира; въ вессельстромской или веккерстромской крѣпости на Буффало также стояли англійскія войска, въ 40 километрахъ отъ натальской границы. Сверхъ того, ими были заняты еще и слѣдующія позиціи: Стандертонъ на Ваалѣ, въ 120 километр. отъ той-же границы, и одинъ изъ главныхъ пунктовъ на пути изъ Ньюкестля въ Гейдельбергъ. Городъ Лиденбургъ, въ сѣверо-восточной части Трансваала, былъ также занятъ англійскимъ гарнизономъ, впрочемъ, незначительнымъ, а именно одною ротой 94-го линейнаго полка, которая и сдалась боэрамъ 7 января. Другія позиціи не могли быть взяты приступомъ, по недостатку артиллеріи. Боэры рѣшили дѣйствовать противъ нихъ голодомъ. Гарнизоны, находившіеся въ Преторіи и Потчестромѣ, подверглись блокадѣ съ самаго начала открытія военныхъ дѣйствій. Они неоднократно пытались прорваться, но безъ успѣха. Весь вопросъ сводился къ тому, чтобы знать, прибудетъ-ли вспомогательная колонна, только что вышедшая изъ Ньюкестля, во-время, то-есть до той минуты, когда истощится провіантъ. Эта колонна, командуемая генераломъ Померъ-Коллеемъ, снабжена была значительнымъ количествомъ провіанта и имѣла при себѣ артиллерію конныхъ натальскихъ волонтеровъ и взводъ гвардейскихъ драгунъ.

Боэры съ своей стороны сосредоточили свои силы у Вессельштрома. Уже 26 января развѣздъ генерала Коллея встрѣтился съ однимъ изъ ихъ патрулей. Столкновение было неминуемо. Англійскій авангардъ, состоявшій изъ отряда 94-го полка и нѣкотораго количества кавалеріи, всего 1,300 человекъ, атаковалъ позиціи боэровъ и былъ отброшенъ съ значительнымъ урономъ. Въ тотъ-же вечеръ побѣдитель генералъ давалъ отчетъ своему правительству о знаменитомъ Лангсъ-Некскомъ сраженіи, а три дня спустя, отчетъ былъ уже въ рукахъ Крюгера, совершивъ въ эти три дня путь въ 160 миль. Приводимъ здѣсь этотъ любопытный отчетъ; отъ него вѣетъ духомъ какого нибудь лагера пуританъ временъ Кромвелля.

Главная квартира. 28-е января.

«М. Г. Опасенія, которыя высказывалъ я вамъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ относительно близости нападенія, подтвер-

дились. Сегодня, въ семь часовъ утра, мы были атакованы на нашихъ позиціяхъ. Бросивъ въ войска наши нѣсколько бомбъ, непріятельская кавалерія (bleuwbaatjies) въ синихъ кафтанахъ получила приказъ устремиться на насъ. Непріятельскія войска подошли къ намъ такъ близко, что дымъ отъ выстрѣловъ окуталъ всѣхъ сражающихся. Несмотря на незначительность потерь своихъ, непріятель вынужденъ былъ отступить. Силіе кавалеристы были замѣнены красными (roodbaatjies), которые были такъ близко къ намъ, что мертвые обѣихъ сторонъ валились одни на другихъ. Одинъ изъ ихъ офицеровъ, командовавшій стоя среди нашихъ, былъ убитъ. Тогда-то Господь помогъ намъ. Нуждаясь въ людяхъ, я вызвалъ подкрѣпленія, которыя были такъ удачно расположены, что вынудили непріятеля къ отступленію. Битва была жестокая. Англичане имѣли прекрасный случай пустить въ ходъ свои пушки, и потери наши весьма чувствительны. 24 лучшихъ изъ солдатъ нашихъ выбыли изъ строя. Непріятель потерялъ, какъ мы могли замѣтить, 95 убитыми и ранеными и множество подобранныхъ ранѣ нашего прихода. Эти исчезнувшіе всѣ были ранены. Со стороны непріятеля, по моему разсчету, вышло изъ строя 200 человѣкъ. Въ настоящую минуту орудія прекращаютъ огонь и кто-то идетъ къ намъ, предшествуемый бѣлымъ знаменемъ и съ запиской, писанной карандашомъ, въ рукахъ. Д. Ж. Жуберъ.

Эту записку, писанную карандашомъ, посылалъ Жуберу генералъ Померэ-Коллей, просившій въ ней объ уборкѣ убитыхъ и уходѣ за ранеными, что и было ему немедленно разрѣшено.

Жуберъ не успокоился на первыхъ успѣхахъ; напротивъ, онъ видѣлъ въ нихъ лишь прелюдію къ рѣшающимъ военнымъ операціямъ.

Дѣйствительно, вскорѣ депеши изъ Дурбана принесли намъ вѣсть о томъ, что бѣзры отрѣзали почтовое сообщеніе у Ленгсъ-Нэка и Ньюкестля.

Инсургентскій корпусъ, насчитывавшій до 1,000 человѣкъ, пройдя по свободной оранжской территоріи, подошелъ къ англійской колоннѣ съ тылу и поставилъ ее въ крайне затруднительное положеніе, такъ-какъ она очутилась, такъ-сказать, между двухъ огней. 7-го февраля англичане сдѣлали первую попытку выйти изъ такого положенія, но потерпѣли новое пораженіе, послѣ котораго генералъ Коллей приступилъ къ переговорамъ съ непріателемъ. На самомъ дѣлѣ, онъ рассчитывалъ выиграть такимъ образомъ время, пока получится подкрѣпленіе. Но такъ-какъ ничего подобнаго не произошло, то онъ предпринялъ рѣшительное дѣйствіе. Въ ночь съ 26-го на 27-е фев-

раля значительная колонна, человекъ въ 600, вышла изъ лагеря съ приказомъ занять гору Маюбу и держаться на ней. Эта позиція представляла чрезвычайно сильныя естественныя средства защиты. Это было плато на вершинѣ горы, возвышающейся на 2,500 ф. надъ англійскимъ лагеремъ. Занять эту гору значило-бы сдѣлать положеніе боэровъ совершенно невозможнымъ, такъ-какъ всѣ ихъ ретраншаменты были-бы обойдены съ тылу. Напротивъ того, англійскіе солдаты могли-бы вполне укрыться отъ непріятельскаго огня: имъ стоило для этого только лечь.

Восхожденіе было дѣломъ нелегкимъ, а ночная темнота еще увеличивала затрудненія, не говоря уже о томъ, что войска принуждены были нести на себѣ, кромѣ оружія и боевыхъ снарядовъ, еще и провіантъ на три дня.

Во многихъ мѣстахъ скаты были буквально изрыты пропастями, и повсюду, гдѣ только могла ступить нога человѣческая, поверхность загромождена была обломками скалъ и огромными камнями, катившимися по скатамъ при малѣйшемъ толчкѣ. Послѣ страшныхъ усилій и среди возобновлявшихся на каждомъ шагу опасностей, войска достигли, наконецъ, пункта, бывшаго цѣлью экспедиціи. Они употребили шесть часовъ на прохожденіе разстоянія, обнимавшаго собою, съ птичьяго полета, не болѣе шести километровъ.

Начинало свѣтать и видѣлась длинная линія боэрскихъ ретраншаментовъ, тянувшихся отъ самой подошвы горы до рѣки Буффало. Вскорѣ на боэрскихъ линіяхъ задвигались. Отрядъ конныхъ ведеттовъ направился рысью къ горѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ занять тамъ позицію. Залпъ сверху открылъ имъ присутствіе англичанъ. Этотъ залпъ услышали и въ лагерѣ, и сцена мгновенно измѣнилась какъ-бы волшебствомъ. Корреспондентъ «Standard'a», бывшій очевидцемъ, повѣствуетъ объ этомъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ:

«Вмѣсто разсѣянныхъ тамъ и сямъ силуэтовъ, появились цѣлыя толпы людей, бросавшихся по всѣмъ направленіямъ: одни сѣдлали лошадей, другіе кидались къ повозкамъ, намѣреваясь, повидимому, запрягать воловъ въ виду немедленнаго бѣгства. Однако, когда первая паника миновала, можно было замѣтить, что авторитетное лицо приняло на себя распоряженія. Большая часть людей задвигалась впередъ».

Къ семи часамъ утра боэры открыли огонь, и пули засвистѣли въ большомъ количествѣ, по направленію къ вершинѣ горы. Англичане были совершенно спокойны: никому изъ нихъ и въ голову не приходила мысль о возможности взятія ихъ по-

зиціи приступомъ. До одиннадцати часовъ боэры, лежа вокругъ горы, поддерживали непрерывный огонь. «Мѣткость стрѣльбы боэровъ была изумительна. Почти каждый выстрѣлъ задѣвалъ камни, за которыми находился первый рядъ англійскихъ солдатъ». Горе тому, кто имѣлъ смѣлость выглянуть изъ-за камня, въ особенности офицерамъ, такъ-какъ боэры дѣлятся преимущественно въ этихъ послѣднихъ.

Между тѣмъ, боэрамъ удалось занять мѣсто между англичанами и лагеремъ; но рассчитывали на прибытіе подкрѣпленій до истощенія провіанта. Въ часъ огонь ослабѣлъ и англичане могли подумать, что непріятель удаляется. Напрасная иллюзія. Непріятель послалъ большія подкрѣпленія на свою боевую линію, въ видахъ подготовленія къ приступу, и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ внезапно раздался оглушающій грохотъ пальбы со внутреннихъ скатовъ горы. «Въ то-же время, продолжаетъ рассказчикъ, — боэры двинулись со страшнымъ натискомъ и стремительностью. Всѣ англійскіе солдаты, занимавшіе передовую линію, были немедленно убиты или отброшены къ главной позиціи». Эта послѣдняя представляла собою продолговатую котловину на вершинѣ горы, имѣющую до двухсотъ метровъ длины и пятьдесятъ ширины. Всѣ остальные англійскіе солдаты лѣпились по краямъ котловины, приготовивъ штыки для отпора осаждающихъ.

Боэры взобрались на гору съ криками торжества и сдѣлали нѣсколько отчаянныхъ попытокъ, чтобы овладѣть позиціей, но каждый разъ ихъ отбрасывали непріятельскіе штыки. Послѣ каждаго раза огонь, который почти прекратился во время рукопашнаго боя, возобновлялся съ новой силой.

Въ заключеніе боэры, собравшіеся на окраинѣ плато, съ непреодолимой стремительностью бросились къ одному слабо-защищенному пункту, прорвали непріятельскую линію и цѣлою толпой перескочили черезъ окраину котловины. Съ этой минуты позиція была окончательно потеряна для англичанъ. Тѣ изъ нихъ, которые занимали главную линію защиты, будучи обойдены и съ фланга и съ тыла, устремились черезъ плато, пытаясь соединиться со своими и возобновить цѣпь, но все было напрасно. Съ бѣшенымъ крикомъ преслѣдовали боэры англичанъ, продолжая осыпать ихъ градомъ пуль. Англичане послѣшно отступали. «Грохотъ выстрѣловъ, свистъ пуль, дикіе завыванія непріятеля,—все это имѣло какой-то адскій характеръ».

Люди падали по всѣмъ направленіямъ; «не было уже ни сопротивленія, ни отдыха, а одно только безпорядочное бѣгство».

Англичанинъ - повѣствователь сообщаетъ, что толпа бѣгущихъ спшибла и его съ ногъ, такъ - что онъ лишился чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ боэровъ, стрѣлявшихъ надъ нимъ по отступающимъ англійскимъ войскамъ, спускавшимся съ горы. Въ ту минуту, какъ онъ пытался встать, его арестовали и увели. На площадкѣ онъ увидѣлъ среди множества мертвыхъ тѣлъ трупъ генерала Коллея, которому пуля пробила голову. «Боэры, прибавляетъ онъ, отнеслись ко мнѣ очень доброжелательно».

Правда, они похитили у меня нѣкоторые находившіеся при мнѣ вещи, но, вообще говоря, никакая армія не могла-бы отнестись къ побѣжденному съ большимъ великодушіемъ. Бесѣдуя со мною, боэры приписывали побѣду не мужеству своему или искусству, а правотѣ своего дѣла. «Что касается полноты самой побѣды, то она въ всякаго сомнѣнія. Они взяли приступомъ позицію, которую генералъ, защищавшій ее, считалъ неприступной при содѣйствіи войскъ, которыми онъ располагалъ. Даже и теперь я съ трудомъ могу объяснить себѣ, какимъ образомъ это могло случиться. Все столкновеніе было внезапнымъ. Такою-же внезапностью отличался и переходъ отъ состоянія полной безопасности къ неминуемой гибели. До этого приступа боэры не дѣлали никакихъ успѣховъ. Только незначительная часть войскъ была двинута противъ нихъ. Наши потери также были незначительны. И вотъ въ нѣсколько минутъ они занимаютъ гребень горы, а нашимъ солдатамъ приходится защищать котловину, въ которой они залегли при полной, повидимому, безопасности.

«Нельзя не признать, что взятіе Маюбы есть военный подвигъ, которымъ могла-бы гордиться какая-бы-то-ни-было армія міра.»

Тотъ-же корреспондентъ писалъ на слѣдующій день: «Вчерашнее дѣло должно послужить намъ урокомъ, а именно, мы не должны забывать, что болѣе чѣмъ бесполезно выступать противъ боэровъ съ малочисленными военными силами. Въ войнѣ, подобной нынѣшней, они вполнѣ намъ равны. Они такъ-же храбры, безконечно болѣе искусные стрѣлки и обладаютъ изумительною способностью пользоваться всѣмъ, что можетъ служить убѣжищемъ».

Дѣйствительно, во время наступательнаго ихъ движенія, боэровъ почти вовсе не было видно. Всѣ они ползли, укрываясь въ высокой травѣ, пользуясь каждымъ камнемъ, каждою неровностью почвы. Отброшенные на одномъ пунктѣ, они незамѣтно проскользали къ другому, откуда стрѣляли по неприятелю, оста-

ваясь совершенно незамѣченными. «Хладнокровіе ихъ подъ огнемъ полное, прибавляетъ очевидецъ, — и дѣйствуя въ бою индивидуально, всѣ они въ то-же время дѣйствуютъ и сообща, повинаясь приказаніямъ своего начальства.»

Англичане потеряли въ этомъ дѣлѣ около 200 человекъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ много офицеровъ. Они потеряли-бы еще болѣе, если-бы до окончанія сраженія и среди ожесточенія преслѣдованія, боеры, желая избѣжать безполезнаго кровопролитія, не кричали непріятельскимъ солдатамъ, чтобы они выходили изъ кустарника, что имъ не причинить ни малѣйшаго вреда. Что касается самихъ боеровъ, то генераль ихъ утверждаетъ, хотя это почти невѣроятно, что ихъ потери при взятіи Маюбы равняются одному убитому и пяти раненымъ.

VII.

Впрочемъ, еще болѣе удивительно то, что среди опьяненія успѣха, первой мыслью боеровъ было не окончательное уничтоженіе англійскихъ войскъ, а напротивъ—заключеніе мира.

На другой день послѣ побѣды, генераль Жуберъ, отправляя плѣннаго въ англійскій лагерь и снабжая его пропускнымъ видомъ, говорилъ ему: «Трансвааль готовъ приступить къ мирнымъ переговорамъ, но миръ можетъ быть заключенъ лишь на основаніи независимости». И онъ прибавилъ: «Скажите англійскому народу, что я вполне довѣряю честности и справедливости одушевляющимъ его и его министровъ, но англійскіе чиновники и военные командиры преслѣдуютъ свои личныя цѣли иумышленно искажаютъ факты. Вотъ почему Трансвааль былъ доведенъ до отчаянія убѣжденіемъ въ томъ, что нельзя рассчитывать на справедливость Англій. Въ настоящую минуту Англія борется за свою честь и господство, боеръ—за свободу, за которую онъ радъ умереть. Богъ браней стоитъ за него».

Можно безошибочно сказать, что въ Англій не въ одной сферѣ общества питали несравненно менѣ миролюбивыя чувства. Какъ могла Англія остаться равнодушной къ потерѣ военнаго престижа? Что-же станетъ съ безопасностью населенія въ колоніяхъ, гдѣ этотъ престижъ является главнымъ орудіемъ господства? Извѣстно, какъ разсуждаютъ въ этомъ случаѣ англійскіе консерваторы и ихъ великій Биконсфилдъ. Они желаютъ мира, но мира почетнаго, и не ранѣе, какъ смывъ пятно пораженія и т. д. Радикалы думаютъ иначе. Они полагаютъ, что если военный престижъ Великобританіи пострадалъ за послѣд-

нее время, то не слѣдуетъ подвергать его еще болѣшимъ испытаніямъ. Къ тому-же, если этотъ престижъ поколебленъ въ той мѣрѣ, какъ увѣряютъ консерваторы, то едва-ли можно возстановить его уничтоженіемъ южно-африканскихъ боэровъ. Наконецъ, уничтоженіе этого 50,000 народа повредило-бы нравственному престижу Англій гораздо болѣе, чѣмъ маюбское поражение могло повредить престижу военному.

Что касается почетнаго мира, то все, что справедливо и разумно, должно-бы считаться и почетнымъ, а справедливость въ этомъ дѣлѣ рѣшительно на сторонѣ боэровъ, такъ-какъ за нихъ вѣрность договорамъ. Да и можно-ли стереть боэровъ съ лица земли? Изгнанные изъ Трансваала, они поселятся въ другомъ мѣстѣ, размножатся, будутъ благоденствовать, сдѣлаются заклятыми врагами Англій и нѣсколько менѣе близкими, но не менѣе опасными сосѣдями.

Во всякомъ случаѣ, для безопасности Англій лучше было-бы не имѣть у своихъ дверей враждебныхъ государствъ, изъ которыхъ зловерный духъ можетъ распространяться по всей поверхности южно-африканскихъ колоній и произвести въ средѣ одноплеменнаго населенія общее возстаніе. Эта опасность, постоянно висящая надъ головою англичанъ, безъ сомнѣнія, создаетъ для нихъ крайне затруднительное положеніе. Но не слѣдуетъ забывать, что они сами шли къ нему навстрѣчу, занимая мѣстность, которой присущи были всѣ эти неблагоприятныя условія. Для избѣжанія затрудненій было весьма простое средство, а именно — искать иныхъ, болѣе удобныхъ территорій, и въ настоящую минуту также есть вѣрное средство, а именно: удалиться; и это средство, какъ намъ кажется, единственное. Само собою разумѣется, что англичане не расположены къ нему, и можно предсказать заранее, что уйти ихъ заставить развѣ какое-нибудь колоссальное бѣдствіе, которому недавнее пораженіе служить лишь прелюдіей. А до тѣхъ поръ британское правительство будетъ жить изо дня въ день. Затрудненій у него много, и всѣ они порождаются одною причиною, а именно неслыханной страстью къ распространенію предѣловъ своихъ. Если-бы англичане стали уходить изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ у нихъ существуютъ затрудненія, то, безъ сомнѣнія, это пошло-бы на разгромъ Британской имперіи. А потому Гладстонъ будетъ кое-какъ ковылять по руслу своей политики, отодвигая, но не рѣшая затрудненія. Выиграть время, жить изо дня въ день, — вотъ все, что можно ждать отъ либерализма Гладстона. Это можно назвать англійскимъ оппортунизмомъ. Суть дѣла та же. Различіе существуетъ лишь въ словахъ. Принужденный

считаться съ ирландскими фермерами, съ афганцами, базутосами, ашантиями и, наконецъ, съ трансваальскими боэрами, къ тому-же убѣжденный, что, гоняясь за реваншемъ, можно пожать еще новое поражение, Гладстонъ окажется расположеннымъ принять миролюбивыя предложенія трансваальскихъ республиканцевъ, тѣмъ болѣе, что при нѣкоторомъ искусствѣ и недобросовѣстности такъ легко вознаградить себя на дипломатической почвѣ за потери, понесенныя на почвѣ военной.

22-го марта преемникъ генерала Коллея, сэръ Эвелинъ Вудъ телеграфировалъ Гладстону, что миръ заключенъ. По формѣ трактата боэры признали верховную власть королевы; они допустили пребываніе на своей территоріи англійскаго резидента, они соглашались покинуть укрѣпленную позицію Ленгсъ-Нэкъ, они изъявили также согласіе на временное пребываніе англійскихъ гарнизоновъ въ пунктахъ, нынѣ ими занимаемыхъ, и впредь до окончанія работъ будущей королевской комиссіи. Впрочемъ, британское правительство обѣщало имъ полную независимость въ будущемъ, selfgovernment; оно не требовало отдачи оружія и, въ свою очередь, обязывалось не вводить новыхъ войскъ и не ввозить боевыхъ снарядовъ англійскимъ гарнизонамъ.

Эти обѣщанія независимости, въ связи съ оставленіемъ англійскихъ гарнизоновъ, достаточно странны, но по мѣрѣ того какъ начинается болѣе близкое разсмотрѣніе и стараешься уяснить себѣ дѣло, оно дѣлается еще болѣе темнымъ и запутаннымъ. Такимъ образомъ труды будущей королевской комиссіи получаютъ особый интересъ. Въ договорѣ по этому поводу говорится слѣдующее:

«Въ составъ комиссіи войдутъ гг. Робинсонъ, Вудъ и Виллърсъ,—верховный судья Капской колоніи.

Боэры, повидимому, не будутъ имѣть представительства въ комиссіи, которая изображаетъ собою что-то въ родѣ исключительно англійскаго суда. Потому-то никто не понимаетъ, какимъ образомъ будутъ улаживаться затрудненія, въ случаѣ ихъ возникновенія, относительно туземцевъ, а между тѣмъ комиссія, судя по официальному изложенію ея назначенія и функцій, должна вѣдать интересы туземцевъ, а равно и интересъ присоединенія къ Трансваалу части натальской территоріи. Однако, не видно, чтобы имѣло мѣсто какое-либо предварительное соглашеніе по этимъ пунктамъ. Если-же мы оглянемся назадъ, то увидимъ, что отношенія между боэрами и туземцами во всѣ времена являлись причиной разногласій и столкновеній съ колоніальнымъ правительствомъ и что именно эти отношенія послужили предлогомъ для присоединенія Трансваала, отъ котораго это-же самое пра-

вительство отказывается въ настоящее время. А если не послѣдовало никакого соглашенія относительно главныхъ пунктовъ, могущихъ вызывать внимательство, то можно-ли имѣть право считать миръ заключеннымъ?

Не имѣется-ли основанія предположить какой-нибудь ловушки въ этихъ странныхъ переговорахъ, и легко возможно, что боерамъ придется сдѣлать лишнюю пробу англійской добросовѣстности, а Крюгеру—потерять репутацію дипломата.

Пресловутая комиссія не начнетъ, повидимому, своихъ дѣйствій ранѣ августа текущаго года, и новые переговоры, къ которымъ придется обратиться, начнутся не ранѣ какъ по закрытіи парламентской сессіи, по причинѣ физической невозможности для министерства—слѣдить за этими дѣлами среди важныхъ заботъ настоящей сессіи.

На самомъ дѣлѣ это весьма похоже на откладываніе въ долгій ящикъ, а пока министерство надѣется успѣть уладить другія текущія затрудненія и приготовиться къ новой кампаніи, если найдетъ это нужнымъ. Во всякомъ случаѣ оно приобрѣло то, въ чемъ отказала ему доблесть его оружія: боеры покинули укрѣпленныя позиціи и въ особенности Лэнгсъ-Некъ, избавляя англійскія войска отъ новой и весьма вѣроятной неудачи въ томъ случаѣ, если-бы ихъ пришлось брать приступомъ.

VIII.

Разсматривая условія англійской колонизаціи въ южной Африкѣ, мы видѣли, что къ опасности, истекавшей отъ присутствія найденнаго уже тамъ англичанами бѣлаго населенія, присоединялась и другая, еще болѣе серьезная опасность, а именно: подавляющее преобладаніе африканской расы.

«Южная Африка, писалъ Троллопъ,—есть страна черныхъ, а не бѣлыхъ. Такою она была, есть и будетъ».

Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на географическую карту Африки, чтобъ убѣдиться въ точности сказаннаго нами въ началѣ этой статьи, а именно, что присутствіе бѣлыхъ не уничтожило и не устранило туземнаго населенія. Повсюду—на границахъ, внутри страны и между различными колоніями живетъ масса чернаго населенія. Обширное пространство, тянущееся на западъ, отъ Капской колоніи до Калагарской пустыни, населяется готтентотами и ихъ соплеменниками говаками, гомаками, бушменами и другими. Кафры занимаютъ сѣверо-восточную часть Капской колоніи. Присоединеніе Трансваала поста-

вило англичанъ лицомъ къ лицу съ новыми племенами: зулусами и бечуанами. Первые, потерявъ господство надъ Наталемъ, остались тамъ тѣмъ не менѣе въ количествѣ 300,000, среди которыхъ живетъ не болѣе 20,000 англійскихъ переселенцевъ. Алмазные россыпи, отторгнутыя отъ Оранжа, познакомили съ племенемъ гриковъ.

Баутосы населяютъ мѣстность между Оранжемъ и Наталемъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить 15,000 баралонговъ, живущихъ въ центрѣ оранжской территоріи, цвѣтныя группы малайцевъ, индійскихъ куліевъ и гвинейскихъ негровъ.

Черные муравейники тѣснятъ и окружаютъ бѣлыхъ переселенцевъ. Если черные не господствуютъ политически, то по крайней мѣрѣ они господствуютъ по своей численности и изъ завоеванныхъ превращаются въ завоевателей.

Говоря, что черные не имѣютъ политическаго преобладанія, не слѣдуетъ забывать, что въ экономическомъ отношеніи, въ сферѣ труда они, напротивъ, тѣснятъ европейца и преимуществами своего положенія въ родной странѣ, и дешевизною своего труда и, наконецъ, оказываютъ конкуренцію и въ силу врожденныхъ способностей своихъ. Зулусъ нанимается въ пахари за 5—6 шиллинговъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ бѣлому приходится дать 30 шиллинговъ. Черный слуга довольствуется жалованьемъ въ 1 фун. ст. и 8 шилл., а бѣлый требуетъ вдвое больше. Десять шиллинговъ въ недѣлю кажутся кафру, работающему на алмазныхъ россыпяхъ, вполне достаточнымъ вознагражденіемъ за убійственный трудъ, а если нужны чернорабочіе для работы на желѣзной дорогѣ или на простыхъ дорогахъ, то колониальное начальство обращается къ кому-нибудь изъ предводителей кафрскихъ или зулусскихъ племенъ, которые и поставляютъ рабочихъ за ничтожную плату, въ размѣрѣ пяти шиллинговъ въ мѣсяцъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ фунтовъ масла.

Есть и другое средство устраненія бѣлаго работника, — это его расовая гордость. Если бѣлый рабочій встрѣчается съ чернымъ въ мастерской или вообще на работѣ, онъ останется лишь подъ условіемъ старшинства и начальствованія надъ чернымъ собратомъ. Если у бѣлаго слуги встрѣтятся черные сотоварищи, онъ станетъ требовать ихъ подчиненія себѣ. Ихъ придется помѣстить на менѣ почетныхъ мѣстахъ за обѣденнымъ столомъ и т. д., между тѣмъ какъ гордый аріецъ возсядетъ на первомъ мѣстѣ по праву рожденія и цвѣту кожи. Если подобныя условія не могутъ быть выполнены, европейскіе рабочіе предпочтутъ безработицу или менѣе выгодную работу, лишь-бы избавиться отъ ненавистнаго сосѣдства съ черными.

Одинъ путешественникъ сообщаетъ, что ему пришлось какъ-то встрѣтить двухъ европейцевъ рабочихъ, которые, потерявъ работу на желѣзной дорогѣ, согласились выстроить у фермера плотину, получая по шиллингу въ день, лишь-бы избавиться отъ черныхъ сотоварищей, которые между тѣмъ занимались неподалеку оттуда промывкой шерсти за четыре шиллинга въ день. Европейцамъ стоило-бы только присоединиться къ нимъ, чтобы получать то-же самое, но они не пожелали.

Этотъ *point d'honneur* европейца-рабочаго не распространяется, однако-же, на хозяевъ или промышленниковъ. По крайней мѣрѣ отвращеніе къ цвѣтному населенію у нихъ не настолько сильно, чтобы заставить предпочесть европейцевъ, требующихъ за свой трудъ въ пять или шесть разъ дороже. Поэтому на долю туземцевъ выпадаетъ большая часть чернорабочаго труда: они батраки на фермахъ, землекопы, носильщики, промывщики шерсти, разсыльные, конюхи, извозчики. Они-же работаютъ на алмазныхъ россыпяхъ. Но и въ ремеслахъ, требующихъ подготовки, ученія, бѣлый рабочій встрѣчается съ конкуренціей туземца. Ремесленные школы, основанныя на Мысѣ и въ Наталѣ, выпускаютъ кузнецовъ, слесарей, плотниковъ, переплетчиковъ, наборщиковъ.

Высчитано, что за одни работы на алмазныхъ россыпяхъ, ежегодно уплачивается до 40 милліоновъ франковъ. Если прибавить къ этой цифрѣ всю остальную сумму англійскихъ денегъ, уплачиваемую туземцамъ за ихъ трудъ, можно представить себѣ, какихъ размѣровъ она достигаетъ. Благодаря этому обстоятельству, туземцы улучшаютъ свою пищу, одежду и жилища. Они покупаютъ скотъ, и за послѣдніе годы имъ продано нѣсколько тысячъ плуговъ. Лучше того, они не скупаются платить за дѣтей и отдають ихъ въ школы. Такимъ-то образомъ объясняется, что въ хижинѣ туземца, какъ то заявляютъ нѣкоторые путешественники, можно найти иногда бумагу, чернила и перья, что, какъ извѣстно, не всегда встрѣчается въ хижинѣ и европейскаго крестьянина.

Наконецъ, черный обитатель Капской колоніи, по большей части уже находится на высотѣ ценза, обуславливающаго для него и политическія права, такъ-что можно предвидѣть минуту когда кафры, базутосы, грики и даже готтентоты будутъ имѣть въ рукахъ избирательный бюллетень, будутъ избирателями и избираемыми, а слѣдовательно, примутъ дѣятельное участіе въ управленіи. Предоставляя туземцу доступъ къ этимъ правамъ, равняя его съ бѣлымъ предъ лицомъ конституціи, англичанѣ,

безъ сомнѣнія, руководились злобнымъ чувствомъ къ другимъ бѣлымъ.

Какъ-бы то ни было, фактъ существуетъ. Англiи приходится, слѣдовательно, управлять этими черными людьми на конституціонныхъ основанiяхъ, т. е. обращаться съ ними какъ съ гражданами, а не какъ съ подвластными.

Если англійское правительство распространить представительный образъ правленiя на всѣ свои африканскiя владѣнiя, слитыя въ одну обширную конфедерацію, то это будетъ, безъ сомнѣнія, лишь содѣйствовать усиленiю преобладанiя цвѣтного элемента. Если въ Капской колонiи мы встрѣчаемся съ довольно внушительнымъ меньшинствомъ бѣлаго населенiя, то уже въ Натальъ насчитываютъ не болѣе 20,000 бѣлыхъ на 300,000 цвѣтного населенiя, а въ Трансваальъ на 40,000 боэровъ имѣется 250,000 туземцевъ. Или, быть можетъ, благодѣнiя парламентскаго режима заставятъ черныхъ забыть о своей ненависти къ властителямъ-англичанамъ? Это по меньшей мѣрѣ сомнительно, и англичане нисколько на это не рассчитываютъ.

Доказательствомъ служить то, что вмѣсто удаленiя войскъ, какъ-то было сдѣлано въ Австралии и Новой Зеландiи, гдѣ на эманципированное населенiе возложена отвѣтственность и издержки по народной оборонѣ, въ Капской колонiи англійскому правительству приходится нести тяжелое бремя расходовъ по военной оккупаціи.

Опасность, какъ видно, растетъ съ годами и по мѣрѣ того какъ цивилизація влагаетъ въ руки туземцевъ новыя средства для служенiя расовой ненависти. Что будутъ значить нѣсколько англійскихъ полковъ въ тотъ день, когда черные на Мысъ и въ сосѣднихъ колонiяхъ приобрѣтутъ сознание своего могущества и обзаведутся хорошимъ оружіемъ, соответствующимъ современному уровню военной тактики? Въ тотъ день, повторяемъ, катастрофа Маюбы Гилля покажется вѣсѣмъ незначущимъ происшествiемъ въ сравненiи съ разгромомъ, который положитъ конецъ господству англичанъ на африканскомъ югѣ. И этотъ день не останется бесплоднымъ, потому-что на развалинахъ, подъ которыми погибнутъ массы англичанъ и боэровъ, возникнетъ новое царство. Судьбы его неизвѣстны, но могучи; это будутъ судьбы сыновъ Хама, судьбы проклятой расы.

ЖЕ. — ка

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПИСЬМА „ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ“.

ПИСЬМА ЛОРДА РОЗБЕРРИ.

(Переводъ съ рукописи).

Письмо семьдесятъ-второе *).

Дорогая Дженни!

Я не разъ высказывалъ и въ письмахъ, и въ частныхъ бесѣдахъ завистливое удивленіе передъ драгоцѣнной способностью русскихъ рѣшать въ иныхъ случаяхъ не только частныя, но и общественныя затрудненія съ невѣроятной быстротой. Ты, конечно, очень хорошо понимаешь, Дженни, что, заявляя объ этомъ, я имѣю въ виду рѣшенія лишь въ планахъ, проектахъ и мечтахъ, которыми занята русская печать такъ-называемаго, «московскаго» направленія. Тутъ прилично, мнѣ кажется, замѣтить, Дженни, что печатью «московскаго» направленія въ Россіи называются такіе органы, которые держатся во всей строгости принципа: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть» **) и, исходя изъ него, какъ изъ основаго положенія, въ стройной послѣдовательности проводятъ его въ дальнѣйшемъ развитіи и затѣмъ формулируютъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, число которыхъ колеблется обыкновенно между тремя и десятью—не болѣе. Ниже

*) Нѣсколько писемъ, слѣдующихъ между послѣднимъ напечатаннымъ въ № 12 «Ѳла» за 1880 г и нынѣ предлагаемыми, потеряны при пересылкѣ ихъ изъ Лондона, по винѣ нашего корреспондента, получающаго ихъ въ копіи отъ супруги почтеннаго лорда.

**) Очевидно, знатный иностранецъ придаетъ русской поговоркѣ слишкомъ широкое значеніе.

Прим. переводчика.

я приведу тебѣ и самые пункты, а теперь замѣчу только, что вышеупомянутые джентльмены печати даже и меня, знакомаго съ нравами этой страны достаточно, каждый новый разъ ставять въ тупикъ и простотой, и быстротой, и энергіей своихъ рѣшеній по поводу вопросовъ, казалось-бы, весьма деликатныхъ и требующихъ весьма обстоятельнаго обсужденія.

По своему обыкновению, я крайне внимательно слѣжу за русской прессой, и вышесказанное заключеніе есть результатъ моихъ долгихъ наблюденій. Изъ нижеслѣдующаго ты убѣдишься, что я не даромъ питаю такую любовь къ русскимъ и восхищаюсь многими ихъ достоинствами, хотя и не скрываю, конечно, и частныхъ недостатковъ. Къ числу послѣднихъ надо, разумѣется, отнести и нѣкоторую уклончивость, если можно такъ выразиться, обнаруживаемую незначительной частью печати; и потому, имѣя въ виду познать тебя съ планами русской печати, я по неволѣ долженъ ограничиться лишь проектами печати московскаго направленія.

Я въ послѣднее время бесѣдовалъ съ однимъ петербургскимъ журналистомъ и очень интересовался узнать: почему именно одни изъ нихъ рѣшительно и откровенно занимаются проектами, тогда какъ другіе такъ-же рѣшительно и откровенно уклоняются отъ проектовъ, и почему чѣмъ громче и откровеннѣе высказываются одни, другіе, наоборотъ, упорнѣе и упорнѣе продолжаютъ изслѣдовать спеціальные вопросы по сельскому хозяйству и преимущественно по овцеводству, шелководству, винодѣлію и т. п.

Къ моему крайнему сожалѣнію, русскій джентльменъ не могъ дать мнѣ на этотъ счетъ вполне основательныхъ объясненій. Съ тою-же манерой, съ какою онъ говоритъ въ своей газетѣ о джутовыхъ мѣшкахъ (вопросъ этотъ очень занималъ одно время газеты) названный джентльменъ, вмѣсто объясненій, издавалъ какіе-то неопредѣленные звуки, такъ-что я, подозревая, что меня не вполне понимаютъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ способу, употребляемому корреспондентами, когда они являются къ высокопоставленнымъ лицамъ, и сталъ задавать ему вопросы. Разговоръ нашъ подъ конецъ принялъ такую форму.

— Находите-ли вы мнѣнія и проекты вашихъ собратьевъ вполне отвѣчающими интересамъ вашей страны?

— Гммъ... Какъ вамъ сказать... Съ одной стороны...

Онъ, очевидно колебался. Тогда я переимѣнилъ форму вопроса...

— Думаете-ли вы, что лекарства, предлагаемыя въ печати, вполне радикальны, или кажется вамъ, что потребны болѣе радикальныя средства, и если потребны, то какія именно?..

Опять, вмѣсто отвѣта, Дженни, я услышалъ какое-то неопредѣленное: «гммъ».

— Вы не хотите отвѣчать? спросилъ я.

— Когда-нибудь въ другой разъ, милордъ, я буду имѣть честь объяснить вамъ, а теперь мы нашимъ разговоромъ можемъ обратить на себя общее вниманіе...

Я и забылъ сказать тебѣ, Дженни, что разговоръ нашъ происходилъ въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ.

— Мнѣ кажется, возразилъ я,—тѣмъ лучше, такъ-какъ мы можемъ, такимъ образомъ, узнать мнѣніе и другихъ лицъ...

— О, къ чему-же... къ чему-же! проговорилъ уклончивый джентльменъ и выказалъ такое очевидное нежеланіе продолжать этотъ разговоръ, что я, признаюсь, искренно пожалѣлъ, что взволновалъ бѣднаго джентльмена...

— Мы, милордъ, когда-нибудь... знаете-ли... впоследствии, если васъ такъ интересуютъ наши дѣла.

И съ этими словами онъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно ушелъ.

Возвращаясь къ планамъ, предлагаемымъ многими газетами для быстрого очищенія страны отъ всякихъ золъ и для водворенія въ кратчайшій срокъ (нѣкоторые, Дженни, гарантируютъ даже, что двадцати-четырёхъ-часовой срокъ болѣе чѣмъ достаточенъ) благоденствія, — я долженъ раздѣлить ихъ всѣ на три категоріи. Къ первой — относятся проекты частныхъ мѣръ, ко второй — проекты мѣръ смѣшанныхъ и, наконецъ, къ третьей — проекты общихъ мѣръ. Но прежде всего слѣдуетъ, Дженни, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, оговориться, что предложенные за послѣднее время проекты являются плодами собственной инициативы и вовсе не вызваны какими-либо предложеніями со стороны правительства и, какъ ты догадаешься сама, ничего не имѣютъ общаго съ практическимъ ихъ осуществленіемъ. Это мечты вслухъ и только, хотя и мечты, имѣющія, однако, по моему скромному мнѣнію, несомнѣнное значеніе, какъ характеристика нравовъ. Только съ этою цѣлью — изученія особенностей русской самодѣятельности — я и приведу тебѣ, дорогая Дженни, сущность проектовъ по всѣмъ тремъ категоріямъ, причѣмъ постараюсь расположить ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы ты могла на примѣрахъ видѣть послѣдовательно развивавшуюся быстроту и энергію русскихъ публицистовъ, а равно и ихъ несомнѣнно здравый смыслъ или, какъ они выражаются, самобытность, являемую при добрыхъ намѣреніяхъ уничтожить зло и, въ свою очередь, помочь въ умиротвореніи ихъ великой страны, подвергшейся тяжелымъ испытаніямъ и потрясеніямъ.

Хотя всѣ планы, которые являются теперь на столбцахъ газетъ, и заслуживаютъ одинаковаго вниманія, но подробное пе-

речисленіе ихъ, при всемъ желаніи, затрудняетъ меня: во-первыхъ, оно отняло-бы много мѣста, а во-вторыхъ, пришлось-бы поневолѣ повторять одно и то-же, такъ-какъ, отличаясь другъ отъ друга оттѣнками, въ общемъ они имѣютъ одинъ и тотъ-же характеръ. Вотъ почему я и ограничусь изложеніемъ вкратцѣ лишь нѣкоторыхъ, группируя нѣсколько плановъ, мало другъ отъ друга отличающихся, въ одинъ, но, разумѣется, не посягая на ихъ сущность.

Оговорившись такимъ образомъ, дабы ты не заподозрѣла меня, по обыкновенію, въ черезчуръ большомъ восхищеніи передъ всѣмъ русскимъ, отмѣчу нижеслѣдующіе проекты предложенные печатью, но, конечно, оставшіеся лишь на страницахъ газетъ.

А) *Конфискація домовъ*. Планъ этотъ былъ разработанъ въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ. Отличаясь несомнѣннымъ остроуміемъ и краткостью мотивовъ, онъ, однако, грѣшитъ нѣкоторой неполнотой въ деталяхъ, такъ-что требуетъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ разъясненій. Несмотря, однако, на неполноту, этотъ планъ имѣетъ за собой то достоинство, что состоитъ всего изъ трехъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) Всякій домъ, въ которомъ окажется живущимъ лицо подозрительное, конфискуется въ пользу газеты, репортеръ которой откроетъ присутствіе подозрительнаго жильца. При этомъ четвертая часть конфискованнаго имущества поступаетъ въ пользу газеты и $\frac{1}{100}$ въ пользу репортера *). 2) Владѣльцы такихъ домовъ лишаются права на какую-бы то ни было жалобу; и 3) Въ случаѣ протеста—они заключаются въ смиренный домъ **).

При смятеніи и тревогѣ, царствующей въ настоящее время въ умахъ, ты поймешь, Дженни, что всякій, самый невѣроятный слухъ, всякое баснословное извѣстіе, падаютъ на воспримчивую почву, и публика, нервы которой натянуты до послѣдней степени, съ жадностью накидывается на все, что имъ сообщаютъ подъ рубрикой «достоверныхъ источниковъ». Трудно тебѣ передать, Дженни, всю эту массу извѣстій, одно другому противорѣчащихъ и весь этотъ нескончаемый рядъ слуховъ, которыми въ послѣднее время была полна большая часть газетъ. Одушевленные, конечно, намѣреніями, удовлетворить нервному любопытству публики, нѣкоторые органы печати опубликовывали

*) Подобный проектъ былъ напечатанъ, но мы нигдѣ не читали о конфискаціи въ пользу газетъ.

***) Наказаніе тоже, сколько помнится, не было точно опредѣлено.

нерѣдко фамиліи лицъ, приписывая имъ тѣ или другія ужасныя преступленія, и послѣ, когда оказывалось, что сообщенія невѣрны, что лица, о которыхъ газеты сообщали во всеобщее свѣденіе, такъ-же виноваты, какъ мы съ тобой,—тогда обыкновенно кратко замѣчали, что ошиблись, и на другой день точно также начинали ошибаться. Признаюсь, Дженни, каждый репортеръ могъ причинить большія нравственныя терзанія, и если-бы, на примѣръ, кто-нибудь захотѣлъ насолить мнѣ, знатному иностранцу, то это было-бы такъ-же легко, какъ легко выпить рюмку хорошаго *сегу*. Конечно, русскія газеты воспользовались правомъ свободной печати открывать преступниковъ, но тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что правомъ своимъ они злоупотребляли даже болѣе чѣмъ слѣдовало въ интересахъ различной продажи.

Когда планъ о конфискаціи домовъ появился въ газетахъ, то натурально на многихъ домохозяевъ онъ произвелъ довольно сильное впечатлѣніе, поставивъ въ тупикъ особенно тѣхъ, которые вѣрятъ каждой печатной строкѣ, воображая съ наивно-стью, нерѣдко отличающею русскаго человѣка, будто-бы то, что предлагается въ газетѣ, является не свободнымъ изложеніемъ мыслей свободно высказывающагося русскаго журналиста, а отголоскомъ, будто-бы исходящимъ изъ сферъ практическихъ. Ты, слѣдовательно, вообразишь себя, Дженни, что испытали господа домохозяева, въ виду предложенной мѣры и въ виду нѣкоторой трудности, по-крайней-мѣрѣ, для лицъ, не знакомыхъ съ наукой глазомѣрной съемки, опредѣлить на глазомѣръ степень подозрительности, особливо при аккуратномъ взносѣ квартирной платы. Впрочемъ, какъ мнѣ говорили, нѣкоторые рѣшили вопросъ съ простотой и энергіей, не оставлявшими мѣста ни для какихъ сомнѣній. Рѣшивши, что всякій учащійся есть лицо подозрительное, нѣкоторые домохозяева потребовали очищенія домовъ отъ студентовъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ передавали люди, заслуживающіе довѣрія, что такіе примѣры были; но едва-ли ихъ было много, такъ-какъ, въ противномъ случаѣ, всѣ учащіеся должны были-бы расположиться лагеремъ на площадяхъ или-же выбыть изъ города. Въ интересахъ истины обязанъ заявить, что палатокъ по площадямъ не видалъ, хотя одинъ репортеръ, тотъ самый, который при моемъ пріѣздѣ въ Россію, зарабатывалъ на мнѣ, какъ онъ утверждалъ, отъ 5 до 10 рублей, сообщая вымышленные разговоры, будто-бы происходившіе между нами,—и клялся, что видѣлъ на конной площади разбитые палатки, въ которыхъ помѣщались студенты. Очевидно, мой репортеръ вралъ, но въ послѣдніе дни имъ, бѣднымъ, приходилось такъ врать,

(тѣмъ болѣе, что и гонораръ, какъ мнѣ передавали, былъ усиленный), что они совершенно искренно не различали дѣйствительности отъ фантазіи, тѣмъ болѣе, что и редакціи болѣе распространенныхъ газетъ не претендовали на большую разборчивость и рассказывали въ своихъ органахъ не только то, что происходило на землѣ, но даже и объясняли то, что происходило на небѣ, руководствуясь не астрономіей, а энциклопедическимъ: «намъ сообщаютъ»...

Такъ, однажды, я прочелъ, будто кто-то сообщилъ, что луна измѣнила свой обычный блѣдный цвѣтъ и свѣтится голубымъ цвѣтомъ съ оттѣнкомъ фіолетоваго, и что, кромѣ того, на небѣ появились новыя планеты, имѣющія сходство съ большими крысами *) а по другимъ источникамъ—съ рябчиками.

Встрѣтивши на другой день на улицѣ стремищагося куда-то извѣстнаго мнѣ джентльмена, поставляющаго, по увеличенному гонорару, слухи и извѣстія, я остановилъ его (онъ по-прежнему памяти къ бывшему источнику дохода, оказывалъ мнѣ свое благосклонное вниманіе) и спросилъ:

— Какія новыя планеты, сэръ, появились на небѣ?

— Двѣ! не задумываясь, отвѣчалъ джентльменъ, бросая на меня быстрый взглядъ... Они очень ясно видны въ 2 ч. 15 м. ночи...

— Вы видѣли?..

— Надѣюсь, милордъ, иначе развѣ-бы я сталъ сообщать въ газеты, категорически проговорилъ джентльменъ.—Одна похожа на крысу, а другая на птицу... Я точно наблюдалъ и, по тщательномъ разсмотрѣніи, нашелъ, что птица эта имѣетъ большое сходство съ вологодскимъ рябчикомъ...

— А цвѣтъ луны?..

— Голубовато-фіолетово-блѣдно-желтый. Самъ видѣлъ!..

Съ этими словами джентльменъ хотѣлъ было стремиться далѣе, но какъ-бы внезапно осянненный новой мыслью, проговорилъ:

— А вы, милордъ, не изволили ничего слышать новаго?..

— Нѣтъ, ничего особеннаго.

— Въ Екатерининскомъ каналѣ найдены склады ружей...

— Въ каналѣ?

***) Небесныя явленія хотя и описывались въ газетахъ, но о появленіи новыхъ планетъ, похожихъ на крысъ или рябчиковъ, сколько помнится, не констатировалось. Передавалъ газетнымъ извѣстіямъ, почтенный лордъ, по всей вѣроятности, пользовался газетами, которыхъ мы не читали, и потому оставляемъ это извѣстіе на его отвѣтственности.

— Очевидно, брошены. И ружья английской системы, милордъ!. Клейма, милордъ, клейма... Смитъ и К°. Самъ разбираетъ!

Я не сомнѣвался, что всѣ эти новости зародились у моего собесѣдника внезапно, но, признаюсь, его утверждение объ английскихъ клеймахъ меня смутило, тѣмъ болѣе, что около насъ уже начинала собираться публика.

— Английскія, милордъ, клейма... Если угодно, вамъ расскажу подробно, но и чертовски голоденъ и спѣшу завтракать...

Я понялъ все и повелъ моего благороднаго друга въ ресторанъ. Тамъ, предложивши завтракъ репортеру, я выслушалъ множество басенъ, но передавать ихъ не стану. Замѣчу только, что послѣ двухъ бутылокъ вина, онъ весело смѣялся надъ обнаруженной моею пугливостью, когда онъ громко напиралъ на английскія клейма. Онъ добродушно смѣялся и весело объяснялъ мнѣ, что насчетъ английскихъ клеймъ пошутилъ, что собственно говоря найденъ не складъ ружей, но одно ружье, а впрочемъ, онъ удостовѣрить и одного ружья не можетъ, не справившись въ записной книжкѣ. Затѣмъ, поблагодаривъ за завтракъ, онъ раскланялся, говоря, что спѣшитъ въ редакцію.

Я отвлекся, Дженни, отъ цѣли настоящаго моего письма—передать тебѣ выдающіеся планы, но сдѣлаю это въ другомъ письмѣ, а теперь отрываюсь, такъ-какъ обѣщалъ быть у одного русскаго пріятели, большого чудака и интереснаго скептика. Этотъ джентльменъ очень любитъ вспоминать старое и нерѣдко рассказываетъ мнѣ эпизоды изъ своихъ воспоминаній, чувствуя ко мнѣ, какъ онъ говоритъ, нѣкоторую слабость.

Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю о «Товариществахъ взаимнаго самонаблюденія», а пока замѣчу, что планы товариществъ выработаны съ большею основательностью, чѣмъ вопросъ о конфискаціи домовъ. До слѣдующаго письма. Твой Джонни.

Письмо семьдесятъ-третье.

Дорогая Дженни!

Я засталъ моего знакомаго въ томъ настроеніи, которое мы называемъ сплиномъ. Онъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, угрюмый, и передъ нимъ лежалъ ворохъ газетъ. Этотъ русскій джентльменъ, человекъ не молодой, солидный и имѣющій, повидимому, всѣ данныя, чтобы быть полезнымъ членомъ общества (хотя онъ ровно ничѣмъ не занимается), не только не сообщилъ мнѣ ни одного собственнаго проекта (къ чему русскіе имѣютъ большую страсть), а, напротивъ, жаловался, что его соотече-

ственники обнаруживают такую неуёмность въ проектахъ. Несмотря на мое желаніе навести его на бесѣду о положеніи дѣлъ, онъ по обыкновенію упорно отмалчивался, ограничиваясь разговорами о прошломъ...

— Вамъ, милордъ, быть можетъ, скучно, проговорилъ онъ.— Вы тоже быть можетъ пріѣхали за новостями ко мнѣ!.. проговорилъ онъ какъ-то грустно.

Я невольно покраснѣлъ.

— Я новостей никакихъ не знаю!.. Ничего не знаю!.. проговорилъ онъ нѣсколько разъ.—Знаю только, что можно сойти съума отъ всего этого! прибавилъ онъ, указывая на ворохъ газетъ... А умъ?.. Гдѣ умъ у людей? Точно безуміе какое-то напало на нихъ... Знаете-ли, иной разъ, когда читаешь газеты, думаешь, что попалъ въ съумасшедшій домъ... Иногда просто сомнѣваешься... Совсѣмъ сомнѣваешься въ человѣческой сообразительности... Они думаютъ...

Онъ замолчалъ и сталъ быстро ходить по комнатѣ. На его лицѣ бродила печальная улыбка... Я часто видалъ этого джентльмена мрачнымъ, но *такимъ*—никогда. Я всегда удивлялся, что онъ—человѣкъ образованный—ничего ни дѣлаетъ, и онъ всегда на мои вопросы по этому поводу отвѣчалъ съ какой-то злостью. Вообще, этотъ русскій былъ для меня загадкой. Я слышалъ, что въ молодости онъ жилъ въ провинціи, былъ педагогомъ, земскимъ дѣятелемъ и очень виднымъ лицомъ въ своей мѣстности, но впослѣдствіи бросилъ занятія и съ тѣхъ поръ живетъ уединенно, довольствуясь процентами съ маленькаго капитала, оставленнаго ему покойнымъ его отцемъ...

Всѣ эти мысли пробѣгали въ моей головѣ, когда онъ молча ходилъ по кабинету, и я-было хотѣлъ оставить его одного, какъ онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и началъ:

— Вы, милордъ, иностранецъ и не можете вполне понять насъ... Не можете... Мы вѣдь и плачемъ порывами, и смѣемся порывами... Все у насъ порывъ... И только порывъ. Почему это такъ—я говорить не стану. Я, вы знаете, вообще о современныхъ дѣлахъ говорить не люблю да и что-то не понимаю ихъ... Очень ужъ трудно понять... Мнѣ вотъ и теперь приходится на память давно-прошедшее время... Впрочемъ, что васъ занимать воспоминаніями...

— О, пожалуйста... Я радъ васъ послушать...

— Ну, тогда... я расскажу вамъ страничку изъ нашего прошлаго... Отрывокъ изъ личныхъ воспоминаній того времени, когда подъ грохотъ севастопольской канонады мы прозрѣли... когда... Но вамъ-то, вамъ-то, иностранцу, какое до этого дѣло? вдругъ

спросилъ чужака.—А впрочемъ — слушайте, коли хотите!.. Но только не удивляйтесь несвязности моей рѣчи... Мы не англичане и говорить хорошо не умѣемъ... т. е. не то, что хорошо—это не настоящее слово... а впрочемъ, къ чему предисловіе?..

Онъ усѣлся въ кресло и началъ...

Почтенный хозяинъ увлекся, вспоминая то время... Глаза его блистали... Онъ весь былъ одушевленъ...

Онъ всталъ изъ за стола, закурилъ сигару и собирался было продолжать, какъ вдругъ раздался звонокъ, заставившій его вздрогнуть. Тотчасъ-же настроеніе его измѣнилось, и я отъ души, Дженни, вознегодовалъ на посѣтителя, помѣшавшаго нашей бесѣдѣ...

Въ кабинетъ вошелъ гость — родственникъ хозяина, но тѣмъ не менѣе бесѣда была уже невозможна. Я собрался уходить и могъ утѣшиться, впрочемъ, обѣщаніемъ почтеннаго хозяина, даннымъ мнѣ при прощаніи, когда-нибудь окончить свой рассказъ.

— Тогда, прибавилъ онъ,—вы, быть можетъ, поймете, милордъ, почему я мало-по-малу дошелъ до того, что лишился своего «мѣста въ природѣ» и почему вообще между нами, русскими, такъ много дѣвтяевъ!

Я поблагодарилъ за обѣщаніе и отъ души пожалъ руку этому странному джентльмену. Такой типъ людей встрѣчается, Дженни, сколько я могъ наблюдать, только въ Россіи, и я нерѣдко старался выяснить себѣ—вслѣдствіе какихъ условій типъ этотъ здѣсь распространенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой гостепріимной странѣ не рѣдкость встрѣтить весьма достойныхъ, образованныхъ людей, искренно желающихъ посвятить свои силы общественному дѣлу,—въ полномъ бездѣйствіи и, наоборотъ, множество менѣе достойныхъ джентльменовъ, которые легко находятъ себѣ занятія и приложение своимъ способностямъ на общественной аренѣ. Сперва я предполагалъ, что происходитъ это по недостатку занятій, но вскорѣ пришлось объясненіе это счесть неосновательнымъ, такъ-какъ здѣсь постоянно слышишь жалобы, что «людей» нѣтъ... Куда именно запрятались «люди» вотъ вопросъ, Дженни, который интересуетъ очень многихъ въ Россіи. Не считая себя вправѣ, въ качествѣ иностранца, рѣшить этотъ вопросъ, я могу только отмѣтить фактъ и, если соберу довольно данныхъ по этому предмету, то въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ постараюсь передать гдѣ скрываются въ Россіи люди, въ которыхъ, по заявленію русскихъ, чувствуется будто-бы недостатокъ.

Однако, письмо мое вышло черезчуръ длинно *), и я боюсь, что ты, Дженни, начинаешь скучать. Будь здорова, и да хранишь тебя Богъ, какъ хранишь онъ доселѣ и меня.

Твой Джонни.

Письмо семьдесятъ-четвертое.

Дорогая Дженни!

Въ послѣднемъ твоёмъ письмѣ, полученномъ, какъ и слѣдовало, на пятый день, ты, между прочимъ, задаешь мнѣ множество вопросовъ, на которые, при всемъ своемъ желаніи, я не могу отвѣчать съ той обстоятельностью, къ какой обязываетъ меня наша англійская добросовѣстность... Конечно, я-бы могъ сообщать тебѣ множество слуховъ и пересказывать массу извѣстій, которые ежедневно и слышишь, и читаешь въ газетахъ, но я уже сообщалъ тебѣ, какъ трудно довѣрять слухамъ, и потому дѣлать какія-либо заключенія, основываясь на нихъ, было-бы дѣломъ крайне рискованнымъ. Правда, здѣсь всѣ любятъ знакомиться съ политикой по слухамъ—такова у русскихъ привычка!—но вслѣдствіе подобной системы выходитъ то, что русскіе встаютъ, если можно такъ выразиться, съ одной политикой, а ложатся съ другой, не говоря уже, что въ теченіи дня они перемѣняютъ столько политикъ, сколько наслышатся въ день устныхъ преданій.

Могу съ достовѣрностью сообщить тебѣ только, что извѣстный публицистъ русскій, Аксаковъ, дѣйствительно пріѣзжалъ въ Петербургъ и на митингъ произнесъ рѣчь. Что-же касается до перенесенія столицы, то вопросъ этотъ дѣйствительно поднимался въ газетахъ, но скоро что-то исчезъ съ газетныхъ столбцовъ. Правда, москвичи очень стояли за Москву и выхваляли свой городъ съ понятнымъ увлеченіемъ. По словамъ московскихъ публицистовъ, лучше Москвы нѣтъ города въ мірѣ, и если вѣрить имъ, то Москва есть, какъ здѣсь говорятъ, «пупъ земли»; на это нѣсколько сконфуженный Петербургъ въ лицѣ своихъ публицистовъ скромно возражалъ, что Москва, хотя и имѣетъ за собой много достоинствъ, но что она старушка не особенно чистоплотная—не обошлось безъ намековъ на мостовыя и на спеціальныя запахи Москвы—и что очень привержена къ старинѣ, причемъ напомнили ей кое-что изъ средней исторіи. Давнишній споръ между Петербур-

*) По-англійски письмо было длинно, но въ переводѣ оно стало значительно короче, вслѣдствіе большей сжатости русскаго языка.

Прим. переводчика .

гомъ и Москвой возгорѣлся—было снова, причеиъ Москва не щадила Петербурга и награждала его разными прилагательными, причеиъ такия, какъ «бездушный», «изолгавшійся», «фальшивый» были самыми деликатными,—но затѣиъ оба города замолчали. Надо думать, что кто-нибудь изъ публицистовъ порекомендуетъ, въ свою очередь, Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ, Ярославль и т. д.—*)

Въ началѣ, несмотря на свои преклонныя лѣта, Москва очень горячилась. И «Моск. Вѣд.», органъ извѣстнаго русскаго публициста г. Каткова, и «Русь» — органъ г. Аксакова и «Современныя Извѣстія», газета г. Гилярова-Платонова дружно отстаивали права Москвы. Вотъ что писалось въ тѣ дни по этому вопросу, кромѣ доказательствъ, что «Москва» — «пуиъ земли».

«Здѣсь, писали, между прочимъ, «Совр. Изв.», гдѣ собиралось наше государство и возносилась надъ всякою властью и утверждалась верховная власть, здѣсь, въ Кремлѣ, полноиъ священныиъ преданій, призраки исчезнуть, навожденіе прекратится и наше миѣніе испѣлится. Здѣсь иная нравственная атмосфера, чѣиъ въ Петербургѣ, гдѣ господствуетъ по преимуществу больной миѣніемъ нашъ оффиціальныиъ миръ, гдѣ зло родилось и питается, гдѣ оно, главнымъ образомъ, сосредоточено. Отсюда, и только отсюда, могутъ быть успѣшно приняты мѣры къ очищенію русской земли. Здѣсь только власть можетъ возымѣть свое полное и благотворное дѣйствие, которое всѣхъ успокоить, подниметъ понижшій въ народѣ духъ, оживить и укрѣпить все здравомыслящее и честное на Руси».

«Русь» съ еще бѣльшей энергіей громила Петербургъ и, объясняя добродѣтели Москвы, говорила, между прочимъ, такъ:

«Но трудно въ еженевности уклониться отъ воздѣйствія окружающей умственной среды, особенно-же въ Петербургѣ, гдѣ нѣтъ, какъ въ Москвѣ, нѣмыиъ, но вѣщихъ памятниковъ допетровской старины, гдѣ не приходится непремѣнно считаться (чего въ Москвѣ нельзя миновать) хоть-бы только съ церковною и наружною бытовою стихіей. Трудно лучу истиннаго свѣта и правдивому народному голосу пробиться сквозь этотъ заслонъ, эту толщу лжи, фальши, извращеній всяческаго рода, которая заститъ свѣтъ и глушитъ слово правды. Чиновники и такъ-на-

---

*) Предположеніе Знатнаго Иностранца оправдалось. Въ «Кіевлянинѣ» уже рекомендовался Кіевъ, какъ ииѣющій самыя неоспоримыя права на званіе стличнаго города.

зываемые литераторы, или неслужащая, профессиональная интеллигенція, чуждая самыхъ основныхъ основъ народнаго духа, — бюрократизмъ и доктринерскій либерализмъ, или либеральничающій бюрократизмъ и бюрократическій либерализмъ насыщаютъ со всѣхъ сторонъ и даютъ мнимою силою мнимаго общественнаго мнѣнія! Вотъ въ томъ и опасность, чтобы марево не было принято за правду, чтобы гамъ, гулъ, клики и крики петербургски-«интеллигентной» и «либеральной» среды не были возведены на степень «выраженія мысли, нужды и потребностей» русской земли. Вотъ почему такъ и желаетъ пламенно русскій народъ видѣть вполне свободной отъ всякихъ чуждыхъ исторіи и народному духу вѣяній и воздѣйствій, и крѣпче, чѣмъ когда либо, утвердить на камнѣ любви и народныхъ историческихъ преданій и заповѣдей, на истинно земской основѣ и т. д.».

Изъ этихъ отрывковъ ты, Дженни, можешь видѣть до какой степени московскіе публицисты унижаютъ Петербургъ и если послѣ всего того, что писалось, Петербургъ не провалился отъ стыда сквозь землю, то вѣроятно въ немъ и въ самомъ дѣлѣ есть не малая доля безстыдства. Впрочемъ, русскіе, какъ ты знаешь, любятъ браниться, тѣмъ болѣе, что «брань на ворота не виснетъ», по словамъ ихъ поговорки.

Я не разъ писалъ уже тебѣ, дорогая Дженни, что здѣсь вообще принято говорить отъ лица всей Россіи и отъ имени народа. Это—одна изъ обычныхъ формъ выраженія, практикуемая русскими публицистами. Какое-бы мнѣніе не выразилъ русскій литераторъ (я говорю, конечно, о большинствѣ), онъ постоянно прибавляетъ, что его мнѣніе есть мнѣніе русскаго народа. Поэтому, Дженни, являются иногда курьезныя противорѣчія; всѣ говорятъ о розни, существующей между русской интеллигенціей и народомъ и говорятъ, какъ мнѣ вѣжется, не всегда безъ основанія, но чуть дѣло коснется писанія передовыхъ статей, то рознь какъ-будто пропадаетъ, такъ-какъ каждый публицистъ, заявляя отъ имени страны, этимъ самымъ доказываетъ, что онъ отлично знаетъ интересы и нужды всей страны и мнѣнія ея по всѣмъ вопросамъ и, слѣдовательно, никакой розни и нѣтъ...

До чего, Дженни, сильна привычка у русскихъ публицистовъ прибѣгать къ вышеупомянутой формулѣ, можно видѣть, читая ежедневно русскія газеты. Привычка эта до того сильна, что даже подаетъ поводъ къ весьма курьезнымъ и забавнымъ недоразумѣніямъ. Для примѣра перевозю тебѣ одну изъ статей, въ которой авторъ, надо полагать, совершенно искренно, самъ того

не замѣчая, впадаетъ даже въ юмористическій тонъ, хотя статья и напечатана, очевидно, съ серьезной цѣлью и во имя общественаго блага. Вотъ она:

«Передъ лицомъ всей Россіи и отъ имени всего русскаго народа мы можемъ заявить, что народъ русскій проситъ, умоляетъ, чтобы подати были увеличены, надѣлы уменьшены, налоги на предметы первой необходимости возвышены, количество питейныхъ заведеній удвоено, всѣ школы и больницы закрыты. Равнымъ образомъ, можемъ смѣло сказать, народъ молить объ увеличеніи числа лицъ деревенской администраціи и ничего такъ не желаетъ, какъ возвращенія къ вѣрному состоянію и т. д.»

Я привожу тебѣ отрывокъ; по отрывку ты можешь судить о цѣлой статьѣ; замѣчу только, чтобы покончить съ этимъ, что такъ говорятъ при всѣхъ экстренныхъ случаяхъ. Объявляется ли война, проводится ли новая желѣзная дорога, устраивается ли какое-нибудь предпріятіе, всегда по словамъ газетъ вся страна о томъ проситъ и умоляетъ, такъ-что иностранецъ, незнакомый съ политическимъ жаргономъ здѣшнихъ газетъ и съ нравами, могъ-бы составить иной разъ весьма невыгодное понятіе о русскихъ поселянахъ, если-бы приписывалъ ихъ желаніямъ все то, что желается въ газетныхъ статьяхъ и, разумѣется, составилъ-бы о нихъ неправильное заключеніе.

Но такъ-какъ деревня молчитъ, по обычаю, и едва-ли читаетъ повременныя газеты, то разумѣется, публицисты беспрепятственно могутъ говорить отъ ея имени, и доказывать, что русскіе поселяне говядины не любятъ, а склонны къ пищѣ простой, и что, вообще имѣютъ приверженность — такую приверженность къ лишеніямъ, что было-бы обидно, даже жестоко, навязывать имъ говядину, хорошій хлѣбъ и прочія условія комфортабельнаго существованія. Это значило-бы посягнуть на самобытность русскаго человѣка, развратить его качества и лишитъ всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, которыми онъ выдается среди другихъ народовъ.

Такъ, Дженни, говорятъ здѣсь и при этомъ иногда подкрѣпляютъ свои положенія извѣстнымъ историческимъ фактомъ, какъ русскій мужикъ, не ѣвшій ничего кромѣ варева, называемаго «толокно» *) и приготовляемаго изъ воды и соли, одинъ не только справился съ англичаниномъ, нѣмцемъ и французомъ, которые были сыты и нѣсколько полны, но даже и побѣдплъ ихъ. Не могу точно сказать въ какомъ именно учебникѣ помѣщено это

---

*) Нечего и прибавлять, что „толокно“, о которомъ говоритъ почтенный лордъ Розберри, готовится, какъ извѣстно, не совсѣмъ такъ.

сказаніе, но оно крайне популярно и нерѣдко служитъ основаніемъ при рѣшеніи многихъ вопросовъ.

Такъ, надняхъ, одинъ знакомый русскій столоначальникъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

— Мы, милордъ, русскіе, народъ совершенно отъ другихъ отличный. У меня теперь, напримѣръ, лежитъ проектъ, занимающійся рѣшеніемъ вопроса: полезно или бесполезно наѣдаться ежедневно до сыта *). Я, признаюсь, долго и внимательно обсуждалъ этотъ вопросъ и совмѣстно съ товарищами и наединѣ... Думалъ годъ, думалъ другой, думалъ третій... Такие вопросы скоро рѣшать нельзя!.. прибавилъ онъ въ оправданіе и, замѣчу отъ себя, Дженни, вѣроятно съ цѣлью пояснить, что онъ не даромъ получаетъ жалованье за свои труды по разсмотрѣнію подобныхъ вопросовъ въ ученыхъ комиссіяхъ.

— Такъ я и докладываю вамъ, милордъ, что мы очень долго думали, дабы не принять черезчуръ стараго рѣшенія.

НВ. Изъ этихъ словъ ты, пожалуй и заключишь, Дженни, что въ чертѣ русскаго характера есть двѣ противоположныя черты. Иногда русскіе любятъ рѣшать самые сложные вопросы въ одинъ день, иногда, напротивъ, въ вопросахъ менѣе сложнаго характера, обнаруживаютъ медлительность, передъ которою и Фабій Кунктаторъ сложилъ-бы свое оружіе.

— И къ какому мнѣнію пришла? спросилъ я.

— А къ тому, милордъ, что наѣдаться до-сыта бесполезно!

Признаюсь при всемъ моемъ знакомствѣ съ оригинальными мнѣніями русскихъ людей, я не могъ не выразить на лицѣ своемъ изумленія при этихъ словахъ.

Собесѣдникъ, очевидно, это замѣтилъ и, усмѣхнувшись, проговорилъ:

— Я пришелъ, милордъ, къ этому рѣшенію, взвѣсивъ вс шансы за и противъ и, конечно, не обольщаясь—вы извините меня—разными лежученіями европейскихъ странъ. Любя родину и искренно желая, чтобы народъ нашъ сохранилъ въ себѣ всѣ добродѣтели, свойственныя нашей націи,—я подалъ голосъ противъ, имѣя въ виду, во-первыхъ, что насыщеніе располагаетъ къ лѣни, а лѣнь ведетъ къ другимъ порокамъ, отъ которыхъ да избавитъ насъ Господь Богъ... Наконецъ, человѣкъ насытившійся начинаетъ думать и о другихъ вещахъ, кромѣ пищи и по-

---

*) Не ошибся-ли и въ данномъ случаѣ, путешественникъ? Сколько помнится, въ газетахъ о возбужденіи подобнаго вопроса свидѣній не появлялось.

Прим. переводчика.

датель; обременивъ желудокъ, онъ захочетъ и обременить голову и затѣмъ...

Онъ, Дженни, свиснулъ и свиснулъ довольно протяжно, послѣ чего сказалъ:

— И, затѣмъ, прощай наши прирожденные добродѣтели... Изнѣженность, непривычка къ труду, пресыщеніе... однимъ словомъ, всѣ пороки древняго Рима явятся на смѣну презрѣнія къ пищѣ, любви къ лишеніямъ и трудамъ, выносливости и терпѣнію... Вотъ вамъ, милордъ, нравственные причины, не говоря уже о правилахъ медицинской науки, которая говоритъ, что желудокъ долженъ быть всегда легокъ, ноги горячи, а голова холодна...

— Но, однако, сколько мнѣ кажется, замѣтилъ, въ свою очередь, и я, — въ Россіи нѣкоторые такъ хорошо дѣяютъ и не смотря на то они дѣятельны и рѣшительны, какъ древніе герои Спарты!

— Вы говорите про насъ! грустно прервалъ меня почтенный собесѣдникъ... Вы правы, мы иногда даже очень много ѣдимъ и не даромъ страдаемъ катаррами... Но отъ этого-то и рознь такая между нами и народомъ. Оттого-то мы и страдаемъ, дорогой милордъ, хотя и бываемъ въ служебные часы спартанцами. Но развѣ слѣдуетъ наши пороки прививать народу? Что дѣлать, на насъ выпала тяжелая доля испытать всѣ болѣзни цивилизаціи... но зачѣмъ-же желать того-же и народу... Вы думаете и намъ не тяжело наше историческое призваніе?...

Онъ хотѣлъ-было объяснить далѣе свое историческое призваніе въ качествѣ столоначальника, но ему, въ самомъ дѣлѣ, было тяжело. Полный, тучный, онъ дышалъ съ трудомъ, какъ-бы наглядно доказывая, къ какимъ гибельнымъ результатамъ ведетъ право не только наѣдаться, но даже объѣдаться.

— Такъ пусть, закончилъ онъ, откашлявшись,—простолюдины не походятъ на насъ... Пусть они въ потѣ лица снискиваютъ хлѣбъ свой... По-крайней-мѣрѣ, они останутся въ чистотѣ и у дѣтей народа не будетъ такого дьявольскаго катарра.— Утромъ я, милордъ, очень позавтракалъ у Пивато и вотъ видите-ли... къ чему ведетъ эта Европа!... улыбнулся онъ, пожимая мнѣ руку.—Кстати, закончилъ онъ, садясь въ карету,—заверните ко мнѣ, я познакомя васъ съ моимъ проектомъ, въ которомъ я добросовѣстно разсмотрѣлъ и перечислилъ пищу, которая необходима для полного благоденствія нашего отечества. Меню, правда, не большое, но... вѣдь не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ!—

Однако я, Дженни, отвлекся отъ предмета моего письма. Я

объясалъ перечислить тебѣ проекты мѣръ, предложенныя русской печатью, а пока сообщилъ лишь о конфискаціи домовъ. Впереди еще «товарищество взаимнаго наблюденія», «общество вольныхъ полисменовъ» и, наконецъ, проекты воспитанія. Слѣдующее письмо я специально посвящу изложенію вышеизложенныхъ мѣръ, а теперь обращаю твое вниманіе на митингъ, бывшій здѣсь по случаю пріѣзда въ Петербургъ достопочтеннаго московскаго проповѣдника, г. Аксакова.

Начать съ того, что сперва никто не вѣрилъ, чтобы этотъ джентльменъ рѣшился пріѣхать въ Петербургъ, столь ему ненавистный. Говорили, что Петербургъ издавна производилъ на него такое убійственное впечатлѣніе, что онъ далъ клятву никогда не переступать границу его владѣній. Такое мнѣніе подтверждалось и тѣми проклятіями, которыми осыпалъ московскій проповѣдникъ въ своихъ посланіяхъ этотъ «подлый» городъ; однако, газеты сообщили, что несмотря на ненависть къ «созданію Петра», г. Аксаковъ пріѣдетъ и соберетъ митингъ, на которомъ окончательно предастъ анафемѣ ненавистный ему городъ. На этотъ разъ, противъ обыкновенія, репортеры сообщили правду и въ одинъ прекрасный день знаменитый пророкъ (такимъ, Дженни, онъ считается въ Москвѣ) очутился въ Петербургъ, воспользовавшись, однако, изобрѣтеніемъ гнилого Запада—желѣзной дорогой...

Встрѣча его, говорятъ, была торжественная *). Если на этотъ только разъ повѣрить рассказамъ джентльмена, бѣгавшаго на желѣзную дорогу за свѣденіями, то при вѣздѣ въ столицу, московскаго проповѣдника встрѣтили его петербургскіе поклонники (и въ Петербургѣ есть Москва, Дженни, и даже не мало Москвы) и поднесли ему при встрѣчѣ: калачъ, жбанъ квасу, жаренаго поросенка, плетку, метлу и серебрянный топорикъ **) какъ символы, имѣющее особенное значеніе и какъ-бы желавшіе напомнить періодъ русской исторіи, когда существовали рынды и опричники (такъ назывались, Дженни, особенные «рыцари»). Многіе члены славянскаго комитета привѣтствовали почтеннаго проповѣдника въ прозѣ и стихахъ, и когда привѣтствія были окончены, то достопочтеннаго гостя, одѣтаго не въ обыкновенный костюмъ, а въ одѣяніе бояръ XVII столѣтія, въ длинномъ кафтанѣ, поверхъ котораго надѣта была соболья шуба, въ вы-

*) О торжественной встрѣчѣ газеты ничего не сообщали.

Прим. переводчика.

**) Очевидно почтеннаго лорда ввелъ въ заблужденіе какой-нибудь репортеръ.

Прим. переводчика

сокой шапкѣ и сафьяныхъ, шитыхъ золотомъ, сапогахъ, — подъ руки повели въ приготовленное для него помѣщеніе. Къ сожалѣнію, я самъ не видалъ этой процессіи и потому всѣ эти свѣденія передаю, снимая съ себя всякую отвѣтственность, несмотря на влаты и біеніе въ грудь джентльмена, утверждавшаго, что онъ самъ придерживалъ одною рукой широкій рукавъ пріѣзжаго гостя. Такъ это или не такъ, утверждать по совѣсти не смѣю, но могу только утвердительно сказать, что на митингѣ я видѣлъ проповѣдника въ обыкновенномъ общеевропейскомъ платьѣ.

Тамъ собралось довольно публики и когда на эстрадѣ появился плотный, видный, высокій джентльменъ съ черными, мѣстами посѣдѣвшими, волосами, то публика заплодировала.

Онъ заговорилъ, сперва нерѣшительно, робко, но затѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе. Сколько я могу судить, ораторскіе способности почтеннаго оратора довольно слабы, его рѣчь была проникнута мистическимъ характеромъ и, кромѣ того, въ ней замѣтна была, по моему мнѣнію, расплывчатость, неопредѣленность и неясность мысли. Она призывала къ вѣрѣ, но не отличалась доказательностью; впрочемъ, въ качествѣ проповѣдника онъ едва-ли и могъ иначе говорить. На меня, англичанина, привыкшаго къ манерѣ нашихъ ораторовъ выражаться точно, опредѣленно, ставить вопросы съ ясностью и выражать желанія, не давая мѣсто недоразумѣніямъ, рѣчь московскаго проповѣдника произвела странное впечатлѣніе. Слушая его я вспомнилъ, какъ, однажды, въ Лондонѣ я слышалъ рѣчь одного тронутаго джентльмена — мистика проповѣдника, призывавшаго людей къ умерщвленію плоти. Что-то похожее было и въ тонѣ достопочтеннаго сэра Аксакова...

Рѣчь, однако, произвела впечатлѣніе и оратору очень много аплодировали.

Я вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ русскимъ и онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Каковы русскіе ораторы, милордъ! повторялъ онъ. — Каковы! И какъ онъ говорилъ, какъ говорилъ!..

Я не посмѣлъ, конечно, нарушить впечатлѣнія моего знакомаго, но тутъ невольно вспомнилъ, какъ этотъ-же самый джентльменъ сходилъ съума отъ извѣстной рѣчи Достоевскаго въ Москвѣ, а черезъ три дня мнѣ говорилъ:

— И чѣмъ я, милордъ, восхищался—самъ не знаю... Какой то сумбуръ напелъ на меня. Тогда казалось будто-бы и въ самомъ дѣлѣ, а теперь...

И онъ принялся бранить рѣчь Достоевскаго съ тѣмъ-же усердіемъ, съ которымъ прежде хвалилъ.—Удивительно увлекающіеся эти милые и добродушные русскіе, Дженни!

Разсчитывая въ будущихъ письмахъ перечислить проекты, появившіеся въ печати, я въ заключеніе упомяну, Дженни, о частныхъ попыткахъ, которые, по всей вѣроятности и подали мысль объ устройствѣ предпріятія. Такихъ попытокъ привести результатъ наблюденій въ окончательную форму, было не мало въ послѣднее время и въ печати, и въ жизни. Нѣкоторые органы (напримѣръ, «Моск. Вѣд.») ежедневно посылаютъ по адресу своихъ противниковъ обвиненія, но такъ-какъ названная газета слишкомъ часто прибѣгаетъ къ подобнымъ приемамъ, то ея обвиненія въ «измѣнѣ» стали общимъ мѣстомъ. Нѣкоторую сенсацію произвело, правда, заявленіе той-же газеты, объ отмѣнѣ формъ правосудія, но поговорили и забыли, къ огорченію знаменитаго публициста. Нѣтъ сомнѣнія, что время требуетъ публицистовъ болѣе душевныхъ и теплыхъ и доктрины не бьющей въ глаза духомъ семнадцатаго столѣтія.

Изъ частныхъ попытокъ меня заинтересовала, между прочими, слѣдующая опубликованная въ газетахъ, именно въ «Саратовскомъ Дневникѣ». Она, по моему мнѣнію, характерна по наивному колориту, который такъ свойственъ провинціальной русской жизни. Дѣло въ томъ, что одинъ сельскій учитель молить (замѣть, не требуетъ и не просить, а молить) защитить его противъ мѣстнаго дьячка и пишетъ слѣдующее:

«Онъ (дьячокъ) вздумалъ заявить себя патриотомъ и донесъ исправнику о моей, будто-бы, политической неблагонадежности. Дѣло начато и начато въ горестное для всѣхъ время. Поэтому, несмотря на ложный и неосновательный доносъ, меня пугаетъ перспектива нужды и горя, человѣка, лишенаго должности, человѣка, трудами котораго существуетъ семья, состоящая изъ семи человѣкъ. Я узналъ во-время о доносѣ и, будучи совершенно правымъ, принялъ мѣры самозащиты: обратился съ ходатайствомъ къ исправнику и товарищу оберпрокурора о скорѣйшемъ начатіи дѣла, объ оставленіи меня на должности и о предоставленіи мнѣ права преслѣдовать дьячка за ложный доносъ. Теперь обращаюсь печатно къ моему непосредственному начальству съ тѣмъ-же ходатайствомъ: оставить меня на должности учителя.»

Это трогательное моленіе скромнаго учителя, обременнаго семьей, которое по всей вѣроятности, не останется неразслѣдованнымъ, какъ-бы подтверждаетъ, что частныя попытки (ты

помнишь дѣло Булюбаша и прочихъ), при добрыхъ намѣреніяхъ очень часто могутъ не принести пользы.

Цѣлуя тебя и милую Клару, прошу васъ не беспокоиться обо мнѣ. Твой Джонни, знатный иностранецъ.

Съ подиннымъ вѣрно:

Откровенный Писатель.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

- Васюта. Повѣсть. . . . . *Ардова.*
- Спартакъ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Глава XIV) . . . . . *Рафаэля Джіованіоли.*
- Вымирающія общины дальняго востока. . . . . *П. Су—скаго.*
- Новый. Изъ хроники южно-русскаго села. (Окончаніе). . . . . *И. Н. Потапенко.*
- Капитанъ Бурль. Разсказъ. . . . . *Эмиля Золя.*
- О нервныхъ дѣтяхъ. . . . . *В. Чернова.*
- Загора. Разсказъ. . . . . *Н. Наумова.*
- Сельская община. Романъ. (Часть вторая. Главы I—VIII). . . . . *Уйда.*
- Разсвѣтъ. Стихотвореніе. . . . . *П. Я.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Новые типы „забитыхъ людей“ .
(Статья третья). . . . . *Ф. Б—а.*
- Новыя книги.
- Жизнь и печать. (Литературная хроника). . . . . *И. Колызова.*
- Наши способы обезпеченія народнаго продовольствія. . . . . *К. Н. В.*
- Внутреннее обозрѣніе. . . . . *Н. Ш.*
- Политическая и общественная хроника . . . . . *Ж—на.*
- Картинки общественной жизни „Письма знатныхъ иностранцевъ“ . . . . . *Откровеннаго Писателя.*

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. съ приложеніемъ „Военной гигиены“ д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моритеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологии. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Биографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Ипполита Ньево. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб.; съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 коп.; съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественнаго интереса. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американна. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и разсказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Н. Потѣхина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки, разсказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „Дѣло“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки.)

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1881 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за поправку и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 „ — .
Съ пересылкою иногороднымъ	17 „ —
„ за-границу, во всѣ госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 „ —

Для слушающихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначенъ.

Издатели: насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА. Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 584